

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Лаборатория «Византийский Крым»

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Byzantine Crimea Laboratory

ТРУДЫ МАНГУПСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ **ТОМ I**

В. Е. Науменко, А. Г. Герцен, А. А. Душенко

**ДВОРЦОВЫЙ КОМПЛЕКС
МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА:
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ,
СТРАТИГРАФИЯ,
ХРОНОЛОГИЯ**

PROCEEDINGS OF MANGUP
ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION **VOLUME I**

V. E. Naumenko, A. G. Gertsen, A. A. Dushenko

**PALACE COMPLEX
OF THE MANGUP FORTRESS:
HISTORY OF STUDY,
STRATIGRAPHY,
CHRONOLOGY**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТИПОГРАФИЯ

АНТИКВА

Симферополь
Simferopol
2023

УДК 902.2 (477.75)

ББК 63.4 (2)

НЗ4

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках мегагранта № 075-15-2022-1119 «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму»

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма
(протокол № 3 от 10.10.2023)

Серия основана в 2023 году

Редакционный совет:

А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, А. А. Душенко

Ответственный редактор тома:

кандидат исторических наук **В. Е. Науменко**

Рецензенты:

А. И. Айбабин, д-р ист. наук, профессор (КФУ им. В. И. Вернадского)

В. В. Майко, д-р ист. наук (Институт археологии Крыма РАН)

Э. А. Хайрединова, канд. ист. наук (Институт археологии Крыма РАН)

Науменко, Валерий Евгеньевич.

НЗ4 Дворцовый комплекс Мангупского городища: история изучения, стратиграфия, хронология : [монография] / В. Е. Науменко, А. Г. Герцен, А. А. Душенко. — Симферополь : ООО «Антиква», 2023. — 500 с. : ил. — (Труды Мангупской археологической экспедиции. Том 1).

ISBN 978-5-6050389-7-9

Монография посвящена общим результатам археологических исследований дворцового комплекса 1425–1475 гг., расположенного в центральной части Мангупского городища в Юго-Западном Крыму. В ходе его изучения, проводившегося в 2006–2010, 2014–2021 гг. на широкой площади, с полным исследованием всех выявленных архитектурных объектов, в стратиграфии памятника выявлены строительные горизонты додворцового, дворцового и постдворцового времени. В работе представлены очерк истории изучения памятника, анализ особенностей стратиграфической ситуации, зафиксированной на разных участках его раскопок, и наиболее показательные археологические комплексы, характеризующие материальную культуру жителей Мангупской крепости в ранневизантийский (середина VI — VIII в.), фемный (середина IX — XI в.), золотоордынский (конец XIII — XIV в.), феодоритский (ок. 1400–1475 гг.) и османский (ок. 1475–1774 гг.) периоды ее истории.

УДК 902.2 (477.75)

ББК 63.4 (2)

ISBN 978-5-6050389-7-9

© Лаборатория «Византийский Крым»

КФУ им. В. И. Вернадского, 2023

© Авторы, текст, иллюстрации, 2023

© Оформление (оригинал-макет),

ООО «Антиква», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакторов серии _____	5
Введение _____	7
ГЛАВА 1	
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МАНГУПСКОГО ДВОРЦА _____	10
1.1. О причинах отсутствия описания Мангупского княжеского дворца в средневековых письменных источниках _____	10
1.2. Раскопки Р. Х. Лепера (1912–1914 гг.) _____	12
1.3. Раскопки А. Л. Якобсона (1938 г.) _____	16
1.4. Раскопки Е. Г. Сурова (1968 г.) _____	19
1.5. Раскопки Е. В. Веймарна (1974 г.) _____	21
1.6. Раскопки А. Г. Герцена (2006–2010, 2014–2021 гг.) _____	26
ГЛАВА 2	
СТРАТИГРАФИЯ УЧАСТКА ИССЛЕДОВАНИЙ _____	67
2.1. Западный участок _____	68
2.2. Северный участок _____	72
2.2. Центральный и Восточный участки _____	73
2.4. Южный участок _____	76
2.5. Юго-Западный участок _____	79
2.6. Синхронизация стратиграфической ситуации на различных участках исследований памятника _____	80

ГЛАВА 3

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ

НА УЧАСТКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОПОРНЫЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ _____ 143

3.1. Ранневизантийская застройка
на месте дворцового комплекса _____ **143**

3.2. Застройка фемного периода _____ **163**

3.3. Золотоордынские
строительные комплексы _____ **185**

3.4. Резиденция правителей
княжества Феодоро (1425–1475 гг.) _____ **199**

3.5. Строительный ярус
османского периода _____ **226**

Заключение

*Хронология застройки додворцового,
дворцового и постдворцового времени
на месте Мангупского*

*княжеского дворца _____ **463***

Summary _____ 467

Приложение А _____ 472

Приложение Б _____ 479

Список источников
и использованной литературы _____ **485**

Список сокращений _____ **498**

Сведения об авторах _____ **499**

ОТ РЕДАКТОРОВ СЕРИИ

Мангупское городище, расположенное на вершине изолированного горного плато, является крупнейшей средневековой крепостью на территории Крымского полуострова (рис. 1-2). Его изучение имеет исключительное значение для понимания практически всех важных событий политической и этнокультурной истории региона в эпоху поздней античности и в средние века. Прежде всего, потому, что Мангуп надежно отождествляется с целым рядом упоминаемых в письменных источниках крупных политических центров Горного Крыма в это время – крепостью Дорос, главным укрепленным поселением Крымской Готии в эпоху раннего средневековья, городом (крепостью) Феодоро, столицей одноименного княжества в XV в., и собственно Мангупской крепостью, центром одного из кадылыков османской провинции Кефе в 1475-1774 гг. К тому же городище является редким примером сосредоточения на одной территории многочисленных (более 50) разноплановых и разновременных (от III до XVIII вв.) археологических объектов, что позволяет рассматривать его одновременно в качестве предмета исследований нескольких направлений археологической науки, в первую очередь, византийской и османской археологии.

Археологические исследования Мангупского городища продолжаются уже более 150 лет. Они были начаты в середине XIX в. графом А. С. Уваровым и затем продолжены приват-доцентом Санкт-Петербургского университета Ф. А. Брауном в 1890 г., директором Херсонесского музея Р. Х. Лепером в 1912-1914 гг., совместной экспедицией ИИМК АН СССР и Севастопольского музейного объединения в 1938 г. С 1967 г., после образования Мангупской археологической экспедиции Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе (ныне – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»), наступает, по сути, современный этап изучения Мангупа, характеризующийся систематичным характером исследований, ориентированных в целом на реконструкцию исторической топографии крепости в различные периоды ее истории [подробнее: Герцен, 2008а; 2008б; Герцен, Науменко, 2019].

Благодаря масштабным раскопкам последних десятилетий удалось решить ряд ключевых вопросов истории и археологии Мангупа-Дороса-Феодоро. Во-первых, установить точную дату строительства крепости в правление императора Юстиниана I (527-565), скорее всего, в период 550-565 гг. [Науменко, Герцен, 2022а; Науменко, 2023а], и сформировать концепцию византийского характера ее материальной культуры на протяжении значительной части истории, во-вторых, разработать объективную периодизацию истории городища, которая ныне включает семь основных этапов – докрепостной (позднеримский, конца III – середины VI вв.), ранневизантийский (середины VI – конца VIII вв.), хазарский (конца VIII – середины IX вв.), фемный (середины IX – середины XI вв.), золотоордынский (конца XIII-XIV вв.), феодоритский (около 1400-1475 г.) и османский (около 1475-1774 гг.) [Герцен 2003а; Герцен, Науменко 2015; 2016а; Науменко, 2020а]. Результаты этих исследований в общем виде хорошо известны в научной литературе, о чем свидетельствует значительный список публикаций по истории и археологии Мангупа (более 200), включающий ряд монографий [Герцен, 1990; Герцен, Могаичев, 1996; Wetmann und andere, 2013; Maczyńska und andere, 2016; Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017]. Тем не менее, с учетом накопленного в ходе раскопок массива материальных источников максимально полное их издание по-прежнему остается наиболее важной задачей, стоящей перед исследователями памятника.

Анализируя библиографию работ, посвященных изучению Мангупского городища и сконцентрированных в основном на наиболее показательных археоло-

гических комплексах и находках, следует обратить внимание на то, что за ее пределами все еще остаются полные результаты раскопок многих крупных архитектурно-археологических памятников на территории и в ближайшей округе Мангупского плато, исследованных на широкой площади, с культурным слоем, насыщенным массовым археологическим материалом. Безусловно, введение в научный оборот таких объектов является на практике чрезвычайно трудной задачей, прежде всего, ввиду большого объема аналитической подготовительной работы и значительного ряда необходимого иллюстративного материала. Ее невозможно решить, идя по простому пути увеличения количества научных статей, не дающих все-таки целостного представления о памятнике, или публикации научных отчетов о раскопках, так как последние также слишком объемны и, как правило, содержат лишь самую предварительную интерпретацию итогов исследований. Наиболее оптимальным форматом для такой работы является подготовка к публикации многотомной серии монографий, каждая из которых, с одной стороны, посвящена отдельному крупному архитектурно-археологическому комплексу или группе таковых, а, с другой стороны, объединена общей с другими изданиями из серии тематикой, в данном случае проблемами истории и археологии Мангупа.

Задуманная нами серия научных монографий имеет общее название «Труды Мангупской археологической экспедиции», что подчеркивает главную цель проекта – максимально полное введение в научный оборот результатов раскопок крупных археологических памятников Мангупской крепости, начиная с момента образования университетской экспедиции в 1967 г. (рис. 3). К числу наиболее важных из них относятся исследования жилой застройки Мангупской цитадели на мысе Тешкли-бурун (раскопки 1970-1971, 1975-1981, 1990-2005 гг.), участка раннесредневековой застройки в Лагерной балке (1977-1978, 1990-1997, 2007-2008 гг.), жилого квартала церкви св. Константина (1992-1994, 1997-2005), синагоги и жилого квартала в верховьях ущелья Табана-дере (1997, 2005-2006, 2009-2013 гг.), дворца правителей княжества Феодоро (2006-2010, 2014-2021 гг.), а также многочисленных христианских храмово-погребальных комплексов, оборонительных сооружений, производственных центров и раннесредневековых грунтовых некрополей на территории и в ближайшей округе Мангупского плато, изучение которых в разные годы проводилось сотрудниками экспедиции.

Серию монографий открывают материалы раскопок расположенного в центральной части Мангупского плато княжеского дворца 1425-1475 гг., проводившихся в течении 13 полевых сезонов в 2006-2010, 2014-2021 гг. В первый том этих материалов вошли разделы, посвященные максимально полной, с привлечением малоизвестных архивных документов, истории изучения памятника, подробному анализу выявленной на площади раскопа стратиграфической ситуации и характеристике опорных для установления датировки всех открытых здесь строительных горизонтов додворцового, дворцового и постдворцового времени археологических комплексов находок. В дальнейшем в виде отдельных томов серии планируется издать результаты всестороннего изучения нумизматической коллекции из этих раскопок, архитектурной композиции и планировки резиденции правителей княжества Феодоро в 1425-1475 гг., керамического комплекса и предметов группы «small finds». Только в таком виде можно надеяться на полное введение в научный оборот материалов исследований этого уникального для средневековой археологии Крыма памятника.

Редакционный совет серии «Труды Мангупской археологической экспедиции» открыт для обоснованной критики результатов своего проекта и надеется, что его успешная реализация будет иметь важное значение для понимания значения Мангупского городища в истории и археологии Восточной Европы и Причерноморского региона в эпоху средневековья.

ВВЕДЕНИЕ

Монография посвящена общим итогам раскопок дворца правителей княжества Феодоро Мангупского городища, проводившихся в 2006-2010, 2014-2021 гг. Мангупской археологической экспедицией Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (руководитель – А. Г. Герцен). На заключительном этапе работ они финансировались двумя грантовыми проектами Российского фонда фундаментальных исследований – «Историко-археологические исследования княжеского дворца Мангупского городища в 2018 г.: восточный участок дворцового комплекса» (2018 г., проект № 17-49-92019, руководитель – В. Е. Науменко) и «Дворцовый комплекс Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника» (2019-2021 гг., проект №19-09-00124, руководитель – А. Г. Герцен). Текст монографии подготовлен при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (мегагрант № 075-15-2022-1119).

Княжеский дворец Мангупского городища расположен в центральной части обширного Мангупского плато, приблизительно в 300 м к юго-востоку от Большой трехнефной базилики, кафедрального храма Готской епархии (с конца XIII в. – Готской митрополии), и примерно на таком же расстоянии к западу от источника воды в верховьях балки Гамам-дере (рис. 4-5). До начала исследований территория дворцового комплекса общей площадью почти 2900 кв. м, сориентированного почти строго по оси север-юг, с незначительным отклонением к западу, была покрыта густой лесной растительностью, в то время как окружающая местность и сейчас представляет собой обычный для горных плато Крыма лесостепной ландшафт с отдельными группами деревьев и высокорослых кустарников, практически не имеющих внешних признаков скрытых здесь археологических объектов. В направлении с юга на север перепад высот в пределах раскопа составляет почти 10,00 м, в направлении с запада на восток – не более 1,00-2,00 м (рис. 6).

Мангупский дворец является единственным сохранившимся примером средневекового дворцового зодчества в Крыму, что подчеркивает уникальный характер данного археологического объекта и неординарный характер проведенных на нем исследований. Его масштабность, узкая дата функционирования, наличие нескольких строительных периодов, в том числе застройки непосредственно предшествующей возведению дворцового комплекса, превращает памятник в эталонный архитектурно-археологический объект, особенно при изучении истории полуострова в XIV-XV вв. Однако, для Мангупа его исследования имеют также исключительное значение в связи с использованием данного участка Мангупского плато на протяжении почти всей истории городища, от ранневизантийского до османского времени. Таким образом, дворец принадлежит к числу немногих археологических объектов, в стратиграфии которых представлены материальные свидетельства всех основных периодов истории городища.

В отличие от других крупных архитектурно-топографических доминант Мангупа, дворец совершенно не упоминается авторами средневекового и Нового времени, и вся имеющаяся информация о нем связана с резуль-

татами его раскопок. В течение XX в. неоднократно предпринимались попытки археологического изучения памятника, однако, лишь в ходе работ 2006-2021 гг. удалось их полностью завершить. К числу наиболее важных результатов этих раскопок следует отнести заключение об относительно узкой хронологии (в пределах 1425-1475 гг.) собственно дворцового ансамбля – резиденции правителей княжества Феодоро на Мангупе, и новую концепцию композиционно-планировочного решения дворца, который ныне реконструируется как многофункциональный, иррегулярный в плане комплекс, ограниченный на местности трассами улиц и открытым пространством с востока, а не крепостными стенами, как представлялось ранее. Еще одним принципиально важным итогом новейшего этапа исследований памятника стало открытие в его стратиграфии нескольких ярусов застройки додворцового и постдворцового времени, что указывает, как уже говорилось, на использование данного участка Мангупского плато на протяжении практически всей истории городища и создает совершенно новые возможности для изучения эволюции его исторической топографии.

В ходе раскопок был сформирован значительный массив материальных источников, необходимый для решения многих вопросов истории и археологии Мангупского дворца. Полностью исследованы 19 крупных архитектурно-археологических объектов, составлявших композицию дворцового ансамбля – помещения А, В, С, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, «южная дворцовая площадь», «южная дворцовая улица», 1-я и 2-я «западные дворцовые улицы», «западный двор», а также руины многочисленных разновременных объектов, представленных фрагментами 131 кладки от отдельных построек и сооружений, 87 хозяйственными ямами, рядом скальных сооружений. Сводная опись находок за все годы исследований насчитывает около 20 тысяч полевых и 5,5 тысяч коллекционных номеров, переданных на хранение в фонды Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, в том числе уникальную для памятников Горного Крыма коллекцию монет (более 1000 единиц), характеризующую особенности монетного обращения в регионе от позднееримского времени до конца XVIII в.

Безусловно, такой объем информации невозможно полноценно представить в рамках одного монографического издания. Поэтому нами было принято решение о многотомном характере публикации материалов раскопок Мангупского дворца. В первый том этих материалов вошли лишь самые общие результаты исследований, посвященные истории изучения памятника, выявленной стратиграфической ситуации и характеристике наиболее показательных археологических комплексов находок для установления хронологии разновременной застройки на участке исследований. Анализ композиционно-планировочного решения резиденции правителей княжества Феодоро на Мангупе в XV в. и итоги изучения различных групп вещественных находок из раскопок памятника планируется издать в последующих томах серии «Труды Мангупской археологической экспедиции».

Представленные ниже материалы изучения одного из знаковых для Мангупа памятника являются результатом напряженного труда большого количества людей, принимавших участие в его исследованиях – студентов и аспирантов исторического факультета КФУ им. В. И. Вернадского, волонтеров и сотрудников многих российских и зарубежных научно-образовательных центров. Особая признательность многолетним сотрудникам Мангупской экспедиции, для которых, вне зависимости от рода нынешних и будущих занятий, раскопки дворца стали важной частью их человеческой биографии – С. А. Голеву, Ю. А. Захарьевой (Березиной), С. Ш. Ибрагимовой, В. В. Калиновскому, К. М. Карашайски, В. А. Колгановой, И. Е. Коржовой, В. В. Кравченко, В. В. Лаврову, А. Д. Меметовой, А. Р. Муратову, Р. В. Науменко, М. В. Немты-

реву, С. А. Новикову, О. С. Павлову, Д. А. Петровой, А. В. Скрипник, С. В. Суховершину, Р. Р. Ткаченко, С. А. Цапко, Х. Б. Чегеру, В. А. Чемесу и многим другим. Авторы монографии благодарны большому коллективу научных работников, принимавших участие в подготовке отчетов о раскопках дворца в период его изучения – Д. В. Иोजице (Корзюк) и Л. П. Щусь, за качественные архитектурные обмеры, А. Ю. Земляковой, Н. В. Корзюк, И. Ю. Петровой, за помощь в составлении описей находок и их графическую фиксацию, д.б.н. Г. А. Пашкевич, к.и.н. О. П. Журавлеву (1949-2021), к.б.н. Е. Ю. Яниш, за определение археозоологического и палеоботанического материала, к.и.н. Н. А. Алексеенко, д.ф.н. А. Ю. Виноградову, к.и.н. М. М. Чорефу, А. В. Якушечкину, за атрибуцию нумизматических, эпиграфических и сфрагистических находок. Отдельные слова благодарности Н. М. Якубову, постоянному водителю экспедиции, жителю с. Холмовка Бахчисарайского района Республики Крым, за профессионализм и терпение, О. Н. Алпашкиной, к.и.н. Т. А. Прохоровой, к.и.н. А. Г. Фурасьеву, Н. Н. Чемодурову – за возможность работы с архивными документами и фондовыми коллекциями из раскопок Мангупского дворца в 1912-1913, 1938, 1968 и 1974 гг., которые хранятся сейчас в Бахчисарайском и Херсонесском музеях-заповедниках, Государственном Эрмитаже (г. С-Петербург), Институте археологии Крыма РАН (г. Симферополь).

Выражаем также признательность руководству Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского за помощь в организации и проведении археологических экспедиций в период раскопок дворца, сотрудникам кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета и лаборатории «Византийский Крым» университета за всемерную поддержку при подготовке текста монографии, всем друзьям и коллегам за высказанные порой критические замечания в отношении содержания научных докладов и публикаций предварительных результатов исследования памятника, которые позволили нам в итоге обратить внимание на многие упущенные или оставшиеся не ясными в ходе полевых работ важные исторические детали.

Отдельная благодарность многолетним сотрудникам экспедиции – В. К. Ганцеву и А. И. Набокову, за работу на памятнике и подготовку иллюстраций к монографии.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МАНГУПСКОГО ДВОРЦА

Ввиду отсутствия каких-либо сведений письменных источников о дворцовом комплексе Мангупского городища, вся информация о нем связана исключительно с результатами проведенных археологических исследований. Таким образом, история изучения памятника включает пять основных этапов, каждый из которых отмечен его раскопками в 1912-1914 гг. (Р. Х. Лепер), 1938 г. (А. Л. Якобсон), 1968 г. (Е. Г. Суров), 1974 г. (Е. В. Веймарн) и 2006-2001, 2014-2021 гг. (А. Г. Герцен). Также нужно отметить, что в процессе подготовки монографии нами был использован весь имеющийся фонд документальных и вещественных источников, хранящихся в научных архивах и музеях Российской Федерации, в том числе неизвестных ранее, что заставляет существенно пересмотреть уже опубликованные историографические обзоры по истории изучения дворца [наиболее подробный из них см.: Герцен, Науменко, 2010, с. 388-396], внося в них местами серьезные дополнения и уточнения.

1.1. О причинах отсутствия описания Мангупского княжеского дворца в средневековых письменных источниках

В отличие от других архитектурно-топографических доминант Мангупского городища – цитадели на мысе Тешкли-бурун, Большой ба-

зилики, синагоги-кенассы, церкви св. Георгия и церкви св. Константина (рис. 3), дворец совершенно не упоминается средневековыми авторами и путешественниками Нового времени, что создает определенные трудности в его изучении. Однако, с учетом имеющегося корпуса письменных источников, среди которых отсутствует пространное описание топографии Мангупской крепости для феодоритского периода (около 1400-1475 гг.), но в то же время есть такого рода «путеводители» по территории городища для более раннего и более позднего времени (сочинения иеромонаха Матфея, Мартина Броневского и Эвлия Челеби), эта ситуация, на наш взгляд, выглядит не случайной и хорошо коррелируется с результатами новейших раскопок памятника. Позволим остановиться на этом вопросе подробнее.

Наиболее ранним из сохранившихся пространных средневековых топографических описаний Мангупа является поэма «Рассказ о городе Феодоро», написанная около 1395 г. иеромонахом Матфеем, экзархом константинопольского патриарха Антония IV (1389-1397) в Ялите (Ялте). Текст источника был издан впервые С. Меркати еще в 1927 г. [Mercati, 1970, р. 392-396] и уже использовался применительно к истории городища в фундаментальной монографии А. А. Васильева [Vasiliev, 1936, р. 188-192]. Недавняя его републикация выполнена Х. -Ф. Байером [Байер, 2001, с. 286-309], обсто-

ятельные комментарии к ней и реконструкция маршрута Матфея по Горному Крыму и территории Мангупского городища – А. Г. Герценом, одним из авторов настоящей монографии [Герцен, 2001; 2003б].

Исторический контекст пребывания Матфея в разрушенной и оставленной жителями Мангупской крепости остается до конца не ясным. Единственным несомненным фактом, который следует из содержания источника, написанного автором вскоре после посещения памятника, является признание случившейся здесь крупной военной катастрофы, следы которой иеромонах наблюдал повсеместно. С учетом хронологии миссии Матфея в Крым (около 1395 г.) и упоминания в поэме «агарян» (то есть мусульман в самом широком смысле), захвативших крепость после длительной осады, есть основания рассматривать, вслед за А. А. Васильевым [Vasiliev, 1936, p. 188-192], происходившие в это время на Мангупе события в контексте известного военного противостояния Тимура-Тамерлана и золотоордынского хана Тохтамыша (1376-1395) в Приазовье и на Крымском полуострове в начале 90-х гг. XIV в., которое, вероятно, затронуло и юго-западную часть Таврики.

Следует сказать, что в современной историографии эта гипотеза А. А. Васильева подвергается постоянной критике. Как «историографический конфуз» ее неизменно рассматривает В. Л. Мыц [Мыц, 2009, с. 45-63; 2021, с. 99-121; 2023, с. 263-292] и некоторые другие авторы [Громенко, 2015, с. 43-50]. Однако, главный «археологический» контраргумент наших оппонентов – отсутствие на ряде крупных средневековых городищ Крыма (в Херсоне, Солхате, на Мангупе) хорошо выраженного «слоя пожара 1395 г.», представляется поспешным, по крайней мере, до публикации основных результатов многолетних раскопок указанных памятников. Да и может ли он являться единственным при оценке рубежного характера этих событий для истории такого крупного археологического объекта как Мангупское городище, если обратить внимание хотя бы на принципиальные изменения в его планировке на рубеже XIV-XV вв. на примере сакральной топографии памятника? [Науменко, Герцен, Иोजица, 2021, с. 265-267]. На наш взгляд, нет. Также следует признать бездоказательным предположение Т. Ф. Хайдарова рассматривать сообщение Матфея о событиях на Мангупе как византийскую традицию при описании эпидемии «Черной смерти» (очевидно, ав-

тор имеет ввиду пандемию 1347-1348 гг.), на что указывают якобы многочисленные погибшие на улицах города [Хайдаров, 2018, с. 34]. Для таких заключений необходимо иметь хотя бы какие-то материальные основания, лучше всего, результаты археологических или антропологических исследований. Однако, их также пока нет.

В контексте изучения исторической топографии Мангупа XIV в. поэма Матфея по-прежнему остается наиболее выразительной и точной иллюстрацией, а в чем-то и своеобразным путеводителем по городищу для своего времени. Анализируя ее содержание, необходимо отметить общую узнаваемость местности, особенно в сюжетах, посвященных изолированному положению Мангупского плато, особенностям оборонительной системы крепости, состоящей из отдельных укреплений (клисур), трассе подъездной дороги и главным городским воротам, равнинному рельефу плато с четырьмя мысами, мощными источниками воды и многочисленными пещерными сооружениями [Герцен, 2003б, с. 565-658, 572-573].

Безусловно, художественная форма сочинения Матфея, написанного к тому же в жанре монодии, лишила нас детальной топографической привязки и возможности территориальной идентификации упоминаемых в тексте дворцов, жилых кварталов, храмов и некрополей городища. Тем не менее, это наблюдение о скромных возможностях «Рассказа о городе Феодоро» для детальной реконструкции топографической ситуации на Мангупе не должно лишать поэму статуса важнейшего источника по истории городища накануне формирования самостоятельного княжества Феодоро. Главным, что следует из его содержания, является наделение Мангупа XIV в. всеми признаками поселения городского типа, топографическими доминантами которого выступают крепостные стены, крупные общественные постройки («дворцы»), регулярная жилая застройка и храмовые комплексы с городскими некрополями. В этом смысле Мангупское городище, описанное Матфеем, и Мангуп периода расцвета княжества Феодоро (около 1425-1475 гг.), хорошо известный нам по данным современной археологии, мало чем отличаются между собой. Для обоих исторических периодов это крупное городское поселение с хорошо выраженной эшелонированной оборонительной системой, плотной застройкой и ясными архитектурно-топографическими ориентирами на местности [подробнее см.: Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 12-13].

Постепенно информация о «городе Матфея» на Мангупе в XIV в. находит материальное подтверждение в ходе продолжающихся раскопок на городище, что еще более усиливает наше доверие к сведениям источника [Науменко, 2020а, с. 235-245; Иожица, 2022]. Однако, среди упоминаемых в нем трижды «дворцов» (παλάτια) в крепости – при описании ее акрополя, очевидно, цитадели на мысе Тешкли-бурун, Северо-Восточного пещерного монастыря на оконечности этого же мыса и в выдуманном автором поэмы диалоге Чужеземца и Города [Байер, 2001, с. 297, 301], нет ни одного, который мог быть отождествлен с интересующим нас княжеским дворцом в центральной части Мангупского плато. Несомненно, это свидетельствует о том, что будущая резиденция правителей княжества Феодоро для периода 1425-1475 гг. во время посещения Матфеем крепости, как крупный архитектурный комплекс, доминирующий на местности, еще просто не существовала. На его территории, как показывают новейшие раскопки памятника, функционировал обычный городской квартал, не выделявшийся из общей картины руин жилой застройки в этой части городища.

Два других сохранившихся средневековых описания Мангупа относятся к османскому периоду его истории. Речь, прежде всего, идет о краткой главе о «Крепости или городе Манкоп, или как называют его турки, Мангут» в «Описании Татарии» Мартина Броневского, посетившего городище в 1578 г., будучи послом польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммед II Гирею (1577-1584) [Герцен, 2008а, с. 212-214; новейший перевод отрывка см.: Мартин Броневский, 2005, с. 167-168]. В ней польский дипломат упоминает на территории Мангупской крепости «два замка, построенные на обширной и высокой скале», под которыми, судя по приведенному далее описанию «верхнего замка», он понимает цитадель и ретраншемент (Вторую линию обороны городища – далее ВЛО), образованный линией стен и башен и отсекающий пустующие мысы Чамну-бурун и Чуфут-Чеарган-бурун от наиболее заселенной части города. Как показывают современные археологические исследования, ВЛО была возведена в 20-е гг. XV в. [Герцен, 2003б, с. 566], и именно она при первом знакомстве создавала впечатление главного рубежа обороны Мангупа, а нашим путешественником была воспринята как особый, действительно, «нижний» по отношению к цитадели, «замок».

Мартин Броневский сохранил точные названия двух наиболее поздних в истории Мангупского городища действующих христианских храмов – церкви св. Георгия в верховьях ущелья Капу-дере и церкви св. Константина в верховьях балки Гамам-дере (рис. 3), но ничего не говорит о княжеском дворце. Это указывает на то, что к концу XVI в. последний уже давно не функционировал как крупный архитектурный комплекс, и его стены были разобраны местным населением на строительный материал.

Такой вывод полностью подтверждается отсутствием дворца и в самом подробном описании городища османского времени, принадлежащем турецкому путешественнику Эвлия Челеби [Эвлия Челеби, 2008, с. 75-80; о нем для истории Мангупа подробнее см.: Герцен, 2008а, с. 216-219; Бочаров, 2008, с. 197-202]. Очевидно, что к моменту посещения им Мангупа в 1666-1667 гг. местонахождение и особое назначение этого памятника было окончательно забыто жителями крепости.

Таким образом, из приведенного анализа письменных источников, содержащих пространственные описания исторической топографии Мангупского городища в золотоордынский и османский периоды его истории, следует вполне определенное заключение о том, что Мангупской дворец мог функционировать лишь в относительно узкий промежуток времени, совпадающий с историей независимого княжества Феодоро в XV в. (до 1475 г.), когда дворцовый ансамбль выполнял роль резиденции его правителей. Ранее, на его территории располагался жилой квартал, ничем не выделявшийся среди окружающей застройки. Позднее, разрушенный во время трагических для Мангупа событий 1475 г. дворцовый комплекс был быстро разобран, что стало основной причиной его забвения местными жителями. Важно еще раз отметить, что эти наблюдения об истории дворца соответствуют результатам археологических исследований памятника.

1.2. Раскопки Р. Х. Лепера (1912-1914 гг.)

Новое «открытие» Мангупского княжеского дворца произошло лишь в 1912 г., когда производивший на городище раскопки директор Херсонского музея Р. Х. Лепер обратил внимание на «довольно высокий земляной холм», расположенный в центральной части Мангупского плато, к юго-востоку от Большой трехнефной базилики (рис. 7) [Лепер, 1913а, с. 78, рис. 6]. Им же в те-

чение 1912-1914 г. были выполнены первые археологические исследования дворца.

Главная проблема изучения результатов этих раскопок, имевших большое значение для дальнейших работ на памятнике, заключается в их полной неопубликованности и в отсутствии единого фонда хранения для имеющихся документальных и вещественных источников. Сам Р. Х. Лепер успел издать лишь три кратких сообщения о своих исследованиях в 1912 г., когда, вероятно, был выполнен основной объем работ на памятнике [Лепер, 1913а; 1913б; 1913в]. Почти ничего не известно о характере последующих раскопок комплекса в 1913-1914 гг. Преемник Р. Х. Лепера на посту директора Херсонесского музея – Л. А. Моисеев, попытавшийся составить их обзор на основе записей полевых дневников, наблюдений участников экспедиции и личных впечатлений от посещения Мангупа, сообщает, в итоге, что в 1913 г. они проводились «внутри и вне «дворца 1425 г.», а о раскопках дворца в 1914 г. «сведений, к сожалению, не имеется: дневник, как всегда, отмечает и здесь лишь некоторые находки» [Лепер, Моисеев, 1918, с. 72, 79].

Некоторую дополнительную, но в целом разрозненную информацию о последовательности и результатах исследований дворца в 1912-1914 гг. можно получить при знакомстве с их материалами, которые сохранились в научных архивах и фондах музеев Севастополя, Бахчисарая и С-Петербурга.

Основной фонд полевой документации, связанной с раскопками Р. Х. Лепера на Мангупе, ныне хранится в Научно-архивном отделе Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 87а, 90, 107-108, 123, 128-129, 143, 560, 1527, 2267; Фотофонд). Для изучения дворца интерес представляет единственный из сохранившихся дневников полевых работ на городище, который датируется 1913 г. и свидетельствует о продолжении исследований на памятнике в этом полевом сезоне. В дневнике под маркировками «1.07», «3.07», «7.07» и «8.07» приведен перечень находок, происходящих из раскопок следующих археологических объектов: «Яма с правой (южной) стороны «дворца 1425 г.», «Перед дворцом 1425 г. в насыпи», «Справа от дворца 1425 г. в канаве», «Пробные раскопки вокруг дворца 1425 г., к югу от дворца, к западу от церкви», «У дворца 1425 г., в насыпи, с правой стороны верхнего здания» [Лепер. Дневник, л. 22, 24]. Не менее важны описи нахо-

Лепер Роман Христианович
(1865-1918)

док, обнаруженных в ходе работ 1912-1913 гг. на различных объектах Мангупской крепости, в том числе, на дворце – полные [Лепер. Опись древностей. Л. 1-24] и наиболее показательных археологических предметов, подготовленных к отправке в Санкт-Петербург до 20 февраля 1914 г. [Лепер. Список предметов, л. 1-8]. Нумерация находок в описях в целом дублируется с нумерацией в дневнике полевых исследований. Особо отметим рукописный вариант сопроводительного письма Р. Х. Лепера в Императорскую Археологическую Комиссию от 21 февраля 1914 г., очевидно, приложенного к «ящику мангупских древностей», в котором автор отмечает точное место находки большой группы поливных сосудов с монограммой ТХ, «происходящих из одной ямы с массой черепков в предполагаемом дворце с надписью 1425 г. (Изв. 47, стр. 78 и 153, пом. Н); многие из них удалось подобрать и склеить» [Лепер. Переписка, л. 20]. Это замечание оказалось чрезвычайно полезным, так как позволило недавно, в процессе обработки материалов раскопок дворца, идентифицировать данную коллекцию глазурованной керамики, сейчас хранящуюся в фондах Государственного Эрмитажа, с находками из заполнения ямы №34 в северо-западном углу помещения Н, полностью исследованной нами в 2009 г. [Науменко, Душенко, 2016, с. 319-321; 2017, с. 194-195, 222-226, рис. 4-7, 35-37].

Наконец, в фотофонде Херсонесского музея-заповедника сохранились семь качественных

черно-белых фотонегативов, выполненных во время раскопок дворца в 1912 г. и позднее, в 1914 г., когда поступившая в музей коллекция находок находилась на стадии обработки. На них изображены общие виды раскопа (рис. 7) и западной галереи с двойной колоннадой (помещения В) (рис. 8-9), архитектурные детали (рис. 10), а также ряд эпиграфических находок, опубликованных позднее В. В. Латышевым (рис. 11-13) [Латышев, 1918, с. 17-21, рис. 2-5, №№2-5]. Видовые фотографии, безусловно, свидетельствуют о низком уровне полевой методики ведения раскопок на памятнике, но, с другой стороны, они указывают и на общую плохую сохранность архитектурных объектов дворца уже на начальном этапе его исследований.

Еще более сложной выглядит ситуация с сохранившимися археологическими коллекциями из раскопок памятника. Как уже говорилось, наиболее яркая часть находок 1912-1913 гг. была отправлена самим Р. Х. Лепером в Санкт-Петербург в феврале 1914 г. (всего 287 предметов согласно описи) [Лепер. Список предметов, л. 2-5]. Сейчас большая часть этой коллекции хранится в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Средней Азии Государственного Эрмитажа (всего 233 предмета, объединенные в 177 инвентарных номера) [Государственный Эрмитаж. Коллекция №1808, с. 2-32; о структуре коллекции см.: Науменко, Душенко, 2017, с. 192-195, табл. 1-2]. Она почти не введена в научный оборот, за исключением 21 целых или фрагментированных поливных сосудов XIV-XV вв., в том числе с монограммами ТХ и ПРДМ («Продром») (№№1808/70, 72-78, 81, 83-94), которые происходят из раскопок Мангупского дворца [Даниленко, Романчук, 1969, с. 122-123 (группа II, тип 2), табл. 2; Мыц, 1991а, с. 100-102, рис. 42, 1-7; 43-45; 2005, с. 294-295, рис. 2, 6; 5-6; Залеская, 1993, с. 370-374, рис. 5; 2011, с. 217-220, №№451-456; Науменко, Душенко, 2017, с. 194-195, рис. 4-7]¹. Двенадцать из них (№№1808/83-94), найденных, согласно описям музея, в «яме ниже пола «дворца» с надписью 1425 г.», с учетом приведенного замечания в письме Р. Х. Лепера о том, что она была раско-

¹ Нумерация находок приведена по инвентарной описи Государственного Эрмитажа. Еще четыре предмета из раскопок дворца 1912-1913 гг. в коллекции музея – фрагменты стеклянных кувшинов с высоким узким горлом и рифленой поверхностью, а также дна на кольцевом поддоне от глазурованного изделия группы «Polichrome Sgraffito Ware» (№№1808/71, 79-80, 82), остаются не изданными. Здесь и далее атрибуция различных групп глазурованной керамики дана по определителю И. Врум [Vroom, 2005].

пана в помещении Н дворцового комплекса, образуют археологический комплекс заполнения хозяйственной ямы №34, засыпанной в 1453-1462 гг. при сооружении этого помещения и доследованной в 2009 г. [Науменко, Душенко, 2017, с. 224, 232].

Основная же часть археологических находок из раскопок Р. Х. Лепера на Мангупе в 1912-1914 гг., в том числе, обнаруженных на территории княжеского дворца, была отправлена им в Херсонесский музей и оставалась там вплоть до 1938 г., когда была передана вместе с описью в фонды формирующегося Музея «пещерных городов» в Бахчисарае согласно акту от 28 июня этого года [Лепер. Опись древностей, л. 1]. В настоящее время Бахчисарайская коллекция, совершенно не структурированная и не известная в литературе, насчитывает несколько тысяч находок из керамики, стекла, кости, камня, различных металлов, сгруппированных в 1571 инвентарных номера [БИКАМЗ. Коллекционная опись... Мангуп 1912]. Только здесь присутствуют предметы (всего 173 инвентарных номера), происходящие из раскопок Мангупского городища в 1914 г., что подтверждает продолжение раскопок на памятнике в этом полевом сезоне. Правда, они не сопровождаются в отличие от предыдущих работ описью находок, что делает невозможным их соотнесение с определенным археологическим объектом на территории Мангупского плато.

До конца не ясной остается судьба лапидарной коллекции из раскопок Р. Х. Лепера. Скорее всего, большая часть ее на момент передачи материалов исследований в Бахчисарай осталась на хранении в Херсонесе, хотя общее число находок сейчас определить невозможно. Точно идентифицированы лишь четыре эпиграфических источника из этой коллекции. Во-первых, знаменитая строительная надпись 1425 г. на известняковой плите о возведении дворца и его оборонительной башни, найденная во время работ 1912 г. снаружи помещения А, опубликованная впервые самим Р. Х. Лепером и переданная в 1938 г. в фонды Бахчисарайского музея-заповедника (рис. 14) [Лепер, 1913а, с. 78-79, рис. 7]. Во-вторых, три изданные В. В. Латышевым фрагментарные надписи, до сих пор хранящиеся в Херсонесском музее-заповеднике (инв. 35131, 35124, 3745) – мраморная строительная с датой 1403 г. (рис. 12-13; 15) и две известняковые, оставленные им без прочтения (рис. 11, сверху) [Латышев, 1918, с. 19-20, рис. 2-4]. Местонахождение еще одной опу-

бликованной тогда же эпиграфической находки, также без какого-либо прочтения, сейчас установить невозможно (рис. 11, снизу) [Латышев, 1918, с. 20-21, рис. 5].

Выполненный источниковедческий анализ сохранившихся в научных архивах и музейных фондовых собраниях материалов раскопок Р. Х. Лепера на Мангупе, вместе с изданными их автором краткими сообщениями об этих исследованиях, позволяют в целом реконструировать последовательность и результаты проведенных работ.

Раскопки Мангупского дворца, вероятно всего, оказались ограниченными двумя полевыми сезонами, 1912 и 1913 гг. Наиболее масштабными были исследования 1912 г., проходившие с августа до начала октября этого года. В июле 1913 г. они были продолжены, скорее всего, в южной части комплекса, но точно определить площадь, характер и место раскопа не представляется возможным. Совсем нет каких-либо данных о работах на дворце в 1914 г.

Судя по кратким отчетам самого Р. Х. Лепера, архивным фотографиям (рис. 8-9) и опубликованному плану участка исследований (рис. 16), в результате раскопок 1912 г., методика которых фактически сводилась к выяснению планировки отдельных помещений дворцового ансамбля с помощью неглубоких траншей и шурфов-зондажей, удалось открыть контуры северной башни-донжона (помещение А), западной галереи с двойной колоннадой (помещение В), нижнего (подвального) этажа большой постройки из тесаного камня (помещение С), к которой с севера примыкали два подлестничных помещения (D и E), с востока – еще одна галерея (помещение F), с юга и юго-востока – яма (помещение G), обозначенная в отчете о раскопках как «ретирад», то есть «отхожее место» для верхнего этажа помещения С, и отдельные помещения H и I, назначение которых для автора раскопок осталось не ясным. Помещение G, простенок между помещениями С и H, а также яма в северо-западном углу последнего (яма №34 раскопок 2009 г.) были выбраны тогда же почти полностью [Лепер, 1913б, с. 150-153]. Находка снаружи помещения А, в верхнем слое его разрушения («среди пожарища»), двух собирающихся фрагментов плиты с пятистрочной надписью, в которой говорится о сооружении дворца и этой постройки в 1425 г., позволили Р. Х. Леперу в полевой документации предположительно обозначить архитектурный комплекс как «дворец 1425 г.». Из дополнительных на-

блюдений автора раскопок отметим, во-первых, его указание на то, что комплекс дважды был разрушен, будучи перестроенным после первого пожара и уже не восстанавливаясь после второго, во-вторых, заключение о необходимости продолжения исследований, так как работами 1912 г. была открыта только часть дворца [Лепер, 1913б, с. 150].

Подводя итоги археологического изучения Мангупского дворца в 1912-1913 гг., следует заметить, что незавершенность и общий низкий методический уровень исследований, слабая фиксация и опубликованность полученных результатов не позволили Р. Х. Леперу сформировать ясного представления о памятнике. Впрочем, такая же ситуация характерна и для многих других объектов, раскопанных им на городище в это время. Пожалуй, главной заслугой исследователя стало снятие и издание общего плана открытых строительных остатков дворца, на котором позднее основывались все специалисты, предлагавшие собственные реконструкции его композиционно-художественного облика. Другим важным результатом раскопок стало публикация Р. Х. Лепером и В. В. Латышевым эпиграфических находок, особенно двух фрагментарно сохранившихся строительных надписей 1403 г. и 1425 г., близких между собой по палеографии и стилю, что в дальнейшем, на протяжении нескольких десятилетий, составляло основной предмет интереса к этому памятнику.

Как бы то ни было, раскопки дворца Р. Х. Лепером довольно быстро привлекли к себе внимание. Уже в путеводителе по Крыму 1914 г. о них сообщает А. С. Башкиров, который отметил масштабность и общественный характер открытого сооружения и сопроводил свою заметку фотографией строительной надписи 1425 г., хранившейся на тот момент в Херсонском музее [Башкиров, 1914, с. 266-267, 269]. Вскоре А. Л. Бертье-Делагард, согласившись с Р. Х. Лепером в интерпретации комплекса как дворца правителей Феодоро, подверг критике его попытку реконструировать содержание надписи 1425 г., сопоставляя ее с известной «инкерманской» надписью 1427 г. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, надпись 1425 г. была связана только со строительством единственной башни-донжона дворцового комплекса, открытой во время раскопок [Бертье-Делагард, 1918, с. 30-33].

Одновременно, как уже неоднократно отмечалось, В. В. Латышевым были опубликованы

и все другие эпиграфические находки из исследований Мангупского дворца [Латышев, 1918, с. 17-21, рис. 2-5]. Именно ему принадлежит важнейшее открытие, сделанное в процессе изучения надписи 1403 г. из раскопок памятника – установление ее прямой связи, по содержанию и палеографическим особенностям, с другими хорошо известными строительными надписями 1425 и 1427 гг., имеющими самое непосредственное отношение к начальной истории правящей династии княжества Феодоро [Латышев, 1918, с. 20]. Сейчас эта гипотеза о новой эпиграфической традиции на Мангупе с начала XV в., свидетельствующей, в том числе, и о смене политической элиты в княжестве после военной катастрофы 1395 г., успешно разрабатывается А. Ю. Виноградовым [IOSPE V, №178; Виноградов, 2017, с. 288].

Обе датированные дворцовые строительные надписи 1403 и 1425 гг. позднее были всесторонне рассмотрены в статье Н. В. Малицкого, однако, его интерпретация мало чем отличалась от уже высказанных по этому поводу мнений В. В. Латышева и А. Л. Бертье-Делагарда [Малицкий, 1933, с. 25-26, 33-35, рис. 7, 10]. Практически такой же точки зрения в оценке содержания данных эпиграфических источников придерживался А. А. Васильев [Vasiliev, 1936, р. 214-216].

Таким образом, раскопки Р. Х. Лепера являются важным этапом изучения княжеского дворца на Мангупе. Они, по сути, открыли для научной общественности новый неординарный памятник средневековой археологии Крымского полуострова, резко расширили круг источников для истории княжества Феодоро в Горном Крыму и его столицы, расположенной на территории Мангупского городища. Но в целом уже всеми современниками раскопки дворца в 1912-1913 гг. представлялись незавершенными, а необходимость их продолжения ни у кого не вызывала сомнений.

1.3. Раскопки А. Л. Якобсона (1938 г.)

Новый этап изучения Мангупского княжеского дворца связан с именем А. Л. Якобсона, одного из основоположников средневековой археологии Крыма, который в 1938 г. произвел здесь небольшие раскопки на площади около 200 кв. м.

Нужно отдать должное их автору, который своевременно и достаточно полно опубликовал результаты своих исследований. Они основаны на материалах археологического отчета

(полевой дневник, описи находок и рисунков, фотографии археологических объектов и находок), хранящихся в настоящее время в рукописном отделе и фотоотделе научного архива ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) [Якобсон. Мангупская экспедиция; Раскопки 1938 г. Дворец]. Археологические находки, в основном фрагменты керамики, сейчас находятся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника [БИКАМЗ. Список вещей из раскопок на Мангуп-Кале. №№500-695, 1040-1050]. Здесь же в научном архиве музея-заповедника, в так называемом «архиве Е. В. Веймарна», хранятся копия дневника полевых работ на дворце в 1938 г. [Якобсон. Мангуп-Кале. Дневник раскопок дворца], а также некоторые другие документы, с которыми нам удалось познакомиться в процессе подготовки монографии. Однако, все эти архивные материалы и вещественные коллекции, на сегодняшний день, представляют для наших исследований исключительно историографический интерес, так как лишь в редких случаях содержат дополнительную информацию о ходе работ 1938 г. Основным же источником для их характеристики по-прежнему остается опубликованный самим исследователем еще в 1953 г. текст археологического отчета [Якобсон, 1953].

Уже во вводной части отчета о раскопках княжеского дворца на Мангупе в 1938 г. отмечается, что причиной нового обращения к памятнику стала его незначительная степень изученности в 1912-1913 гг. По наблюдениям А. Л. Якобсона траншеями вдоль стен построек культурный слой выбирался, Р. Х. Лепером на небольшую глубину, основная же масса культурных напластований, местами до 2,00 м, осталась нетронутой. Кроме того, интерес к Мангупскому дворцу объяснялся еще и тем, что тот являлся единственным примером средневекового дворцового зодчества в Крыму и одним из немногих на всем Ближнем Востоке [Якобсон, 1953, с. 390].

Археологические работы на дворце проводились, как отмечает сам А. Л. Якобсон, всего 17 рабочих дней [Якобсон, 1953, с. 390], что, на самом деле, не верно. В дневнике полевых исследований указано, что они выполнялись с 24 августа по 24 сентября 1938 г. [Якобсон. Мангуп-Кале. Дневник раскопок дворца, с. 1]. Как бы то ни было, очевидно, что именно желанием получить в очень короткие сроки максимум информации о хронологии дворцового комплекса объясняется ведение этих раскопок лишь в центральной части памятника – в пределах помещений С, D, E, в западной части поме-

щения F и в южной части помещения B, а также на площади небольшого раскопа, фактически, стратиграфического шурфа (терминология периода наших раскопок 2006-2010, 2014-2021 гг.), снаружи западных стен помещений C и B, где культурный слой был выбран полностью. Работам предшествовал короткий подготовительный этап, который заключался в оперативных раскопках трех 4-метровых квадратов к востоку от участка исследований для последующего вывоза слоев отвалов [Якобсон, 1953, с. 391]. Их точное местонахождение остается не известным. Перечисляя в отчете обнаруженные здесь артефакты, А. Л. Якобсон подчеркивал перемешанный характер археологического комплекса находок из культурного слоя, в котором встречались предметы, в основном фрагменты керамики, от периода раннего средневековья до XIV-XV вв., особо выделяя среди них монеты времени византийского императора Аркадия (395-408) и периода Золотой Орды [Якобсон, 1953, с. 391].

Несмотря на совершенно иной, в сравнении с 1912-1913 гг., методический уровень ведения археологических работ 1938 г. и значительное внимание их автора к обнаруженным в культурном слое керамическим и архитектурным находкам, следует сказать, что фиксация и описание выявленной в различных помещениях дворца стратиграфической ситуации носила в полевой документации и опубликованном тексте отчета самый общий характер, значительно уступая в этом смысле подробной характеристике открытых строительных остатков дворцового ансамбля.

К примеру, совершенно отсутствует описание стратиграфии в двух небольших служебных помещениях D и E, на которые опиралась большая каменная лестница, ведущая к основному двухэтажному зданию дворца (помещению C). Из текста отчета ясно лишь, что здесь зафиксированный нетронутый культурный слой, по всей видимости, сплошной каменный развал стен построек мощностью до 0,85 м, был перекрыт «слоем отвалов» из раскопок Р. Х. Лепера и выбран в 1938 г. полностью (рис. 17) [Якобсон, 1953, с. 391-394, рис. 2-3, 6; здесь и далее использованы некоторые неопубликованные фотографии из материалов раскопок 1938 г. в научном архиве ИИМК РАН, не вошедшие в изданный в 1953 г. текст отчета].

При характеристике стратиграфической ситуации в южной части помещения B, которое А. Л. Якобсон рассматривал не как продолжение открытой западной галереи дворца, как сейчас

**Якобсон Анатолий Леопольдович
(1906-1984)**

принято, а как еще одно отдельное хозяйственное помещение, основное внимание уделено сохранившемуся *in situ* на уровне материкового суглинка нижнему культурному горизонту черной плотной земли с золой и мелкими угольками, из которой были извлечены фрагменты красноглиняных высокогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками класса 41 по современной классификации средневековых амфор Херсонесского городища (далее – ХК-95) середины IX-XI вв. и крупные обломки салтово-маяцкой бытовой керамики с черным или серым в изломе черепком второй половины IX – первой половины X вв., украшенной сплошным гребенчатым линейно-волнистым рифлением (рис. 18) [Якобсон, 1953, с. 394-396, рис. 7-8; о кувшинах класса 41 по ХК-95 см.: Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 63-66; Науменко, 2009, с. 50-57; о таких салтово-маяцких горшках см.: Майко, 2020, с. 119, рис. 136-138]. Встреченные в этом же слое фрагменты поливной керамики XIV-XV вв., по всей видимости, свидетельствуют о том, что автору раскопок не удалось выделить культурный горизонт раннесредневекового времени на данном участке исследований, из-за чего анализируемый им в тексте стратиграфический контекст оказался насыщенным разновременным археологическим материалом.

Также присутствует лишь самое общее описание стратиграфии внутри помещения C, основного объекта исследований 1938 г. Отмечены три основных культурных горизонта в

заполнении здания. Наиболее ранний из них, насыпной грунт с щебнем мощностью 0,50-0,60 м в северо-восточной части постройки, нивелирующий неровности скалы, насыщен разновременными находками, от позднеантичного до поздневизантийского времени, среди которых особо выделена херсоно-византийская литая монета периода правления императора Льва VI Мудрого (886-912) (рис. 19). Его перекрывала тонкая (до 0,10 м) прослойка пожара, вероятно, 1475 г. Еще выше залегал мощный (до 1,75 м) сплошной слой каменного развала, образовавшийся в результате обрушения стен помещения. Этот культурный горизонт описан достаточно подробно. По мнению А. Л. Якобсона, он образовался одновременно, свидетельствовал о бытовом характере кладки верхнего этажа и каменном перекрытии здания, которое завершалось цилиндрическим сводом с подпружными арками из гладко отесанного камня [Якобсон, 1953, с. 402-409, рис. 2, 18, 20-22].

Не менее общим является характеристика стратиграфии помещения F, западная часть которого была раскрыта в 1938 г. на площади 6,75 x 5,35 м (рис. 20) [Якобсон, 1953, с. 409-416, рис. 2, 26-30]. Автор исследований отмечал, что нижним культурным горизонтом здесь являлся нивелировочный грунт с раннесредневековым керамическим материалом, подобный зафиксированному в помещении С, перекрытый тонким известковым полом постройки. Выше по всей площади помещения фиксировался мощный слой пожара (до 1,00 м), очевидно, связанный с событиями 1475 г. Анализ, в первую очередь, архитектурных остатков позволил А. Л. Якобсону выделить два строительных периода в истории помещения F. С последним из них, датированным временем дворца, связаны открытые здесь в положении *in situ* нижние части от многочисленных пифосов (всего 8), что указывало на использование постройки в качестве кладовой для хранения продуктовых припасов на финальном этапе ее функционирования (рис. 21). Также отметим впервые обнаруженные уникальные глазурованные сосуды с трехстрочной греческой надписью ΗΣΑΑΚ ΑΥΘΕΝΤΟΥ («Исаака владетеля») местного производства (рис. 22), встречающиеся до сих пор только на месте раскопа Мангупского дворца и связанные с именем князя Исаака (около 1465-1475 гг.), одного из последних правителей княжества Федоро [Якобсон, 1953, с. 414-415, рис. 32; Мыц, 2005, с. 295; Тесленко, 2012, с. 231; о биографии Исаака см.: Мыц, 2021].

Наиболее подробно описана стратиграфия на площади раскопа к западу от помещений В и С, где стратиграфическая колонка включала шесть культурных горизонтов общей мощностью до 2,00 м (рис. 23) [Якобсон, 1953, с. 396-402, рис. 11-12]. Особое внимание в ходе анализа уделено культурному горизонту, насыщенному раковинами моллюсков (слой №4), и ниже лежащему слою пожара (слой №5), которыми были разделены на отдельные стратиграфические контексты два зафиксированных здесь слоя разрушения построек (слои №№2 и 6). Близость структуры археологических комплексов находок из этих слоев разрушения позволила А. Л. Якобсону соотнести их с двумя строительными периодами в истории дворца, которые он датировал второй половиной XIV в. и 1425-1475 гг. Это наблюдение сейчас выглядит не верным. Как показали раскопки 2017 г. на этом участке, нижний горизонт разрушения принадлежит строительному комплексу №4 (далее – СК-4), датированному фемным периодом в истории крепости [Наumenko, 2022, с. 174; об этом археологическом комплексе подробнее ниже].

Как бы то ни было, в результате исследований 1938 г. впервые была разработана объективная периодизация дворцового комплекса, опиравшаяся не столько на данные эпиграфики и общие архитектурные соображения, а, в большей степени, на анализ массового археологического материала. Кроме того, основываясь на плане Р. Х. Лепера и собственных наблюдениях в отношении хронологии отдельных планировочных компонентов дворца, автором раскопок предлагалась оригинальная реконструкция его строительной периодизации и композиционно-художественного облика.

По мнению А. Л. Якобсона, памятник был построен еще в XIV в. От первоначального «дворца» сохранились нижний этаж помещения С, сложенный из крупных блоков, взятых, скорее всего, из стен базилики, и открытая колоннада помещения F. В конце XIV или в начале XV вв. комплекс был разрушен в пожаре, но в 1425 г. вновь отстроен. На втором этапе функционирования дворец представлял собой асимметричный архитектурный комплекс, северную и южную границы которого определяли трехэтажная башня-донжон и двухэтажное основное здание, соединенные открытой галереей с двойной колоннадой. Вокруг помещения С располагались пониженные служебные и хозяйственные постройки. Помещение F из открытой галереи было перестроено в одноэтажную кладовую для

пифосов и амфор с плоским деревянным перекрытием. С севера помещения С появляется лестница, опирающаяся на подлестничные помещения Д и Е. Дворец окончательно погиб в пожаре 1475 г. и больше не восстанавливался [Якобсон, 1953, с. 416-418].

Позднее, в монографии, посвященной истории средневекового Крыма, исследователь в основном повторил свои выводы относительно хронологии и композиции дворца. Пожалуй, одним из немногих дополнений стало заключение о наличии трапезной палаты над помещением F, соединенной с парадным залом (помещением С). Наконец, здесь же представления об асимметричности архитектурного комплекса окончательно нашли свое отражение в итоговом плане (рис. 24) [Якобсон, 1964, с. 126-127, рис. 45].

Нужно отметить, что гипотеза А. Л. Якобсона сразу получила признание в научной литературе [Репников, 1939-1940, л. 211-217; Тиханова, 1953, с. 330-331], а в контексте датировки дворца сохраняла значение, с незначительной коррекцией, вплоть до начала современных раскопок памятника [Домбровский, Махнева, 1973, с. 60, 63; Герцен, 2003б, с. 570; Мыц, 2009, с. 133-134]. Некоторым курьезом в этой связи выглядит хронология Мангупского дворца в пределах XIII-XIV вв. в более поздней работе Ю. С. Асеева [Асеев, 1966, с. 509]. Также, очевидно, остались не согласными с предложенной реконструкцией композиционно-художественного облика дворца, но не с его датировкой (!), и будущие исследователи памятника – Е. Г. Суrows и Е. В. Веймарн.

Тем не менее, полученный в ходе раскопок 1938 г. археологический комплекс находок, презентабельный и достаточно хорошо датированный, так и не привлек к себе должного внимания специалистов, оставшись, по сути, опубликованным выборочно. Единственной попыткой хотя бы частично ликвидировать этот пробел стала уже упомянутая статья В. Н. Даниленко и А. И. Романчук, посвященная изучению глазурованной керамики Мангупского городища по материалам раскопок базилики и дворца. Однако, выявленная уже к этому времени значительная депаспортизация находок в фондах Херсонесского и Бахчисарайского музеев-заповедников помешала уверенно атрибутировать их. Лишь отдельные фрагменты поливных сосудов с монограммами, несомненно, связаны с исследованиями дворцового комплекса в 1912-1913 и 1938 гг. [Даниленко, Романчук, 1969, с. 122-123 (группа II, тип 2), табл. 2].

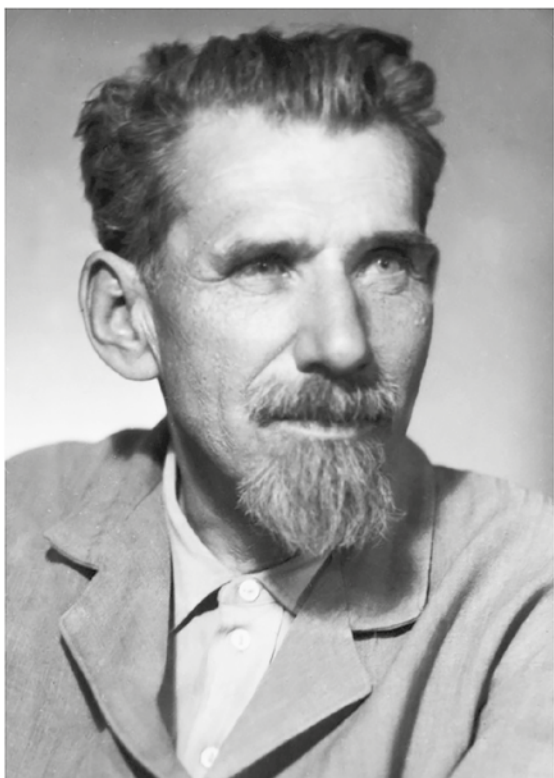
В целом, подводя итоги раскопок Мангупского княжеского дворца в 1938 г., следует еще раз подчеркнуть их важнейшее значение для дальнейших работ на памятнике. Несмотря на ограниченный объем работ, их результаты надолго стали основой для установления хронологии, строительной периодизации и интерпретации архитектурного комплекса. Кроме того, эти раскопки являются до сих пор примером ответственности автора за своевременное и максимально полное введение в научный оборот материалов своих исследований, чего, к сожалению, нельзя сказать о его предшественниках и последователях.

1.4. Раскопки Е. Г. Суrows (1968 г.)

В 1968 г. археологическое изучение княжеского дворца было продолжено Е. Г. Суrowsым [в целом об исследованиях этого полевого сезона на Мангупе см.: Герцен, 2008б, с. 307-310].

Основные результаты этих раскопок опубликованы автором в небольшой по объему, но достаточно информативной статье, сопровождавшейся единственным планом-реконструкцией дворцового комплекса (рис. 25) [Суrows, 1972, с. 96-99, рис. 34]. Полный отчет о раскопках хранится в научном архиве Института археологии НАН Украины (г. Киев) [Суrows, 1968]. Он включает, помимо текстовой части, большое количество чертежей и фотографий, которые, к сожалению, выполнены на низком уровне, что, за редким исключением, не дает возможности использовать их в качестве иллюстраций к нашей монографии. Однако, все же главной проблемой изучения материалов работ 1968 г. на площади Мангупского дворца является отсутствие в музеях Крыма коллекций археологических находок из этих раскопок или хотя бы их описей. Лишь в фотофонде Херсонесского музея-заповедника обнаружены четыре негатива с изображениями фрагментов красноглиняной золотоордынской, византийской и местной поливной керамики XIV-XV вв., в том числе, с монограммой ТХ, происходящих, по всей видимости, из заполнения дворцовой оборонительной башни (помещение А), выбранного в этом сезоне полностью (рис. 26-27). Тем не менее, последовательность и результаты работ Е. Г. Суrowsа восстанавливаются достаточно ясно на основе их краткой публикации и сохранившегося археологического отчета.

Возобновление раскопок на дворце в 1968 г. было, несомненно, связано с несогласием их

**Суров Евгений Георгиевич
(1912-1975)**

автора с предложенным А. Л. Якобсоном вариантом восстановления композиционно-художественного облика памятника. При этом необходимо отметить, что сам Е. Г. Суров, вероятно, уже к началу работ имел собственные представления в отношении реконструкции планировки комплекса. Справедливо обратив внимание на крепостной характер Мангупского дворца, который придавали ему наличие башни-донжона, монументальность северной и западных стен, он логично предполагал подобное симметричное оформление памятника и с востока. Таким образом, уточнение северной, восточной и южной границ дворцового комплекса являлись главными задачами раскопок 1968 г.

Судя по опубликованному плану участка исследований, они концентрировались, главным образом, в северной части Мангупского дворца, где было полностью выбрано заполнение башни-донжона (помещения А) и открыта сохранившаяся часть восточного отрезка северной оборонительной стены комплекса. Помимо этого, стратиграфические шурфы, правда, не давшие особых результатов, были заложены вблизи юго-западного угла помещения С и на внешнем стыке помещений Н и I (последнее почему-то обозначено здесь как помещение К) (рис. 25, I), а также, как отмечено в археологическом отчете,

на месте предполагаемой восточной колоннады дворца (шурф №1) и расположенного приблизительно в 50-70 м к северо-востоку от дворца и не имеющего к нему никакого отношения так называемого «помещения Х» [Суров, 1968, с. 15-18]. Методика полевых работ носила не очень высокий характер, прежде всего, потому, что выборка культурных горизонтов не всегда производилась послойно. Тем не менее, отметим наиболее важные результаты этих исследований, полученные в основном на площади археологических объектов в северной части раскопа.

Как уже говорилось, одним из главных итогов раскопок 1968 г. стало полное исследование помещения А. Текст отчета позволяет реконструировать стратиграфию его заполнения, включающую пять культурных горизонтов: перемешанный с грунтом из отвалов 1912-1913 гг. слой дерна (слой №1); мощный слой каменного развала стен башни, в котором, особенно в его верхней части, встречались многочисленные (всего 153) архитектурные детали – фрагменты известняковых блоков с тесаной поверхностью, карнизов со сложным архитектурным обломом, водостоков, округлых в диаметре колонн и др. (слой №2); почти сплошной горизонт плит вымостки верхнего этажа донжона (около 300 фрагментов) с прослойками деструктированного известкового раствора и скоплениями углей (рис. 28-30) (слой №3); слой пожара мощностью 0,06-0,10 с крупными фрагментами горелых досок, балок и древесного угля (слой №4); и надскальный коричневый суглинок (слой №5). Выбранный из них археологический комплекс находок состоял из немногочисленных фрагментов керамид и калиптеров поздневизантийского времени, в том числе, с рельефными метками, мелких обломков тарной и бытовой керамики, по замечанию автора, от VI до XV вв., железных строительных гвоздей (около 50) и костей животных [Суров, 1968, с. 7-9]. При описании разрушенной вымостки (слоя №3) из башни отмечается, что все плиты изготовлены из известняка, имели хорошо обработанные поверхности и боковые грани и необработанную тыльную сторону, а также общие близкие размеры: длину в пределах 0,50-0,65 м, ширину – 0,31-0,35 м, толщину – до 0,08 м; некоторые были закопчены, следы связующего раствора на них не обнаружено [Суров, 1968, с. 6].

Несмотря на то, что помещение А было открыто снаружи с южной и восточной сторон лишь частично и сохранилось ниже уровня дверных и оконных проемов, полученная в ходе раскопок

информация позволила Е. Г. Сузову реконструировать его планировку и внешний вид. По мнению исследователя, она представляла собой в плане близкую к квадрату оборонительную башню, построенную одновременно с северной стеной дворцового комплекса. Башня состояла из подполья и трех этажей, доступ в нее по наружной съемной лестницы находился на уровне второго этажа или вел с верхнего яруса соседней галереи (помещения В). 1-й (нижний) этаж был без каких-либо окон и дверей, имел деревянный пол и использовался в качестве хранилища, будучи соединенным с более верхними помещениями винтовой лестницей, основание которой сохранилось в юго-западном углу постройки. 2-й этаж донжона также имел деревянное перекрытие и функционально определялся как жилое помещение. Наконец, верхний этаж башни являлся открытой боевой площадкой с плитовой половой вымосткой и высоким бруствером, завершавшимся декоративным карнизом [Сузов, 1968, с. 9-11]. Позднее, в своей единственной публикации, посвященной раскопкам 1968 г. на дворце, Е. Г. Сузов добавил, что она была увенчана выступами-мерлонами [Сузов, 1972, с. 97-98]. В целом эта реконструкция устройства помещения А представляется нам сейчас вполне обоснованной [Герцен, Науменко, Душенко, Иожица, 2019, с. 67, рис. 2].

Другим важным результатом раскопок стало открытие фундамента восточной ветви северной стены дворца, что значительно увеличивало представления о размерах памятника [Сузов, 1968, с. 11-13; Сузов, 1972, с. 98-99]. В то же время неудачными выявились поиски восточной и южной стен, а также колоннады напротив антовых выступов (пилонов) в восточной части двора комплекса.

Тем не менее, в заключительной части отчета и в кратких сообщениях о своих раскопках Е. Г. Сузов предложил реконструировать Мангупский княжеский дворец как симметричный, огражденный со всех сторон архитектурный ансамбль, с обширным внутренним двором, разделенным на три части двойными колоннадами. С севера его ограничивала башня-донжон (помещение А), с юго-запада и юго-востока две соединенные галереями монументальные постройки – помещения С и гипотетическое, которое еще предстояло открыть. Еще одна галерея (навес?) должна была располагаться у южной стены донжона, где в ходе раскопок был открыт участок слоя пожара с горелым зерном (пшеницей) (Рис. 25, II) [Сузов, 1972, с. 99, рис. 34].

Нужно сказать, что, несмотря на отсутствие убедительных археологических аргументов в пользу данного варианта реконструкции дворцового комплекса, благодаря своей внешней «стройности» и даже «красоте», именно он стал впоследствии использоваться в литературе научно-популярного и даже научного характера, посвященной Мангупскому городищу [см., например: Мыц, 2009, с. 133, рис. 55, II].

Очень осторожно, по-видимому, относился к результатам исследований 1968 г. Е. В. Веймарн. С одной стороны, он никогда не высказывался о них критично, в том числе, к предложенной Е. Г. Сузовым реконструкции композиции Мангупского дворца. Но, с другой стороны, показательным в этом смысле является раздел в многотомной «Археологии УССР», посвященный средневековым памятникам Юго-Западного Крыма, в котором Е. В. Веймарн относил, вслед за А. Л. Якобсоном, строительство дворца к XIV в., используя при этом план строительных остатков комплекса, составленный Р. Х. Лепером еще в 1912 г., а не уже опубликованный и, несомненно, ему известный план Е. Г. Сузова [Веймарн, 1975, с. 460, рис. 113].

Очевидно, что сразу после завершения раскопок 1968 г. Е. В. Веймарн уже вынашивал план собственных исследований княжеского дворца на Мангупе с целью окончательного решения дискуссионных вопросов его хронологии, планировки и внешнего облика. Осуществить задуманное ему представилась возможность лишь в 1974 г.

1.5. Раскопки Е. В. Веймарна (1974 г.)

Долгое время считалось, что материалы раскопок 1974 г. были утрачены, и вся информация о них сводилась к краткой заметке Е. В. Веймарна и Л. И. Иванова, опубликованной в 1975 г. [Веймарн, Иванов, 1975, с. 263-264]. В ходе новейшего этапа археологического изучения памятника удалось значительно расширить источниковую базу этих исследований. На сегодняшний день, известно, что коллекция археологическая находок 1974 г. (фрагменты керамики, металлические, костяные, стеклянные изделия и др.) сохранилась почти полностью (вместе с описью) в фондах Бахчисарайского музея-заповедника (всего 1588 инвентарных номеров) [БИКАМЗ. Коллекционная опись ... 1974 г.], чего нельзя сказать о группе архитектурных деталей, местонахождение которых

**Веймар Евгений Владимирович
(1905-1990)**

остаётся неизвестным. Еще в 2007 г. в архив Мангупской археологической экспедиции университета Л. И. Ивановым, одним из руководителей работ 1974 г., были переданы дубликаты фотографий и графических материалов к отчету об этих раскопках [Герцен, Науменко, 2010, с. 394]. Наконец, в 2020 г. полный археологический отчет о раскопках дворца Е. В. Веймарном вместе с иллюстративным блоком (всего 111) и полевыми материалами (дневником, альбомом контрольных фотоотпечатков, рабочей графикой) был обнаружен в научном архиве Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь) [Веймарн, Иванов, 1974].

Знакомство с архивными и музейными материалами из раскопок дворца в 1974 г. оставляет двойственное впечатление. С положительной стороны их характеризует хорошо продуманный общий план исследований памятника, в котором первому полевому сезону отводилась роль предварительного этапа многолетних работ на археологическом объекте с целью удаления с его территории каменно-земляных отвалов и фиксации нетронутых прежними раскопками

культурных напластований, тщательная фото- и графическая фиксация выявленных строительных остатков и стратиграфических профилей на площади раскопа, подробный текст археологического отчета.

Одновременно видны и две главные проблемы этих исследований, связанные с явными методическими просчетами при их организации и непосредственном ведении полевых работ. Во-первых, совершенно неоправданным выглядит желание получить уже в начале раскопок такого сложного и многослойного архитектурно-археологического комплекса, как Мангупский княжеский дворец, его полного стратиграфического разреза по оси север-юг, посредством закладки цепочки археологических квадратов, что, в итоге, в значительной степени, нарушило стратиграфию памятника в центральной части (рис. 31-32) [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 3]. Во-вторых, не верным представляется принципиальный отказ от послышной выборки культурного слоя на большей части раскопа [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 4], что привело повсеместно к смешанного характера археологических комплексов находок. К этому добавим игнорирование находок из каменно-земляных отвалов, которые, в лучшем случае, избирательно описывались в дневнике полевых исследований и в тексте отчета [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 4], отсутствие статистических таблиц, типологической и хронологической атрибуции керамических комплексов в сохранившихся описях, чтобы понять, насколько маловероятным выглядит использование материалов раскопок 1974 г. в современной реконструкции истории Мангупского дворца. Тем не менее, большой объем выполненных Е. В. Веймарном работ на территории дворца производит впечатление, а полная комплектность архивных материалов его археологического отчета позволяет достаточно подробно обобщить их основные результаты.

Исследования комплекса под руководством Е. В. Веймарна, безусловно, носили самый масштабный характер за все время археологического изучения памятника в XX в. (рис. 31-32; 33, 1). Организационно они проводились Мангупским отрядом Крымской комплексной экспедиции Института археологии АН УРСР (ныне – Институт археологии Крыма РАН) с 1 июля по 3 октября 1974 г. Еще позднее, в октябре – ноябре этого года, выполнялась консервация археологических объектов и вывоз с помощью техники каменных и земляных отвалов с территории дворца к южному склону Мангупского

плато и в район цитадели на мысе Тешклибурун (рис. 33, 2).

В целом исследования 1974 г. имели несколько направлений. Прежде всего, как уже говорилось, на площади около 200 кв. м велись раскопки в 13 археологических квадратах со стороной 4,0 м, заложенных по линии север-юг в северной и центральной части дворцового комплекса, начиная от эспланады оборонительной башни-донжона дворца (помещения А) и вплоть до помещения I (квадраты Б-6, В-6, Г-6, Д-6, Е-6, Ж-6, З-6, И-6, К-6, Л-6, М-6, Н-6, О-6) (рис. 31-32; ср.: рис. 6). В некоторых случаях площадь раскопа здесь расширялась, как, например, на месте узкой (шириной до 1,00 м) траншеи вдоль западной и восточной ветвей северной стены дворца (Д-3, Д-4, Д-5, Д-7, Д-8, Д-9), с помощью которой удалось их полностью открыть (рис. 34-35), или вблизи и внутри помещения F (К-4, К-5, К-7, К-8, Л-5), где культурный слой был выбран еще в 1938 г. Отдельную задачу выполняли квадраты В-7, Д-10 и Е-10, заложенные, соответственно, с целью раскрытия северо-восточного внешнего угла помещения А и безрезультатных, вслед за Е. Г. Суровым, поисков восточной границы памятника. В квадратах Б-6, В-6, В-7, Д-6, Е-6, Л-6, М-6, Н-6 и О-6 работы были приостановлены на уровне дневной поверхности дворца, нетронутой раскопками прежних лет или открытой впервые; на площади остальных квадратов они доведены до скалы.

К наиболее ярким археологическим объектам или комплексам, открытым в ходе исследований, следует отнести: слой пожара мощностью 0,08-0,12 м с большим количеством обгорелого зерна (смеси проса, пшеницы, гороха и фасоли в соотношении 40 : 40 : 15 : 5), зафиксированный к югу от помещения А в квадратах Д-6 и Е-6 (рис. 36) [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 10, 23], полностью раскопанная в северо-восточном углу квадрата К-6 пифосная яма дворцового времени диаметром до 1,20 м и глубиной до 0,68 м, вырубленная в скальном материке, дно и борта которой затем были обмазаны глиной (рис. 37) [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 29-30], мощный (до 0,30 м) слой пожара внутри помещения F (квадрат Л-6) (рис. 38) [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 33-35], а также фрагмент стены постдворцовой постройки, открытый в южной части квадрата М-6 (рис. 39) [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 35-36].

Стратиграфия на площади центрального и северного участков исследований описана в отчете максимально упрощенно. Она включает

все четыре основных культурных горизонта – слой отвалов из прежних раскопок; слой разрушения дворцовых построек, который, в свою очередь, иногда разделялся на горизонты гибели этих сооружений в пожаре и более поздние, связанные с разбором их стен на строительный материал в османское время; слой функционирования дворца (в квадратах Б-6, В-6, В-7, Д-6, Е-6, Л-6, М-6, Н-6, О-6); и додворцовый слой с находками, в основном, раннесредневекового периода [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 50].

Другим направлением работ 1974 г. стали раскопки на площади почти 400 кв. м южного участка исследований Мангупского дворца, где были заложены 10 археологических квадратов (П-6, Р-6, С-4, С-5, С-6, С-7, Т-4, Т-5, Т-6, Т-7) и 9 стратиграфических траншей шириной до 1,00 м, иногда принимавших причудливую Г-образную форму (рис. 31-32; 40, 1) [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 41-50]. Стратиграфическая ситуация здесь полностью была исследована только в квадратах Т-6 и Т-7, где выявлен материковый надскальный коричневатый суглинок мощностью до 0,36 м, при зачистке которого найден византийский медный фоллис с двумя ростовыми фигурами с лабарумом и сферой с крестом на аверсе и большой буквой М (номинал – 40 нуммий) на обороте конца VI – первой половины VII вв. [атрибуция В. А. Сидоренко в отчете – фоллис времени императора Ираклия (610-641), константинопольский выпуск 629-630 гг.: Веймарн, Иванов. Отчет, с. 48, рис. 94; см. подобные монеты на Мангупе, отнесенные к правлению Юстина II (565-578): Науменко, Якущечкин, 2022, с. 171, рис. 2, 5]. На остальной территории раскопа работы остановлены после снятия слоя дерна и зачистки сплошной поверхности раската из мелкого бутового камня мощностью 0,10-0,18 м, принятую за уровень придворцовой площади [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 41-42]. В тексте отчета отмечается обилие раннесредневекового керамического материала в культурном слое южного участка исследований при одновременной примеси в нем находок дворцового времени. К югу от квадратов по линии Т раскат мелкого камня уже не фиксировался, что дало основание предположить здесь границу дворцового ансамбля 1425-1475 гг. [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 49].

Из отдельных находок и сооружений, обнаруженных в этой части раскопа в 1974 г., отметим две монеты – боспорский бронзовый статер IV в. н.э. и золотоордынский медный пул середины XIV в. [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 41,

рис. 94], а также мощную стену от постройки в квадратах С-4 и С-5, сориентированную по оси запад-восток и, скорее всего, тождественную кладке №39, южной стене «верхней» террасы, на участке исследований дворца в 2006-2008 гг. (рис. 40, 2; ср.: рис. 91-92).

Наконец, отдельным направлением исследований дворца в 1974 г. являлось составление его подробного топографического плана с нанесением всех известных строительных остатков архитектурного ансамбля (рис. 31). Эти работы, выполнявшиеся, очевидно, поздней осенью, позволили резко расширить существовавшие представления о размерах памятника. В частности, на плане 1974 г. были впервые картографированы контуры помещения J (обозначение периода наших раскопок 2006-2010, 2014-2021 гг.), примыкавшего с запада к помещению С, центральному зданию комплекса. Его полные раскопки удалось выполнить лишь в 2014 и 2016 гг.

Общие заключения автора раскопок о результатах своих исследований, лучше всего сформулированные в краткой публикации [Веймарн, Иванов, 1975, с. 263-264], были очень осторожными. Здесь констатируется, что резиденция правителей княжества Феодоро на Мангупе оказалась по итогам проведенных работ более сложным архитектурным сооружением, чем это виделось ранее, особенно в его юго-западной части. Вероятно, речь в данном случае идет о неожиданно открытом помещении J, резко менявшем представления об общих размерах памятника. Дворец функционировал в период 1425-1475 гг., хотя отдельные его части были построены ранее 1425 г. К еще более раннему периоду (позднеантичного и раннесредневекового времени) отнесены следы додворцового поселения, которые фиксировались по находкам керамики. Наконец, Е. В. Веймарном сделано предположение о том, что после гибели дворца в пожаре 1475 г. какая-то часть его строений восстанавливалась и функционировала в османский период истории Мангупа. Отметим также, что в заключительной части археологического отчета присутствует заключение о том, что опубликованная Е. Г. Сузовым гипотеза о симметричной архитектурной композиции дворцового комплекса не получила в ходе раскопок 1974 г. убедительных археологических аргументов [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 52].

К сожалению, раскопки Мангупского дворца в 1974 г. не были продолжены, их материалы своевременно не опубликованы и фактически

забыты. В результате, в дальнейшем в исследованиях, посвященных истории и археологии Мангупа XIV-XV вв., специалисты, говоря о хронологии и композиции дворца, были вынуждены в основном опираться на гипотезы А. Л. Якобсона и Е. Г. Сузова. Лишь отдельные вопросы истории дворцового комплекса можно было продолжать разрабатывать в условиях кабинетных штудий. Они касались роли архитектурного ансамбля в системе обороны Мангупской крепости, точной дешифровки содержания связанных с ним эпиграфических памятников и монограмм на парадной поливной керамике.

К примеру, А. Г. Герцен, один из авторов настоящей монографии, в книге, посвященной итогам многолетнего археологического изучения оборонительной системы городища, впервые обратил внимание на то, что топографически и по своему замыслу дворец и ВЛО крепости связаны между собой. На это указывало их местоположение, крепостной характер отдельных узлов дворцового комплекса и открытая горжа башен ретраншемета Мангупской крепости. Отсюда следовал закономерный вывод о том, что в комплекс ВЛО, возведенной в начале XV в., помимо укрепленного рубежа, входил еще один важный компонент – дворец правителей княжества Феодоро. Верхний открытый этаж его донжона выполнял роль эффективного наблюдательного пункта, с которого просматривалось внутреннее пространство всех башен ВЛО. Рассматриваемая система планировки укрепления, которая включала оборонительную линию и командно-наблюдательный пункт, получила распространение в средневековом Крыму, очевидно, со времени появления здесь крепостей итальянских колонистов, что стало своеобразной демонстрацией достижений западноевропейского военно-инженерного дела. Военно-политическое противостояние княжества Феодоро и Генуи на полуострове стимулировало, таким образом, изучение и заимствование военного и фортификационного опыта противника населением и правящей элитой Мангупского городища [Герцен, 1990, с. 142].

Благодаря исследованиям Х. -Ф. Байера и А. Ю. Виноградова достигнут серьезный прогресс в области изучения эпиграфики Мангупского дворца. Независимо друг от друга ими опубликован отличающийся лишь в деталях современный перевод строительной надписи 1425 г. из раскопок 1912 г.: «[Построена э]та [башня (?)] вместе с двор[цом и с благос]ловенной крепост[ью, которая ныне видима, во] дни

господина Ал[ексея, господаря город]а Феодоро и по[морья, в окт]ябре 6934 года» (рис. 14) [Байер, 2001, с. 206, 208; IOSPE V, №179; Виноградов, 2017, с. 293]. Кроме этого, А. Ю. Виноградову, в отличие от В. В. Латышева, удалось дешифровать остатки текста еще на трех сохранившихся надписях с территории памятника: строительной 1403 г. («... 1 [ап]реля, в [воскресенье], в шесть тысяч девятьсот 11-м году, в 11-й индикт») (рис. 15) [IOSPE V, №178], надгробной XV в. с именем Карамани... («[Упокоился (или Почил) иже во блаженной памяти] и раб [Божий] Карамани[...]») (рис. 11, сверху) [IOSPE V, №190] и наиболее ранней посвячительной, с датой в пределах X-XI вв., с византийским титулом комит и именем Мунзи/Мунзит [IOSPE V, №184]. По его мнению, имена Карамани... и Мунзи/Мунзит являются тюркскими по происхождению и свидетельствуют о неоднородном составе населения Мангупа в разные исторические эпохи [Виноградов, 2017, с. 282].

Крайне дискуссионной в историографии остается интерпретация содержания монограмм из греческих букв ТХ (реже – ТХВ) на лицевой стороне красноглиняных чашек, тарелок и блюд под монохромной желтой или желто-коричневой глазурью, характерных для культурных горизонтов дворцового комплекса XV в., начиная с исследований Р. Х. Лепера в 1912-1913 гг. (рис. 26; 262, 5; 263; 264, 1; 265; 266, 1; 283, 1; 291, 2; 292, 5; 296, 17; 321, 19-21; 324, 1; 334, 4) [Лепер, 1913б, с. 153; см. об этом: Науменко, Душенко, 2017, с. 195, рис. 4-5; 6, 1]. На Мангупском городище, помимо дворца, они также встречаются в культурном слое многих других крупных архитектурно-археологических объектов феодоритского периода (например, цитадели на мысе Тешкли-бурун или Большой базилики), а за его пределами лишь изредка при раскопках крепостей Фуна [наружное граффити ТХ на тарелке из комплекса третьей четверти XV в.: Тесленко, 2021, с. 219, рис. 81, 4; ср. менее понятное граффити ТВ на сосуде из верхнего горизонта этого же памятника: Кирилко, 1999, с. 139, рис. 2, 11; Мыц, 2009, с. 413], Чембало [из слоя пожара 1434 г.: Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 22, рис. 102; Мыц, 2005, с. 294, рис. 7; 2009, с. 413, рис. 272; Тесленко, 2021, с. 219, рис. 81, 1] и Алустон [из слоя пожара 1475 г.: Мыц, 2009, с. 413, рис. 271; Тесленко, 2021, с. 218, рис. 80, 6], входивших в состав княжества Феодоро или, по крайней мере, оказавшихся на определенном этапе своей истории в сфере политических интересов мангупских пра-

вителей. Такая география артефактов [вместе с химическим анализом их глиняного теста: Тесленко, 2012, с. 230] позволяет рассматривать данную группу парадной глазурованной керамики в качестве продукции местного ремесленного производства на Мангупе, выпускавшейся, вероятно, в период 1425-1475 гг., так как большинство находок все-таки связаны с археологическим изучением резиденции правителей княжества Феодоро на Мангупском плато. Такой же датировки в целом сейчас придерживаются и все другие исследователи, занимающиеся хронологией поливных изделий с монограммой ТХ [Мыц, 2005, с. 294; Тесленко, 2021, с. 86-87].

Долгое время считалось, что под аббревиатурой ТХ на интересующих нас поливных сосудах скрывается имя известного по мангупской надписи 1361-1362 гг. гекатонтарха (сотника) Хуитана (или традиционно Хуйтани) [Якобсон, 1953, с. 414; Даниленко, Романчук, 1969, с. 123; о надписи см.: IOSPE V, №176]. В. Л. Мыцу, со ссылкой на неопубликованные материалы археологических исследований дворца в 1974 г., удалось показать невозможность такой гипотезы, так как она противоречила стратиграфическим условиям обнаружения находок с такой монограммой в культурном слое на памятнике, происходящим исключительно из горизонтов XV в., а не более раннего времени [Мыц, 1991а, с. 102; Мыц, 2005, с. 294]. Однако, его варианты дешифровки монограммы – «Техур» (от имени одного из последних князей Феодоро, правившего в 1475 г. [Мыц, 1991а, с. 102; 1991б, с. 183-186]), или «тхубо» (от адыгского приветствия «на здоровье» [Мыц, 2005, с. 418]), также нельзя признать удачными. Первая версия может быть полностью отвергнута, потому что правителя с таким именем на Мангупе никогда не было, что признает и сам В. Л. Мыц [Мыц, 2005, с. 295; 2009, с. 418], вторая же выглядит совершенно произвольной, с чем ее автор тоже согласен [Мыц, 2009, с. 418]. В результате, на сегодняшний день, единственной обоснованной гипотезой о содержании монограммы ТХ на феодоритской поливной керамике остается предположение В. Н. Залесской, которая считала, что это буквенное сочетание следует расшифровывать как монограммическое христианское сакральное изречение: Χ[ριστός] Τ[ρόπαιον] (или Τ[εῖχος]), то есть «Христос – победное знамя (или «твердыня»», а для тройной лигатуры ΧΤΒ – Χ[ριστός] Τ[ρόπαιον] (или Τ[εῖχος]) Β[οήθει], то есть «Христос – победное знамя (или «твердыня»», помоги» [Залесская, 1993, с. 374]. В та-

ком случае, монограмма на парадной посуде, по сути, являлась не только знаком княжеской собственности, но и выполняла функции апотропейона для владельца, указывая одновременно на его христианское вероисповедание [Залесская, 1993, с. 374; 2011, с. 219].

1.6. Раскопки А. Г. Герцена (2006-2010, 2014-2021 гг.)

Незавершенность раскопок Мангупского дворца в XX в., неопубликованность, по большей части, материалов этих исследований, дискуссионность многих вопросов истории и археологии памятника стали главными причинами возобновления его археологического изучения в 2006 г. Здесь не имеет смысла еще раз останавливаться на общих итогах новейших раскопок дворца, уже достаточно хорошо освещенных в литературе [Науменко, Герцен, 2022б]. Отметим лишь важность систематичного характера выполненных работ, позволивших завершить к 2021 г. полное изучение крупного архитектурно-археологического объекта. Для нашего историографического обзора первостепенный интерес представляет анализ степени опубликованности результатов современных раскопок дворцового комплекса и то, как менялись, по мере раскрытия отдельных архитектурных узлов и участков исследований, представления их авторов об основных этапах истории памятника, его стратиграфии и размерах.

Несмотря на то, что исследования княжеского дворца на Мангупе завершились совсем недавно, их результаты хорошо известны в историографии. Библиография новейшего периода раскопок памятника насчитывает уже более 50 научных публикаций, которые, по своему формату и содержанию, можно разделить на четыре основных направления: краткие сообщения о ходе полевых работ; издания отдельных групп находок; введение в научный оборот наиболее показательных археологических комплексов, во многом определяющих хронологию открытой на площади раскопа застройки дворцового и додворцового времени; и обобщающие аналитические исследования, дающие возможность оценить промежуточные и общие результаты изучения памятника.

Краткие сообщения о предварительных результатах раскопок. Необходимость и возможность такого рода публикаций появилась лишь после 2014 г., когда центральная часть Мангупского дворца, в основном затронутая работами наших предшественников, была пол-

ностью доследована, и раскопки стали вестись на площади новых археологических объектов. Изданы предварительные результаты полевых работ 2014-2015, 2017-2021 гг., что позволяет получить общее представление о последовательности ведения раскопок в это время на Юго-Западном, Западном, Восточном и Северном участках исследований дворца [Герцен, Науменко, Душенко, Лавров, 2014, с. 203-207; Герцен, Науменко, Душенко, Корзюк, Лавров, Смекалова, Шведчикова, Чудин, 2015, с. 6-12; Герцен, Науменко, Душенко, Корзюк, Лавров, Смекалова, Шведчикова, Чудин, 2016, с. 130-132; Герцен, Науменко, Душенко, Ганцев, Набоков, 2018, с. 37-38; Герцен, Науменко, Душенко, Ганцев, Иожица, Набоков, 2019, с. 79-81; Герцен, Науменко, Душенко, Ганцев, Иожица, Набоков, 2020, с. 111-112; Герцен, Науменко, Душенко, Ганцев, Иожица, 2021, с. 27-29; Герцен, Науменко, Душенко, Ганцев, 2022, с. 111-113]. Нужно также отметить, что, несмотря на краткий характер всех перечисленных публикаций, они не содержат, как сейчас становится понятным, принципиальных ошибок или неточностей в оценке атрибуции и хронологии археологических объектов.

Публикации отдельных находок группы «small finds». Они составляют основной объем изданных к настоящему времени материалов новейших раскопок Мангупского дворца. Причем, если первые сообщения носили еще сугубо информационный характер [Герцен, 2010], либо дворцовые находки в них были совмещены с однотипными изделиями, обнаруженными ранее на других памятниках Мангупа [Душенко, 2013а, с. 294, 297, рис. 1, 3, 7; 2, 1-2 (кат. №№3, 8); 2013б, с. 345, 351, рис. 2, 23-26 (кат. №№23-26); 2016, с. 222-229, рис. 1, 1; 2, 14-19, 24-26; 3, 27, 32; 5, 42-46; 6; 7, 3 (кат. №1, 14-19, 24-27, 32, 42-52); Моисеев, 2013, с. 185-186, рис. 4, 5-31], то, начиная с коллекции предметов из кости и рога (75 деталей вооружения, костюма, орудий труда, предметов для игр, накладок, заготовок и отходов производства) [Душенко, 2015], такие публикации становятся основным способом систематизации данных о различных группах бытовых изделий из керамики, камня, стекла, металлов, характеризующих материальную культуру жителей одного из центральных кварталов Мангупского городища и являющихся основой для изучения в дальнейшем многих разнообразных сюжетов в его истории.

На сегодняшний день, введены в научный оборот обнаруженные в культурном слое двор-

цового комплекса коллекции разновременных предметов вооружения и защитного снаряжения [Науменко, Душенко, 2019; Душенко, 2021], пряслиц [Ганцев, 2021], ранневизантийских эзагиев (рис. 147, 1-6) [Душенко, 2018, с. 262, рис. 1, 2-3, 5-6 (кат. №№2-3, 5-6)] и деталей повседневного костюма (рис. 146) [Науменко, Набоков, 2021], ротационных каменных жерновов IX-XI вв. (рис. 182, 6-7; 238, 14) [Ганцев, 2020а], золотоордынских металлических зеркал (рис. 226-227) [Душенко, 2020а; Душенко, Антипенко, 2022, рис. 2; 3, 1-3], свинцовых текстильных пломб XV в. [Душенко, 2023, с. 429-431, 433-435, рис. 2-6 (кат. №№1-20, тип 1)], а также уникальные для археологии Мангупа сасанидский ложный перстень-печатка (мухр) из халцедона второй половины VI – начала VII вв. с символами правящей династии (рис. 147, 7) [Науменко, Герцен, 2021], византийская бронзовая иконка-привеска конца XIII-XIV вв. с изображением конного св. Георгия (рис. 205, 9) [Науменко, 2021], серебряный литой крест-энколпион западноевропейского типа 1450-1475 гг. с изображением сцен Распятия на лицевой стороне и Умиления на обороте [Науменко, 2020б] и византийская стеклянная лампада с тремя петлевыми ручками для подвешивания периода 1462-1475 гг. (рис. 272, 4) [Ганцев, 2020б].

Помимо предметов быта и изделий статусного круга, принадлежащих жителям Мангупской крепости в различные исторические эпохи, в научный оборот постепенно вводятся результаты изучения полученной в ходе раскопок дворцового комплекса коллекции нумизматических и сфрагистических находок (более 1000 единиц). На сегодняшний день, лучше всего систематизированы монеты византийского происхождения (всего 279 экз., около 27,5% от общего числа монет на памятнике), коллекция которых дает достаточно полное представление об особенностях монетного обращения в регионе с момента строительства на Мангупском плато в середине VI в. византийской крепости и вплоть до середины XI в., когда в ее истории завершается так называемый фемный период (рис. 144-145; 198) [Науменко, Якушечкин, 2022; см. также: Науменко, Набоков, Якушечкин, 2021, с. 168, рис. 4]. Сведения о статистике и ассортименте монет для других исторических периодов (золотоордынском, феодоритском, османском) пока присутствуют в литературе в неполном виде [Душенко, 2020б; Науменко, 2020а, с. 237-238, табл. 1] и, безусловно, могут быть скорректированы в процессе подготовки нумизматического

собрания к изданию каталожного типа. Из отдельных работ, посвященных уникальным находкам этого круга, отметим публикации нового типа гетуэзского аспра периода 1464-1475 гг. с изображением конного св. Георгия на аверсе и стилизованного герба рода Висконти и Сфонца на реверсе, выпущенного в Каффе [Науменко, Якушечкин, 2020; см. критику: Чореф, 2021], а также две печати высокопоставленных византийских чиновников – императорского сcribe Элеутерия конца VI – первой половины VII вв. (рис. 147, 8) [Науменко, Алексеенко, 2023; Науменко, 2023г] и императорского спафария и архонта Херсона Григория первой половины IX в. (рис. 198, 11) [Алексеенко, 2011, с. 123, рис. 2; 2017, с. 256, № I.1.20.1].

Совершенно особым направлением работы с находками группы «small finds» из раскопок Мангупского дворца в последние годы является их всесторонние исследования с помощью естественно-научных методов. Пока такие методы использованы лишь для изучения химического состава сплавов монет (выборки из раскопок 2018-2019 гг.) [Антипенко, Науменко, Наухацкий, Максимова, Смекалова, 2019; Антипенко, Наухацкий, Максимова, Смекалова, Науменко, 2019; Антипенко, Науменко, Наухацкий, Максимова, Смекалова, 2020; Antipenko, Nauhatsky, Maksimova, Smekalova, Naumenko, 2020], латинского креста-энколпиона XV в. [Науменко, Максимова, Наухацкий, 2020] и золотоордынских металлических зеркал [Душенко, Антипенко, 2022]. Наиболее интересные результаты получены в ходе рентгенофлуоресцентного анализа зеркал, изготовленных из близкой, по структуре сплава, оловянисто-свинцовой бронзы в крупных поволжских ремесленных центрах Улуса Джучи [Душенко, Антипенко, 2022, с. 69].

Издания опорных археологических комплексов и объектов. В первые годы современных раскопок княжеского дворца выделение хорошо датированных и закрытых, в археологическом смысле, комплексов являлось трудной задачей, так как работы велись в основном на площади Центрального и Южного участков исследований, где культурный слой был сильно поврежден в 1912-1913, 1938, 1968 и 1974 гг. Лишь к 2008-2009 гг., когда с территории памятника были полностью убраны балластные горизонты и слои отвалов, на площади раскопа сложилась благоприятная для планомерных исследований ситуация.

Важным открытием этого времени стали раскопки «южной дворцовой улицы», трасса

которой с севера и юга ограничена рядом построек и сооружений дворцового периода – помещениями Н, I, К и L, верхней и нижней террасами с двумя хозяйственными ямами №№29 и 30 (рис. 91-92). Данный планиграфический узел начал формироваться уже на начальном этапе строительства дворца в 1420-е гг. и продолжал функционировать вплоть до его гибели в 1475 г. Для понимания стратиграфической ситуации в этой части памятника и хронологии открытых сооружений, опорными археологическими комплексами, уже введенными в научный оборот, являются заполнение ямы №29 в восточной части верхней террасы, использовавшейся между 1458-1459 и 1475 гг. [Герцен, Науменко, 2010, с. 397-412, ил. 4-11], и заполнение помещения Н, построенного около 1453-1462 гг. на месте разобранный к этому времени постройки золотоордынского периода [Науменко, Душенко, 2017, с. 201-222, 232, рис. 8-34]. К западу от помещения Н в 2015 г. удалось раскопать один из самых показательных за все годы исследований дворца строительный комплекс СК-3 фемного периода, надежно датированный второй половиной IX – началом X вв. и также опубликованный [Науменко, Душенко, 2017, с. 226-232, рис. 38-48; здесь он обозначен как «скальное сооружение под западной стеной помещения Н»].

Начиная с 2014 г., основным направлением раскопок дворцового ансамбля постепенно становится Западный участок. Благодаря систематическому характеру работ, здесь удалось выявить максимально полную стратиграфическую колонку в истории памятника, представленную на местности несколькими строительными ярусами додворцового, дворцового и постдворцового времени. Из множества показательных археологических комплексов, характеризующих их, изданы яма №81 в квадрате №47 первой половины – середины IX в. [Науменко, 2022, с. 175-176, рис. 10, 12] и раннесредневековая улица в северной части раскопа (квадраты №№48 и 49) [Науменко, 2023б], которая функционировала без перерыва в середине VI-XI вв. и во многом определяла планировку застройки этого времени на месте будущего княжеского дворца.

Наконец, еще одним опубликованным археологическим объектом фемного периода из раскопок Мангупского дворца является скальная виноградодавильня МКВ-15, исследованная в 2017 и 2020 гг. на эспланаде северной оборонительной башни-донжона (помещения А) [Науменко, Ганцев, 2023, с. 87-88, рис. 7, 1-2].

Аналитические исследования. На раннем этапе исследований памятника (2006-2010 гг.), характеризующимся процессом накопления новых археологических данных, представления о его хронологии и периодизации еще мало чем отличались от точки зрения А. Л. Якобсона о двух строительных периодах в истории Мангупского княжеского дворца, датированных, соответственно, второй половиной XIV в. и периодом 1425-1475 гг. [см., например: Герцен, 2010]. Эти наблюдения хорошо вписывались в существующую гипотезу о длинном, в пределах XIV-XV вв. (до 1475 г.), периоде княжества Феодоро в истории Мангупского городища, в рамках которого позднее был выделен особый золотоордынский этап (около 1361-1395 гг.), обоснованный, в том числе, группой выразительных находок золотоордынского круга из раскопок дворца [Герцен, Науменко, 2015, с. 94-95; 2016а, с. 249-253; 2016б, с. 42-49].

Переломной, во всех смыслах, для понимания стратиграфической ситуации на площади раскопа и общей хронологии дворцового комплекса стала небольшая публикация 2018 г., в которой впервые была сформулирована гипотеза об использовании данного участка Мангупского плато на протяжении практически всех основных этапов в истории крепости, начиная с момента ее строительства в середине VI в. Всего в стратиграфии памятника, на основании проведенных археологических исследований, были выделены пять разновременных ярусов жилой и хозяйственной застройки, соотнесенных с ранневизантийским (середины VI-VIII вв.), фемным (середины IX-XI), золотоордынским (конца XIII-XIV вв.), феодоритским (собственно, дворцовым; около 1425-1475 гг.) и османским (около 1475-1774 гг.) периодами в истории Мангупа [Герцен, Науменко, Душенко, 2018].

В дальнейшем, основные положения этой гипотезы в общей оценке результатов изучения Мангупского дворца оставались неизменными [Герцен, Науменко, Душенко, 2019; Науменко, Герцен, Душенко, 2020; Науменко, 2020а, с. 236-238; Науменко, Герцен, 2022б]. Одновременно в ряде специальных работ детализирована археологическая ситуация для ярусов застройки ранневизантийского и фемного времени [Науменко, Душенко, Ганцев, 2022, с. 168-169; Науменко, 2022, с. 174-177; Науменко, 2023в], а также представлена предварительная графическая реконструкция объемно-планировочного решения центральной части дворцового комплекса (рис. 41) [Герцен, Науменко, Душенко, Иожица,

2019, с. 66-69, рис. 2; Науменко, Герцен, 2022б, с. 47-49, рис. 2].

Подведем общие итоги нашего историографического обзора. Проведенные в разные периоды XX в. раскопки Мангупского княжеского дворца являются важными этапами археологического изучения памятника. Р. Х. Лепером в 1912-1913 гг. была открыта центральная часть крупного архитектурного комплекса и опубликованы две основополагающие для его дальнейших исследований строительные надписи 1403 и 1425 гг. А. Л. Якобсону удалось сформулировать обоснованную археологически гипотезу о нескольких строительных периодах в истории дворца и предложить оригинальную реконструкцию его общего объемно-планировочного решения. Благодаря работам Е. Г. Сурова полностью доследована оборонительная башня-донжон резиденции правителей княжества Феодоро и восстановлена ее конструктивное устройство. Наконец, главной заслугой Е. В. Веймарна в истории изучения дворца является попытка первых полных исследований памятника, показавших, несмотря на всю их незавершенность, исключительную важность именно такого подхода к изучению одного из центральных археологических объектов Мангупского городища.

Здесь не имеет смысла еще раз останавливаться на методических просчетах и ошибках наших предшественников при подготовке и во время ведения раскопок дворцового комплекса. Они, безусловно, были, и все они максимально учитывались в период современных исследований памятника. Главное, что удалось сделать в ходе работ 2006-2010, 2014-2021 гг. – это завершить продолжавшиеся более 100 лет исследования крупного археологического объекта и выделить в его стратиграфии строительные горизонты нескольких планиграфических структур, датированных додворцовым, дворцовым (около 1425-1475 гг.) и постдворцовым временем. В результате этих раскопок место и значение княжеского дворца в истории и археологии Мангупского городища принципиально изменилось. Теперь он уже не выглядит памятником, связанным исключительно с историей княжества Феодоро, но представляется более сложным археологическим объектом, содержащим едва ли не эталонную информацию для характеристики разнообразных политических, экономических и этнокультурных процессов на Мангупе и, шире, в Горном Крыму, происходивших на протяжении всего периода средневековья.

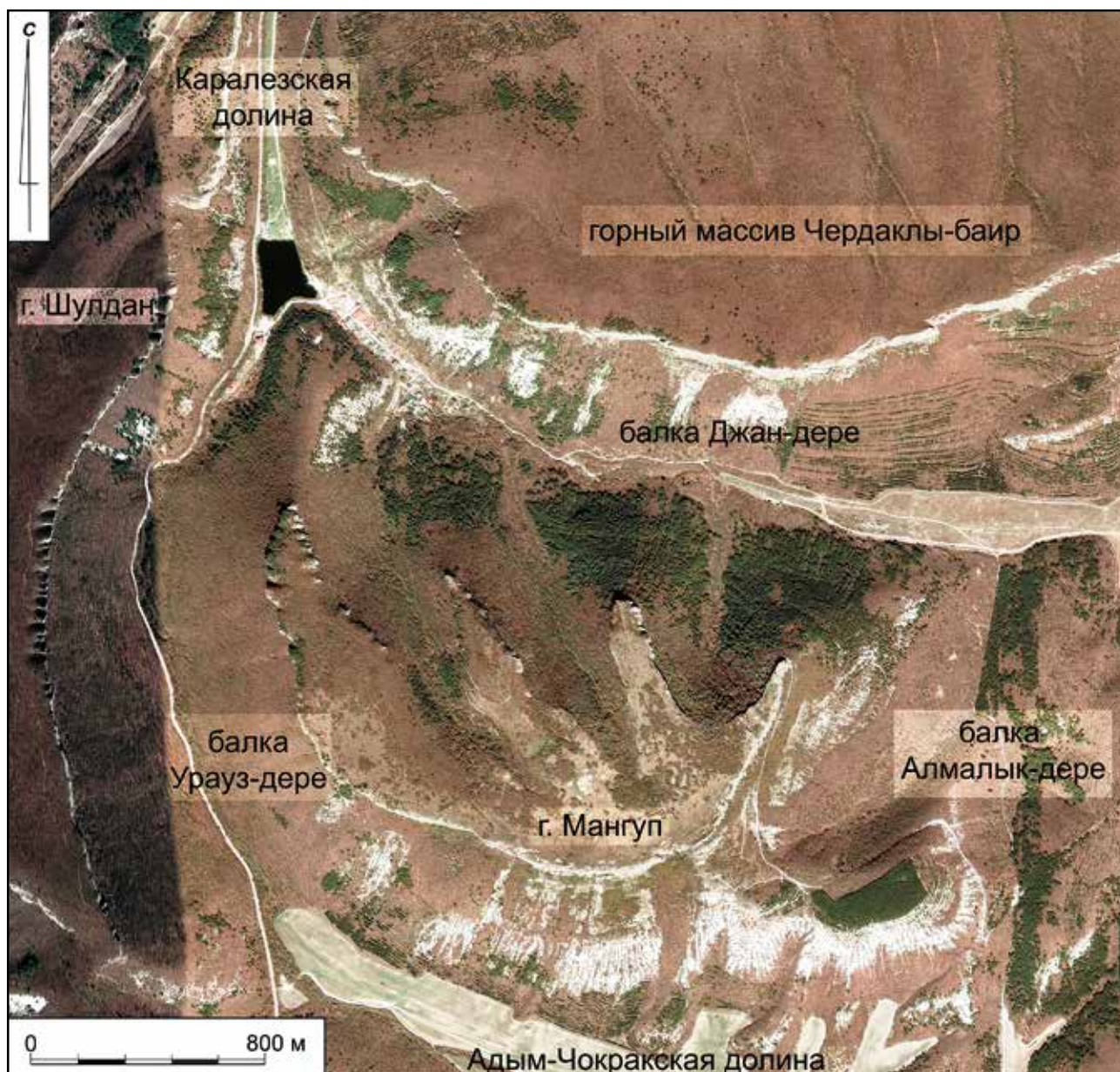

Рис. 1. Мангупское плато и его округа, современный вид (снимок из ресурса Google Earth, апрель 2004 г.)

1

2

Рис. 2. Мангупское плато: 1 – современный общий вид с севера.
На переднем плане – водохранилище и с. Ходжа-Сала;
2 – современный общий вид с юга, со стороны Адым-Чокракской долины

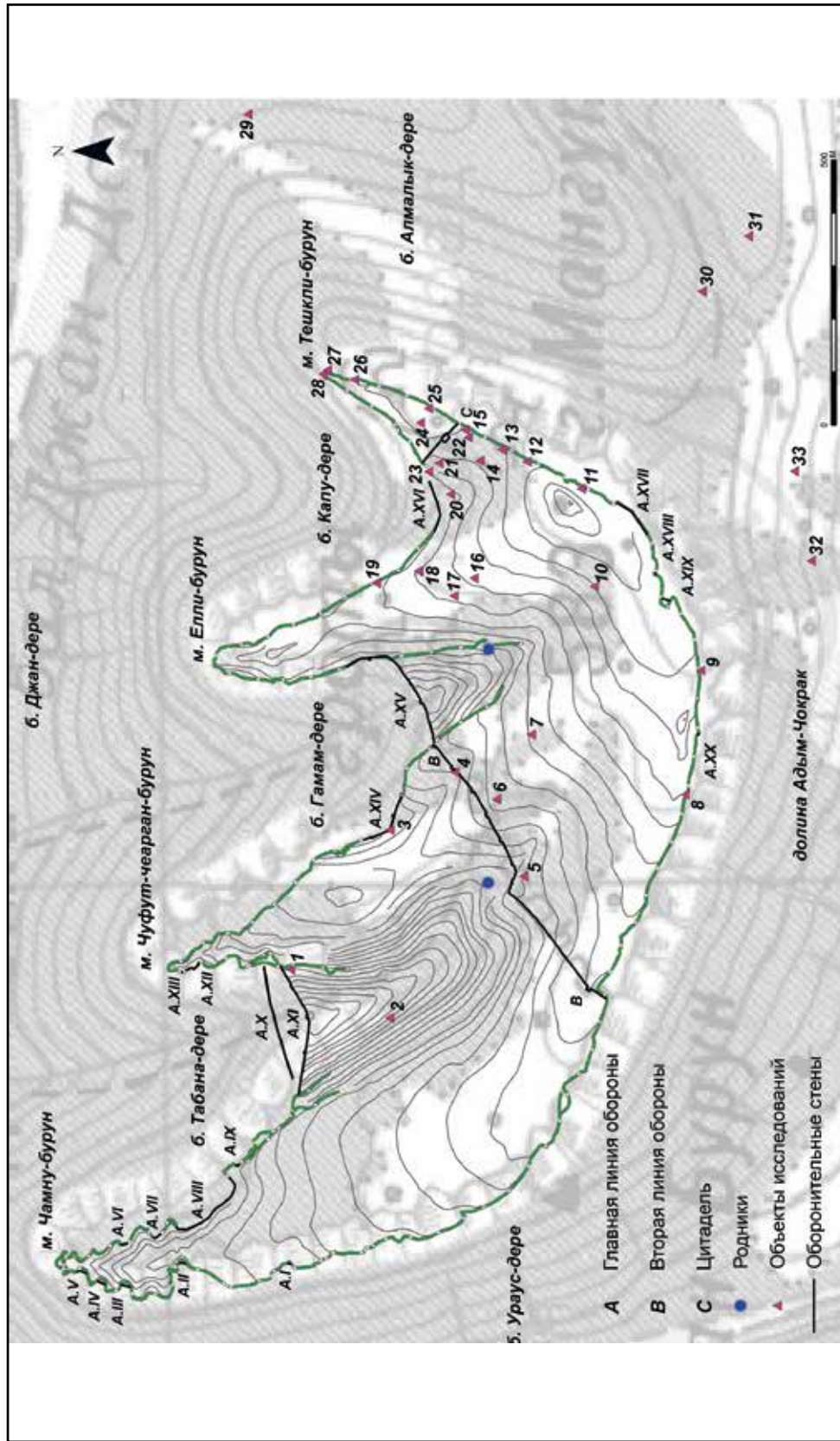

Рис. 3. Общий план Мангульского городища с указанием основных объектов археологических исследований 1853-2022 гг.:
 1 – Северный пещерный монастырь; 2 – караимский некрополь; 3 – позднеаримский некрополь в устье Лагерной балки;
 4 – поселение в пещере МК-2; 9 – Южный пещерный монастырь; 10 – церковь св. Константина; 11 – «Южная малая базилика»;
 8 – алтарь в пещере 1968 г.; 13 – Юго-Восточный монастырь; 14 – Главная мечеть; 15 – церковь 1967 г.; 16 – церковь 1969 г.;
 12 – церковь 1968 г.; 17 – мусульманский некрополь; 18 – церковь св. Георгия; 19 – церковь 2015 г.; 20 – церковь 2019 г.;
 21-22 – скальный некрополь на эспланаде цитадели; 23 – надвратная церковь с усыпальницами; 24 – октагональный храм;
 25 – церковь 2005 г.; 26 – «Гарнизонная церковь»; 27 – пещерная церковь под оконечностью мыса Тешкли-бурун;
 28 – Северо-Восточный монастырь; 29 – некрополь Алмалык-дере; 30 – крестообразный храма на вершине Мазар-тепе;
 31 – мусульманский некрополь на склоне Мазар-тепе; 32 – некрополь Южный I; 33 – некрополь Южный II

**Рис. 4. Центральная часть Мангупского плато.
Княжеский дворец и Большая трехнефная базилика.
Общее аэрофото 2018 г.**

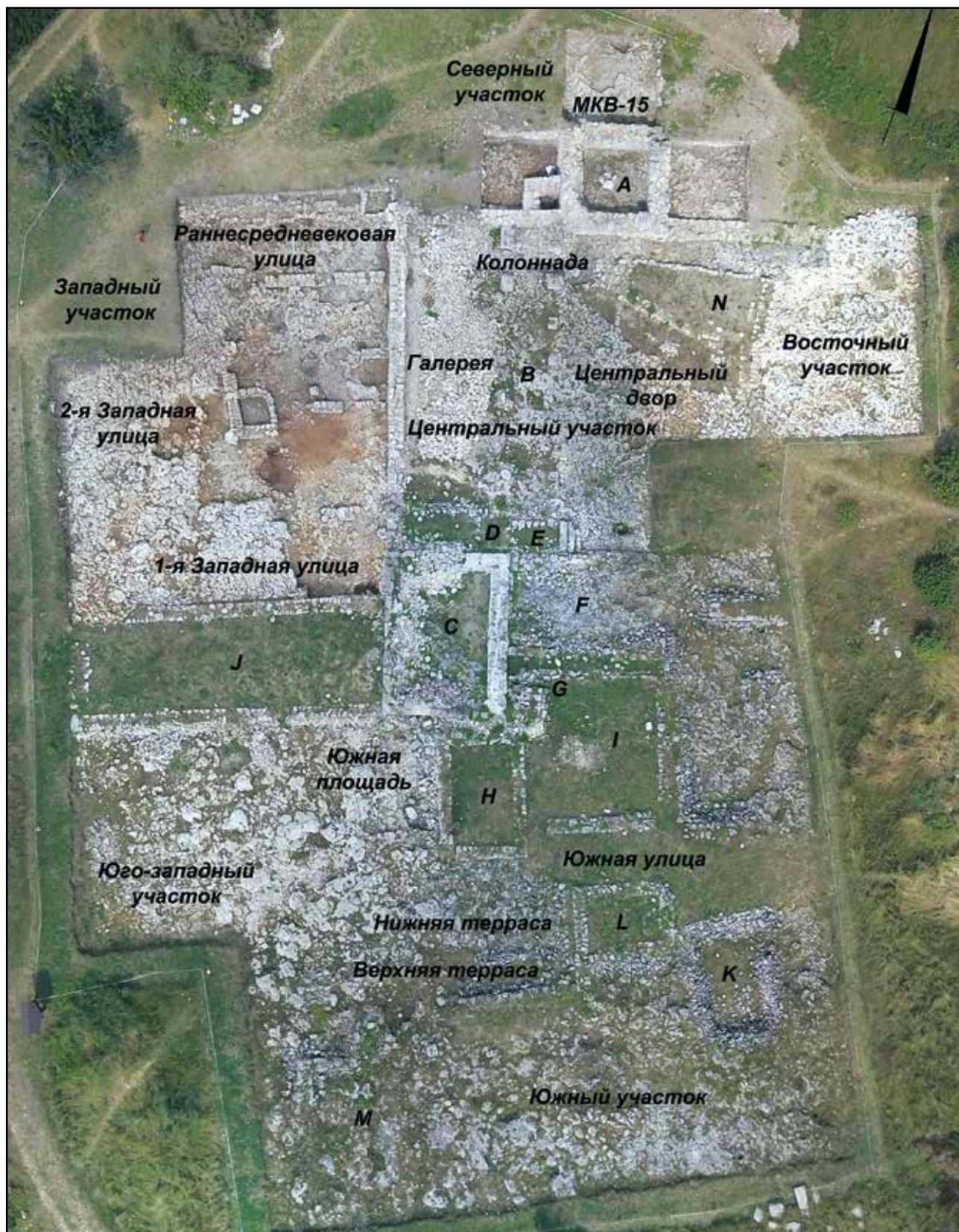

Рис. 5. Дворец. Общее аэрофото 2021 г. по завершении работ. Латинскими литерами обозначены основные помещения комплекса

Рис. 6. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг.
Общий план-схема архитектурного комплекса 1425-1475 гг.
и строительного яруса IX-XI вв. по завершении раскопок

Рис. 7. Дворец. Начальный этап раскопок Р. Х. Лепера в 1912 г.
Справа – оборонительная башня-донжон (помещение А) в процессе раскопок,
слева – земляной холм над западной галереей с двойной колоннадой (помещение В).
Общий вид участка исследований с востока, со стороны балки Гамам-дере [НАО ГМЗ ХТ.
Фотофонд. Инв. 1573: черно-белый негатив, стекло, размеры 13 x 18 см]

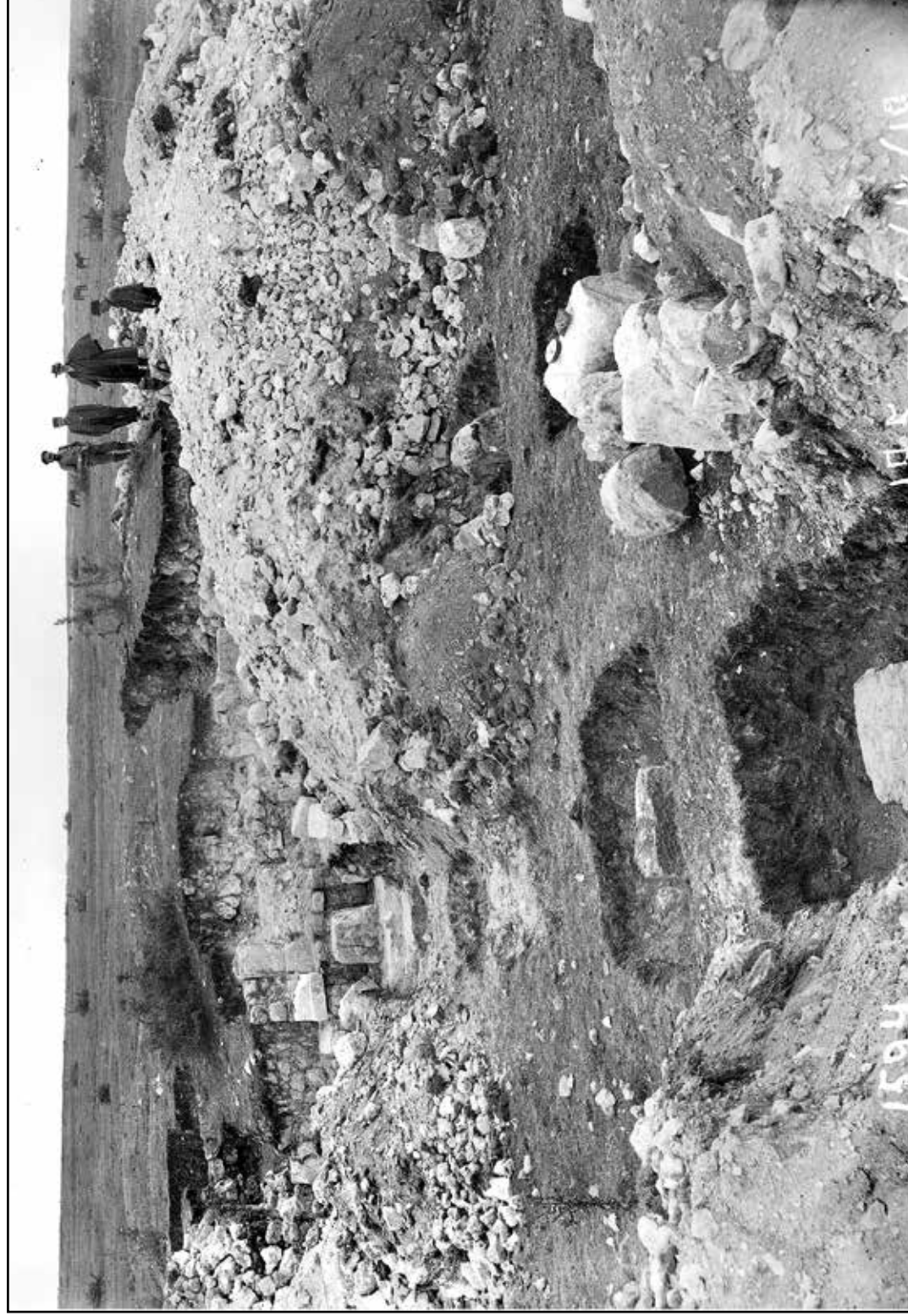

Рис. 8. Дворец. Раскопки Р. Х. Лепера 1912 г. Северная часть западной галереи с двойной колоннадой (помещение В) и открытым с помощью шурфов-зондажей внутренним (западным) рядом колонн. На заднем плане (отмечена на фото группой людей) – оборонительная башня-донжон дворца (помещение А) в процессе раскопок. Общий вид с юга, со стороны помещения С [НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 1594; черно-белый негатив, стекло, размеры 13 x 18 см]

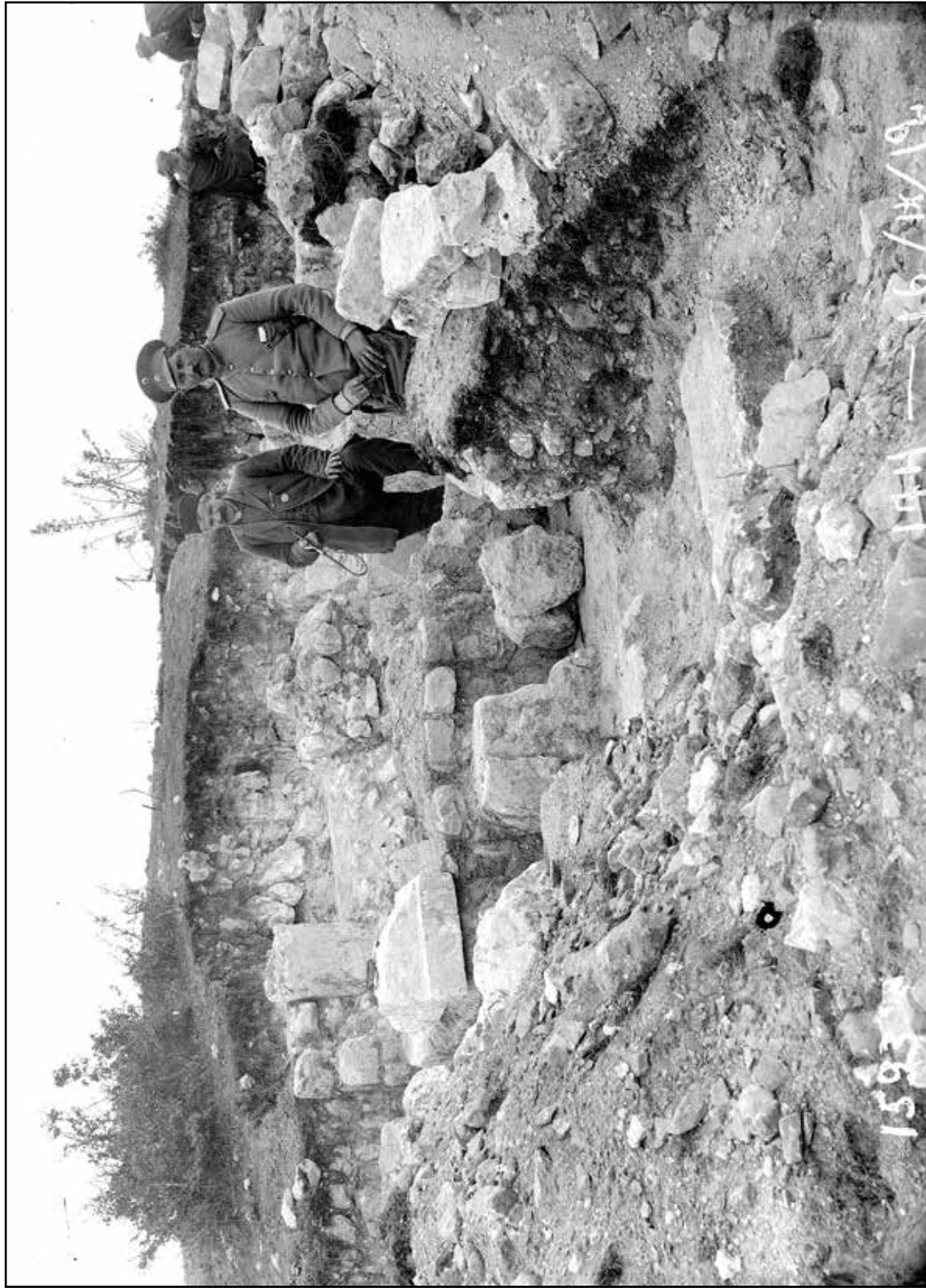

Рис. 9. Дворец. Раскопки Р. Х. Лепера 1912 г. Северная часть западной галереи с двойной колоннадой (помещение В) в месте ее стыка с северной оборонительной стеной оформленным выступающим западным пилоном [НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 1593: черно-белый негатив, стекло, размеры 13 x 18 см]

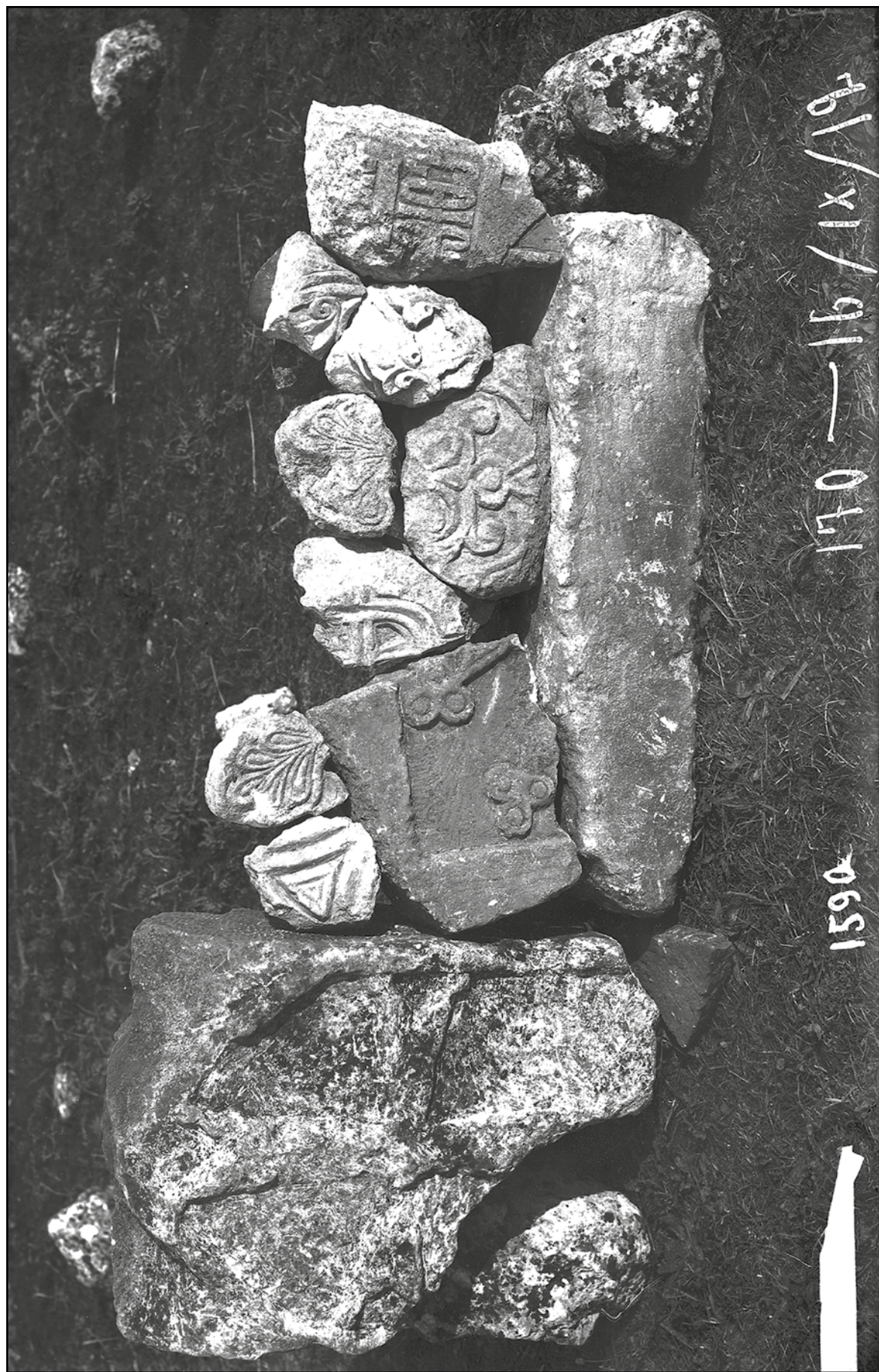

Рис. 10. Дворец. Раскопки Р. Х. Лелера 1912 г.
Наиболее показательные архитектурные детали [НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд.
Инв. 1590: черно-белый негатив, стекло, размеры 13 x 18 см]

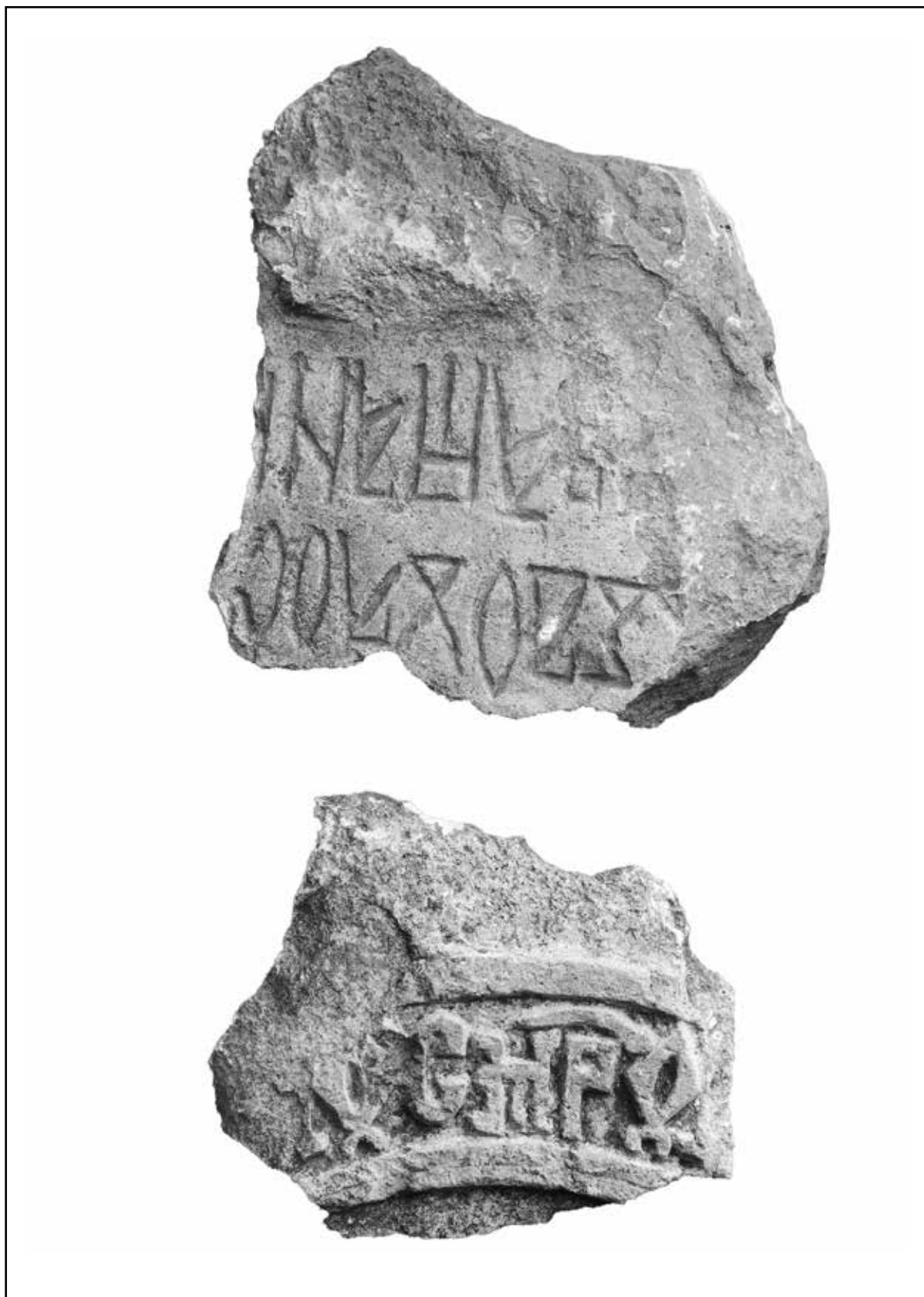

Рис. 11. Дворец. Раскопки Р. Х. Лопера 1912-1914 гг. Эпиграфические находки, фрагменты (фрагмент сверху перевернут автором). Фото 1914 г. [НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 1914: черно-белый негатив, стекло, размеры 13 x 18 см; см. также: Латышев, 1918, с. 21, рис. 4-5]

Рис. 12. Дворец. Раскопки Р. Х. Лепера 1912-1914 гг. Фрагмент эпиграфической находки. Фото 1914 г. [НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 1916: черно-белый негатив, стекло, размеры 13 x 18 см; см. также: Латышев, 1918, с. 19, рис. 2а]

Рис. 13. Дворец. Раскопки Р. Х. Лепера 1912-1914 гг. Фрагмент эпиграфической находки. Фото 1914 г. [НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 1917: черно-белый негатив, стекло, размеры 13 x 18 см; см. также: Латышев, 1918, с. 19, рис. 2б]

Рис. 14. Дворец. Раскопки Р. Х. Лепера 1912 г. Строительная надпись 1425 г. [Научный архив ИИМК РАН. Фотоотдел. О-779.58; место хранения – БИКАМЗ, инв. А-Б-1355; см. также: Лепер, 1913а, с. 78-79, рис. 7]

Рис. 15. Дворец. Раскопки Р. Х. Лепера 1912-1913 гг. Фрагменты строительной надписи 1403 г. [по: Латышев, 1918, с. 19, рис. 2]

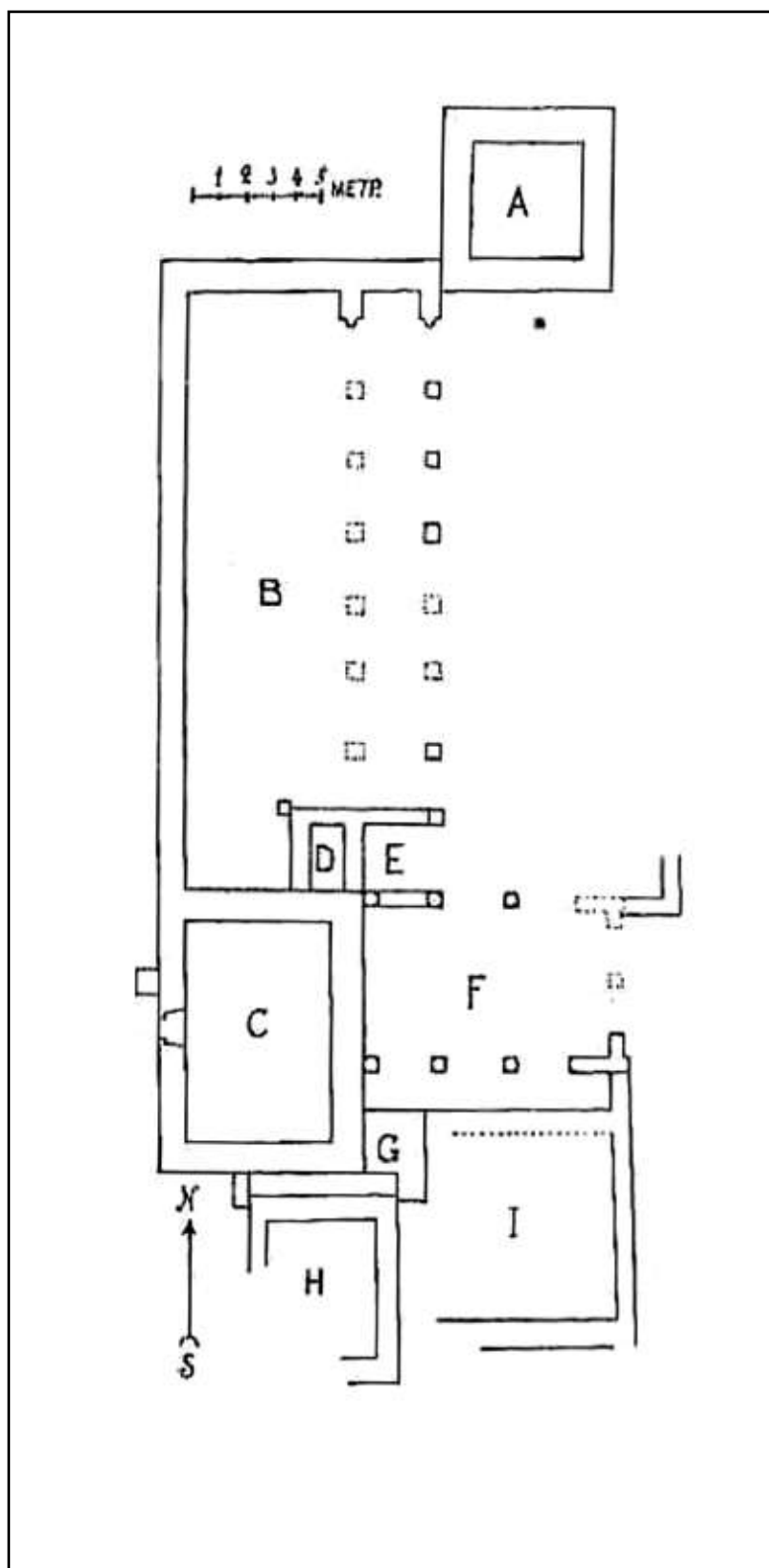

Рис. 16. Дворец. Раскопки Р. Х. Лепера.
 Общий план участка исследований 1912 г.
 Крупной точкой на плане к югу от помещения А
 обозначено место находки строительной надписи 1425 г.
 [по: Лепер, 19136, с. 150, рис. 5]

Рис. 17. Дворец. Раскопки А. Л. Яковсона. Помещение D по завершении работ.
Общий вид с севера [Научный архив ИИМК РАН. Фотоотдел. О-1492.3]

**Рис. 18. Дворец. Раскопки А. Л. Якобсона. Помещение В, южная часть.
Салтово-маяцкая керамика из нижнего культурного горизонта
[Научный архив ИИМК РАН. Фотоотдел. О-1833.11]**

Рис. 21. Дворец. Раскопки А. Л. Якобсона. Помещение F.
Фрагменты пифосов in situ вдоль южной стены постройки.
Вид с северо-запада
[Научный архив ИИМК РАН. Фотоотдел. О-1492.21]

Рис. 22. Дворец. Раскопки А. Л. Якобсона. Помещение F.
 Фрагменты поливной керамики с трехстрочной греческой надписью ΗΣΑΑΚ ΑΥΘΕΟΥ
 («Исаака владельца»)

[по: Якобсон, 1953, рис. 13, з (2); 32 (1); таблица составлена В. К. Ганцевым]

Рис. 23. Дворец. Раскопки А. Л. Якобсона.
Участок исследований к западу от помещений В и С.
Общий вид с юго-запада по завершении работ
[Научный архив ИИМК РАН. Фотоотдел. О-1492.6]

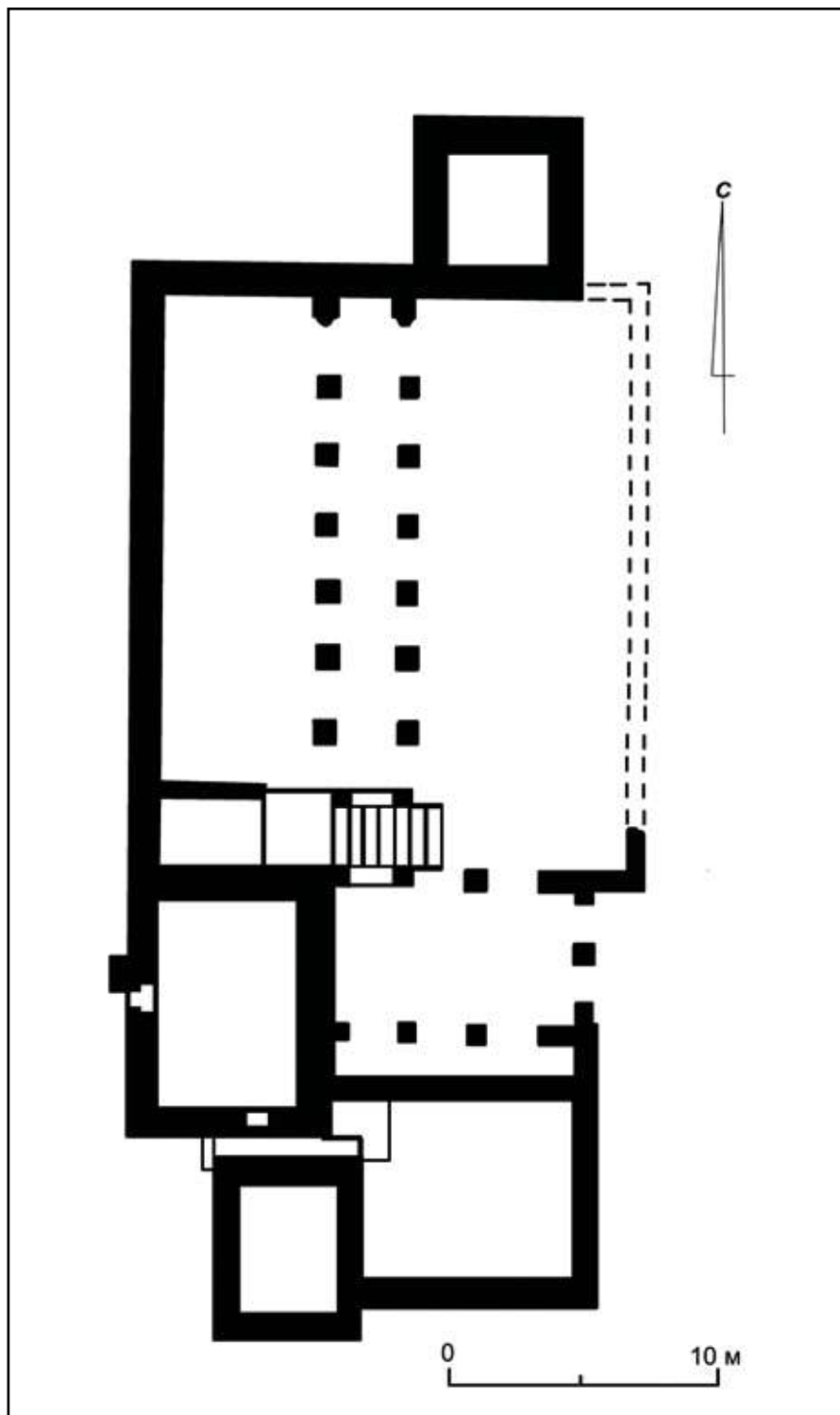

Рис. 24. Дворец. Раскопки А. Л. Якобсона.
Общий план-реконструкция по итогам раскопок 1938 г.
[по: Якобсон, 1964, с. 126-127, рис. 45]

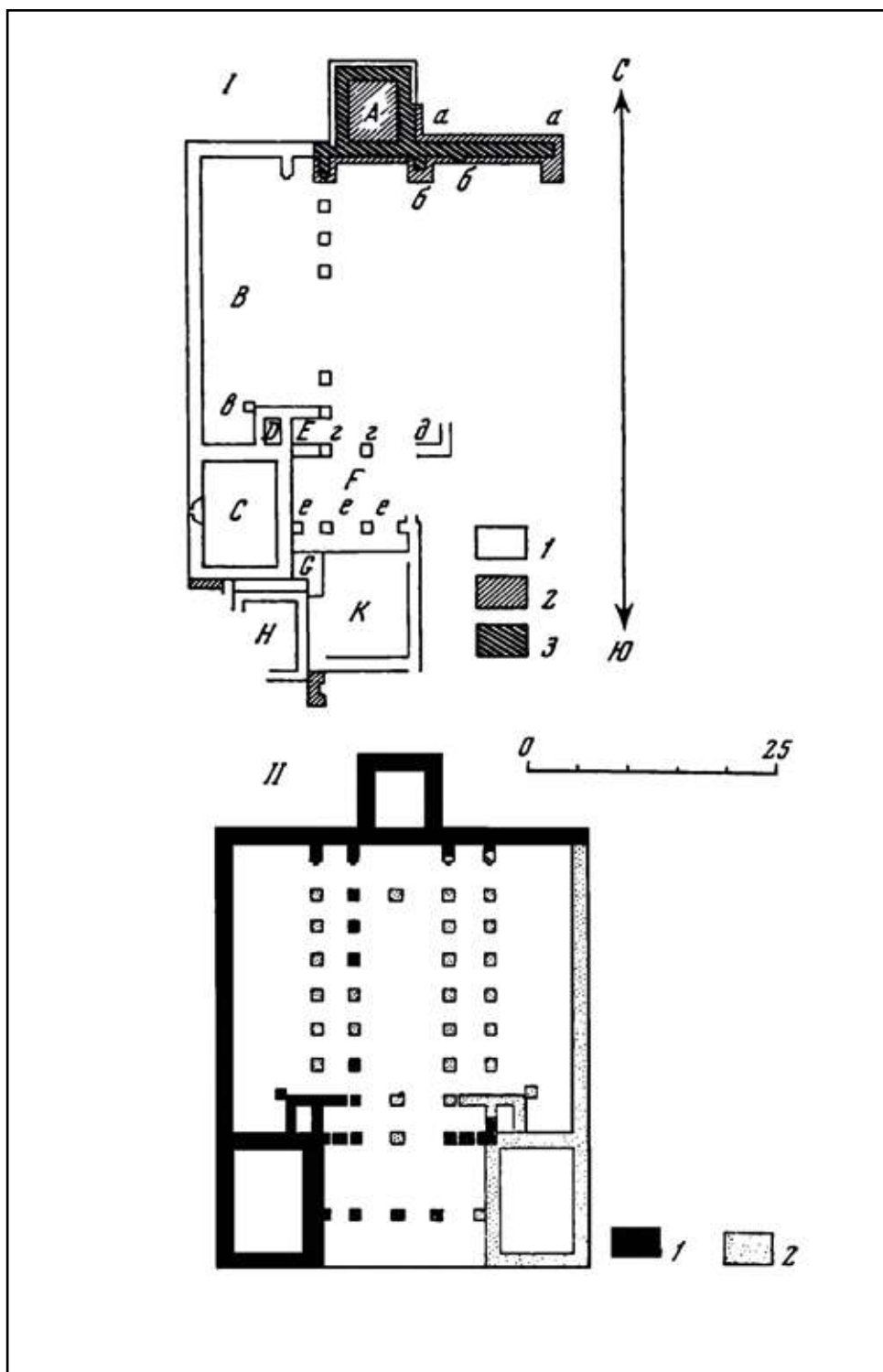

Рис. 25. Дворец. Раскопки Е. Г. Сулова. I. Общий план дворцового комплекса с указанием участков исследований: 1 – раскопки 1912-1913 гг.; 2 – раскопки 1968 г.; 3 – археологические объекты, исследованные в 1968 г. II. План-реконструкция дворца по итогам работ 1968 г.: 1 – археологически исследованные объекты; 2 – реконструируемые археологические объекты [по: Сулов, 1972, с. 98, рис. 34]

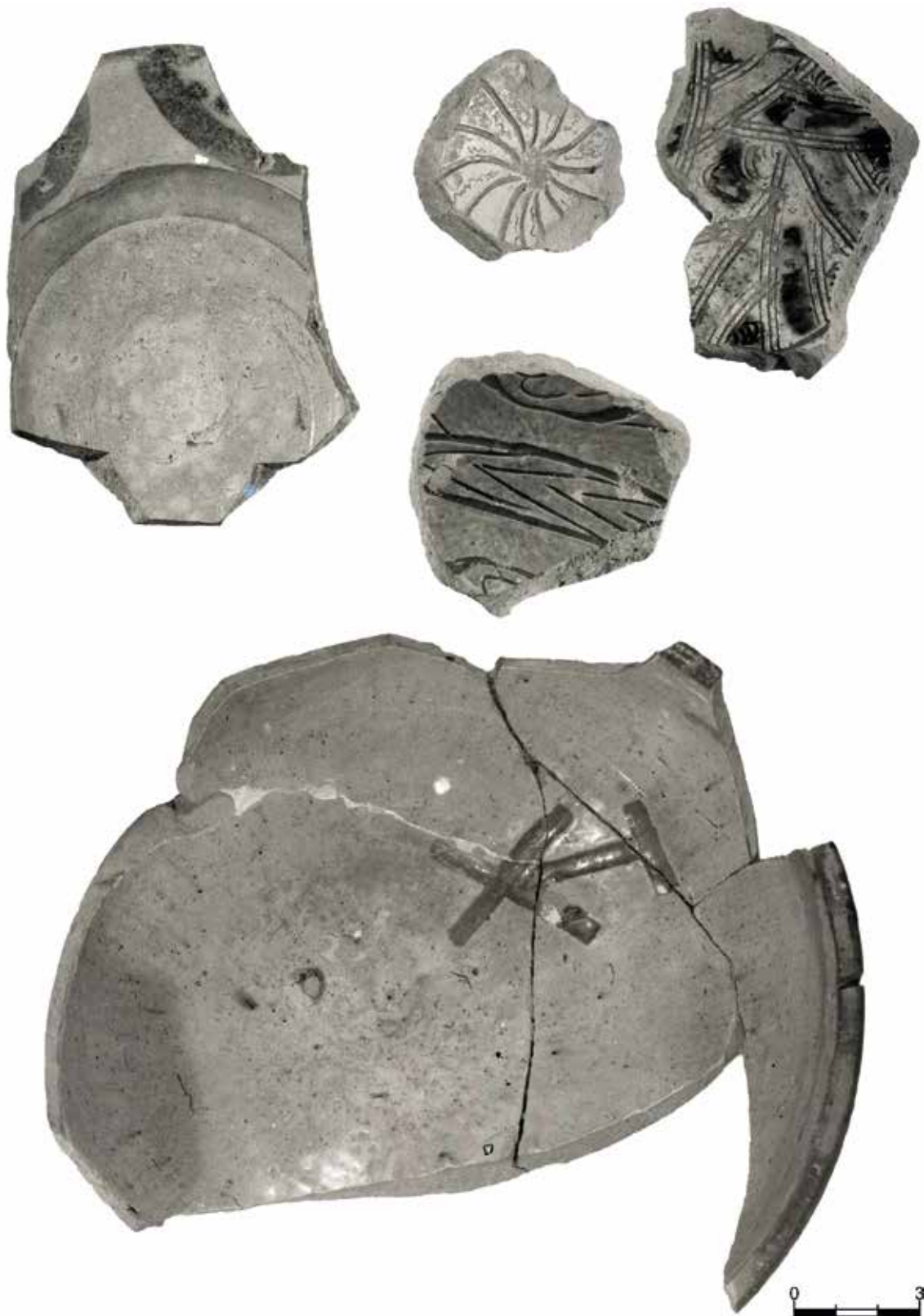

Рис. 26. Дворец. Раскопки Е. Г. Сурова. Фрагменты поливной керамики XIV-XV вв., предположительно, происходящие из раскопок помещения А [НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 14400-14401: черно-белый негатив, пленка, размеры 13 x 18 см]

Рис. 27. Дворец. Раскопки Е. Г. Сулова. Фрагменты поливной керамики XIV-XV вв., предположительно, происходящие из раскопок помещения А [НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 14399, 14402: черно-белый негатив, пленка, размеры 13 x 18 см]

Рис. 28. Дворец. Раскопки Е. Г. Сурова. Помещение А.
Горизонт разрушенной плитовой вымостки в юго-западном углу (слой №3).
Вид с северо-востока [по: Суров, 1968, рис. 5]

**Рис. 29. Дворец. Раскопки Е. Г. Сурова. Помещение А.
Фрагмент плитовой вымостки (слой №3) в положении in situ в северо-западном углу.
Вид с юго-востока [по: Суров, 1968, рис. 3]**

**Рис. 30. Дворец. Раскопки Е. Г. Сурова. Помещение А.
Реконструкция плитовой вымостки верхнего этажа башни-донжона
в процессе полевых работ [по: Суров, 1968, рис. 10]**

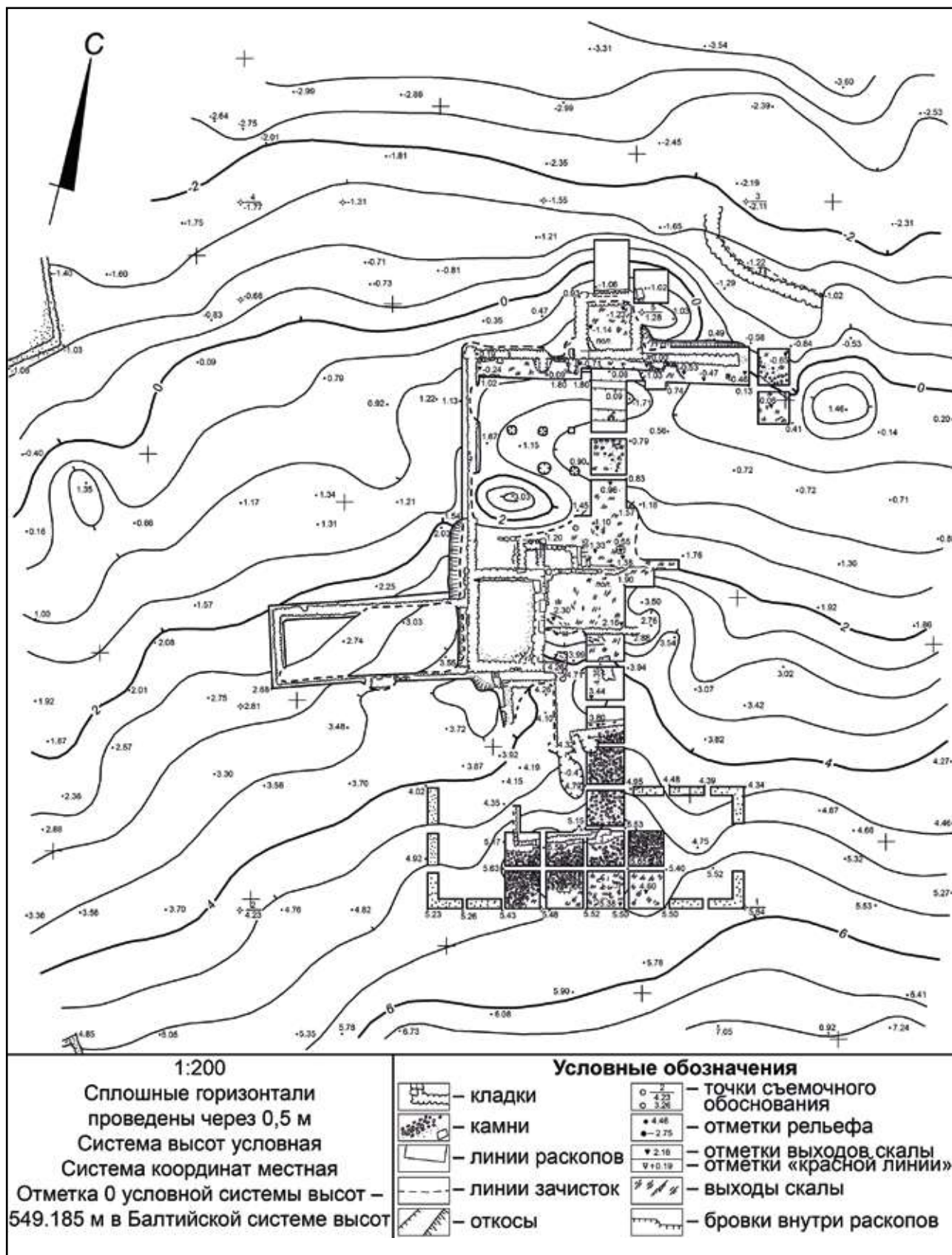

Рис. 31. Дворец. Раскопки Е. В. Веймарна. Топографический план участка исследований.
М 1:200 [по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 106]

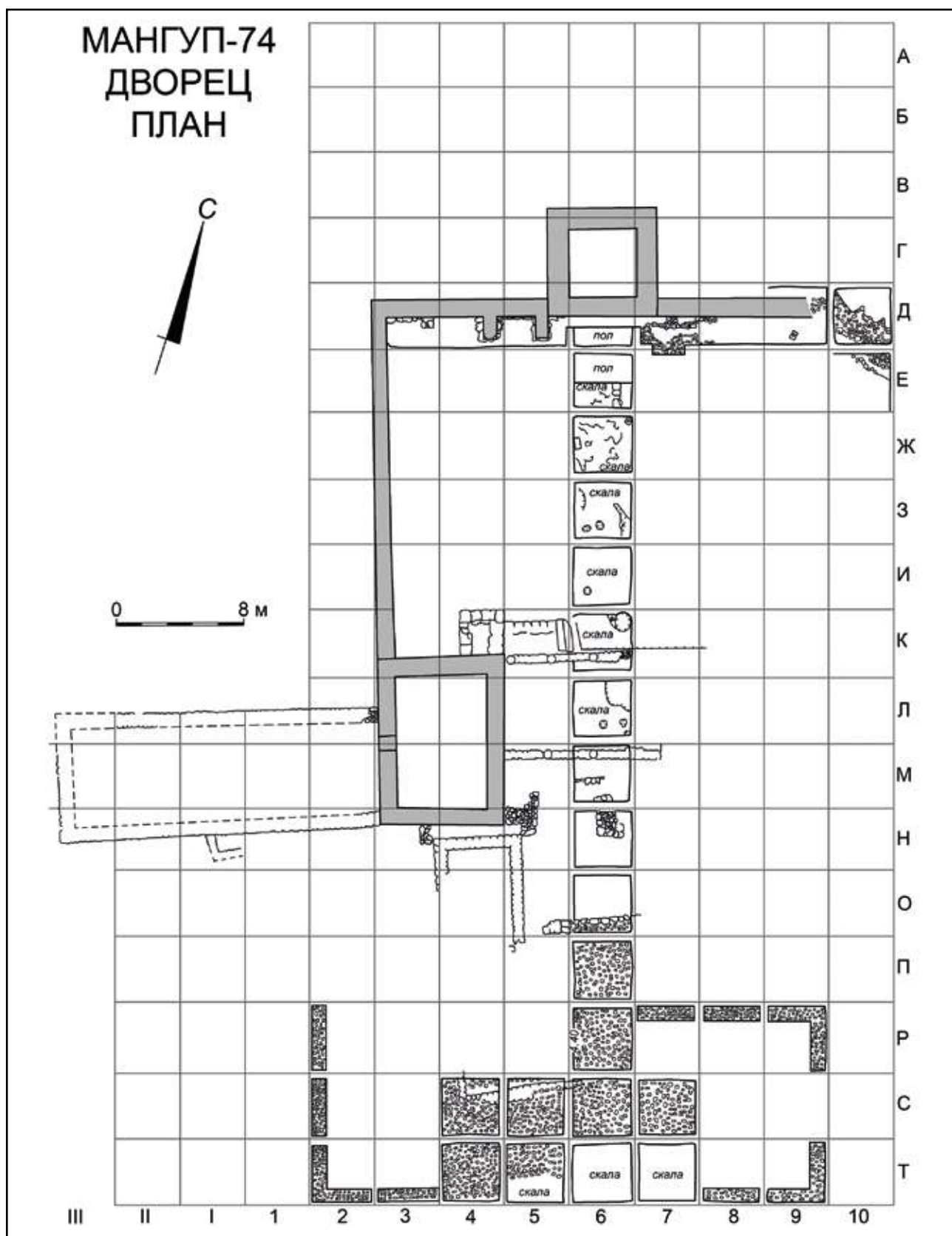

Рис. 32. Дворец. Раскопки Е. В. Веймарна.
Общий план участка исследований. М 1:200
[по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 2]

Рис. 33. Дворец. Раскопки Е. В. Веймарна:
1 – общая панорама участка исследований 1974 г. с востока, на финальном этапе работ
[по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 107];
2 – вывоз каменно-земляных отвалов на южном участке исследований с помощью техники.
Вид с юго-запада [по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 110]

**Рис. 34. Дворец. Раскопки Е. В. Веймарна.
Стратиграфическая траншея вдоль западной ветви северной оборонительной стены.
Общий вид с запада [по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 39]**

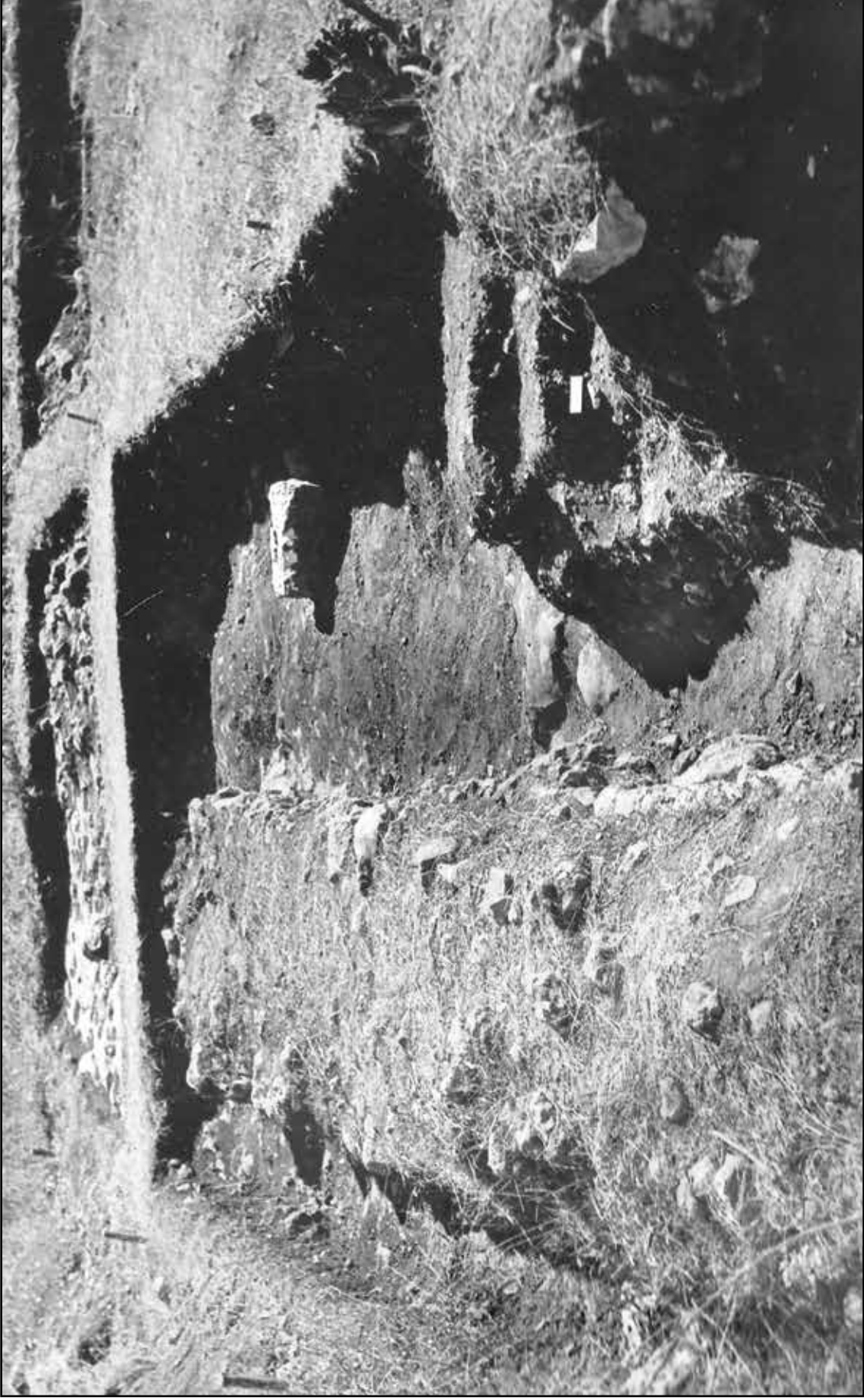

Рис. 35. Дворец. Раскопки Е. В. Веймарна.
Стратиграфическая траншея вдоль восточной ветви северной оборонительной стены.
Общий вид с запада [по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 45]

**Рис. 36. Дворец. Раскопки Е. В. Веймарна.
Участок пожара с обгорелым зерном на уровне дневной поверхности времени дворца
в квадрате Д-6. Общий вид с запада [по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 22]**

Рис. 37. Дворец. Раскопки Е. В. Веймарна.
Скальная пифосная яма в северо-восточном углу квадрата К-6 после выборки заполнения.
Общий вид с юго-запада [по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 69а]

Рис. 38. Дворец. Раскопки Е. В. Веймарна. Помещение F. Квадрат Л-6.
Стратиграфия восточного борта. Вид с запада [по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 78]

**Рис. 39. Дворец. Раскопки Е. В. Веймарна. Квадрат М-6.
На переднем плане – южная стена помещения F,
на заднем – фрагмент стены постдворцового времени на площади помещения I.
Вид с севера [по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 80]**

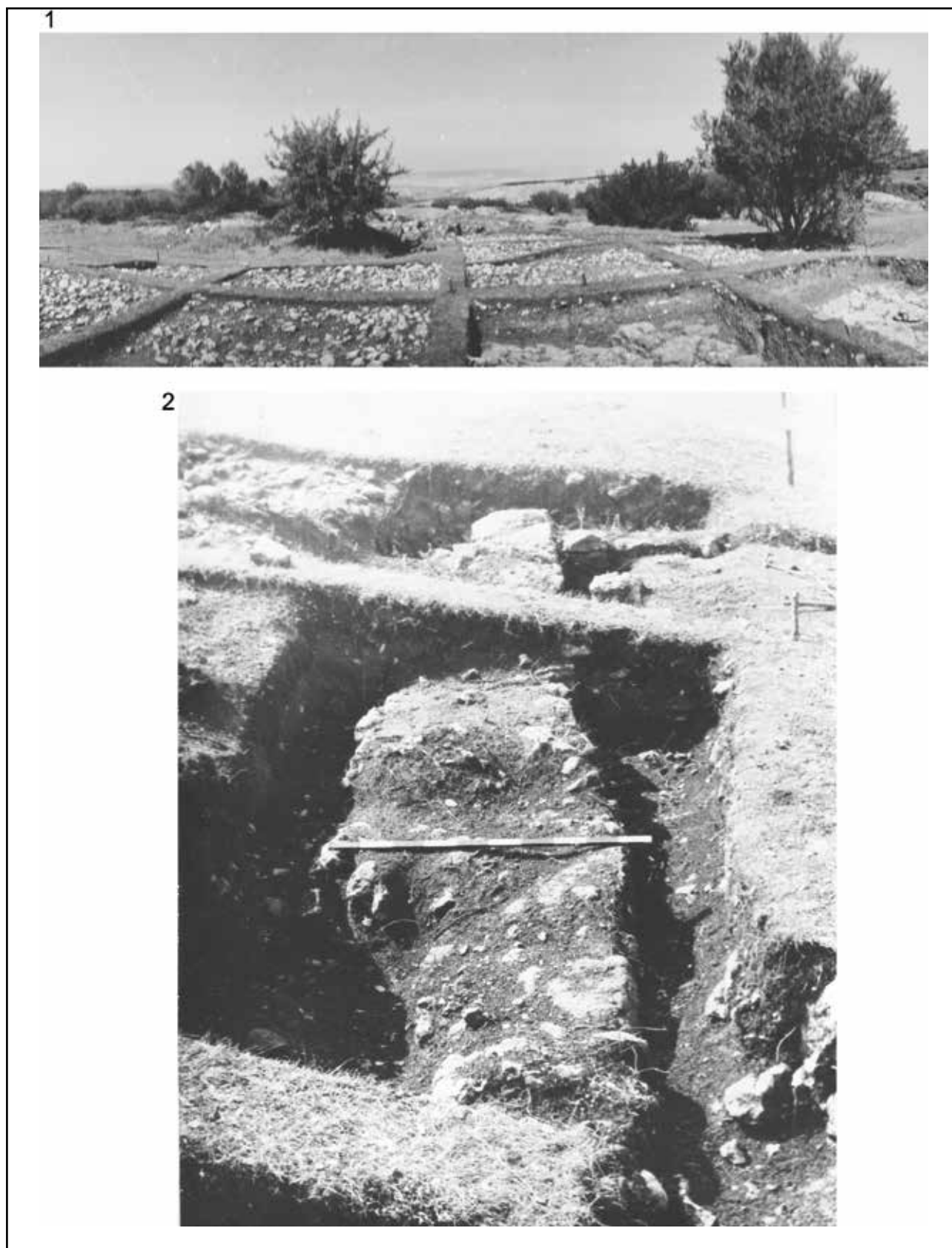

Рис. 40. Дворец. Раскопки Е. В. Веймарна:
 1 – Южный участок исследований. Общий вид с юга [по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 91];
 2 – Южный участок исследований. Квадраты С-4 и С-5.
 Фрагмент стены дворцового периода (предположительно кладка №39 раскопок 2006-2008 гг.)
 [по: Веймарн, Иванов. Отчет. Рис. 97]

1

2

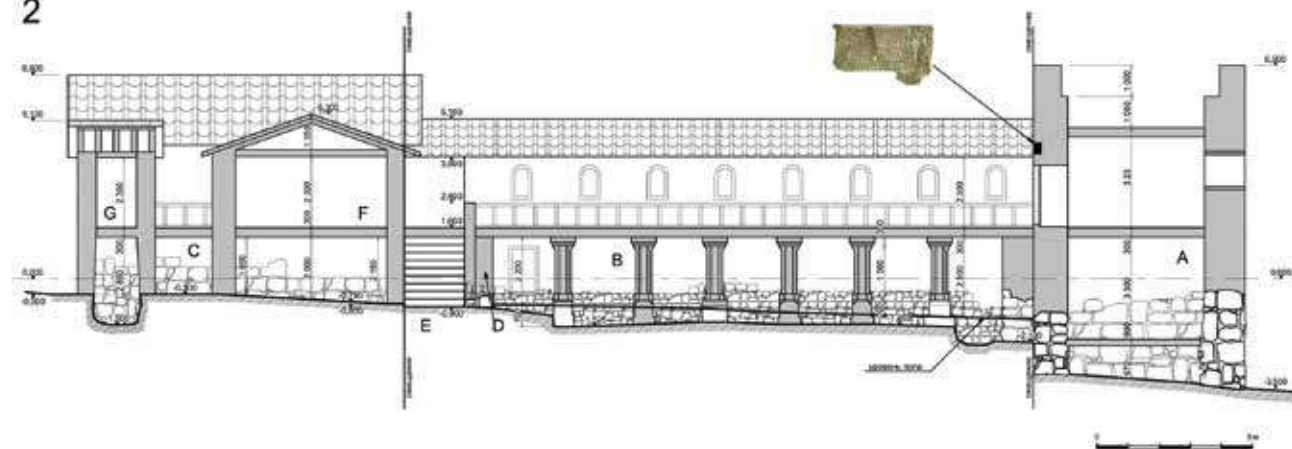

Рис. 41. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг.:
 1 – 3-D модель центральной части памятника [по: Науменко, Герцен, 2022б, с. 53, рис. 2];
 2 – помещения А, В, С, D, E, F, G. Разрез-реконструкция
 [по: Герцен, Науменко, Душенко, Иोजица, 2019, с. 66, рис. 2]

ГЛАВА 2

СТРАТИГРАФИЯ УЧАСТКА ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящем разделе монографии представлена систематизированная информация о стратиграфической ситуации в пределах участка исследований Мангупского княжеского дворца в 2006-2010, 2014-2021 гг. Многолетний характер работ, большая площадь раскопа (около 2900 кв. м), сильная поврежденность культурного слоя в центральной части дворца прежними раскопками, в ходе которых некоторые постройки (помещения А, В, С, D, E, F, G, I) были выбраны почти полностью, исключает возможность ее суммарного описания (рис. 5-6). Более оптимальным выглядит принцип характеристики стратиграфии памятника по отдельным участкам, что повторяет в целом полевую методику раскопок, начиная с Западного, где общая колонка культурных напластований сохранилась лучше всего, и затем последовательно на территории Северного, Центрального, Восточного, Южного и Юго-Западного участков, с итоговой синхронизацией хронологии и условий формирования основных культурных горизонтов. При этом описание отличающейся стратиграфической ситуации внутри ряда крупноразмерных архитектурно-археологических объектов – помещений J и раннесредневековой улицы на западе, помещений F и I в центре, южной дворцовой улицы и помещений H, K, L и M на юге, также лучше привести отдельно.

Несколько замечаний об общей организации раскопок дворца в 2006-2010, 2014-2021 гг. Со-

временная система разбивки площади раскопа на отдельные крупные участки исследований, ориентированные по сторонам света, была сформирована еще на начальном этапе работ и учитывала, как топографические особенности местности, так и результаты предшествующих раскопок. Тогда же была принята система из четырех постоянных геодезических реперов (R1-R4) для измерения высотных отметок (рис. 6). Для обозначения крупных сооружений (помещений) дворца, вслед за Р. Х. Лепером, использована система латинских литер. Сквозная нумерация арабскими буквами принята для археологических квадратов, а также отдельных кладок и хозяйственных ям, обозначая последовательность их открытия. Всего, по итогам новейшего этапа раскопок дворцового ансамбля, полностью изучены 19 крупных архитектурно-археологических комплексов (помещения А, В, С, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, «южная улица», «южная площадь», «1-я западная улица», «2-я западная улица», «западный двор»), а также 131 кладка от разновременных построек и 87 хозяйственных ям на площади 51 археологического квадрата в пределах шести участков исследований – Центрального, Северного, Восточного, Южного, Юго-Западного и Западного (рис. 6).

Центральный участок включает практически все объекты раскопок памятника до 2006 г. – помещения А, В, С, D, E, F, G и I. Он

имеет хорошо выраженные границы с севера, запада и юга, определяющиеся трассами крепостных стен комплекса и «южной улицы». Менее ясна восточная граница участка. На местности она ограничена территорией так называемого «центрального двора», расположенного между помещениями А и F. Основным репером на участке исследований является точка R4, за который принята верхняя сохранившаяся ступень каменной лестницы, ведущей на второй этаж помещения С (ее абсолютная высота 550,68 м). Раскопки в этой части дворцового комплекса в основном проводились в 2006-2009 гг.

Северный участок расположен на эспланаде северной крепостной стены дворца и его оборонительной башни-донжона (помещения А). Репером является точка R3 (545,93 м), на расстоянии 15 м к северу от помещения А. Раскопки здесь проводились на площади трех археологических квадратов – №38 (2017 и 2020 гг.), №№50 и 51 (2021 г.), заложенных снаружи башни с целью выяснения стратиграфической ситуации в этой части памятника. Они позволили, в том числе, исследовать скальную виноградодавильню МКВ-15, датированную второй половиной IX – началом X вв.

Восточный участок расположен к востоку от центрального участка, хотя это разграничение на местности носит несколько условный характер. Работы здесь велись в 2018 г. на широкой площади около 300 кв. м, в пределах семи археологических квадратов №№39-45, и позволили установить отсутствие восточной оборонительной стены дворцового комплекса и его открытый композиционно-планировочный характер в этом направлении. Кроме того, археологически изучены две разновременных постройки – строительный комплекс СК-5 второй половины IX-X вв. и перекрывающее его дворцовое помещение N, которое функционировало как зернохранилище на финальном этапе истории памятника и погребло в пожаре 1475 г. В качестве репера на участке исследований выступала точка R4.

Южный участок являлся главным направлением изучения дворца в 2006-2010 гг. Он отделен от центрального участка трассой «южной улицы». С юга к ней примыкают помещения К, L, M, «нижняя» и «верхняя» террасы, с севера – помещения Н и I. Раскопки велись в 14 археологических квадратах (№№1-9, 11-12, 15, 20-21) общей площадью около 600 кв. м. Основной геодезический репер – точка R1 (555,51 м), вынесенная за границы раскопа.

Юго-Западный участок, расположенный к западу от помещения Н и к югу от помещения J, включает восемь археологических квадратов №№16-19, 22-25 площадью около 300 кв. м. Исследовался в 2010 и 2014-2015 гг. Основным объектом являлась «южная площадь» с прилегающей хозяйственной территорией дворцового времени. Помимо этого, раскопан строительный комплекс СК-3 второй половины IX – начала X вв. Геодезический репер – точка R2 (551,66 м) у края современной грунтовой дороги.

Наконец, **западный участок** исследований дворца общей площадью около 400 кв. м (квадраты №№26-37, 46-49) отделен от центрального участка линией западных стен помещений С и В (соответственно, кладками №№5 и 9), от юго-западного – помещением J. В 2014-2021 гг. являлся основным направлением раскопок памятника. Среди изученных дворцовых объектов отметим помещение J, «1-ю западную улицу», «2-ю западную улицу», «западный двор». Однако, главным итогом исследований стало все-таки выделение в стратиграфии участка разновременных строительных ярусов додворцового времени, что позволило окончательно сформировать историческую периодизацию данного района Мангупской крепости. Особо важным стало открытие раннесредневековой улицы, наличие которой свидетельствует о городском характере застройки в этой части городища, начиная с момента строительства здесь в середине VI в. византийской крепости. Геодезическими реперами являлись точки R2 и R4.

Перейдем к описанию стратиграфической ситуации на различных участках исследований дворцового комплекса.

2.1. Западный участок

Как уже отмечалось, наиболее полная колонка культурных напластований на месте княжеского дворца лучше всего сохранилась на его Западном участке исследований, почти не затронутым работами наших предшественников. Лишь в 1938 г. А. Л. Якобсоном на внешнем стыке западных стен помещений В и С был заложен стратиграфический раскоп длиной до 7,00 м и шириной 2,00 м, позволивший ему сделать, как сейчас становится ясным, не верное предположение о двух горизонтах разрушения и, соответственно, двух строительных периодах в истории дворца (рис. 23; 43; 46; 49) [Якобсон, 1953, с. 396-402, рис. 2; 11-12; о расчистке шурфа 1938 г. в 2014 г. см.: Герцен.

Отчет, 2015, с. 40-42]. Кроме того, в 1974 г. Е. В. Веймарном на общих планах участка исследований впервые картографировано помещение J, стены которого были им расчищены, но раскопки внутри и снаружи здания, очевидно, не проводились (рис. 31-32).

Новые исследования на Западном участке велись первоначально в 2014-2016 гг. внутри помещения J (квадраты №№26-29). Позднее, в 2017-2021 гг., они концентрировались на участке к северу от этого здания, где на площади квадратов №№30-37, 46-49 выявлены выразительные строительные горизонты додворцового, дворцового и постдворцового времени (рис. 43-56). Эти раскопки позволили сформировать археологически обоснованные представления о периодизации квартала на месте Мангупского дворца.

Общая мощность культурного слоя на площади раскопа 2017-2021 гг. в среднем составляла 0,80-1,00 м, возрастая до 1,20-1,70 м в восточном направлении, у кладки №9, западной стены помещения В, и понижаясь до 0,50-0,70 м вдоль западного борта участка исследований. В ходе раскопок выделены девять основных культурных горизонтов и множество локальных стратиграфических контекстов, сформировавшихся в процессе функционирования разновременных строительных сооружений (рис. 56) [Герцен. Отчет, 2018, с. 16-30; Отчет, 2020, с. 19-31; Отчет, 2021, с. 22-27; Отчет, 2022, с. 20-27].

1-м слоем на всей площади участка исследований является дерновый слой – рыхлый грунт черного цвета мощностью 0,10-0,15 м, насыщенный корнями растений, щебнем, разномерным камнем и разновременными, от эпохи раннего средневековья до османского периода в истории Мангупа, находками, главным образом, фрагментами керамики.

Ниже его, полосой не более 4,00 м к западу от кладки №9, фиксируется **2-й слой** – серый рыхлый грунт мощностью 0,25-0,35 м, насыщенный щебнем, разложившимся известковым раствором и бутовым камнем, который интерпретируется как «слой отвалов» из раскопок предыдущих лет. Очевидно, он сформировался в результате раскопок Р. Х. Лепера внутри помещения В и позднейшей расчистки его западной стены (кладки №9) А. Л. Якобсоном и Е. В. Веймарном.

«Слой отвалов» повсеместно, на глубину до 0,10 м, подстилается **«погребенным дерном» (слоем №3)**, дневной поверхностью до нача-

ла раскопок дворца в XX в. Его нижним горизонтом в квадратах №№34 и 35 является **«каменный раскат в дерне»** из мелкого бутового камня, затянутый гумусированным грунтом. По структуре, он идентичен раскату из мелкого бутового камня мощностью 0,10-0,18 м на южном участке исследований памятника в 1974 г., принятого тогда за уровень придворцовой площади [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 41-42]. Сейчас это стратиграфическое наблюдение выглядит не верным. Скорее всего, образование данного культурного горизонта на разных участках исследований дворцового комплекса связано с разбором его строений и руин позднейшей застройки на строительный материал.

Все верхние культурные горизонты (слои №№1-3) на Западном участке исследований дворца, безусловно, имеют современное происхождение. Они сформировались после прекращения жизни на территории Мангупской крепости в конце XVIII в., в процессе разборки на строительный материал стен сооружений на месте дворца жителями окрестных деревень в XIX в. либо в ходе раскопок памятника в XX в.

4-м слоем на всей площади раскопа являлся серый рыхлый грунт мощностью 0,20-0,25 м, насыщенный щебнем, мелким бутовым камнем, угольками, пятнами разложившегося известкового раствора и мелкими фрагментами керамики с окатанными краями. Последнее наблюдение, скорее всего, свидетельствует о постепенном характере формирования культурного горизонта в процессе разборки стен дворца жителями нового (османского времени) квартала на его месте в конце XV – начале XVI вв. Вероятно, в османский период истории городища уровень 4-го слоя на западе бывшей резиденции правителей княжества Феодоро использовался в качестве дневной поверхности при сооружении новой жилой и хозяйственной застройки. К сожалению, от нее сохранились лишь отдельные строительные комплексы – «каменная выкладка на 4-м слое» в квадрате №36 (2017 г.) и развал постройки на 4-м слое в квадрате №48 (2019 г.) (рис. 336) [Герцен. Отчет, 2018, с. 42-43, рис. 67-68; Отчет, 2020, с. 41-42, рис. 19; 23; 143-144]. Из-за редкости и почти полной разобранности строений сейчас невозможно сказать что-либо определенного в отношении планировки и хронологии постдворцовой застройки в этой части городища. Отметим лишь, что все открытые строения имели каменные стены, были сложены из вторичного разномерного бутового камня в технике трех-

слоистой двупанцирной с забутовкой кладки на известковом связующем растворе.

5-й слой на участке исследований являлся серым рыхлым грунтом мощностью до 0,20-0,30 м, насыщенный угольками, щебнем, пятнами разложившегося известкового раствора, большим количеством мелких фрагментов керамики с окатанными краями, костей животных и особенно створок раковин моллюсков. Насыщенность последними выступает в качестве отличительной особенности данного культурного горизонта, позволяющей надежно выделять его в стратиграфии раскопа практически повсеместно, на что уже обращал внимание А. Л. Якобсон, предполагая использование большого количества раковин в качестве материала для мощения дневной поверхности дворцового времени [Якобсон, 1953, с. 298]. Лучше всего 5-й слой на Западном участке зафиксирован на трассе «1-й западной улицы» (рис. 329-330) (раскопки 2016 г., квадраты №№30-33) [Герцен. Отчет, 2017, с. 43-45] и на территории «западного двора» (рис. 331) (раскопки 2017 и 2019 гг., квадраты №№34 и 46) [Герцен. Отчет, 2018, с. 22-24; Отчет, 2020, с. 26-29], где он перекрывает вымостку времени строительства дворцового комплекса (слой №6). Эти стратиграфические наблюдения вместе с анализом археологического комплекса находок позволяет рассматривать 5-й слой как «слой функционирования» Мангупского дворца периода 1425-1475 гг.

В качестве **6-го слоя** на Западном участке выделена вымощенная поверхность «1-й западной улицы» и «западного двора» дворцового комплекса (рис. 43). На трассе «1-й западной улицы» шириной от 5,80 до 6,20 м, ориентированной по оси запад-восток и прослеженной на протяжении 19,60 м, она повсеместно состоит из мелкого бутового камня, крупного щебня, окатанных фрагментов керамики мощностью от 0,05 до 0,20 м. В западной части улицы этот горизонт залегает непосредственно на скале, фактически выполняя роль черепично-щебнистой забивки неровностей материка. В восточной части археологического объекта подоснова мощения иная – тонкая (до 0,05 м) известковая прослойка, перекрывающая дневную поверхность более раннего времени (слой №7 в общей стратиграфии) (рис. 233; 330) [Герцен. Отчет, 2018, с. 30-31]. По строительной технике и материалу, 6-й слой в пределах «1-й западной улицы» близок каменному мощению «южной улицы» дворца, раскопанной в 2007-2009 гг.

На территории «западного двора», который представляет собой открытое прямоугольное пространство площадью около 200 кв. м (размеры 19,80 x 9,50-10,00 м), вытянутое по оси север-юг и ограниченное с востока и запада, соответственно, кладками №№9 и 96, характер поверхности дворцового времени сильно отличается (рис. 43-45). В южной части двора, она, по сути, идентична описанному мощению для «1-й западной улицы», в северной части ею является каменная мостовая из известняковых плит и крупных блоков с уплощенной поверхностью, плотно пригнанных между собой с помощью мелкого камня. Два фрагмента такой вымостки сохранились *in situ* в квадратах №№34 и 35, где они вместе с подстилающей нивелировочной грунтовой подсыпкой имели общую мощность от 0,10 до 0,25 м (рис. 237) [Герцен. Отчет, 2020, с. 29-31].

Стратиграфические наблюдения и анализ археологического комплекса находок из 6-го слоя свидетельствует о том, что горизонт мощения «1-й западной улицы» и «западного двора» надежно соотносится с ранним (около 1425-1450 гг.) периодом в истории Мангупского дворца. Скорее всего, речь идет об объектах первоначального строительства на территории памятника.

7-й слой, выявленным, главным образом, в северо-восточной части раскопа, являлся серо-коричневый плотный грунт мощностью 0,20-0,45 м, насыщенный угольками и щебнем, с пятнами известкового раствора, гари, локальными участками пожара, горизонтально лежащими фрагментами керамики и скоплениями мелких камней на поверхности (рис. 46-48). По структуре, является культурным горизонтом, который сформировался в течение длительного промежутка времени, вероятно, в конце XIII-XIV в., и использовался в качестве дневной поверхности функционировавшего на месте резиденции правителей княжества Федоро поселения золотоордынского периода в истории Мангупа. От этой застройки, полностью разобранной при возведении «западного двора» дворца, на площади раскопа сохранились лишь строительный комплекс с кладками №№118-120 и хозяйственные ямы №№64-65, 67-69 (рис. 211-212; 217; 221) (раскопки 2019-2020 гг.) [Герцен. Отчет, 2020, с. 45-46; 2021, с. 22-27, 35-37].

8-й слой, также открытым в северо-восточной части раскопа, являлся плотный светло-серый, местами желтоватый, грунт, насыщенный

пятнами разложившегося известкового раствора и угольками, мощностью 0,07-0,22 м (рис. 49-51). Его поверхность отмечена плоско лежащими фрагментами керамики, а также черепично-каменными завалами, образовавшимися в результате разрушения синхронных культурному горизонту построек (рис. 149-150). 8-й слой рассматривается в качестве дневной поверхности строительного яруса фемного периода на месте будущей резиденции правителей княжества Феодоро, который датируется серединой IX-XI вв. На это указывает высокая степень его выровненности и регулярный характер связанной с ним застройки, представленной жилыми (СК-4, СК-6, СК-7, СК-8, СК-9), хозяйственными (ямы №№56-57, 60, 63, 77-81) и уличными планиграфическими структурами [подробнее см.: Науменко, 2022, с. 174-177; 2023б, с. 197-200].

9-м слоем на Западном участке являлся надскальный коричневый плотный грунт, насыщенный мелкими обломками скалы, щебнем, угольками, фрагментами керамики, мощностью до 0,20 м (рис. 52-55). Лучшее всего сохранился в центральной части раскопа, где залегал на поверхности материкового красно-коричневого суглинка и маркировался прослойками деструктированного известкового раствора, пятнами золы, гари и плоско лежащими фрагментами керамики (остатки черепичной вымостки) на поверхности (рис. 54). Извлеченный из 9-го слоя археологический материал позволяет датировать его серединой VI – первой половиной VIII вв. и рассматривать в качестве дневной поверхности поселения ранневизантийского периода на месте дворца, возникшего одновременно со строительством на Мангупе крупной византийской крепости. Для понимания регулярного характера планировки этого поселения важным является открытие на участке исследований многочисленных хозяйственных ям (№№70-76, 84-87), выкопанных в 9-м слое или вырубленных в скале и перекрытых им, и особенно фрагмент раннесредневековой улицы вдоль северного борта раскопа, два нижних горизонта мощения которой также относятся к ранневизантийскому периоду [Науменко, 2023в, с. 224-225].

Описание отличающейся стратиграфии заполнения двух крупных археологических объектов на Западном участке исследований – помещения J и раннесредневековой улицы, следует привести отдельно.

Помещение J (рис. 56-61). Полностью раскопано в 2014-2016 гг. [Герцен. Отчет, 2015,

с. 31-39; Отчет, 2016, с. 42-49; Отчет, 2017, с. 21-36]. По итогам этих работ, установлено, что здание было построено в 20-е гг. XV в. вместе с другими сооружениями дворцового комплекса. Уже в первый строительный период (около 1425-1450 гг.) имело вид прямоугольной в плане постройки общими размерами 19,60 x 7,60 м, сориентированной по оси запад-восток и пристроенной к помещению С. Около середины XV в., после локального пожара, были произведены ее серьезный ремонт и внутренняя перепланировка, в результате которого помещение становится трехкамерным. В 1475 г. помещение J стало одним из основных участков турецкого штурма, погибло в пожаре, следы которого лучше всего сохранились в стратиграфии восточной части комплекса, в помещениях J-1 и J-2. Обилие находок XVI-XVII вв. в помещении J-3, возможно, свидетельствует о том, что западная часть сооружения продолжала использоваться в это время. В целом раскопки показали жилой характер постройки на протяжении всей ее истории.

В заполнении помещения J выделены пять основных культурных горизонтов и два разновременных уровня пола. **1-м слоем** являлся слой дерна мощностью 0,15-0,20 м. Под ним залегал **2-й слой** («слой разрушения» здания) – сплошной завал из бутового камня и обработанных блоков мощностью до 0,40 м, затянутый рыхлым грунтом серого цвета, который, в свою очередь, насыщен деструктированным известковым раствором (рис. 313, 1). Ниже зафиксированы **3-й слой** – рыхлый грунт серого цвета, насыщенный углем и золой мощностью до 0,20 м, по сути, «слой пожара» постройки (рис. 313, 2; 314, 1), и **4-й слой**, рыхлый пластичный грунт серого цвета мощностью до 0,30 м, насыщенный фрагментами деструктированной штукатурки и разложившегося известкового раствора, образование которого, вероятно, связано с обрушением покрытия стен здания в процессе пожара (рис. 314, 2). Наконец, при зачистке поверхности пола помещения (слоя №5) выявлен еще один локальный участок пожара – горизонт горения деревянных конструкций мощностью не более 0,02 м. Анализ археологического комплекса находок из слоев №№2-4 и «слоя пожара» на 5-м слое позволяет говорить о том, что все они являются отдельными пластами общего «слоя пожара» 1475 г., в котором погибло помещение. **5-м слоем** в помещении J являлся плотный серо-коричневый грунт с щебнем, жерстью, пят-

нами угля, золы, пепла, деструктированного известкового раствора, мощностью от 0,05 до 0,30 м. Местами его поверхность покрыта известковой обмазкой, сохранившейся, правда, фрагментарно в пределах постройки. Зафиксированы два уровня такой обмазки мощностью 0,01-0,02 м с тонкой прослойкой локального «пожара» между ними, отражающие два строительных периода в истории памятника и датированные, соответственно, 1425-1450 и 1450-1475 гг. (рис. 57-61). С ранним строительным периодом связана яма №44, с более поздним – хозяйственное сооружение в юго-западном углу помещения J-1 с вымощенным черепичным полом (рис. 61).

Фрагмент **городской улицы раннесредневекового Мангупа-Дороса** протяженностью 13,40 м и шириной 3,00-3,50 м раскопан в северной части Западного участка исследований в 2019-2021 гг. (квадраты №№48 и 49) (рис. 46-53; 62-69). Она хорошо вписана в общую планиграфию жилого квартала ранневизантийского и фемного периодов на месте княжеского дворца, ограничивая его с севера. На разных этапах функционирования ее южную границу определяла линия, образованная кладками №№123 и 131, северную – кладками №№122 и 130. Стратиграфически наиболее ранними из них являются кладки №№122, 123 и 131, так как они возведены на поверхности 9-го слоя, дневной поверхности ранневизантийского времени на участке исследований. Кладка №130 сооружена позднее, так как ее основанием послужила поверхность 1-го (нижнего) горизонта черепично-щебнистого мощения улицы. К этому времени перестала использоваться, была разобрана и частично засыпана 2-м (средним) горизонтом мощения кладка №131.

Заполнение улицы включает три горизонта мощения, отражающие ее непрерывное использование в качестве важного инфраструктурного объекта Мангупской крепости на протяжении длительного промежутка времени (рис. 56, 1). Археологический комплекс находок из **1-го (нижнего) горизонта черепично-щебнистого мощения** датируется серединой VI – первой половиной VIII вв. В это время улица имела максимальную ширину до 3,50 м, перекрывая поверхность 9-го слоя либо выходы скалы на участке исследований (рис. 67-69). **2-й (средний) горизонт черепично-щебнистого мощения**, сохранившийся лучше всего в южной части улицы, отражает период ее ремонта и дальнейшего функциони-

рования во второй половине VIII – первой половине IX вв. (рис. 64-66). Наиболее поздний **3-й слой заполнения улицы** относится ко второй половине IX-XI вв., когда она была покрыта мощением из мелкого бутового камня («брусчатки») (рис. 62-63). Подосновой этой вымостки являлся плотный грунт светло-серого цвета, по структуре, аналогичный 8-му слою на Западном участке исследований дворца [подробнее см.: Науменко, 2023б].

2.2. Северный участок

Стратиграфия на данном участке исследований сильно нарушена раскопками 1912-1913, 1968 и 1974 гг. Как уже отмечено в историографическом обзоре, Р. Х. Лепером и Е. Г. Суровым полностью было выбрано заполнение башни-донжона дворцового комплекса (помещения А). Кроме того, последним узкими траншеями раскрыты снаружи фундаменты восточной стены башни (кладки №4) и примыкающей восточной ветви северной крепостной стены дворца (кладки №24) (рис. 25, 1), что хорошо зафиксировано раскопками в квадрате №51 в 2021 г. (рис. 72). Е. В. Веймарном в квадрате В-6 1974 г. выбран культурный слой до уровня наружного цокольного ряда северной стены помещения А (кладки №1) (рис. 31-32) [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 4-5, рис. 4-5], что фактически лишило возможности изучения стратиграфической ситуации в квадрате №38 в 2017 и 2020 гг. В этой связи полная колонка культурных напластований, отражающая основные этапы истории в этой части Мангупского дворца, сохранилась лишь в пределах квадрата №50, который был полностью раскопан в 2021 г. Ориентируясь на нее, возможно восстановить общую стратиграфию Северного участка исследований памятника (рис. 70-71) [Герцен. Отчет, 2022, с. 39-47].

Максимальная мощность культурного слоя на площади раскопа достигала 2,00-2,30 м у стен помещения А, значительно понижаясь (до 1,00-1,50 м) к северу, востоку и западу от него. В ходе раскопок зафиксированы шесть основных культурных горизонтов и ряд локальных стратиграфических контекстов, образовавшихся в результате засыпи строительных траншей или открытых хозяйственных сооружений.

1-м слоем на всей площади раскопа являлся дерновый слой – рыхлый грунт черного цвета, насыщенный корнями растений, мощностью 0,10-0,15 м. Ниже залегал **2-й слой** («слой отвалов» из раскопок предыдущих

лет) – серый рыхлый грунт, насыщенный щебнем, разложившимся известковым раствором и разномерным бутовым камнем, мощностью от 0,10 до 0,55 м. «Слой отвалов» на глубину 0,05-0,07 м подстилался «погребенным дерном» (*слоем №3*). Несмотря на то, что все перечисленные культурные горизонты имеют современное происхождение, необходимо отметить наличие в археологическом комплексе находок из них порядка 30% материалов, датированных османским периодом в истории Мангупской крепости. Большинство из них найдено при выборке «слоя отвалов» в квадрате №50. Вероятно, речь идет о выбросе грунта из верхних горизонтов заполнения помещения А во время раскопок Р. Х. Лепера в 1912 г. Это позволяет предположить функционирование на его месте в XVI-XVIII вв. какой-то постройки, позднее полностью разобранный на строительный материал.

4-м слоем на участке исследований являлся сплошной каменный завал из разнокалиберных известняковых блоков мощностью до 1,20 м, затянутый рыхлым светло-серым грунтом, насыщенным разложившимся известковым раствором (рис. 70; 72-73). С учетом структуры и характера залегания слоя, его следует рассматривать в качестве горизонта окончательного обрушения стен башни-донжона. Отсутствие следов пожара и характерных для штурма 1475 г. находок позволяет предположить, что полное разрушение помещения А произошло значительно позднее. На это также указывает присутствие в археологическом комплексе находок из 4-го слоя выразительной (около 13%) группы артефактов XVI-XVII вв. (фрагментов керамики, монет, индивидуальных изделий), что не может быть простой случайностью.

5-м слоем на Северном участке является темно-серый плотный грунт мощностью 0,15-0,30 м, насыщенный угольками, щебнем, мелким бутовым камнем и костями животных, особенно в квадрате №51. Он понижается в северном направлении и фиксируется в уровне с цокольными рядами стен помещения А и кладки северной стены-ограды дворца в квадрате №50 (рис. 332). Данный культурный горизонт рассматривается в качестве слоя функционирования 1425-1475 гг. на эспланаде Мангупского дворца.

6-м слоем на площади раскопа являлся надскальный плотный грунт серого цвета с включениями угольков, щебня и мелкого бу-

тового камня мощностью 0,10-0,30 м. Имеет хорошо выровненную поверхность, плавно понижаясь в северном направлении; перепад высотных отметок незначителен, в пределах 0,20-0,40 м. (рис. 70).

В квадрате №51 на его поверхности фиксируется несколько крупных пятен разложившегося известкового строительного раствора и контуры заполнения строительной траншеи под восточную стену помещения А (кладку №4). В квадрате №50 с уровня горизонта выкопана хозяйственная яма №82. Здесь же поверхность 6-го слоя является основанием для возведения ямы №80, квадратного в плане сооружения со стороной 2,25 м, пристроенного к западной стене помещения А (кладке №2) и стене-ограде дворцового комплекса (кладке №10). Скорее всего, его следует рассматривать в качестве дополнительного контрфорса оборонительной башни на месте ее стыка со стеной-оградой дворца или основания несущей конструкции для второго этажа открытой галереи (помещения В) в центральной части памятника. Все перечисленные археологические комплексы надежно датируются временем функционирования княжеского дворца, то есть периодом 1425-1475 гг. Это дает основание интерпретировать 6-й слой в стратиграфии Северного участка исследований в качестве дневной поверхности времени строительства резиденции правителей Феодоро на Мангупе, сформировавшимся не позднее 1425 г.

Более ранние культурные горизонты на данном участке дворцового комплекса не представлены. Скорее всего, они были уничтожены в процессе выравнивания скальной поверхности перед возведением здесь оборонительной башни-донжона дворца. Сохранились отдельные срубленные скальные объекты ранне-средневекового времени – яма №83 конца VII – начала VIII вв. в квадрате №50, частично перекрытая северной крепостной стеной, и уже упомянутая виноградодавильня МКВ-15 в квадрате №38 второй половины IX – первой половины X вв. (рис. 71).

2.3. Центральный и Восточный участки

В композиции Мангупского княжеского дворца этот наиболее важный участок археологических исследований планиграфически разделен на два архитектурных узла – северный, включающий галерею с двойной колоннадой (помещение В) и примыкающие к ней «центральный двор» и открытое пространство с востока, и

южный, объединяющий основное двухэтажное здание комплекса (помещение С) и группу связанных с ним разноплановых построек – помещения D, E, F (восточная галерея), G (выгребная яма) и I (внутренний хозяйственный дворик) (рис. 6; 75; 81). С учетом зафиксированной в ходе раскопок значительной разницы стратиграфической ситуации в пределах каждого из этих архитектурных узлов, ее описание целесообразно привести отдельно.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на тщательность фиксации последовательности культурных напластований на участке исследований, речь идет всего лишь о реконструкции стратиграфии в центральной и восточной частях дворцового комплекса, которая в целом здесь была практически полностью нарушена раскопками 1912-1913, 1938 и 1974 гг., о чем уже неоднократно говорилось в историографическом разделе монографии. По сути, в своей работе нам пришлось опираться лишь на четыре хорошо сохранившихся стратиграфических профиля на площади раскопа – на месте северной и южной контрольных бровок в помещении В (Центральный участок, раскопки 2006-2007 гг.) (рис. 76, 1; 77-78), помещения N и строительного комплекса СК-5 (Восточный участок, раскопки 2018 г.) (рис. 76, 2), квадрата №№10-14 к востоку от помещения F (Центральный участок, раскопки 2009 г.) (рис. 82), а также на некоторые наблюдения над условиями образования нижних культурных горизонтов в помещении I (Центральный участок, раскопки 2008-2009 гг.) (рис. 82).

Помещение В и «центральный двор» (рис. 74-76). Археологические исследования здесь велись первоначально в 2006-2007 гг., когда были полностью выбраны культурные напластования на площади галереи и стратиграфической траншеи вдоль северной крепостной стены дворца [Герцен. Отчет, 2008, с. 5-13]. В 2018 г. к востоку был заложен Восточный участок общей площадью около 300 кв. м, состоящий из семи археологических квадратов №№39-45 [Герцен. Отчет, 2019, с. 14-35]. В ходе этих работ открыты строительный комплекс СК-5 фемного периода и перекрывающая его новое дворцовое помещение N, погибшее в пожаре 1475 г., что значительно дополнило сложившиеся к этому времени представления о стратиграфии на площади раскопа. Также в процессе раскопок было установлено, что средневековые культурные горизонты на основной территории Восточного участка иссле-

дований Мангупского дворца выбраны в 1938 и 1974 гг. Все эти наблюдения позволяют реконструировать стратиграфическую ситуацию в этой части памятника.

Общая мощность культурных напластований в пределах участка исследований составляет от 2,20-2,30 м в западной части помещения В до 0,20-0,60 вдоль восточного борта раскопа. В ходе раскопок зафиксированы семь основных культурных слоев (рис. 76-78).

1-м (верхним) слоем является слой дерна мощностью 0,05-0,20 м. Ниже залегает **2-й слой** – «слой отвалов» из раскопок предыдущих лет, серый рыхлый грунт, насыщенный разномерным бутовым и обработанным камнем, щебнем, пятнами золы, гари и прослойками разложившегося известкового раствора. Его наибольшая мощность (до 2,00 м) фиксируется на площади помещения В. Слой отвалов перекрывает тонкую (до 0,10 м) прослойку «погребенного дерна» (**слоя №3**). Все эти горизонты имеют современное происхождение, связанное с раскопками Мангупского дворца в XX в.

4-м слоем на участке исследований является серый рыхлый грунт с бутовым камнем и пятнами разложившегося известкового раствора. Зафиксирован в виде останца высотой до 0,20 м в южной контрольной бровке в помещении В и на площади Восточного участка 2018 г., где он залегал непосредственно на скальном материке, нивелируя местами его неровности. Это позволяет интерпретировать 4-й слой как культурный горизонт, сформировавшийся в результате естественного разрушения строений дворца после прекращения его функционирования в 1475 г. и разборки их стен на строительный материал жителями Мангупской крепости в османский период.

5-м слоем на площади раскопа является горизонт пожара 1475 г., лучше всего выраженный к югу от помещения А, на площади стратиграфической траншеи вдоль северной оборонительной стены дворца, и на участке размерами 3,00х 7,50 м внутри помещения N, где он представлял собой темно-серый рыхлый золистый грунт мощностью 0,05-0,10 м, насыщенный древесным углем и обгорелыми зернами культурных растений (проса, пшеницы, ячменя, ржи, бобовых) (рис. 293-294; 325-326; о результатах исследований палинологического материала см. Приложение А к монографии). Отдельные участки этого пожара фиксировались ранее Е. Г. Суровым в 1968 г. [Суков. От-

чет, с. 12; Суров, 1972, с. 99] и Е. В. Веймарном в 1974 г. [Веймарн, Иванов. Отчет, с. 10, 23; Веймарн, Иванов, 1975, с. 264].

6-й слой почти на всей площади раскопа, за исключением восточной части, представляет собой плотный грунт темно-серого цвета с включениями угольков и щебня мощностью от 0,10-0,15 м до 0,50-0,60 м. По всей вероятности, речь идет о дневной поверхности времени строительства дворца около 1425 г. В помещении В горизонт стал подосновой плитовой вымостки галереи, от которой сохранились *in situ* отдельные фрагменты либо участки скрепленного известкового раствора (рис. 79-80), в помещении N – грунтовым полом постройки с известковой обмазкой и основанием для возведения ее стен (рис. 76, 1). Отметим также, что после снятия 6-го слоя в помещении N зачищен локальный участок сплошного каменного завала мощностью до 0,35 м, затянутый серым рыхлым грунтом с пятнами разложившегося желтоватого глиняного раствора, который связан уже с разрушением более раннего строительного комплекса СК-5 второй половины IX-X вв. и хорошо фиксируется в стратиграфических профилях (рис. 76; 184).

Наконец, **7-м** слоем на Центральном и Восточном участках является надскальный светло-серый плотный грунт с угольками, щебнем, жерсткой мощностью до 0,15 м внутри СК-5 и до 0,40 м на участке между кладками №№31, 39, 58 и скальным водоотводным желобом в помещении В (рис. 75-76; 185; 194). В обоих случаях культурный горизонт интерпретируется как «слой функционирования» строительного яруса фемного периода на месте Мангупского княжеского дворца и датируется второй половиной IX-XI вв.

Культурный слой ранневизантийского периода на участке исследований не сохранился, хотя сомневаться в его существовании не приходится. Достаточно указать на присутствие многочисленного переотложенного археологического материала этого времени в более верхних напластованиях, а также на выявленную на территории «центрального двора» скальную яму №54, предназначенную для установки двух пифосов и датированную второй половиной VI-VII вв. (рис. 140).

Помещение F (рис. 81-82). Представляет собой прямоугольную в плане постройку с внутренними размерами 9,00 x 5,00 м и ориентацией по оси восток – запад, пристроенную под прямым углом к северной части восточной

стены помещения С. Как справедливо было отмечено в свое время А. Л. Якобсоном, в ее истории прослеживаются два основных строительных периода, связанных с использованием помещения в качестве еще одной (восточной) открытой галереи Мангупского дворца и позднейшей кладовой с глухими стенами [Якобсон, 1953, с. 409-416].

После раскопок 1938 и 1974 гг. небольшой останец нетронутых культурных напластований длиной около 2,00 м сохранился в восточной части помещения F. Доследовать его вместе с культурным слоем на площади прилегающего с востока квадрата №№10-14 удалось в 2009 г. В ходе этих работ на участке между кладками №№67, 74 и помещением F был получен максимально полный стратиграфический профиль для этой части дворцового комплекса, включающий девять культурных горизонтов.

Верхние, современные по происхождению, слои дерна (**слой №1**), отвалов из раскопок предыдущих лет (**слой №2**), «погребенного дерна» (**слой №3**) общей мощностью 0,80-1,00 м составляют основной объем культурных напластований, залегая в северной части участка исследований на скале. В восточной части помещения F и в квадрате №№10-14 они перекрывают хорошо выраженный слой разрушения открытых построек (**слой №4**) мощностью до 0,60 м – серый рыхлый грунт с щебнем, разнономерным камнем и пятнами разложившегося известкового раствора, с комплексом археологического материала, датированным в пределах 1450-1475 гг. После его выборки на площади около 50 кв. м вокруг кладки №74 зачищен мощный (до 0,20 м) горизонт пожара 1475 г. (**слой №5**), подтверждающий гибель помещения F и окружающих сооружений во время штурма Мангупской крепости турецкой армией (рис. 82; 85; 309-310).

6-м слоем на участке исследований является известковая поверхность позднего (около 1450-1475 гг.) пола помещения F мощностью от 0,05 до 0,20 м (рис. 82; 86; 89), **7-м слоем** – уровень раннего (около 1425-1450 гг.) пола этого помещения мощностью до 0,10 м, аналогичный по структуре, но с пятнами гари и скоплением плинфы на поверхности (рис. 82; 87; 247). Под ними на всей площади раскопа фиксируется **8-й слой** – серый плотный грунт с щебнем и углями, местами переходящий в черепично-щебнистую забивку неровностей скалы, общей мощностью от 0,10 до 0,50 м, который интерпретируется в качестве дневной

поверхности времени строительства (около 1425 г.) раннего помещения F и других сооружений Мангупского дворца (рис. 82; 88; 90). Наконец, **9-м слоем** в квадрате №№10-14 является заполнение прямоугольного скального сооружения общими размерами 7,00 x 3,50 м и глубиной до 0,25-0,35 м, открытого к югу от кладки №74 (рис. 82; 171). По структуре, представляет собой утрамбованный светло-серый грунт, насыщенный угольками и пятнами деградированного известкового раствора. Очевидно, речь идет о слое функционирования еще одного строительного комплекса фемного периода на участке исследований (СК-2), датированного второй половиной IX-X вв.

В отличие от помещения B и «центрального двора» каких-либо строительных комплексов ранневизантийского периода на участке исследований не обнаружено. Тем не менее, вновь отмечаем обилие переотложенных археологических находок этого времени в культурном слое, что косвенно свидетельствует о существовании такой застройки в центральной части Мангупского княжеского дворца.

Помещение I (рис. 81-84; 244). Представляет собой почти квадратное в плане сооружение со стороной 8,10-8,30 м, расположенное к юго-востоку от помещения C. Функционально рассматривается в качестве открытого внутреннего хозяйственного дворика княжеского дворца. По крайней мере, внутри помещения находятся два явно хозяйственного назначения комплекса – яма №35, предназначенная для сбора бытового мусора, и помещение G (яма №36), использовавшаяся в качестве выгребной ямы туалета для обитателей второго этажа помещения C.

Как показали раскопки 2008-2009 гг., помещение I имело два строительных периода в своей истории. Контур первоначального сооружения, скорее всего, были более значительными по оси запад-восток, если принять за продолжение его северной стены-крепиды (кладки №73) небольшой фрагмент стены длиной около 0,60 м, открытый к востоку от кладки №67 в квадрате №№10-14 (рис. 81). На втором этапе помещение I приняло современные размеры и композицию. В это время его восточная граница определяется новой кладкой №66. В северном направлении помещение расширилось за счет простенка между кладкой №73 и южной стеной помещения F (кладкой №16), которая становится глухой. Эта периодизация подтверждается двумя уровнями пола помещения, обозначенными в стра-

тиграфии участка исследований как слои №№3 и 4 (рис. 82-83; 244). Более верхние культурные напластования – задернованный «слой отвалов» мощностью до 1,00 м (**слой №1**) и сохранившийся в виде небольшого останца слой разрушения постройки (**слой №2**), не представляют особого интереса для характеристики стратиграфии объекта.

3-м слоем на всей площади помещения I является серый плотный грунт с щебнем, угольками, пятнами разложившегося известкового раствора и горизонтально лежащими фрагментами керамики и раковин моллюсков на поверхности мощностью 0,30-0,40 м. Функционально определяется как верхний (поздний) пол сооружения, датированный 1450-1475 гг. **4-й слой** внутри постройки – ее ранний пол мощностью до 0,40 м, датированный 1425-1450 гг., мало чем отличается по структуре от вышележащего культурного горизонта. Отметим лишь его надскальный характер и значительную (около 65%) «примесь снизу» археологического материала ранневизантийского и фемного времени в истории Мангупского городища.

2.4. Южный участок

Южный участок раскопок Мангупского дворца общей площадью около 600 кв. м исследовался в 2006-2010 гг. Основным архитектурно-археологическим объектом здесь, безусловно, является южная дворцовая улица, вокруг которой сконцентрирована целая группа построек этого же периода – помещения H, K, L, M и участок «верхней» и «нижней» террас (рис. 91). Так как к югу от перечисленных сооружений иных объектов дворцового комплекса не было обнаружено, это дает основание ограничить размеры памятника в данном направлении трассой южной улицы.

Стратиграфическая ситуация на Южном участке отличается в пределах практически каждого из исследованных архитектурно-археологических объектов, что заставляет вновь отказаться от суммарного принципа ее описания. Наиболее простой она выглядит для **участка к востоку от помещения M и к югу от дворцовой улицы** (квадраты №№1-6; раскопки 2006 г.), где в ходе работ выявлены лишь три основных культурных горизонта: **1-й (дерновый) слой** мощностью 0,10-0,15 м; **2-й (серый, рыхлый) слой** мощностью от 0,05 до 0,50 м, напоминающий, по структуре, грунтовые ветровые наносы и послуживший основанием для сооружения на его поверхности редких постро-

ек и хозяйственных комплексов османского периода в истории Мангупа (2006 г., кладка №32 в квадрате №1; «тандыр» и кладка №35 в квадрате №5) (рис. 94; 336-337); и **3-й (коричневый плотный суглинок)** надскальный слой мощностью от 0,10 до 0,40 м, сохранившийся лучше всего в восточной части раскопа, где он перекрывает синхронные скальные ямы №№1 и 2 ранневизантийского периода на площади квадрата №1 (рис. 91-92; 95; 129) [Герцен. Отчет, 2007, с. 27-34, 37]. К этому же времени относятся участки 3-го слоя и связанные с ним скальные ямы №№31-33 в центральной части раскопа (2008 г., квадрат №№4-6), но находки из них менее показательны (рис. 92) [Герцен. Отчет, 2009, с. 10-11, 13-14].

Помещение К (рис. 91-92; 93, разрез В-В1; 298). Стратиграфия этой однокамерной постройки, полностью исследованной в 2007 г., с внутренними размерами 4,00 x 4,60 м и сориентированной по оси север-юг, включает пять культурных горизонтов: тонкий (до 0,10 м) слой дерна (**слой №1**); мощный (до 1,00 м) слой разрушения (**слой №2**), по структуре, серый рыхлый грунт с камнем и прослойками известкового раствора, который в центральной части здания был выбран, в значительной степени, еще во время раскопок 1974 г.; слабо выраженная прослойка пожара 1475 г. мощностью 0,02-0,05 м (**слой №3**); «слой функционирования» помещения (**слой №4**) мощностью до 0,10 м – серый плотный грунт с пятнами разложившегося известкового раствора на поверхности; и ее пол (**слой №5**) – выровненная поверхность деструктурированной скалы с выходами коричневого материкового суглинка [Герцен. Отчет, 2008, с. 17-18].

Помещение Л (рис. 91-92; 93, разрез С-С1; 302-303). Прямоугольная в плане постройка с внутренними размерами 4,50-4,65 x 2,80-3,30 м и ориентацией по оси восток – запад. В ходе раскопок 2008 г. в ее заполнении выделены пять основных культурных горизонтов, связанных с функционированием и разрушением этого дворцового здания и предшествующего ему строительного комплекса СК-1 фемного времени [Герцен. Отчет, 2009, с. 5-9].

1-м слоем на всей площади археологического объекта является рыхлый гумусированный грунт, насыщенный разномерным бутовым камнем, щебнем и корнями растений, мощностью 0,10-0,20 м, его нижним горизонтом – сплошной **«каменный раскат в дерне»** из мелкого бутового камня мощностью до 0,30 м,

образовавшийся уже после прекращения использования данного участка городища. Под ним повсеместно внутри помещения Л фиксируется почти классический пример горизонта разрушения в пожаре (**слой №2**) – рыхлый грунт серого цвета, насыщенный разномерным бутовым камнем, пятнами гари, углями, прослойками разложившегося известкового раствора, крупными фрагментами горелых балок, мощностью 0,40-0,50 м. Археологический комплекс находок из него позволяет надежно соотнести образование культурного слоя с событиями 1475 г. **3-м слоем** является плотный серый грунт с пятнами гари, известковой обмазки, горелыми балками на поверхности мощностью 0,10-0,20 м, который залегает на скальном полу помещения и интерпретируется как горизонт его функционирования в период 1425-1475 гг.

4-й и 5-й слои заполнения здания связаны, соответственно, с использованием и засыпью строительного комплекса СК-1 второй половины IX-X вв., на месте которого в начале XV в. было построено дворцовое помещение Л. Оба горизонта зафиксированы лишь в пределах скального сооружения глубиной более 1,00 м, открытого в юго-западном углу помещения Л и, очевидно, являвшегося сохранившейся частью СК-1. Отмечаем их близкую структуру – коричневый плотный грунт с угольками, мощность (0,50-0,60 м) и состав археологического комплекса находок, в котором, наряду с датирующими артефактами, присутствует значительная (до 50%) примесь археологических материалов ранневизантийского времени.

Комплекс «верхней» и «нижней» террас (рис. 91-92; 93, разрез D-D1; 328). Расположен в западной части южной дворцовой улицы, напротив помещения Н. Исследован в 2008 г. на протяжении почти 12,00 м. «Верхняя» терраса имеет ширину около 1,50 м, будучи ограниченной с востока и запада хозяйственными №№29 и 30, «нижняя» терраса – около 4,00 м, вероятно, продолжаясь в западном направлении [Герцен. Отчет, 2009, с. 9-15].

Стратиграфическая ситуация на площади обеих террас практически одинакова. В ходе раскопок выявлены четыре основных культурных горизонта: **1-й (дерновый)** слой мощностью до 0,20 м, нижним горизонтом которого является **«каменный раскат в дерне»**; слой разрушения террас (**слой №2**) – серый рыхлый грунт с камнем и щебнем мощностью 0,20-0,40 м; горизонт их использования в пе-

риод 1425-1475 г. (**слой №3**) мощностью до 0,20 м, отличающийся от 2-го слоя насыщенностью створками раковин моллюсков на площади «верхней» террасы и большей плотностью грунта с угольками на территории «нижней» террасы; **4-й слой** – надскальный коричневый плотный суглинок с угольками мощностью до 0,40 м, который рассматривается как дневная поверхность времени строительства дворца около 1425 г., но содержит разновременный археологический материал, начиная с ранне-византийского периода. По структуре, аналогичен наиболее раннему культурному горизонту на участке исследований – слою №3 к востоку от помещения М и к югу от дворцовой улицы.

Помещение М (рис. 91-92; 327). Расположено в западной части Южного участка исследований, несколько в стороне от основного комплекса построек дворцового времени. Представляет собой почти полностью разобранный в конце XV – начале XVI вв. прямоугольную в плане постройку общими размерами 10,00 x 6,00 м и с ориентацией по оси север-юг. Раскопано в 2010 г. [Герцен. Отчет, 2011, с. 13-16].

Стратиграфия внутри помещения М включает четыре культурных горизонта: **1-й (дерновыи) слой** мощностью до 0,10 м; слой разрушения постройки (**слой №2**), почти сплошной завал разномерного бутового камня с прослойками разложившегося известкового раствора мощностью до 0,40 м; слой пожара, очевидно, 1475 г., с подстилающим золистым грунтом, насыщенный комками обгоревшей известковой обмазки, общей мощностью до 0,25 м (**слой №3**); и надскальный **4-й слой**, серый плотный грунт с щебнем и угольками мощностью 0,05-0,10 м, перекрывающий неровности материковой поверхности и интерпретированный в качестве первоначального пола здания.

Дворцовая южная улица (рис. 91-93; 229-230). Как показали раскопки 2007-2009 гг., в ходе которых был полностью изучен отрезок улицы протяженностью 24,00 м, она, несомненно, являлась южной топографической границей дворцового комплекса [Герцен. Отчет, 2010, с. 6-10]. Ориентирована строго по оси восток-запад, ограничена с юга помещениями К, L и комплексом террас, с севера – отдельной кладкой №56 и южными стенами помещений I и H. Ширина улицы фиксируется в пределах от 1,60 м на западе и до 4,60 м на востоке исследованного участка.

Стратиграфия археологического объекта включает три основных культурных слоя: **1-й**

(**дерновыи) слой** мощностью до 0,40 м; показательный слой разрушения в пожаре окружающих его построек мощностью до 0,40 м, датированный 1475 г. (**слой №2**); **горизонт мощения** из мелкого бутового камня на «подушке» известкового раствора, местами двухуровневый, с использованием крупных мергелевых плит и фрагментов керамики (в квадратах №№8-9), либо в виде черепично-щебнистой подсыпки (участок между помещениями К, L и кладкой №56), общей мощностью 0,05-0,15 м; мостовая улицы сооружена на поверхности **3-го слоя** – надскального серого плотного грунта с щебнем и угольками мощностью от 0,05 до 0,40 м. Таким образом, слой №3 является дневной поверхностью времени строительства дворца около 1425 г., хотя сформировался на протяжении длительного промежутка времени. Отметим присутствие в нем значительной «примеси снизу» материалов более раннего времени (около 60% от общего числа находок), что косвенно свидетельствует о функционировании здесь додворцовой застройки, полностью разрушенной при возведении резиденции правителя княжества Феодоро в XV в.

Помещение Н (рис. 81; 96-103; 304). Материалы его исследований 2008-2009 гг. опубликованы, что дает возможность ограничиться самыми общими замечаниями в отношении хронологии и стратиграфической ситуации внутри здания [Науменко, Душенко, 2017, с. 201-233, рис. 8-48].

В плане представляет собой прямоугольной формы постройку общими размерами 7,80 x 5,20 м и ориентацией по оси север-юг, с небольшим отклонением к западу. В северо-восточном углу открыт очаг диаметром 1,60-1,70 м с двумя уровнями пода и подпрямоугольным выступом топочной камеры с юго-западной стороны. Помещение Н функционировало в узкий промежуток времени, в пределах 1462-1475 гг., причем очаг являлся самой поздней конструкцией в его истории. Ему предшествовали скальное сооружение СК-3 конца IX – первой половины X вв., перекрытое западной стеной (кладкой №22), и яма №34 в северо-западном углу второй половины XIV – первой половины XV вв., засыпанная в 1453-1462 гг. [Науменко, Душенко, 2017, с. 230-232]. В связи с этим здание можно считать наиболее поздним дворцовым сооружением на Южном участке его исследований, появление которого привело, в том числе, к сокращению трассы проходившей здесь с 1425 г. дворцовой улицы.

Стратиграфия заполнения помещения Н включает семь основных культурных горизонтов: **1-й (дерновый) слой** мощностью до 0,20 м; «слой отвалов» из раскопок прежних лет (**слой № 2**), который концентрируется, в основном, в южной части постройки на глубину до 1,10 м; «погребенный дерн» (**слой № 3**) мощностью до 0,10 м; задернованный раскат мелкого и среднего бутового камня мощностью до 0,30 м (**слой №4**), связанный с разбором на строительный камень уже заброшенных сооружений дворцового комплекса на последнем этапе истории Мангупского городища в XVI-XVIII вв. или даже позднее; **5-й слой**, серый рыхлый грунт с щебнем, пятнами деструктированного раствора и большим количеством фрагментов кровельной черепицы, мощностью до 0,50 м, который интерпретируется как «слой разрушения» 1475 г.; **6-й слой** – прослойка деструктированной известковой штукатурки, которой были покрыты стены здания, мощностью 0,10-0,20 м, также датированная 1475 г.; и **7-й слой** – надскальный серый плотный грунт с угольками мощностью до 0,15 м, фактически пол постройки, отложившийся в процессе ее функционирования в 1462-1475 гг.

2.5. Юго-Западный участок

Таким образом в полевой документации обозначен участок исследований Мангупского дворца общей площадью около 300 кв. м (квадраты №№16-19, 22-25), расположенный к западу от помещения Н и к югу от помещения J, изучавшийся в течение трех археологических сезонов, в 2010 и 2014-2015 гг. (рис. 104-105) [Герцен. Отчет, 2011, с. 5-10; Отчет, 2015, с. 18-28; Отчет, 2016, с. 19-42]. Основным объектом раскопок здесь является так называемая «южная площадь», построенная, вероятно, в ранний период истории дворца (около 1425-1450 гг.). От нее сохранился *in situ* участок каменной вымостки площадью около 90 кв. м (9,20 x 9,70 м) из массивных известняковых и мергелевых плит с максимальными размерами 1,00 x 1,00 м и 1,20 x 0,80 м (рис. 104; 250, 1). Помимо этого, исследовано множество других разновременных строительных и хозяйственных комплексов дворцового (ямы №№41-43, 45-46) (рис. 104-105), додворцового (СК-3, ямы №№47-51) и постдворцового (яма №38, строительный комплекс с кладками №№76-77, 84-86 в квадратах №№18, 22-23) периодов в истории Мангупа (рис. 336). В планиграфии дворца данный участок рассматривается в качестве его хозяйственной периферийной территории.

Общая мощность культурных напластований на Юго-Западном участке возрастает от 0,40-0,60 м вдоль южного борта раскопа до 1,20 м в направлении южной стены помещения J. Его стратиграфия включает шесть культурных горизонтов (рис. 105).

Три верхних из них – **1-й (дерновый) слой**, «слой отвалов» (**слой №2**) и «погребенный дерн» (**слой №3**), общей мощностью 0,50-0,60 м имеют современное происхождение. На большей части раскопа нижним горизонтом дерна являлся раскат из мелкого и среднего бутового камня мощностью до 0,15 м, происхождение которого связано с разбором на строительный материал жилой застройки османского времени в этой части городища, что принципиально меняет наши представления о характере использования территории дворца жителями Мангупской крепости после осады 1475 г.

4-м слоем на участке исследований является серый рыхлый грунт, насыщенный щебнем, разномерным бутовым камнем и створками раковин моллюсков, особенно вдоль южного борта раскопа. Его мощность 0,10-0,40 м. По структуре, слабо напоминает классический «слой разрушения», сопровождающийся обычно развалами каменных стен, черепичных крыш, горелыми деревянными конструкциями, крупными фрагментами керамики и бытовых изделий. Формирование культурного горизонта, очевидно, отражает процесс постепенного разрушения дворца после событий 1475 г. и разбор его жилых и хозяйственных комплексов на строительный материал населением городища. Отметим также, что поверхность 4-го слоя стала основанием для возведения всех сохранившихся построек османского периода на площади раскопа, как это хорошо видно на примере комплекса кладок №№76-77, 84-86 в квадратах №№18, 22-23 (рис. 285; 336).

5-м слоем на площади раскопа является серый плотный грунт с щебнем, угольками и пятнами известкового раствора мощностью до 0,40 м. Стратиграфически определяется в качестве дневной поверхности времени строительства Мангупского дворца около 1425 г. и его функционирования в ранний период истории, не позднее середины XV в. На это указывают многочисленная и выразительная группа находок золотоордынского времени из слоя, а также то, что именно на его поверхности была сооружена вымостка «южной площади». Отметим также, что с уровня горизонта прослежена

каменная обкладка ям №№41-42 и 45-46, показательных хозяйственных комплексов дворца для более позднего периода 1450-1475 гг. В южной и западной частях раскопа 5-й слой залегает на поверхности скалы.

6-м слоем на Юго-Западном участке исследований является надскальный серо-коричневый плотный грунт с угольками и скальной жерствой. Зафиксирован в основном в северной части раскопа, где залегал непосредственно на скальном материке либо в его разломах на поверхности материкового суглинка красно-коричневого цвета мощностью до 0,30 м (рис. 106-107). В юго-западной части участка исследований поверхность слоя изобилует пятнами горения, на остальной площади на ней фиксируются следы разложившегося известкового раствора. Данный культурный горизонт, безусловно, формировался в течение

длительного промежутка времени, в результате естественных процессов почвообразования. На это, в том числе, указывает и анализ археологического комплекса находок, в котором более 50% материала относится к ранневизантийскому периоду в истории городища, до 30% артефактов датируется фемным временем, и лишь около 13% имеют хронологию в пределах XIV – начала XV вв.

2.6. Синхронизация стратиграфической ситуации на различных участках исследований памятника

Для того, чтобы предметно оценить особенности формирования культурного слоя на различных участках исследований Мангупского дворца, полученные сведения систематизированы в общей таблице:

Таблица №1. Синхронизация стратиграфической ситуации на участках археологических исследований Мангупского дворца

Основные культурные слои и строительные горизонты	Западный участок	Северный участок	Центральный и Восточный участки (помещение В)	Центральный участок (помещение F)	Южный участок	Юго-Западный участок
Дерновый слой	1-й слой	1-й слой	1-й слой	1-й слой	1-й слой	1-й слой
Каменный раскат в дерне	+	-	-	-	+	+
Слой отвалов	2-й слой	2-й слой	2-й слой	2-й слой	Пом. Н, 2-й слой	2-й слой
Погребенный дерн	3-й слой	3-й слой	3-й слой	3-й слой	Пом. Н, 3-й слой	3-й слой
Культурный слой после 1475 г.	4-й слой	4-й слой	4-й слой	-	2-й слой	4-й слой
Пожар и слой разрушения 1475 г.	Пом. J	Пом. А (1968 г.)	5-й слой, пом. В и N	4-й и 5-й слои, пом. F; пом. С (1938 г.)	Улица, пом. Н, К, L и М	-
Культурный слой 1425-1475 гг.	5-й слой	5-й слой	-	6-й и 7-й слои	Террасы, 2-й и 3-й слои	-
Строительный горизонт 1425 г.	6-й слой, вымостка	-	-	8-й слой	Улица, мостовая	Площадь, вымостка
Культурный слой конца XIII-XIV вв.	7-й слой	6-й слой	6-й слой	-	-	5-й слой
Культурный слой середины IX-XI вв.	8-й слой	-	7-й слой	9-й слой	-	-
Культурный слой середины VI-VIII вв.	9-й слой	-	-	-	3-й слой	6-й слой

Из нее следует ряд чрезвычайно важных наблюдений в отношении значения памятника в исторической периодизации Мангупского городища. К тому же они хорошо коррелируются с данными картографирования выявленных на площади раскопа разновременных археологических комплексов и культурных горизонтов (ср.: рис. 108; 148; 199; 228; 336).

Прежде всего, изучение стратиграфии дворца по итогам его раскопок в 2006-2010, 2014-2021 гг. ясно указывает на необходимость в дальнейшем полностью отказаться от существующих в историографии представлений о том, что данный археологический объект следует рассматривать исключительно в качестве резиденции правителей княжества Феодоро на Мангупе в XV в. Напротив, проведенные исследования свидетельствуют о почти непрерывном функционировании на территории памятника регулярной жилой и хозяйственной застройки, относящейся к пяти наиболее важным историческим периодам в истории Мангупского городища – ранневизантийскому (середины VI-VIII вв.), фемному (середины IX-XI вв.), золотоордынскому (конца XIII-XIV вв.), феодоритскому (около 1425-1475 гг.) и османскому (1475-1774 гг.). Все перечисленные ярусы застройки на площади дворцового ансамбля хорошо выражены в его стратиграфии, где представлены участками дневной поверхности и показательными строительными комплексами. Безусловно, такая сложная стратиграфическая ситуация лучше всего фиксируется на Западном участке исследований дворца, но она не противоречит полученным данным об условиях формирования культурного слоя и на других его объектах.

Другое принципиальный вывод касается планировки и периодизации Мангупского княжеского дворца 1425-1475 гг. По итогам новейших раскопок, возможно сделать вывод о том, что большинство его крупных архитектурно-археологических комплексов (помещения А, В, С, D, Е, F, G, I, J, K, L, M, южная и 1-я западная улицы, «южная площадь», «западный двор») были сооружены уже на первоначальном этапе, около 1425 г. или несколько позднее. Некоторые из них

(помещения F, I и J) позднее подверглись серьезной перестройке, которая определяет наличие двух основных периодов в истории памятника, датированных, пока несколько условно, временными отрезками 1425-1450 и 1450-1475 гг. Самыми поздними сооружениями являются возведенные в середине XV в. помещения Н и N, изменившие композицию «центрального двора» и южной дворцовой улицы. Обратим также внимание на содержащиеся в таблице данные о распространении горизонтов пожара 1475 г. на территории дворца, затронувших 11 из 19 известных, на сегодняшний день, его крупных объектов (помещения А, В, С, F, H, J, K, L, M, N, «южная улица»). Это свидетельствует о масштабах штурма турецкой армией одного из наиболее значимых в системе обороны Мангупской крепости архитектурных комплексов.

Наконец, несколько замечаний об использовании территории дворца после событий 1475 г. Ранее в историографии было принято считать ее полную заброшенность в османский период истории Мангупа и использование руин дворцового комплекса местным населением лишь в качестве каменоломни для добычи строительного материала. Однако, как показывают результаты новых раскопок памятника и особенно изучение его стратиграфии, такие заключения выглядят слабо обоснованными. Чтобы оценить характер застройки XVI-XVIII вв. на месте дворца, нужно обратить внимание на три наиболее важных момента. Во-первых, на большой объем керамических, нумизматических и индивидуальных находок этого времени в верхних культурных горизонтах памятника. Во-вторых, на постоянную встречаемость на всей площади участка исследований остатков жилых построек и хозяйственных сооружений постдворцового периода (рис. 336). В-третьих, на хорошо выраженный в стратиграфии дворца, особенно на его Западном, Юго-Западном и Южном участках, горизонт так называемого «каменного раската в дерне», который, скорее всего, связан с функционированием такой застройки после событий 1475 г. и указывает на ее почти полную разобранность в конце XVIII-XIX вв.

- - 1-й (дерновый) слой, «погребенный дерн»
- - 2-й слой (отвалы из раскопок предыдущих лет)
- - 4-й слой (дневная поверхность османского периода)
- - 5-й слой (слой функционирования феодоритского периода)
- - 6-й слой (дневная поверхность феодоритского периода)
- - 7-й слой (слой функционирования золотоордынского периода)
- - 8-й слой (слой функционирования фемного периода)
- - 9-й слой (слой функционирования ранневизантийского периода)
- - заполнение хозяйственных ям, строительных траншей
- - слои разрушения построек
- - слои пожаров
- - известковый раствор
- - фрагменты керамики

Рис. 42. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг.
Таблица общих условных обозначений на чертежах

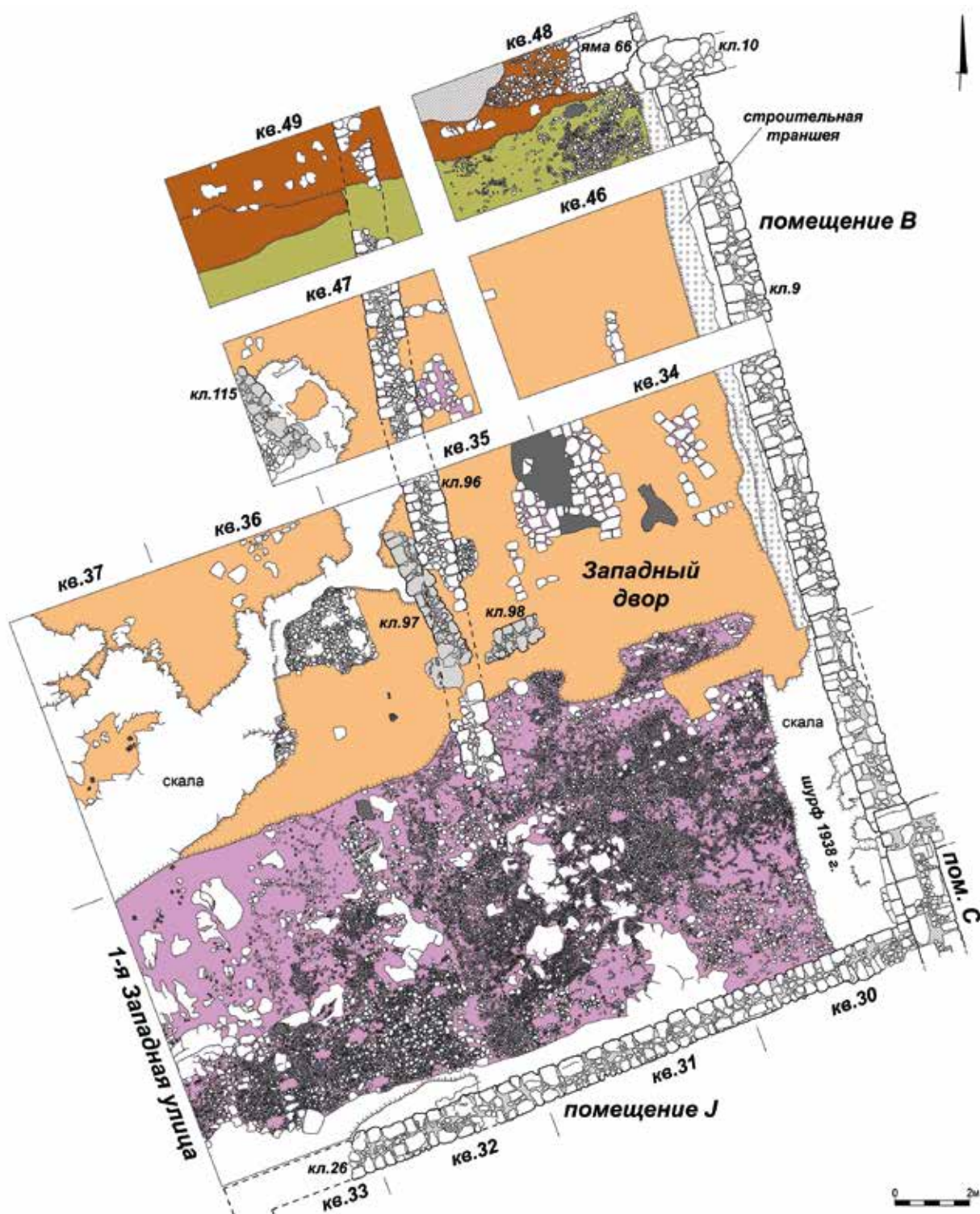

Рис. 43. Дворец. Раскопки 2017-2019 гг. Западный участок. Квадраты №№30-37, 46-49. Общий план по уровню 6-го слоя, черепично-щебнистого мощения «1-й западной улицы» и остатков каменной мостовой на территории «западного двора» на 7-м слое, и заполнения строительной траншеи под кладку №9, западную стену помещения В. В северной части раскопа (квадраты №№48 и 49) – выходы поверхности 8-го и 9-го слоев; кладки №№97, 98 и 115 – руины построек фемного периода

Рис 44. Дворец. Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадраты №30-31, 34-35, 46-49. Остатки каменной мостовой (6-го слоя) на уровне горизонта золотоордынского периода (7-го слоя). Общее аэрофото с запада. На переднем плане – кладка №96, западная стена «западного двора», на заднем – кладка №9, западная стена помещения В, по уровню заполнения строительной траншеи

Рис. 45. Дворец. Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадраты №№30-31, 34-35, 46-49. Остатки каменной мостовой (6-го слоя) на уровне горизонта золотоордынского периода (7-го слоя). Общее аэрофото с востока. На заднем плане – кладка №96, западная стена «западного двора», на переднем – кладка №9, западная стена помещения В по уровню заполнения ее строительной траншеи

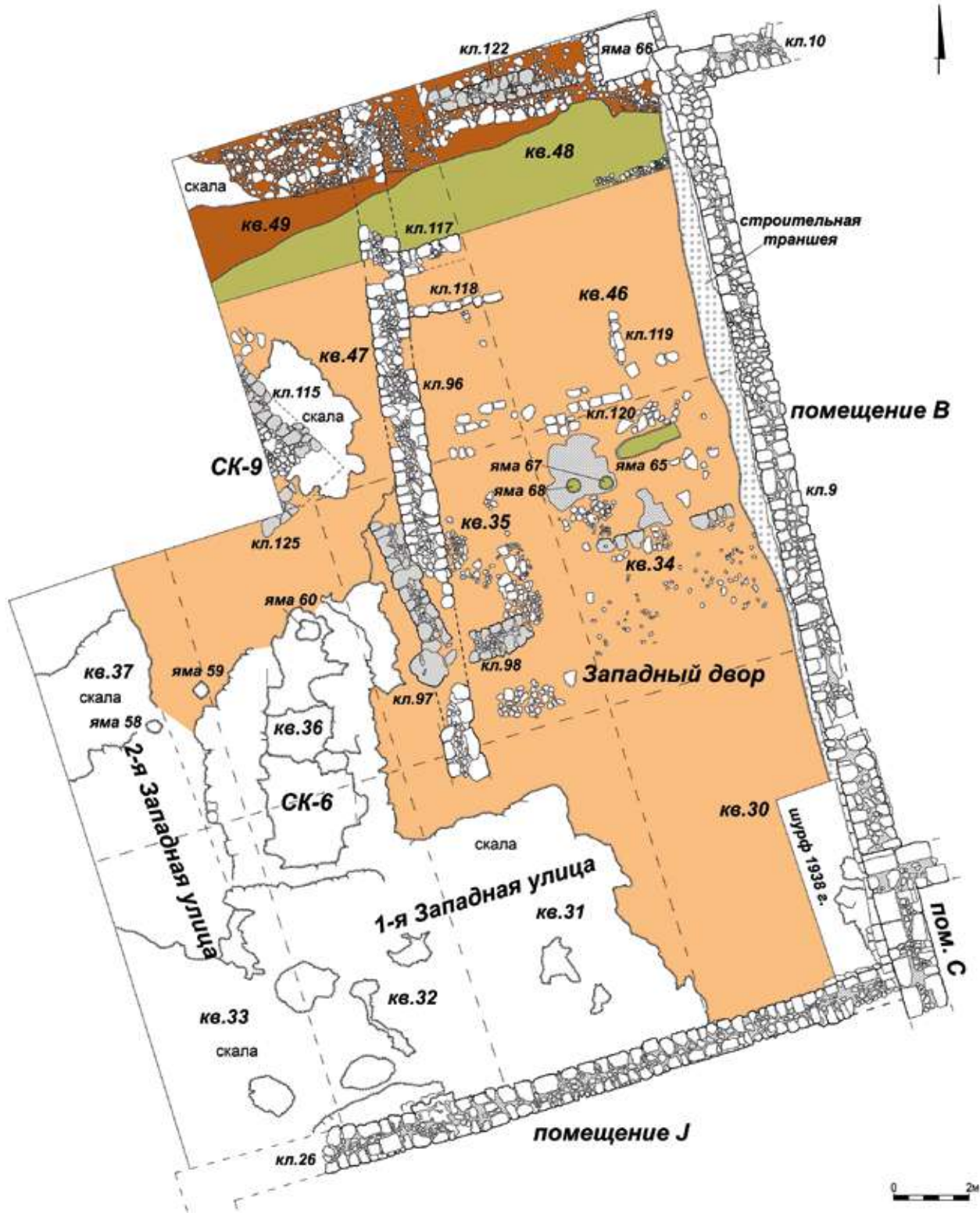

Рис. 46. Дворец. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадраты №№30-31, 34-35, 46-49. Общий план по уровню 7-го слоя, дневной поверхности золотоордынского периода, и заполнению строительной траншеи под кладку №9, западную стену помещения В. В северной части раскопа (квадраты №№48 и 49) – выходы поверхности 8-го и 9-го слоев; кладки №№97, 98 и 115 – руины построек фемного периода

Рис. 47. Дворец. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадраты №№ 34-35, 46-49. Общее аэрофото с запада по уровню 7-го слоя, дневной поверхности золотоордынского периода, после выборки заполнения строительной траншеи под кладку №9, западную стену помещения В (на заднем плане). Слева, в северной части раскопа (квадраты №№48 и 49) – выходы поверхности 8-го и 9-го слоев

Рис. 48. Дворец. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадраты №№ 34-35, 46-49. Общее аэрофото с севера по уровню 7-го слоя, дневной поверхности золотоордынского периода, после выборки заполнения строительной траншеи под кладку №9, западную стену помещения В (слева). На переднем плане, отмечены рейками – поверхность раннесредневековой улицы (8-го слоя) с остатками 3-го (верхнего) слоя мощения и яма №69 по уровню заполнения

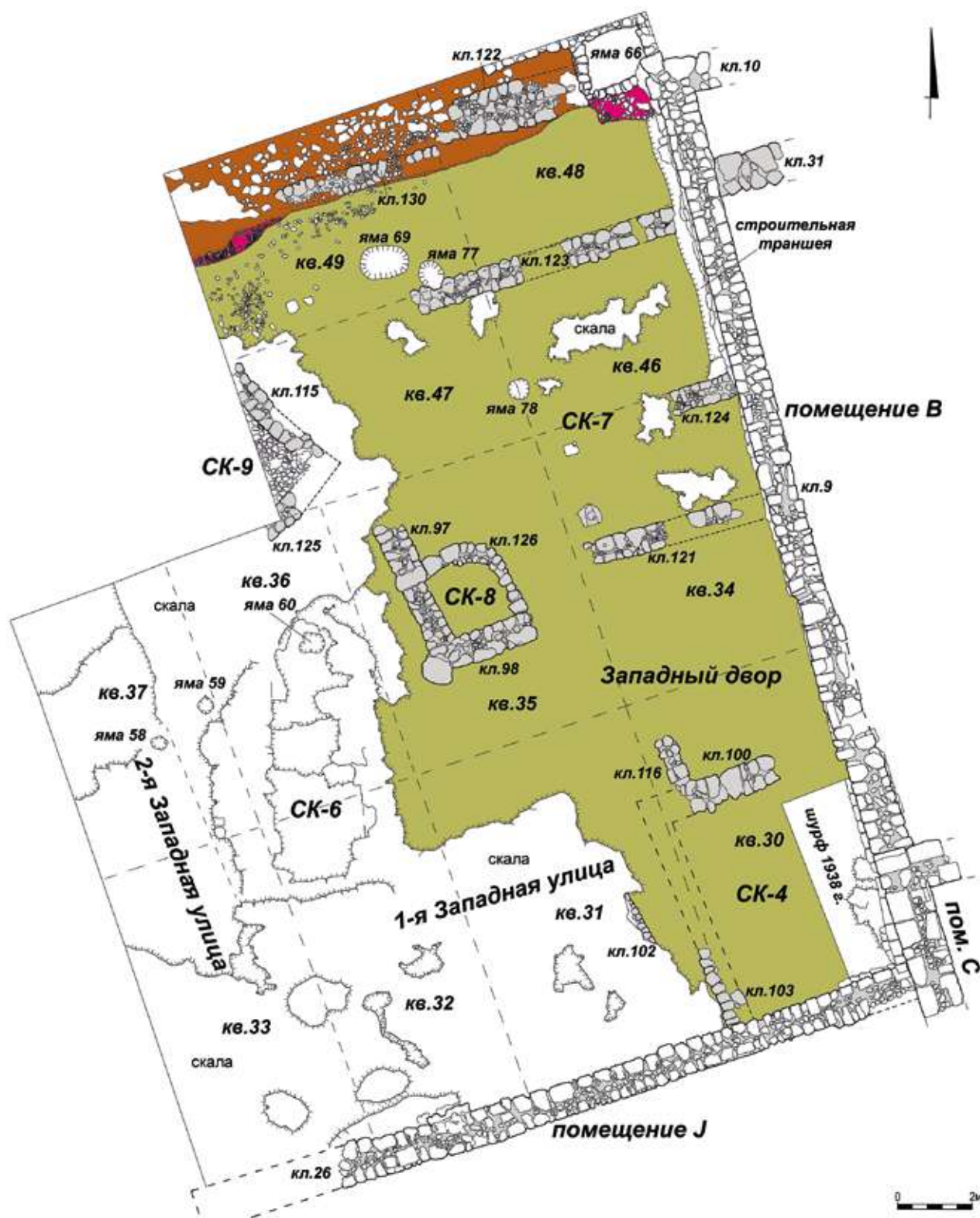

Рис. 49. Дворец. Раскопки 2017, 2020-2021 гг.
Западный участок. Квадраты №№ 30-37, 46-49. Общий план по уровню 8-го слоя,
дневной поверхности фемного периода. В северной части раскопа – выход 9-го слоя

Рис. 50. Дворец. Раскопки 2021 г. Западный участок.
Общее аэрофото с запада по уровню 8-го слоя в квадратах №№46-49. Справа – квадраты №№30-31, 34-35 по завершению работ

**Рис. 51. Дворец. Раскопки 2020 г. Западный участок.
Общее аэрофото с севера по уровню 8-го слоя в квадратах №№46-49.
На заднем плане – квадраты №№34-35 по завершению работ**

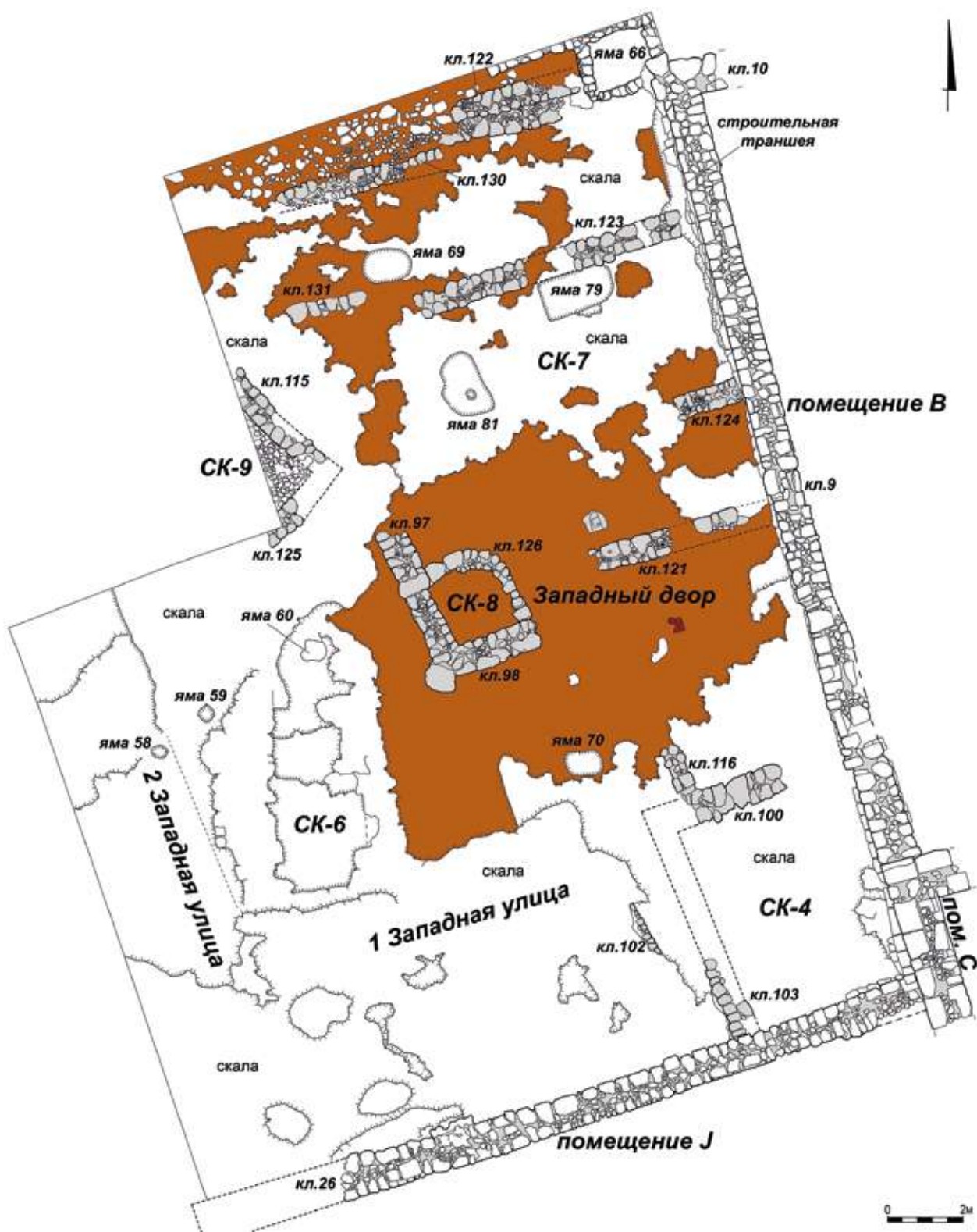

Рис. 52. Дворец. Раскопки 2020-2021 гг.
 Западный участок. Квадраты №№ 30-37, 46-49.
 Общий план по уровню 9-го слоя, дневной поверхности ранневизантийского периода

Рис. 53. Дворец. Раскопки 2021 г. Западный участок.
Общее аэрофото с запада по уровню 9-го слоя в квадратах №№46-49.
Справа – квадраты №№ 34-35 по завершению работ

Рис. 54. Дворец. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадрат №34-35.
Поверхность 9-го слоя, фрагмент, с остатками черепичной вымостки. Вид с северо-востока

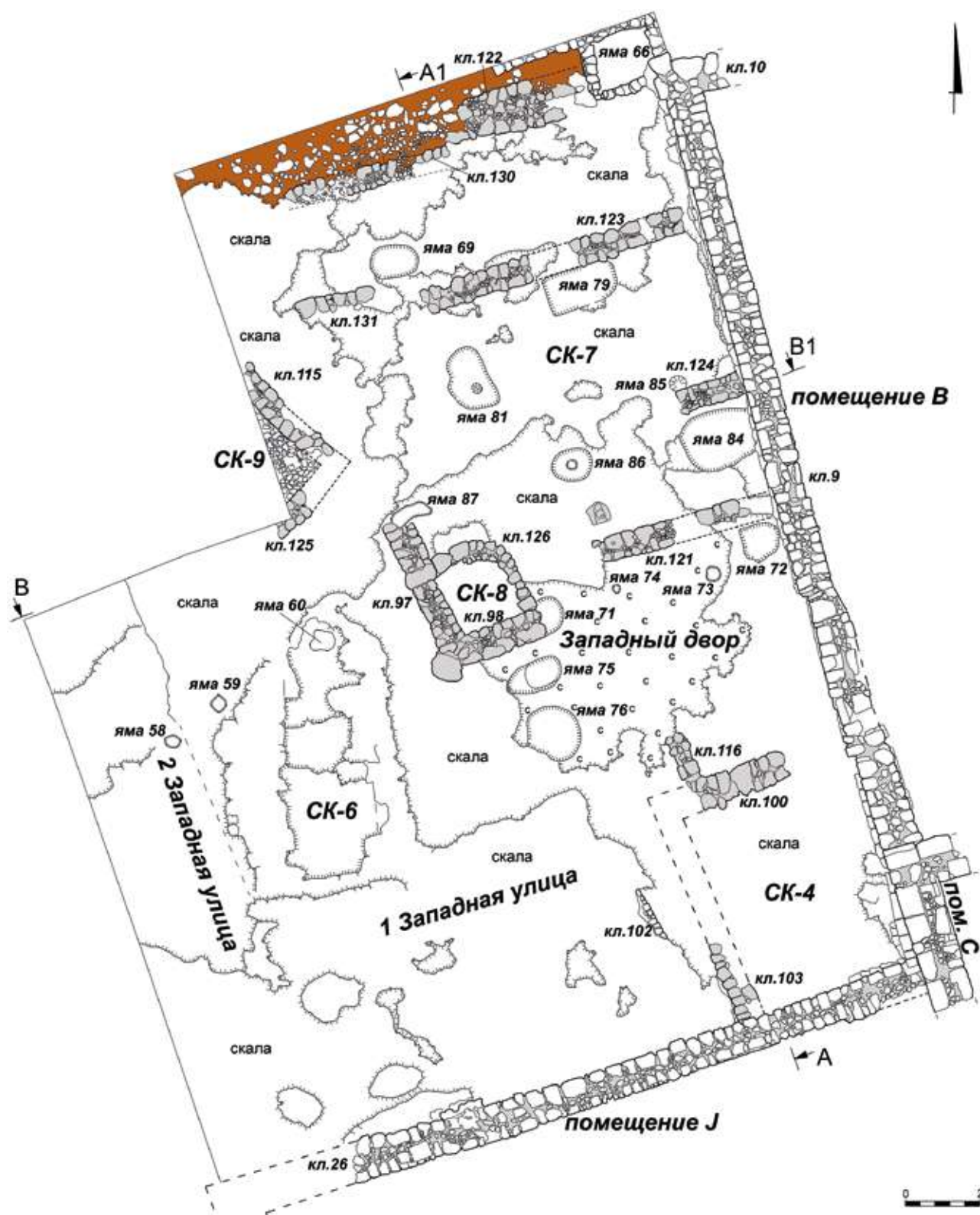

Рис. 55. Дворец. Западный участок. Раскопки 2017-2021 гг. Общий план строительных остатков по завершении работ с обозначением генеральных стратиграфических разрезов

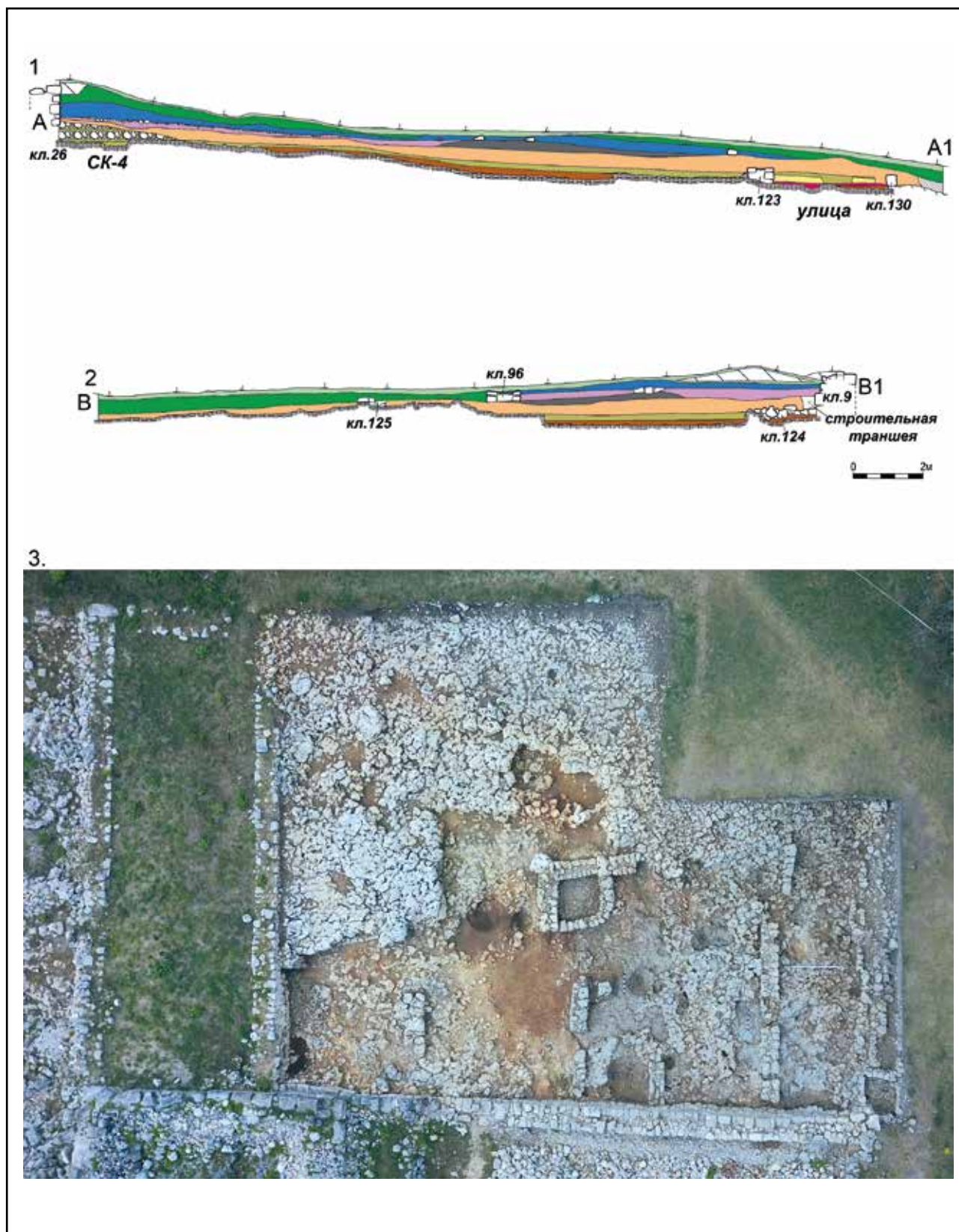

Рис. 56. Дворец. Западный участок:

- 1 – генеральный стратиграфический разрез А-А1 (по линии квадратов №№30, 34, 46, 48);
- 2 – генеральный стратиграфический разрез В-В1 (по линии квадратов №№37, 36, 35, 47, 46);
- 3 – общее аэрофото с востока по завершении работ

Рис. 57. Дворец. Западный участок. Раскопки 2016 г.
Помещение J (квадраты №№26-29).
Общий план по уровню 1-го (верхнего) слоя обмазки пола

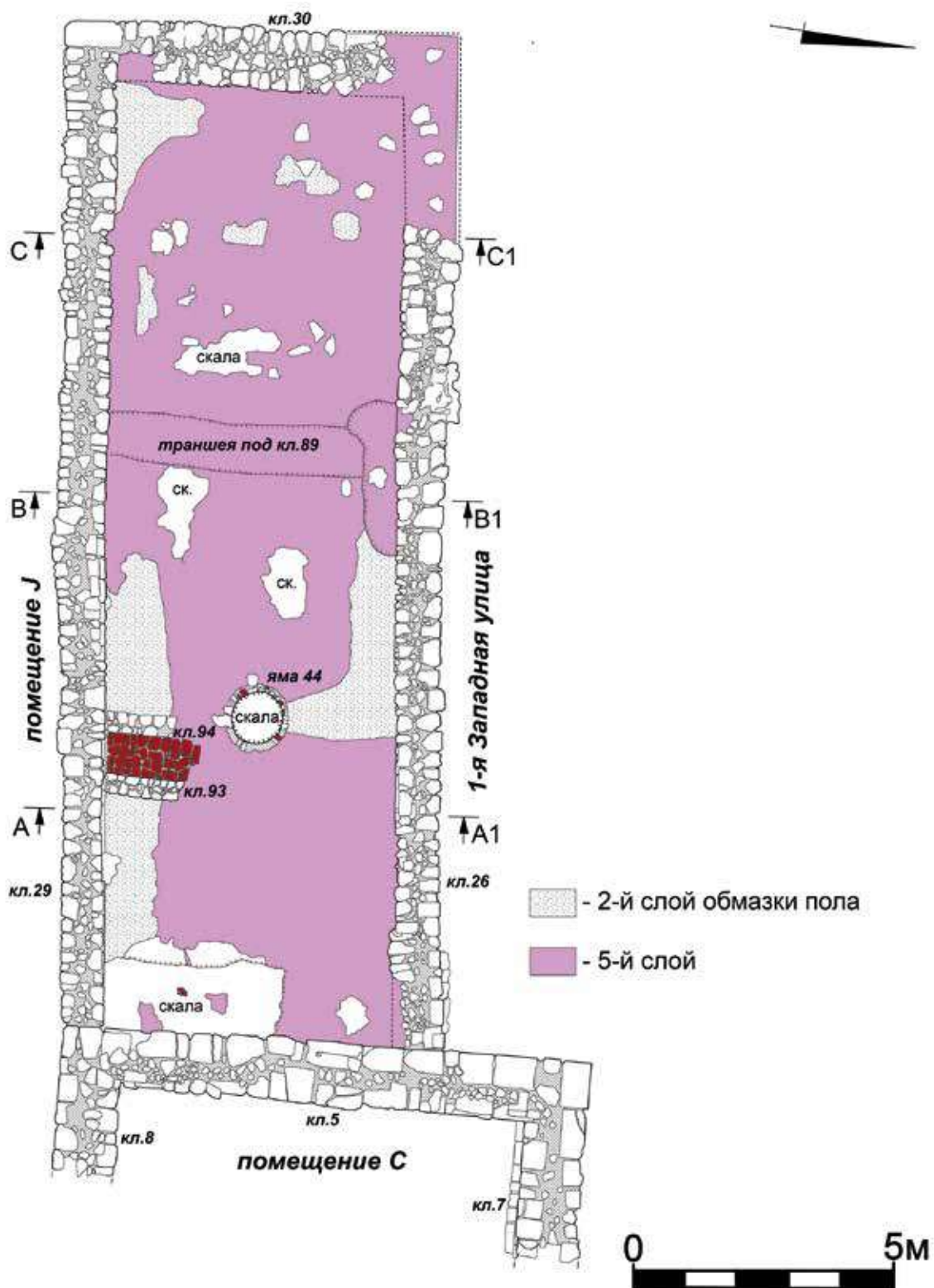

Рис. 58. Дворец. Западный участок. Раскопки 2016 г.
 Помещение J (квадраты №№26-29).
 Общий план по уровню 2-го (нижнего) слоя обмазки пола

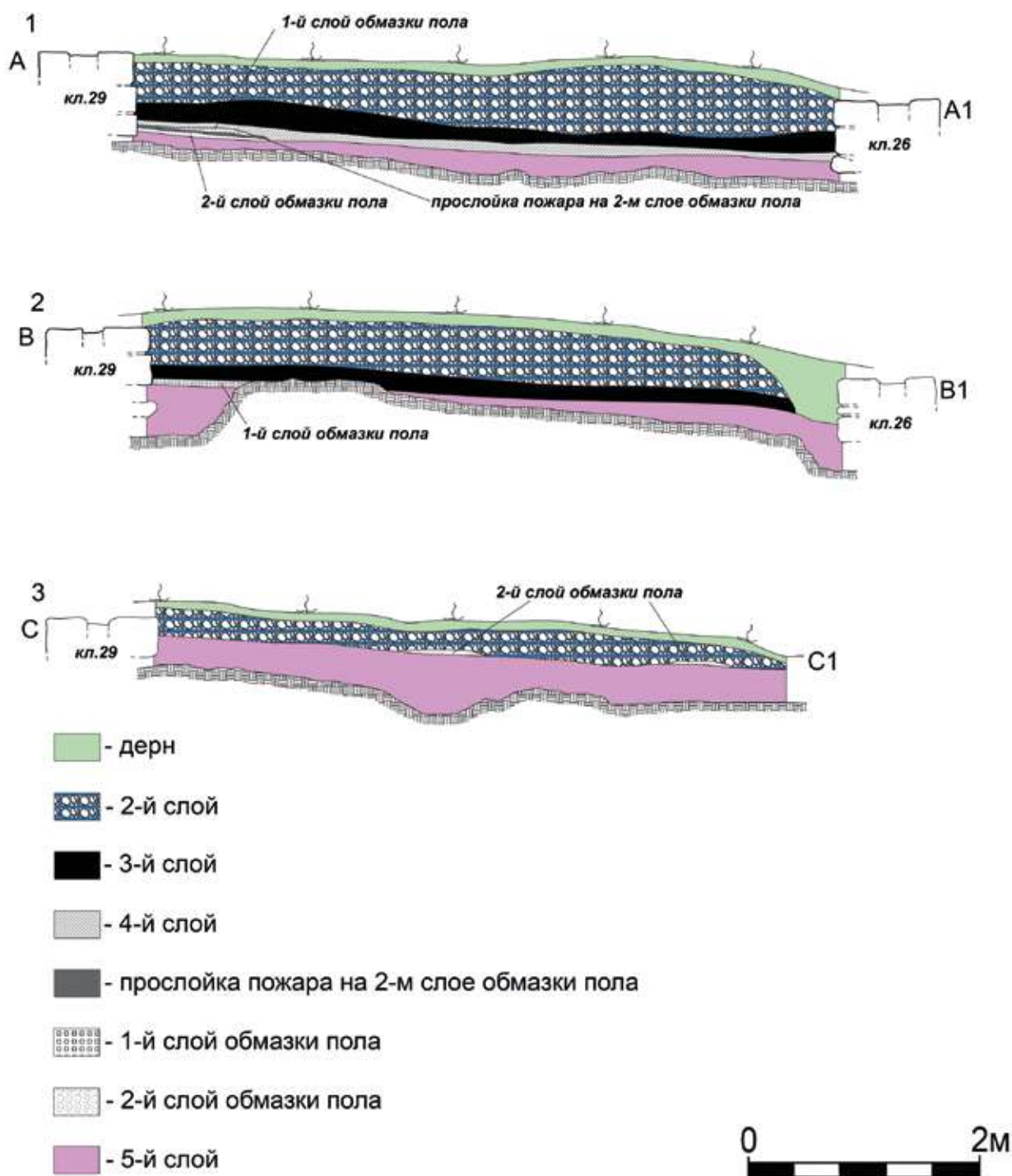

Рис. 59. Дворец. Западный участок.
Раскопки 2014-2016 гг. Помещение J (квадраты №№26-29).
Стратиграфические разрезы

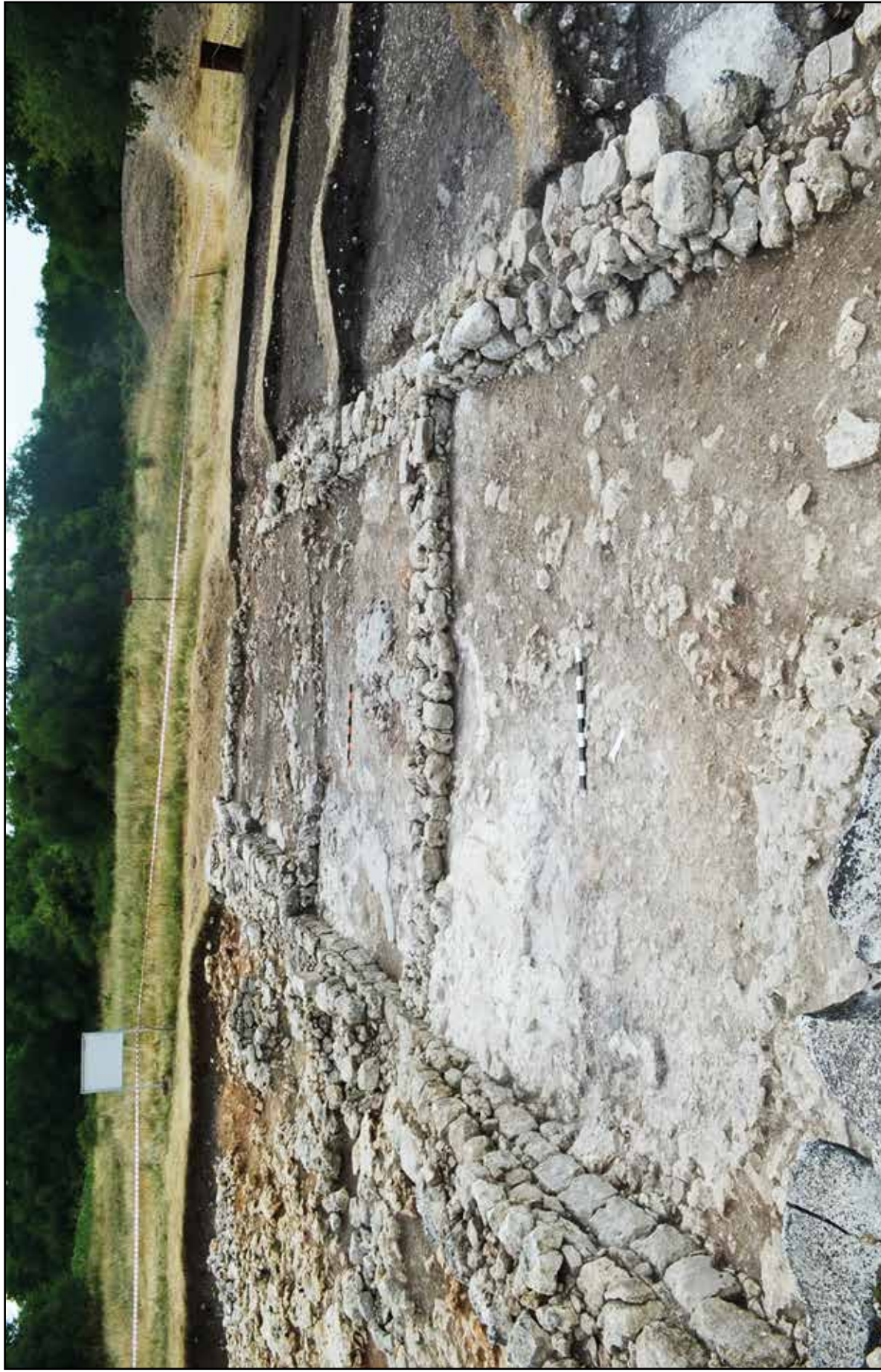

Рис. 60. Дворец. Западный участок. Раскопки 2016 г. Помещение J (квадраты №№26-29).
Общий вид с запада по уровню 1-го (верхнего) слоя обмазки пола

Рис. 61. Дворец. Западный участок. Раскопки 2016 г. Помещение J-1 (квадраты №№26-27). Общий вид с севера по уровню 2-го (нижнего) слоя обмазки пола. Рейками отмечены сооружение в юго-западном углу с черепичной вымосткой и яма №44

Рис. 62. Дворец. Западный участок. Раскопки 2020 г. Квадраты №№48-49.
Раннесредневековая улица. 3-й (верхний) горизонт мощения.
Общий вид с востока [по: Науменко, 2023б, с. 213, рис. 5, 1]

Рис. 63. Дворец. Западный участок. Раскопки 2019 г. Квадрат №48.
Раннесредневековая улица. Фрагмент 3-го (верхнего) горизонта мощения.
Общий вид с северо-востока [по: Науменко, 2023б, с. 213, рис. 5, 2]

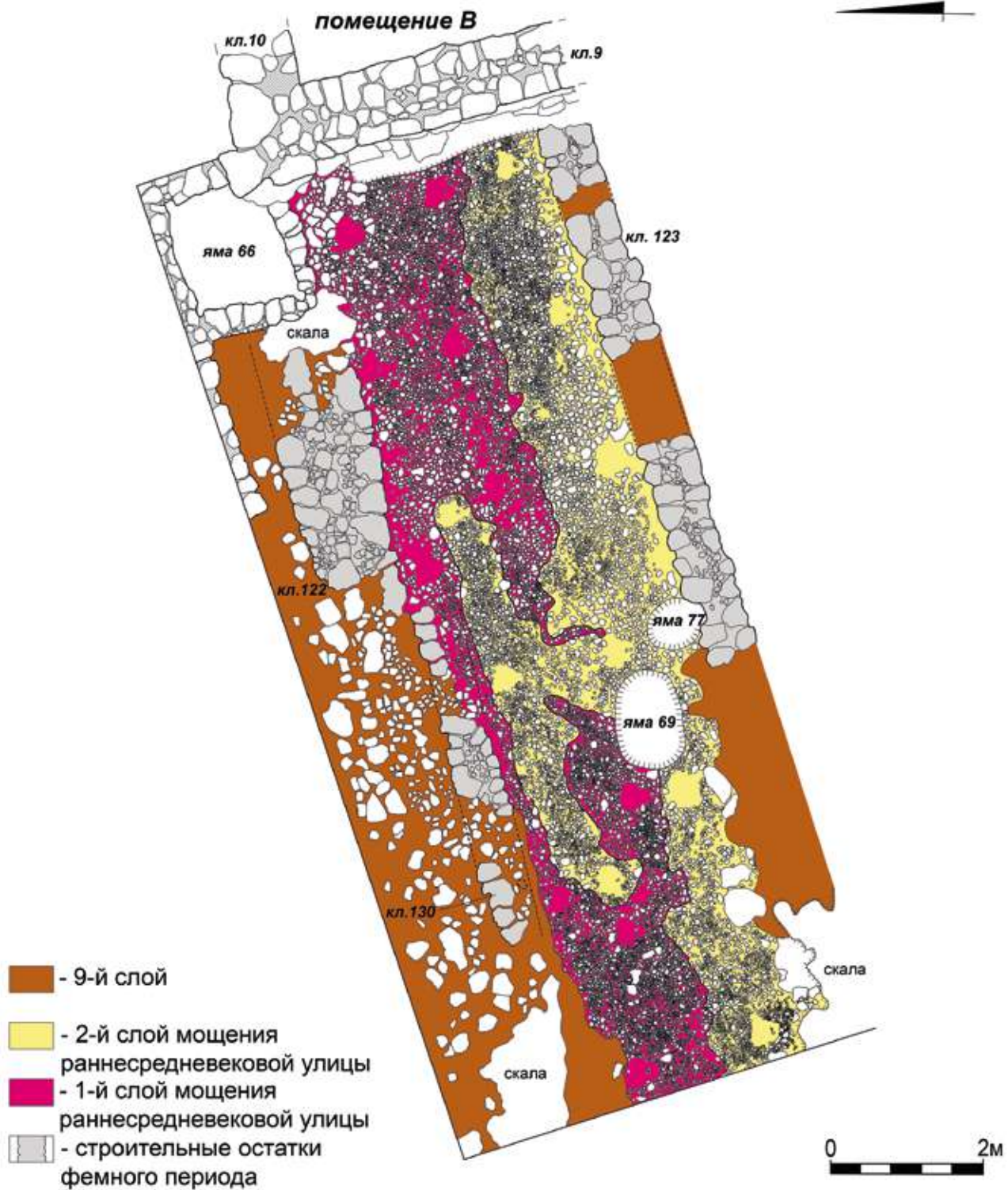

Рис. 64. Дворец. Западный участок. Раскопки 2021 г. Квадраты №№48-49. Раннесредневековая улица. Общий план по 2-му (среднему) горизонту мощения

**Рис. 65. Дворец. Западный участок. Раскопки 2021 г. Квадраты №№48-49.
Раннесредневековая улица. Общий вид с запада по 2-му (среднему) горизонту мощения
[по: Науменко, 2023б, с. 212, рис. 4, 2]**

**Рис. 66. Дворец. Западный участок. Раскопки 2021 г. Квадраты №№48-49.
Раннесредневековая улица. Общий вид с востока по 2-му (среднему) горизонту мощения**

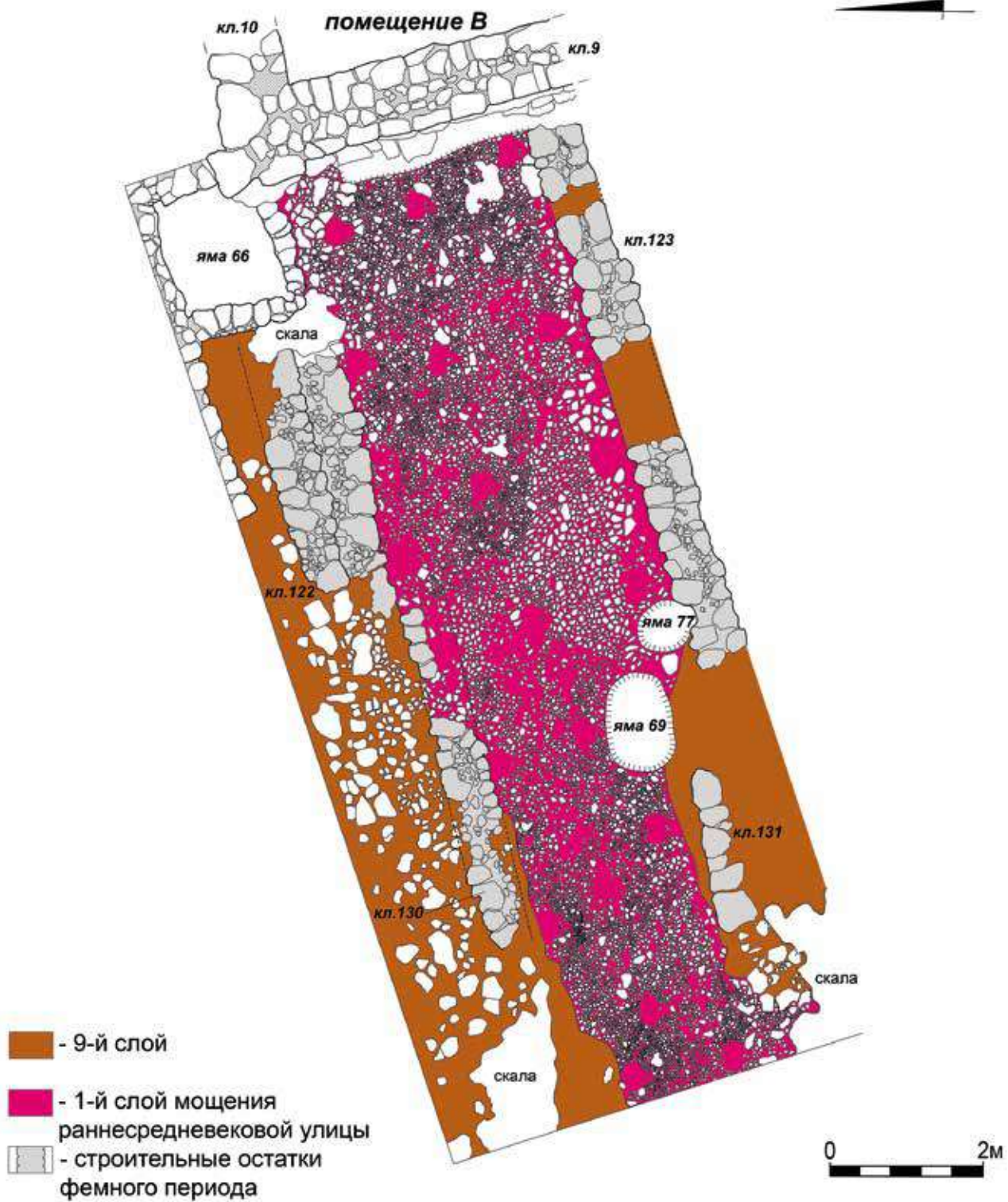

Рис. 67. Дворец. Западный участок. Раскопки 2021 г. Квадраты №№48-49. Раннесредневековая улица. Общий план по 1-му (нижнему) горизонту мощения

**Рис. 68. Дворец. Западный участок. Раскопки 2021 г. Квадраты №№48-49.
Раннесредневековая улица. Общий вид с востока по 1-му (нижнему) горизонту мощения
[по: Науменко, 2023б, с. 212, рис. 4, 1]**

**Рис. 69. Дворец. Западный участок. Раскопки 2021 г. Квадраты №№48-49.
Раннесредневековая улица.
Общий вид с северо-запада по 1-му (нижнему) горизонту мощения**

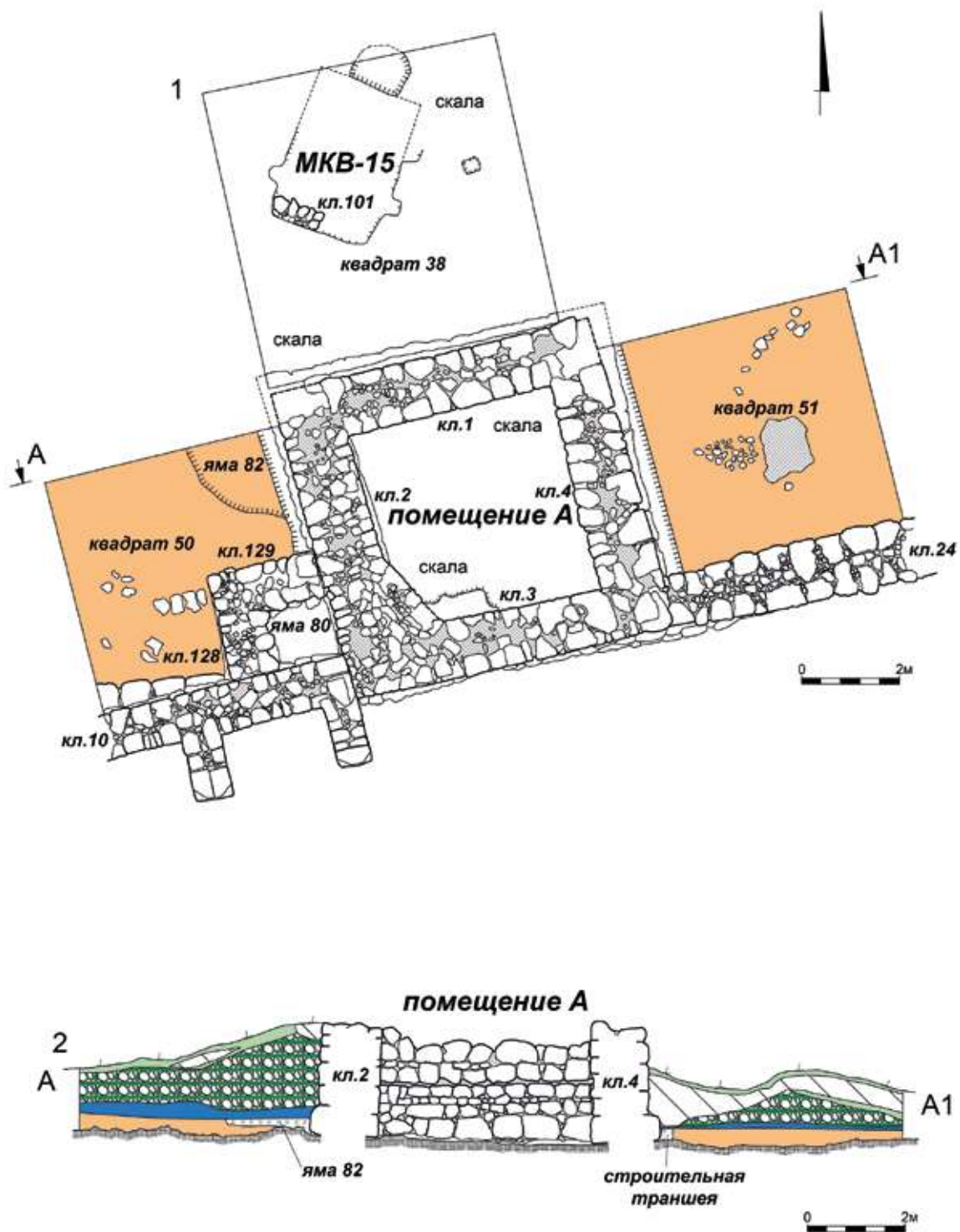

Рис. 70. Дворец. Северный участок. Раскопки 2017, 2020-2021 гг.
 Квадраты №№38, 50-51: 1 – общий план по уровню 6-го слоя;
 2 – генеральный стратиграфический разрез А-А1
 (заполнение помещения А выбрано в 1968 г.)

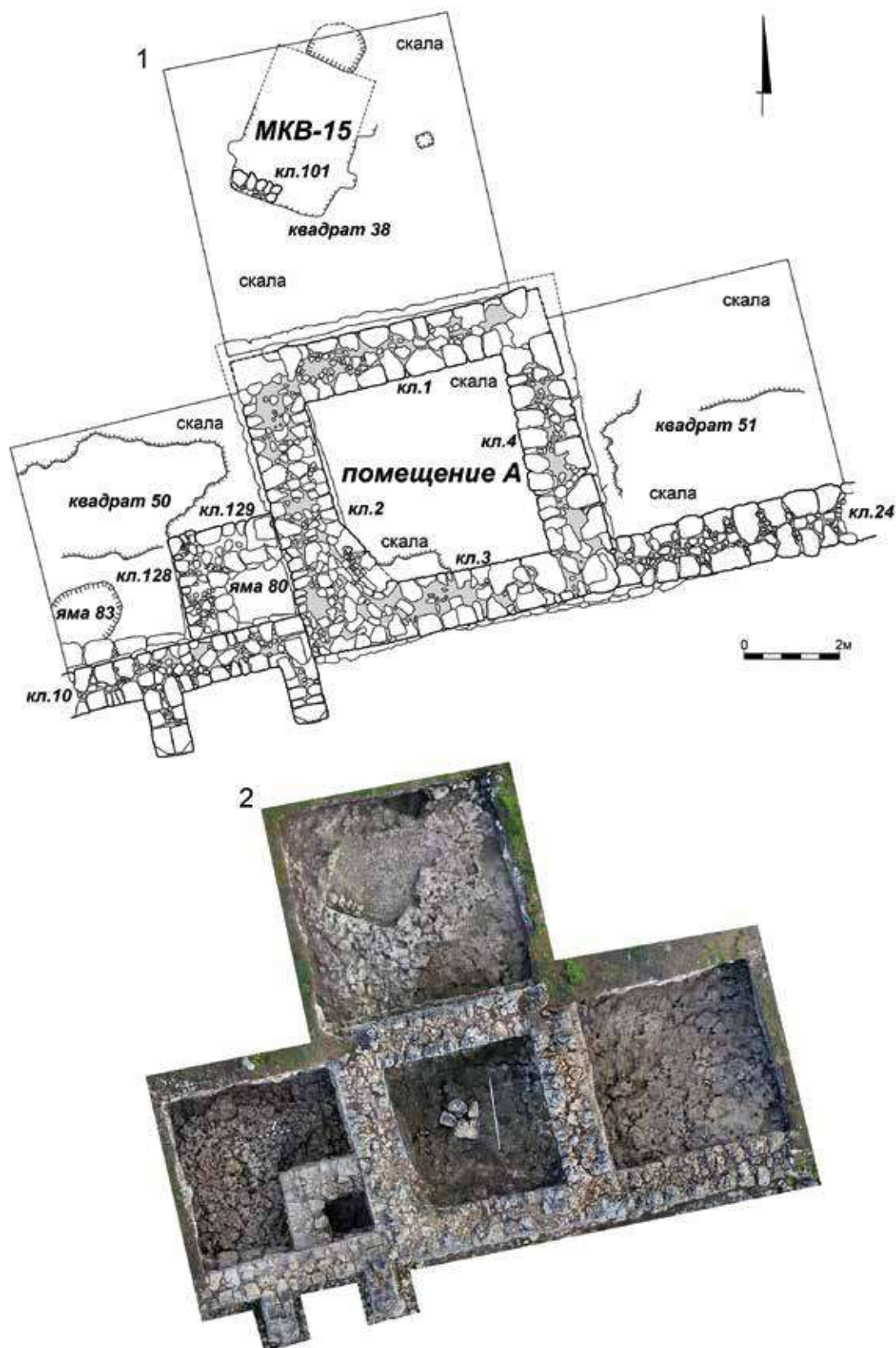

Рис. 71. Дворец. Северный участок. Раскопки 2017, 2020-2021 гг.
 Квадраты №№38, 50-51: 1 – общий план по завершении работ;
 2 – общее аэрофото с юга по завершении работ

Рис. 72. Дворец, Северный участок. Раскопки 2021 г.
Квадраты №№50-51. Общее аэрофото с юга по уровню 4-го слоя,
горизонта разрушения оборонительной башни-донжона (помещения А)

Рис. 73. Дворец. Северный участок. Раскопки 2021 г.
Квадрат №50. Стратиграфия западного борта по уровню 5-го слоя. Вид с востока

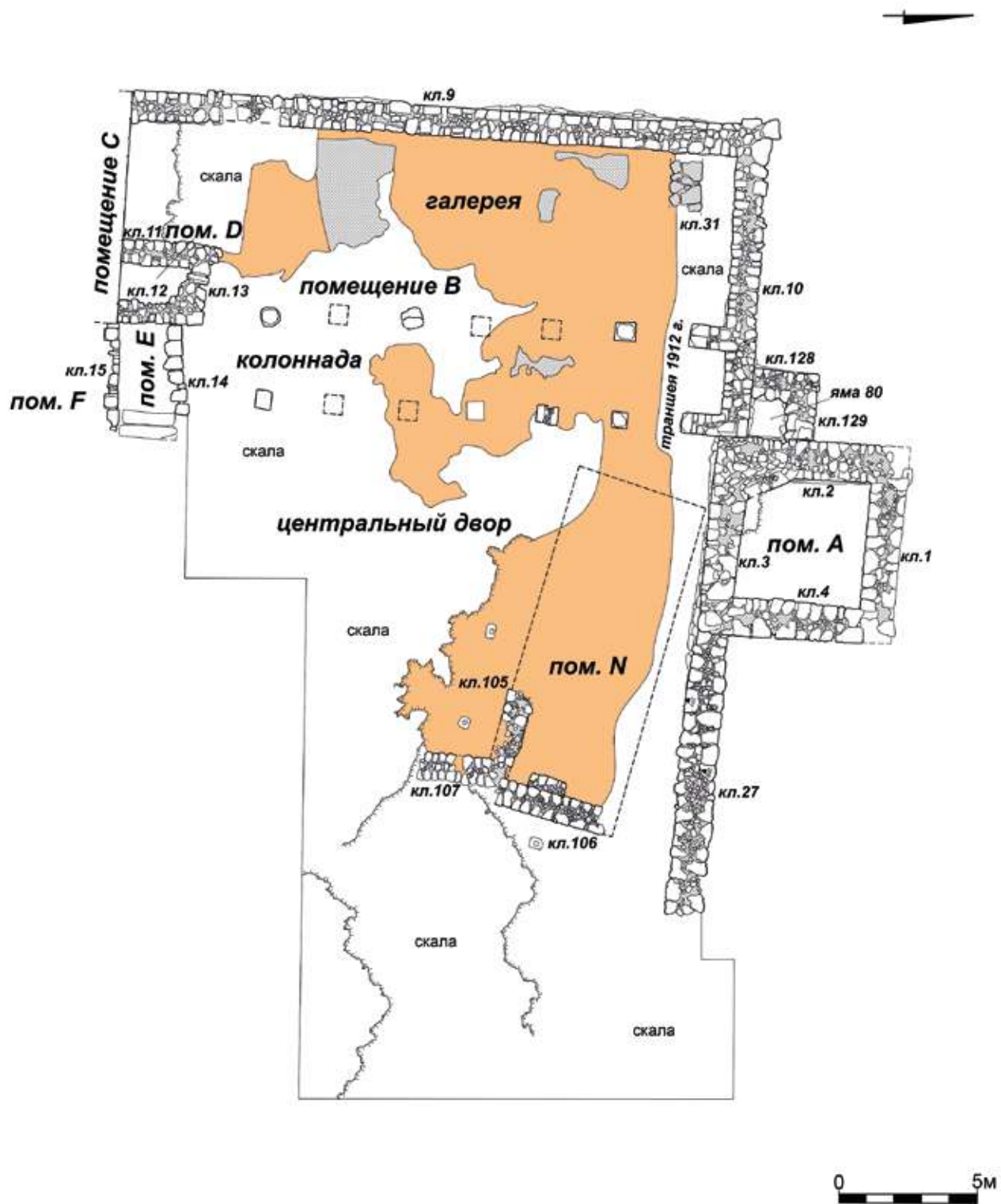

Рис. 74. Дворец. Центральный и Восточный участки. Раскопки 2006-2007, 2018 гг. Общий план по уровню 6-го слоя, дневной поверхности золотоордынского периода

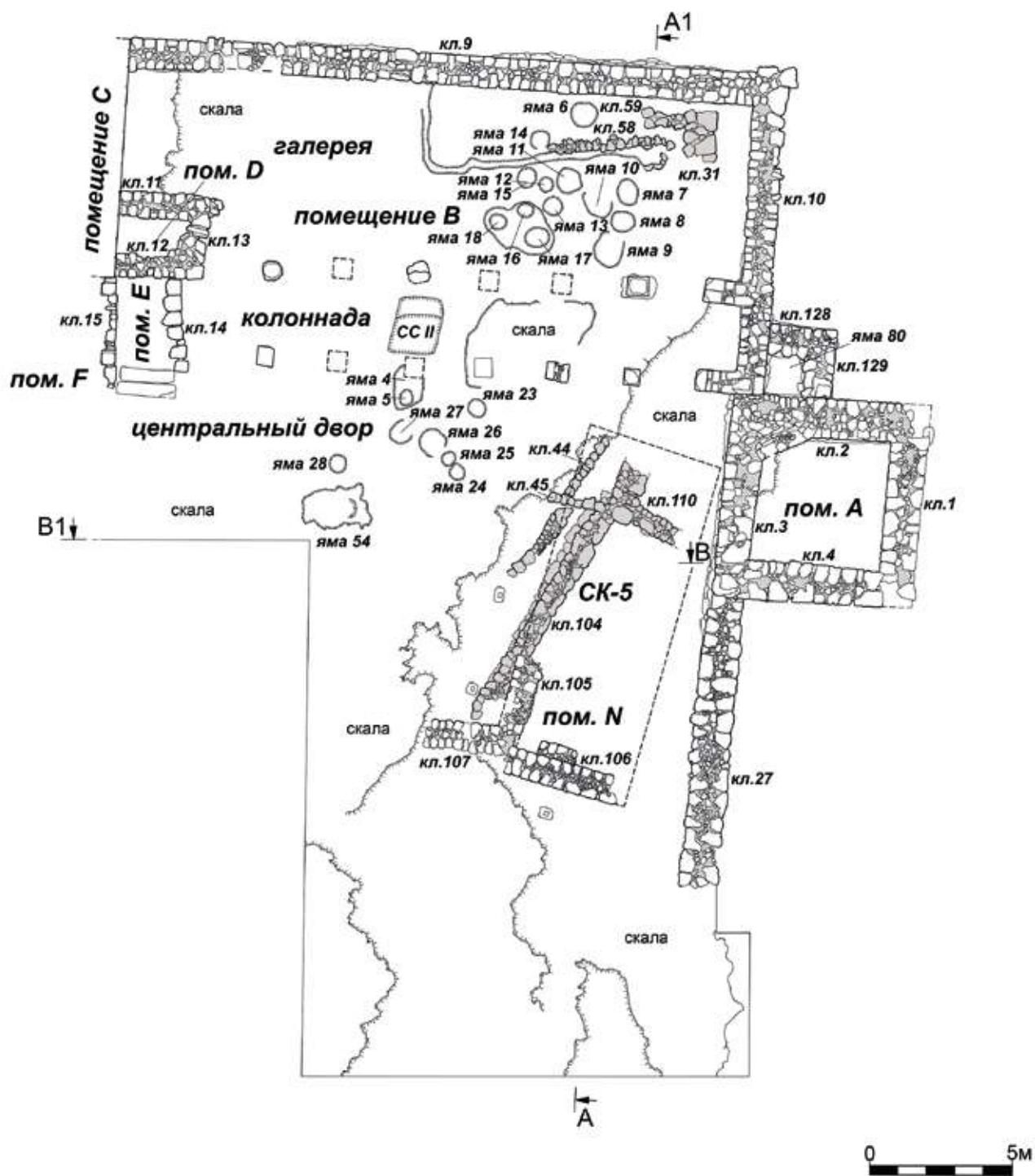

Рис. 75. Дворец. Центральный и Восточный участки.
Раскопки 2006-2007, 2018 гг.
Общий план строительных остатков по завершению работ

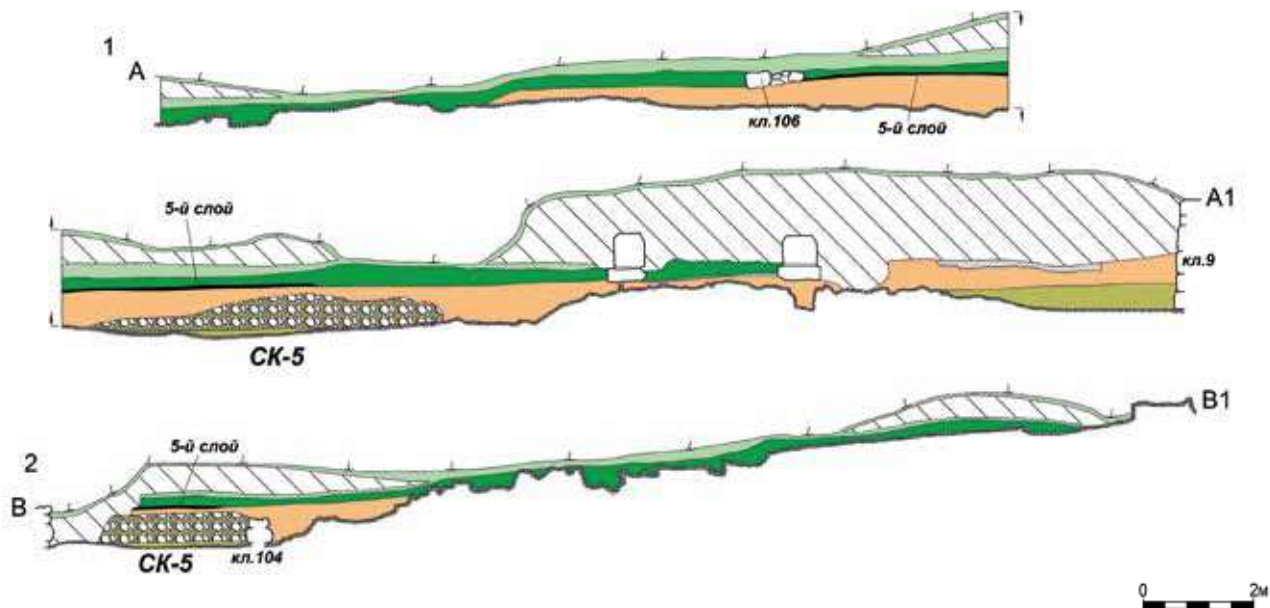

Рис. 76. Дворец. Центральный и Восточный участки.
Раскопки 2006-2007, 2018 гг. Генеральные стратиграфические разрезы:
1 - разрез А-А1; 2 - разрез В-В1

Рис. 77. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2006 г.
Помещение В и «центральный двор». Контрольные стратиграфические бровки
по уровню 5-го и 6-го слоев. Общий вид с юго-запада

Рис. 78. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2006 г.
Северная стратиграфическая бровка по уровню 6-го слоя. Общий вид с юго-востока

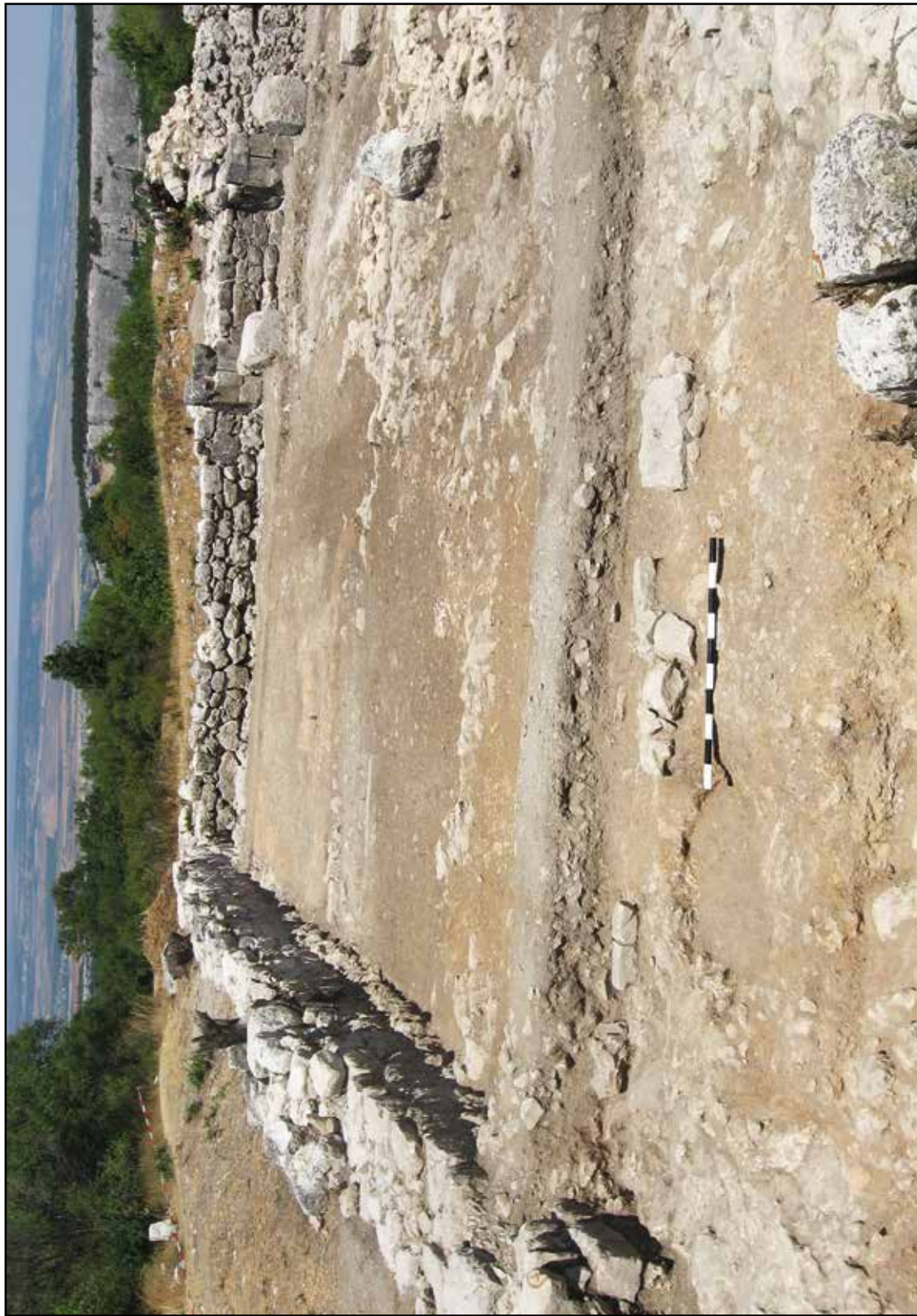

Рис. 79. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2007 г.
Западная галерея с двойной колоннадой (помещение В) по уровню 6-го слоя.
Общий вид с юга. На переднем плане, отмечены рейкой,
яма №3 по уровню заполнения и кладка №34

Рис. 80. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2007 г.
Колоннада западной галереи (помещения В) по уровню 6-го слоя. Вид с юга

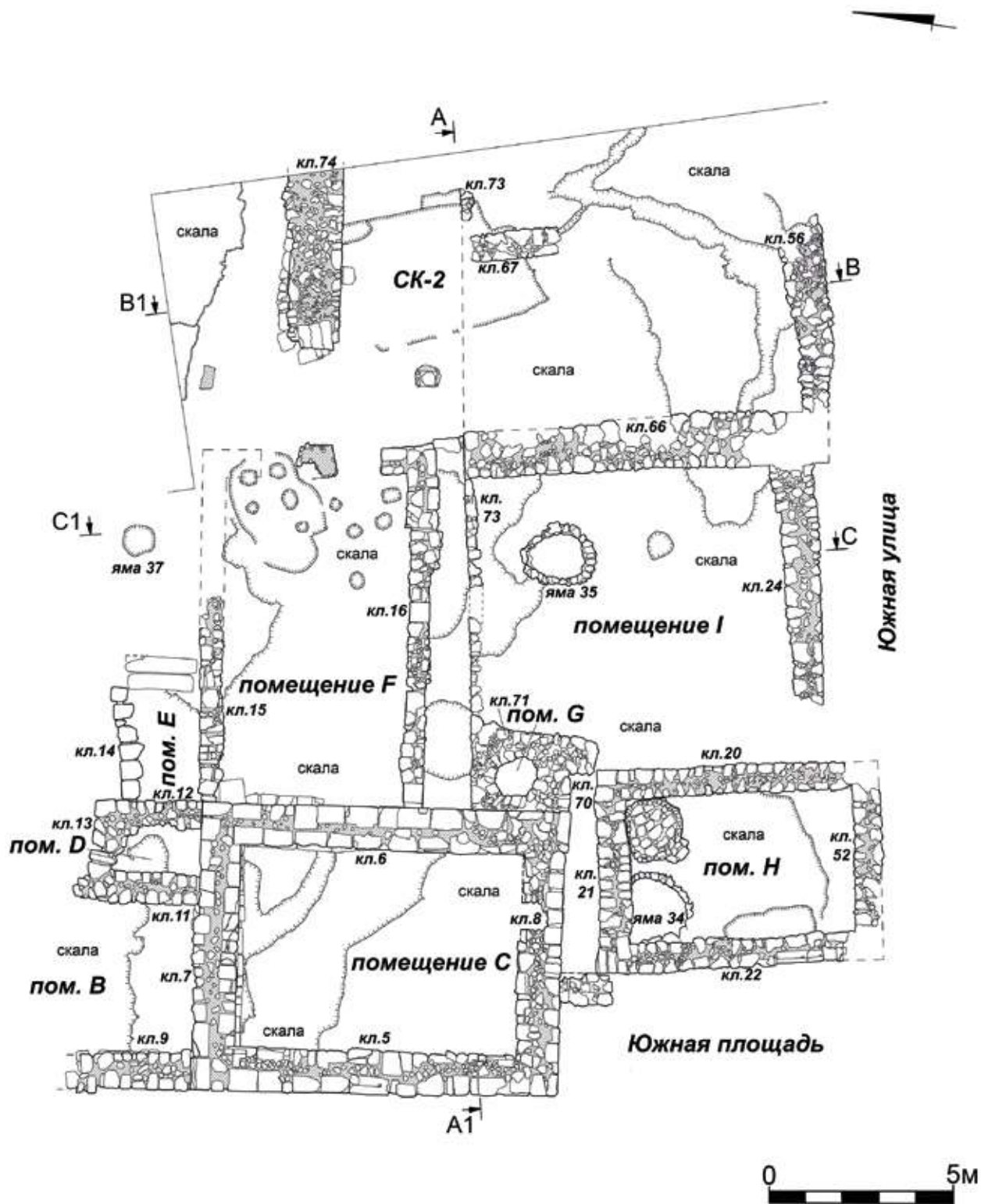

Рис. 81. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2008-2009 гг.
Общий план строительных остатков по завершению работ

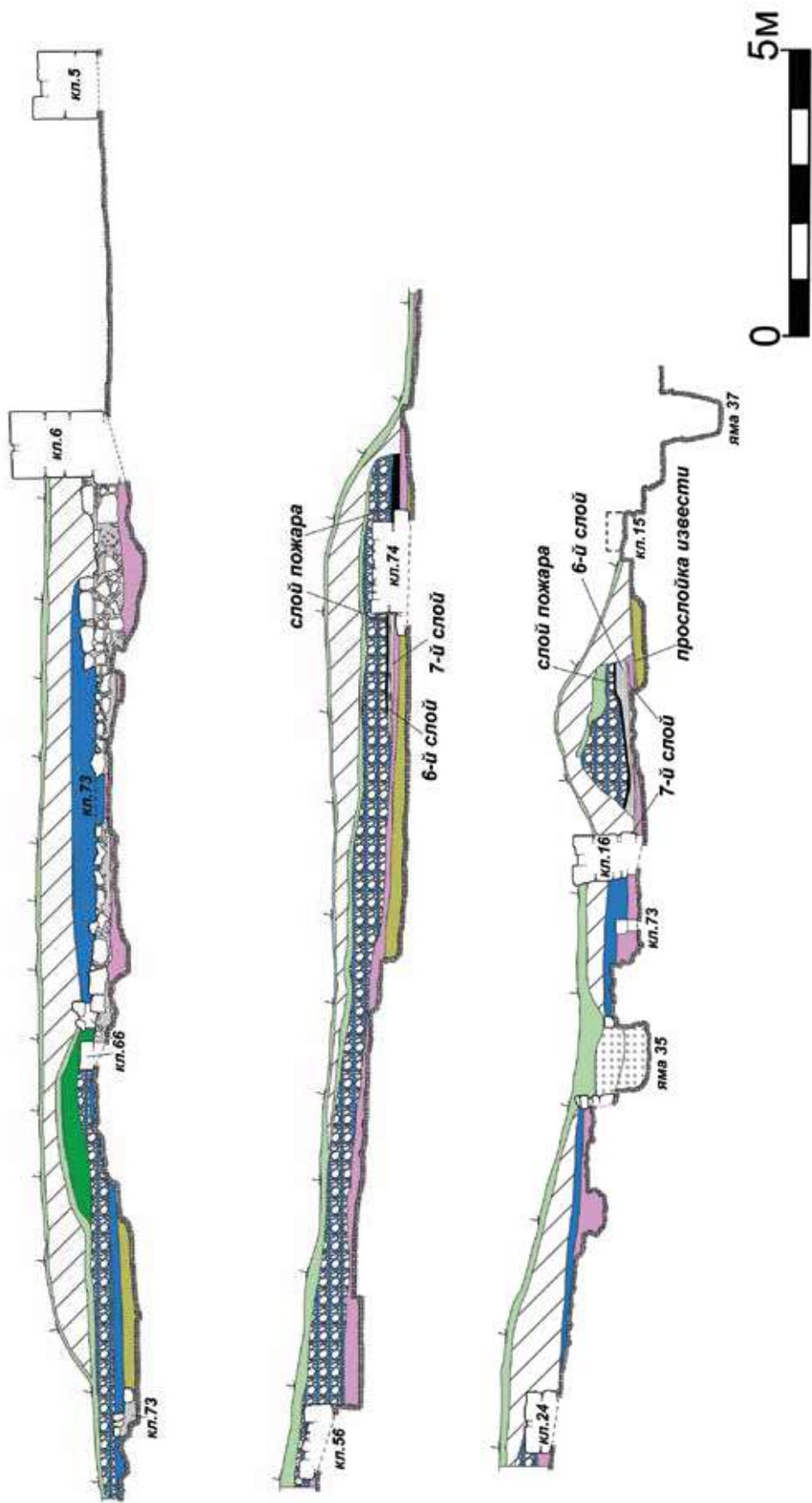

Рис. 82. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2008-2009 гг. Генеральные стратиграфические разрезы

Рис. 83. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2009 г.
Помещение I по уровню 3-го (его полоса отмечена на снимке горизонтальной рейкой справа)
и 4-го (надскального) слоев. Общий вид с северо-востока

Рис. 84. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2009 г.
Помещение I по завершении работ. Общий вид с северо-востока

Рис. 85. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2009 г. Квадрат №№10-14:
 1 – зачистка по уровню 5-го слоя, участка пожара 1475 г. На переднем плане – светлая известковая обмазка 6-го слоя, дневной поверхности помещения F. Вид с запада;
 2 – зачистка по уровню 5-го слоя, участка пожара 1475 г. Общий вид с юго-востока

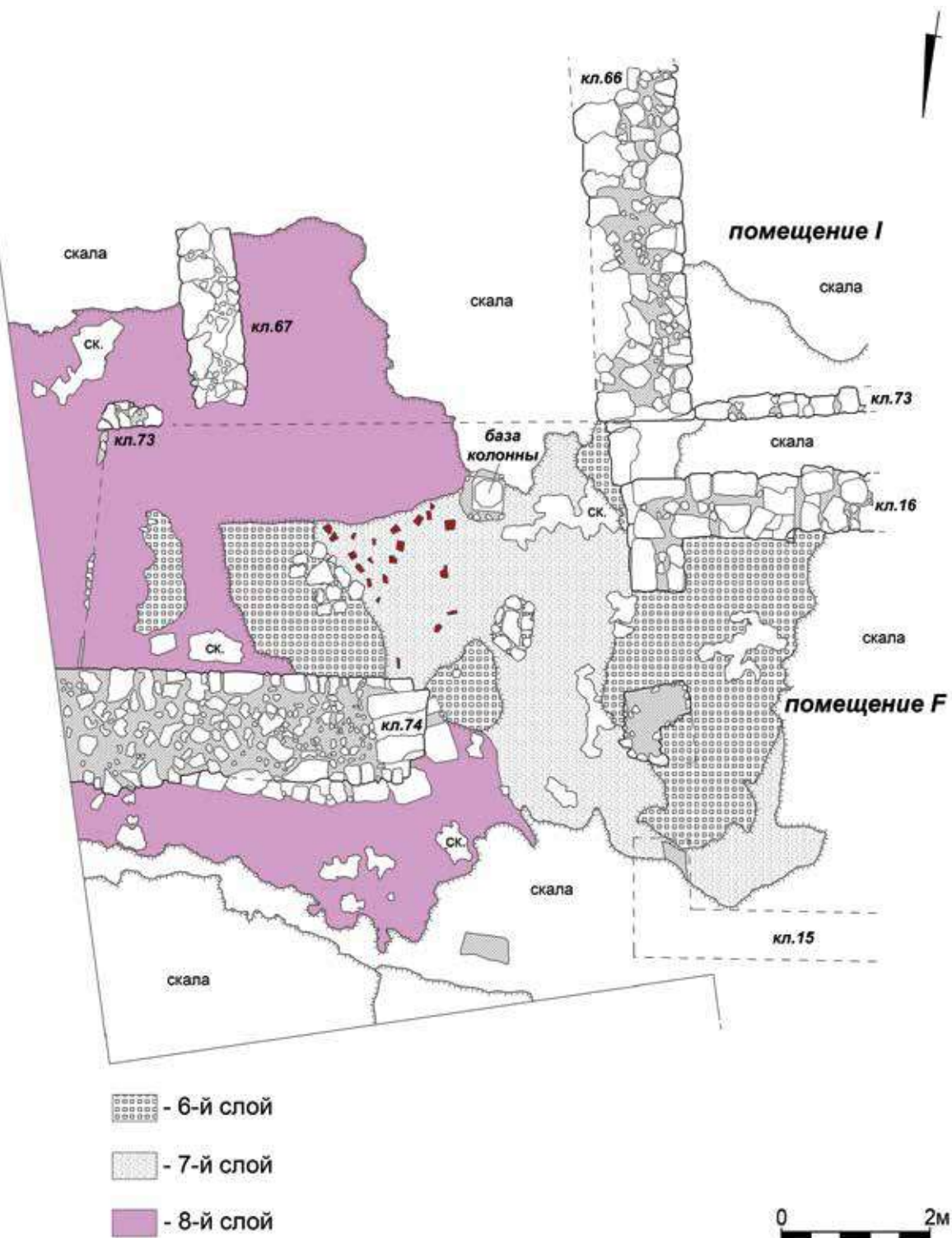

Рис. 86. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2009 г. Квадрат №№10-14. Общий план по уровню 6-го слоя, позднего (периода 1450-1475 гг.) пола помещения F

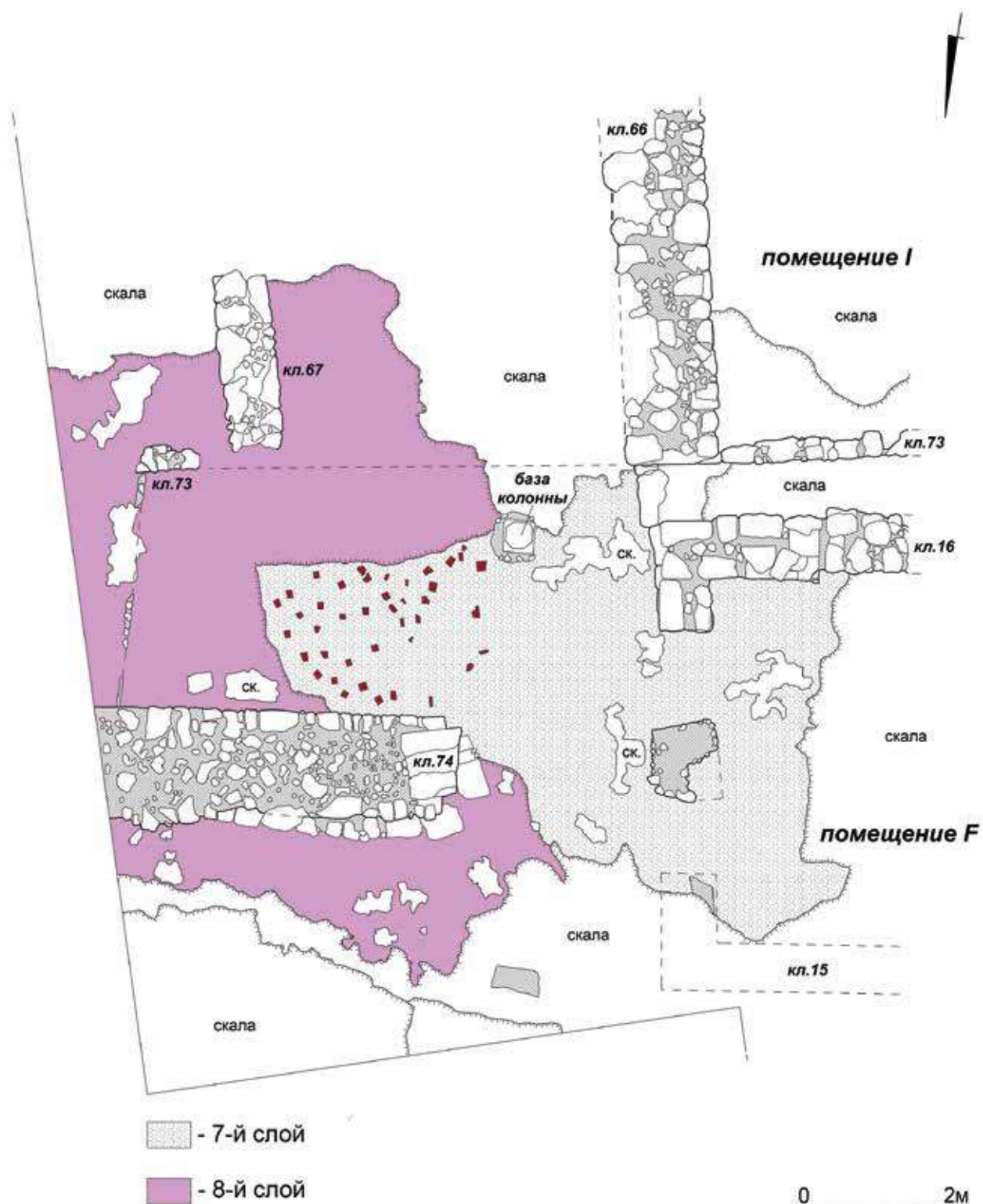

Рис. 87. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2009 г. Квадрат №№10-14.
Общий план по уровню 7-го слоя, раннего (периода 1450-1475 гг.) пола помещения F

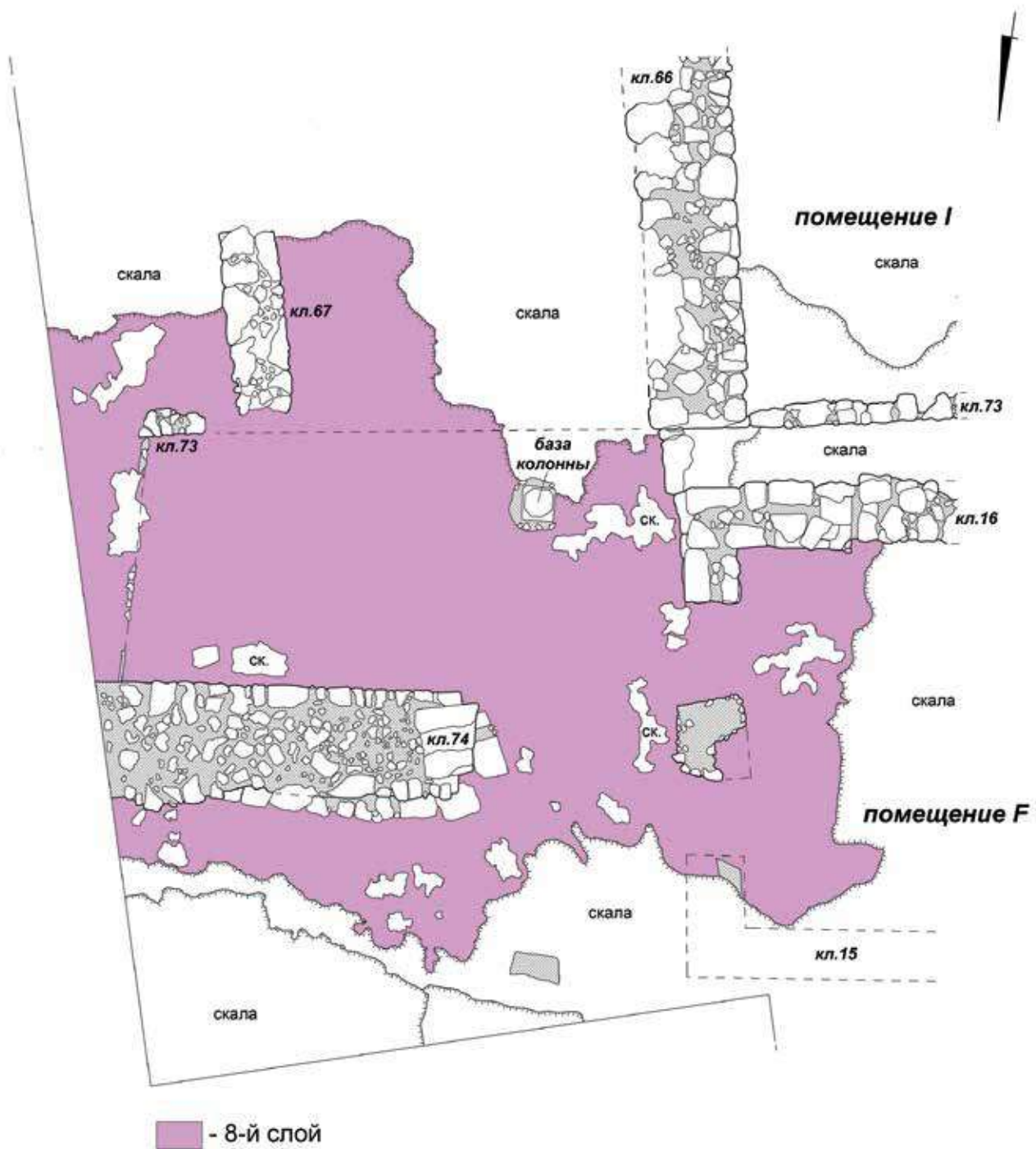

Рис. 88. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2009 г. Квадрат №№10-14.
 Общий план по уровню 8-го слоя,
 дневной поверхности времени строительства дворцового комплекса (около 1425 г.)

**Рис. 89. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2009 г.
Квадрат №№10-14 по уровню 6-го слоя. Общий вид с севера**

**Рис. 90. Дворец. Центральный участок. Раскопки 2009 г.
Квадрат №№10-14 по уровню 8-го слоя. Общий вид с северо-запада**

Рис. 91. Дворец. Южный участок. Раскопки 2006-2009 гг.
Общий план строительных остатков по уровню дневной поверхности дворцового периода и каменной мостовой «южной улицы»

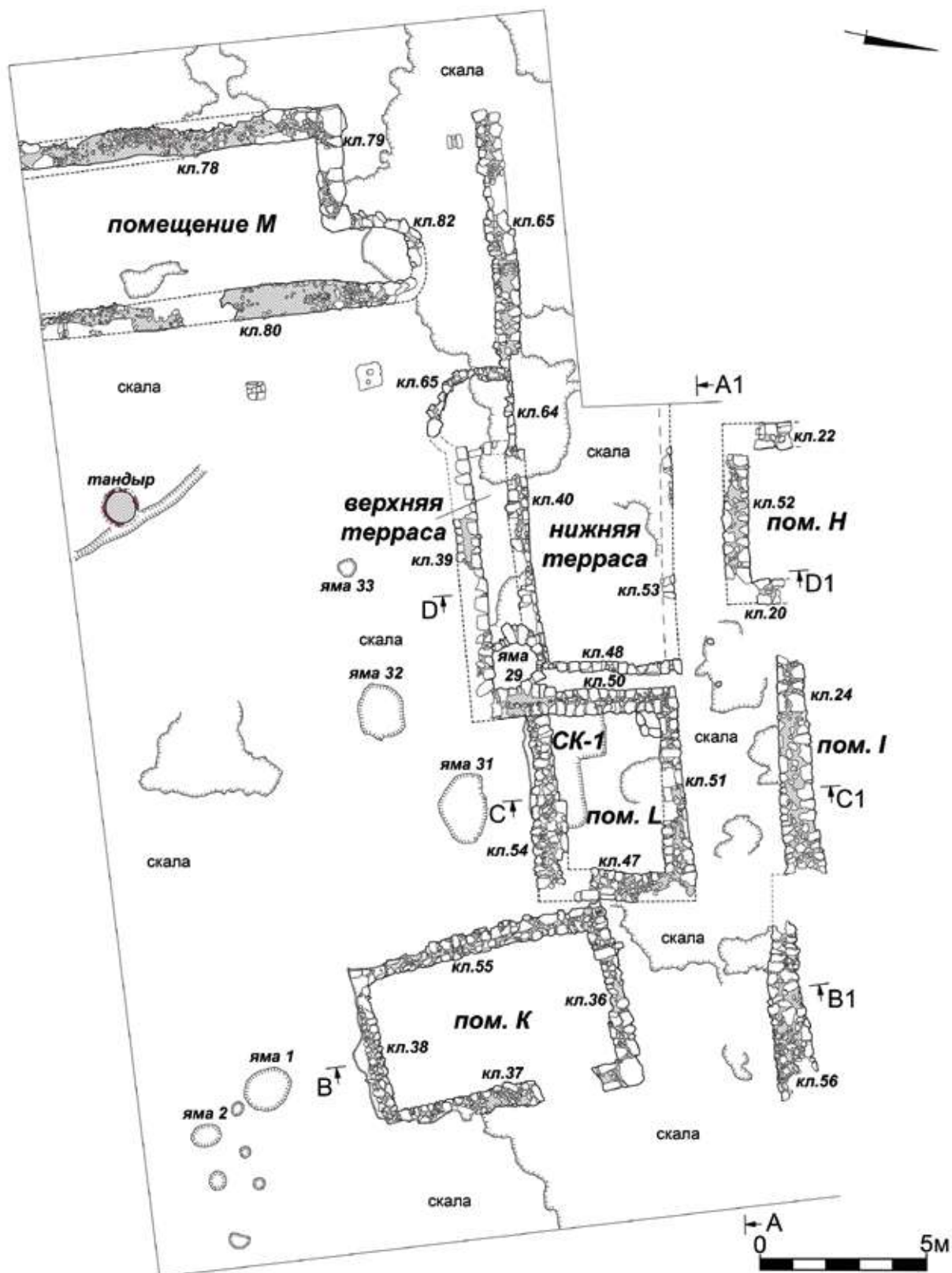

Рис. 92. Дворец. Южный участок. Раскопки 2006-2009 гг.
Общий план строительных остатков по завершению работ

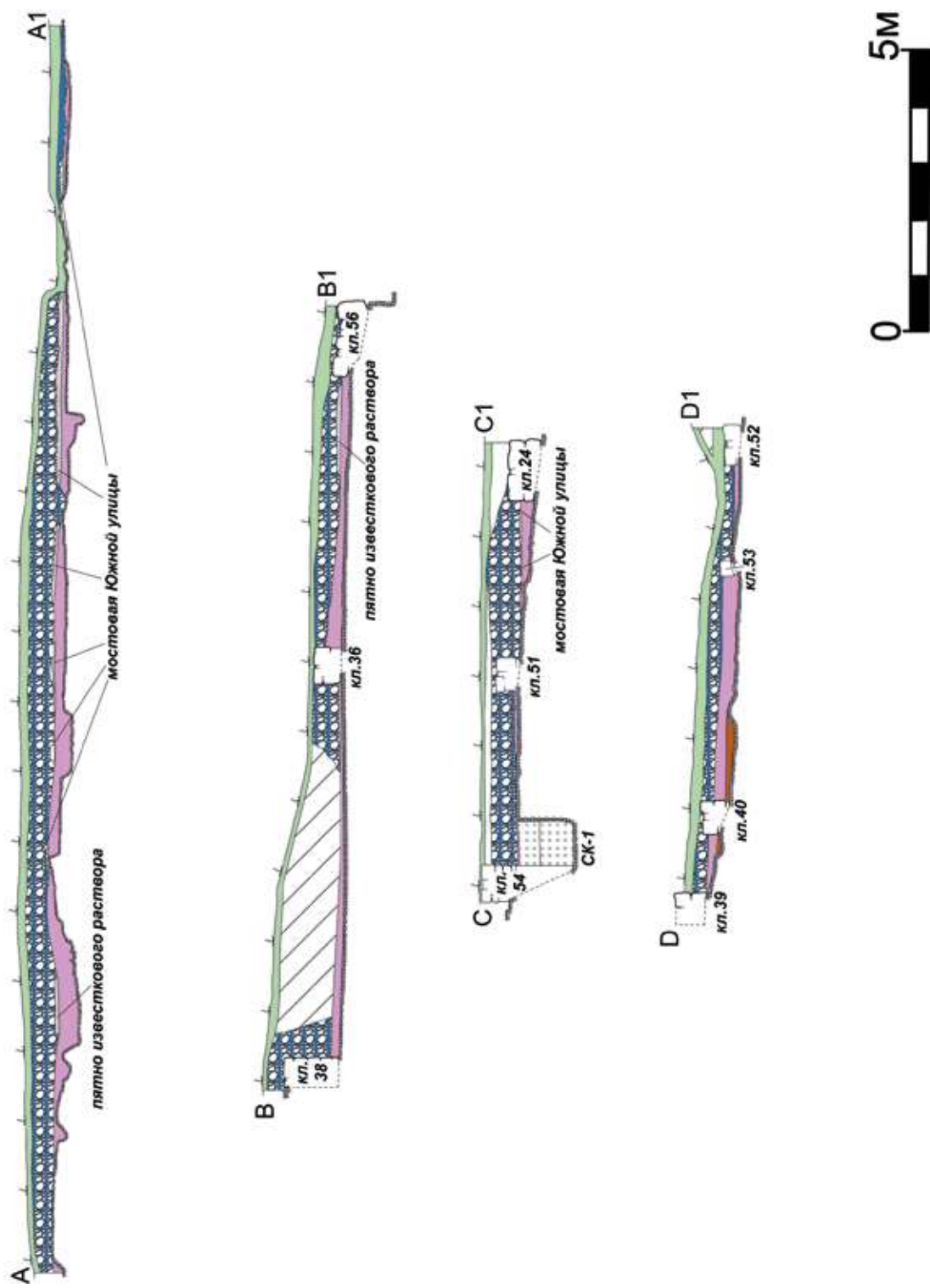

Рис. 93. Дворец. Южный участок. Раскопки 2006-2009 гг. Генеральные стратиграфические разрезы

Рис. 94. Дворец. Южный участок. Раскопки №1 по уровню 2-го слоя.
На переднем плане – кладка №32 постдворцового времени. Общий вид с юго-востока

Рис. 95. Дворец. Южный участок. Раскопки 2006 г. Квадрат №1 по уровню 3-го слоя, дневной поверхности ранневизантийского периода. Вид с юга

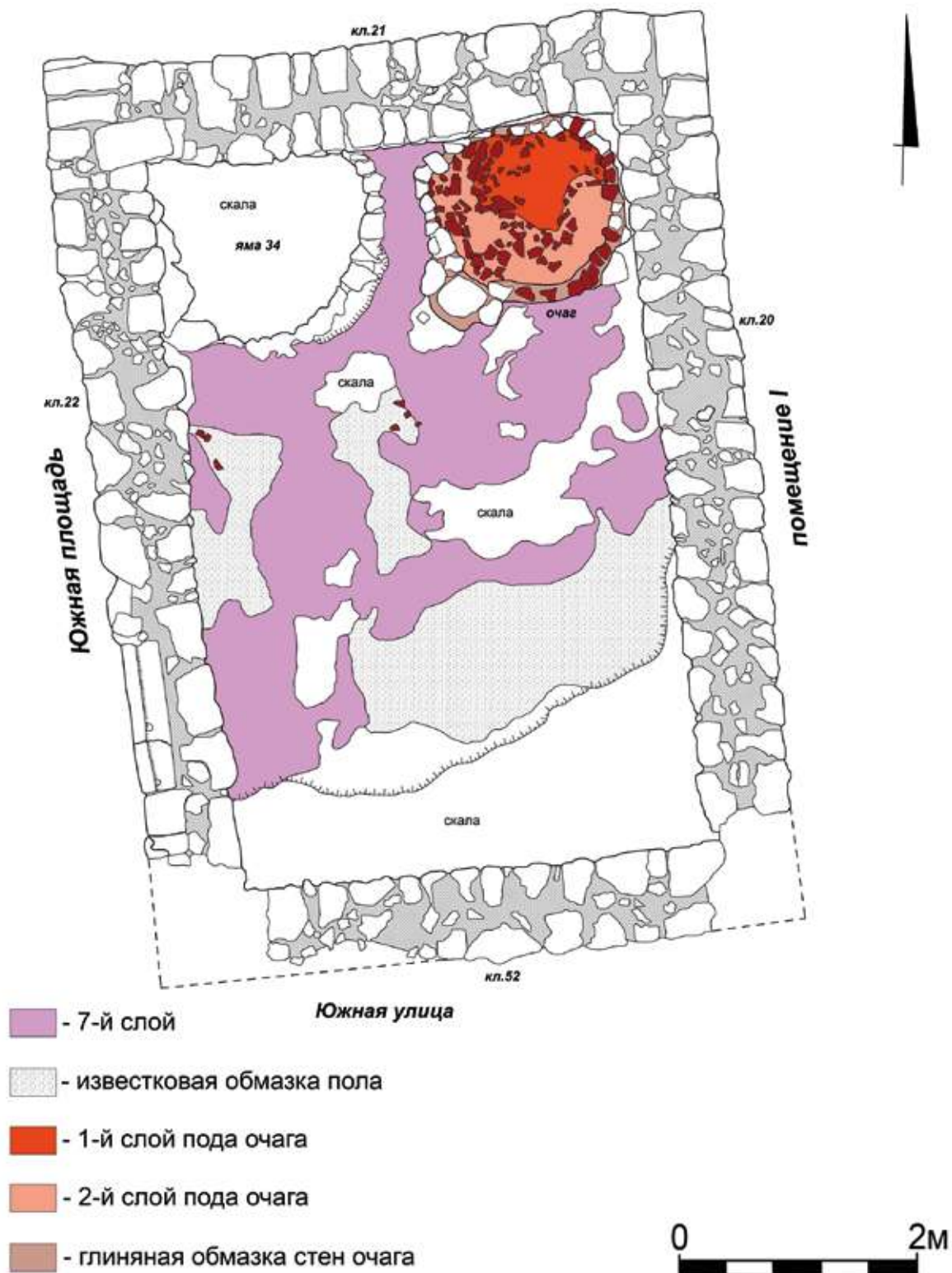

Рис. 96. Дворец. Южный участок. Раскопки 2009 г. Помещение Н.
Общий план по уровню 7-го слоя, пола постройки

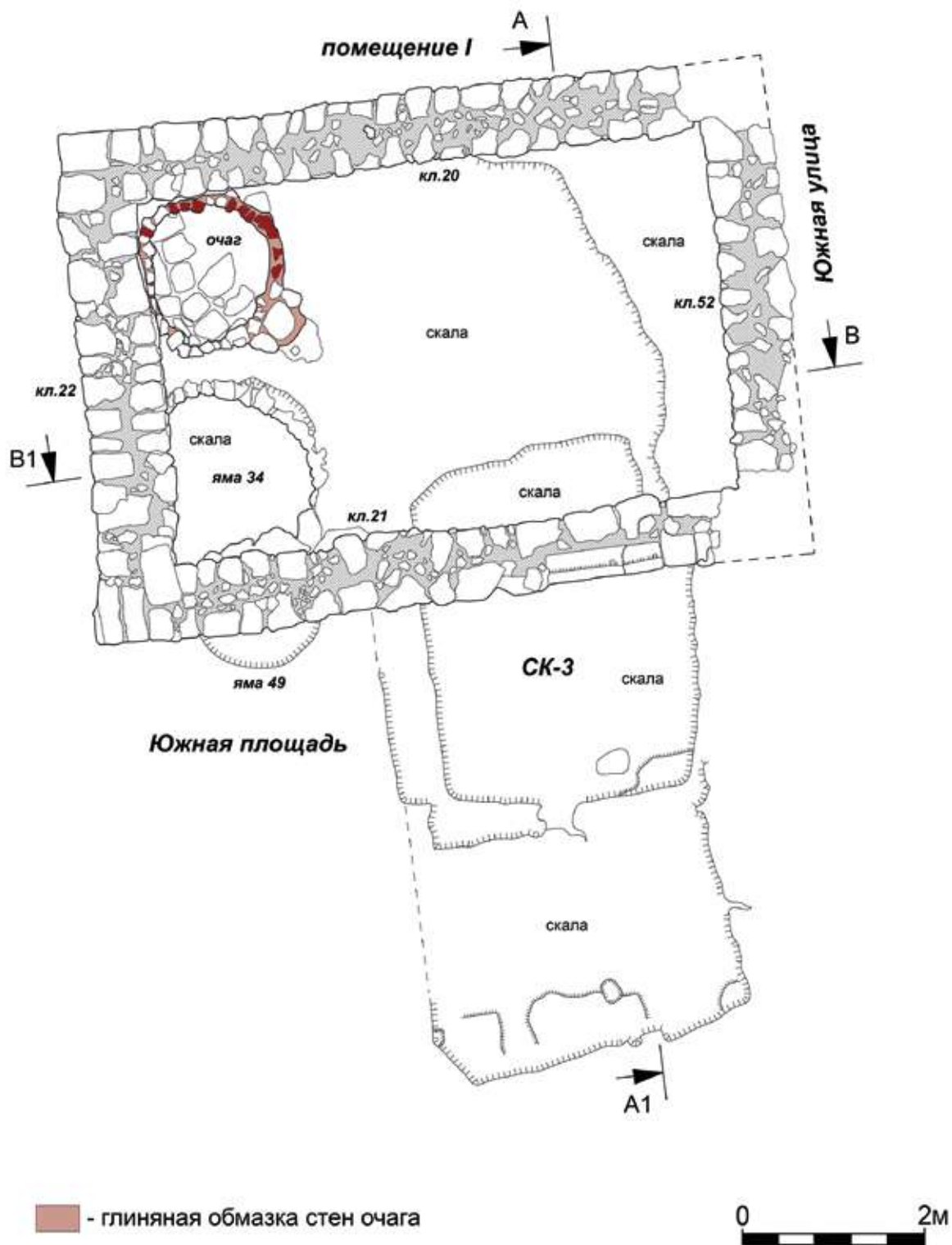

Рис. 97. Дворец. Южный участок. Раскопки 2009 г.
 Помещение Н и строительный комплекс (СК-3) фемного периода.
 Общий план по завершении работ

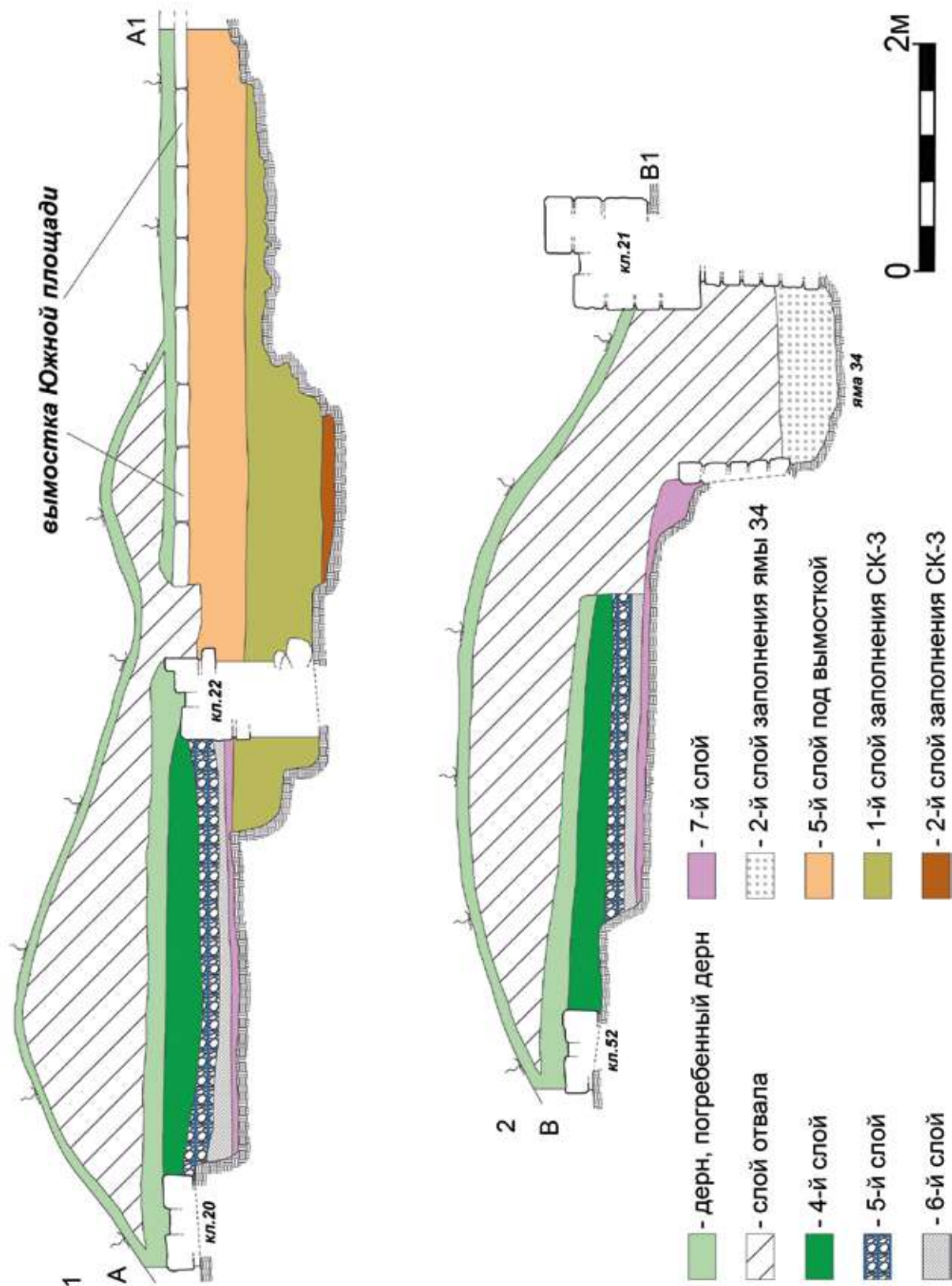

Рис. 98. Дворец. Южный участок. Раскопки 2009 г. Помещение Н и СК-3. Стратиграфические разрезы

Рис. 99. Дворец. Южный участок. Раскопки 2009 г. Помещение Н по уровню 4-го слоя. Вид с запада

Рис. 100. Дворец. Южный участок. Раскопки 2009 г. Помещение Н:
1 – по уровню 5-го слоя, горизонта разрушения постройки в 1475 г. Вид с северо-запада;
2 – по уровню горизонта деструктированной известковой штукатурки. Вид с юго-запада

Рис. 101. Дворец. Южный участок. Раскопки 2009 г.
Помещение Н по уровню 7-го слоя, пола постройки. Вид с запада

Рис. 102. Дворец. Южный участок. Раскопки 2009 г.
Помещение Н по завершению работ. Вид с запада

Рис. 103. Дворец. Южный участок. Раскопки 2009 г.
Помещение Н по завершению работ. Вид с юга

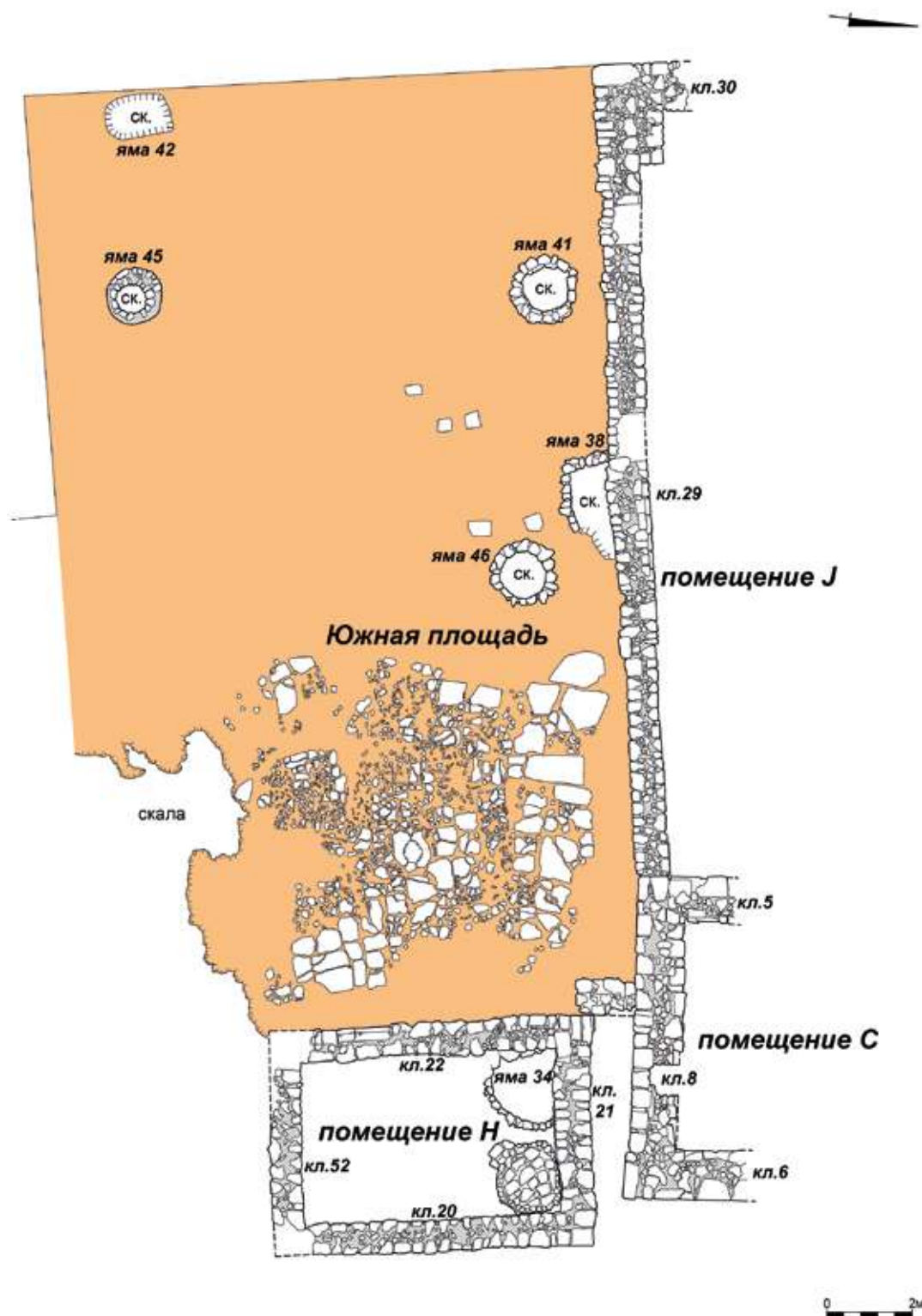

Рис. 104. Дворец. Юго-Западный участок. Раскопки 2010, 2014-2015 гг.
Квадраты №№16-19, 22-25. Общий план по уровню 5-го слоя,
дневной поверхности времени строительства дворцового комплекса (около 1425 г.)

Рис. 105. Дворец. Юго-Западный участок. Раскопки 2010, 2014-2015 гг. Квадраты №№16-19, 22-25. Общий план строительных остатков по завершении работ. Генеральные стратиграфические разрезы

Рис. 106. Дворец. Юго-Западный участок. Раскопки 2010, 2014-2015 гг.
Квадраты №№16-19, 22-25. Общий вид с северо-востока по уровню 6-го слоя,
дневной поверхности ранневизантийского периода

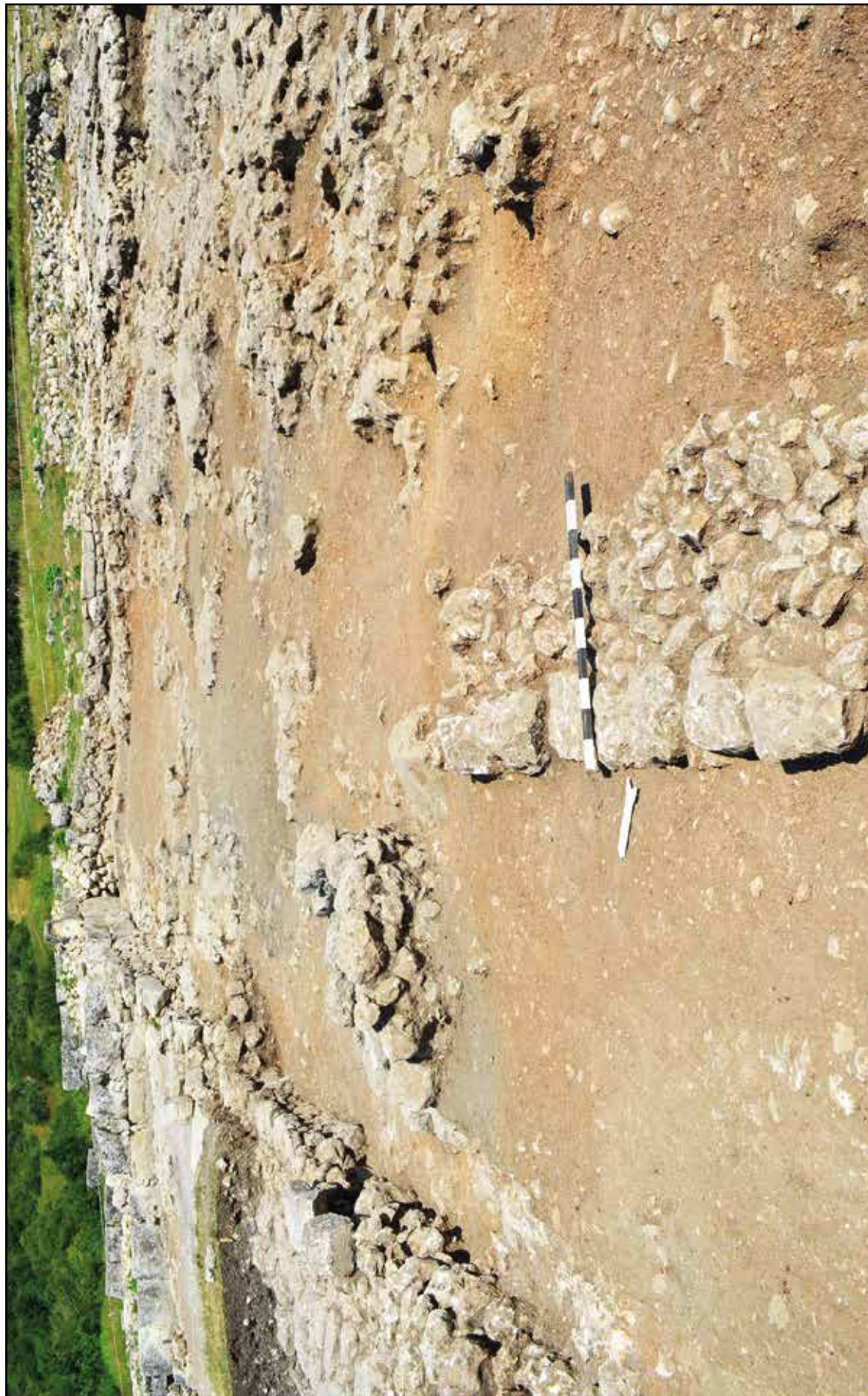

Рис. 107. Дворец. Юго-Западный участок. Раскопки 2010, 2014-2015 гг.
Квадраты №№16-19, 22-25. Общий вид с запада по уровню 6-го слоя, дневной поверхности ранневизантийского периода

ГЛАВА 3

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ НА УЧАСТКЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОПОРНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

Ниже представлен обзор опорных археологических комплексов, определяющих хронологию всех выявленных строительных горизонтов на участке исследований княжеского дворца в 2006-2010, 2014-2021 гг. Основное внимание при их характеристике уделено статистическим данным и датирующим находкам.

Как уже отмечалось, стратиграфия дворца включает культурные напластования нескольких строительных ярусов, соотнесенных с пятью историческими периодами в истории Мангупского городища – ранневизантийским (середины VI – конца VIII вв.), фемным (середины IX – середины XI вв.), золотоордынским (конца XIII-XIV вв.), феодоритским (около 1400-1475 гг.) и османским (1475-1774 гг.) (рис. 108; 148; 199; 228; 336). Точную хронологию застройки додворцового, дворцового и постдворцового времени на месте памятника помогают установить многочисленные закрытые (слои разрушения и строительства, нивелировочные насыпи, заполнения ям и подвалов и пр.) и открытые (сохранившиеся участки дневной поверхности и слои функционирования построек) археологические комплексы.

Отсутствие археологических комплексов позднеримского (докрепостного; до середины VI в.) периода свидетельствует о том, что поселение в данном районе Мангупской крепости начало формироваться лишь после ее возведения в конце правления императора Юстиниана I

(527-565) [Науменко, Герцен, 2022a; Науменко, 2023a]. Редкие находки керамики этого времени носят в стратиграфии дворца случайный характер и не дают пока оснований корректировать сделанное еще во время полевых работ заключение. Найденные в культурном слое монеты Поздне-Римской империи и Боспорского царства (III-V вв.), вероятно, связаны с длительным характером их использования в обращении, вплоть до VIII-IX вв. Также необходимо отметить отсутствие надежных комплексов хазарского периода в истории городища и соответствующей им застройки конца VIII – начала IX вв. Скорее всего, ранневизантийское поселение не прекратило свое существование в это время и продолжало функционировать вплоть до включения Мангупа в состав византийской фемы около 841 г. Наконец, как и на других памятниках городища, на площади раскопа не выделены археологические объекты или участки культурного слоя XII-XIII вв., что свидетельствует о сокращении жилой территории Мангупского городища в этот период [предварительный анализ стратиграфической ситуации см.: Герцен, Науменко, Душенко, 2018; Науменко, Набоков, 2021, с. 202; Науменко, 2022, с. 174-177; 2023в].

3.1. Ранневизантийская застройка на месте дворцового комплекса

Дневная поверхность этого времени лучше всего сохранилась на Западном участке исследу-

дований памятника и представлена 9-м слоем в его стратиграфии. Здесь же выявлены остатки построек, хозяйственных ям и фрагмент улицы, сооруженной в направлении Большой базилики уже в середине VI в. В целом это свидетельствует о регулярном характере застройки на месте ранневизантийского квартала.

На других участках исследований дворца сохранность культурных напластований VI-VIII вв. и связанных с ними археологических объектов значительно хуже. Они были сильно разрушены или полностью разобраны в результате позднейшего строительства. Многочисленные ранневизантийские находки фиксируются лишь в качестве переотложенного археологического материала, что особенно характерно для Центрального, Восточного и Северного участков. Отдельные хозяйственные ямы и участки ранневизантийской дневной поверхности сохранились на Южном и Юго-Западном участках, однако, они здесь не столь презентабельны.

В ходе изучения материалов раскопок дворца всего выделено 11 наиболее показательных археологических комплексов и объектов ранневизантийского времени, в том числе два участка дневной поверхности. Перейдем к их описанию.

**2020-2021 гг.
Квадраты №№34-35, 46-49.
Западный участок. 9-й слой**

Участок дневной поверхности ранневизантийского квартала на месте Мангупского дворца середины VI – первой половины VIII вв., исследованный на площади около 200 кв. м (рис. 52-54; 108). По структуре, является коричневым плотным грунтом, насыщенным мелкими обломками скалы, щебнем, угольками, фрагментами керамики мощностью до 0,20 м. Лучше всего фиксируется в центральной части раскопа, в квадратах №№34 и 35, где заполняет неровности скалы либо залегает на поверхности материкового красно-коричневого суглинка, маркируясь прослойками деструктированного известкового раствора, пятнами золы и гари, а также плоско лежащими фрагментами керамики и остатками черепичной вымостки (?) (рис. 54; 109). В северной части раскопа, в квадратах №№48 и 49, сохранился, главным образом, вдоль северного борта, полосой до 2,00-2,50 м, представляя собой сплошной завал из мелкого камня и скальных обломков, затянутый грунтом (рис. 53). При зачистке поверхности 9-го слоя выявлены контуры хозяйственных №№70 и 71.

Археологический комплекс находок из слоя представлен в основном фрагментами керамики:

**Таблица №2. 2020-2021 гг. Западный участок. Квадраты №№34-35, 46-49.
9-й слой. Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы	35	2,4%
2	Керамиды и калиптеры 3-й группы IX-X вв.	12	Менее 1%
3	Керамиды и калиптеры 4-й группы	1	Менее 1%
4	Водоотводный желоб VI-VII вв.	1	Менее 1%
Тарная керамика			
5	Пифосы без точной атрибуции	15	Около 1%
6	Амфоры класса 1 по ХК-95 (рис. 110, 1-5)	199	13,4%
7	Амфоры типа V по ХК-71 (рис. 110, 6-12)	413	27,9%
8	Амфоры типа LRA 1 (рис. 111, 1-2)	336	22,7%

1	2	3	4
9	Амфоры типа LRA 2 (рис. 111, 3-8; 112, 1-2)	80	5,4%
10	Амфоры типа LRA 4 (рис. 111, 9)	30	2%
11	Амфоры класса 2 по ХК-95 (тип C Snp II-III по Kassab Tezgör, 2009)	44	3%
12	Амфоры типа 95 по Зеест-60 (рис. 111, 10)	8	Менее 1%
13	Амфоры класса 24 по ХК-95 группы ЮЗК (?) или поздний переходный тип LRA 2 (?)	1	Менее 1%
14	Амфоры класса 24 по ХК-95 группы ЮЗК	6	Менее 1%
15	Амфоры класса 52 по ХК-95, XIV-XV вв.	1	Менее 1%
16	Амфоры без точной атрибуции	34	2,3%
Кухонная керамика			
17	Лепная лощеная керамика V-VII вв. (рис. 112, 3-4)	138	9,3%
18	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв.	4	Менее 1%
19	Гончарная керамика без точной атрибуции	14	Около %1
Столовая керамика			
20	Гончарная керамика без точной атрибуции	63	4,2%
21	Кувшины «скалистинского типа» VII-IX вв. (рис. 112, 5)	13	Менее 1%
22	Гончарная керамика VI-VII вв. (рис. 111, 11-12)	30	2%
23	Краснолаковая керамика группы PRSW, Византия, V-VI вв. (рис. 112, 6)	1	Менее 1%
	Всего:	1479	100%

Комментируя таблицу, отметим малочисленность строительной керамики. Стенку амфоры класса 52 по ХК-95 рассматриваем как случайную «примесь сверху», в то время как обломки красноглиняной ангобированной черепицы 3-й группы, сформованной из рыхлого плохо промешанного теста с примесью известняка, шмота и железистых частиц, «причерноморских» амфор класса 24 по ХК-95, лепных горшков с подработкой на гончарном круге, скорее всего, следует соотносить с верхним рубежом функционирования связанной с 9-м слоем застройки на площади раскопа [о хронологии «причерноморских» амфор, которая сейчас определяется второй половиной VIII – первой половиной X вв. см.: Науменко, 2009, с. 43, 46].

Основной объем керамических находок (более 70%) составляют фрагменты хорошо известных типов амфор ранневизантийского

времени – красноглиняных желобчатых типа V по ХК-71 VI-VII вв. (27,9%), светлоглиняных с рифлением корпуса в виде «набегающей волны» типа LRA 1 или, скорее, типа LRA 1B по Д. Пиери VI-VII вв. (22,7%) [Pieri, 2005, p. 70-77], красноглиняных с сужением корпуса в средней части («с перехватом») класса 1 по ХК-95 или варианта Kx ID2 по С.Ю. Внукову второй половины IV-VII вв. (13,4%) [Внуков, 2011; Внуков, 2012], красноглиняных «с глубоким частым рифлением в верхней части корпуса» типа LRA 2 или, скорее всего, типа LRA 2C по Д. Пиери последней трети VI-VII вв. (5,4%) [Pieri, 2005, p. 86-88], коричневоглиняных типа LRA 4 (типа «Газа») или, вероятнее всего, типа LRA 4B по Д. Пиери VI – первой половины VIII вв. (2%) [Pieri, 2005, p. 111-114], светлоглиняных класса 2 (типа «carottes») по ХК-95 или типа C Snp II-III по Д. Кассаб Тезгёр V – первой половины VI вв.

(3%) [Kassab Tezgör, 2009, p. 129-134, pl. 17-19], коричневоглиняных типа 95 по Зеест-60 или LRA 3 V-VI вв. (менее 1%). В целом такой набор амфор характерен на памятниках Крыма для археологических комплексов периода VI-VII вв. [Смокотина, 2020, с. 518-519, 522-535; Науменко, 2023б, с. 190-193].

Бытовая керамика характеризуется лепными сосудами с подлощенной поверхностью, кувшинами «скалистинского» типа [о них см.: Науменко, 2009, с. 60-63] и различными вариациями светло- или красноглиняных кувшинов с клювовидным венчиком (рис. 111, 11-12). Крайне редки находки краснолаковой керамики. Обнаружен лишь один фрагмент венчика от красноглиняного кубка, покрытого бурым лаком и украшенного врезной волнистой линией, предположительно, группы «Pontic Red Slip Ware» (далее – PRSW), датирующийся в пределах V – начала VI вв. (рис. 112, 6).

Среди индивидуальных находок отметим фрагменты стеклянных изделий (оконного стекла, рюмок, кубков и пр.) (рис. 112, 7-12) и крюк для подвешивания из бронзовой проволоки с загнутым краем (рис. 112, 13). При выборке слоя обнаружены две пряжки византийского круга – литая с двумя птичьими головками на овальной рамке типа «Папа» (или типа II-10-2) первой половины – середины VII в. (рис. 112, 14) [Айбабин, 1990, с. 45; Schulze-Dörrlamm, 2009, I, S. 224-228 (тип D36)] и с прямоугольным щитком, украшенным перекрещивающимися линиями, типа II-8 второй половины VII – первой половины VIII вв. (рис. 112, 15) [Айбабин, 1990, с. 45, рис. 41,8; Хайрединова, 2008, с. 168; Schulze-Dörrlamm, 2009, I, S. 189-192 (тип D20)]. Они свидетельствуют о верхней дате культурного горизонта в пределах первой половины – середины VIII в.

Нумизматическая коллекция из 9-го слоя включает 10 монет. Четыре из них не имеют точной атрибуции, остальные выпущены на мо-

нетных дворах в Византии либо в Херсоне при императорах Льве I (457-474) (1 экз.), Анастасии I (491-518) (2 экз.) и Юстиниане I (527-565) (3 экз.). Особенно важным является обнаруженный в 2020 г. на участке к югу от кладки №121 декануммий Юстиниана I выпуска после 547 г. (к.о.187), позволяющий определить начальный этап формирования ранневизантийского строительного горизонта на месте Мангупского дворца в пределах середины – второй половины VI в., не ранее. В целом же хронология 9-го слоя на участке исследований надежно устанавливается в широких пределах середины VI – первой половины VIII вв., или несколько позднее.

2020-2021 гг.

Западный участок. Комплекс хозяйственных ям №№70-76, 84-87

Все ямы связаны с формированием 9-го слоя на участке исследований, выкопаны с его поверхности (ямы №№70-71) либо вырублены в скальном материке и перекрыты им (ямы №№72-76, 84-87) (рис. 55). Эти стратиграфические наблюдения позволяет считать их разновременными и датировать в пределах двух хронологических периодов – раннего (середины VI – первой половины VII вв.; ямы №№72-76, 84-87) и позднего (второй половины VII – первой половины VIII вв.; ямы №70-71).

Яма №70 (рис. 113, 1-3). Расположена в северной части квадрата №30-31, у скальной ступени, ограничивающей с востока трассу «1-й западной улицы» дворца, в 2,75 м к югу от кладки №98. Открыта при зачистке 9-го слоя. В плане имеет овальную форму общими размерами 1,07 x 0,80 м и глубиной до 0,20 м. Борта вертикальные, дно выровненное. Заполнена однородным серо-коричневым плотным грунтом, насыщенным разложившимся известковым раствором. Комплекс находок включает фрагменты керамики:

Таблица №3. 2020 г. Западный участок. Квадрат №30-31. Яма №70. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы	7	17,9%
2	Керамиды и калиптеры 4-й группы	1	2,5%

1	2	3	4
Тарная керамика			
3	Амфоры класса 1 по ХК-95	4	10,2%
4	Амфоры типа V по ХК-71	5	12,8%
5	Амфоры типа LRA 1	3	7,7%
6	Амфоры типа LRA 2	2	3,25%
7	Амфоры типа LRA 4	3	7,7%
Кухонная керамика			
8	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв.	2	3,25%
Столовая керамика			
9	Кувшины «скалистинского типа» VII-IX вв.	12	30,7%
Всего:		39	100%

Все типы амфор (около 40%) датируются VI-VII вв. Однако, с учетом присутствия в комплексе лепной керамики с подработкой на гончарном круге, кувшинов «скалистинского» типа (более 30%), а также стратиграфических наблюдений, наиболее вероятной хронологией ямы является вторая половина VII – начало VIII вв. Из индивидуальных находок отметим фрагмент светильника-плошки с углублением в центре под свечку (рис. 114, 1).

Яма №71 (рис. 113, 4-6). Расположена в восточной части квадрата №35, на стыке кладок №№98 и 126, будучи частично перекрытой ими. В плане имеет овальную форму, размеры 0,90 x 0,67 м, глубина до 0,30 м. Борта вертикальные, дно выровненное. Заполнена однородным темно-серым рыхлым грунтом с большим количеством угольков, камня и крупных фрагментов керамики:

Таблица №4. 2020 г. Западный участок. Квадрат №34-35. Яма №71. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы	86	78%
2	Керамиды 2-й группы	1	Менее 1%
3	Керамиды 3-й группы	1	Менее 1%
Тарная керамика			
4	Пифосы желобчатые без точной атрибуции	14	12,7%
5	Амфоры класса 1 по ХК-95	2	1,8%
6	Амфоры типа V по ХК-71	1	Менее 1%
7	Амфоры типа LRA 1	3	2,7%
Кухонная керамика			
8	Лепная керамика V-VII вв.	2	1,8%
Всего:		110	100%

Около 90% материала не имеет точной хронологической атрибуции: пифосы, красноглиняная черепица 1-й группы (сформована из плотного глиняного теста с примесью известняка, шамота, железистых частиц) (рис. 114, 2, 4-6) и 2-й группы (изготовлена из рыхлого комковатого сильно шамотированного глиняного теста) (рис. 114, 3, 7). Обломки амфор класса 1 по ХК-95, типов V по ХК-71 и LRA 1, а также стратиграфические наблюдения позволяют датировать

яму второй половиной VII – началом VIII вв.

Яма №72 (рис. 55; 115, 1-3). Открыта в восточной части квадрата №34, на расстоянии 0,30 м к западу от кладки №9 и 0,10 м к югу от кладки №121. В плане имеет овальную форму, размеры 0,90 x 0,65 м, глубина до 0,18 м. Борты вырублены в скальном материке. Дно выровненное. Заполнена однородным серо-коричневым плотным грунтом с угольками, из которого извлечены немногочисленные фрагменты керамики:

Таблица №5. 2020 г. Западный участок. Квадрат №34. Яма №72. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Тарная керамика			
1	Амфоры класса 1 по ХК-95	2	14,2%
2	Амфоры типа V по ХК-71	1	7,1%
3	Амфоры типа LRA 1	1	7,1%
4	Амфоры типа LRA 2	4	28,5%
Кухонная керамика			
5	Лепная керамика V-VII вв.	2	14,2%
Столовая керамика			
6	Светлоглиняные кувшины с клювовидным венчиком V-VII вв.	3	21,8%
7	Краснолаковая керамика V-VI вв.	1	7,1%
	Всего:	14	100%

Показательным является преобладание фрагментов красноглиняных амфор типа LRA 2 и присутствие обломка краснолаковой керамики, почти не встречающейся на Мангупе после середины VI в. Это дает основание датировать яму серединой – второй половиной VI в., не позднее.

Яма №73 (рис. 55; 113, 7-9). Открыта при зачистке материкового суглинка в восточной части квадрата №34, на расстоянии 1,20 м к западу от ямы №72 и 0,90 м к югу от кладки №121. В плане имеет округлую форму, диаметр около 0,35 м, глубина до 0,13 м. Борты вертикальные, дно выровненное. Заполнена однородным серо-коричневым рыхлым грунтом, из которого извлечены два фрагмента керамики 1-й группы и стенка светлоглиняной амфоры типа C Spn II-III по Д. Кассаб Тезгёр V – первой половины VI вв. С учетом стратиграфических наблюдений, это позволяет датировать яму серединой – второй половиной VI в., не позднее.

Яма №74 (рис. 55; 115, 4-6). Выявлена в бровке между квадратами №№34 и 35, на

расстоянии 0,40 м к югу от кладки №121. Выкопана в материковом суглинке. В плане имеет округлую форму диаметром 0,25 м, глубина до 0,10 м. Борты вертикальные, дно выровненное. Заполнена однородным серо-коричневым плотным грунтом, из которого происходит одна стенка амфоры типа LRA 2. Датируется, по стратиграфическим наблюдениям, ранним этапом функционирования поселения на месте дворца, то есть второй половиной VI – первой половиной VII вв. Рассматривается как сооружение для установки деревянной столбовой конструкции.

Яма №75 (рис. 55; 115, 7-9). Открыта в южной части квадрата №35, на расстоянии 0,10 м к югу от кладки №98, при зачистке материкового суглинка. Сохранившаяся нижняя часть вырублена в скальном материке. В плане имеет овальную форму, диаметр 1,00 x 0,80 м, глубина до 0,63 м. Профиль ямы колоковидный. Заполнена однородным серо-коричневым грунтом с угольками, напоминающим материковый суглинок. В комплексе присутствуют исключительно фрагменты керамики:

**Таблица №6. 2020 г. Западный участок. Квадрат №35. Яма №75. Заполнение.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы	3	6,25%
2	Водоотводный желоб	1	2%
Тарная керамика			
3	Пифосы гладкостенные без точной атрибуции	4	8,3%
4	Амфоры класса 1 по ХК-95	3	6,25%
5	Амфоры типа V по ХК-71	8	17,5%
6	Амфоры типа LRA 1	8	17,5%
7	Амфоры типа LRA 2	7	14,5%
8	Амфоры типа LRA 4	2	2%
Кухонная керамика			
9	Лепная керамика V-VII вв.	7	14,5%
Столовая керамика			
10	Кувшины «скалистинского типа» VII-IX вв.	1	2%
11	Гончарная керамика без точной атрибуции	4	8,3%
Всего:		48	100%

Кроме фрагмента кувшина «скалистинского» типа, остальной материал датируется VI-VII вв. С учетом большого количества обломков амфор типа LRA 2, наиболее вероятной датой засыпи ямы является вторая половина VI – первая половина VII вв.

Яма №76 (рис. 55; 116). Расположена в южной части квадрата №35, на расстоянии 0,30 м югу от ямы №75. Выкопана с уровня материко-

вого суглинки. В плане имеет округлую форму диаметром до 1,60 м, с несколько неправильным юго-западным бортом, вырубленным в скальном материке. Общая глубина до 0,73 м, профиль колоковидный. Дно уплощенное, его диаметр до 0,85 м. Заполнена однородным серо-коричневым грунтом с угольками, напоминающим материковый суглинок. В комплексе преобладают фрагменты керамики:

**Таблица №7. 2020 г. Западный участок. Квадрат №35. Яма №76. Заполнение.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Калиптеры 1-й группы	3	3%
2	Керамиды 2-й группы	2	2%
3	Керамиды 3-й группы	2	2%
Тарная керамика			
4	Пифосы гладкостенные без точной атрибуции	3	3%

1	2	3	4
5	Амфоры класса 1 по ХК-95 (рис. 116, 4)	13	13%
6	Амфоры типа V по ХК-71 (рис. 116, 5)	30	30%
7	Амфоры типа LRA 1 (рис. 116, 6)	15	15%
8	Амфоры типа LRA 2	1	1%
9	Амфоры без точной атрибуции (рис. 116, 7)	1	1%
Кухонная керамика			
10	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв.	15	15%
Столовая керамика			
11	Кувшины «скалистинского типа» VII-IX вв.	1	1%
12	Гончарная керамика без точной атрибуции (рис. 116, 8)	11	11%
13	Гончарная керамика с росписью линиями красного ангоба V-VII вв.	3	3%
	Всего:	100	100%

Более 60% материала (амфоры, керамика с росписью красным ангобом) датируется ранневизантийским периодом. С учетом стратиграфических наблюдений, это позволяет отнести сооружение ко второй половине VI – первой половине VII вв.

Яма №84 (рис. 55; 117, 1, 3-4). Расположена в северо-восточной части квадрата №34, вбли-

зи кладок №№9 и 124. В плане имеет округлую форму диаметром 1,65 м. Борты, вырубленные в скале, плавно сужаются к грубо выровненному дну. Общая глубина до 0,46 м. Заполнена плотным коричневым грунтом с угольками и мелким бутовым камнем, напоминающим 9-й слой на участке исследований. Археологический комплекс представлен фрагментами керамики:

Таблица №8. 2021 г. Западный участок. Квадрат №34. Яма №84. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Тарная керамика			
1	Амфоры класса 1 по ХК-95	5	16,6%
2	Амфоры типа V по ХК-71	8	26,7%
3	Амфоры типа LRA 1	2	6,7%
4	Амфоры типа LRA 2	5	16,6%
5	Амфоры без точной атрибуции	5	16,6%
Кухонная керамика			
6	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв.	5	16,6%
	Всего:	30	100%

Стратиграфические наблюдения и присутствие в комплексе лепной керамики с подработкой на гончарном круге позволяет датировать яму только в широких пределах всего ранневизантийского периода в истории Мангупа, то есть второй половиной VI – первой половиной VIII вв.

Яма №85 (рис. 55; 117, 2-4). Открыта в юго-восточной части квадрата №46, будучи ча-

стично перекрытой кладкой №124. В плане имеет округлую форму диаметром 0,60 м. Борты, вырубленные в скале, почти вертикальны, дно плоское. Общая глубина до 0,45 м. Заполнена плотным коричневым грунтом с угольками и мел-

ким бутовым камнем, напоминающим 9-й слой на участке исследований. Предназначалась, вероятно, для установки бочки или небольшого пифоса с плоским дном. Археологический комплекс представлен в основном фрагментами керамики:

Таблица №9. 2021 г. Западный участок. Квадрат №46. Яма №85. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Тарная керамика			
1	Пифосы без точной атрибуции	1	3,7%
2	Амфоры класса 1 по ХК-95	1	3,7%
3	Амфоры типа V по ХК-71	9	33,3%
4	Амфоры типа LRA 1	5	18,5%
5	Амфоры типа LRA 2	5	18,5%
6	Амфоры класса 2 по ХК-95	1	3,7%
7	Амфоры типа 95 по Зеест-60	1	3,7%
Кухонная керамика			
8	Лепная керамика с подлощенной поверхностью, V-VII вв.	4	14,9%
	Всего:	27	100%

Комплекс датируется второй половиной VI – первой половиной VII вв. Отметим присутствие в нем фрагмента оконного стекла, что еще раз свидетельствует об остеклении окон в постройках с каменными стенами этого времени на Мангупе [см. примеры на других объектах городища: Румянцева, Мастыкова, Науменко, 2023, с. 387, 393, рис. 4, 1-4; Румянцева, Хайрединова, Исмагулов, Сайфутяров, Волков, Науменко, Терещенко, 2023, с. 270-273].

Яма №86 (рис. 55; 117, 5-7). Расположена в

северо-западном углу квадрата №46. В плане имеет округлую форму диаметром до 1,00 м. Борты, вырубленные в скале, плавно сужаются ко дну. В центре дна – искусственная округлая вырубка диаметром 0,30 м и глубиной 0,07 м для установки ножки пифоса. Глубина ямы до 0,70 м. Заполнена плотным коричневым грунтом с угольками и щебнем, напоминающим 9-й слой на участке исследований. Археологический комплекс представлен в основном фрагментами керамики:

Таблица №10. 2021 г. Западный участок. Квадрат №46. Яма №86. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Тарная керамика			
1	Пифосы без точной атрибуции	1	Около 1%
2	Амфоры класса 1 по ХК-95	6	6,1%
3	Амфоры типа V по ХК-71	31	31,7%
4	Амфоры типа LRA 1	27	27,5%
5	Амфоры типа LRA 2	4	4%

1	2	3	4
6	Амфоры класса 2 по ХК-95	3	3%
7	Амфоры без точной атрибуции	12	12,2%
Кухонная керамика			
8	Лепная керамика с подлощенной поверхностью, V-VII вв.	4	4%
9	Гончарная керамика без точной атрибуции	12	12,2%
	Всего:	98	100%

Преобладание в комплексе амфор типов V по ХК-71 и LRA 1, небольшое количество фрагментов амфор типа LRA 2 позволяет датировать его второй половиной VI – началом VII вв. Отметим присутствие обломков оконного стекла и стенок сосудов из прозрачного бесцветного стекла.

Яма №87 (рис. 55; 117, 8-10). Открыта в северной части квадрата №35, частично пере-

крыта кладкой №98. В плане имеет овальную форму, вытянутую по оси запад-восток. Общие размеры 1,61 x 0,58 м. Борты, вырубленные в скале и в материковом красно-коричневом суглинке, плавно сужаются к уплощенному скальному дну. Общая глубина до 0,22 м. Заполнена плотным коричневым грунтом, напоминающим 9-й слой на участке исследований. Комплекс находок представлен фрагментами керамики:

Таблица №11. 2021 г. Западный участок. Квадрат №35. Яма №87. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Тарная керамика			
1	Амфоры класса 1 по ХК-95	5	15,1%
2	Амфоры типа V по ХК-71	5	15,1%
3	Амфоры типа LRA 1	12	36,4%
4	Амфоры типа LRA 2	3	9%
5	Амфоры типа LRA 4	1	3%
6	Амфоры класса 2 по ХК-95	1	3%
Кухонная керамика			
7	Лепная керамика с подлощенной поверхностью, V-VII вв.	6	18,2%
	Всего:	33	100%

Преобладание фрагментов амфор типов V по ХК-71, LRA 1 и класса 1 по ХК-95, небольшое количество амфор типа LRA 2, позволяет датировать комплекс в пределах второй половины VI – начала VII вв. Среди находок присутствуют обломки оконного стекла и точильного бруска из песчаника.

2021 г. Западный участок. Квадраты №№48 и 49. Улица. Ранневизантийские горизонты мощения

Как уже отмечено в разделе, посвященном стратиграфии на Западном участке исследований дворца, в 2019-2021 гг. на площади

квадратов №№48 и 49 открыт фрагмент улицы протяженностью 13,00 м и шириной 3,00-3,50 м, ориентированный по направлению к Мангупской базилике. Ее заполнением являются три горизонта мощения, из которых два нижних (слои №№1 и 2), относятся к ранневи-

зантийской истории городища (рис. 64-69) [подробнее см.: Науменко, 2023б]. Археологические комплексы находок из ранневизантийских горизонтов мощения представлены, в значительной степени, фрагментами строительной, тарной, кухонной и столовой керамики:

Таблица №12. 2021 г. Западный участок. Квадраты №№48 и 49. Улица. 1-й (нижний) горизонт мощения. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фр-в)	Процент
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры без точной атрибуции, в том числе производственный брак	27	Около 3%
2	Керамиды и калиптеры VIII-X вв.	23	2,5%
3	Водоотводный керамический желоб	8	Менее 1%
Тарная керамика			
4	Пифосы без точной атрибуции	13	1,4%
5	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв.	2	Менее 1%
6	Амфоры класса 1 по ХК-95 (рис. 118, 1-4)	103	11,2%
7	Амфоры типа V по ХК-71 (рис. 118, 5-11; 119, 1-3)	283	30,9%
8	Амфоры типа LRA 1 (рис. 119, 4-9; 120, 1-4)	197	21,5%
9	Амфоры типа LRA 2 (рис. 121, 3-4)	60	6,5%
10	Амфоры типа LRA 4 (рис. 120, 5)	4	Менее 1%
11	Амфоры класса 2 по ХК-95 (тип C Spn II-III) (рис. 121, 4)	22	2,4%
12	«Byzantine Globular Amphorae» (?) (рис. 120, 6-9; 121, 1, 5)	41	4,5%
15	Амфоры без точной атрибуции	43	4,7%
Кухонная керамика			
16	Лепная керамика VI-VII вв. (рис. 121, 6-7; 122, 1-2)	19	2%
17	Лепная керамика VIII-X вв. (рис. 122, 3)	15	1,6%
Столовая керамика			
18	Гончарная керамика без точной атрибуции	12	1,3%
19	Кувшины «скалистинского типа» (рис. 122, 4)	43	4,7%
	Всего:	915	100%

**Таблица №13. 2021 г. Западный участок. Квадраты №№48 и 49. Улица.
2-й (нижний) горизонт мощения. Основные категории находок.
Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фр-в)	Процент
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры без точной атрибуции, в том числе производственный брак	197	26,4%
2	Керамиды и калиптеры VIII-X вв.	42	5,6%
3	Водоотводный керамический желоб	5	Менее 1%
Тарная керамика			
4	Пифосы без точной атрибуции	22	2,9%
5	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв.	3	Менее 1%
6	Амфоры класса 1 по ХК-95 (рис. 123, 1)	64	8,6%
7	Амфоры типа V по ХК-71 (рис. 123, 2-5)	100	13,4%
8	Амфоры типа LRA 1 (рис. 123, 6-8; 124, 1-4)	58	7,7%
9	Амфоры типа LRA 2 (рис. 124, 5-7)	47	6,3%
10	Амфоры классов 24 и 36 по ХК-95, группы ЮЗК и ЮБК (рис. 124, 8-11; 125, 1-2)	75	10%
11	Амфоры без точной атрибуции	31	4,1%
Кухонная керамика			
12	Лепная керамика VIII-X вв. (рис. 125, 3)	21	2,8%
Столовая керамика			
13	Гончарная керамика без точной атрибуции	29	3,9%
14	Кувшины «скалистинского типа» (рис. 125, 4)	51	6,8%
Всего:		745	100%

Анализируя таблицы, следует иметь в виду, что оба комплекса находок происходят из открытых археологических горизонтов, сформировавшихся на протяжении длительного времени и отражающих два разных этапа (строительства и функционирования после ремонта) использования улицы.

Хронологию 1-го (нижнего) слоя мощения определяет одновременное присутствие в нем двух хронологических групп керамики – ранней, в пределах середины VI-VII вв., и поздней, датированной концом VII – первой половиной VIII вв. Первую характеризуют фрагменты амфор типа V по ХК-71, типа LRA 1B, класса 1 по ХК-95 или варианта Kx ID2, типа LRA 2C, класса 2 по ХК-95 или типа C Snr II-III, типа LRA 4B и лощеных лепных горшков, хорошо известных по

раскопкам Мангупского городища [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 417-418, рис. 33, 4-5, 7-8; 34, 1-2; 39, 15-16; 40, 1-3]. Начало строительства улицы, около середины – начала второй половины VI в., маркирует медный литой херсоно-византийский пентануммий с монограммой «Полис Херсонос» времени Юстиниана I (527-565) [тип по: Анохин, 1977, с. 157, №314]. Датирующий характер в более поздней группе находок, составляющей не более 10% от всех изделий в комплексе, имеют фрагменты византийских глобулярных амфор конца VII-IX вв. [о них см.: Vroom, 2005, p. 60-61; Gelichi, Negrelli, 2008, p. 307-326; Poulou-Papadimitriou, Nodarou, 2014, p. 874-875; Vroom, 2017a, p. 285-310; Poulou, 2018, p. 195-216], которые, если наша атрибуция верна, пополняют небольшое число

известных археологических комплексов с ними на Крымском полуострове для конца VII – первой половины VIII вв. [Голофаст, Рыжов, 2011, с. 383, рис. 18; Майко, 2020а, с. 34-35, 39-40, 66-68, рис. 20, 1; 26, 3; 31, 2-3, 9; 111, 5-10], а также обломки кровельной черепицы [анalogии см.: Моисеев, 2011, с. 177, табл. 2 (3-я технологическая группа)], пифосообразных сосудов с гребенчатым линейно-арочным орнаментом [Герцен, Иванова, Науменко, 2010, с. 259, рис. 19, 7], лепных горшков с подработкой на гончарном круге [Герцен, Иванова, Науменко, 2010, с. 260, рис. 20, 1-2] и кувшинов «скалистинского» типа.

В целом анализ основных категорий находок из 1-го (нижнего) слоя мощения улицы позволяет датировать археологический комплекс в широких пределах середины VI – первой половины VIII вв. Очевидно, улица была сооружена вскоре после строительства крепости на Мангупе около 550-565 гг. и сразу стала главной планировочной структурой на месте жилого квартала в центральной части городища. В таком виде она функционировала, скорее всего, до середины или даже до второй половины VIII в.

Хронологию 2-го (среднего) горизонта мощения улицы определяют лишь 26% керамических находок – фрагменты черепицы из рыхлого плохо промешанного теста, пифосообразные сосуды с линейно-арочным орнаментом, лепные горшки с подработкой на гончарном круге, кувшины «скалистинского» типа, но самым важным является появление в комплексе «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95. С учетом отсутствия в нем фрагментов высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 63-66; Науменко, 2009, с. 50-57] и византийской поливной керамики группы «Glazed

White Ware II» (далее – GWW-II) [Hayes, 1992, p. 18–29; Vroom, 2005, p. 74–77; о географии ее находок см.: Vroom, 2017б, p. 178, fig. 13.3], которые являются маркерами для культурных горизонтов средневизантийского времени, начиная со второй половины IX в., это позволяют датировать ремонт полотна улицы и ее дальнейшее использование периодом второй половины VIII – первой половины IX вв.

Отметим также значительное разнообразие индивидуальных находок из 2-го слоя мощения улицы, которые представлены глиняным пряслицем (рис. 125, 5), фрагментами прозрачного зеленоватого оконного стекла и стеклянных сосудов (рюмок?) на низком кольцевом поддоне (рис. 125, 6-9), свинцовым плоским грузиком с отверстием (рис. 125, 10), серебряной подвеской в виде согнутой пластины с округлым завершением (рис. 125, 11), бронзовой деталью для крепления в виде пластины с 3-мя отверстиями (рис. 125, 12), щитком от медного перстня с орнаментом в виде 7-лепестковой розетки в технике тиснения (рис. 125, 13), фрагментом медной цепи для подвешивания (рис. 125, 14) и железным трехлопастным наконечником стрелы (рис. 125, 15).

2006 г. Южный участок. Квадрат №1. 3-й слой

В данном случае речь идет о сохранившемся участке дневной поверхности ранневизантийского времени на Южном участке исследований дворца, которая представляет собой коричневый плотный грунт с мелким бутовым камнем и щебнем мощностью 0,10-0,40 м, залегающим непосредственно на скале (рис. 95). Археологический комплекс характеризуется фрагментами керамики:

**Таблица №14. 2006 г. Южный участок. Квадрат №1. 3-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фр-в)	Процент
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры без точной атрибуции	39	4,5%
Тарная керамика			
2	Амфоры типа 72 по Зеест (рис. 127, 15; 128, 1)	10	1,1%
3	Амфоры класса 1 по ХК-95 (рис. 126, 7-9)	167	19,1%
4	Амфоры типа V по ХК-71 (рис. 126, 1-6)	294	33,7%
5	Амфоры типа LRA 1 (рис. 127, 1-2, 13)	114	13%

1	2	3	4
6	Амфоры типа LRA 2 (рис. 127, 5-12)	41	4,7%
7	Амфоры типа LRA 4 (рис. 127, 3-4)	14	1,6%
8	Амфоры класса 2 по ХК-95 (тип С Snp II-III) (рис. 126, 10)	32	3,7%
9	Амфоры типа 95 по Зеест (тип LRA 3) (рис. 126, 11)	23	2,6%
10	Амфоры типа LV или LVI (?) по Киэй (1984) (рис. 128, 2-4)	34	3,9%
11	Амфоры без точной атрибуции	33	3,8%
Кухонная керамика			
12	Гончарная керамика без точной атрибуции (рис. 126, 12-13; 128, 5-6)	13	1,5%
13	Лепная керамика VI-VII вв. (рис. 127, 14; 128, 7)	35	4%
Столовая керамика			
14	Гончарная керамика без точной атрибуции (рис. 126, 14; 128, 8-9)	14	1,6%
15	Краснолаковая керамика группы PRSW (128, 10-11)	3	Менее 1%
16	Глазурованная керамика группы ЮЗК, XIV-XV вв.	5	Менее 1%
Всего:		871	100%

Более 75% находок датируются ранневизантийским периодом, что позволяет отнести формирование культурного горизонта к начальному этапу функционирования поселения на месте дворца, то есть ко второй половине VI-VII вв. Тем более, что из слоя происходит еще один херсоно-византийский пентанумий с монограммой «Полис Херсонос» времени Юстиниана I [тип по: Анохин, 1977, с. 157, №314]. Обратим также внимание на две керамические находки – фрагменты светлоглиняной амфоры из плотного теста с примесью известняка, песка, карасана, толченой гальки, предположительно, типа LV или LVI (?) по С. Киэй, V-VI вв. западносредиземноморского происхождения (рис. 128, 2-4) [Keay, 1984, p. 289-297], и редкие для участка исследования обломки краснолаковой посуды, скорее всего, блюда формы 1 группы PRSW V – начала VI вв. (рис. 128, 10-11). Обнаруженные при зачистке слоя фрагменты глазурованной керамики группы «Юго-Западный Крым» (далее – ЮЗК), характерные для золотоордынского и феодоритского периодов, рассматриваются в качестве обычной для многослойного археологического памятника, каким является дворец, «примеси сверху».

Также отметим, что на Южном участке открыты и другие, но менее презентабельные, фрагменты дневной поверхности ранневизантийского времени, синхронные 3-му слою в квадрате №1: 3-й слой в квадрате №2, к востоку от помещения К (2006 г.), с монетами, выпущенными при Юстине I (518-527) в Константинополе [тип

по: Sear, 1987, p. 46, №74] и при Юстиниане I в Херсоне [тип по: Анохин, 1977, с. 157, №314]; 3-й слой в квадрате №4-6 (2008 г.); 3-й слой под мостовой «южной улицы» (2008 г.); 4-й слой на территории «верхней» и «нижней» террас (2008 г.). Это свидетельствует о более широком распространении культурного слоя и застройки VI-VII вв. в этой части раскопа (рис. 108), чем это представляется лишь на основе анализа показательных археологических объектов.

2006 г. Южный участок. Квадрат №1. Ямы №№1 и 2. Заполнение

Обе ямы открыты в центральной части квадрата при зачистке скального материка (рис. 129). Они перекрыты 3-м слоем на участке исследований, что позволяет соотнести их с наиболее ранними строительными комплексами в этой части ранневизантийского поселения. Яма №1, овальная в плане диаметром 1,20-1,55 м, с почти вертикальными бортами, вырублена с поверхности скалы на глубину до 0,40 м. Яма №2, округлая в плане диаметром 0,80-0,85 м, с сужающимися ко дну бортами, также вырублена с уровня скальной поверхности на глубину до 0,40 м. Обе заполнены одинаковым по структуре серым рыхлым грунтом с щебнем и углями. Из заполнения извлечены редкие фрагменты керамики, из которых определяются обломки амфор типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типов LRA 1 и 2. Отметим также почти стертую позднеримскую монету конца IV в. из ямы №2.

**2009 г. Южный участок.
Засыпь скальной лакуны
под кладкой №24**

Скальная лакуна открыта при зачистке материковой поверхности в центральной части

трассы дворцовой «южной улицы», приблизительно в 2,00 м от западной оконечности кладки №24, южной стены помещения I (рис. 130). Ее длина до 1,80 м, глубина до 0,55 м. Заполнена однородным коричневым плотным суглинком с щебнем, угольками и фрагментами керамики:

Таблица №15. 2009 г. Южный участок. Квадрат №8. Засыпь скальной лакуны под кладкой №24. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фр-в)	Процент
Тарная керамика			
1	Амфоры типа 72 по Зеест (рис. 132, 4)	1	Менее 1%
2	Амфоры класса 1 по ХК-95 (рис. 131, 1-7)	81	19,8%
3	Амфоры типа V по ХК-71 (рис. 131, 8-12)	216	52,8%
4	Амфоры типа LRA 1	21	5,1%
5	Амфоры типа LRA 2 (рис. 132, 1-2)	3	Менее 1%
6	Амфоры класса 2 по ХК-95 (тип C Snr II-III)	35	8,5%
7	Амфоры типа 95 по Зеест (тип LRA 3) (рис. 132, 3)	17	4,1%
8	Амфоры без точной атрибуции	10	2,4%
Кухонная керамика			
9	Гончарная керамика без точной атрибуции	2	Менее 1%
10	Лепная керамика VI-VII вв. (рис. 132, 5-6)	15	3,6%
Столовая керамика			
11	Гончарные кувшины с ойнохоевидным венчиком без точной атрибуции (рис. 132, 7)	5	Около 1%
12	Краснолаковая керамика группы PRSW	2	Менее 1%
Всего:		409	100%

подавляющее большинство находок из засыпи лакуны представлено фрагментами хорошо известных типов ранневизантийского периода. С учетом небольшого числа амфор типа LRA 2 и присутствия мелких обломков краснолаковой посуды группы PRSW, наиболее вероятной датой засыпи является вторая половина VI в. В таком случае, данный археологический комплекс принадлежит к числу самых ранних на участке исследований.

**2015 г. Юго-Западный участок.
Квадраты №№16-19, 22-25.
Комплекс хозяйственных ям №№47-51**

Ямы №№47-48, 50-51 обнаружены в центральной части Юго-Западного участка исследова-

ний дворца, яма №49 – в его восточной части, будучи перекрытой западной стеной помещения H (кладкой №22) (рис. 105). Все они выкопаны в материковом суглинке либо вырублены в скальном материке и перекрыты нижним культурным горизонтом на площади раскопа (слоем №6), который начинает формироваться здесь в середине VI в. Это дает основание считать указанные хозяйственные комплексы наиболее ранними в этой части ранневизантийского поселения на месте Мангупского дворца.

Ямы №№47 и 48, открытые в квадрате №18 на расстоянии 1,60 м друг от друга, сильно срублены в процессе дальнейшего строительства на участке исследований (рис. 133). От них сохранились лишь нижние части округлой формы

диаметром от 0,50 до 0,80 м и глубиной 0,25-0,27 м. Из заполнения, серо-коричневого плотного грунта с щебнем и скальной жерстью, близкого 6-му слоя на Юго-Западном участке, происходят немногочисленные фрагменты ранневизантийских амфор типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типа LRA 1 и лепной керамики с лощеной поверхностью.

Яма №49 не выбиралась в процессе раскопок (рис. 134, 1). Она, предположительно, имеет округлую форму диаметром до 1,10 м. Заполнена, как и ямы №№47 и 48, серо-коричневым плотным грунтом с щебнем и скальной жерстью.

Яма №50, выкопанная в красно-коричневом материковом суглинке на месте скального разлома, имеет округлую форму диаметром до 1,04 м (рис. 134, 2-5). Борты плавно сужаются

к уплощенному дну диаметром 0,80 м. Общая глубина до 0,76 м. Из заполнения, коричневого суглинка с угольками, извлечены мелкие фрагменты ранневизантийских амфор типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типов LRA 1, LRA 2, LRA 4 и лепной лощеной керамики.

Среди всех ранневизантийских хозяйственных комплексов на Юго-Западном участке наиболее показательным является **яма №51**, обнаруженная на месте обширного скального разлома диаметром до 1,75 м и глубиной до 0,60 м (рис. 135, 1-3). Она выкопана в материковом суглинке красно-коричневого цвета. Имеет округлую форму диаметром 0,80 м и глубиной 0,40 м. Заполнена однородным коричневым суглинком с угольками и фрагментами керамики, главным образом, обломками ранневизантийских амфор:

Таблица №16. 2015 г. Юго-Западный участок. Бровка между квадратами №№19 и 24. Яма №51. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фр-в)	Процент
Тарная керамика			
1	Амфоры класса 1 по ХК-95	28	12,7%
2	Амфоры типа V по ХК-71 (рис. 135, 4-6)	76	34%
3	Амфоры типа LRA 1 (рис. 135, 7-9; 136, 1-3)	77	35%
4	Амфоры типа LRA 2 (рис. 136, 5-7)	15	6,7%
5	Амфоры класса 2 по ХК-95 (тип C Snr II-III) (рис. 136, 4)	35	8,5%
6	Амфоры типа LRA 4	8	3,8%
Кухонная керамика			
7	Лепная лощеная керамика VI-VII вв. (рис. 136, 8)	8	3,8%
Всего:		221	100%

Присутствующий в археологическом комплексе набор амфор позволяет датировать его второй половиной VI в. Отметим полное отсутствие среди находок строительной и краснолаковой керамики. Из засыпи ямы также происходят мелкие фрагменты зеленоватого прозрачного оконного стекла и стеклянных рюмок.

2015 г. Западный участок. Квадрат №18. Амфорный развал в юго-восточном углу

Локальный археологический комплекс, выявленный при зачистке поверхности 6-го слоя в небольшой скальной лакуне в юго-восточном углу квадрата №18 (рис. 137, 1). По сути, речь идет о развале одной амфоры типа V по ХК-71 (рис. 137, 3), который сопровождался фрагмен-

тами красноглиняного калиптера 1-й группы (рис. 137, 2), коричневоглиняных амфор класса 1 по ХК-95 и лепных горшков с подлощенной поверхностью. С учетом выявленной на Юго-Западном участке стратиграфической ситуации, комплекс лучше датировать в пределах второй половины VI в.

2007. Центральный участок. Помещение В и «центральный двор». Комплекс скальных хозяйственных ям (всего 23, №№4-18, 20, 22-28) и сооружений (№№1-3)

Очевидно, речь идет об остатках крупного поселенческого комплекса ранневизантийско-

го времени, почти полностью срубленного при возведении СК-7 фемного периода (2007 г., кладки №№31, 58 и 59, 7-й слой; 2021 г., кладки №№121, 123, 124, 8-й слой) и частично перекрытого им (ср. рис. 75 и 193). Среди многочисленных скальных ям и сооружений на территории помещения В и «центрального двора», от которых сохранились лишь нижние части, заполненные, в основном 6-м слоем на данном участке исследований, наиболее показательными являются ямы №№3-6 с характерным для периода

VI-VII вв. набором амфор и бытовой керамики.

Яма №3 (рис. 79; 138). Расположена в юго-восточной части помещения В, вблизи кладки №9, его западной стены. Вырублена в сильно каррированном скальном материке и почти полностью срублена при дальнейшем строительстве на участке исследований. Сохранилась только нижняя часть ямы, округлая в плане диаметром до 0,60 м и глубиной до 0,10 м. Заполнена темно-серым рыхлым грунтом с угольками и мелкими фрагментами керамики:

Таблица №17. 2007 г. Центральный участок. Помещение В. Яма №3. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фр-в)	Процент
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры без точной атрибуции	12	35%
Тарная керамика			
2	Амфоры типа V по ХК-71 (рис. 138, 3-4)	8	23,5%
3	Амфоры типа LRA 1	6	17,6%
4	Амфоры типа LRA 2 (рис. 138, 5)	1	3%
Кухонная керамика			
5	Лепная лощеная керамика VI-VII вв. (рис. 138, 6-7)	4	12%
6	Гончарная керамика без точной атрибуции (рис. 138, 8-9)	3	8,9%
Всего:		34	100%

Более 50% археологических материалов из комплекса надежно датируется ранневизантийским временем. Это позволяет определить хронологию ямы в широких пределах второй половины VI-VII вв.

Ямы №№4 и 5 (рис. 75; 139, 1). Открыты в центральной части «центрального двора» дворца, при раскопках скального сооружения №3,

перекрытого одной из баз внешней колоннады помещения В. От обеих ям сохранились лишь нижние части округлой формы диаметром около 0.40-0,50 м и глубиной до 0,25 м. Заполнены темно-серым плотным грунтом с щебнем, угольками и мелкими фрагментами керамики. Наиболее информативен археологический комплекс заполнения из ямы №4:

Таблица №18. 2007 г. Центральный участок. «Центральный двор». Яма №4. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фр-в)	Процент
1	2	3	4
Тарная керамика			
1	Красноглиняный пифос без точной атрибуции	1	3%
2	Амфоры класса 1 по ХК-95	4	8%
3	Амфоры типа V по ХК-71	8	16%
4	Амфоры типа LRA 1	3	6,5%

1	2	3	4
5	Амфоры типа LRA 2	2	4%
6	Амфоры типа 100 по Зеест-60 (тип C Snp I)	1	3%
7	Амфоры типа 95 по Зеест-60	3	6,5%
8	«Причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95, группа ЮЗК и ЮВК	6	12%
9	Амфоры без точной атрибуции	14	30%
Кухонная керамика			
10	Лепная лощеная керамика VI-VII вв.	4	8%
Столовая керамика			
11	Гончарная керамика без точной атрибуции	1	3%
	Всего:	47	100%

Более 50% находок в комплексе относится к ранневизантийскому времени, еще треть археологического материала не поддается точной атрибуции. Отметим присутствие фрагментов «причерноморских» амфор второй половины VIII – первой половины X вв., что еще раз указывает на ее разрушение при строительстве здесь жилого комплекса фемного периода (СК-7). Для датировки ранней застройки на участке исследований наиболее важным является находка в заполнении ямы №4 двух монет – херсоно-византийского декануммия времени Юстина I (518-527), с ростовым изображением императора с крестом-посохом в правой руке и сферой в левой руке и надписью VIC-TOR на реверсе [тип по: Анохин, 1977, с.156, №312], и неопределенного пентануммия периода 498–565 гг. с большой буквой E на реверсе. На наш взгляд, несмотря на сильную поврежденность ямы №4, наличие этих монет позволяет отнести археологический комплекс к наиболее раннему периоду истории ранневизантийского поселения на месте дворца, предположительно, к середине – второй половине VI в.

Яма №6 (рис. 75; 189, 2-3; 193). Обнаружена при выборке нижнего (надскального) 7-го слоя в западной части помещения В, происхождение которого связано здесь, скорее всего, с застройкой второй половины IX-XI вв. Вырублена в сильно деструктурированной скале на глубину до 0,40 м. В плане имеет округлую форму диаметром около 0,80 м. Борта плавно

сужаются к уплощенному дну. Вероятно, предназначалась для установки небольшого пифоса. Заполнена однородным плотным коричневым грунтом с угольками. Из него извлечены мелкие фрагменты керамики, в том числе амфор класса 1 по ХК-95, типов LRA 1 и LRA2, красноглиняной черепицы плотного глиняного теста и сероглиняной лепной керамики. Стратиграфические наблюдения позволяют датировать яму №6 в широких пределах второй половины VI-VII вв.

2018 г. Центральный участок. «Центральный двор». Пифосная яма №54

Открыта в центральной части «центрального двора» Мангупского дворца, на расстоянии 4,25 м к востоку от колоннады помещения В (рис. 75; 140). В плане имеет близкую к овалу форму общими размерами 2,15 x 1,40 м. Борта, вырубленные в скальном материке, плавно сужаются к выровненному скальному дну. Вероятно, изначально яма предназначалась для установки двух пифосов. От одного сохранилось *in situ* плоское дно (рис. 141, 1), на наличие другого указывают следы округлой скальной подрубки в северной части комплекса. Заполнена однородным серым плотным грунтом с щебнем и угольками мощностью до 0,74 м. Из него происходят многочисленные находки, главным образом, фрагменты ранневизантийской керамики:

Таблица №19. 2018 г. Центральный участок. «Центральный двор». Яма №54. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры без точной атрибуции	10	6%
Тарная керамика			
2	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции (рис. 141, 1-2)	8	5%
3	Амфоры типа V по ХК-71 (рис. 141, 3)	57	35%
4	Амфоры класса 1 по ХК-95	21	12,9%
5	Амфоры типа LRA 1 (рис. 141, 4)	19	11,6%
6	Амфоры типа LRA 2 (рис. 142, 1-3)	7	4,3%
7	Амфоры типа LRA 4	5	3%
8	Амфоры класса 2 по ХК-95	1	Менее 1%
9	Амфоры типа 95 по Зеест	2	Около 1%
10	Амфоры без точной атрибуции (рис. 141, 5; 142, 4)	11	6,7%
Кухонная керамика			
11	Лепная лощеная керамика V-VII вв. (рис. 141, 6)	8	4,9%
Столовая керамика			
12	Гончарная красноглиняная керамика без точной атрибуции (рис. 141, 7)	13	8%
13	Краснолаковая керамика группы PRSW (рис. 142, 5)	1	Менее 1%
	Всего:	163	100%

Более 70% находок составляют фрагменты хорошо известных типов амфор ранневизантийского периода. С учетом стратиграфических наблюдений и присутствия в комплексе обломка края краснолакового блюда группы PRSW (скорее всего, формы 7) V – начала VI вв. (рис. 142, 5), его следует датировать серединой – второй половиной VI в., не позднее. Отметим также фрагмент дна на кольцевом поддоне от сосуда (рюмки) из прозрачного зеленоватого стекла (рис. 141, 8).

2021 г. Северный участок. Квадрат №50. Яма №83

Единственный ранневизантийский объект на Северном участке исследований дворца. Яма открыта в юго-западном углу квадрата №50, после выборки здесь нижнего 6-го слоя и зачистки скальной поверхности (рис. 143). Частично

перекрыта нижним (цокольным) рядом кладки №10, западной ветвью северной крепостной стены Мангупского дворца. В плане имеет округлую форму диаметром около 1,40 м. Вырублена в скале на глубину до 0,20 м, хотя, что очевидно, ее верхняя часть не сохранилась. Борты плавно сужаются к выровненному дну. Заполнена плотным коричневым грунтом, аналогичным, по структуре, 9-му слою на Западном участке исследований. Из него извлечены немногочисленные фрагменты амфор типа V по ХК-71, типов LRA 1 и 2, класса 1 по ХК-95, лепной лощеной керамики, плоской кровельной черепицы, что позволяет датировать комплекс только в широких пределах второй половины VI-VII вв.

Несколько общих замечаний в отношении места и значения открытой на территории княжеского дворца застройки ранневизантийского периода в исторической топографии Мангупско-

го городища [об этом подробнее см.: Науменко, 2023в, с. 225-227].

Приведенный анализ показательных археологических комплексов находок ранневизантийского времени на площади раскопок позволяет, даже с учетом их общей плохой сохранности, сделать вывод о регулярном характере открытой застройки. Ключевым аргументом для такого заключения является участок раннесредневековой улицы, выступавшей в качестве определяющего планировочного элемента данного жилого квартала, начиная с момента его строительства в середине VI в. и вплоть до первой половины XI в. или даже несколько позднее. Трудно себе представить, чтобы такой важный объект внутрикрепостной инфраструктуры, благоустройству которого неизменно уделялось большое внимание, существовал изолированно. Скорее всего, его окружали постройки с каменными стенами, черепичной кровлей и хозяйственными зонами, на что указывают результаты изучения структуры керамических комплексов находок из горизонтов их функционирования и разрушения. В таком случае выявленные на площади раскопа локальные скопления хозяйственных ям могут предположительно свидетельствовать о местоположении и количестве таких строений.

Открытый жилой квартал, безусловно, занимал важное место в системе ранневизантийской застройки Мангупа-Дороса. Его благоустройство и близость к Большой Мангупской базилике закономерно предполагает особый статус жителей, что подтверждается предварительным анализом находок группы «small finds» из раскопок памятника.

Прежде всего, отмечаем обилие монет конца V – начала VIII вв. (всего 242 единицы; около 24% от общего числа разновременных нумизматических находок на территории дворца) [Науменко, Якушечкин, 2022, с. 169-172], что не имеет аналогов при сравнении с результатами раскопок на других памятниках Мангупского городища (рис. 144-145). Подавляющее большинство из них (210 из 242, 86,5%) относится к периоду 498-565 гг., то есть были выпущены при Анастасии I (после реформы 498 г.), Юстине I и Юстиниане I. Особо примечателен анализ монет Юстиниана I. Их большое количество (87 из 210 монет, 41,4%), принадлежность выпусков не только Херсону, но и многим другим монетным дворам в крупных городах Византии (Константинополь, Кизик, Никомедия, Карфаген, Антиохия), и особенно хронология всех

точно датированных номиналов в пределах 547-564 гг. (всего 20 таких монет, все выпущены за пределами Крыма) служит дополнительным свидетельством о строительстве Мангупской крепости ближе к концу правления этого императора.

Значительная часть монет периода 498-565 гг. продолжала использоваться на городище на протяжении всего ранневизантийского периода, о чем неоднократно говорилось в специальных исследованиях [Алексеев, 2007. С. 353]. Показательным выглядит редкость монет, начиная с Юстина II (565-578) и до второго правления Юстиниана II (705-711) (всего 9) [Науменко, Якушечкин, 2022, с. 171-172]. Таким образом, ситуация с монетным обращением Мангупа выглядит типичной при сравнении с другими крупными ранневизантийскими центрами на территории Крыма. Отметим также, что одновременно с этими монетами здесь, по всей видимости, обращались и более ранние медные номиналы конца III – первой половины V вв., принадлежащие правителям Боспорского царства и Поздне-Римской империи. Отсутствие археологических объектов этого времени и крайняя редкость фрагментов керамики III-IV вв. в культурном слое на месте дворца предполагает именно такую их интерпретацию.

Для социальной характеристики жителей ранневизантийского квартала на месте дворца определенную информацию содержит анализ коллекции обнаруженных деталей повседневного костюма второй половины VI – первой половины VIII вв. (рис. 146) [подробнее: Науменко, Набоков, 2021, с. 203-206]². При всей типичности и рядовом характере таких находок, важно отметить, что все они принадлежат изделиям «византийского круга» и имеют множество аналогий на памятниках Византии и сопредельных территорий. Таким образом, их

² По сравнению с ранее изданными общими таблицами таких находок [см.: Науменко, Набоков, 2021, рис. 1; Науменко, 2023в, рис. 4], на этом рисунке впервые приведены еще две детали костюма: двучленная фибула «крымского варианта» варианта 16-1/1-2-3 по А. К. Амброзу, встречающегося на памятниках Горного Крыма, начиная с IV и до начала VI вв. (рис. 146, 9) [Амброс, 1966, табл. 11, 16, 18; Айбабин, 1990, с. 18; Ушаков, 2010, рис. 72, 4], и язычок от малой пряжки византийского круга, скорее всего, второй половины VI – первой половины VII вв. (рис. 146, 21). Первая найдена еще в 2006 г. во время выборки 2-го слоя в квадрате №2 на Южном участке (слой датируется в широких пределах XVI-XVIII вв.), вторая – в 2009 г. в слое пожара 1475 г. (слой №5) в квадрате №10-14 Центрального участка.

однозначно следует рассматривать в качестве свидетельства проживания в данном квартале Мангупской крепости входивших в состав ее гарнизона византийских солдат и их семей.

Эта гипотеза выглядит вполне вероятной еще и потому, что в ходе раскопок дворца были найдены ряд неординарных находок, указывающих на высокий социальный статус владельцев либо их принадлежность к администрации крепости. Речь, прежде всего, идет о серии ранневизантийских эксагиев в виде квадратной пластины либо плоского диска с изображением букв-весовых номиналов Ν, Η и Ο (рис. 147, 1-6) [Душенко, 2018. С. 255-265. Рис. 1, 2-3, 5-6], предназначенных для контроля византийскими чиновниками полновесности золотой монеты и, соответственно, законности проводимых в той или иной части империи торгово-финансовых операций [Гурулева, 2018а, с. 9]. Отметим также необычный военный трофей – сасанидский ложный перстень-печатку с изображением символов правящей династии Сасанидов второй половины VI – первой трети VII вв., принадлежащий, по всей видимости, византийскому офицеру, принимавшему участие в одной из византийско-сасанидских военных кампаний этого периода и затем продолжившему свою службу в составе гарнизона Мангупа-Дороса (рис. 147, 7) [Науменко, Герцен, 2021].

Наконец, еще одной статусной находкой является печать с изображением орла с высоко поднятыми крыльями и звездой в круге на аверсе и крестообразной монограммой на обороте, обнаруженная в 2021 г. в ходе выборки верхнего горизонта мощения описанной выше ранне-средневековой улицы (рис. 147, 8) [подробнее см.: Науменко, Алексеенко, 2023; Науменко, 2023г]. Такие печати хорошо известны в византийской сфрагистике и соотнесены практически со всеми крупными регионами империи, хотя в Крыму они встречаются редко. Типологически находка принадлежит группе аналогичных моливдовулов, обычно датируемых периодом 550–650 гг. [Zacos, Veglery, 1972. P. 490, 533. Nr. 585, 697; Соколова, 1998. С. 301]. Ключевым для ее интерпретации является расшифровка монограммы, которая состоит из лигатур из 10 греческих букв (Β, Ε, Θ, Ι, Κ, Λ, Ο, Ρ, Σ и Τ) и подразумевает имя и должность (или титул) владельца. Наиболее вероятное чтение – «Элевтерий сcribe» (Ἐλευθέριος, σκρίβωνος). Под сcribe в данном случае можно понимать только лишь представителя элитного отряда телохранителей византийских императоров,

учрежденного при Юстиниане I и существовавшего до середины VII в. [Jones, 1986. P. 658-659; Haldon, 1984. P. 137, 161-163; Мохов, 2013. С. 60, 64, 69, 70]. Помимо функций дворцовой стражи, на практике они выполняли множество разнообразных по содержанию личных поручений правителей империи, как правило, в отдаленных и сложных в политическом отношении регионах Византийского государства. Точное содержание миссии сcribe Элевтерия на Мангупе-Доросе нам вряд ли когда-нибудь станет известным. Однако, находка такой печати еще раз свидетельствует о важности этой крепости в византийской политике в регионе и пристальном внимании императоров за происходящими здесь событиями.

Таким образом, открытый на месте Мангупского дворца строительный ярус ранневизантийского времени является примером регулярной жилой застройки, основным планировочным элементом которой являлась улица, сориентированная в направлении Большой базилики, административно-топографического центра городища в эпоху раннего средневековья. Этот квартал возник одновременно со строительством около 550-565 гг. на Мангупском плато большой византийской крепости и функционировал в таком виде до середины IX в., когда крепость вошла в состав учрежденной в Крыму византийской фемы. Насыщенность культурного слоя разнообразным археологическим материалом свидетельствует о важной роли данного района Мангупа-Дороса в его политической и торгово-экономической жизни. Жителями квартала, вероятнее всего, являлись солдаты и офицеры военного гарнизона крепости, члены их семей, а также представители местной имперской администрации.

3.2. Застройка «фемного» периода

Несмотря на естественные ремонты, перепланировки и значительные разрушения ранневизантийского квартала на месте княжеского дворца, более поздняя застройка второй половины IX-XI вв. в этой части Мангупской крепости не менее выразительна (рис. 148). Она выделена на территории Северного, Центрального, Южного, Юго-Западного участков исследований и особенно на Западном участке, где сохранилась дневная поверхность этого времени (слой №8 в общей стратиграфии участка) и несколько жилых и хозяйственных структур, тяготеющих к продолжавшей функционировать здесь ранне-средневековой улице.

Всего в ходе исследований обнаружено и полностью раскопано 13 наиболее показательных археологических объектов и комплексов фемного периода в истории Мангупа, описание которых приведено ниже.

**2020-2021 г. Западный участок.
Квадраты №№34-35, 46-49.
8-й слой**

Является дневной поверхностью фемного периода на Западном участке исследований Мангупского дворца, лучше всего сохранившейся в центральной и восточной частях раскопа. На остальной территории ею, вероятно, являлся повышающийся в западном направлении уровень скального материка (рис. 49-51).

По структуре, 8-й слой представляет собой плотный светло-серый, местами желтоватый, грунт, насыщенный пятнами разложившегося известкового раствора и угольками, мощностью от 0,07 до 0,22 м. Отмечаем высокую степень выровненности культурного горизонта. На площади около 200 кв. м в квадратах №№34-35, 46-49 перепад высотных отметок в направлении с юга на север не превышает 0,50-0,55 м, в широтном направлении – 0,10-0,15 м. Также обращает внимание тщательная спланированность связанной с ним регулярной квартальной застройки, от которой сохранились разнообразные уличные, жилые (строительные комплексы СК-4, СК-6, СК-7,

СК-8 и СК-9) и хозяйственные структуры (ямы №№56-57, 60, 63, 77-81).

Поверхность 8-го слоя на Западном участке также хорошо выделена в его стратиграфии плоско лежащими фрагментами керамики и особенно многочисленными сплошными черепично-каменными завалами, которые образовались в результате разрушения синхронных культурному горизонту построек. В ходе раскопок удалось локализовать три наиболее крупных из них – на участке к югу от кладки №121 в квадрате №34 общими размерами 4,80 x 2,80 м (рис. 149, 1), к востоку от кладки №97 в квадрате №35 площадью около 17 кв. м (размеры 4,70 x 3,70 м) (рис. 149, 2) и в юго-восточной части квадрата №46 на площади 4,60 кв. м (2,20 x 2,10 м) (рис. 150, 1). Все завалы имеют мощность в пределах 0,15-0,20 м и сформировались из разномерного буттового камня и крупных фрагментов черепицы, затянутых плотным светло-серым грунтом.

После снятия черепично-каменного завала в восточной части квадрата №46 на уровне 8-го слоя также был зачищен развал пифоса, установленного на расстоянии 0,70 м к западу от кладки №9 и 1,50 м к югу от кладки №123 (рис. 150, 2).

Археологические комплексы находок из 8-го слоя и черепично-каменных завалов на его поверхности между собой близки, но последние, как нам представляется, более показательны:

**Таблица №20. 2020 г. Западный участок. Квадраты №№34, 35, 46.
Черепично-каменные завалы на 8-м слое. Основные категории находок.
Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды, калиптеры, плинфа 1-й группы, IX-X вв. (рис. 151, 1-2; 154; 155, 1-4)	917	64,6%
2	Керамиды и калиптеры 2-й группы, IX-X вв.	3	Менее 1%
3	Керамиды и калиптеры 3-й группы, IX-X вв.	79	5,5%
4	Керамиды и калиптеры 4-й группы, IX-X вв.	12	Менее 1%
5	Кирпич	3	Менее 1%
Тарная керамика			
6	Пифосы гладкостенные и желобчатые (рис. 151, 3; 153, 2)	175	12,3%
7	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв.	3	Менее 1%

1	2	3	4
8	Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени (тип F по Шелову, 1971, тип 100 по Зеест, тип LRA 1 и 2, класс 1 по ХК-95, тип V по ХК-71)	59	4%
9	Амфоры VIII-X вв. классов 24, 36 и 41 по ХК-95 (рис. 151, 4-5; 152; 153, 1-6; 155, 5-6)	109	7,7%
Кухонная керамика			
10	Лепная лощеная керамика V-VII вв.	7	Менее 1%
11	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв.	21	1,5%
12	Гончарная керамика без точной атрибуции	14	Менее 1%
Столовая керамика			
13	Краснолаковая керамика V-VII вв. (рис. 153, 7)	1	Менее 1%
14	Кувшины «скалистинского типа» VII-IX вв.	16	Около 1%
	Всего:	1419	100%

Среди находок закономерно преобладают фрагменты строительной керамики (около 70%), главным образом, ангобированной черепицы из плотного глиняного теста 1-й технологической группы. Отметим целые экземпляры прямоугольной плинфы толщиной до 3,5 см и обломки керамид и калиптеров с рельефными метками в виде букв греческого алфавита (ΘЕ и Π) или «двурогой вилки».

Также многочисленны (около 12%) фрагменты гладкостенных или желобчатых пифосов с плоскими венчиками подтреугольными в сечении; на одном из них сохранилось граффити в виде двух перекрещивающихся линий (изображение креста (?)) (рис. 151, 3).

Датировка комплекса устанавливается на основе стратиграфических наблюдений и анализа датирующей группы находок – пифосообразных сосудов с гребенчатым линейно-арочным орнаментом, «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95, высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95, лепной керамики с подработкой на гончарном круге и «скалистинских» кувшинов с росписью линиями светлого ангоба.

Вероятной датой формирования 8-го слоя на участке исследований является широкий хронологический период второй половины IX – первой половины XI вв. В таком случае, черепично-каменные завалы на его поверхности должны относиться к заключительному этапу образования этого культурного горизонта, скорее всего, к концу X – первой половине XI вв.

Индивидуальные находки в комплексах немногочисленны. Отметим фрагмент стенки сосуда со сквозными отверстиями типа «цедилка» (рис. 153, 8), венчик с оплавленным краем от сосуда из зеленоватого прозрачного стекла (рис. 153, 9) и две византийские монеты второй половины V – первой половины VI вв. без более точной атрибуции («примесь снизу»).

Более информативной является еще одна нумизматическая находка, извлеченная из 8-го слоя в квадрате №46 – литая медная монета с буквами «Π» (аверс) и «Χ» (реверс) (=монетная программа «Полис Херсона»), которая обычно датируется временем императора Михаила III (842-867) (рис. 198, 3) [Науменко, Якушечкин, 2022, с. 172-173, рис. 3, 3; о датировке типа: Анохин, 1977, с. 115, №№345-348; Соколова, 1983, с. 35-36, табл. VI, 14]. В отличие от других монет в комплексе, она, вероятно, носит датирующий характер и указывает на начальный этап формирования строительного горизонта вскоре после включения Мангупа в состав византийской фемы, образованной в 841 г.

**2019-2021 гг. Западный участок.
Квадраты №№ 48 и 49.
Раннесредневековая улица. 3-й
(верхний) горизонт мощения**

Как уже говорилось, к фемному периоду истории Мангупа относится лишь 3-й (верхний) горизонт мощения раннесредневековой улицы в северной части раскопа (квадраты №№48 и

49), который имел вид «брусчатки» из мелкого бутового камня мощностью 0,10-0,15 м (рис. 62-63). О времени функционирования улицы в это время свидетельствует археологический ком-

плекс находок из «брусчатки» и ее грунтовой подошвы (8-го слоя), перекрывшей все более ранние строительные остатки на участке исследований:

**Таблица №21. 2019-2021 гг. Западный участок. Квадраты №№ 48 и 49.
3-й (верхний) горизонт мощения. Основные категории находок.
Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фр-в)	Процент
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры без точной атрибуции, в том числе производственный брак	207	36,4%
2	Керамиды и калиптеры VIII-X вв.	6	Около 1%
Тарная керамика			
3	Пифосы без точной атрибуции	10	1,7%
4	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв. (рис. 156, 1)	25	4,4%
5	Амфоры класса 1 по ХК-95	17	3%
6	Амфоры типа V по ХК-71	73	12,8%
7	Амфоры типа LRA 1	18	3,1%
8	Амфоры типа LRA 2	10	1,7%
9	Амфоры класса 24 по ХК-95, группа ЮЗК (рис. 156, 2-4)	86	15,1%
10	Амфоры класса 36 по ХК-95, группа ЮЗК (рис. 156, 5)	30	5,2%
11	Амфоры класса 36 по ХК-95, группа ЮВК (рис. 156, 6; 157, 1-2)	10	1,7%
12	Высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95	13	2,2%
Кухонная керамика			
13	Лепная керамика VIII-X вв.	16	2,8%
14	Гончарная керамика без точной атрибуции	24	4,2%
Столовая керамика			
15	Византийская поливная керамика группы GWW-II (рис. 156, 7)	1	Менее 1%
16	Кувшины «скалистинского типа»	17	3%
17	Гончарная керамика без точной атрибуции	6	Около 1%
Всего:		569	100%

Так как археологический комплекс полностью опубликован [Науменко, 2023б, с. 197-200], ограничимся здесь самыми общими замечаниями в отношении его хронологии.

Определяющим для датировки верхнего горизонта мощения улицы является впервые отмеченное появление небольшого числа фрагментов высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 и византийской поливной керамики группы GWW-II.

Это дает возможность отнести ее последний ремонт ко второй половине – концу IX в., не позднее. Верхний хронологический рубеж комплекса должен соответствовать дате прекращения функционирования квартала фемного периода на месте дворца в первой половине XI в.

Группа индивидуальных изделий из 3-го слоя мощения улицы невыразительна. Практически все находки не имеют точной хроноло-

гии – фрагменты прозрачного оконного стекла зеленоватого цвета, точильных брусков из песчаника, железных гвоздей, грибовидная свинцовая заклепка (рис. 156, 8), обломок рыболовного грузила (?) из свинцового валика (рис. 157, 3), медная, покрытая плакировкой из желтого металла, накладка в виде трехлучевой лунницы (рис. 157, 4) и сильно деформированная медная подвеска каплевидной формы (рис. 156, 9). Из этого же комплекса происходит уже описанная выше свинцовая печать византийского скрибона Элевтерия периода 550-650 гг., которая связана с ранневизантийским ярусом застройки на участке исследований (рис. 157, 5).

2018, 2021 гг. Восточный и Западный участки. Хозяйственные ямы

В ходе раскопок фемного строительного яруса на месте дворца на Западном и Восточном участках его исследований обнаружены 10 хозяйственных ям, связанных планиграфически с открытыми здесь постройками. Ямы №№61 и 62 расположены вблизи строительного комплекса СК-5 (2018 г., Восточный участок, квадрат №42) (рис. 184-185), ямы №№56-57, 60, 63 – вокруг СК-6 (Западный участок, 2018 г., квадраты №№32 и 36) (рис. 192), ямы №№77-81 – внутри и снаружи СК-7 (Западный участок, 2021 г., ква-

драты №№46 и 47) (рис. 49; 52). По стратиграфическим наблюдениям, наиболее ранними из них являются ямы №№79 и 81, наиболее поздними – ямы №№77 и 78. Опубликован археологический комплекс лучше всего сохранившейся ямы №81 [Науменко, 2022, с. 175-175, рис. 12].

Ямы №№56 и 57 (рис. 158; 192). Открыты на расстоянии 0,60 м между собой на участке между строительным комплексом СК-6 и кладкой №97, западной стены СК-8. Важнейшим стратиграфическим наблюдением, во многом определяющим их принадлежность застройке IX-XI вв., является то, что они были выкопаны с уровня 8-го слоя, дневной поверхности этого времени. Яма №56 в плане имеет округлую форму диаметром 1,80-2,00 м, с аморфными бортами, сужающимися к скальному дну диаметром 1,60 м. Ее глубина 0,20 м. Яма №57 овальная в плане размерами 1,40 x 1,00 м и глубиной до 0,52 м. Ее нижняя часть имеет усеченно-конический профиль, вероятно, для установки пифоса. Ямы заполнены близким, по структуре, светло-серым плотным грунтом с щебнем, угольками и пятнами известкового раствора.

Несмотря на явную, обусловленную стратиграфически, одновременность ям №№56 и 57, археологический комплекс находок из их заполнения существенно отличается:

Таблица №22. 2018 г. Западный участок. Квадрат №36. Яма №56. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы	6	3,4%
2	Керамиды и калиптеры 3-й группы	2	Около 1%
3	Керамиды 4-й группы	1	Менее 1%
4	Водоотводный желоб (рис. 159, 1)	1	Менее 1%
Тарная керамика			
5	Пифосы и амфоры без точной атрибуции	12	6,7%
6	Амфоры ранневизантийского времени (типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типов LRA 1, LRA 2, LRA 4) (рис. 159, 2-10, 160, 1-2)	76	42,5%
Кухонная керамика			
8	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. (рис. 160, 3)	24	13,4%

1	2	3	4
9	Гончарная красноглиняная керамика (рис. 160, 4)	32	17,8%
Столовая керамика			
11	Кувшины «скалистинского типа» с росписью линиями светлого ангоба (рис. 160, 5)	25	13,9%
Всего:		179	100%

**Таблица №23. 2018 г. Западный участок. Квадрат №36. Яма №57. Заполнение.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы	9	19,1%
Тарная керамика			
2	Амфоры ранневизантийского времени (типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типа LRA 1)	12	25,5%
3	Амфоры IX-XI вв. классов 24, 36 и 41 по ХК-95	9	19,1%
4	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК («примесь сверху»)	2	4,2%
Кухонная керамика			
8	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв.	11	23,4%
9	Гончарная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК («примесь сверху»)	3	6,4%
Столовая керамика			
11	Глазурованная керамика «Polichrome Sgraffito Ware», 60-е гг. XIV-XV вв., группа ЮЗК/ЮВК («примесь сверху»)	1	Менее 1%
Всего:		47	100%

В археологическом комплексе ямы №56 среди атрибутированного материала преобладают находки ранневизантийского времени, прежде всего, фрагменты амфор типа V по ХК-71 (рис. 159, 2-4), класса 1 по ХК-95 (рис. 159, 5-6), типов LRA 1 (рис. 159, 7; 160, 1-2), LRA 2 (рис. 159, 8-9) и LRA 4 (рис. 159, 10). Керамика более позднего периода (лепные горшки с подработкой на гончарном круге) невыразительна. Индивидуальные находки представлены обломками сосудов из прозрачного зеленоватого стекла (рис. 160, 6-7), язычком с загнутым краем от еще одной литой бронзовой ранневизантийской пряжки (рис. 160, 8) и стертым византийским медным декануммием конца V – начала VI вв.

Напротив, в заполнении ямы №57 значительный процент уже составляют фрагменты керамики фемного времени, среди которых наиболее важными являются «причерноморские» амфоры и высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95. Поэтому, с учетом стратиграфических наблюдений об одновременности или, по крайней мере, хронологической близости сооружения и использования ям №№56 и 57, их датировку следует ограничить второй половиной IX – первой половиной X вв. В таком случае немногочисленные фрагменты керамики XIV-XV вв., найденные при зачистке и выборке ямы №57 рассматриваются как случайная «примесь сверху».

Яма №60 (рис. 49; 160, 9-11; 192). Открыта в северной части строительного комплекса СК-6,

при зачистке поверхности материкового красно-коричневого суглинка. Это предполагает их одновременное использование. В плане имеет округлую форму диаметром около 0,50 м. Борты плавно сужаются к уплощенному дну. Максимальная глубина не более 0,20 м. Заполнена однородным темно-серым плотным грунтом с угольками, из которого извлечены два фрагмента железных гвоздей и обломок оконного прозрачного зеленоватого стекла.

Ямы №№61 и 62 (рис. 161; 184-185). Связаны с функционированием строительного комплекса СК-5 второй половины IX-X вв., открытым в квадрате №42 Восточного участка исследований. Выкопаны с уровня 8-го слоя, дневной поверхности постройки, на участке между скальной структурной ступенью и клад-

кой №104, которая является ее южной стеной.

Яма №61, более восточная, имеет округлую форму диаметром до 1,00 м и небольшую глубину до 0,07 м. Заполнена темно-серым рыхлым грунтом с угольками и щебнем. Археологический комплекс находок немногочисленен и невыразителен. Атрибутированы лишь мелкие фрагменты амфор типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, а также лепной керамики с подработкой на гончарном круге VIII-X вв.

Яма №62, расположенная на расстоянии около 3,00 м к западу от ямы №61, овальная в плане общими размерами 3,00 x 1,50 м. Ее глубина до 0,52 м. Заполнена светло-серым рыхлым грунтом с большим количеством мелкого бутового камня. Комплекс находок из нее более показателен:

Таблица №24. 2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. Яма №62. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы	27	25%
2	Керамиды 3-й группы	7	6,5%
Тарная керамика			
3	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции (рис. 162, 1)	10	9,5%
4	Амфоры ранневизантийского времени: типа LRA 1 (рис. 162, 3-4), типа LRA 2 (рис. 162, 5), типа V по ХК-71 (рис. 162, 2), класса 1 по ХК-95	14	13%
5	Амфоры IX-XI вв. классов 24 и 36 по ХК-95 (рис. 162, 6-7; 163, 1-3)	33	31%
Кухонная керамика			
6	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. (рис. 163, 4)	6	5,6%
Столовая керамика			
7	Кувшины «скалистинского типа» (рис. 163, 5)	5	4,7%
8	Гончарные сосуды без точной атрибуции (рис. 163, 6)	5	4,7%
Всего:		107	100%

Около 50% керамики датируются в пределах IX в. – черепица 3-й группы, «причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95, лепные сосуды с подработкой на гончарном круге и кувшины «скалистинского типа». Обращает внимание

отсутствие среди находок высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 и византийской белоглиняной поливной керамики группы GWW-II, что исключает X в. в качестве возможной датировки комплекса. Остальные не имеют точной

атрибуции, либо являются «примесью снизу» (ранневизантийские амфоры). Таким образом, с учетом общей датировки СК-5 и стратиграфически обусловленной близости ям №№61 и 62, наиболее вероятная их хронология в пределах второй половины IX в., не позднее.

Яма №63 (рис. 164, 1-3). Обнаружена на расстоянии 0,50 м к северу от ямы №57 в квадрате №36, на участке между «скальным сооружением» и кладкой №97, в процессе выборки 8-го слоя. В плане имеет округлую форму диаметром 0,40-0,42 м и глубиной от 0,12 до 0,20 м. Выкопана в материковом красно-коричневом суглинке. Борты плавно сужаются ко дну, диаметр которого не превышает 0,20 м. Возможно, сооружение предназначалось для установки небольшого пифоса. Заполнена однородным плотным серым грунтом с угольками и мелкими фрагментами керамики, среди которых атрибуции поддаются только обломки амфор типа V по ХК-71 и LRA 1, а также лепных горшков с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. Стратиграфически яма №63 более ранняя, чем рядом расположенные ямы №№56 и 57. Скорее всего, она датируется в пределах второй половины IX в.

Ямы №77 и 78 (рис. 49; 164, 4-10). Открыты при зачистке поверхности 8-го слоя на стыке бровок между квадратами №№46-49 на Западном участке исследований дворца. Яма №77 округлой формы диаметром 0,70 м, борты вертикальные, дно скальное, сильно каррированное, глубина до 0,50 м. Яма №78, расположенная на расстоянии 3,60 м к югу от ямы №77, почти такая же: округлая в плане диаметром 0,52 м, с вертикальными бортами, скальным сильно каррированным уплощенным дном, глубиной до 0,13 м.

Ямы заполнены темно-серым рыхлым грунтом с угольками и щебнем. Вероятно, они предназначались для установки деревянных бочек или небольших плоскодонных пифосов. Археологические комплексы из их заполнения крайне невыразительны. Отметим лишь присутствие фрагментов «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95 в яме №77. Поэтому для датировки хозяйственных комплексов единственным основанием служат стратиграфические наблюдения.

При сооружении ямы №77 была частично разрушена кладка №123, северная стена строительного комплекса СК-7 (рис. 49; 164, 4), что говорит о том, что к этому времени постройка уже перестала функционировать и была забро-

шена. Маловероятно, что это произошло спустя значительный период времени после прекращения жизни на территории фемного квартала на месте Мангупского дворца, так как яма была выкопана с уровня его дневной поверхности (8-го слоя). Скорее всего, речь идет о заключительном этапе истории строительного яруса застройки, в пределах конца X – первой половины XI вв. Тогда же была сооружена и соседняя яма №78.

Яма №79 (рис. 52; 165). Расположена в северной части квадрата №46, вплотную примыкая к центральной части южного панциря кладки №123, что свидетельствует о близости их сооружения. В плане имеет подпрямоугольную форму, вытянутую по оси запад-восток. Общие размеры 1,87 x 1,12 м. Южный, восточный и западный борты вырублены в скале на глубину до 0,30 м, северный борт выкопан с уровня 9-го слоя на Западном участке исследований. Все борты вертикальные, дно скальное, хорошо выровненное. Заполнена однородным светло-серым плотным грунтом с угольками и мелким камнем, по структуре и цвету, напоминающим 8-й слой на площади раскопа.

Археологический комплекс находок невыразителен. Почти нет датирующих находок, за исключением, с определенными оговорками, фрагментов не имеющих узкой хронологии красноглиняной черепицы 3-й технологической группы IX-X вв. и лепной керамики с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. Отметим находку рыболовного грузила в виде свинцового кольца (рис. 168, 11), аналогичного обнаруженному в 3-м слое мощения улицы в квадратах №№48 и 49 (рис. 157, 3), который датируется фемным периодом времени.

Тем не менее, стратиграфически яма №79, безусловно, принадлежит к числу наиболее ранних сооружений строительного яруса IX-XI вв. на Западном участке. Она выкопана, по сути, с уровня 9-го слоя, то есть уже после того, как прекратилось использование ранневизантийской застройки в этой части городища. Позднее была полностью перекрыта 8-м культурным горизонтом на участке исследований и, таким образом, может быть надежно датирована первой половиной – серединой IX в., не позднее.

Яма №81 (рис. 52; 165). Очевидно, стратиграфически является синхронной по времени сооружения и использования яме №79. Открыта в восточной части квадрата №47, вырублена с уровня сильно разрушенного скального материка, затянутого 9-м слоем, и также после засыпи

была полностью перекрыта 8-м слоем. Таким образом, ее датировка, на основании стратиграфических наблюдений, относится, скорее всего, к первой половине – середине IX в. В плане яма имеет подоовальную форму с сильно спрямленной восточной стороной и общими размерами 1,83 x 1,31 м, глубина до 0,70 м. Борта плавно сужаются к уплощенному грубо выравненному скальному дну, в южной части которого зачищена

округлая вырубка с трапецевидным профилем, возможно, для установки пифоса. Заполнением является однородная засыпь светло-серого плотного грунта, напоминающего, по структуре и цвету, 8-й слой на площади раскопа. Она насыщена большим количеством разномерного буттового камня и крупных фрагментов строительной и тарной керамики [комплекс опубликован: Науменко, 2022, с. 175-176, рис. 12]:

Таблица №25. 2021 г. Западный участок. Квадрат №47. Яма №81. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Черепица IX-X вв. (рис. 166; 167, 1)	56	37,6%
Тарная керамика			
2	Пифосы без точной атрибуции	8	5,4%
3	Ранневизантийские амфоры типа V по ХК-71 и типа LRA 1 («примесь снизу»)	2	1,3%
4	Византийская светлоглиняная амфора группы «Globular Amphorae» (рис. 167, 4)	50	33,5%
5	Амфоры класса 36 по ХК-95 группы ЮЗК (рис. 168, 1-3)	20	13,4%
Кухонная керамика			
6	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. (рис. 168, 4-6)	12	8%
Столовая керамика			
7	Кувшины «скалистинского типа» VII-IX вв. (рис. 168, 7)	1	Менее 1%
Всего:		149	100%

Из таблицы хорошо видно, что датирующую группу составляют более 90% находок – фрагменты красноглиняной черепицы, «причерноморских» амфор класса 36 по ХК-95, лепной керамики с подработкой на гончарном круге и кувшинов «скалистинского» типа. Особо отметим археологически целый экземпляр светлоглиняной круглодонной желобчатой амфоры с коротким цилиндрическим горлом и отогнутым округлым венчиком, сформованной из рыхлого глиняного теста с обильной примесью шамота, хорошо видимой на сколах и поверхности изделия (общие размеры – 41,0 x 20,0 см) (рис. 167, 4). По цвету, структуре глиняного теста, характеру обработки поверхности, она отличается от хорошо известных желобчатых «причерноморских» амфор класса 36 по ХК-95. Скорее всего,

речь идет о пока еще слабо изученных на памятниках VIII-IX вв. в Крыму византийских амфорах группы «Globular Amphorae» [Vroom, 2005, p. 60-61; Gelichi, Negrelli, 2008, p. 307-326; Poulou-Papadimitriou, Nodarou, 2014, p. 874-875; Vroom, 2017a, p. 285-310; Poulou, 2018, p. 195-216].

Среди индивидуальных находок в заполнении ямы №81 выделим крупные фрагменты крышек от пифосов, изготовленных из мергелевых плиток и глины (рис. 167, 2-3), заготовку изделия из трубчатой кости животного (рис. 168, 8), дно от рюмки из зеленого прозрачного стекла (рис. 168, 9) и целую железную втульчатую мотыжку с подквадратным рабочим краем (рис. 168, 10). Последняя является редким примером комплекса сельскохозяйственных орудий на Мангупе средневизантийского времени.

В целом, на основании стратиграфических наблюдений и анализа найденного материала, археологический комплекс может быть датирован первой половиной – серединой IX в.

2008 г. Южный участок. Строительный комплекс СК-1 на месте помещения L. Засыпь скального сооружения, слои №№4 и 5

От него сохранилось лишь Г-образное в плане скальное сооружение с тщательно обработанными бортами и глубиной до 1,10 м (возможно, подвал строительного комплекса), открытое в процессе раскопок в юго-западном углу помещения L, одной их хорошо датирован-

ных дворцовых построек на Южном участке исследований (рис. 92; 169). Заполнение состоит из двух близких по структуре культурных горизонтов: верхнего плотного коричневого грунта с угольками мощностью 0,50 м (слой №4 в стратиграфии помещения L) и нижнего надскального красно-коричневого суглинка мощностью до 0,60 м (слой №5). Они интерпретируются, соответственно, как слои засыпи и функционирования строительного комплекса СК-1.

Археологические комплексы находок из 4-го и 5-го слоев заполнения СК-1, в основном фрагменты керамики, принципиально не отличаются между собой, что дает возможность их суммарного анализа:

Таблица №26. 2008 г. Южный участок. Помещение L. Строительный комплекс СК-1. Заполнение. 4-й и 5-й слои. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Черепица IX-X вв.	45	11%
Тарная керамика			
2	Пифосы без точной атрибуции	5	Около 1%
3	Ранневизантийские амфоры типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типов LRA 1 и LRA 2, типов 95 и 100 по Зеест-60 («примесь снизу»)	172	42,6%
4	«Причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95 группы ЮЗК (рис. 170, 1-5, 14-16)	102	25,3%
5	Высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95	1	Менее 1%
6	Амфоры без точной атрибуции	7	1,7%
Кухонная керамика			
7	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. (рис. 170, 6-8)	38	9,4%
8	Лепная лощеная керамика V-VII вв.	8	2%
Столловая керамика			
9	Горшки с росписью светлым ангобом IX-X вв. (рис. 170, 9-11)	25	6,2%
Всего:		403	100%

Датирующую группу находок составляют около 40% материала – фрагменты «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95, высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95, лепных горшков с подработкой на гончарном круге, красноглиняных горшков с росписью линиями светлого ангоба и пальцевым вдавлениями в

месте прилепа ручки. Крайняя малочисленность высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 (всего одна стенка из 4-го слоя заполнения), скорее, должна указывать на вторую половину IX в., как на наиболее вероятную дату использования и засыпи строительного комплекса. Тем не менее, предпочтительной, с учетом сильной

руинированности постройки и стратиграфической ситуации на площади раскопа, является ее широкая хронология в пределах второй половины IX – первой половины XI вв. Из немногочисленных индивидуальных находок отметим красноглиняное плоское пряслице (рис. 170, 13).

2009 г. Центральный участок. Квадрат №10-14. Строительный комплекс СК-2. Засыпь скального сооружения. 9-й слой

От строительного комплекса СК-2, как и от СК-1, сохранилась лишь нижняя часть – прямоугольное в плане скальное сооружение раз-

мерами 7,00 x 3,50 м и глубиной до 0,25-0,30 м, открытое в квадрате №10-14 на участке между кладками №№67, 73 и 74 (рис. 81; 171). Его заполнением является 9-й слой на данном участке исследований, светло-серый плотный (почти утрамбованный) грунт, насыщенный углями и пятнами известкового раствора мощностью до 0,40 м (рис. 82).

Археологический комплекс находок из 9-го слоя, в основном фрагменты керамики, в целом невыразительный, хотя и дает общее представление о хронологии этого строительного комплекса фемного периода:

Таблица №27. 2009 г. Центральный участок. Квадрат №10-14. Строительный комплекс СК-2. Заполнение. 9-й слой. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Черепица IX-X вв.	124	62%
Тарная керамика			
2	Пифосы без точной атрибуции	37	18,5%
3	Ранневизантийские амфоры типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типов LRA 1 и LRA 2 («примесь снизу»)	11	5,5%
4	«Причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95 группы ЮЗК	7	3,5%
5	Высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95	1	Менее 1%
6	Амфоры без точной атрибуции	2	1%
Кухонная керамика			
7	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. (рис. 170, 6-8)	14	7%
Столовая керамика			
8	Гончарная керамика без точной атрибуции	4	2%
Всего:		200	100%

В комплексе явно доминируют крупные фрагменты строительной керамики и пифосов, что, скорее, свидетельствует о засыпи скального сооружения, чем о накопившемся в нем и затем спланированном горизонте функционирования. В таком случае, наиболее поздний из 9-го слоя археологический материал должен указывать на время этой засыпи и, соответственно, прекращение использования постройки.

Присутствие в комплексе редких фрагментов «причерноморских» амфор и высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95, вместе со стра-

тиграфическими наблюдениями на участке исследований, позволяют предпочесть широкую хронологию СК-2 в пределах второй половины IX – первой половины XI вв., в конце этого периода постройка была разобрана и засыпана.

2015 г. Юго-Западный участок. Строительный комплекс СК-3. Заполнение, 1-й и 2-й слои

Является единственным примером постройки фемного периода на Юго-Западном участке исследований дворца (рис. 105; 148). По всей

видимости, она ограничивает распространение культурного слоя IX-XI вв. и связанной с ним застройки в этом направлении. Расположена в пределах квадратов №№16 и 17, будучи частично перекрытой кладкой №22, западной стеной дворцового помещения Н (рис. 97; 172).

От строительного комплекса, ориентированного по оси запад-восток, сохранилась только его нижняя часть, вырубленная в скале на глубину от 0,35 до 0,60 м. По периметру прослежены «постели» под каменные стены на известковом растворе, шириной 0,60-0,80 м, полностью разобранные после прекращения функционирования здания. Планиграфически постройка имеет прямоугольную форму общими размерами 7,00 x 3,00-3,50 м и состоит из двух помещений, разделенных невысокой (до 0,26 м) скальной ступенью. Восточное помещение (4,00 x 3,00 м), контур которого сохранился лучше, вырублено на глубину 0,60 м, западное (3,00 x 3,50 м) фактически срублено при последующей нивелировке скалы и его границы с трудом прослеживаются

на поверхности. Вход в постройку, вероятно, находился со стороны западной торцевой стены. По крайней мере, здесь сохранились остатки двух скальных ступеней высотой до 0,12-0,13 м.

СК-3 имеет двуслойное заполнение. Его верхним горизонтом (слоем №1) является серо-коричневый плотный грунт, насыщенный разнообразным бутовым камнем и крупными фрагментами черепицы, мощностью до 0,35 м, нижним горизонтом (слоем №2) – серый плотный грунт с известняковой крошкой мощностью до 0,10 м, поверхность которого изобилует пятнами разложившегося раствора и скоплениями угольков. 2-й слой фиксируется только в восточной части постройки, где он выполнял роль ее пола. Здесь на поверхности горизонта зачищен плотный завал из черепицы, керамических сосудов и крупных обломков мергелевых плит (остатки вымостки?).

В целом археологические комплексы находок из обоих горизонтов заполнения СК-3 близки между собой и представлены в основном фрагментами керамики:

**Таблица №28. 2015 г. Юго-Западный участок. Квадраты №№16-17.
Строительный комплекс СК-3. Заполнение. 1-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы с рельефной меткой «ФЕ» (рис. 173)	234	46%
2	Керамиды и калиптеры 3-й группы	24	4,7%
3	Ранневизантийские амфоры (типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типа LRA 1, 2 и 4)	55	10,7%
4	Амфоры и кувшины классов 24, 36 и 41 по ХК-95 (рис. 174, 1-12)	141	27,6%
5	Лепная и гончарная кухонная керамика IX-X вв. (рис. 174, 13-14; 175, 1-4)	39	7,6%
6	Кувшины «скалистинского» типа (рис. 175, 5-8)	12	2,3%
7	Гончарная керамика без атрибуции	6	1,1%
	Всего:	511	100%

**Таблица №29. 2015 г. Юго-Западный участок. Квадраты №№16-17.
Строительный комплекс СК-3. Заполнение. 2-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы с рельефной меткой «ФЕ» (рис. 176, 1, 4-5; 177; 178, 1-3)	135	49%

1	2	3	4
2	Керамиды и калиптеры 3-й группы (рис. 176, 2-3)	21	7,6%
3	Ранневизантийские амфоры (типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95)	27	9,7%
4	Амфоры и кувшины классов 24, 36 и 41 по ХК-95 (рис. 178, 4; 179, 1-2)	55	19,8%
5	Лепная лощеная керамика V-VII вв.	4	1,4%
6	Салтово-маяцкая керамика (рис. 179, 3)	2	Менее 1%
5	Лепная кухонная керамика IX-X вв. (рис. 179, 4-6)	23	8,3%
6	Кувшины «скалистинского» типа	4	1,4%
7	Фляги (рис. 179, 7)	5	1,8%
	Всего:	277	100%

Их подробный анализ уже опубликован [Науменко, Душенко, 2017, с. 227-230, рис. 38-48], что позволяет остановиться на самых общих моментах хронологии и интерпретации здания.

В обоих слоях заполнения СК-3 около 90% археологического материала имеют датирующий характер, что редко встречается при изучении других объектов фемного периода на территории Мангупского дворца. Почти эталонной является группа строительной керамики, особенно из плотного глиняного теста с рельефными метками в виде греческих букв ΘΕ, ближайшей аналогией которой выступает черепица из слоя разрушения конца IX – начала X вв. на месте близко расположенного к дворцу раннесредневекового поселения в Лагерной балке [Моисеев, 2011, с. 177-179, рис. 3-4]. Присутствие в большом количестве фрагментов и археологически целых экземпляров «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95, высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 и вьючных фляг позволяет надежно датировать комплекс узким промежутком времени, в пределах конца IX – первой половины X вв. Отметим также редкие для Мангупа обломки салтово-маяцкой керамики в нижнем горизонте заполнения постройки.

Немногочисленные индивидуальные находки в 1-м слое заполнения СК-3 представлены красноглиняными неорнаментированными пряслицами (рис. 175, 9-10), бронзовой восьмеркообразной подвеской (рис. 174, 15), крупным обломком оконного прозрачного зеленоватого стекла (рис. 175, 11) и не имеющим отношения к его хронологии пентануммием Юстиниана I, во 2-м слое – плохо сохранившимся медным византийским медальоном с тисненым орнаментом (рис. 178, 5) и фраг-

ментом дна на кольцевом поддоне от рюмки (?) из прозрачного зеленоватого стекла (рис. 175, 12).

**2017 г. Западный участок.
Квадрат №30-31.
Строительный комплекс СК-4.
Заполнение. 8-й и 9-й слои**

Его остатки открыты в юго-восточной части раскопа на Западном участке исследований и ограничены на местности с запада структурной скальной ступенью и линиями кладок №№102 и 103, с юга – северной стеной помещения J (кладкой №26), с востока – западными стенами помещений С и В (кладками №№5 и 9), с севера – кладкой №100 (рис. 49; 52; 180).

Здание сильно руинировано: не сохранились его углы и восточная стена, южная стена перекрыта помещением J и, фактически, стала частью подстилающей каменной субструкции. Из-за этого можно лишь предполагать прямоугольную форму постройки по оси север-юг и общими размерами 5,70 x 5,15 м, северной и западной стенами которой являлись кладки №№100 и 103. Скорее всего, она представляла собой однокамерное сооружение полуземляночного типа, так как грунтовой пол (слой №9 в стратиграфии внутри СК-4), со следами известковой обмазки и фрагментами плитовой вымостки на поверхности, зафиксирован на глубине 0,90-1,00 м от окружающей дневной поверхности, уровня скальной структурной ступени (рис. 56, 1; 180, 2). Находки в слое разрушения двух ротационных жерновов указывает на жилой характер постройки (рис. 182, 6-7).

Со строительством, функционированием и разрушением СК-4 связано формирование на

площади раскопа культурных горизонтов №№8 и 9. 8-м слоем является сплошной завал из разномерного бутового камня мощностью 0,20-0,45 м, затянутый серо-коричневым плотным грунтом с углем (рис. 180, 1). Функционально определяется как «слой разрушения» здания. 9-м слоем является надскальный светло-серый плотный грунт с угольками мощностью 0,10-0,15 м. На его поверхности зачищены пятна известковой обмазки, отдельные мергелевые плитки в положении *in situ* (остатки вымостки) и локальный

стратиграфический контекст – так называемое «пятно гари на 9-м слое» диаметром около 1,10 м и мощностью 0,05-0,10 м, связанное, очевидно, с «очагом» внутри постройки (рис. 180, 2). Образование 9-го слоя и «пятна гари» на его поверхности отражает период сооружения и использования данного строительного комплекса.

Археологические комплексы находок из 8-го и 9-го слоев, а также «пятна гари» на поверхности последнего, состоят, главным образом, из фрагментов керамики:

Таблица №30. Западный участок. Квадрат №30-31. Строительный комплекс СК-4. Заполнение. 8-й слой. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды, калиптеры, плинфа 1-й группы, IX-X вв. (рис. 181, 1, 3)	21	18,5%
2	Керамиды 3-й группы, IX-X вв. (рис. 181, 2)	3	2,6%
3	Керамиды 4-й группы, IX-X вв.	4	3,5%
Тарная керамика			
4	Пифосы желобчатые без точной атрибуции	16	14,1%
5	Амфоры ранневизантийского времени классов 1 и 2 по ХК-95 («примесь снизу»)	6	5,3%
6	Амфоры IX-XI вв. классов 24, 36 и 41 по ХК-95 (рис. 181, 4-5; 182, 1-4)	46	40,7%
Кухонная керамика			
7	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге IX-X вв. (рис. 182, 5)	7	6,2%
Столовая керамика			
8	Кувшины «скалистинского» типа VII-X вв.	10	8,8%
Всего:		113	100%

Таблица №31. Западный участок. Квадрат №30-31. Строительный комплекс СК-4. Заполнение. «Пятно гари» на 9-м слое. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Тарная керамика			
1	«Причерноморские» амфоры класса 36 по ХК-95	8	57%
2	Высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95	2	14%
Кухонная керамика			
3	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге IX-X вв.	4	29%
Всего:		14	100%

Таблица №32. Западный участок. Квадрат №30-31. Строительный комплекс СК-4. Заполнение. 9-й слой. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Калиптеры 1-й группы IX-X вв.	3	6%
2	Керамиды и калиптеры 3-й группы IX-X вв.	16	32%
Тарная керамика			
3	Пифосы гладкостенные неопределенные	6	12%
4	Амфоры ранневизантийского времени типа LRA 2 («примесь снизу»)	2	4%
5	«Причерноморские» амфоры класса 36 по ХК-95 (рис. 183, 3)	15	30%
6	Тарные сосуды с гребенчатым арочным орнаментом IX-X вв. (рис. 183, 1-2)	2	4%
Кухонная керамика			
7	Гончарная керамика (рис. 183, 4)	6	12%
Всего:		50	100%

Анализ статистических таблиц показывает принципиальную хронологическую близость всех археологических комплексов. Одновременное присутствие в них «причерноморских» амфор и небольшого количества высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 указывает на вторую половину IX – начало X вв. как на вероятную дату их образования. Таким образом, строительство, функционирование и разрушение строительного комплекса СК-4 относится к относительно небольшому промежутку времени. Каких-либо следов его ремонтов или перестроек на обнаружено.

Группа индивидуальных находок немногочисленна. Отметим два ротационных жернова из песчаника диаметром 28-30 см (рис. 182, 6-7), уже опубликованные [Ганцев, 2020а, с. 133-134, рис. 2, 1-2], и фрагменты доньев на кольцевом поддоне от рюмок (?) из прозрачного зеленоватого стекла (рис. 181, 6; 183, 5). Из 9-го слоя также извлечена почти стертая бронзовая монета Боспорского царства, рассматриваемая здесь, как и редкие фрагменты ранневизантийских амфор, в качестве «примеси снизу».

2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. СК-5. Заполнение. 7-й и 8-й слои

Как и в случае с СК-4, строительный комплекс СК-5 является единственным сооружением фемного времени на Восточном участке

исследований Мангупского дворца (рис. 75; 148). Таким образом, можно предполагать, что он маркирует границы распространения культурного слоя IX-XI вв. на площади раскопа в этом направлении. С ним связаны уже описанные хозяйственные ямы №№61 и 62. В дворцовый период на месте строительного комплекса функционировало помещение N, погибшее в пожаре 1475 г. Кроме того, северная часть СК-5, вероятно, было уничтожено в начале XV в. при возведении оборонительной башни-донжона резиденции правителей княжества Феодоро.

Из-за сильной руинированности СК-5 о его полной планировке можно говорить лишь предположительно. Местом для сооружения послужил участок естественного понижения скального материка, образованного скальной структурной ступенью с перепадом высотных отметок до 0,90 м. Южной и западной стенами постройки, ориентированной по оси запад-восток, являются кладки №№104 и 110, сложенные из разномерного бутового камня с грубой лицевой подтеской, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки, на выровненной поверхности скалы с нивелировочной грунтовой подсыпкой. До конца не ясным осталась связь с СК-5 однорядных бутовых кладок №№44 и 45, выявленных в его западной части. Возможно, речь идет о сильно разрушенных стенах-крепидах, сложенных насухо.

О времени функционирования здания свидетельствуют находки из 7-го (горизонт разрушения) и 8-го (пол и дневная поверхность постройки) слоев на участке исследований (рис. 76; 184-185). 7-м слоем является сплошной каменный завал из разномерного камня мощностью от 0,15 до 0,35 м, затянутый серым рыхлым грунтом с пятнами разложившегося глиняного (желтоватого цвета) раствора. Под ним залегает, как внутри, так и снаружи здания, 8-й слой – свет-

ло-серый плотный грунт с угольками, щебнем, скальной жерствой и плоско лежащими фрагментами керамики на поверхности мощностью от 0,05 до 0,15 м. В центральной части СК-5 на нем зачищено пятно гари общими размерами 2,00 x 3,00 м и толщиной не более 0,05 м.

Археологические комплексы находок из 7-го и 8-го слоев, а также пятна гари на поверхности последнего представлены в основном фрагментами керамики:

**Таблица №33. Восточный участок. Квадрат №42. Строительный комплекс СК-5.
Заполнение. 7-й слой. Основные категории находок.
Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды, калиптеры и плинфа 1-й группы, IX-X вв. (рис. 186; 187, 1)	372	55%
2	Керамиды, калиптеры и плинфа 2-й группы, IX-X вв.	16	2,4%
3	Керамиды и калиптеры 3-й группы, IX-X вв.	37	5,5%
Тарная керамика			
4	Пифосы гладкостенные и желобчатые неопределенные без точной атрибуции	41	6%
5	Амфоры ранневизантийского времени типа LRA 1 и 2, типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95 («примесь снизу»)	37	5,5%
6	Амфоры IX-XI вв. классов 24, 36, 41 по ХК-95 (рис. 187, 2-11)	90	13,3%
7	Амфоры класса 52 по ХК-95, XIV-XV вв. («примесь сверху»)	1	Менее 1%
8	Амфоры и тарные кувшины без точной атрибуции	12	1,7%
9	Тарные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом IX-X вв.	6	Менее 1%
Кухонная керамика			
10	Салтово-маяцкая керамика с гребенчатым рифлением корпуса VIII-X вв. (рис. 187, 12-13; 188, 1-3)	24	3,5%
11	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. (рис. 188, 4-5)	26	3,8%
12	Гончарная кухонная керамика XV вв. группы ГРВ («примесь сверху»)	1	Менее 1%
Столловая керамика			
13	Кувшины «скалистинского типа», VII-IX вв. (рис. 188, 6-9)	12	1,7%
	Всего:	675	100%

Таблица №34. Восточный участок. Квадрат №42. Строительный комплекс СК-5. Заполнение. Пятно гари на 8-м слое. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы, IX-X вв.	53	41%
2	Керамиды и калиптеры 3-й группы, IX-X вв.	5	3,8%
Тарная керамика			
3	Пифосы гладкостенные и желобчатые неопределенные без точной атрибуции	3	2,3%
4	Амфоры ранневизантийского времени типа LRA 1, типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95 («примесь снизу»)	8	6,2%
5	Амфоры IX-XI вв. классов 24, 36, 41 по ХК-95 (рис. 189, 1)	24	18,6%
6	Вьючные фляги IX-X вв. (рис. 189, 2)	2	1,5%
Кухонная керамика			
7	Гончарная керамика без точной атрибуции (рис. 189, 5)	9	7,2%
8	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. (рис. 189, 3-4)	21	16,3%
Столловая керамика			
9	Сосуды с росписью линиями светлого ангоба IX-X вв.	4	3,1%
Всего:		129	100%

Таблица №35. Восточный участок. Квадрат №42. Строительный комплекс СК-5. Заполнение. 8-й слой. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды, калиптеры и плинфа 1-й группы, IX-X вв. (рис. 191, 1)	255	31,6%
2	Керамиды и калиптеры 2-й группы, IX-X вв.	10	1,2%
3	Керамиды, калиптеры и плинфа 3-й группы, IX-X вв.	14	1,7%
Тарная керамика			
4	Пифосы гладкостенные и желобчатые неопределенные без точной атрибуции	21	2,6%
5	Амфоры ранневизантийского времени типов 100 по Зеест, LRA 1 и 2, типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95 («примесь снизу»)	79	9,8%
6	Амфоры IX-XI вв. классов 24, 36, 41 по ХК-95 (рис. 189, 9-12; 190, 1-2; 191, 2-8)	224	27,8%

1	2	3	4
7	Амфоры и тарные кувшины без точной атрибуции	22	2,7%
8	Тарные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом IX-X вв.	3	Менее 1%
Кухонная керамика			
9	Лепная керамика с подлощенной поверхностью V-VII вв.	3	Менее 1%
10	Салтово-маяцкая керамика с гребенчатым рифлением корпуса VIII-X вв. (рис. 190, 3-12)	91	11,3%
11	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. (рис. 191, 9-11)	42	5,2%
Столовая керамика			
12	Кувшины «скалистинского типа» VII-IX вв. (рис. 190, 13-14; 191, 12-14)	42	5,2%
Всего:		806	100%

На основании статистических таблиц, датировка строительного комплекса СК-5 определяется широкими хронологическими пределами второй половины IX-X вв. Наиболее важным является одновременное присутствие в комплексах функционирования и разрушения здания «причерноморских» амфор, высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95, выючных красноглиняных фляг и византийской поливной керамики группы GWW-II, представленной до конца не ясным по назначению изделием со сквозными отверстиями (рис. 188, 10; 189, 6).

Отметим также значительное количество фрагментов салтово-маяцкой керамики с гребенчатым рифлением корпуса, найденной исключительно внутри здания. Нужно сказать, что представленный строительный комплекс с типично салтовской керамикой пополнил небольшую группу хорошо датированных построек на территории Мангупского городища, которую можно связать с мирной фильтрацией носителей этой культуры в фемный период его истории [см.: Герцен, Иванова, Науменко, 2010, с. 267-269]. Безусловно, поиск причин такой миграции заслуживает в дальнейшем специального исследования.

Группа индивидуальных находок из заполнения СК-5 не столь выразительна. Она включает несколько пряслиц, изготовленных из глины и кости (рис. 188, 11; 189, 7-8), бронзовую поясную пряжку с овальной рамкой и плоским щитком в форме трилистника (рис. 190, 16), бочковидную бусину из синего пастового стекла с росписью линиями красного, синего и зелено-

го цветов (рис. 190, 15) и прямоугольную пластинку из полевого шпата не ясного назначения (рис. 191, 15).

**2018 г. Западный участок.
Квадраты №№32 и 36.
Строительный комплекс СК-6.
Заполнение. 2-й слой**

Его остатки открыты на стыке 1-й и 2-й западных улиц дворцового комплекса, при зачистке средневековой дневной (скальной) поверхности в этой части раскопа (рис. 49). В полевой документации долгое время СК-6 был обозначен как «скальное сооружение», хотя, в действительности, речь идет о полностью разобранный крупной наземной постройке с каменными стенами и пониженным уровнем пола.

Сейчас от нее сохранились лишь сильно выветренные и местами разрушенные скальные «постели» высотой от 0,10 до 0,30 м и шириной до 1,00 м. Тем не менее, они позволяют реконструировать планировку здания в виде двукмерной постройки, ориентированной по оси север-юг и имеющей общие размеры 9,20 x 4,80 м (внутренние размеры 6,60 x 2,40 м) (рис. 192). Контуры южного помещения восстанавливаются в пределах тщательно выровненной скальной площадки размерами 2,20 x 2,40 м, северное помещение, вероятно, было спланировано на месте скального разлома глубиной до 1,00 м. В его северном углу с поверхности материкового красно-коричневого суглинка выкопана хозяйственная яма №60, синхронная, как уже говорилось, по времени использования СК-6.

Строительный комплекс имеет двуслойное заполнение. 1-м (верхним) слоем является сплошной завал из мелкого бутового камня, сохранившийся в уровень со скальной «постелью» в северном помещении здания мощностью до 0,20 м. 2-м слоем заполнения выступает серо-коричневый плотный грунт с щебнем мощностью 0,40-0,50 м, зафиксированный здесь же, на месте скального разлома (рис. 192, 1). Стратиграфически он интерпретируется как остатки грунтового «пола» здания.

К сожалению, археологический комплекс из 2-го слоя заполнения СК-6 невыразителен. Лишь около 40% материала имеет датирующий характер (пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом, «причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95, лепная керамика с подработкой на гончарном круге), что позволяет датировать постройку только в рамках всего фемного периода в истории поселения на месте дворца, то есть второй половиной IX – первой половиной XI вв.

2007 и 2021 гг. Центральный и Западный участок. Строительный комплекс СК-7

Данный строительный комплекс, ориентированный по оси запад-восток, расположен на стыке двух соседних участков исследований – Центрального (раскопки 2007 г., западная часть помещения В) и Западного (2021 г., квадраты №№34 и 46) (рис. 193-194). С юга он ограничен линией кладки №121, с севера – кладкой №123, сложенных из разномерного бутового камня с грубой лицевой подтеской, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки шириной 0,70-0,75 м с использованием известкового связующего раствора, на поверхности 9-го слоя или на скале. Восточную границу СК-7 маркируют комплекс кладок №№31, 58, 59 и трасса водоотводного скального желоба шириной до 0,30 м и глубиной 0,15-0,25 м. Выявленная в бровке между квадратами №№34 и 46 кладка №124, аналогичная по строительной технике кладкам №№121 и 123, свидетельствует о многокамерности постройки.

Как и другие каменные здания фемного периода на месте Мангупского дворца, СК-7 сильно руинирован. Восточная часть постройки разрушена при строительстве помещения В, особенно его западной стены (кладки №9). На Западном участке она разобрана почти полностью, до уровней фундаментов стен, вероятно, уже в конце X – первой половине XI вв., когда

здесь был сооружен строительный комплекс СК-8 и выкопаны хозяйственные ямы №№77 и 78. Тем не менее, реконструировать общие размеры сооружения возможно. Ширина комплекса, определяемая кладками №№121 и 123, составляет около 8,00 м, длина, от края скальной структурной ступени в квадратах №№35 и 47 на западе до водоотводного скального желоба в помещении В на востоке – около 12,00 м. В результате, предполагаемая площадь многокамерного СК-7 выглядит внушительно, около 90-100 кв. м.

Грунтовым полом строительного комплекса является 8-й слой на Западном участке и 7-й слой в помещении В. Чистота археологического комплекса находок из последнего сильно нарушена позднейшим строительством, из-за чего в нем встречается значительное количество материала в качестве «примеси сверху». О надежной датировке 8-го слоя и черепично-каменных завалов на его поверхности в пределах второй половины IX – первой половины XI вв., уже говорилось. Таким образом, с учетом всех высказанных стратиграфических наблюдений, хронологию СК-7 следует ограничить второй половиной IX – концом X вв.

2021 г. Западный участок. Квадрат №35. Строительный комплекс СК-8. 8-й слой

В плане представляет собой однокамерную постройку подквадратной формы со скругленными северной и восточной сторонами за счет кольцевой однорядной кладки №126 шириной 0,40-0,60 м (рис. 193; 195). Ее внутренние размеры 1,80 x 1,77 м. При этом нужно иметь в виду, что кладка №126 является наиболее поздней в истории комплекса, будучи пристроенной к стратиграфически более ранним кладкам №№97 и 98, которые являлись западной и южной стенами разрушенного и сильно сократившегося к этому времени первоначального здания.

Кладки №№97 и 98 сложены в одинаковой строительной технике: из разномерного бутового камня и крупных скальных обломков, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки без видимых следов связующего раствора, на поверхности 9-го слоя на участке исследований либо скального материка. При возведении кладки №97 была частично срезана и перекрыта яма №56 второй половины IX – первой половины X вв., что является дополнительным стратиграфическим свидетельством одновременности этих сооружений.

Грунтовым полом строительного комплекса СК-8 является поверхность 8-го слоя. Находки из ее заполнения невыразительны: фрагменты черепицы, пифосов, «причерноморских» амфор класса 36 по ХК-95 группы ЮЗК. Поэтому датировка здания в пределах конца X – первой половины XI вв. основана лишь на уже отмеченных выше стратиграфических наблюдениях.

Особо выделим извлеченный из 8-го слоя внутри постройки уникальный для археологии Мангупа фоллис византийского императора Юстиниана II, выпущенный в начале его второго правления, в 705-706 гг., в Константинополе (рис. 145, 8). На его лицевой стороне – изображения бюстов анфас императора и его соправителя, малолетнего Тиберия, между ними – патриархальный крест на шаре, внутри которого надпись «PAX». На оборотной стороне в центре большая буква «M» (номинал), слева от нее – надпись «ANNO» («Год»), справа – цифры года правления «XX» (20-й). Под «M» горизонтальная черта, ниже обозначение монетного двора «CON» («Константинополь»), над чертой – буква «B» (оффицина). Эта находка, сделанная впервые за многие годы раскопок Мангупа, является одним из редких датированных материальных свидетельств подчинения крепости Византии в начале VIII в. либо о сохранении стабильных связей между Мангупом-Доросом и империей в это время [Науменко, Якушечкин, 2022, с. 172, рис. 2, 8].

2020-2021 г. Западный участок. Квадрат №47.

Строительный комплекс СК-9

Частично открыт в западной части раскопа на поверхности скальной структурной ступени высотой до 0,50 м по отношению к окружающей дневной поверхности фемного времени (слоя №8) (рис. 49; 196). О его полных размерах и планировочной композиции говорить пока не приходится, так как археологически остался недоследованным. Выявлены лишь фрагменты нижних рядов северо-восточной (кладка №115) и юго-восточной (кладка №125) стен здания протяженностью, соответственно, около 3,00 и 1,50 м и шириной 0,70-0,75 м. Они сложены из разномерного бутового камня с грубой лицевой подтеской в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки, на поверхности выровненной скалы. Связующий раствор визуально не прослеживается, но предполагается.

Ввиду археологической неизученности СК-9 основанием для его датировки в широких хро-

нологических пределах второй половины IX – первой половины XI вв. являются исключительно стратиграфические наблюдения.

2020 г. Северный участок. Квадрат №38. Скальная виноградодавильня МКВ-15. Заполнение суслоприемника

Расположена на северной эспланаде Мангупского княжеского дворца, в 2,30 м к северу от ее башни-донжона (помещения А) (рис. 71; 342). В 2017 г. исследована ее давильная площадка, в 2020 г. – суслоприемник. Памятник надежно соотнесен с застройкой фемного периода на месте резиденции правителей княжества Феодоро [Науменко, 2022, с. 174–177, рис. 9; Науменко, Ганцев, 2023, с. 87-88, рис. 7, 1-2].

Сохранность скальной виноградодавильни оставляет желать лучшего ввиду ее использования в XIV в. в качестве пониженного скального пола расположенной здесь наземной постройки. Еще позднее, в начале XV в., это здание было разобрано при строительстве оборонительной башни дворца. Все это привело к значительной срубленности винодельческого комплекса: не сохранились его северный борт и канал для слива виноградного сусла; сильно пострадали, вероятно, и остальные борта давильной площадки. К тому же вдоль последних фиксируются многочисленные позднейшие скальные подрубки, не имеющие отношения к истории памятника и затрудняющие реконструкцию его общих размеров и композиции.

Как и все скальные виноградодавильни Мангупского городища, МКВ-15 конструктивно состоит из давильной площадки и суслоприемника (более подробно ее описание см. в приложении Б к монографии) (рис. 197; 342-344). Давильная площадка предположительно имела прямоугольную форму размерами 2,30 × 2,70 м. Суслоприемник вырублен в северной части виноградодавильни, имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами. Его размеры 1,10 × 0,75 м, глубина 0,45–0,50 м.

В отличие от археологических комплексов находок из культурных горизонтов внутри давильной площадки тарапана, сильно нарушенных в ходе позднейшего строительства на участке исследований, материал из заполнения суслоприемника МКВ-15, однородного темно-серого грунта с большим количеством бутового камня и мелкими фрагментами керамики, в целом соответствует общим представлениям о времени функционирования на Мангупе скальных винодельческих комплексов:

**Таблица №36. Северный участок. Квадрат №38. Скальная виноградодавиляня МКВ-15.
Заполнение сулоприемника. Основные категории находок.
Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы	33	44%
2	Керамиды 3-й группы IX-X вв.	7	9,3%
Тарная керамика			
4	Пифосы гладкостенные и желобчатые неопределенные без точной атрибуции	6	8%
5	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв.	4	5,3%
6	Амфоры VIII-X вв. классов 24 и 36 по ХК-95	16	21,3%
7	Амфоры без точной атрибуции	1	1,3%
Кухонная керамика			
8	Гончарная керамика VIII-X вв.	3	4%
9	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв.	2	2,8%
Столовая керамика			
10	Неопределенная гончарная керамика	3	4%
	Всего:	75	100%

Если не рассматривать здесь трудные для датировки мелкие фрагменты черепицы 1-й технологической группы, то все остальные категории археологического материала из засыпи сулоприемника МКВ-15 соотносятся с фемным периодом застройки на месте Мангупского дворца. Преобладают «причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95, что, с учетом отсутствия в комплексе высокогорных кувшинов класса 41 по ХК-95, позволяет датировать винодельню, как и все другие известные на территории городища винодельческие комплексы, в широких пределах второй половины IX – первой половины X вв. [Науменко, Ганцев, 2023, с. 93-98].

Несколько общих замечаний в отношении выявленной планировки, периодизации и значения фемной застройки на месте дворцового комплекса в исторической топографии Мангупского городища.

Как показал анализ наиболее представительных археологических объектов и комплексов на территории участка исследований дворца, строительный горизонт фемного периода

охватывает его значительную территорию, за исключением периферии Южного, Юго-Западного и Восточного участков (рис. 148). Фемная застройка начинает складываться еще в первой половине – середине IX в., то есть накануне или вскоре после включения Мангупской крепости в состав византийского военно-административного округа в Крыму. Она формируется с учетом трассы существовавшей здесь с ранневизантийского времени улицы, рядом с которой обнаружены наиболее ранние археологического объекты (хозяйственные ямы №№79 и 81), перекрытые впоследствии 8-м слоем. С учетом результатов изучения стратиграфии заполнения той же улицы, можно даже предполагать эволюционное развитие раннесредневековой застройки в этой части городища. По крайней мере, никаких следов значительного хронологического разрыва, связанного с военно-политической катастрофой либо полной сменой населения крепости, между ранневизантийским и фемным строительными ярусами здесь не наблюдается.

К концу IX – началу X вв. квартал приобрел окончательную планировку. К этому времени от-

носятся сооружение всех крупных строительных комплексов на площади раскопа (СК №№3-5, СК-7) и расположенных рядом с ними хозяйственных ям №№56-57, 60, 61-63, которые продолжали функционировать на протяжении первой половины X в. и позднее. Самыми поздними археологическими объектами, датируемые концом X – первой половиной XI вв., являются СК-8 и хозяйственные ямы №№77-78. При этом надо иметь ввиду отсутствие узкой хронологии для плохо сохранившихся или изученных археологически лишь частично СК-1, СК-2, СК-6, СК-9.

В целом строительный ярус фемного периода отличается высокой степенью спланированности территории, градообразующими элементами которой выступают улица и крупные жилые усадьбы, каменным домостроительством и стандартизированным керамическим комплексом, для которого характерны «причерноморские» амфоры, высокогорлые кувшины, кувшины «скалистинского» типа, местные гончарные и лепные сосуды и крайне редкими являются византийская поливная посуда группы GWW-II и салтово-маяцкая керамика. Исключением в этом смысле является строительный комплекс СК-5, из пола и слоя разрушения которого происходит довольно многочисленные фрагменты типичных салтовских горшков, однако, это вопрос отдельного исследования.

Для установления общей хронологии функционирования фемной застройки на месте дворца также важным является анализ нумизматической коллекции из его раскопок. Она немногочисленна (всего 16 экз.) и представлена монетами от сиракузских фоллисов Льва V Армянина (813-820) и херсоно-византийских номиналов с монограммой ПХ времени Михаила III (842-867) до анонимного фоллиса (класса В) Романа III Аргира (1028-1034) [подробнее см.: Науменко, Якушечкин, 2022, с. 172-173, рис. 3, 1-8].

Находка анонимного фоллиса Романа III Аргира, с бюстовым изображением Иисуса Христа в крещатом нимбе анфас на аверсе и четырехконечным крестом на трех ступенях и надписью в три строки IS-X[S] – [B]AS-ILE – BAS-IL[E] на реверсе (рис. 198, 8) [Sear, 1987, p. 377, no. 1823], позволяет отнести финальный этап функционирования этого квартала к первой половине – середине XI в. В то же время остается не решенной принадлежность к строительному горизонту обнаруженных в культурном слое на месте дворца шести херсоно-византийских литых монет, как крупного (6,80-9,23 г), так и малого веса (2,71 г), с традиционной либо ис-

каженной монограммой «PO» на аверсе и гладкой оборотной стороной, датировка которых, от конца XI – начала XII вв. до первой половины XIII в., остается все еще дискуссионной в историографии (рис. 198, 9-10) [см.: Анохин, 1977 с. 121-124, №№465-480; Соколова, 1983, с. 53-63; Алексеенко, 1996].

Наиболее ранними монетами фемного периода на площади раскопа, обнаруженными случайно, в ходе выборки слоев отвалов на Северном участке исследований, являются два сильно обрезанных фоллиса императора Льва V Армянина (813-820), отчеканенных на монетном дворе г. Сиракузы (Рис. 198, 1-2). До настоящего времени они в большом количестве были известны в Крыму только в Херсоне, что вызвало дискуссию в историографии относительно их роли в местном монетном обращении [Степанова, 2005; Гурулева, 2018б, с. 64-65]. Для Мангупа же их находки в культурном слое дворца свидетельствует, во-первых, еще раз об отсутствии значительного разрыва между ранневизантийским и фемным ярусами застройки в этой части городища, во-вторых, о включении крепости в сферу экономических и политических интересов Византии уже в первой половине IX в.

Для социальной характеристики обитателей жилого квартала фемного времени на месте Мангупского дворца важным является практически полное отсутствие среди находок предметов вооружения и изделий, указывающих на высокий социальный статус их владельцев. За многие годы раскопок найдены лишь два византийских моливдовула, из которых один – печать Григория, императорского спафария и архонта Херсона первой половины IX в., уже опубликован (рис. 198, 11) [Алексеенко, 2011, с. 123, рис. 2; 2017, с. 256, № I.1.20.1], другой же сохранился крайне плохо и требует специальных исследований для установления атрибуции (рис. 198, 12). Все это, несмотря на близость к Большой трехнефной базилике, административному и идеологическому центру Мангупской крепости в эпоху раннего средневековья, свидетельствует о рядовом характере открытой на территории дворца застройки IX-XI вв.

Занятиями жителей этого квартала являлись, по всей видимости, товарное виноделие, скотоводство, зерновое хозяйство, а также разнообразные домашние промыслы, перечень которых возможно составить только после окончательной обработки и подготовки к изданию находок группы «small finds» из раскопок памятника.

3.3. Золотоордынские строительные комплексы

В ходе раскопок княжеского дворца впервые за многие годы археологического изучения Мангупского городища исследован строительный ярус конца XIII-XIV вв. на территории памятника. Во многом благодаря этому начата предметная разработка истории крепости этого периода, которая ранее основывалась почти исключительно на редких свидетельствах письменных и эпиграфических источников [об этом см.: Герцен, Науменко, 2016а; 2016б; Науменко, 2020а]. Новые археологические данные ясно показывают, что, несмотря на включение в состав Золотой Орды и контроль со стороны улусной администрации, Мангуп-Феодоро сохранял все это время многие признаки провинциально-византийского городского центра. Золотоордынское влияние в его культуре проявлялось в особенностях монетного обращения, расширении торговых связей с восточными регионами и отдельных элементах повседневной бытовой культуры, но не вело к общей трансформации в типично золотоордынский город.

Как показывает картографирование результатов исследований, застройка золотоордынского периода на месте дворца лучше всего сохранилась на Западном и Юго-Западном участках, где выявлена его дневная поверхность (слой №7) и отдельные археологические объекты (рис. 199). Стратиграфически она не имеет связи с предшествующими строительными горизонтами. По всей видимости, в это время в центральной части Мангупского плато функционировала иррегулярная по своей пространственной организации поселенческая структура с отдельными каменными постройками и хозяйственными комплексами. Особой плотности и спланированности в использовании территории не наблюдается.

Необходимо отметить две основные сложности при изучении материалов раскопок золотоордынского строительного яруса.

Первая заключается в его полной разрушенности в результате позднейшего строительства 1425-1475 гг. и большого объема переотложенных находок конца XIII-XIV вв. на площади раскопа. Поэтому приведенный ниже обзор не дает всестороннего представления о материальной культуре золотоордынского Мангупа, но лишь ограничен введением в научный оборот стратиграфически связанных с этой застройкой археологических объектов. Остальное – задача будущих исследований.

Другая трудность состоит в недостаточной

степени изученности структуры керамического комплекса XIV-XV вв. на памятниках Крыма в современной историографии. В этом плане, благодаря работам, в первую очередь, И. Б. Тесленко, Н. В. Гинькут, В. В. Майко, С. Г. Бочарова, А. Н. Масловского, Д.Э. Сейдалиевой [Бочаров, Масловский, 2012; 2015; Гинькут, 2019; 2020; 2023; Майко, 2019; 2020б; 2022; Масловский, 2006, с. 355-373; Сейдалиева, 2020; 2021; 2022; Тесленко, 2010; 2012; 2014; 2015; 2016а; 2016б; 2018а; 2018б; 2020а; 2020б; 2021; Тесленко, Майко, 2019; 2020; Тесленко, Паршина, Александрова, 2019; Тесленко, Сейдалиева, 2022], за последние 10-15 лет достигнут серьезный прогресс, но разночтения в определении и хронологии даже основных групп импортных и местных керамических изделий по-прежнему сохраняются.

Чтобы избежать их, в монографии в целом сохранена атрибуция находок, принятая в полевой документации на момент раскопок 2006-2010, 2014-2021 гг., в которую, лишь по возможности, внесены результаты новых исследований аналогичных памятников на территории Крымского полуострова и Северного Причерноморья.

Всего, по итогам раскопок Мангупского дворца, выделены восемь наиболее показательных археологических комплексов, связанных с функционированием здесь застройки золотоордынского периода.

2008 г. Южный участок. Помещение Н. Яма №34. Заполнение. 2-й слой

Яма №34 открыта в северо-западном углу помещения Н (около 1462-1475 гг.), хотя стратиграфически ему предшествует и тяготеет к застройке золотоордынского периода на соседнем Юго-Западном участке (рис. 96-98; 199-200). Комплекс уже опубликован [Науменко, Душенко, 2017, с. 204, 222-225], поэтому его описание приводим в сокращенном виде и с небольшими уточнениями.

Яма полностью вырублена в скале на месте обширного скального разлома. Округлая в плане, с цилиндрическим профилем, уплощенным дном, диаметром 1,50-1,70 м и глубиной до 1,30 м. Ее контуры обложены однорядной бутовой кладкой на известковом связующем растворе, сохранившейся до 8-ми рядов. Стратиграфически она предшествует помещению Н, так как северо-западная часть хозяйственного сооружения частично перекрыта северной и западной стенами постройки (соответственно, кладками №№21 и 22), несколько выступающими за линию обкладки.

Заполнение ямы №34 двуслойное. 1-м (верхним) горизонтом является серый рыхлый грунт мощностью до 0,80 м, по структуре, не отличающийся от слоев отвалов на участке исследований. По всей вероятности, он образовался в результате раскопок ямы Р. Х. Лепером в 1912-1913 гг., о чем уже говорилось, который выбрал ее почти полностью и затем засыпал тем же грунтом. Археологический комплекс находок из 1-го слоя, опубликованный и включающий выразительную коллекцию глазурованной керамики групп «Monochrome Sgraffito Ware», «Polichrome Sgraffito Ware», «Miletus Ware» [Науменко, Ду-

шенко, 2017, с. 195, рис. 4-7], датируется узким промежутком времени, 1453-1462 гг., благодаря находке монеты крымского хана Хаджи-Гирея (1441-1466) 1453 г. выпуска.

2-м слоем заполнения ямы №34 является серый плотный грунт с щебнем и угольками мощностью до 0,50 м. Он, не исключено, также был частично выбран в 1912-1913 гг., но сохранившаяся часть, несомненно, сформировалась в процессе функционирования ямы. Археологический комплекс находок состоит в основном из мелких фрагментов керамики:

Таблица №37. Южный участок. Помещение Н. Яма №34. Заполнение. 2-й слой. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV – 1475 г.	17	40%
Тарная керамика			
2	Желобчатые красноглиняные пифосы	5	11,5%
3	Раннесредневековые амфоры типа V по ХК-71, классов 1 и 24 по ХК-95 («примесь снизу»)	9	21%
Кухонная керамика			
4	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	2	4,5%
Столловая керамика			
5	Глазурованная керамика «Monochrome (Green, Yellow, Brown) Sgraffito Ware», «Polichrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	4	9%
6	Византийская поливная керамика группы «Elaborate Incised Ware» с монограммой «Продром» (ПРДМ), вторая половина XIV в.	1	2,5%
7	Керамика без точной атрибуции	5	11,5%
Всего:		43	100%

Датирующий характер имеют фрагменты кухонной посуды группы ЮЗК («Юго-Западный Крым») XIV-XV вв. (до 1475 г.) [Тесленко, 2014; 2021, с. 63-70], монохромных и полихромных поливных сосудов, украшенных орнаментом в технике «сграффито» или без него, группы ЮЗК/ЮВК («Юго-Западный Крым» / «Юго-Восточный Крым»)³, датируемых в широких хронологических

пределах 60-х гг. XIV – третьей четверти XV вв. (до 1475 г.) [Тесленко, 2021, с. 77-91; о хронологии такой керамики на Мангупе см.: Герцен, Науменко, 2005, с. 261-262; 2009, с. 395-397; 2010, с. 402-405; Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 386-387], и особенно дно

³ И. Б. Тесленко обозначает ее в своих работах как поливную керамику группы «Юго-Восточный Крым» (ЮВК), предполагая, тем самым, изготовление такой посуды в гончарных центрах восточной части Крымского полуострова, прежде всего, в Каффе. Эта точка зрения нам представля-

ется не до конца обоснованной, с учетом имеющихся сведений о производстве однотипных изделий в ряде городских центров Южнобережного и Юго-Западного Крыма (Алушта, Чембало, Мангуп). Задача выделения признаков, которые позволили бы разделить местные глазурованные сосуды на группы ЮЗК и ЮВК, сохраняет свою актуальность, но ее решение выходит за рамки нашего исследования.

от византийской чаши второй половины XIV в. с монограммой ПРДМ, которую сейчас связывают с образом св. Иоанна Крестителя (Предтечи) (рис. 200, 2) [подробнее см.: Гинькут, 2020, с. 231-234]. Из 2-го слоя заполнения ямы происходят редкие индивидуальные находки, из которых выделим железный навесной замок (рис. 200, 4) и обломок оплавленного края от сосуда из бесцветного прозрачного стекла (рис. 200, 3).

Присутствие в археологическом комплексе поливного сосуда с монограммой ПРДМ позволяет надежно датировать сооружение ямы №34 второй половиной XIV в. и связывать ее с золотоордынской застройкой на участке исследований. Трудно сказать, продолжала ли она использоваться до середины XV в., на что указывают стратиграфическая ситуация и находки из 1-го слоя заполнения [Науменко, Душенко, 2017, с. 225]. Мы склоняемся все-таки к более узкой дате первоначального этапа функционирования ямы.

2015 г. Юго-Западный участок. Квадрат №19. Яма №46. Заполнение

Расположена в центральной части участка исследований, в 1,50 м югу от помещения J

(рис. 104). Открыта при зачистке дневной поверхности золотоордынского периода на площади раскопа (слоя №5), что позволяет стратиграфические соотносить ее с застройкой этого времени на месте дворца (рис. 201). В плане имеет округлую форму и близкий к цилиндрическому профиль. Внутренний диаметр 0,96 м, глубина до 1,30 м. Плоское дно и частично борта ямы вырублены в скале и затем обложены кольцевой однорядной кладкой №91 из мелкого бутового камня. Связующий раствор в кладке визуально не просматривается.

Заполнение ямы двуслойное. 1-м (верхним) горизонтом является плотный серый грунт с щебнем, напоминающий по структуре слой №5 на участке исследований. Его мощность до 0,30 м. 2-м слоем заполнения является каменная забивка из разномерного бутового камня и крупных фрагментов архитектурных деталей, затянута серым рыхлым грунтом мощностью 0,90 м.

Археологический комплекс находок из горизонтов заполнения ямы №46 представлен фрагментами керамики и ничем между собой не отличается:

**Таблица №38. Юго-Западный участок. Квадрат №19. Яма №46. Заполнение.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV – 1475 г.	168	83,5%
2	Амфоры классов 45 и 52 по ХК-95, тарные кувшины XIV-XV вв. группы ЮЗК	7	3,5%
3	Кухонные горшки XIV-XV вв. группы ЮЗК	2	1%
4	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮБК, 60-х гг. XIV – 1475 г.	14	7%
5	Золотоордынская глазурованная керамика групп «Slip-Painted Ware» и «Monochrome Sgraffito Ware», XIV в.	2	1%
6	Византийская поливная керамика группы «Elaborate Incised Ware», вторая половина XIV в.	8	4%
	Всего:	201	100%

Наиболее важным для датировки комплекса является присутствие в нижнем слое заполнения ямы археологически целой формы византийской поливной миски группы «Elaborate Incised Ware», которую сейчас датируют на памятниках Крыма и Приазовья серединой – второй половиной XIV в. [Бочаров, 2005, с. 308; Масловский, 2006, с. 397; Бочаров, Масловский,

2012, с. 32-33; Тесленко, 2018а, с. 471]. Такой хронологии не противоречат находки мелких фрагментов глазурованной посуды группы ЮЗК/ЮБК («Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware») (рис. 202, 1-5, 7; 203, 7) и поливных изделий групп «Slip-Painted Ware» и «Monochrome Sgraffito Ware», изготовленных, вероятно, в гончарных мастерских Солхата (рис. 202, 8; 203, 6).

Керамику сопровождает группа индивидуальных находок: красноглиняное плоское пряслице (рис. 202, 6), медная вставка от перстня (?) с вырезанным изображением креста (рис. 202, 9) и крупные фрагменты кувшинов с воронкообразным цилиндрическим горлом и дном в виде вогнутого кольцевого поддона из прозрачного зеленоватого стекла (рис. 203, 1-4). Как «примесь снизу» рассматривается медный пентануммий времени императора Анастасия I (491-518).

**2019-2020 гг. Западный участок.
Квадраты №№30-31, 34-35, 46-49.
7-й слой**

Речь идет об участке дневной поверхности золотоордынского поселения конца XIII-XIV вв., сохранившейся на значительной территории Западного участка, за исключением его юго-западной и северной частей, где повышается, соответственно, уровень скального материка и нижних культурных напластований на площади раскопа (рис. 46-48). Отмечаем выровненный характер поверхности культурного горизонта, особенно в широтном направлении, где перепад высотных отметок составляет не более 0,10-0,25 м. В направлении с юга на север такой перепад более существенен (до 0,50 м), но и здесь он особо не

ощущается на местности. В центральной части раскопа мощность 7-го слоя составляет 0,35-0,45 м, несколько понижаясь (до 0,20 м) в южном и восточном направлении.

По структуре, культурный слой является серо-коричневым плотным грунтом с пятнами известкового раствора, гари, горизонтально лежащими фрагментами керамики и отдельными скоплениями мелкого камня на поверхности, в целом насыщенным угольками и щебнем. Безусловно, он формировался в течение длительного промежутка времени, вплоть до возведения в этой части Мангупского городища в самом начале XV в. сооружений дворцового комплекса. Именно с его уровня выкопана строительная траншея под кладку №9, западную стену помещения В. Одновременно поверхность горизонта послужила основанием для сооружения кладки №96, западной стены «западного двора» дворца. К более раннему этапу формирования 7-го слоя стратиграфически относятся кладки №№118-120 и хозяйственные ямы №№64-65, 67-69. Наконец, на его поверхности зачищен ряд локальных стратиграфических контекстов, отражающих характер использования горизонта на протяжении XIV вв.

Археологический комплекс находок из 7-го слоя в основном представлен фрагментами керамики:

**Таблица №39. Западный участок. Квадраты №№30-31, 34-35, 46-49. 7-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды, калиптеры, плинфа 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	1846	35,8%
2	Керамиды и калиптеры 2-й группы, 60-х гг. XIV – 1475 г.	39	Менее 1%
3	Керамиды и калиптеры 3-й группы, IX-X вв.	104	2%
4	Керамиды 4-й группы	18	Менее 1%
5	Водоотводный желоб, V-VII вв.	3	Менее 1%
Тарная керамика			
6	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции (рис. 206, 1)	258	5%
7	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв.	32	Менее 1%
8	Амфоры ранневизантийского времени (типа LRA 1, 2, 4, типа V по ХК-71, класса 1 и 2 по ХК-95, типа 95 по Зеест) (рис. 204, 1)	739	14,3%

1	2	3	4
9	Амфоры VIII-X вв. классов 24, 36 и 41 по ХК-95, выючная фляга IX-X вв. (рис. 206, 8-9; 209, 3)	869	16,8%
10	Амфоры типа III/IV по Гюнзенин, класса 52 по ХК-95, XIII-XV вв. (рис. 205, 6, 8; 207, 9; 210, 1)	73	Около 1%
11	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК	64	Около 1%
12	Амфоры и тарные кувшины без точной атрибуции	108	2%
Кухонная керамика			
13	Лепная лощеная керамика V-VII вв. (рис. 206, 11)	42	Менее 1%
14	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв.	181	3,5%
15	Гончарная кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК (рис. 205, 2, 4, 10; 207, 3, 5, 7; 209, 2, 4-6; 210, 2-3, 5)	386	7,5%
16	Гончарная кухонная керамика без точной атрибуции	5	Менее 1%
Столовая керамика			
17	Неопределенная неглазурованная керамика	17	Менее 1%
18	Краснолаковая керамика V-VII вв. (рис. 206, 12)	2	Менее 1%
19	Кувшины «скалистинского типа» VII-X вв.	122	2,3%
20	Гончарная неглазурованная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	15	Менее 1%
21	Глазурованная керамика неопределенная	1	Менее 1%
22	Глазурованная керамика X-XI вв., группа «Glazed White Ware II», Византия (рис. 205, 11; 206, 2)	5	Менее 1%
23	Глазурованная керамика XIV в. групп «Slip-Painted Ware», «Monochrome (Yellow and Brown) Glazed Ware», «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware», «Monochrome (Green) Sgraffito Ware», «Elaborate Incised Ware», Византия (рис. 204, 10-11; 205, 1, 7; 206, 4; 209, 7-8)	20	Менее 1%
24	Глазурованная керамика XIV в., группы «Monochrome (Green) Sgraffito Ware», «Slip-Painted Ware», Золотая Орда (рис. 206, 3; 207, 7; 208, 3; 209, 1)	6	Менее 1%
25	Глазурованная керамика «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-х гг. XIV – 1475 г. (рис. 204, 2, 12; 205, 12; 207, 4, 8, 10-12; 208, 1-2, 4-5; 209, 9-10)	197	3,8%
26	Глазурованная керамика группы «селадон», Китай, XIV- XV вв. (рис. 205, 1)	1	Менее 1%
	Всего:	5153	100%

Из таблицы хорошо видно, что только около 50% материала относится к датирующей группе находок. При этом, если исключить из нее черепицу 1-й и 2-й технологических групп, не имеющей узкой хронологии, то для анализа доступными окажется лишь около 15% находок – амфоры типа III/IV по Н. Гюнзенин, класса 52 по

ХК-95, тарные и кухонные сосуды группы ЮЗК, поливная монохромная и полихромная керамика группы ЮЗК/ЮВК, а также наиболее важные импортные глазурованные изделия византийского и золотоордынского происхождения. С учетом присутствия среди последних фрагментов византийской посуды группы «Elaborate

Incised Ware» и открытого характера культурно-горизонта его лучше датировать в широких пределах всего XIV в. Из более ранних керамических изделий отметим стенку палестинской амфоры типа LRA 4 с граффити (рис. 204, 1), фрагмент клювовидного венчика от краснолакового блюда формы 3F/G группы LRC/PhRSW («Фокейская краснолаковая керамика») второй четверти – середины VI в. (рис. 206, 12), обломки редких для участка исследований византийских «глобулярных» амфор VIII-IX вв. (рис. 206, 8-9) и глазурованных сосудов группы GWW-II X-XI вв. (рис. 205, 11; 206, 2).

Индивидуальные находки в комплексе в целом невыразительны и разновременны. Из 7-го слоя извлечены красноглиняная площадка-подсвечник с невысоким биконическим корпусом (рис. 210, 4), ядра из мраморовидного и обычного известняка от пращи (?) (рис. 206, 7; 208, 9-10), известняковый терочник (?) (рис. 208, 7), плоское и биконическое пряслица (рис. 206, 6; 208, 6), обломки браслетов из синего, зеленого и желтого пастового стекла (рис. 204, 7-8; 206, 5) и стакана с рифленой поверхностью и оплавленным краем из прозрачного голубоватого стекла (рис. 207, 2), фрагмент псалия в виде медной пластины с тремя отверстиями (рис. 204, 9), бронзовые изделия – цельнолитая пряжка с овальной рамкой и трапецевидным щитком VII в. типа II-2 по А. И. Айбабину (рис. 207, 1) [Айбабин, 1990, с. 42, рис. 41, 11; опубликована: Науменко, Набоков, 2021, с. 203, рис. 1, 8], перстень с ромбовидным щитком и крестообразными «лапками» под вставку, скорее всего, второй половины VIII-IX вв. (рис. 204, 3) [см. о них: Майко, 2020а, с. 99-100], прямоугольная рамка от пряжки (рис. 204, 6) и наиболее яркая находка – византийская иконка-привеска XIV в. с изображением конного св. Георгия на лицевой стороне (рис. 205, 9) [Науменко, 2021], свинцовые рыболовное грузило (рис. 205, 13), аналогичное найденным в двух комплексах фемного периода (рис. 157, 3; 168, 11), и фрагмент от неясного по назначению предмета в виде стержня с упорами на концах (рис. 205, 15), железные черешковые наконечники с различным по форме острием (рис. 204, 5; 205, 5; 208, 8).

Из 7-го слоя происходит 21 монета, из которых семь наиболее поздних относятся к периоду Золотой Орды. Точно определяются монеты, выпущенные в правление Менгу-Тимура (1266-1282) и Кильдибека (1361-1362), остальные, хуже сохранившиеся, являются различными типами анонимных пулов, датированных в пределах XIV в.

2019 г. Западный участок.

Квадраты №№31 и 34.

Ямы №№64, 65, 67 и 68

Ямы №№65, 67-68 открыты в центральной части Западного участка исследований (рис. 46; 211-212). Яма №64 расположена от них на значительном расстоянии, в северо-восточной части квадрата №31, вблизи скального выступа, который ограничивал трассу «1-й западной улицы» с севера. Все ямы выкопаны с уровня 7-го слоя, окончательно сформировавшегося к этому времени, и перекрыты 6-м слоем, мощением 1-й западной улицы и «западного двора» дворцового комплекса, сооруженным около 1425 г. (рис. 43-45). Таким образом, они надежно соотнесены с золотоордынским строительным ярусом на площади раскопа. В свою очередь, ямы №№67 и 68 после прекращения использования были перекрыты «слоем пожара» в квадрате №34 (рис. 213), происхождение которого осталось дискуссионным (об этом ниже). Скорее всего, вместе с ямой №65 они являются отдельными сооружениями функционировавшего здесь производственного комплекса.

Яма №64 (рис. 211, 1-2). В плане имеет близкую к овалу форму общими размерами 0,70 x 0,40 м. Ее борта плавно сужаются к уплощенному дну. Максимальная глубина 0,13 м. Заполнена однородным темно-серым золистым рыхлым грунтом с бутовым камнем, кусочками древесного угля и мелкими невыразительными фрагментами керамики (всего 37). Наиболее показательными являются фрагменты валикообразного края красноглиняной миски (рис. 211, 4) и стенки византийского глазурованного сосуда открытого типа с орнаментом в технике «сграффито» группы «Zeuxippus Derivatives» («Zeuxippus Ware Imitation») конца XIII-XIV вв. [Vroom, 2005, p. 110-111]. В последнее время такие изделия датируют концом XIII – первой четвертью XIV вв. [Тесленко, 2020б, с. 399]. Таким образом, датировка ямы №64 относится к раннему этапу золотоордынской застройки на участке исследований.

Яма №65 (рис. 46; 211, 2-3). Представляет выкопанное в 7-м слое по оси запад-восток оружие подпрямоугольной формы размерами 1,75 x 0,42 м и глубиной до 0,28 м. Северный, южный и западный борта ямы (последний со скругленными углами) плавно понижаются к выровненному дну и обмазаны слоем глины толщиной до 0,05 м. Восточный борт практически не выделяется в грунте. Яма имеет два горизон-

та заполнения. 1-м слоем является серо-коричневый рыхлый грунт с камнем мощностью до 0,10 м, образовавшийся, очевидно, в результате засыпи ямы. 2-й слой представляет собой темный золистый рыхлый грунт с большим количеством кусочков древесного угля мощностью до 0,20 м. После его выборки на дне ямы зачищены *in situ* три крупных обгорелых фрагмента дерева и ряд плоских камней. Назначение сооружения остается не ясным. Понятно лишь то, что оно было предназначено для неоднократного обжига какой-то продукции, на что указывают следы ее чистки в виде выбросов золистого грунта на окружающую поверхность.

Археологический комплекс находок состоит из мелких и невыразительных фрагментов керамики (всего 23). Датирующий характер имеют обломки красноглиняной монохромной поливной посуды группы ЮЗК/ЮВК (рис. 211, 6-7). Это позволяет датировать яму №65 в широких пределах второй половины XIV в.

Ямы №№67 и 68 (рис. 46; 212). Открыты в 0,60 м к западу от ямы №65, на расстоянии 0,50 м между собой. В плане имеют округлую форму диаметром, соответственно, 0,34 и 0,39 м, вертикальные борта глубиной 0,16-0,21 м и плоское дно. Заполнены однородным темно-серым золистым грунтом; сверху прослежена нивелировочная забивка бутовым камнем. Вокруг ям

поверхность слоя покрыта толстой обожженной известковой обмазкой.

Археологический комплекс находок включает немногочисленные фрагменты керамики (всего 14), среди которых наиболее важными являются обломки красноглиняной глазурованной посуды с орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК/ЮВК. Таким образом, ямы №№67 и 68 синхронны по времени функционирования яме №65, а с учетом их близкого расположения, скорее всего, речь идет о едином производственном комплексе. Возможно, ямы №№67 и 68 использовались для установки небольших пифосов или бочек.

2019 г. Западный участок. Квадрат №№34-35. «Слой пожара» на 7-м слое

Открыт локальным участком в северной части квадрата №34-35 общими размерами 3,10 x 2,80 и мощностью 0,10-09,15 м (рис. 213). По структуре, темно-серый золистый рыхлый грунт, насыщенный кусочками древесного угля. Стратиграфически полностью перекрывал ямы №№67 и 68 и являлся поверхностью, на которой в начале XV в. сооружена вымостка «западного двора» дворцового комплекса (6-й слой в стратиграфии участка исследований). Археологический комплекс находок состоит из фрагментов керамики:

Таблица №40. Западный участок. Квадрат №№34-35. «Слой пожара» на 7-м слое. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды, калиптеры, плинфа 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	82	45%
2	Керамиды и калиптеры 2-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	6	3,3%
Тарная керамика			
3	Пифосы красноглиняные гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции	8	4,4%
4	Амфоры ранневизантийского времени типа LRA 1 и типа V по ХК-71 («примесь снизу»)	5	2,7%
5	Амфоры VIII-X вв. класса 24/36 по ХК-95 («примесь снизу»)	3	1,6%
6	Амфоры типа III/IV по Гюнзенин, класса 52 по ХК-95, XIII-XV вв.	8	4,4%
7	Тарные сосуды группы ЮЗК, XIV-XV вв.	11	6%

1	2	3	4
Кухонная керамика			
8	Гончарная кухонная керамика группы ЮЗК, XIV-XV вв.	37	20%
Столовая керамика			
9	Глазурованная керамика групп «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware» и «Slip-Painted Ware», XIV в., Золотая Орда	4	2,2%
10	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», 60-е гг. XIV – 1475 г., группа ЮЗК/ЮВК	17	9,4%
Всего:		181	100%

Комментируя таблицу, отметим, что лишь около 10% материала не имеет точной атрибуции (пифосы) или рассматривается в качестве «примеси снизу». Остальные находки относятся ко времени образования стратиграфического контекста. Наиболее важными среди них являются фрагменты поливной керамики группы ЮЗК/ЮВК под монохромной желто-коричневой глазурью, с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 214, 3-5) и золотоордынской посуды групп «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware» и «Slip-Painted Ware» (рис. 214, 2, 6-8). Вместе со стратиграфическими наблюдениями это позволяет датировать «слой пожара» самым концом XIV в.

**2019-2020 гг. Западный участок.
Квадраты №№34, 46 и 47.
Постройка с каменными стенами
(кладки №№118-120)**

Ее остатки открыты в центральной части раскопа, в пределах квадратов №№34, 46 и 47 (рис. 46). С запада постройка почти примыкает к кладке №96, западной стене «западного двора» дворца, но это не означает одновременности сооружений, так как они сложены в совершенно разной строительной технике.

От золотоордынской постройки сохранились фрагменты северной (кладка №118), восточной (кладка №119) и южной (кладка №120) стен длиной, соответственно, 2,57 м, 2,42 м и 1,50 м (рис. 217), которые являются однорядными кладками шириной 0,25-0,30 м из разномерно бутового камня с грубой лицевой подтеской и обработанных блоков, возможно, вторичного использования, без связующего раствора. Особо отметим использование в кладке №118 в качестве строительного материала известняковой базы колонны с рифленным стволом, на четырех сторонах которой высечены изображения шестиконечных розеток, а в ее основании

вырублена четырехугольная ниша (рис. 216, 1; 217; 218, 1).

Все стены возведены на уровне 7-го слоя. От них *in situ* сохранился лишь нижний ряд высотой до 0,20-0,30. Картографирование строительных остатков показывает общий прямоугольный контур здания, сориентированного по оси восток-запад, и его внутренние размеры в пределах 5,30 x 3,10 м (рис. 46; 217).

Для установления хронологии строительного комплекса важными представляются следующие стратиграфические наблюдения. Во-первых, частичное перекрытие кладки №120 плитовой вымосткой «западного двора» (слоем №6), что ясно свидетельствует о том, что здание полностью было разобрано в процессе мощения дневной поверхности двора, вероятно, в начале XV в. (рис. 217). Во-вторых, наличие внутри постройки двух локальных стратиграфических контекстов, связанных с ее функционированием – «пятна гари» и черепичного завала на 7-м слое в квадрате №46 (рис. 215). Также отметим синхронные времени постройки два участка известкового раствора на 7-м слое вокруг ям №67 и 68 в квадрате №34 (рис. 216, 2) и стратиграфически маркирующую ее строительство прослойку гари на 7-м слое в бровке между квадратами №№46 и 47, перекрытую кладкой №118 (рис. 216, 1). Таким образом, археологические комплексы находок из всех перечисленных стратиграфических контекстов свидетельствуют о дате сооружения и функционирования здания.

Прослойка гари на 7-м слое в бровке между квадратами №№46 и 47 (рис. 216, 1; 217). Как уже говорилось, стратиграфически это наиболее ранний по времени образования археологический комплекс, связанный с постройкой золотоордынского периода. Он выявлен в центральной части бровки между квадратами №№46 и 47, будучи перекрыт кладкой №118. Его размеры

0,84 x 0,60 м, мощность до 0,05 м. Единственной находкой является фрагмент стенки сосуда под желтой глазурью со стилизованным изображением животного в технике «сграффито» и «шамплеве» группы «Elaborate Incised Ware» (рис. 218, 8), что позволяет датировать комплекс серединой – второй половиной XIV в.

Пятна известкового раствора на 7-м слое в квадрате №34 (рис. 46; 216, 2). Со-

хранились два сплошных пятна такого раствора мощностью 0,05-0,10 м вокруг и к югу от ям №№67 и 68 размерами 1,40 x 1,20 м и 0,80 x 0,60 м. Стратиграфически они обозначают уровень дневной поверхности времени функционирования постройки с кладками №№118-120 и использования этих ям. Археологический комплекс находок включает фрагменты керамики:

Таблица №41. Западный участок. Квадрат №34. Пятна известкового раствора на 7-м слое. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	8	12%
2	Керамиды 2-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	3	4,5%
Тарная керамика			
3	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции	6	9%
4	Амфоры VIII-X вв. класса 24/36 по ХК-95 («примесь снизу»)	3	4,5%
5	Тарные кувшины без точной атрибуции	3	4,5%
Кухонная керамика			
6	Гончарная кухонная керамика группы ЮЗК, XIV-XV вв.	30	44%
Столловая керамика			
7	Глазурованная керамика групп «Sgraffito with Concentric Circles», «Elaborate Incised Ware», с росписью марганцем, конец XIII-XIV в., Византия	5	8%
8	Глазурованная керамика «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware» группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	9	13,5%
Всего:		67	100%

Датировку комплекса определяет сочетание в нем кухонной керамики группы ЮЗК (рис. 218, 2), монохромной поливной посуды группы ЮЗК/ЮВК (рис. 218, 3-7), византийских поливных сосудов групп «Sgraffito with Concentric Circles» конца XIII – первой половины XIV вв. (рис. 219, 3, 6) [Тесленко, 2020б, с. 399], «Elaborate Incised Ware» середины – второй половины XIV в. (рис. 2019, 2) и с подглазурной росписью марганцем конца XIII – первой половины XIV вв. (рис. 219, 1) [Бочаров, Масловский, 2016]. Скорее всего, комплекс необходимо отнести ко второй половине XIV в.

Пятно гари и черепичный завал на 7-м слое в квадрате №46 (рис. 215). Обнару-

жены при раскопках внутри постройки. Пятно гари мощностью 0,18-0,20 м и размерами 1,23 x 1,40 м является золистым грунтом с кусочками древесного угля, напоминающим описанный «слой пожара» на 7-м слое в квадрате №34-35. Черепичный завал мощностью 0,20-0,25 м и размерами 2,80 x 1,57 м, расположенный к западу, состоял из крупных фрагментов черепицы и бутового камня, затянутых рыхлым серым грунтом с кусками глиняной обмазки. Между ними зачищена выкладка из четырех камней длиной 1,20 м без связующего раствора, назначение которой осталось не ясным. Археологические комплексы находок представлены фрагментами керамики:

Таблица №42. Западный участок. Квадрат №46. Пятно гари на 7-м слое внутри постройки. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды, калиптеры, плинфа 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	44	30%
2	Керамиды и калиптеры 2-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	1	Менее 1%
Тарная керамика			
3	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции	3	2%
4	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв. («примесь снизу»)	1	Менее 1%
5	Амфоры ранневизантийского времени типа LRA 1 и 2, типа V по ХК-71, класса 1 и 2 по ХК-95, типа 95 по Зеест («примесь снизу»)	18	12%
6	Амфоры VIII-X вв. классов 24, 36 и 41 по ХК-95 («примесь снизу»)	26	17,5%
7	Амфоры типа III/IV по Гюнзенин, класса 52 по ХК-95, XIII-XV вв.	6	4%
8	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК	11	7,4%
Кухонная керамика			
9	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. («примесь снизу»)	3	2%
10	Гончарная кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	18	12%
Столовая керамика			
11	Глазурованная керамика группы «Elaborate Incised Ware», вторая половина XIV в., Византия	1	Менее 1%
12	Глазурованная керамика «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	16	10,8%
Всего:		148	100%

Таблица №43. Западный участок. Квадрат №46. Черепичный завал на 7-м слое внутри постройки. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды, калиптеры, плинфа 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	89	36,4%
2	Керамиды и калиптеры 2-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	13	5,3%
3	Керамиды 4-й группы	2	Менее 1%
Тарная керамика			
4	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции	5	2%
5	Амфоры ранневизантийского времени типа LRA 1 и 2, типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типа 95 по Зеест («примесь снизу»)	41	16,8%
6	Амфоры VIII-X вв. классов 24, 36 и 41 по ХК-95 («примесь снизу»)	18	7,3%

1	2	3	4
7	Амфоры типа III/IV по Гюнзенин, XIII-XIV вв.	7	2,8%
8	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК	8	3,2%
9	Амфоры и тарные кувшины без точной атрибуции	4	1,6%
Кухонная керамика			
10	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. («примесь снизу»)	11	4,5%
11	Гончарная кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	31	12,7%
Столовая керамика			
12	Кувшины «скалистинского типа» VII-X вв. («примесь снизу»)	4	1,6%
13	Глазурованная керамика «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	11	4,5%
Всего:		244	100%

Оба керамических комплекса имеют сходную структуру. Датирующую группу составляют амфоры типа III/IV по Гюнзенин (1990) (рис. 219, 7), кухонные горшки группы ЮЗК (рис. 219, 8), поливная посуда группы ЮЗК/ЮВК (рис. 220, 1-2, 4-7), мелкие фрагменты византийской керамики группы «Elaborate Incised Ware». Это позволяет отнести их образование ко второй половине XIV в., не ранее. Из комплексов происходят две золотоордынские монеты – одна стертая, другая, выпущенная на монетном дворе Сакчи в конце XIII – начале XIV вв. Последняя, скорее всего, важна для установления начального этапа хронологии золотоордынского поселения на месте Мангупского дворца. Отметим также находки лощила из полевого шпата с отверстием для подвешивания (рис. 220, 3) и фрагменты стенок сосуда из прозрачного красного стекла с рельефным валиком (рис. 219, 4-5).

В целом анализ археологических комплексов, связанных с постройкой с каменными стенами в центральной части Западного участка показывает, что она была сооружена ближе к середине XIV в. и функционировала в течение второй половины этого столетия. В самом конце XIV в. здание погибло в пожаре (см. «слой пожара» на 7-м слое в квадрате №34-35). Оно было полностью разобрано в начале XV в. при возведении на этом месте «западного двора» дворца 1425-1475 гг.

2020 г. Западный участок. Бровка между квадратами №№47 и 49. Хозяйственная яма №69

Открыта в северо-западной части участка исследований, в бровке между квадратами

№№47 и 49, после снятия феофоритской кладки №96 и при выборке здесь 7-го слоя (ср.: рис. 46; 49). Стратиграфически оказалась одним из наиболее ранних хозяйственных сооружений золотоордынского поселения, так как ее контуры частично перекрыты слоем №7 (рис. 221, 3). В плане имеет овальную, несколько вытянутую по оси восток-запад форму общими размерами 1,35 x 1,00 м и глубиной до 0,80 м. Борты почти вертикальные, дно уплощенное, частично вырублено в скальном материке (рис. 221, 1-2).

Яма №69 имеет двуслойное заполнение. Верхним горизонтом (слоем №1) является сплошной завал из мелких и средних бутовых камней, затянутый тонкой прослойкой темно-серого грунта с угольками, мощностью до 0,55 м (рис. 221, 3), нижним (слоем №2) – темно-серый гумусированный грунт с камнем и угольками мощностью до 0,25 м.

Находки из обоих горизонтов заполнения ямы невыразительны. Большинство из них не поддается точной атрибуции или рассматривается как материал из разряда «примеси снизу». Датирующий характер имеют лишь мелкие фрагменты амфор типа III/IV по Н. Гюнзенин, кухонной керамики группы ЮЗК и один обломок стенки сосуда под кроющей монохромной глазурью желто-коричневого цвета с орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК/ЮВК. В этой связи особое значение приобретает находка в верхнем слое заполнения ямы золотоордынского анонимного пула времени хана Токты (1291-1313), выпущенного на монетном дворе поселения Костешт в Молдавии в 1291 г. (=690 г.х.). Она позволяет датировать сооружение и ис-

пользование хозяйственного комплекса концом XIII – началом XIV вв. или несколько позднее, в пределах первой половины XIV в.

**2020-2021 гг. Западный участок.
Квадраты №№34, 46 и 48.
Строительная траншея под кладку №9.
Заполнение**

Стратиграфически археологический комплекс, безусловно, связан со строительством в самом начале XV в. западной стены дворцового помещения В, но материал из заполнения содержит основные категории керамики, характерные для второй половины – конца XIV в. Поэтому мы включили его в число золотоординских объектов на площади раскопа.

Строительная траншея, выкопанная с уровня 7-го слоя, прослежена почти на всем

протяжении кладки №9 (рис. 46-48; 222). Ее ширина увеличивается в направлении с юга на север от 0,20 м до 0,84 м в квадрате №46, глубина – от 0,12 м в квадрате №34 до 0,40 м в квадратах №№46 и 48. Борты почти всегда вертикальные, несколько сглаженные в квадрате №34, дно повсеместно выровненное. Дном траншеи в квадрате №34 является поверхность 8-го слоя, в квадратах №№48 и 49 – скала либо материковый красно-коричневый суглинок.

Строительная траншея заполнена однородным светло-серым рыхлым грунтом, насыщенным деструктурированным известковым раствором, щебнем, мелким камнем, фрагментами керамики, костей животных и створок раковин устриц. Археологический комплекс находок состоит из фрагментов керамики:

Таблица №44. Западный участок. Квадраты №№34, 46, 48. Строительная траншея под кладку №9. Заполнение. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	83	20,3%
2	Керамиды 2-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	2	Менее 1%
Тарная керамика			
3	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции	13	3,2%
4	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв. («примесь снизу»)	3	Менее 1%
5	Амфоры ранневизантийского времени типа 95 по Зеест, типа LRA 1 и 2, класса 1 по ХК-95, типа V по ХК-71 («примесь снизу»)	20	4,9%
6	Амфоры VIII-X вв. классов 24, 36 и 41 по ХК-95 («примесь снизу»)	64	15,6%
7	Амфоры класса 52 по ХК-95, XIV-XV вв.	1	Менее 1%
8	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК	27	6,6%
Кухонная керамика			
9	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. («примесь снизу»)	5	1,2%
10	Гончарная кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	83	20,3%

1	2	3	4
Столовая керамика			
11	Неопределенная неглазурованная керамика	5	1,2%
12	Кувшины «скалистинского типа» VII-IX вв. («примесь снизу»)	6	1,4%
13	Сфероконусы, Золотая Орда, XIV в.	1	Менее 1%
14	Глазурованная керамика группы «Elaborate Incised Ware», конец XIII-XIV в., Византия	1	Менее 1%
15	Глазурованная керамика группы «Slip-Painted Ware», XIV в., Золотая Орда	1	Менее 1%
16	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	93	22,8%
Всего:		408	100%

Датировку комплекса определяют обломки тарной и кухонной неглазурованной керамики группы ЮЗК (рис. 223, 8-9; 224, 8), золотоордынского сфероконуса (рис. 223, 10) [Сейдалиева, 2022], поливной монохромной и полихромной посуды группы ЮЗК/ЮВК (рис. 223, 6-7, 11-14; 224, 1-4, 6, 10) и редкие фрагменты импортных глазурованных изделий золотоордынского («Slip-Painted Ware») (рис. 224, 7) и византийского («Elaborate Incised Ware») (рис. 224, 9) круга. Отметим также значительное количество крупных обломков красноглиняной черепицы 1-й технологической группы с рельефными метками в виде одинарных или двояных греческих букв (рис. 223, 1-5).

Из заполнения траншеи извлечены две монеты – данг хана Узбека (1313-1341), чеканенный в 1320 г. (=720 г.х.) на монетном дворе Крым, и пул хана Токтамыша (1379-1395), предположительно, 1388 г. выпуска (монетный двор Сарай ал-Джедид). Последняя позволяет датировать археологический комплекс из заполнения траншеи концом XIV в. и считать его одним из наиболее показательных для завершающего этапа истории золотоордынского поселения на месте дворцового комплекса.

Подведем общие итоги изучения наиболее показательных археологических комплексов золотоордынского времени из раскопок дворца. Очевидно, что результаты этих исследований значительно более скромные в сравнении с такими же материалами, связанными с ранне-средневековой застройкой на месте памятника. Причиной является полная разрушенность строительного горизонта в процессе сооружения на его поверхности архитектурного ком-

плекса княжеской резиденции 1425-1475 гг. Тем не менее, сам факт обнаружения участка дневной поверхности золотоордынского поселения и связанных с ней жилых, хозяйственных и производственных комплексов является важным научным открытием раскопок, так как ранее археология Мангупа этого периода, по сути, не выделялась из общей археологии времени княжества Феодоро на городище.

Золотоордынский строительный ярус лучше всего сохранился на Западном участке исследований дворца, хотя предполагается, что он продолжался в северном и восточном направлениях, где был уничтожен в ходе строительства XV в. Очень важным является то, что его показательные археологические комплексы распределены на протяжении всего периода конца XIII-XIV вв., которым датируется история поселения. Наиболее ранними являются ямы №№64 и 69 конца XIII – первой половины XIV вв. Основная группа комплексов – постройка с каменными стенами (кладками №№118-120) и ямы №№34, 46, 65, 67-68, относится ко второй половине XIV в. Наконец, концом XIV в. датируется материал из заполнения траншеи под кладку №9, выкопанной при возведении дворцового помещения В.

Самым интригующим является интерпретация «слоя пожара» на 7-м слое в квадрате №34-35 Западного участка. Связан ли он с военной катастрофой начала 1390-х гг. в истории Мангупа, о которой известно из письменных источников, или же все-таки относится к категории локальных разрушений конца XIV в., о которых обычно сведений не сохраняется?

Однозначного ответа на этот вопрос по итогам раскопок нет. С одной стороны, пожар выявлен локальным участком, что не соответствует масштабам разрушений, описанных иеромонахом Матфеем при посещении крепости около 1395 г. С другой стороны, связь комплекса с событиями начала 1390-х гг. соответствует стратегическим условиям его образования. Он является наиболее поздним археологическим комплексом золотоордынской застройки на площади раскопа, перекрывая хорошо датированные второй половиной XIV в. жилые и хозяйственные объекты. К началу XV в. его поверхность еще оставалась заметной и сохранилась хотя бы на отдельном участке, даже несмотря на тотальную расчистку всей территории ранней застройки перед строительством дворцового ансамбля 1425-1475 гг.

Таким образом, в нашем распоряжении существуют аргументы как в пользу отождествления открытого на Западном участке слоя пожара с событиями начала 1390-х гг., так и против этой гипотезы. Очевидно, что лишь продолжении раскопок на Мангупе поможет разрешить возникшую дилемму.

Важно еще раз подчеркнуть, что представленные в монографии археологические комплексы не дают полного представления о материальной культуре Мангупского городища в золотоордынскую эпоху. Обращает внимание почти минимальное содержание в них артефактов, которые обычно соотносятся с находками золотоордынского круга на памятниках Крыма. Объяснение этой ситуации вновь связано с масштабами разрушения строительного горизонта XIV в. при возведении дворца правителей Мангупа в начале следующего столетия. Значительный объем материалов, происходящих из культурного слоя золотоордынского периода на площади раскопа, оказался, в итоге, переотложенным. Его систематизация является одной из задач дальнейшего изучения результатов раскопок памятника. Пока же попробуем пояснить наши наблюдения на примере трех групп находок.

Прежде всего, из раскопок дворца происходит значительная коллекция золотоордынских монет, которую невозможно объяснить вне существования синхронного яруса застройки на территории памятника, тем более, что другой нумизматики для этого времени просто нет. Уже предварительные подсчеты по итогам работ 2006-2010, 2014-2018 гг. показали, что объем таких находок достигает 20% от общего числа обнаруженных разновременных монет, и они

равномерно представлены номиналами Улуса Джучи от конца XIII до начала XV вв. [см.: Науменко, 2020а, с. 237, табл. 1]. Дальнейшие исследования принципиально не изменили эти выводы. По завершению раскопок в 2021 г., число золотоордынских монет составило 167 единиц из более чем 1000 найденных монет. Они распределяются в промежутке от правления Менгу-Тимура (1266-1282) до Улу-Мухаммеда (1419-1424).

Несомненными маркерами стабильных торговых связей Мангупа с крупными ремесленными центрами Золотой Орды в Поволжье в середине – второй половине XIV в. являются находки в культурном слое дворца изготовленной в них кашинной поливной керамики (рис. 225) [ее предварительный обзор см.: Герцен, Науменко, 2016б, с. 44-45]. Несмотря на то, что ни один из приведенных в общей таблице фрагментов такой парадной посуды не был обнаружен в золотоордынском комплексе на площади раскопа, нет оснований рассматривать их вне этого хронологического периода. Следует согласиться с И. Б. Тесленко о переотложенном или же «антикварном» характере находок кашинной поливной керамики золотоордынского происхождения на памятниках Крыма XV в. [Тесленко, 2021, с. 109-110].

Наконец, золотоордынский характер выявленного на месте дворца поселения конца XIII-XIV вв. подчеркивается обилием обнаруженных здесь металлических зеркал этого круга древностей (рис. 226-227) [Душенко, 2020а], изготовленных из оловянистой бронзы в ремесленных центрах Поволжья [Душенко, Антипенко, 2022]. Как и в случае с кашинной керамикой, все они принадлежат группе переотложенных находок на участке исследований. Однако, традиционная атрибуция и хронология таких изделий, имеющих множество аналогий на территории Улуса Джучи, вряд ли может быть оспорена.

Таким образом, на протяжении конца XIII-XIV вв. на месте княжеского дворца функционировал участок иррегулярной поселенческой структуры, погибшей, скорее всего, в пожаре начала 1390-х гг. Характер застройки и социальная характеристика проживавшего здесь населения окончательно станет понятной после введения в научный оборот основной группы находок этого периода времени, происходящих из более верхних культурных напластований на участке исследований 2006-2010, 2014-2021 гг.

3.4. Резиденция правителей княжества Феодоро (1425-1475 гг.)

Лучше всего сохранившийся ярус застройки на месте Мангупского дворца, представленный собственно зданиями и объектами резиденции правителей Феодоро периода 1425-1475 гг. Культурный слой этого времени встречается на всей площади раскопа, за исключением периферии Южного и Восточного участков исследований (рис. 43; 56; 70; 76; 82; 91; 93; 195; 228).

Археологические комплексы находок феодоритского периода возможно разделить на пять хронологических групп: времени строительства дворца (около 1425 г.), первого строительного периода (около 1425-1450 гг.), второго строительного периода (около 1450-1475 гг.), участки пожаров 1475 г. и с широкой датой в пределах 1425-1475 гг., то есть сформировавшихся на протяжении всей истории памятника. Основания для такого разделения, прежде всего, стратиграфические, но нужно отметить значительную роль обнаруженных маркерных находок с относительно узкими датами и достаточно большого количества монет в комплексах.

К числу хронологических маркеров дворцового периода относится, в первую очередь, поливная керамика группы ЮЗК/ЮВК, классификация которой совсем недавно была предложена И. Б. Тесленко и находится еще, по сути, на стадии обсуждения и практической апробации [Тесленко, 2021, с. 77-91]. Наиболее важным в ней является выделение среди общего массива такой продукции гончарных мастерских Крыма 1360-х - 1475 гг. поздней группы изделий периода 1425-1475 гг., особенно серий полихромных сосудов с орнаментом в технике «сграффито» (отдел III.1-3, секции С и Д) (около 1450-1475 гг.) и уже упоминавшихся монохромных чашек, мисок, тарелок и блюд с монограммой ТХ (около 1425-1475 гг.) и греческой надписью ΗΣΑΑΚ ΑΥΘΕΝΤΟΥ (около 1465-1475 гг.). Кроме этого, для установления узких датировок комплексов показательным служит присутствие в них импортной глазурованной посуды: раннеосманской групп «Miletus Ware» (около 1450-1475 гг.) [Тесленко, 2021, с. 91-97] и «Turquoise Glazed Ware» (около 1425-1475 гг.) [Тесленко, 2021, с. 97], испанского люстра (около 1425-1475 гг.; хронология для Мангупского дворца) [Тесленко, 2021, с. 97-108; см. также: Тесленко, Майко, 2019; Гиньют, 2023],

китайского селадона (около 1425-1475 гг.; хронология для Мангупского дворца) [Тесленко, 2021, с. 108-109]. Новейшие раскопки дворцового комплекса Мангупского городища позволили расширить круг опорных разновидностей привозной поливной керамики для XV в. Теперь к ним также относятся византийские светлоглиняные конические кубки группы «Slip-Painted Ware» (около 1450-1475 гг.) [Герцен, Науменко, 2010, с. 408, рис. 8, 3, 5; 11, 4-5; см.: Тесленко, 2021, с. 112] и красноглиняные миски с ребром и высоким сложно профилированным кольцевым поддоном группы «Polichrome Sgraffito and Shampleve Ware» (около 1450-1475 гг.) [Герцен, Науменко, 2010, с. 408, рис. 8, 1; 11, 3; см.: Тесленко, 2021, с. 112-113], а также ближневосточные (Иран, Сирия, Египет?) кашинные изделия группы «псевдо-селадон» (Seladon Imitation) (около 1425-1475 гг.) [Герцен, Науменко, 2016б, с. 48-49, кат. 24-28; о гипотезе их происхождения, которая нам кажется перспективной, см.: Тесленко, 2021, с. 110-112].

Все остальные группы керамических и индивидуальных находок из комплексов феодоритского периода на территории дворца, как представляется, близки между собой, по крайней мере, на современном этапе их изучения.

Археологические комплексы времени строительства дворца (около 1425 г.)

Всего таких комплексов выделено пять. Стратиграфически к ним также можно отнести 6-й слой в помещении В (галерея) (2007 г.) и 5-й слой (пол) в помещении J (2016 г.), но среди находок здесь только от 20 до 40% материала дворцового периода. Остальные отражают длительный процесс формирования культурных горизонтов, начиная с эпохи раннего средневековья.

Среди перечисленных ниже археологических объектов особо выделим 6-й слой на Северном участке с датирующей монетой хана Улуг-Мухаммеда (1419-1424) выпуска 1420-1421 гг., маркирующей время строительства оборонительной башни дворца (помещения А). Также отметим, что структура всех керамических комплексов начала XV в. на площади раскопа мало чем отличается от более ранних, датированных концом XIV в. (см., например, уже описанную засыпь строительной траншеи под кладку №9, 2020-2021 гг., Западный участок, квадраты №№34, 46, 48).

**2009 г. Южный участок. Квадраты №№7-9.
Дворцовая «южная улица». Мостовая**

Как уже отмечалось, мощение этой улицы выявлено на протяжении всей сохранившейся ее трассы протяженностью около 24,00 м (рис. 91; 229-230). По структуре, представляет горизонт вымостки, местами двухуровневый (ремонт), из мелкого бутового камня на «подушке» известкового раствора с использованием мергелевых плит, либо просто черепично-щебнистую подсыпку. Общая мощность слоя составляет 0,05-0,15 м.

К сожалению, археологический комплекс находок из мостовой содержит более 50% материала без точной атрибуции либо принадлежащего разряду «примеси снизу». Среди датирующих находок отметим фрагменты кухонной керамики группы ЮЗК (рис. 231, 6-8) и поливных сосудов группы ЮЗК/ЮВК, как правило, с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 231, 2, 10; 232). С учетом отсутствия маркерных для 1425-1475 г. групп глазурованной посуды и стратиграфических наблюдений, это позволяет датировать образование комплекса временем строительства дворца (около 1425 г.), хотя двуслойный характер мощения на отдельных участках улицы предполагает ее позднейшие ремонты.

Говоря о некерамических и индивидуальных находках из мостовой, отмечаем обилие костей

животных и створок раковин моллюсков, что типично для культурных горизонтов дворцового периода, отсутствие среди них монет и плохую сохранность металлических изделий. Среди последних выделим фрагмент железного наконечника стрелы с овальной в сечении головкой (рис. 231, 3) и необычную форму нижней части подсвечника (рис. 231, 9).

**2017 г. Западный участок.
Квадрат №30-31. 1-я западная улица.
Горизонт мощения (слой №6)**

На трассе 1-й западной улицы протяженностью до 19,60 м ее поверхность представляет собой горизонт искусственного мощения из мелкого бутового камня, крупного щебня, окатанных фрагментов керамики общей мощностью от 0,05 до 0,20 м (слой №6 в стратиграфии участка исследований) (рис. 43; 233). В западной части (квадраты №№32-33) залегает на скале, выполняя роль черепично-щебнистой забивки ее неровностей, в восточной части (квадрат №№30-31) подоснова мощения иная – тонкая (до 0,05 м) известковая прослойка, перекрывающая дневную поверхность золотоордынского времени (слой №7 в общей стратиграфии).

Наиболее показательный археологический комплекс находок из 6-го слоя на трассе 1-й западной улицы происходит из квадрата №30-31:

**Таблица №45. Западный участок. Квадрат №30-31. 1-я западная улица. 6-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категория керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	406	39%
2	Керамиды 2-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	26	2,5%
3	Керамиды и калиптеры 3-й группы, IX-X вв.	29	2,8%
Тарная керамика			
4	Пифосы желобчатые без точной атрибуции	124	12%
5	Амфоры ранневизантийского времени типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типа LRA 1 и 2 («примесь снизу»)	107	10,3%
6	Амфоры IX-XI вв. классов 24, 36, 41 по ХК-95 («примесь снизу»)	146	14,1%
7	Амфоры классов 45/48, 52 по ХК-95, XIII-XV вв.	15	1,4%
8	Кувшины XIV-XV вв. группы ЮЗК	42	4%

1	2	3	4
Кухонная керамика			
9	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге IX-X вв. («примесь снизу»)	10	Менее 1%
10	Гончарная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	48	4,6%
11	Гончарная керамика XV вв. группы ГРВ	2	Менее 1%
Столовая керамика			
12	Кувшины «скалистинского типа» VII-X вв. («примесь снизу»)	6	Менее 1%
13	Глазурованная керамика группы ЮЗК/ЮБК групп «Monochrome (Green or Yellow) Ware», «Monochrome (Yellow and Brown) Ware», «Monochrome (Yellow and Brown) Sgraffito Ware», «Polychrome Sgraffito Ware», 60-е гг. XIV – 1475 г.	57	5,5%
14	Византийская глазурованная керамика конца XIII-XIV вв.: группы «Elaborate Incised Ware», «Zeuxippus Derivatives»	5	Менее 1%
15	Глазурованная керамика XIV в., Золотая Орда: группа «Monochrome (Yellow or Green) Sgraffito Ware»	5	Менее 1%
16	Глазурованная керамика группы «Miletus Ware», XV в., Османская империя	3	Менее 1%
Всего:		1031	100%

Более 60% материала имеет датирующий характер. Для хронологии особенно важным является большое количество фрагментов бытовой неглазурованной керамики группы ЮЗК (рис. 234, 1, 5) и поливных изделий группы ЮЗК/ЮБК (рис. 234, 6-11; 235, 1-11, 16; 236, 16, 18). Мелкие обломки кухонных горшков с рельефовидным венчиком группы ГРВ [Тесленко, 2015; Тесленко, 2021, с. 71-75] и раннеосманской глазурованной керамики группы «Miletus Ware», характерные для периода 1450-1475 гг. на территории дворца, указывают на время использования улицы вплоть до событий 1475 г. Также отметим присутствие среди находок фрагментов поливной керамики из предшествующего сооружению дворцового комплекса строительного горизонта – золотоордынской монохромной с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 234, 4, 12; 236, 19) и византийской групп «Elaborate Incised Ware» (рис. 234, 2-3; 236, 20) и «Zeuxippus Derivatives» (рис. 236, 18). К этому же периоду относятся наиболее поздние монеты, выпущенные в правление ханов Токты (1291-1313) (2 экз.), Узбека (1313-1345) и в 1350-1365 гг. (анонимный пул монетного двора Сарац ал-Джедид).

В целом археологический комплекс может быть датирован в пределах второй половины

XIV – начала XV вв., но стратиграфически мощнее 1-й западной улицы надежно соотносится со строительством дворцового комплекса около 1425 г.

Индивидуальные находки из 6-го слоя разнообразны и разновременны. Отметим пряслица, изготовленные из глины (рис. 235, 12-13) и песчаника (рис. 235, 14), грузики из крупной гальки (рис. 235, 15) и свинца (рис. 236, 21), известняковое ядро от пращи (рис. 236, 7), костяной диск неясного назначения с центральным и тремя симметричными боковыми отверстиями (рис. 236, 10), фрагмент браслета из синего пастового стекла (рис. 236, 4), изделия из бронзы – нательный крестик (рис. 236, 2), мечеобразную книжную закладку (рис. 236, 5), кольцо с незамкнутыми концами (рис. 236, 13), литую подвеску с 6-лепестковой розеткой в центре (рис. 236, 15). Близок к датировке комплекса фрагмент металлического золотоордынского зеркала (рис. 236, 14). Как «примесь снизу» следует рассматривать фрагменты деталей бронзовых ранневизантийских пряжек – уплощенной (снизу) рамки, украшенной врезным волнистым (в виде «змейки») орнаментом (рис. 236, 12) и фигурного щитка (рис. 236, 1). Их хронология укладывается в пределах VI-VIII вв. Из 6-го слоя происходит фрагмент

молотка из диорита с полированной поверхностью, который относится к эпохе бронзы и является редким материальным свидетельством освоения Мангупского плато населением Крымских предгорий в это время (рис. 236, 3).

2019 г. Западный участок. Квадраты №№34-35, 48. «Западный двор». Каменная вымостка (6-й слой)

Характер покрытия «западного двора» Мангупского дворца резко отличается от мо-

щения 1-й западной улицы. В центральной части Западного участка выявлены остатки его каменной мостовой из известняковых плит и крупных блоков с уплощенной поверхностью (рис 43-45; 237). Общая мощность этой вымостки (слоя №6), вместе с подстилающей грунтовой подсыпкой, составляет от 0,10 до 0,25 м.

Археологический комплекс находок из 6-го слоя на территории «западного двора» в основном представлен фрагментами керамики:

Таблица №46. Западный участок. Квадраты №№34-35, 48. «Западный двор». 6-й слой. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды, калиптеры, плинфа 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	465	41%
2	Керамиды и калиптеры 2-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	45	4%
3	Керамиды и калиптеры 3-й группы IX-X вв.	5	Менее 1%
4	Водоотводный желоб VI-VII вв.	1	Менее 1%
Тарная керамика			
5	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции	44	3,8%
6	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв. («примесь снизу»)	5	Менее 1%
7	Амфоры ранневизантийского времени типа LRA 1 и 2, типа V по ХК-71, класса 1 и 2 по ХК-95 («примесь снизу»)	71	6,2%
8	Амфоры VIII-X вв. классов 24, 36 и 41 по ХК-95 («примесь снизу»)	114	10%
9	Амфоры типа III/IV по Гюнзенин, класса 52 по ХК-95, XIII-XV вв.	10	Менее 1%
10	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК	39	
11	Амфоры и тарные кувшины без точной атрибуции	7	Менее 1%
Кухонная керамика			
12	Лепная лощеная керамика V-VII вв. («примесь снизу»)	3	Менее 1%
13	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. («примесь снизу»)	13	Около 1%
14	Гончарная кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	170	15%
15	Гончарная кухонная керамика XV вв. группы ГРВ	5	Менее 1%
Столовая керамика			
16	Неопределенная неглазуванная керамика	7	Менее 1%
17	Кувшины «скалистинского типа» VII-X вв. («примесь снизу»)	11	Около 1%
18	Гончарная неглазуванная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	14	Около 1%

1	2	3	4
19	Глазурованная керамика без точной атрибуции	1	Менее 1%
20	Глазурованная керамика X-XI вв., группа «Glazed White Ware II», Византия	1	Менее 1%
21	Глазурованная керамика второй половины XIV в., группа «Elaborate Incised Ware», Византия	2	Менее 1%
22	Глазурованная керамика XIV в., группы «Monochrome (Green; Yellow) Sgraffito Ware», «Slip-Painted Ware», Золотая Орда	12	Около 1%
23	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	88	7,7%
24	Глазурованная керамика 1425-1475 гг., группы «Lustre Ware» (Испания) и «псевдо-саладон (Ближний Восток)	3	Менее 1%
	Всего:	1136	100%

Более 70% находок составляют датирующую группу. Ее характеризуют фрагменты поливных сосудов открытых и закрытых форм группы ЮЗК/ЮВК, покрытых монохромной или полихромной глазурью, как правило, с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 238, 1-7; 239, 1-7). Немногочисленный импорт XIV в., скорее, его второй половины, представлен мелкими обломками византийской глазурованной посуды группы «Elaborate Incised Ware» (рис. 238, 9) и золотоордынских групп «Monochrome (Green; Yellow) Sgraffito Ware» и «Slip-Painted Ware» (без рисунка) (рис. 238, 8; 239, 10). Впервые встречены фрагменты характерных для периода 1425-1475 гг. испанского люстра (группа «Lustre Ware») (рис. 238, 10) и изделий группы «псевдо-саладон» (рис. 238, 11), что подтверждает стратиграфическую дату сооружения вымостки «западного двора» около 1425 г.

Группа индивидуальных находок из 6-го слоя немногочисленна. Отметим диск из песчаника от ротационного жернова IX-XI вв. диаметром 42,00 см (рис. 238, 14), который был вторично использован в качестве строительного материала при сооружении вымостки двора, фрагмент изделия из трубчатой кости с циркульным орнаментом (рис. 238, 12), вставку от перстня и фрагмент браслета из синего пастового стекла (рис. 239, 8, 13), железную бесщитковую пряжку (рис. 239, 9), медную с плакировкой желтым металлом золотоордынскую поясную накладку с рельефным орнаментом растительного характера (рис. 238, 13) и свинцовый грузик с отверстием (рис. 239, 12). Из слоя происходят 7 монет, из которых поздними являются анонимные пулы первой половины XIV в. и 1370-1371 гг., выпущенные на монетном дворе Крым.

2019-2020 г. Западный участок. Квадрат №48. Пятно известкового раствора на 7-м слое

Зачищено на поверхности 7-го слоя вдоль северного борта раскопа. Его общие размеры 0,55 x 0,40 м, мощность до 0,10 м (рис. 43; 56; 240, 1). Стратиграфически комплекс, скорее всего, относится ко времени строительства дворца около 1425 г. и может рассматриваться в качестве временного растворного узла при сооружении строений его «западного двора». Однако, такая интерпретация наталкивается на определенные трудности при анализе обнаруженных находок.

Среди немногочисленных и невыразительных фрагментов керамики из пятна раствора надежной атрибуции поддаются только две группы изделий – фрагменты сероглиняных кувшинов с рельефным орнаментом, выполненным в технике тиснения в матрице-кальпе (рис. 240, 5-6), и красноглиняных поливных сосудов группы ЮЗК/ЮВК под монохромной желтой глазурью, в том числе с остатками монограммы ТХ на лицевой стороне (рис. 240, 2-4). Первые хорошо известны для памятников золотоордынского времени в Крыму и Приазовья и рассматриваются как продукция гончарных центров Сугдеи, Солхата и поселения Бокаташ II [о подобных находках на Мангупе, правда, покрытых монохромной зеленой глазурью см.: Науменко, Душенко, 2019, с. 222-223]. Вторые являются маркерной группой поливной керамики на территории дворца для периода 1425-1475 гг.

Объяснить их одновременное присутствие в археологическом комплексе возможно лишь да-

тировав его периодом около 1425 г. В ином случае, следует отнести находки золотоордынских кувшинов с тисненым орнаментом к «примеси снизу», что, как нам представляется, здесь выглядит мало вероятным.

2021 г. Северный участок. Квадраты №№50 и 51. 6-й слой

Как уже говорилось в разделе, посвященном стратиграфии участка исследований, данный культурный горизонт рассматривается на Северном участке в качестве дневной поверхности времени строительства резиденции правителей Феодоро на Мангупе, сформировавшимся не позднее 1425 г. (рис. 70; 242). По структуре, представляет собой надскаль-

ный плотный грунт серого цвета с включениями угольков, щебня и мелкого бутового камня мощностью 0,10-0,30 м. В квадрате №51 на его поверхности фиксируется несколько крупных пятен разложившегося известкового строительного раствора и контуры заполнения строительной траншеи под восточную стену помещения А (кладку №4). В квадрате №50 с уровня горизонта выкопана хозяйственная яма №82. Здесь же поверхность 6-го слоя является основанием для возведения ямы №80, квадратного в плане сооружения со стороной 2,25 м, пристроенного к западной стене помещения А (кладке №2).

Археологический комплекс находок состоит в основном из фрагментов керамики:

**Таблица №47. Северный участок. Квадраты №№50-51. 6-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	632	44,7%
2	Керамиды и плинфы 2-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	13	Около 1%
3	Керамиды и плинфа 3-й группы, IX-X вв.	41	2,9%
4	Керамиды и калиптеры 4-й группы	6	Менее 1%
Тарная керамика			
5	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции	86	6%
6	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв. («примесь снизу»)	4	Менее 1%
7	Амфоры ранневизантийского времени типа LRA 1, 2 и 4, класса 1 по ХК-95, типа V по ХК-71 («примесь снизу»)	76	5,4%
8	Амфоры VIII-X вв. классов 24, 36 и 41 по ХК-95 («примесь снизу») (рис. 243, 3-4)	195	13,8%
9	Амфоры класса 52 по ХК-95, XIII-XV вв.	9	Менее 1%
10	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК	25	1,7%
11	Амфоры и кувшины без точной атрибуции	52	3,7%
Кухонная керамика			
12	Лепная керамика с подлощеной поверхностью, V-VII вв. («примесь снизу»)	2	Менее 1%
13	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. («примесь снизу»)	30	2,1%
14	Гончарная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	122	8,6%

1	2	3	4
Столовая керамика			
15	Неглазурованная гончарная керамика без точной атрибуции	43	3%
16	Кувшины «скалистинского» типа, VII-IX вв. («примесь снизу»)	14	Около 1%
17	Гончарная неглазурованная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	1	Менее 1%
18	Глазурованная керамика группы GWW-II, X-XI вв., Византия («примесь снизу») (рис. 243, 5)	3	Менее 1%
19	Глазурованная керамика группы «Lustre Ware», Испания, 1425-1475 гг.	1	Менее 1%
20	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	58	4,1%
Всего:		1413	100%

К датирующей группе находок относится порядка 75% материала. Ее, прежде всего, характеризуют тарная, кухонная и столовая керамика группы ЮЗК (рис. 242, 1-2, 4; 243, 7-8) и глазурованная посуда группы ЮЗК/ЮВК (рис. 242, 3, 5-9; 243, 1-2, 9-10, 12). Особо отметим фрагмент дна на кольцевом поддоне от поливного сосуда с монограммой «ТХ» (рис. 243, 11), который, вместе с серебряной монетой золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда (1419-1424), выпущенной на монетном дворе Хаджи-Тархан в 1420-1421 гг., позволяет надежно отнести верхнюю границу формирования вещественного комплекса находок из 6-го слоя к первой четверти XV в. (около 1425 г.). В слое также обнаружен фрагмент стенки от поливного сосуда, украшенного в технике «люстр» (рис. 242, 10), характерная находка для археологических комплексов периода 1425-1475 гг. на территории Мангупского дворца.

В таком случае данг хана Токтамыша (1379-1395) выпуска 1393-1394 гг. (монетный двор «Крым») из 6-го слоя маркирует нижнюю границу его образования. Ему, скорее всего, синхронны серьга из серебряной проволоки с незамкнутыми заостренными краями (рис. 242, 12) и железный черешковый наконечник стрелы с ромбовидным в сечении острием (рис. 243, 17).

Остальные индивидуальные находки рассматриваются как «примесь снизу» либо не имеют точной хронологической атрибуции: фрагменты красноглиняного пряслица с усеченно-коническим профилем, украшенное рядами треугольных насечек (рис. 243, 6), стеклянных изделий (рис. 243, 13-14), бронзового браслета с утолщенным краем (рис. 242, 11), железного креста из двух скрепленных прямоугольных пластин (рис. 243, 16) и свинцовый плоский грузик с отверстием (рис. 243, 15).

Археологические комплексы первого строительного периода (около 1425-1450 гг.)

В ходе анализа стратиграфии на участке исследований выделено всего три археологических комплекса этого периода. Материал из них в целом невыразительный, из-за чего основной принцип датировки – стратиграфический. Такая сохранность ранних комплексов в истории дворца указывает на его сильную перестроенность в середине – начале третьей четверти XV в. Возможно, стратиграфически к этому периоду времени также относится хозяйственная яма №42 (2015 г., Юго-Западный участок, квадраты №№16-19), но находки из нее еще менее информативны.

2009 г. Центральный участок. Помещение I и простенок между кладками №№16 и 73. 4-й слой

4-й слой в помещении I, надскальный серый плотный грунт с щебнем, угольками, пятнами разложившегося раствора, горизонтально лежащими фрагментами керамики и створками раковин моллюсков мощностью до 0,40 м, стратиграфически является ранним полом постройки (рис. 244). Его происхождение объясняет значительную «примесь снизу» среди находок (около 65%). Лишь 25% обнаруженного материала относится к датирующей группе. Среди них наиболее важными являются обломки амфор класса 52 по ХК-95 (рис. 246, 1), кувшинов с широкими («ленточного» типа) плоскими ручками, украшенными росписью линиями светлого ангоба, и горшков с врезными концентрическими линиями по горлу группы ЮЗК (рис. 245,

1-3), глазурованной керамики группы ЮЗК/ЮВК (рис. 245, 4-6, 8-9; 246, 4-5) и особенно раннеосманской поливной посуды группы «Miletus Ware» (рис. 246, 2). Присутствие последней в комплексе вместе со стратиграфическими наблюдениями позволяет датировать его ранним периодом истории дворца, то есть 1425-1450 гг. В таком случае верхний пол в помещении (слой №3) должен быть отнесен к 1450-1475 гг.

Индивидуальные находки крайне невыразительны. Отметим коричневоглиняное пряслице (рис. 246, 3) и фрагмент металлического золотоордынского зеркала (рис. 245, 7).

2009 г. Центральный участок. Квадрат №10-14.

7-й слой к востоку от помещения F

Стратиграфически является ранним уровнем (полом) дневной поверхности вокруг помещения F. Сохранился полосой шириной от 2,00 до 5,00 м на участке между помещением и кладками №№67 и 74 (рис. 87; 247). Поверхность отмечена пятнами гари и многочисленными фрагментами или целыми экземплярами стандартизированной красноглиняной плитки прямоугольной или квадратной формы размерами 11,40-13,60 x 11,50-12,50 x 2,60-3,70 см, уже опубликованной (рис. 248, 5-12; 249) [Моисеев, 2013, с. 185-189, рис. 4 (тип 3, вариант 1)]. Вероятно, речь идет о разрушенной вымостке на прилегающей к галерее территории.

Плитка составляет 70% находок в археоло-

гическом комплексе находок из 7-го слоя. Среди остальных материалов, имеющих датирующий характер, отметим мелкие фрагменты кухонной керамики группы ЮЗК (рис. 248, 4) и поливной посуды группы ЮЗК/ЮВК (рис. 248, 1-3, 5). Безусловно, такой набор артефактов не выглядит безупречным для узкой датировки комплекса. Однако, стратиграфические наблюдения позволяют отнести его к раннему строительному периоду в истории дворца, то есть к 1425-1450 гг.

2015 г. Юго-Западный участок. Квадраты №№16-19.

Дворцовая «южная площадь». Плитовая вымостка на 5-м слое

«Южная площадь», от которой *in situ* сохранился фрагмент каменной вымостки площадью около 90 кв. м (размеры 9,20 x 9,70 м) из массивных известняковых и мергелевых плит с максимальными размерами 1,00 x 1,00 м и 1,20 x 0,80 м, является основным дворцовым объектом на Юго-Западном участке исследований (рис. 104; 250, 1). Она сооружена на поверхности 5-го слоя в этой части раскопа, что предполагает принадлежность к раннему периоду в истории памятника.

Археологический комплекс состоит из фрагментов керамики, извлеченных из стыков между плитами вымостки и каменно-земляной субструкции под ними, то есть он отражает как период строительства, так и функционирования площади. В статистическую таблицу внесены только датирующие находки, составлявшие порядка 67% в комплексе:

**Таблица №48. Юго-Западный участок. Квадраты №16-19.
Дворцовая «южная площадь». Вымостка на 5-м слое.
Основные категории датирующих находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	Керамиды и калиптеры 1-й и 2-й групп, 60-е гг. XIV в. – 1475 г.	111	44%
2	Амфоры классов 45 и 52 по ХК-95, тарные кувшины XIV-XV вв. группы ЮЗК	69	27,5%
3	Кухонные горшки XIV-XV вв. группы ЮЗК	48	19%
4	Глазурованные кувшины группы «Monochrome (Green) Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV в. – 1475 г.	10	4%
5	Глазурованная керамика группы «Slip-Painted Ware», Византия, около 1450-1475 гг.	1	Менее 1%
6	Глазурованная керамика группы «Miletus Ware», Османская империя, около 1450-1475 гг.	1	Менее 1%
7	Селадон, Китай, около 1425-1475 гг.	1	Менее 1%
	Всего:	241	100%

К сожалению, они не слишком презентабельны (рис. 250, 2-7). С учетом мелких фрагментов поливных сосудов раннеосманского, византийского и китайского происхождения комплекс осторожно можно датировать серединой XV в., не позднее. В этой связи решающее значение получает наиболее поздняя нумизматическая находка, обнаруженная при разборе вымостки площади – уникальный серебряный данг хана Золотой Орды Кебека (Кебека) (1413-1414), выпущенный на монетном дворе Сарай в 1413-1414 гг. (=816 г.х.). Таким образом, возведение южной площади княжеского дворца произошло где-то между 1413 и 1450 гг., скорее всего, ближе к последней дате.

Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.)

Самая многочисленная группа археологических комплексов на площади раскопа. Наиболее показательными являются заполнения семи хозяйственных ям, раскопанных на Южном (ямы №№29 и 34), Юго-Западном (ямы №№41 и 45), Центральном (ямы №№35 и 36) и Западном (яма №66) участках исследований. Отметим также четыре синхронные им археологических объекта с менее информативным материалом: 3-й слой в помещении I и простенке между №№16 и 73, поздний пол постройки (2009 г., Центральный участок), 6-й слой в квадрате №10-14, поздний пол помещения F (2009 г., Центральный участок), засыпь скальной лакуны в юго-восточном углу помещения I (2009 г., Центральный участок) и заполнение ямы №43 в квадратах №№22-23 (2015 г., Юго-Западный участок).

2008 г. Южный участок. Яма №29. Заполнение

Яма №29 ограничивает с востока «верхнюю террасу» на Южном участке дворцового комплекса (рис. 91-92). В плане имеет подовальную форму с внутренним диаметром 1,20 x 1,70 м и близкий к цилиндрическому профиль глубиной до 2,40 м. Южный и восточный борта образуют кладка №39 и западная стена помещения L (кладка №50), северный и западный – кольцевая кладка №41. Последняя представляет собой однорядную бытовую кладку из разномерного камня без связующего раствора высотой до 0,80 м (рис. 251).

Заполнение ямы трехслойное. Верхним горизонтом (слоем №1) является гумусиро-

ванный рыхлый грунт с камнем мощностью 0,25-0,30 м, образовавшийся, вероятно, в результате естественного обрушения обкладки ямы после прекращения ее использования. 2-й слой представляет собой серый рыхлый грунт с мелким и средним камнем, углями, мергелевыми плитками и фрагментами керамики мощностью до 0,80 м. Интерпретируется как «слой нивелировочной засыпи» хозяйственного сооружения после прекращения его использования. 3-м слоем является коричневый рыхлый грунт, возможно, органического происхождения, с крупным и средним камнем и крупными фрагментами керамики мощностью 0,50-0,80 м. Функционально определяется как «слой первоначальной засыпи» ямы, но, с учетом большого числа форм керамических сосудов, собравшихся полностью или археологически целых (всего 11 экземпляров), не исключаем, что яма использовалась как место хранения многих из них.

Археологический комплекс находок из заполнения ямы №29 является одним из лучших за все годы исследований дворца для характеристики материальной культуры его обитателей в 1450-1475 гг. Он опубликован в 2010 г. с подробным анализом [Герцен, Науменко, 2010, с. 397-412], что дает возможность здесь ограничиться общими замечаниями в отношении его структуры и датировки.

Комплекс состоит в основном из фрагментов керамики, костей животных и створок раковин моллюсков. Наблюдается значительное количество остеологических и ихтиологических материалов – от 34-37% в верхнем и нижнем горизонтах до 70% во 2-м слое заполнения, что является одной из особенностей структуры культурных горизонтов дворца, связанных с периодом его функционирования.

Индивидуальные находки немногочисленны и плохой сохранности, за исключением разнообразной коллекции стеклянных сосудов, обнаруженных в слое №3 (рис. 260). Керамические находки представлены обломками черепицы, тарных и бытовых изделий. Необходимо обратить внимание на значительную долю (65-72%) материалов времени функционирования дворцового комплекса. Остальные принадлежат сосудам ранневизантийского периода («примесь снизу»), либо не имеют точной атрибуции.

По структуре, комплексы всех трех горизонтов заполнения ямы №29 близки между собой, что указывает на их образование в течение небольшого промежутка времени:

**Таблица №49. Южный участок. Яма №29. Заполнение.
Основные категории датирующих находок. Атрибуция и статистика**

№ п/п	Категории керамических находок	Заполнение ямы №29					
		1-й слой		2-й слой		3-й слой	
		Всего фр-в	%	Всего фр-в	%	Всего фр-в	%
1	Красноглиняная черепица, 60-е гг. XIV в. – 1475 гг.	40	33	29	51,8		
2	Амфоры класса 52 по ХК-95, XIII-XV вв. (рис. 253, 7-8)					14	3,1
3	Тарные кувшины группы ЮЗК, XIV-XV вв. (рис. 253, 9)					13	2,9
4	Кухонные горшки и столовые кувшины группы ЮЗК, XIV-XV вв. (рис. 252, 2-7, 17-18; 253, 11-12; 254; 255, 1, 3-7; 256, 1-3; 259, 1)	28	23,1	19	33,9	270	60,6
5	Неглазурованная керамика без точной атрибуции (рис. 252, 1, 8-10; 253, 6, 9; 255, 2; 258, 4-5)	40	33			41	9,2
6	Монохромные глазурованные кувшины группы ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV в. – 1475 гг.					11	2,5
7	Глазурованная керамика группы «Polychrome Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV в. – 1475 гг. (рис. 252, 15; 253, 2; 258, 2, 6, 11)	12	9,9	1	1,8	23	5,1
8	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Yellow-Brown) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV в. – 1475 гг. (рис. 252, 20; 258, 15)			2	3,6		
9	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Yellow or Green) Glazed Wares», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV в. – 1475 гг. (рис. 252, 13-14, 16, 19; 253, 1; 258, 1, 7-8, 10, 12-13)			5	8,9	14	3,1
10	Раннеосманская поливная керамика группы «Miletus Ware», 1450-1475 гг. (рис. 256, 4)					8	1,8
11	Византийская поливная керамика группы «Polychrome (Brown and Green) Sgraffito and Shampleve Ware», 1450-1475 гг. (рис. 257, 1)					15	3,4
12	Византийская поливная керамика группы «Slip-Painted Ware», 1450-1475 гг. (рис. 256, 5; 257, 2; 258, 9)					34	7,6
13	Группа «псевдо-селадон», Ближний Восток, 1425-1475 гг. (рис. 258, 3)					2	менее 1
14	Бело-синяя кашинная керамика, Золотая Орда, вторая половина XIV-XV вв. (рис. 252, 12)	1	менее 1				
Всего:		121	100	56	100	445	100

Хронология ямы устанавливается на основе присутствия в ее нижнем слое заполнения нескольких целых изделий импортной глазурованной керамики, характерных для периода 1450-1475 гг. – раннеосманской группы «Miletus Ware» и византийской групп «Polychrome (Brown and Green) Sgraffito and Shampleve Ware» и «Slip-Painted Ware» (рис. 256, 4-5; 257). Эту датировку уточняет монета из 2-го слоя заполнения ямы – генуэзско-татарский аспр, выпущенный в Каффе в 1458-1459 гг.

Таким образом, яма №29 была сооружена, использовалась и засыпана в промежутке между 1458/1459 и 1475 гг., скорее всего, незадолго до турецкой осады 1475 г.

2008 г. Южный участок. Помещение Н. Яма №34.

Заполнение. 1-й слой («слой отвалов» 1912-1913 гг.)

Конструкция и стратиграфия ямы №34, открытой в северо-западном углу помещения Н, уже неоднократно анализировалось в нашей работе (рис. 96-98; 199-200). Материал из нижнего слоя заполнения (слоя №2) указывает на ее принадлежность золотоордынского яруса застройки на месте дворца и позволяет датировать второй половиной XIV в. Однако, при выборке 1-го (верхнего) слоя заполнения ямы (по сути «слоя отвалов» из раскопок Р. Х. Лепера), первоначально в 1912-1913 гг., а затем во время новейших раскопок памятника в 2008 г., был получен выразительный комплекс феодоритского периода времени с узкой датой в пределах 1453-1462 гг. [Науменко, Душенко, 2017, с. 223-225]. Очевидно, это свидетельствует о двух этапах в истории хозяйственного сооружения, окончательно засыпанного при строительстве помещения Н.

Археологический комплекс находок из засыпки 1453-1462 гг. представлен, прежде всего, целыми и фрагментированными керамическими изделиями [см. их полную статистику: Науменко, Душенко, 2017, с. 223-224, табл. 1]. Среди них датирующий характер имеют тарная и бытовая керамика группы ЮЗК (рис. 261, 1-3), поливная посуда группы ЮЗК/ЮВК, в том числе с монограммами ТХ и ТХВ (всего 7 археологически целых форм) (рис. 261, 4, 6-7; 262, 1, 5, 7; 263-265; 266, 1), группы «Miletus Ware» (рис. 266, 2), группы «Turquoise Glazed Ware» (под бирюзовой опаловой глазурью) (рис. 262, 8) и группы «псевдо-селадон» (рис. 261, 5). Вместе с найденной в слое мо-

нетой хана Хаджи-Гирея (1441-1466) 1453 г. выпуска это позволяет датировать засыпь началом третьей четверти XV в. Отметим фрагменты византийских глазурованных сосудов группы «Elaborate Incized Ware», в том числе с монограммой ПРДМ («Продром») (рис. 261, 8-9; 262, 6), очевидно, связанных с первоначальным горизонтом заполнения ямы второй половины XIV в.

Индивидуальные находки менее выразительны. Из 1-го слоя заполнения ямы происходят фрагмент известнякового блока с остатками надписи греческими буквами, оставшейся без прочтения (рис. 262, 4), известняковый шарик от пращи (рис. 261, 12), пряслице из темно-серой гальки (рис. 261, 11), бронзовая каплевидная пуговица с плакировкой желтым металлом (рис. 261, 10) и фрагменты кувшинов из бесцветного прозрачного стекла с вогнутым дном на фестончатом кольцевом поддоне (рис. 262, 2) или украшенных напаянной синей стеклянной нитью (рис. 262, 3).

2009 г. Центральный участок. Помещение I. Яма №35. Заполнение

Расположена в северо-восточной части помещения I (рис. 81; 83; 267). В плане имеет овальную форму общими размерами 1,60-2,00 м. По всей видимости, выкопана с уровня 3-го слоя на глубину не менее 1,55-1,60 м, донная часть еще на 0,50-0,60 м вырублена в скале. Контур котлована обложен кольцевой однорядной бутовой кладкой №69 без видимых следов связующего раствора. Стратиграфически, таким образом, сооружение и функционирование ямы №35 относится ко второму строительному периоду в истории помещения I, то есть к 1450-1475 гг.

Заполнение включает три культурных горизонта, каждый мощностью 0,50-0,60 м. 1-м (верхним) слоем является гумусированный рыхлый грунт с бутовым камнем. Среди немногочисленных находок отметим фрагменты кухонных горшков с врезными концентрическими линиями по горлу группы ЮЗК и поливных сосудов с орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК/ЮВК (рис. 268, 1, 3). 2-м слоем заполнения является серый плотный грунт с угольками и камнем. Образовался в результате обрушения обкладки ямы после прекращения ее использования. Из находок отметим фрагменты кухонной керамики группы ЮЗК (рис. 268, 2, 6, 12), поливных изделий группы ЮЗК/ЮВК (рис. 268, 5; 269, 1-2), глазурованной чашки из кашина группы

«псевдо-саладон» (рис. 269, 3), известняковое ядро от пращи (рис. 268, 11) и костяное навершие обкладки ручки ножа (рис. 268, 8).

Наиболее показательным для установления хронологии ямы №35 является археологический комплекс находок из ее 3-го (нижнего) слоя заполнения – серого плотного грунта, на-

сыщенного органикой, угольками, фрагментами керамики, огромным количеством костей животных и створок раковин моллюсков (около 2000 в). Такая структура культурного горизонта указывает на использование ямы для сбора бытового мусора и пищевых отходов в процессе функционирования помещения I:

Таблица №50. Центральный участок. Помещение I. Яма №35. Заполнение. 3-й слой. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	58	17,5%
2	Керамиды 2-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	1	Менее 1%
3	Плинфа 3-й группы, IX-X вв.	1	Менее 1%
Тарная керамика			
4	Пифосы гладкостенные без точной атрибуции	1	Менее 1%
5	Амфоры раннесредневекового времени типов LRA 1 и 2, классов 1 и 24 по ХК-95, типа V по ХК-71 («примесь снизу»)	23	6,9%
6	Амфоры класса 52 по ХК-95, тарные кувшины группы ЮЗК, XIV-XV вв.	93	28%
Кухонная керамика			
7	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. («примесь снизу»)	6	1,8%
8	Гончарная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	69	20,8%
9	Гончарная керамика группы ГРВ, 1450-1475 гг.	38	11,5%
Столловая керамика			
10	Неглазурованная и глазурованная керамика без точной атрибуции	6	1,8%
11	Глазурованная керамика группы ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	24	7,3%
18	Глазурованная керамика группы «Miletus Ware», Османская империя, 1450-1475 гг.	1	Менее 1%
19	Глазурованная керамика группы «Lustre Ware», Испания, 1425-1475 гг.	2	Менее 1%
20	Глазурованная керамика группы «псевдо-саладон», Ближний Восток, 1425-1475 гг.	8	2,4%
Всего:		331	100%

Более 85% материала в археологическом комплексе относится к дворцовому периоду. Наиболее показательными являются фрагменты тарной и кухонной керамики группы ЮЗК (рис. 269, 5-7; 270), горшков группы ГРВ

(рис. 272, 1-3), глазурованной посуды группы ЮЗК/ЮВК (рис. 269, 8; 271, 1-3, 6-11), импортных поливных изделий групп «Miletus Ware» (рис. 271, 14), «Lustre Ware» (рис. 271, 12) и «псевдо-саладон» (рис. 271, 4-5, 13). Из ком-

плекса происходит монета хана Хаджи-Гирея I (1422-1466) выпуска 1462 г., что позволяет его датировать в пределах 1462-1475 гг.

Из индивидуальных находок отметим разнообразную коллекцию стеклянных (рис. 272, 4; 273, 1-11) [лампада опубликована: Ганцев, 2020б], костяных (рис. 273, 12-15) и железных (рис. 273, 21-22) изделий, фрагмент перстня из темно-зеленого со светлыми прожилками камня с плоским шестигранным щитком (рис. 273, 19), медную серьгу (рис. 273, 20), бронзовую литую пряжку (рис. 273, 18), сердоликовую бусину (рис. 273, 16) и игровой шарик из речной гальки (рис. 273, 17).

2009 г. Центральный участок. Помещение Г (яма №36). Заполнение

Расположено в северо-западном углу помещения I, будучи вплотную пристроенным к юго-восточному углу помещения С (рис. 81). В плане прямоугольное сооружение общими размерами 2,10 x 2,60 м, внутри которого находится яма №36 диаметром 1,00 x 1,20 м с кольцевой обкладкой (рис. 274). Сложено из разномерного бутового и обработанного камня, в том числе вторичного использования (архитектурные детали), на глиняном растворе, аналогичном материковому коричневому суглинку. Снаружи со-

хранилось в высоту до 5-6 рядов кладки (до 1,40 м), внутри ямы №36 – до 13 рядов (до 2,20 м). Эта разница объясняется тем, что донная часть ямы дополнительно была вырублена в скале. Функционально, вслед за Р. Х. Лепером, выбравшим в 1912 г. заполнение комплекса на глубину до 0,50 м, определяем помещение Г как отхожее место («ретирад»), пристроенное к верхнему этажу центрального здания дворца [Лепер, 1913б, с. 152]. В то же время заметим, что структура комплекса находок из ямы №36 мало чем отличается от заполнений обычных хозяйственных ям на участке исследований, предназначенных для сбора бытового мусора и пищевых отходов (см., например, ямы №№29 и 35).

Заполнение ямы №36 состоит из трех горизонтов общей мощностью до 2,85 м. Верхним из них на глубину до 0,50 м является «слой отвалов» из раскопок 1912 г. Вероятно, Р. Х. Лепер, частично выбрав яму, затем засыпал ее тем же грунтом. 2-м слоем является плотный серый грунт с камнем мощностью до 1,75 м, 3-м слоем – почти сплошная каменная забивка мощностью до 0,60 м. Обращает внимание огромное количество костей животных (около 8000) и створок раковин моллюсков (около 10000) в заполнении ямы. Также многочисленен керамический комплекс:

**Таблица №51. Центральный участок. Помещение I. Яма №36. Заполнение.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды, калиптеры, плинфа 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	138	12%
Тарная керамика			
2	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции	15	Около 1%
3	Амфоры раннесредневекового времени типов LRA 1 и 2, классов 1, 24, 36 по ХК-95, типа V по ХК-71 («примесь снизу»)	66	5,7%
4	Амфоры классов 45 и 52 по ХК-95, тарные кувшины группы ЮЗК, XIV-XV вв.	170	14,8%
Кухонная керамика			
5	Гончарная керамика группы ЮЗК, XIV-XV вв.	561	48,8%
6	Гончарная керамика группы ГРВ, около 1450-1475 гг.	45	3,9%
Столовая керамика			
7	Неглазурованная и глазурованная керамика без точной атрибуции	15	Около 1%

1	2	3	4
8	Гончарная неглазурованная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	53	4,6%
9	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮБК, 60-е гг. XIV в. – 1475 г.	61	5,3%
10	Глазурованная керамика группы «Miletus Ware», Османская империя, 1450-1475 гг.	20	Около 1%
11	Глазурованная керамика группы «Lustre Ware», Испания, 1425-1475 гг.	2	Менее 1%
12	Глазурованная керамика группы «псевдо-селадон», Ближний Восток, 1425-1475 гг.	1	Менее 1%
13	Кашинная керамика, Золотая Орда, вторая половина XIV-XV вв.	1	Менее 1%
	Всего:	1148	100%

Даже общестатистические данные представляют большой интерес. Обращаем внимание на, во-первых, малочисленность черепицы и преобладание (около 65%) бытовой керамики среди находок, во-вторых, на явное доминирование среди них (более 90%) изделий дворцового периода. Находка свинцовой шаровидной пули османского времени с остатками литника выглядит в таком случае случайной (рис. 281, 5).

Среди бытовой керамики дворцового времени присутствуют все основные категории тарных, кухонных и столовых неглазурованных изделий группы ЮЗК – кувшины со слабо выделенным венчиком и широкими плоскими ручками, украшенными росписью линиями светлого ангоба, горшки с врезными концентрическими линиями по горлу, кувшины с двуствольчатыми ручками, туваки с широким горизонтально отогнутым краем (рис. 275, 1-4, 6; 276, 4-8; 277-278; 281, 16). Отмечаем характерные для 1450-1475 гг. кухонные горшки с рельсовидным венчиком (группа ГРВ), сформованные из совершенно иного глиняного теста с обильной примесью пироксена (рис. 280, 1-4; 281, 14). Не столь разнообразна глазурованная посуда группы ЮЗК/ЮБК, представленная монохромными и полихромными изделиями, в том числе с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 275, 8-10; 276, 1-3; 279, 1-5; 280, 5; 281, 15). Немногочисленны важные для датировки импортные поливные сосуды групп «псевдо-селадон» (без рисунка), «Lustre Ware» (рис. 280, 6) и особенно «Miletus Ware» (рис. 279, 6-10).

Группа индивидуальных находок включает фрагменты известняковых архитектурных деталей (рис. 275, 11-12), стеклянных изделий

(рис. 280, 10; 281, 12), известняковые игральные шарики (рис. 281, 3-4), детали костяных изделий (рис. 281, 6, 8-9), свинцовые плоские грузики (рис. 281, 1-2), обломок железного наконечника стрелы с ромбовидным в сечении острием (рис. 281, 7), серебряные брошь (?) (рис. 281, 10) и шаровидную пуговицу с плакировкой желтым металлом (рис. 281, 13), золотую нашивку с ажурным орнаментом (рис. 281, 11), а также плохо сохранившийся золотоордынский пул XIV в.

Датировка археологического комплекса устанавливается в пределах 1450-1475 гг. на основании присутствия в нем горшков группы ГРВ и поливной керамики группы «Miletus Ware».

2014 г. Юго-Западный участок. Квадрат №24. Яма №41. Заполнение

Открыта в северо-западной части участка исследований при зачистке поверхности 4-го слоя постдворцового времени, что уже предполагает стратиграфическую принадлежность ямы к наиболее позднему периоду в истории дворца (рис. 104; 282). Имеет округлую форму диаметром 1,32 м. Борта плавно сужаются к плоскому скальному дну диаметром до 0,90 м. Котлован ямы обложен кольцевой однорядной бутовой кладкой №83 без видимых следов раствора.

Заполнение ямы №41 двуслойное. 1-м слоем является задернованный каменный развал ее обкладки мощностью 0,30-0,35 м, образовавшийся после прекращения использования хозяйственного сооружения. 2-й слой заполнения представляет собой рыхлый грунт серого цвета, насыщенный органикой, углем и створками раковин моллюсков мощностью до 0,50 м. Очевидно, он сформировался в процессе функционирования ямы.

Археологический комплекс находок из обоих слоев заполнения ямы №41 представлен немногочисленными фрагментами керамики, из которых около половины остались без атрибуции либо относятся к «примеси снизу». Датирующую группу составляют обломки тарных и кухонных сосудов группы ЮЗК (рис. 283, 3-5, 7; 284, 1), поливной посуды группы ЮЗК/ЮВК (рис. 283, 1-2, 6, 8-9; 284, 2, 8), импортной глазурованной керамики группы «псевдо-селадон» (рис. 284, 4) и испанского люстра (рис. 284, 3). Особенно показательна целая миска с монограммой ТХ группы ЮЗК/ЮВК из нижнего слоя заполнения (рис. 283, 1). С учетом стратиграфических наблюдений яма датируется периодом 1450-1475 гг.

Индивидуальные находки немногочисленны: фрагмент биметаллического ключа (железо, бронза) (рис. 284, 6) и железный черешковый наконечник стрелы с ромбовидным острием (рис. 284, 7).

2015 г. Западный участок. Квадрат №22. Яма №45. Заполнение

Открыта в юго-западной части участка исследований, как и яма №41, при зачистке поверхности 4-го слоя, что предполагает ее функционирование на заключительном этапе истории дворца (рис. 104). Отметим, что в ос-

манский период времени она стала частью жилого здания, от которого сохранился комплекс кладок №№76-77, 84-86 в квадратах №№22-25. На это указывает небольшое количество фрагментов керамики XVI-XVIII вв. (всего 28 из 193), обнаруженных в верхнем слое заполнения хозяйственного комплекса.

Яма №45 округлая в плане диаметром 0,65-0,70 м, с бочковидным профилем (диаметр в средней части до 1,40 м, по уровню дна до 1,15 м), обложена кольцевой однорядной кладкой №90 из мелкого бутового камня с лицевой подтеской вовнутрь сооружения, на плотном известковом растворе с включениями крупной речной гальки. Дно и нижняя часть бортов вырублены в скале, местами деструктированной до состояния скальной крошки, их верхняя часть наращена кольцевой обкладкой на высоту до 0,60 м (до 3-х рядов кладки). Изнутри обкладка ямы покрыта таким же известковым раствором (гидроизоляционный пояс), что позволяет предположить, что она использовалась как хранилище для продуктов. Общая глубина сооружения, с уровня его обкладки, составляет 1,44 м.

Яма заполнена однородным серым рыхлым грунтом, насыщенным органикой и разномерным камнем. В археологическом комплексе находок 77% (150 из 193 фрагментов) относится к дворцовому времени:

**Таблица №52. Юго-Западный участок. Квадрат №22. Яма №45. Заполнение.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы, 60-е гг. XIV в. – 1475 г.	36	24%
2	Амфоры класса 52 по ХК-95, тарные кувшины группы ЮЗК, XIV-XV вв.	16	10%
3	Кухонные горшки группы ЮЗК, XIV-XV вв.	26	17%
4	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV в. – 1475 г.	28	19%
5	Глазурованная керамика с монограммой ПРДМ или ДМР (?) группы «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware», Византия, 1450-1475 гг.	1	Менее 1%
6	Кашинная глазурованная керамика группы «псевдо-селадон», Ближний Восток, 1425-1475 гг.	41	26%
7	Глазурованная керамика группы «Turquoise Glazed Ware», Османская империя, 1425-1475 гг.	1	Менее 1%
8	Глазурованная керамика группы «Lustre Ware», Испания, 1425-1475 гг.	1	Менее 1%
	Всего:	150	100%

Статистика комплекса показывает, что около 50% материалов из заполнения ямы относится к поливной керамике, важнейшей категории археологических находок для ее датировки. Она представлена, прежде всего, фрагментами монохромной и полихромной посудой группы ЮЗК/ЮВК конца XIV-XV вв. (рис. 286, 1-7), среди которой хронологическим маркером выступает стенка от чашки под монохромной желтой кроющей глазурью с греческой надписью ΗΣΑΑΚ ΑΥΘΕΝΤΟΥ, датируемая узким отрезком времени 1465-1475 гг. (рис. 286, 8). Из ямы также происходят фрагменты поливных сосудов группы «испанский люстр» и раннеосманских изделий группы «Turquoise Glazed Ware» под монохромной бирюзовой глазурью (рис. 286, 10-11), две целые чаши ближневосточного «псевдо-селадона» (рис. 287, 1-2) и целая розовоглиняная миска с монограммой ПРДМ («Продром») или ДМР («Димитрий») (рис. 287, 3).

Атрибуция последней находки является главной сложностью в установлении хронологии комплекса. Как нам представляется, эта монограмма несколько отличается от монограммы ПРДМ на уже описанных сосудах группы «Elaborate Incized Ware» из заполнения ямы №34 (рис. 200, 2; 262, 6). Скорее всего, здесь просматривается имя «Димитрий» (монограмма ДМР). К тому же, по структуре глиняного теста, рыхлого с обильной примесью песка, наша миска с S-видным профилем венчика и высоким «пьедестального» типа кольцевым поддоном ничем не отличается от византийских глазурованных изделий групп «Polychrome (Brown and Green) Sgraffito and Shampleve Ware» и «Slip-Painted Ware» из ямы №29 периода 1458/1459 – 1475 гг. (рис. 256, 5; 257, 1-2). Следовательно, речь идет об еще одной мало известной группе импортной византийской поливной керамики на Мангупе периода 1450-1475 гг., что не противоречит совместному ее использованию с местными сосудами с греческой надписью ΗΣΑΑΚ ΑΥΘΕΝΤΟΥ.

Таким образом, дата ямы №45 ограничена узким отрезком времени, 1465-1475 гг., на основании обнаруженного в ее заполнении фрагмента поливного изделия с греческой надписью ΗΣΑΑΚ ΑΥΘΕΝΤΟΥ.

2019 г. Западный участок. Квадрат №48. Яма №66. Заполнение

Связана с функционированием «западного двора» дворца, открыта в его северо-восточном углу (рис. 43). Сооружена с уровня дневной поверхности двора (6-го слоя), в котловане подквадратной формы с вертикальными бортами, которые затем были обложены однорядными кладками №№111-114 из бутового камня с лицевой подтеской на известковом растворе (рис. 288). Внутренние размеры 1,43 x 1,64 м, глубина до 4-х рядов обкладки (до 0,59-0,66 м), сохранившейся практически на полную высоту. Дно скальное, выровненное с уклоном к северу и перепадом высот не более 0,10 м. С востока обкладка ямы вплотную пристроена к скальной глыбе, основанию северо-западного угла помещения В. Это также свидетельствует о более позднем, в сравнении с застройкой дворца в центральной части, сооружении хозяйственного комплекса. Еще одной конструктивной особенностью является наличие в северо-восточном, северо-западном и юго-западном углах ямы специальных пазов с внутренними размерами 0,15 x 0,15 м для установки деревянных столбиков с подквадратным профилем диаметром около 0,10 м, один из которых сохранился in situ. На эти столбы, вероятно, опиралась деревянная крышка перекрытия ямы.

Заполнение ямы №66 включает два культурных горизонта: сплошную каменную забивку мощностью 0,35-0,47 м (слой №1) и надскальный серый плотный грунт с угольками и пятнами деструктированного известкового раствора мощностью до 0,12 м (слой №2). Если каменная забивка ямы сформировалась уже после прекращения ее функционирования, когда потребовалось нивелировка поверхности данного участка дворца, то накопление 2-го слоя внутри комплекса отражает этап его использования по прямому назначению.

Археологический комплекс находок из горизонтов заполнения ямы имеет некоторые отличия:

**Таблица №53. Западный участок. Квадрат №48. Яма №6. Заполнение. 1-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды, калиптеры, плинфа 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	73	49,3%

1	2	3	4
2	Керамиды 2-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	2	1,3%
3	Керамиды 3-й группы, IX-X вв.	1	Менее 1%
4	Керамиды и калиптеры 4-й группы	2	1,3%
Тарная керамика			
5	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом, VIII-X вв. («примесь снизу»)	2	1,3%
6	Амфоры ранневизантийского времени типа LRA 1, класса 1 по ХК-95, типа F/E по Шелову, 71 («примесь снизу»)	5	3,4%
7	Амфоры VIII-X вв. класса 24 по ХК-95 («примесь снизу»)	4	2,7%
8	Амфоры типа III/IV по Гюнзенин, класса 52 по ХК-95, XIII-XV вв.	4	2,7%
9	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК	14	9,4%
Кухонная керамика			
10	Лепная лощеная керамика V-VII вв. («примесь снизу»)	3	2,0%
11	Гончарная кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	26	17,5%
12	Гончарная кухонная керамика группы ГРВ, 1450-1475 гг.	1	Менее 1%
Столовая керамика			
13	Кувшины «скалистинского типа», VII-X вв. («примесь снизу»)	1	Менее 1%
14	Гончарная неглазурованная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	1	Менее 1%
15	Глазурованная керамика «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮБК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	9	6%
Всего:		148	100%

**Таблица №54. Западный участок. Квадрат №48. Яма №66. Заполнение. 2-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	1	Около 1%
2	Керамиды 2-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	2	1,9%
Тарная керамика			
3	Амфоры ранневизантийского времени типа V по ХК-71 («примесь снизу»)	1	Около 1%
4	Амфоры VIII-X вв. классов 24, 36 и 41 по ХК-95 («примесь снизу»)	8	7,5%
5	Амфоры типа III/IV по Гюнзенин, класса 52 по ХК-95, XIII-XV вв.	3	2,8%
6	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК	22	20,7%
7	Амфоры без точной атрибуции	1	Около 1%

1	2	3	4
Кухонная керамика			
8	Гончарная кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	35	33%
9	Гончарная кухонная керамика группы ГРВ, 1450-1475 гг.	1	Около 1%
Столовая керамика			
10	Гончарная неглазурованная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	1	Около 1%
11	Глазурованная керамика «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	30	28,3%
12	Глазурованная керамика группы «Miletus Ware», Османская империя, 1450-1475 гг.	1	Около 1%
Всего:		106	100%

Структура археологического комплекса находок из 1-го слоя заполнения ямы №66 отличается обилием строительной керамики (более 50%). Остальные находки имеют датирующий характер: неглазурованная и глазурованная керамика групп ЮЗК и ЮЗК/ЮВК (рис. 289, 1-5). В комплексе из 2-го слоя заполнения уже почти нет черепицы (около 3%) и крайне мало материалов из разряда «примеси снизу» (не более 10%). Другие категории керамических находок (более 80%) надежно датируются дворцовым периодом: тарная и кухонная керамика группы ЮЗК (рис. 289, 7-8, 10; 290, 1-3), поливная посуда группы ЮЗК/ЮВК (рис. 289, 6, 9, 11; 290, 4; 291, 1-2). Для установления узкой хронологии комплекса маркерными являются фрагменты красноглиняных глазурованных изделий группы ЮЗК/ЮВК с остатками монограммы ТХ (рис. 290, 4; 291, 2) и раннеосманской группы «Miletus Ware» (рис. 291, 3). Это позволяет датировать его периодом 1450-1475 гг.

Таким образом, яма №66 появилась в дворцовый период, скорее всего, в промежутке 1450-1475 гг., уже при существующих основных сооружениях на центральном и западном участках – помещении В и «западном дворе» с мощной поверхностью. Очевидно, она функционировала недолго и перестала использоваться еще до гибели дворца в 1475 г., так как каких-либо следов пожара, разрушений либо находок, связанных со штурмом княжеской резиденции, в ее заполнении во время раскопок обнаружено не было.

Археологические комплексы пожаров 1475 г.

Всего в ходе исследований выделено девять участков пожара 1475 г. на площади раскопа,

связанных с гибелью в это время восьми помещений княжеского дворца – помещений В, Ф, Н, J, К, L, N и М (рис. 228). Еще два аналогичных слоя разрушения в пожаре были открыты в свое время А.Л. Якобсоном в 1938 г. внутри помещения С и Е. Г. Суровым в помещении А. В целом все это свидетельствует о масштабах военных действий и характере сопротивления защитников резиденции правителей княжества Феодоро.

Далеко не все из перечисленных ниже объектов раскопок содержат презентабельные археологические комплексы. В таком случае приходится ограничиваться общим описанием культурных горизонтов и перечнем наиболее важных датирующих находок из них.

2007 г. Центральный участок. Помещение В и «центральный двор». 5-й слой

С горизонтом пожара 1475 г. на участке исследований связано образование 5-го слоя в его общей стратиграфии (рис. 76). По структуре, он представляет собой серый рыхлый грунт с мелким камнем, щебнем, пятнами разложившегося известкового раствора, прослойками гари и фрагментами обгорелой керамики мощностью от 0,05 до 0,20 м.

К сожалению, на территории галереи и колоннады помещения В горизонт сохранился лишь отдельными участками – в южной контрольной бровке и в простенке между базами колонн напротив пилонов северной крепостной стены (рис. 293). На остальной площади археологического объекта он в основном был выбран еще в 1912-1913 гг. Р. Х. Лепером, который остановил свои работы, скорее всего, на уровне скалы в

«центральной дворе» и 6-го слоя в помещении В, дневной поверхности времени строительства дворца с остатками плитовой вымостки. Археологический комплекс находок из 5-го слоя отличается перемешанностью материала, в котором более 50% находок относятся к разряду «примеси снизу». Датирующая группа включает непрезентабельные фрагменты керамики, главным образом, мелкие обломки тарных и кухонных изделий группы ЮЗК и поливной посуды группы ЮЗК/ЮВК. Поэтому отметим лишь наиболее важную находку для датировки слоя – монету султана Османской империи Мехмеда II Фатиха (1451-1481), выпущенную на монетном дворе г. Эдирне. Она же является наиболее поздней в нумизматической коллекции из 5-го слоя на площади раскопа (всего 19 экз.).

Значительно лучше слой пожара зафиксирован в северной стратиграфической бровке, на участке «центрального двора» дворца к югу от помещения А (рис. 294). Здесь он является сплошным горизонтом горения мощностью 0,05-0,10 м, насыщенным обуглившимися зернами проса, пшеницы, ячменя, ржи, нута, бобов и чечевицы (анализ палинологического материала см. в приложении А к монографии). Его отдельные фрагменты ранее были зачищены Е. Г. Суоровым в 1968 г. и Е. В. Веймарном в 1974 г. [Суоров. Отчет, с. 12; Суоров, 1972, с. 99; Веймарн, Иванов. Отчет, с. 10, 23; Веймарн, Иванов, 1975, с. 264], но доследовать уникальный археологический комплекс удалось только в 2007 г. Датирующая группа находок из слоя представлена лишь мелкими обгоревшими обломками кухонных изделий группы ЮЗК и поливной посуды группы ЮЗК/ЮВК с широкой хронологией.

2007 г. Южный участок. Дворцовая «южная улица». 2-й слой

Стратиграфически один из самых выразительных участков пожара 1475 г., исследованный на трассе южной улицы дворца в квадрате №8, напротив помещения L (рис. 295). Он представляет собой серый рыхлый грунт мощностью до 0,40 м, насыщенный бутовым камнем, щебнем, разложившимся известковым раствором и горелыми балками. Интерпретируется как «слой разрушения» помещения L.

К датирующим находкам относятся фрагменты разнообразных тарных и кухонных керамических изделий группы ЮЗК (рис. 296, 2-5, 7-8, 11-12; 297, 6), поливной посуды групп ЮЗК/ЮВК (рис. 296, 6, 13-15; 297, 7), «псевдо-селадон» (рис. 297, 1) и особенно «Miletus Ware» 1450-

1475 г. (рис. 297, 2). Наличие последней в горизонте разрушения снимает все возможные сомнения в отношении его атрибуции. Из индивидуальных находок отметим лишь железные предметы из категории наступательного вооружения и защитного снаряжения этого времени – черешковый наконечник стрелы с листовидным острием (рис. 297, 5) и пластину от панцирного доспеха (рис. 297, 4).

2007 г. Южный участок. Помещение К. Прослойка пожара на полу

Полом помещения К является выровненная поверхность деструктурированной скалы с выходами коричневого материкового суглинка. На ней в процессе раскопок исследован «слой функционирования» постройки – серый плотный грунт с пятнами разложившегося раствора мощностью до 0,10 м, на котором прослежена прослойка пожара мощностью до 0,05 м (рис. 298).

К числу датирующих находок из горизонтов пожара и функционирования здания относятся фрагменты кухонной керамики группы ЮЗК (рис. 299, 2-3, 6-11) и поливной посуды группы ЮЗК/ЮВК (рис. 300, 3, 6-8; 301). Дата пожара (1475 г.) устанавливается благодаря двум монетам из него – акче крымского хана Хаджи Гирея (1441-1466) 1462-1463 гг. выпуска (монетный двор Крым) и османского султана Мехмеда II Фатиха (1451-1481). Из других индивидуальных находок отметим известняковые ядра от пращи (рис. 300, 11-12) и игральные шарики (рис. 300, 13-14), железный наконечник стрелы с ромбовидным острием (рис. 300, 9-10), а также компактно лежавшие 1002 медные грибовидные заклепки (рис. 300, 15).

2008 г. Южный участок. Помещение L. 2-й слой

2-м слоем на всей площади помещения L являлся рыхлый грунт серого цвета, насыщенный разномерным бутовым камнем, пятнами гари, углями, прослойками разложившегося известкового раствора и крупными фрагментами горелых балок мощностью до 0,40 м (рис. 302). Он интерпретирован как «слой разрушения» постройки в пожаре 1475 г. и, по своей структуре, идентичен такому же горизонту пожара на трассе дворцовой южной улицы, который уже описан (рис. 295). Отметим, что следы пожара также хорошо прослежены при зачистке пола постройки – плотного серого грунта, заполнявшего неровности трещиноватой поверхности скалы (слой №3 в стратиграфии помещения L) (рис. 303).

Археологический комплекс находок из 2-го слоя типичен для периода 1450-1475 гг. и характеризуется, прежде всего, фрагментами разнообразных керамических неглазурованных и глазурованных сосудов групп ЮЗК и ЮЗК/ЮВК. Датирующий характер имеют мелкие обломки поливных изделий групп «псевдо-саладон» и «Miletus Ware». Из слоя также извлечены предметы наступательного вооружения этого времени – железные черешковые листовидные наконечники стрел и османская свинцовая шаровидная пуля [см. см. о таких пулях на Мангупе: Герцен, Руев, 2008].

2009 г. Южный участок. Помещение Н. 5-й и 6-й слои

Речь идет о двух горизонтах общего слоя разрушения помещения Н во время событий 1475 г. (рис. 97-98; 100).

Верхним из них (слоем №5) является серый рыхлый грунт, насыщенный щебнем, пятнами деструктированного известкового раствора и фрагментами строительной керамики мощностью до 0,50 м (рис. 304). Его образование связано, очевидно, с обрушением стен и крыши постройки. Отсутствие большого количества камня объясняется его выборкой на строительный материал жителями османского квартала на месте княжеской резиденции. Как таковой поверхности пожара здесь нет, тем не менее, анализ археологического комплекса находок из 5-го слоя в помещении не оставляет сомнений в том, что оно погибло во время событий 1475 г. Датирующая группа материалов представлена фрагментами тарной и кухонной керамики группы ЮЗК (рис. 305, 3-4, 6-8), поливной посуды группы ЮЗК/ЮВК (рис. 305, 5, 9; 307, 1), ближневосточного «псевдо-саладона» (рис. 305, 10-16; 306) и раннеосманских сосудов группы «Miletus Ware» (рис. 307, 2-6). Обнаружены две монеты – генуэзско-татарский аспр 1433 г. выпуска и акче крымского хана Хаджи Гирея (1441-1466) 1462 г. выпуска. Таким образом, комплекс хорошо датируется в пределах 1462-1475 гг., и его образование надежно связывается с событиями 1475 г. Из индивидуальных находок также отметим разнообразную коллекцию сосудов из прозрачного бесцветного или зеленоватого стекла (рис. 307, 8-11) и железный наконечник стрелы с листовидным острием (рис. 307, 7).

Нижний горизонт слоя разрушения (слой №6) является пластом обрушенной деструктированной штукатурки стен мощностью до 0,20 м. На-

ходок из него значительно меньше. Отметим фрагменты красноглиняных калиптеров 1-й технологической группы с рельефными метками (рис. 308, 4-5), тарных кувшинов группы ЮЗК (рис. 308, 3) и поливной керамики группы ЮЗК/ЮВК (рис. 308, 1-2). Интерпретация 6-го слоя такая же – слой разрушения помещения Н в 1475 г. [более подробно о стратиграфии и статистике археологических комплексов находок из 5-го и 6-го слоев на участке исследований см.: Науменко, Душенко, 2017, с. 214-218, табл. 5-6].

2009 г. Центральный участок. Квадрат №10-14. 5-й слой

Слой пожара на Центральном участке дворцового комплекса к югу от помещения В и «центрального двора» зафиксирован лишь в квадрате №10-14, где он связан с гибелью помещения F (рис. 81). Здесь он обозначен как 5-й слой в общей стратиграфии на площади раскопа (рис. 82).

5-й слой выявлен на площади около 50 кв. м, на участке, ограниченном восточной частью помещения F, известняковой базой восьмigrанной колонны в северо-западном углу квадрата №10 и скальной ступенью-террасой в северной части квадрата №14 (рис. 85; 309; 310, 1). По структуре, является серым рыхлым грунтом с щебнем и пятнами разложившегося известкового раствора, насыщенный угольками и пятнами гари; местами фиксируется как сплошной слой горения мощностью до 0,20 м.

Лишь 20-25 % находок из слоя имеют датирующий характер. Остальной материал представлен многочисленными обломками строительной керамики с широкой хронологией и небольшой «примесью снизу». Время образования 5-го слоя определяет присутствие в нем фрагментов тарной и кухонной керамики группы ЮЗК (рис. 310, 1-3, 6, 8; 311, 1-4), поливной посуды группы ЮЗК/ЮВК (рис. 310, 4, 9-11; 311, 5-10, 13-14), испанского люстра (рис. 311, 11) и раннеосманской глазурованных изделий группы «Miletus Ware» (рис. 312, 8). Особо отметим находки в слое пожара фрагмента дна от поливного сосуда под желтой кроющей глазурью группы ЮЗК/ЮВК с остатками греческой надписи ΗΣΑΑΚ ΑΥΘΕΝΤΟΥ (рис. 310, 10) и двух монет крымского хана Хаджи Гирея (1441-1466), одна из которых была выпущена в 1462-1463 гг. на монетном дворе Крым. Собственно, они и позволяют соотнести пожар на участке исследований с событиями 1475 г.

Другие индивидуальные находки менее информативны. Выделим среди них множество раковин моллюсков и кусков крицы, костяные пуговицу (рис. 311, 19) и подвеску (рис. 312, 1), пронизи из камня зеленого цвета с темными прожилками (рис. 312, 2) и спаянных семи свинцовых кружков (рис. 312, 4), свинцовые плоские грузики (рис. 311, 17-18), железный листовидный наконечник стрелы с обломанным черешком (рис. 312, 7).

2014 г. Западный участок. Помещение J. Слои №№2-4

Как уже отмечено в разделе монографии, посвященном стратиграфической ситуации на месте Мангупского дворца, слои №№2-4 в по-

мещении J являются, по сути, отдельными горизонтами общего слоя разрушения здания в пожаре 1475 г. Лучше всего они сохранились в восточной части постройки (помещения J-1 и J-2; квадраты №№26-27), будучи почти полностью выбранными к западу в османский период в истории Мангупа (рис. 57-59; 313-314). 2-м слоем здесь является сплошной каменный завал мощностью 0,35-0,40 м, горизонт обрушения стен здания. Его подстилает 3-й слой, фактически, горизонт пожара мощностью до 0,20 м. Ниже зафиксирован 4-й слой – горизонт упавшей в результате пожара и разрушенной затем штукатурки стен мощностью до 0,30 м. Археологические комплексы находок из всех напластований и их анализ лучше провести отдельно.

**Таблица №55. Западный участок. Помещения J-1 и J-2. 2-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	120	19,3%
2	Черепица без точной атрибуции	41	6,6%
Тарная керамика			
3	Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени типов E по Шелову, LRA 1 и 2, типа V по ХК-71, классов 1, 2, 24, 36, 41 по ХК-95 («примесь снизу»)	61	9,8%
4	Амфоры классов 45 и 52 по ХК-95 и кувшины группы ЮЗК, XIV-XV вв.	90	14,4%
5	Пифосы, амфоры, тарные кувшины без точной атрибуции	22	3,5%
Кухонная керамика			
6	Гончарная кухонная керамика XIV-XV вв. группа ЮЗК	146	23,5%
7	Гончарная кухонная керамика группы ГРВ, 1450-1475 гг.	6	Менее 1%
Столловая керамика			
8	Глазурованная керамика «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	94	15%
9	Глазурованная керамика группы «Miletus Ware», Османская империя, 1450-1475 гг.	1	Менее 1%
10	Глазурованная керамика группы «Elaborate Incised Ware», Византия, XIV в.	2	Менее 1%
11	Глазурованная керамика группа «псевдо-селадон», Ближний Восток, 1425-1475 гг.	15	2,4%
12	Селадон, XIV-XV вв., Китай	1	Менее 1%
13	Глазурованная керамика группы «Lustre Ware», 1425-1475 гг.	1	Менее 1%
14	Неглазурованная и глазурованная керамика без точной атрибуции	22	3,5%
Всего:		622	100%

Порядка 75% материалов надежно датируются дворцовым или преддворцовым временем. Для датирующей группы находок характерными являются тарная и кухонная керамика группы ЮЗК (рис. 315, 15; 316, 1-5; 317, 14-18), кухонные горшки группы ГРВ (рис. 315, 20) и поливная посуда группы ЮЗК/ЮВК (рис. 315, 2, 13, 16-17). Важная для установления хронологии горизонта привозная глазуванная керамика включает фрагменты изделий из селадона (рис. 317, 2), испанского люстра (рис. 316, 18), ближневосточного псевдо-селадона (рис. 317, 13) и раннеосманской керамики группы «Miletus Ware» (рис. 316, 17).

Из 2-го слоя происходят пять монет. Наиболее поздние из них – генуэзский аспр периода 1442-1475 гг. и два акче крымского хана Хаджи Гирея (1441-1466) 1462-1463 гг. выпуска, позво-

ляют соотносить время разрушения помещения J с событиями 1475 г. Отметим также присутствие в комплексе материальных свидетельств военных действий на территории дворца – фрагмент гранитного ядра малоазийского происхождения, которое использовала турецкая артиллерия во время осады Мангупа (рис. 317, 11), известняковые ядра различных калибров (рис. 315, 6; 317, 3-5, 12), железные наконечники стрел с ромбовидным в сечении острием и листовидной формы (рис. 315, 5; 317, 9). Остальные индивидуальные находки – костяные астрагал и каплевидная вставка (рис. 315, 7, 14), свинцовые плоские грузики (рис. 315, 8-9), железное кресало (рис. 317, 10), игральные известняковые шарики (рис. 315, 10-12) не имеют точной хронологической атрибуции.

**Таблица №56. Западный участок. Помещения J-1 и J-2. 3-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы, 60-е гг. XIV – 1475 г.	198	17,5%
2	Керамиды 3-й группы, IX-X вв. («примесь снизу»)	16	Около 1%
3	Бракованная черепица (рис. 324, 22)	25	2,2%
4	Кирпич, плинфа, водопроводные трубы (рис. 320, 11)	9	Менее 1%
Тарная керамика			
5	Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени типов LRA 1 и 2, типа V по ХК-71, типа 95 по Зеест, классов 1, 2, 24, 41 по ХК-95 («примесь снизу»)	51	4,5%
6	Амфоры классов 45 и 52 по ХК-95 и кувшины группы ЮЗК, XIV-XV вв.	133	11,8%
7	Пифосы без точной атрибуции	52	4,5%
Кухонная керамика			
8	Гончарная кухонная керамика XIV-XV вв., группа ЮЗК	299	26,5%
9	Гончарная кухонная керамика группы ГРВ, 1450-1475 гг.	10	Менее 1%
10	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге, VIII-X вв. («примесь снизу»)	2	Менее 1%
Столовая керамика			
11	Глазуванная керамика VII-IX вв., группа GWW-I, Византия (рис. 318, 6)	1	Менее 1%
12	Глазуванная керамика «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮВК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	276	24,5%
13	Глазуванная керамика группы «Miletus Ware», Османская империя, 1450-1475 гг.	10	Менее 1%

1	2	3	4
14	Глазурованная керамика группы «Slip-Painted Ware», Византия, 1450-1475 гг.	1	Менее 1%
15	Глазурованная керамика группа «псевдо-селадон», Ближний Восток, 1425-1475 гг.	11	Менее 1%
16	Селадон, Китай, 1425-1475 гг.	2	Менее 1%
17	Глазурованная керамика группы «Lustre Ware», 1425-1475 гг.	3	Менее 1%
18	Кашинная и красноглиняная поливная керамика, Золотая Орда, XIV-XV вв.	5	Менее 1%
19	Глазурованная керамика группы «Turquoise Glazed Ware», Османская империя, 1425-1450 гг.	2	Менее 1%
20	Неглазурованная и глазурованная керамика без точной атрибуции	22	1,9%
	Всего:	1128	100%

В керамическом комплексе почти 85% находок принадлежит дворцовому периоду. Около 60% материала соотносится с различными категориями бытовой керамики, что указывает на жилой характер помещения J, по крайней мере, на финальном этапе его истории.

Датирующую группу находок характеризуют тарные и кухонные изделия группы ЮЗК (рис. 318, 2, 7; 321, 8-14, 18), кухонные горшки группы ГРВ (рис. 318, 4) и поливная посуда группы ЮЗК/ЮВК, в том числе с монограммами ТХ (рис. 318, 8-14; 319, 1-17; 321, 15-17, 19-23; 322). Импортная глазурованная керамика представлена редкими фрагментами раннеосманских сосудов групп «Miletus Ware» (рис. 319, 19-20) и «Turquoise Glazed Ware» (рис. 323, 2-3), византийской группы «Slip-Painted Ware» (рис. 319, 17), китайского селадона (рис. 320, 9; 323, 4), ближневосточного псевдо-селадона (рис. 320, 7-8, 10), испанского люстра (рис. 319, 21; 320, 1, 3), позднезолотоордынской кашинной посуды (рис. 320, 2-6).

Такой керамический комплекс может быть датирован только третьей четвертью XV в., что подтверждает высказанные ранее стратиграфические наблюдения над условиями образования 3-го слоя в помещении J.

Среди индивидуальных находок отметим, прежде всего, предметы вооружения – известняковые ядра (рис. 320, 12-13), так называемый костяной «орех», деталь спускового механизма арбалета (рис. 320, 17) [опубликован: Душенко, 2015, с. 236, рис. 3, 1], свинцовую шаровидную пулю (рис. 321, 2), железные наконечники стрел (рис. 321, 5-6). Остальные изделия из стекла, кости, металлов не относятся к разряду датирующих находок. К сожалению, такой же вывод нужно сделать и по отношению к нумизматической коллекции из 3-го слоя. Из 11 найденных в нем монет три наиболее поздние представлены номиналами золотоордынских ханов середины – второй половины XIV в. – Джанибека (1342-1357), Токтамыша (1379-1395) и Шадибека (1399-1407).

**Таблица №57. Западный участок. Помещения J-1 и J-2. 4-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Тарная керамика			
1	Амфоры ранневизантийского времени типа V по ХК-71, классов 1, 24 по ХК-95 («примесь снизу»)	6	3,4%
2	Амфоры класса 52 по ХК-95 и кувшины группы ЮЗК, XIV-XV вв.	46	26,4%
3	Пифосы без точной атрибуции	6	3,4%

1	2	3	4
Кухонная керамика			
4	Гончарная кухонная керамика XIV-XV вв. группа ЮЗК	78	44,8%
Столовая керамика			
5	Глазурованная керамика «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК/ЮБК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	26	14,9%
6	Глазурованная керамика группы «Miletus Ware», Османская империя, 1450-1475 гг.	5	3,3%
7	Глазурованная керамика группы «псевдо-саладон», Ближний Восток, 1425-1475 гг.	1	Менее 1%
8	Глазурованная керамика группы «Lustre Ware», 1425-1475 гг.	1	Менее 1%
9	Глазурованная керамика группы «Turquoise Glazed Ware», Османская империя, 1425-1450 гг.	3	1,7%
10	Неглазурованная и глазурованная керамика без точной атрибуции	1	Менее 1%
	Всего:	174	100%

Отмечаем общие особенности керамического комплекса из нижнего горизонта пожара 1475 г. в помещении J – полное отсутствие среди обрушенной штукатурки стен строительной керамики и абсолютное преобладание среди находок (более 90%) изделий дворцового периода. Последние характеризуются мелкими фрагментами тарных и кухонных сосудов группы ЮЗК (рис. 323, 9-12, 18), поливных изделий групп ЮЗК/ЮБК, в том числе с монограммой ТХ (рис. 323, 13-17; 324, 1-3, 7), «Miletus Ware» (рис. 324, 5-6), «Turquoise Glazed Ware» (рис. 324, 6), «псевдо-саладон» (рис. 324, 9), «Lustre Ware» (рис. 324, 4). Группа индивидуальных находок включает различные типы железных наконечников стрел и дротиков (рис. 324, 14-19), железный нож без обкладки (рис. 324, 10), игральные шарики из обычного и мраморовидного известняка (рис. 324, 11-12), нашивки из золотой фольги (рис. 324, 20-21) и фрагмент оплавленного края от стакана из прозрачного бесцветного стекла (рис. 324, 13).

Таким образом, проведенный анализ археологических комплексов находок из различных горизонтов пожара внутри помещения J позволяет надежно датировать его событиями 1475 г.

2018 г. Восточный участок. Помещение N. 5-й слой

Стратиграфически речь идет о продолжении слоя пожара 1475 г., исследованного в 2006-2007 гг. на территории «центрального двора»

дворца (рис. 325-326; ср.: 294). По структуре, выявленный на участке 3,00 x 7,50 м внутри позднедворцового помещения N горизонт горения представляет собой золистый темно-серый грунт мощностью 0,05-0,10 м, насыщенный древесным углем и обгорелыми зернами культурных растений – проса (62%), пшеницы (33%), ячменя (1,2%), ржи (около 1%) и бобовых (в основном, нута обыкновенного, около 2%) (подробнее см. приложение А к монографии). Это позволяет гипотетически реконструировать протяженность помещения вплоть до колоннады помещения B, что составляет, по нашим расчетам, не менее 13,00 м. Таким образом, становится ясным назначение этой постройки как зернохранилища, в котором находились остатки урожая 1474 г. накануне осады турецкой армией Мангупской крепости.

Находки из 5-го слоя в помещении N невыразительны. Их характеризуют мелкие обгоревшие фрагменты бытовой неглазурованной керамики группы ЮЗК и поливной посуды группы ЮЗК/ЮБК, типичной для дворцового периода. Тем не менее, сомневаться в принадлежности открытого здесь слоя пожара событиям 1475 г. не приходится. Слишком показательна выявленная в этой части раскопа стратиграфическая ситуация.

2010 г. Южный участок. Помещение M. 3-й слой

Предварительно к числу пожаров 1475 г. на площади раскопа также отнесен слой разруше-

ния внутри помещения М, расположенного несколько в стороне от дворцовой застройки на Южном участке (рис. 91; 327). Он включает три основных культурных горизонта: сплошной каменный завал мощностью до 0,40 м (слой №2); слой пожара с подстилающим золистым грунтом, насыщенный комками обгоревшей известковой обмазки, мощностью до 0,25 м (слой №3); и надскальный серый плотный грунт мощностью 0,05-0,10 м со следами горения на поверхности, интерпретированный в качестве первоначального пола здания (слой №4). В археологических комплексах из всех перечисленных горизонтов преобладают материалы дворцового периода, составляющие от 50 до 80% находок. Они характеризуются фрагментами тарной и кухонной керамики группы ЮЗК, кухонных горшков группы ГРВ и поливных изделий группы ЮЗК/ЮВК. Связь слоя разрушения постройки с событиями 1475 г. дополнительно подчеркивается находками монет внутри помещения М – османской времени правления султана Мурада II (1421-1451) в 3-м слое и особенно генуэзско-татарской 1471 г. выпуска во 2-м слое.

В то же время из слоя пожара здания (слоя №3) происходят еще две нумизматические находки, выпадающие из этого исторического контекста – две монеты османского султана Баязида II (1481-1521), преемника завоевателя Мангупа – султана Мехмеда II Фатиха (1451-1481), без точной даты выпуска. С учетом отсутствия каких-либо других археологических материалов постдворцового периода в помещении М их появление в комплексе возможно объяснить, во-первых, обычной для работ на крупном многослойном памятнике случайностью, во-вторых, выпадением в культурный слой во время полной разборки стен здания на строительный материал в конце XV – начале XVI вв., когда на месте Мангупского дворца строится новый жилой квартал.

Археологические комплексы периода функционирования дворца (около 1425-1475 гг.)

Здесь рассматриваются археологические комплексы с широкой датой, в пределах всего периода функционирования дворца (около 1425-1475 гг.), которую невозможно сузить. На площади раскопа их обнаружено множество. Наиболее показательными являются три объекта – «слои функционирования» на территории «верхней» и «нижней» террас на юге, 1-й западной улицы и «западного двора» на западе и на северной эспланаде памятника.

2008 г. Южный участок. Квадрат №6-12. «Верхняя» и «нижняя» террасы. 3-й слой

Культурный горизонт сформировался в процессе использования хозяйственных террас в 1425-1475 гг. на Южном участке княжеского дворца (рис. 91). По структуре, представляет серый рыхлый грунт мощностью до 0,20 м, более плотный с угольками в пределах «нижней» террасы, отличительной особенностью которого является обилие створок раковин моллюсков, особенно на поверхности «верхней» террасы (рис. 328).

Главной проблемой анализа археологического комплекса находок из 3-го слоя на площади террас является его сильная перемешанность. Материалы из категории «примесь снизу» составляют до 50% комплекса. Датирующую группу характеризуют фрагменты неглазурованных и поливных сосудов групп ЮЗК и ЮЗК/ЮВК, что позволяет в целом датировать 3-й слой дворцовым периодом. Из него происходят два ярких археологических предмета – крупный фрагмент дна на кольцевом поддоне от красноглиняной чашки под монохромной кроющей желтой глазурью с остатками трехстрочной надписи ΗΣΑΑΚ ΑΥΘΕΝΤΟΥ, разделенной чертой [Герцен, 2010, с. 98, рис. 7], который относится к 1465-1475 гг., и целое бронзовое зеркало с фестончатым краем и изображением двух водяных (?) драконов на оборотной стороне второй половины XIII-XIV вв. [Герцен, 2010, с. 98, рис. 8-9; Герцен, Науменко, 2016б, с. 42, кат. 165; Душенко, 2020а, с. 103-104, рис. 1, 2 (тип I-2)], принадлежащий к золотоордынскому кругу древностей на участке исследований. Таким образом, хронология 3-го слоя в пределах 1425-1475 гг. обоснована стратиграфически и с учетом датирующей группы находок.

2016-2017, 2019 гг. Западный участок. Квадраты №30-31, 34-35, 46-47. 5-й слой.

Этот культурный горизонт – серый рыхлый грунт с угольками, щебнем, пятнами разложившегося раствора, большим количеством мелких фрагментов керамики, костей животных и створок раковин моллюсков, мощностью до 0,20-0,30 м, сформировался на поверхности мостовой 1-й западной улицы и «западного двора» дворцового комплекса, по большей части, перекрывая ее (рис. 329-331). Данное стратиграфическое наблюдение является решающим для

датировки 5-го слоя в пределах 1425-1475 гг. Еще раз обратим внимание на высокую степень насыщенности слоя створками раковин, что выступает одним из показательных внешних признаков для выделения горизонтов феодоритского времени на площади раскопа.

Более 80% археологического материала в 5-м слое относится к дворцовому периоду. Датированная группа находок содержит все основные керамические маркеры этого времени – тарные и кухонные изделия группы ЮЗК, горшки группы ГРВ, поливную посуду группы ЮЗК/ЮВК, в том числе с монограммой ТХ, импортные глазурованные сосуды групп «Miletus Ware», селадон, псевдо-селадон, «Lustre Ware». Наиболее поздняя монета – генуэзско-татарский аспр (монетный двор Каффы), сохранилась плохо, из-за чего ее можно датировать только в широких пределах 1425-1475 гг.

В то же время отметим небольшую (до 10%), но достаточно выразительную группу переотложенных материалов из этого слоя (глазурованная керамика, монеты, зеркала), связанных, очевидно, с историей золотоордынского поселения на месте памятника. По всей видимости,

она происходит из синхронного золотоордынской застройки 7-го слоя на участке исследований и заслуживает самого пристального внимания при дальнейшем изучении этого круга древностей из раскопок Мангупского дворца.

2021 гг. Северный участок. Квадраты №№50 и 51. 5-й слой

«Слоем функционирования» дворцового периода на эспланаде Мангупского дворца является 5-й слой в стратиграфии Северного участка исследований (рис. 70; 332). Ниже залегает 6-й слой, дневная поверхность времени строительства дворца, датированная монетой золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда 1421 г. выпуска.

По структуре, это темно-серый плотный грунт мощностью 0,15-0,30 м, насыщенный угольками, щебнем, мелким бутовым камнем и костями животных, который понижается в северном направлении и фиксируется в уровень с цокольными рядами стен оборонительной башни и кладки стены-ограды дворца в квадрате №50 (рис. 332). Археологический комплекс находок из 5-го слоя состоит в основном из фрагментов керамики:

**Таблица №58. Северный участок. Квадраты №№50 и 51. 5-й слой.
Основные категории находок. Атрибуция и статистика**

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
1	2	3	4
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й группы, 60-е гг. XIV в. – 1475 г.	336	39%
2	Керамиды 2-й группы, 60-е гг. XIV в. – 1475 г.	5	Менее 1%
3	Керамиды и плинфа 3-й группы, IX-X вв.	12	1,4%
4	Керамиды 4-й группы	2	Менее 1%
Тарная керамика			
5	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции	52	6%
6	Пифосообразные сосуды с гребенчатым линейно-арочным орнаментом VIII-X вв. («примесь снизу»)	4	Менее 1%
7	Амфоры ранневизантийского времени типа LRA 1 и 2, классы 1 и 2 по ХК-95, типа V по ХК-71 («примесь снизу»)	62	7,2%
8	Амфоры VIII-X вв. классов 24, 36 и 41 по ХК-95 («примесь снизу»)	73	8,4%
9	Амфоры класса 52 по ХК-95, типа III/IV по Гюнзенин, XIII-XV вв.	21	2,4%
10	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК	86	9,9%

1	2	3	4
Кухонная керамика			
11	Лепная керамика с подлощенной поверхностью, V-VII вв. («примесь снизу»)	2	Менее 1%
12	Лепная керамика с подработкой на гончарном круге VIII-X вв. («примесь снизу»)	1	Менее 1%
13	Гончарная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	104	12%
Столовая керамика			
14	Неглазурованная керамика без точной атрибуции	10	1,2%
15	Глазурованная керамика из кашина, вторая половина XIV в., Золотая Орда, Поволжье	1	Менее 1%
16	Глазурованная керамика группы «псевдо-селадон», Ближний Восток, 1425-1475 гг.	1	Менее 1%
17	Глазурованная керамика групп «Slip-Painted Ware», «Elaborate Incised Ware» и «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware», Византия, вторая половина XIV-XV вв.	3	Менее 1%
18	Глазурованная керамика группы «Lustre Ware», Испания, 1425-1475 гг.	2	Менее 1%
19	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК, 60-е гг. XIV – 1475 г.	84	9,7%
20	Глазурованная керамика группы «Miletus Ware», Османская империя, 1450-1475 гг.	1	Менее 1%
Всего:		862	100%

Порядка 75% материалов относится к дворцовому периоду. Показательными являются фрагменты глазурованной посуды группы ЮЗК (рис. 333, 3-7; 334, 1, 5), в том числе с монограммой ТХ и надписью ΗΣΑΑΚ ΑΥΘΕΝΤΟΥ (рис. 334, 2-4), которые являются надежными маркерами, соответственно, для периодов 1425-1475 и 1450-1475 гг. Этим же временем датируются обломки «псевдо-селадона» (рис. 334, 8), сосудов группы «Lustre Ware» (рис. 335, 3), изделий византийской группы «Slip-Painted Ware» (рис. 334, 7) и раннеосманской керамики группы «Miletus Ware» (без рисунка). Скорее всего, ко второй половине XIV в. относятся фрагменты византийской поливной керамики групп «Elaborate Incised Ware» и «Monochrome Sgraffito Ware» (рис. 335, 1-2) и золотоордынского бихромного кашина (рис. 334, 6), которые, как и анонимный пул, выпущенный на монетном дворе Сарай ал-Джедид в 1358-1368 гг., рассматриваются здесь в качестве «примеси снизу».

Синхронны времени образования 5-го слоя бронзовая двусоставная книжная застёжка (рис. 335, 6), игровой шарик из мраморовидного известняка (рис. 335, 5) и генуэзский аспр кафинского чекана периода до 1441 г. Вероятно, с событиями штурма 1475 г. связаны свинцовая пуля (рис. 333, 1) и железные наконечники стрел с ромбовидным в сечении острием (рис. 333, 2; 335, 7-8), которые были на вооружении османской армии. Наконец, отметим находки при зачистке поверхности горизонта в квадрате №50 двух монет Крымского ханства – акче Сахиб Гирея I (1532-1550) и Девлет Гирея II (1550-1577), выпущенных, соответственно, на монетных дворах Кырк-Ер и Крым. С учетом полного отсутствия в слое других археологических материалов османского времени их следует отнести здесь к случайной «примеси сверху».

Таким образом, стратиграфические наблюдения и анализ археологических комплексов находок из 5-го слоя на Северном участке ис-

следований позволяют датировать его в широких пределах всего дворцового периода, то есть 1425-1475 гг.

Несколько самых общих замечаний по результатам обзора наиболее показательных археологических комплексов феодоритского периода на площади раскопа.

Как показывает их анализ, в своей основе резиденция правителей княжества Феодоро на Мангупе была построена в относительно небольшой промежуток времени в начале XV в. К первому строительному периоду в ее истории (около 1425-1450 гг.) относятся помещения А, В, С, D, E, F, G, I, J, K, L, южная и 1-я западная улицы, «западный двор» (рис. 228). Таким образом, по итогам раскопок, следует окончательно отказаться от гипотезы А. Л. Якобсона, высказанной им еще по завершении работ 1938 г., о том, что Мангупский дворец является археологическим объектом двух строительных периодов, второй половины XIV в. и 1425-1475 гг.

Второй строительный период дворца (около 1450-1475 гг.), на самом деле, связан с его перестройкой в конце 50-х – начале 60-х гг. XV в. В это время планировка комплекса была дополнена возведением двух сооружений на юге – помещения Н и, скорее всего, «южной площади», и полной перестройкой помещений F на I на Центральном участке. Тогда же свою современную композицию приобрело помещение J, ставшее трехкамерным жилым зданием. Наиболее поздней постройкой на площади раскопа является помещение N. Трудно определить точную датировку дворцового помещения M. Вероятнее всего, оно также относится к 1450-1475 гг.

Княжеский дворец стал одним из главных участков сопротивления защитников Мангупской крепости во время ее турецкой осады и штурма 1475 г. На площади раскопа выявлены выразительные слои разрушений и пожаров этого времени внутри или вблизи почти всех крупных архитектурных комплексов дворца – помещений А, В, С, F, H, J, K, L, M и N. Это свидетельствует о масштабах военных действий и значении памятника в системе обороны столицы Феодоро.

3.5. Строительный ярус османского периода

Сохранился хуже всего на площади раскопа (рис. 336). Его дневной поверхностью, вероятно, является 4-й слой на Юго-Западном и Западном участках и зафиксированный на юге сплошной раскат из мелкого бутового камня в нижнем горизонте дерна или «погребенного дерна», ко-

торые сформировались в результате разбора дворцовых построек на строительный материал жителями нового квартала османского времени. «Слоя функционирования» строений XVI-XVIII вв., как такового, в стратиграфии участка исследований не выделено.

Картографирование строительных остатков османского периода на месте Мангупского дворца показывает их распространение в пределах всего раскопа (рис. 336). К ним относятся 11 почти полностью разрушенных археологических объектов: остатки «тандыра» в квадрате №5 (2006 г., Южный участок) (рис. 337), кладки №№32 и 35 в квадратах №№1 и 5 (2006 г., Южный участок) (рис. 94), кладка №46 в помещении В (2007 г., Центральный участок) (рис. 298, 2), кладки №№49 и 63 на трассе «южной улицы», снаружи северо-западного угла помещения L (2008 г., Южный участок), остатки постройки с каменными стенами в квадратах №№18, 22-23, от которой сохранились кладки №№76-77, 84-86 (2015 г., Юго-Западный участок) (рис. 285, 1), «каменная выкладка на 4-м слое» в квадрате №36 (2017 г., Западный участок), развал постройки с каменными стенами на 4-м слое в квадрате №48 (2019 г., Западный участок) и комплекс керамики конца XVI-XVII вв. из «слоя отвалов» в квадрате №50, указывающий на использование башни дворца после 1475 г. (2021 г., Северный участок) (рис. 340-341). Предположительно к этой застройке также относятся яма №38 у южной стены помещения J (2015 г., Юго-Западный участок) (рис. 104-105) и фрагмент стены постдворцовой постройки в помещении I, открытой еще Е. В. Веймарном в 1974 г. (рис. 39).

Сохранность всех перечисленных сооружений слишком плохая, чтобы можно было сделать какие-либо определенные выводы о планировке и характере открытого строительного горизонта. Тем не менее, их наличие и картографирование заставляет отказаться от принятого в историографии допущения о полной заброшенности территории дворца в османский период истории Мангупа и использование его руин местным населением только лишь в качестве каменоломни.

В этой связи следует обратить внимание на довольно значительный объем вещественных находок XVI-XVIII вв. из верхних культурных напластований на площади раскопа и особенно на синхронную им обширную коллекцию монет (около 200 единиц, почти 20% от общего числа нумизматических находок на памятнике), представленную монетами Крымского ханства, от Менгли Гирея I (1478-1515) до Шахин Гирея (1777-1783), и отдельными номиналами Ос-

манской империи, главным образом, для периода XVI-XVII вв. Их систематизация и изучение, безусловно, поможет в дальнейшем установить точные хронологические рамки функционирования поселения этого времени на месте дворца и провести социальную и этнокультурную характеристику его жителей.

Более подробно остановимся на двух наиболее презентабельных комплексах османского периода из раскопок дворца.

2006 г. Южный участок. Квадрат №5. «Тандыр». Заполнение и серый рыхлый грунт вокруг

Исследован в юго-западной части квадрата №5 (рис. 92; 337). Округлый в плане диаметром

0,80-0,85 м, с почти вертикальным профилем и выровненным плоским скальным дном. Котлован под печь глубиной до 0,25 м выкопан в накопившемся в этой части раскопа 2-м слое. «Под», стенки и верхний край «тандыра» обложены крупными фрагментами керамики, в том числе желобчатой черепицы типа «татарка». На дне и бортах печи сохранился толстый (до 0,05 м) слой известковой обмазки, прокаленной в процессе ее функционирования. Вокруг фиксируется горизонт «ветрового наноса», рыхлого грунта серого цвета.

Археологические комплексы находок из заполнения «тандыра» и «ветрового наноса» идентичны между собой, что позволяет рассматривать их суммарно:

Таблица №59. Южный участок. Квадрат №5. «Тандыр». Заполнение и серый рыхлый грунт вокруг него. Основные категории находок. Атрибуция и статистика

№п/п	Категории керамических находок	Всего (фрагментов)	Процентное соотношение
Строительная керамика			
1	Керамиды и калиптеры 1-й и 2-й групп, 60-е гг. XIV в. – 1475 г.	34	11,7%
2	Черепица типа «татарка»	124	42,7%
Тарная керамика			
3	Пифосы гладкостенные и желобчатые без точной атрибуции	7	2,4%
4	Амфоры от позднеримского до феодоритского времени типа LRA 1, классов 1, 2, 24 по ХК-95, типа V по ХК-71, типа 95 по Зеест-60 («примесь снизу»)	33	11,4%
5	Тарные сосуды XVI-XVIII вв.	33	11,4%
Кухонная керамика			
6	Гончарная керамика XVI-XVIII вв.	45	15,5%
Столовая керамика			
7	Неглазурованная гончарная керамика XVI-XVIII вв.	9	3,1%
8	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware», группа ЮЗК, 60-е гг. XIV – 1475 г. («примесь снизу»)	3	Около 1%
9	Глазурованная керамика группы «Monochrome Glazed Ware», XVI-XVIII вв.	2	Менее 1%
Всего:		290	100%

Около 60% материала надежно датируется османским периодом в истории Мангупа – коричневоглиняная черепица с дуговидным профилем и желобчатой поверхностью типа «татарка», бытовая неглазурованная керамика с характерной примесью частиц известняка, шамота и органики, покрытая ангобом в тон черепку, часто с росписью поверх линиями более светлого ангоба (рис. 338, 1-5; 339, 2-7), и поливная красноглиняная посуда под монохромной зеленой или коричневой различных оттенков глазурью (рис. 338, 6-7; 339, 1).

Такая строительная и бытовая керамика хорошо известна по результатам археологического изучения различных участков жилой застройки XVI-XVIII вв. на территории Мангупского городища [Герцен, Иванова, Науменко, Смокотина, 2007, с. 246-248, рис. 35-39]. С учетом отсутствия в нашем комплексе поздних хронологических индикаторов конца XVII-XVIII вв. – турецкого фаянса группы «Kütahya Ware» и курительных трубок, его датировку можно осторожно ограничить периодом XVI-XVII вв.

2021 г. Северный участок. Квадрат №50. «Слой отвалов»

«Слой отвалов» сформировался здесь в результате раскопок Р. Х. Лепера (1912 г.), Е. Г. Сурова (1968 г.) и Е. В. Веймарна (1974 г.) внутри и снаружи оборонительной башни-донжона дворца (помещения А). Его мощность достигает 0,55 м (рис. 70; 73). Он перекрывает, в свою очередь, 4-й слой на участке исследований – сплошной каменный завал из разнокалиберных известняковых блоков, который интерпретирован как горизонт обрушения стен башни-донжона, что произошло значительно позднее событий 1475 г.

Как обычно, «слой отвалов» из раскопок предыдущих лет насыщен разновременным археологическим материалом, начиная с раннесредневекового времени. Однако, около 30% находок в комплексе составляют материалы, надежно датированные османским периодом в истории крепости. Вероятно, речь идет о выбросе грунта из верхних горизонтов заполнения помещения А во время работ 1912 г. Это позволяет предположить функционирование на его месте после 1475 г. какой-то постройки, полностью разобранный позднее.

Археологический комплекс находок османского периода характеризуют фрагменты желобчатой черепицы типа «татарка», бытовой неглазурованной керамики (рис. 340, 1-4), поливной посуды (кувшинов, мисок, тарелок), чаще всего, покрытых зеленой глазурью (рис. 340, 5; 341, 1, 5-6), и фаянсовых кофейных чашек группы «Kütahya Ware» (рис. 340, 6). Индивидуальные находки представлены фрагментами красноглиняной курительной трубки, железных наконечников стрел с ромбовидным острием и двумя монетами Крымского ханства, выпущенными при Мехмед Гирее II (1577-1584; монетный двор Крым) и в первое правление Джанибек Гирея (1610-1623; монетный двор Гезлев) в 1610-1611 гг. Часть индивидуальных находок не имеют точной хронологии – фрагменты свинцового медальона (?) (рис. 340, 7), медного перстня с щитком, украшенным шахматным узором (рис. 340, 8), медные ручка (от шкатулки?) (рис. 341, 2), колечко (рис. 341, 3) и уплощенная бусина (рис. 341, 4).

В целом археологический комплекс лучше датировать в пределах конца XVI-XVII вв., не позднее.

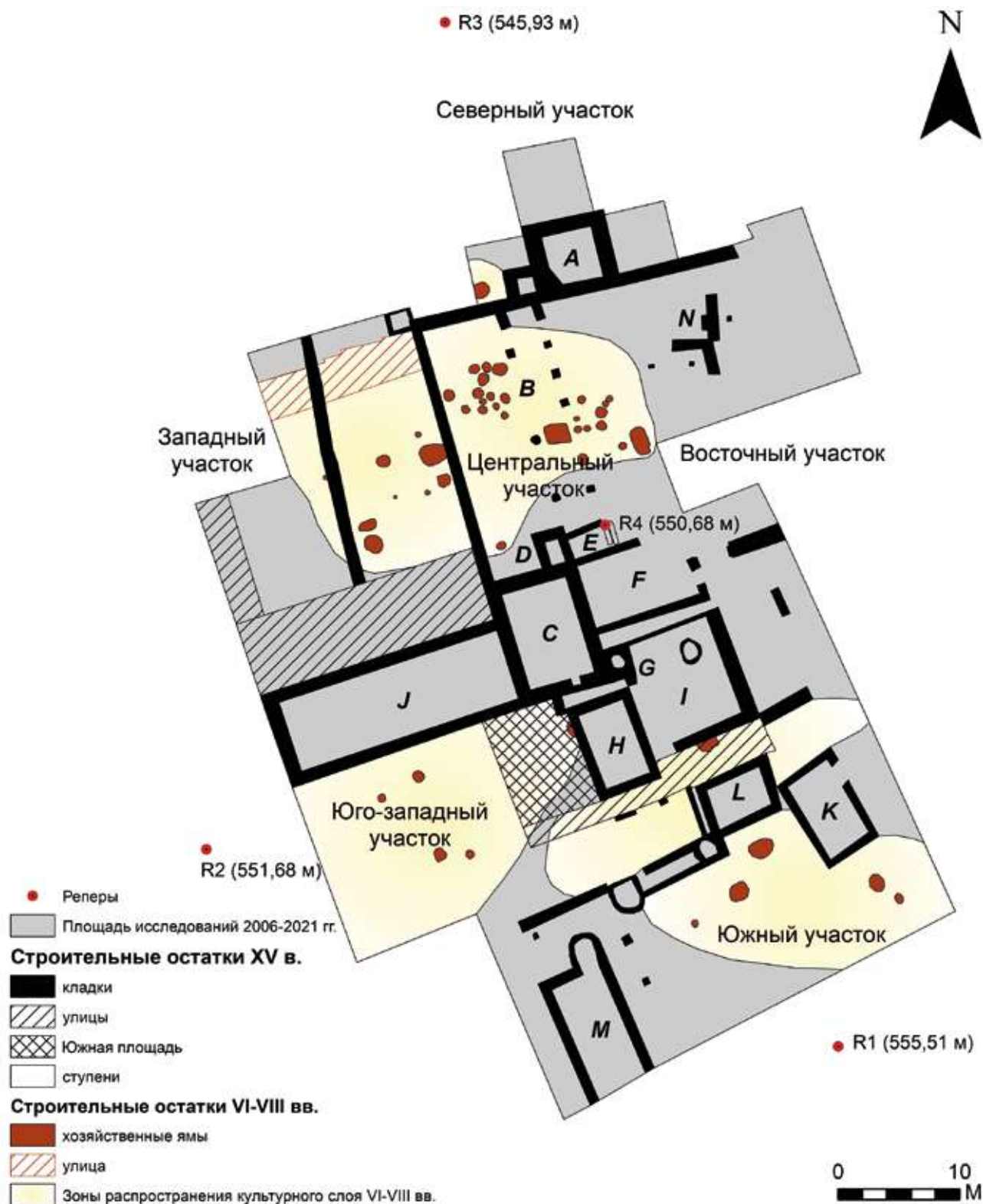

Рис. 108. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг.
Общий план-схема архитектурного комплекса 1425-1475 гг.
и строительного яруса ранневизантийского периода

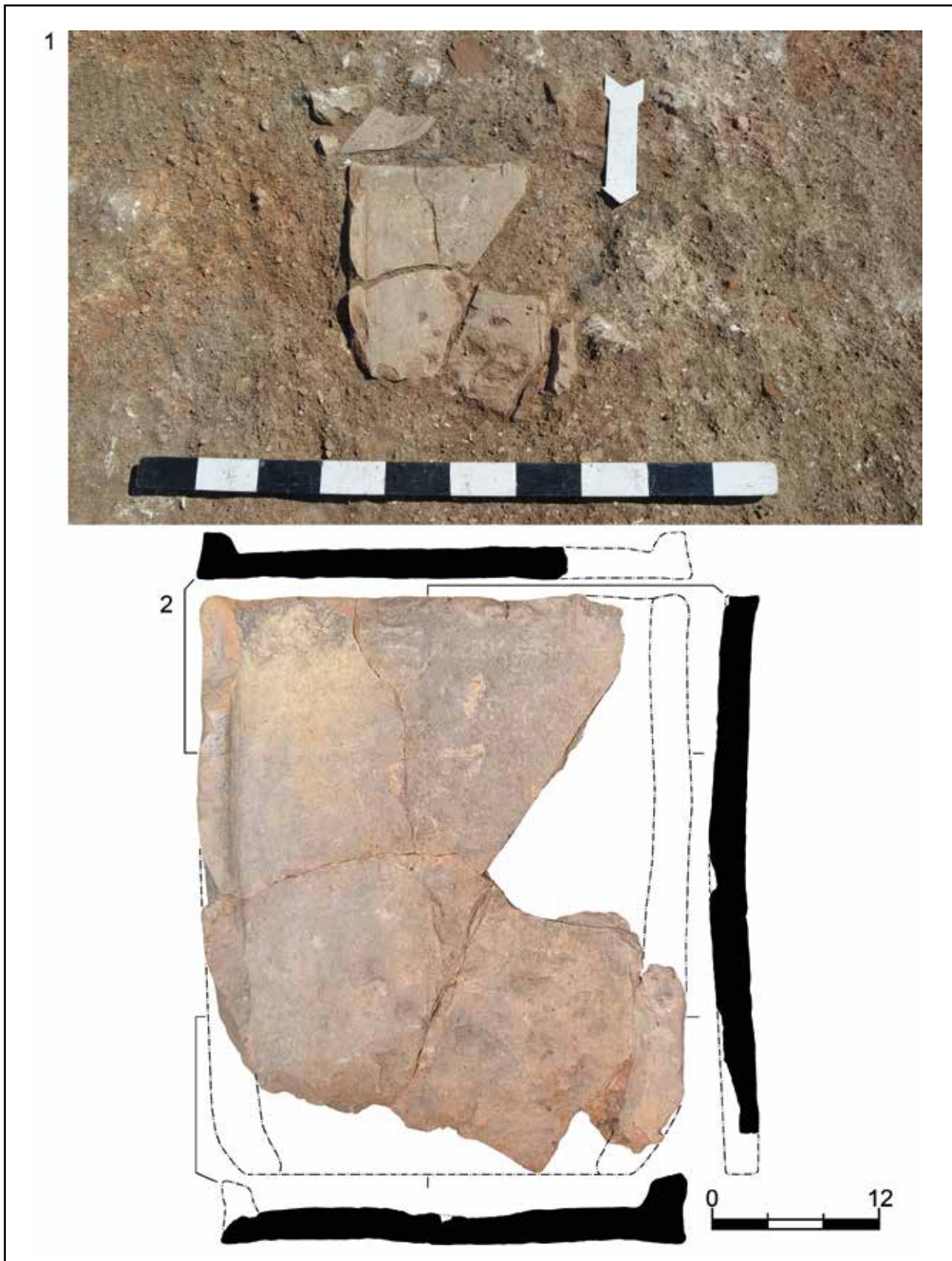

Рис. 109. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2020-2021 гг. Западный участок. Квадрат №34. 9-й слой:
 1 – фрагмент черепичной вымостки на 9-м слое к югу от кладки №121. Вид с севера, сверху;
 2 – к.о.182 (изделие из глины) [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 98]

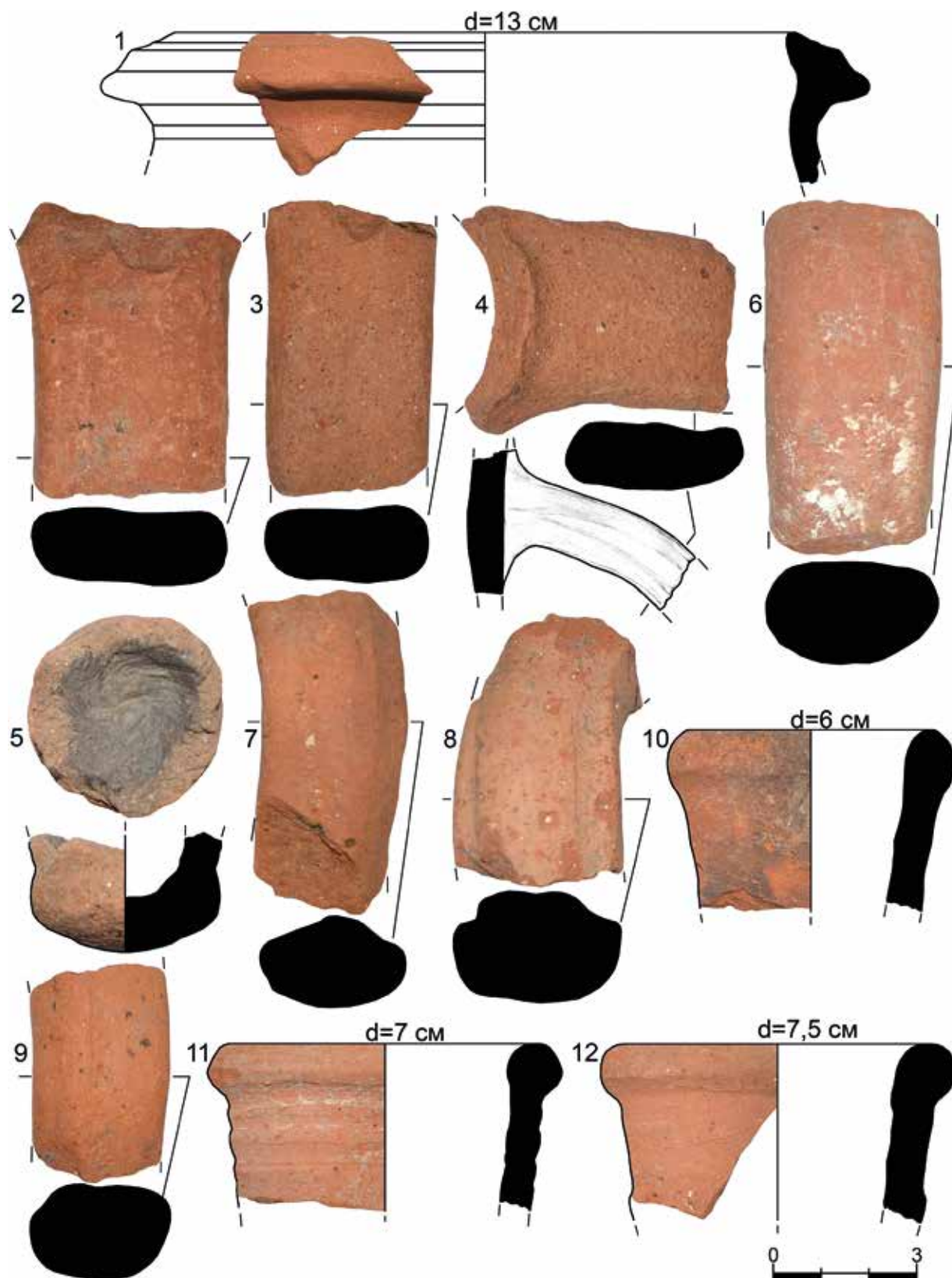

Рис. 110. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
Раскопки 2020-2021 гг. Западный участок. Квадраты №№34-35.
9-й слой: 1-5 – к.о.219; 6-12 – к.о.220.
Изделия из глины (1-12) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 65-66]

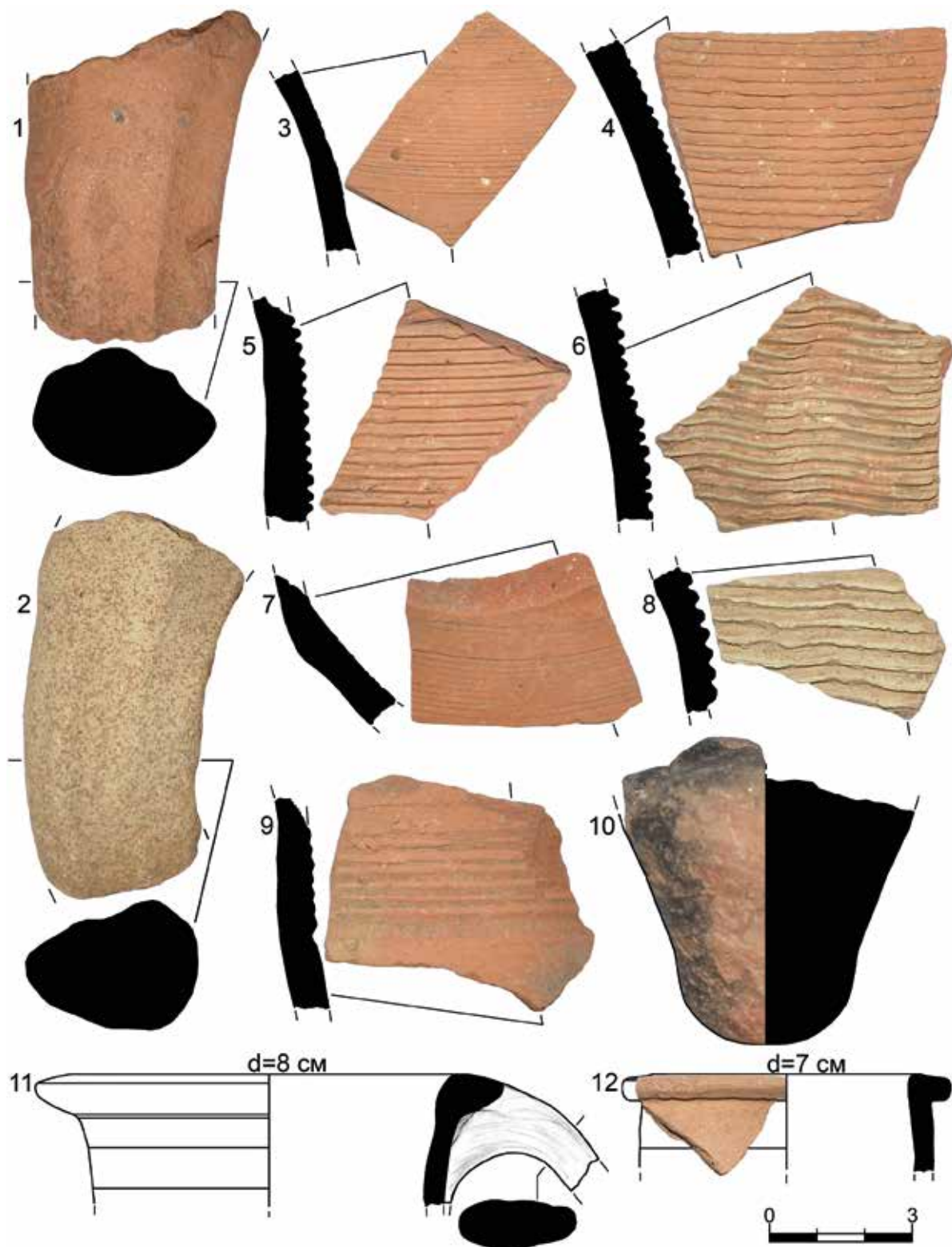

Рис. 111. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2020-2021 гг. Западный участок. Квадраты №№34-35. 9-й слой: 1-2 – к.о.221;
 3-8 – к.о.222; 9 – к.о.223; 10 – к.о.224; 11 – к.о.228; 12 – к.о.227.
 Изделия из глины (1-12) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 66-68]

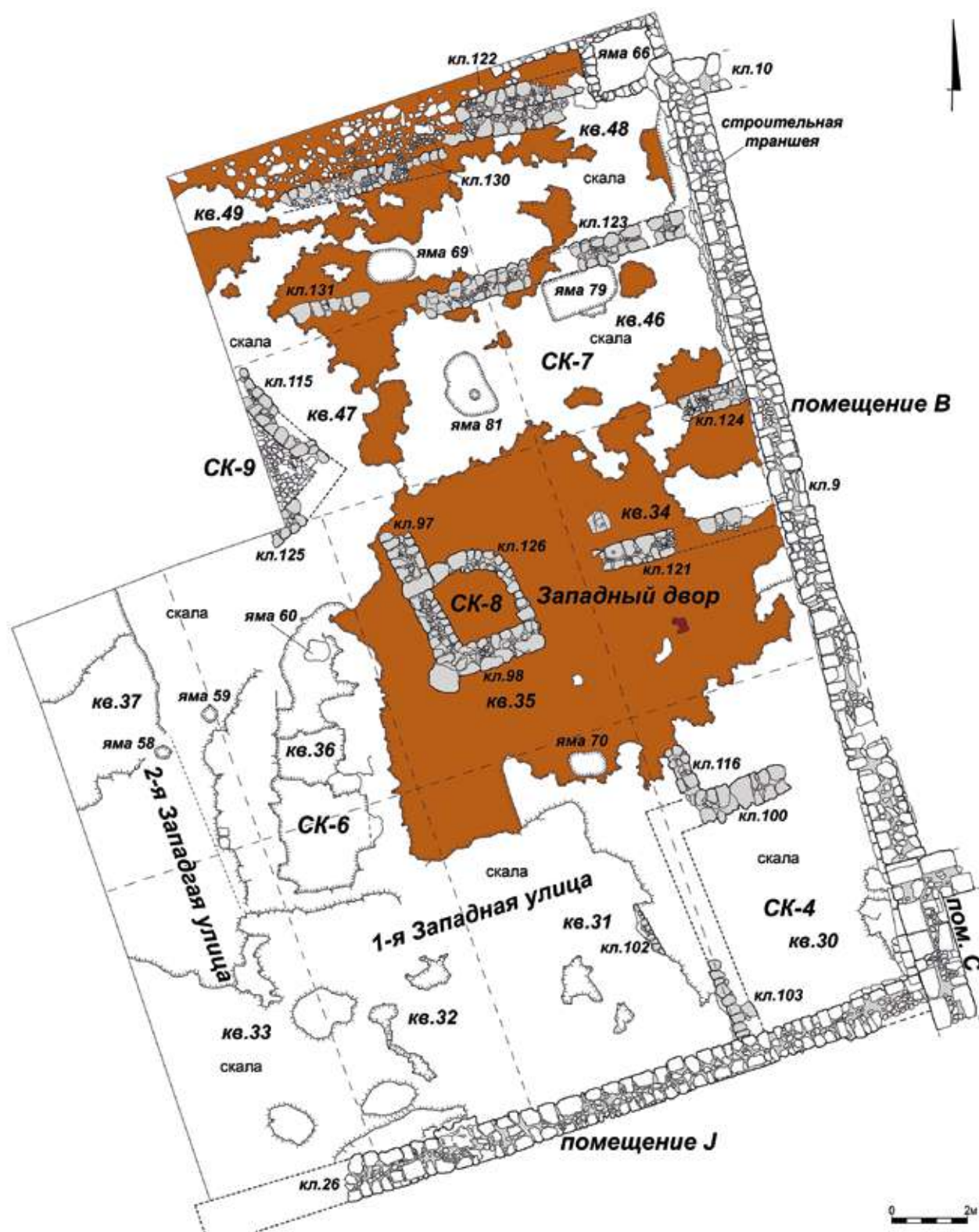

Рис. 112. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода. Раскопки 2020-2021 гг. Западный участок. Квадраты №№34 и 35. 9-й слой: 1–2 – к.о.222; 3–4 – к.о.225; 5 – к.о.226; 6 – к.о.229; 7–8 – к.о.230; 9 – к.о.231; 10 – к.о.232; 11 – к.о.233; 12 – к.о.234; 13 – к.о.235. Квадрат № 34; 9-й слой к югу от кладки № 98. 14 – к.о.188; 15 – к.о.189. Изделия из глины (1–6), стекла (7–12), бронзы (13–15) [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 99; Герцен. Отчет, 2022, рис. 67-69]

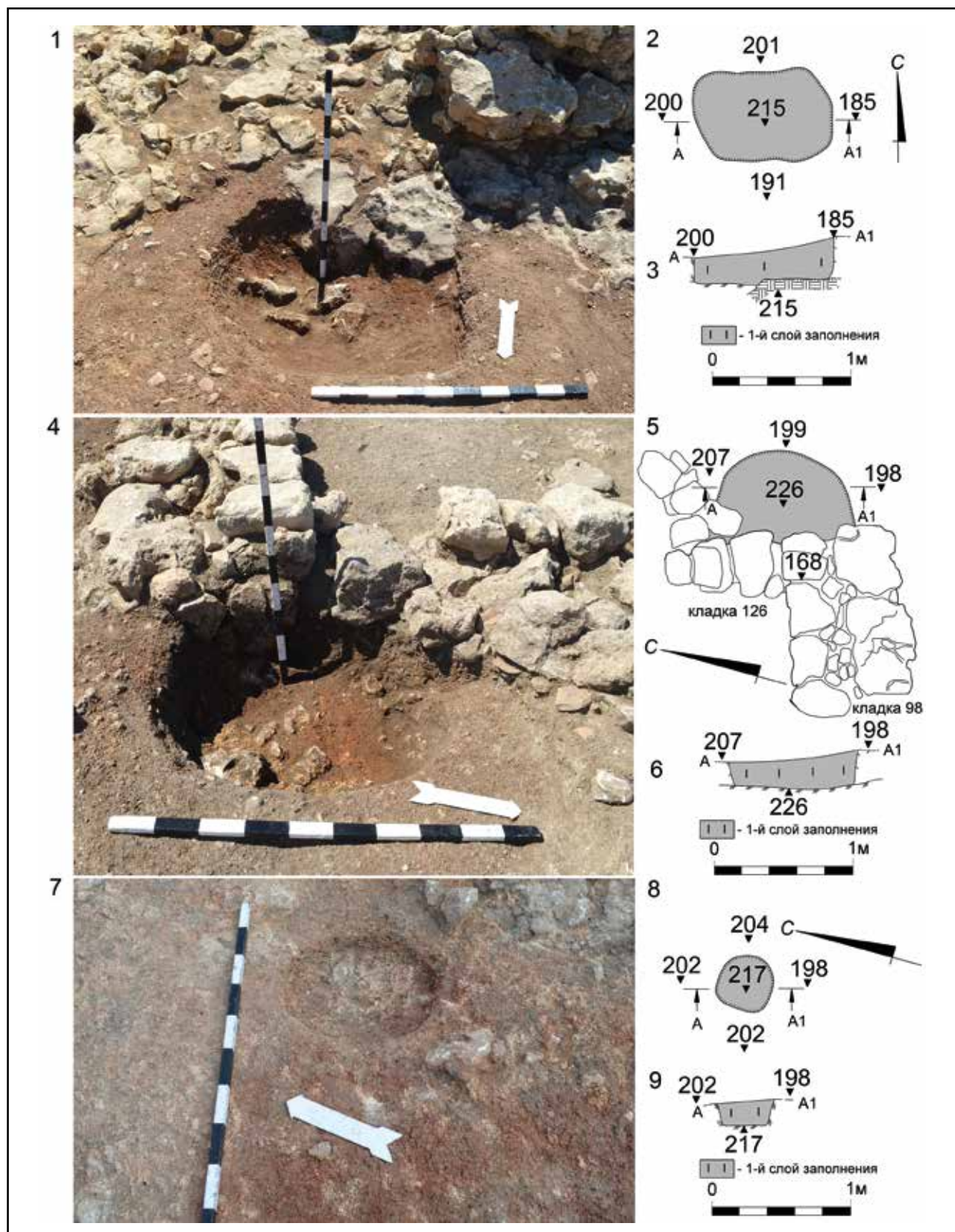

Рис. 113. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода. Раскопки 2020-2021 гг. Западный участок. Квадраты №№ 30-31, 34-35. Яма №70: 1 – общий вид с севера, сверху, после выборки заполнения; 2 – план; 3 – стратиграфический разрез. Яма №71: 4 – общий вид с северо-востока после выборки заполнения; 5 – план; 6 – стратиграфический разрез. Яма №73: 7 – общий вид с запада после выборки заполнения; 8 – план; 9 – стратиграфический разрез [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 137, 141, 146]

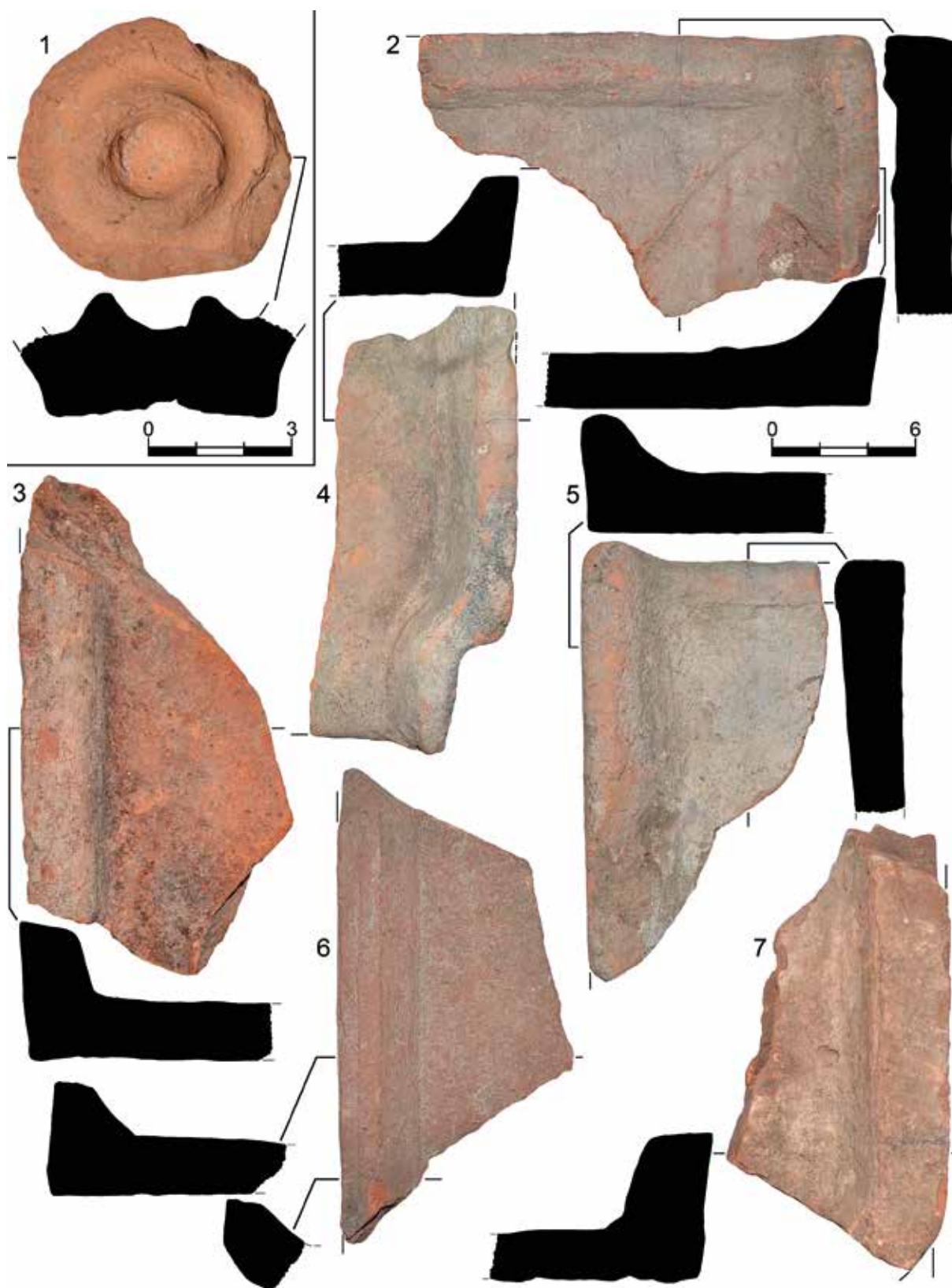

Рис. 114. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода. Раскопки 2020-2021 гг. Западный участок. Квадрат №30–31. Яма №70. Заполнение: 1 – к.о. 192. Западный участок. Квадрат №34–35. Яма №71: 3–7 – п.о. 12455. Изделия из глины (1–7) [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 138; 142]

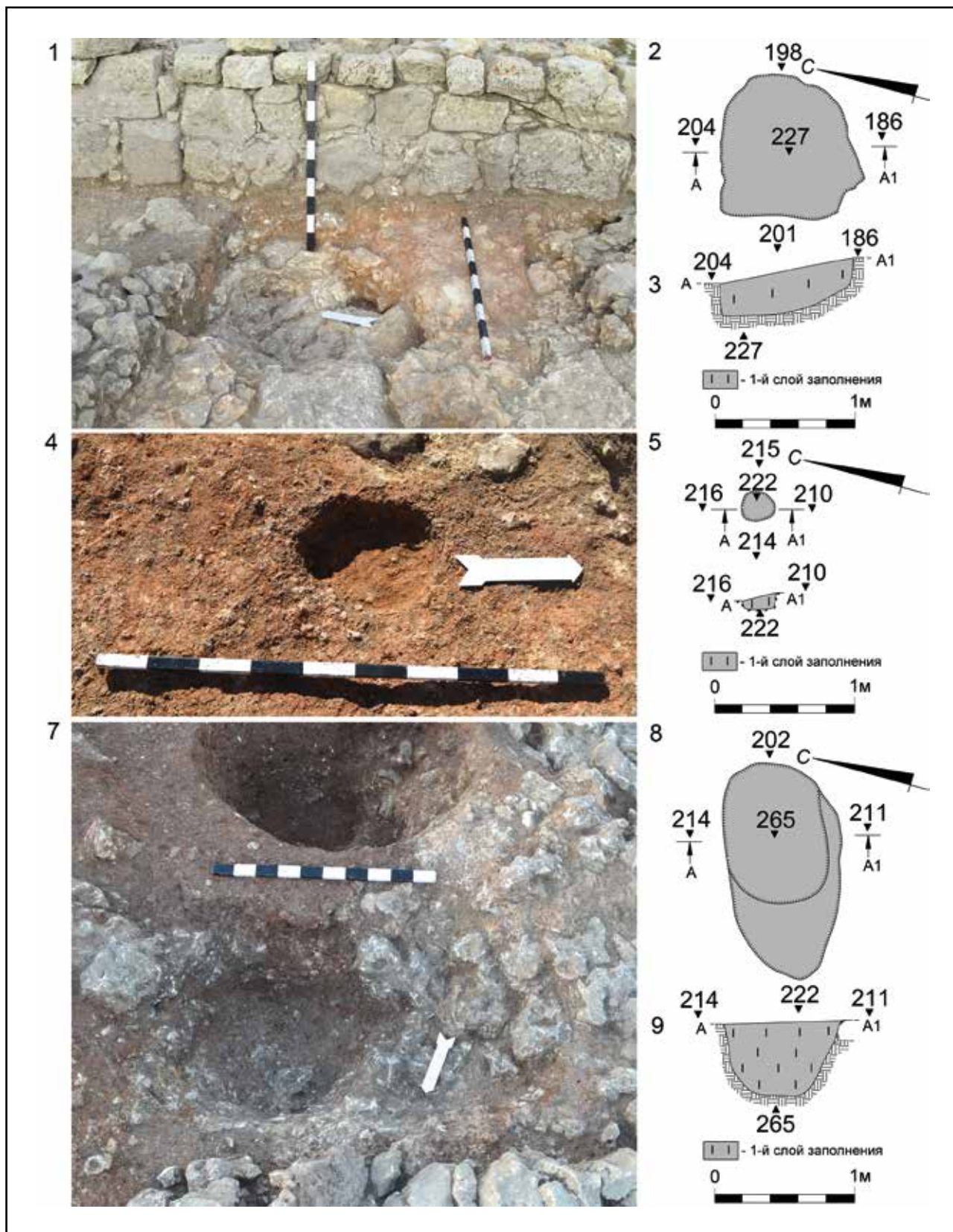

Рис. 115. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2020-2021 гг. Западный участок. Квадрат №34-35. Яма №72:
 1 – общий вид с запада после выборки заполнения; 2 – план; 3 – стратиграфический разрез.
 Яма №74: 4 – общий вид с востока после выборки заполнения; 5 – план;
 6 – стратиграфический разрез. Яма №75: 7 – общий вид с севера после выборки заполнения;
 8 – план; 9 – стратиграфический разрез [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 145, 147, 150]

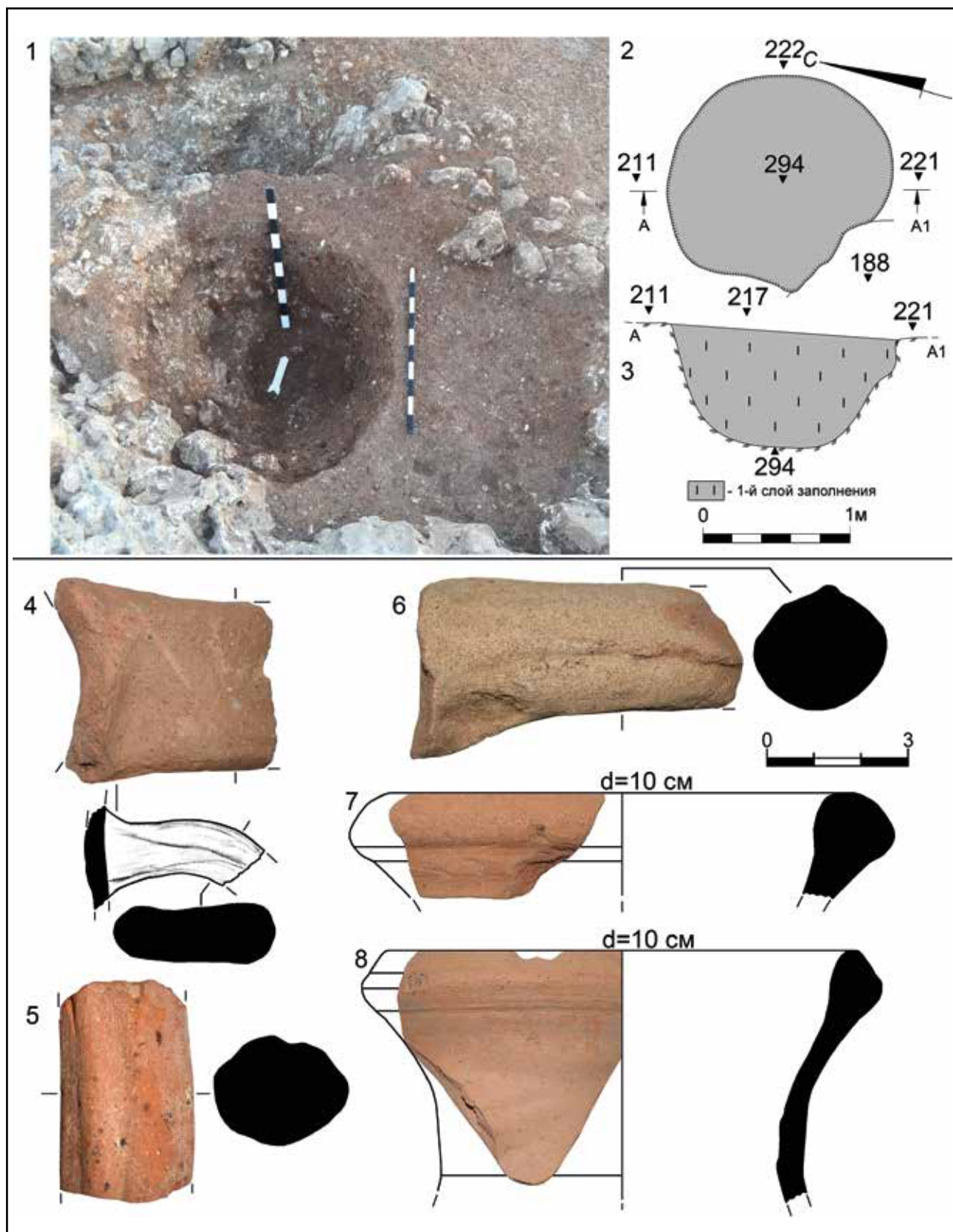

Рис. 116. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
Раскопки 2020-2021 гг. Западный участок. Квадрат №34-35. Яма №76:
1 – общий вид с юга после выборки заполнения; 2 – план; 3 – стратиграфический разрез;
4 – к.о.192; 5 – к.о.193; 6 – к.о.194; 7 – к.о.195; 8 – к.о.196. Изделия из глины (1–8)
[по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 138; 151]

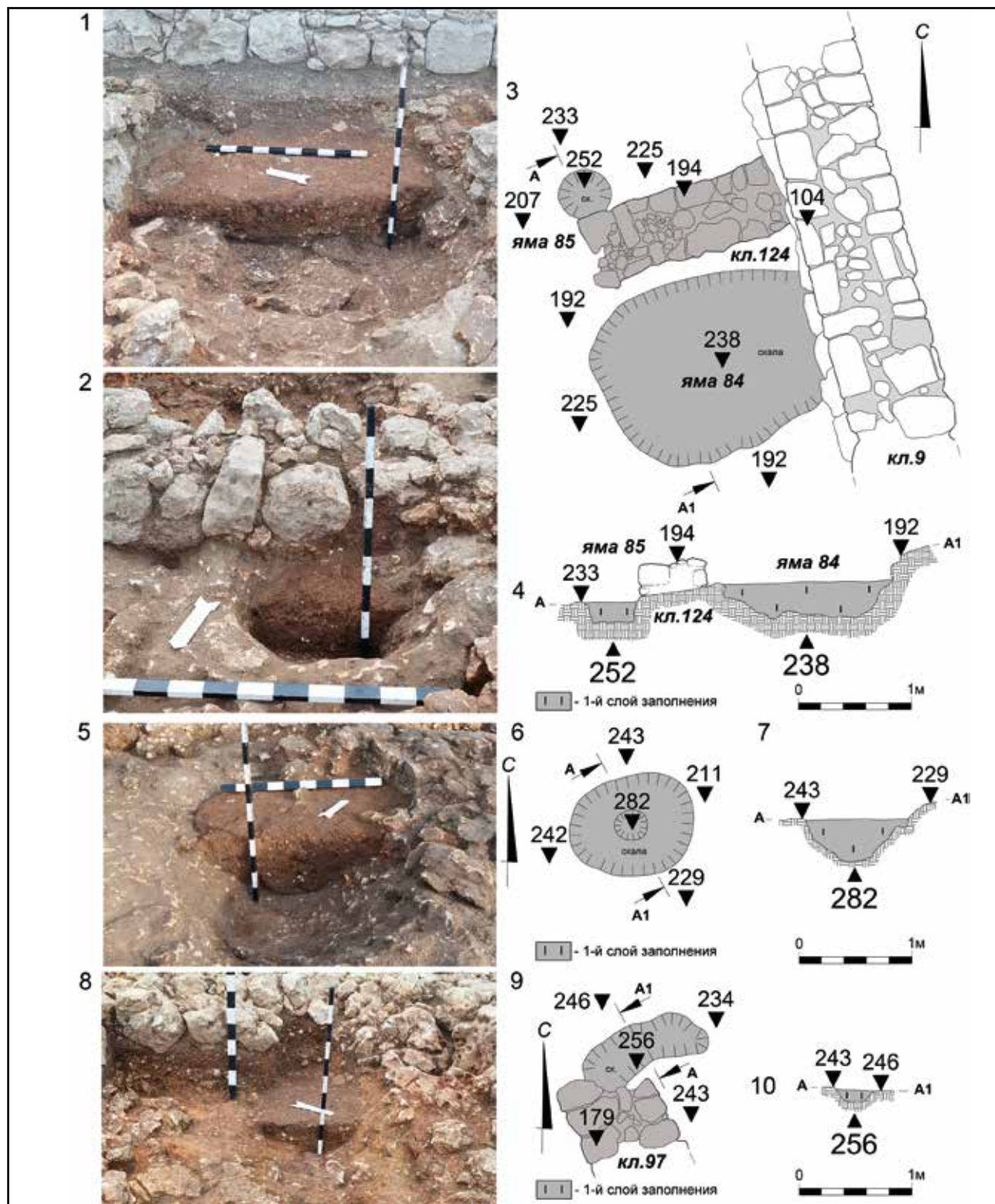

Рис. 117. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода. Раскопки 2020-2021 гг. Западный участок: 1 – квадрат №34, яма №84, стратиграфический разрез, вид с запада; 2 – квадрат №46, яма №85, стратиграфический разрез, вид с севера; 3 – квадрат №№34-35, ямы №№84-85, план; 4 – квадрат №№34-35, ямы №№ 84-85, стратиграфический разрез; 5 – квадрат №34, яма №86, стратиграфический разрез, вид с юга; 6 – квадрат №34, яма № 86, план; 7 – квадрат №34, яма №86, стратиграфический разрез; 8 – квадрат №35, яма № 87, стратиграфический разрез, вид с востока; 9 – квадрат №35, яма №87, план; 10 – квадрат №35, яма №87, стратиграфический разрез [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 71, 136-139]

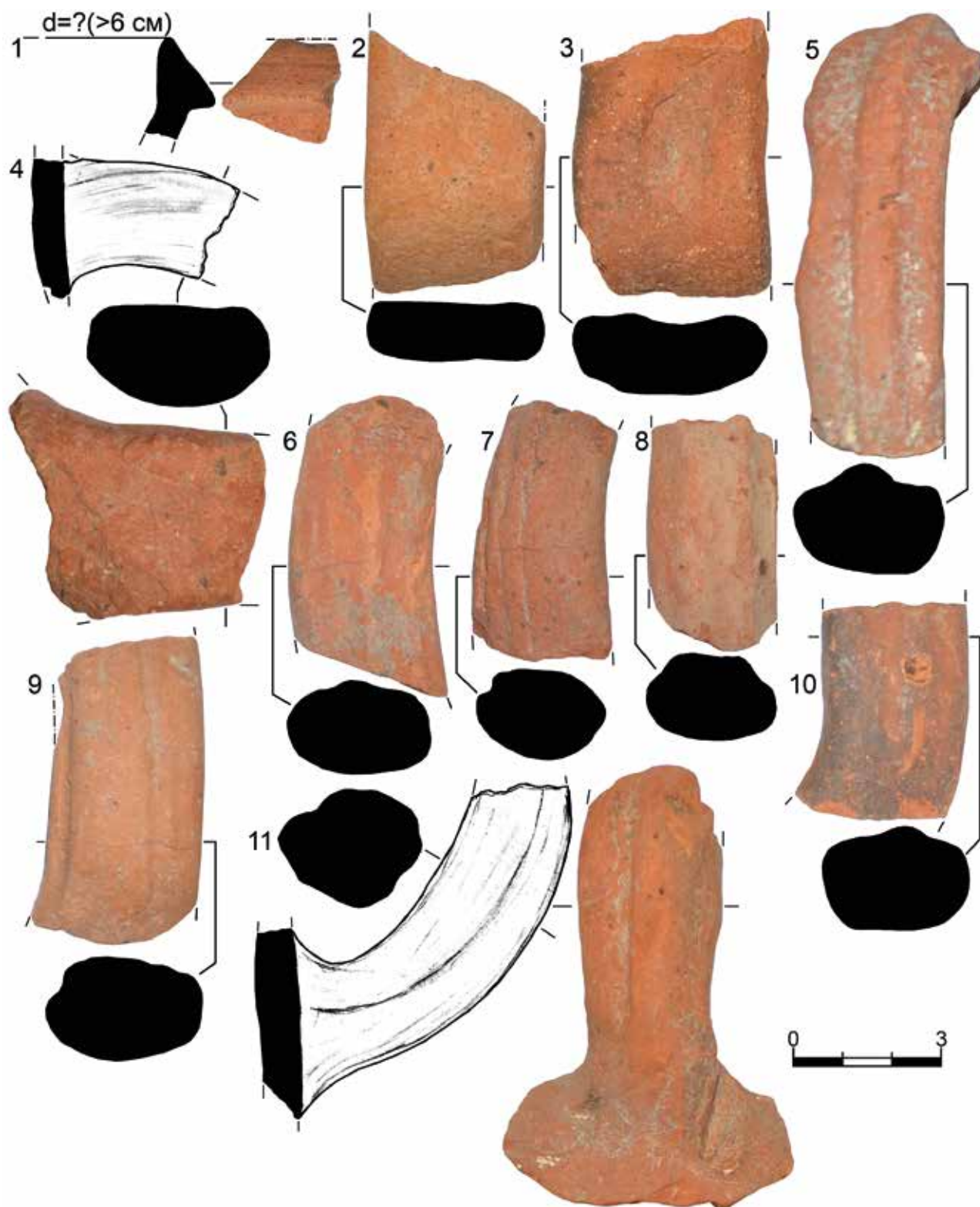

Рис. 118. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадраты №№48 и 49.
1-й (нижний) горизонт мощения улицы: 1-4 – к.о.176; 5-11 – к.о.177.
Изделия из глины (1-11) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 96-97]

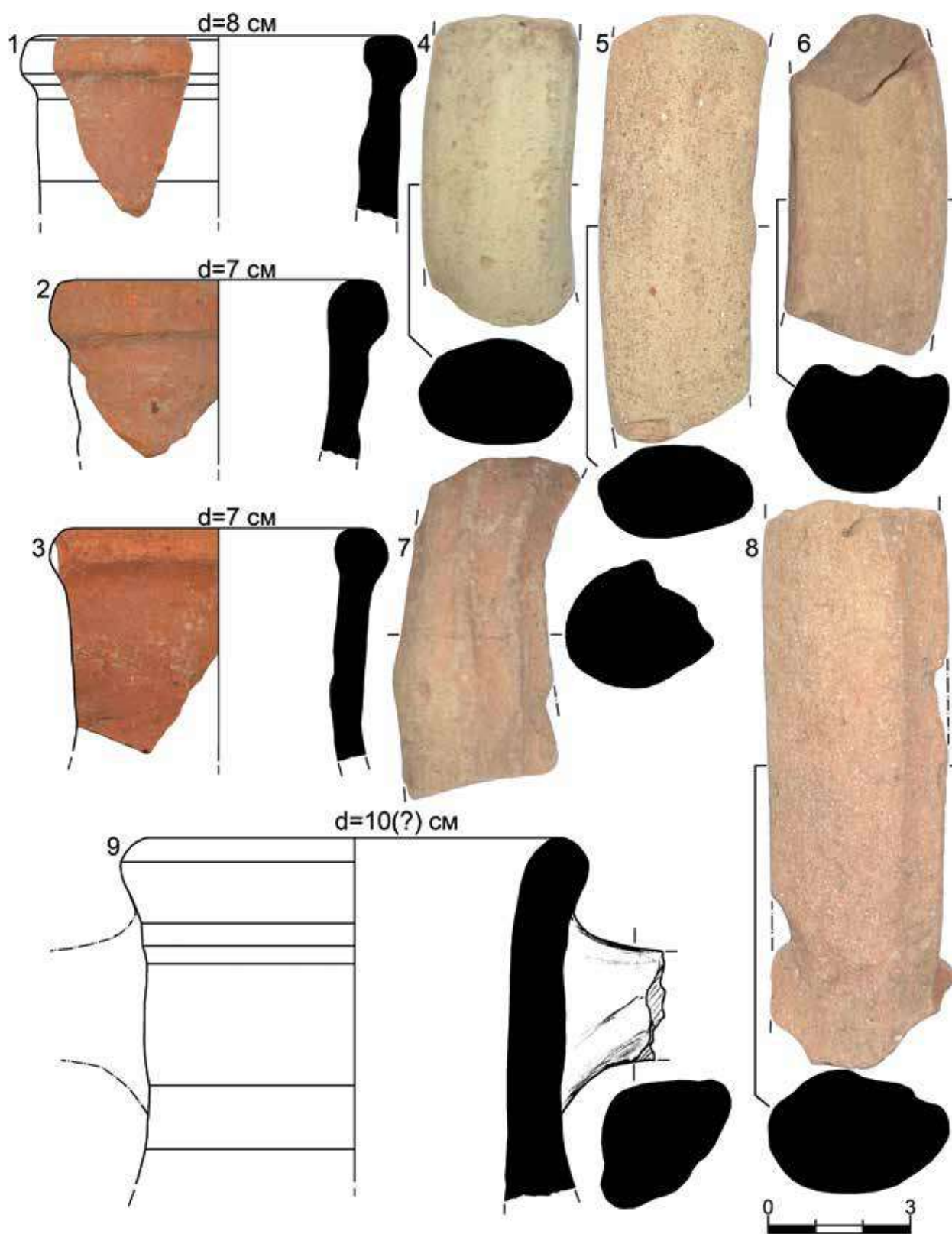

Рис. 119. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадраты №№48 и 49.
 1-й (нижний) горизонт мощения улицы: 1-3 – к.о.177; 4-9 – к.о.178.
 Изделия из глины (1-9) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 96-98]

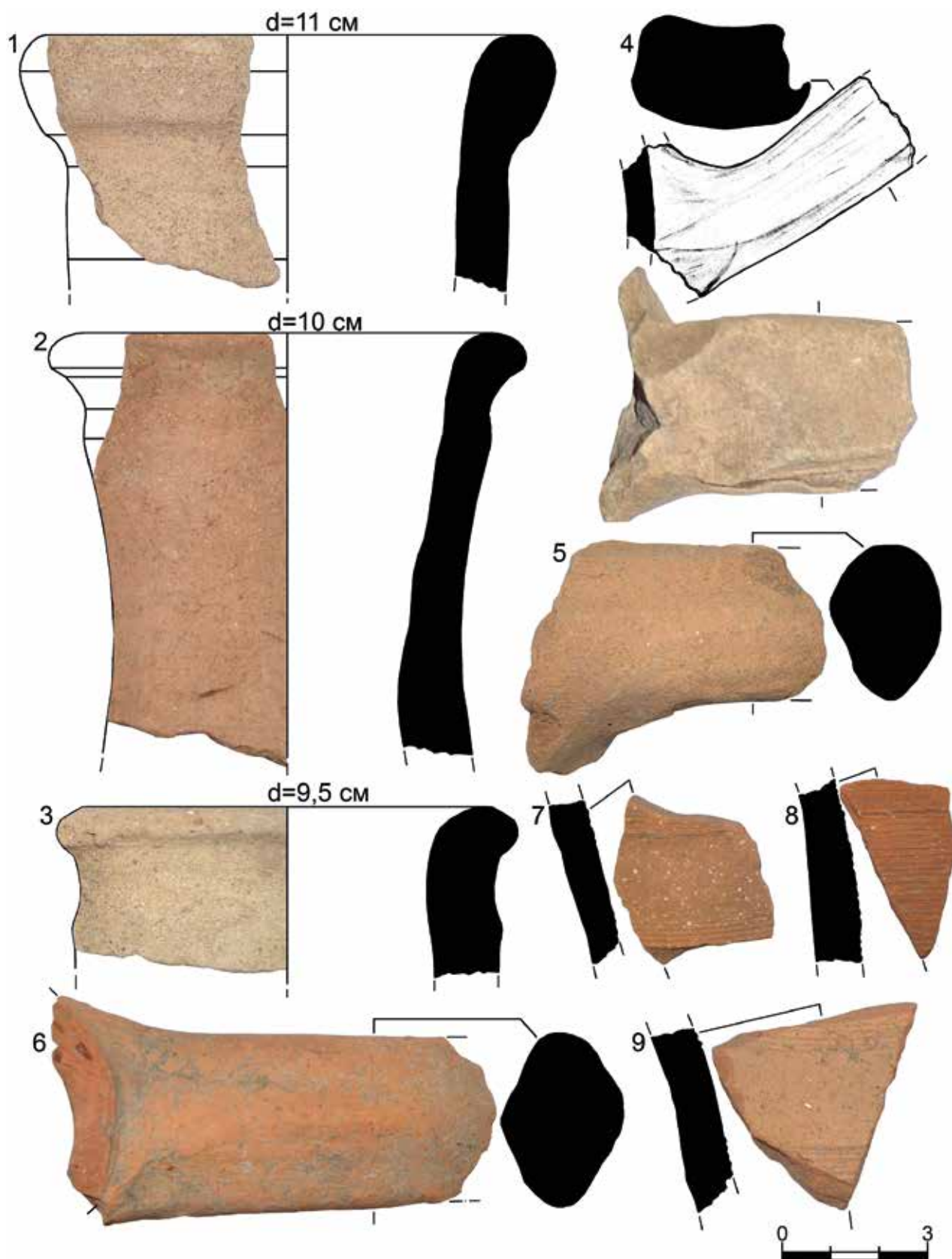

Рис. 120. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадраты №№48 и 49.
1-й (нижний) горизонт мощения улицы: 1–4 – к.о.178; 5 – к.о.180; 6–9 – к.о.182.
Изделия из глины (1–9) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 98-100]

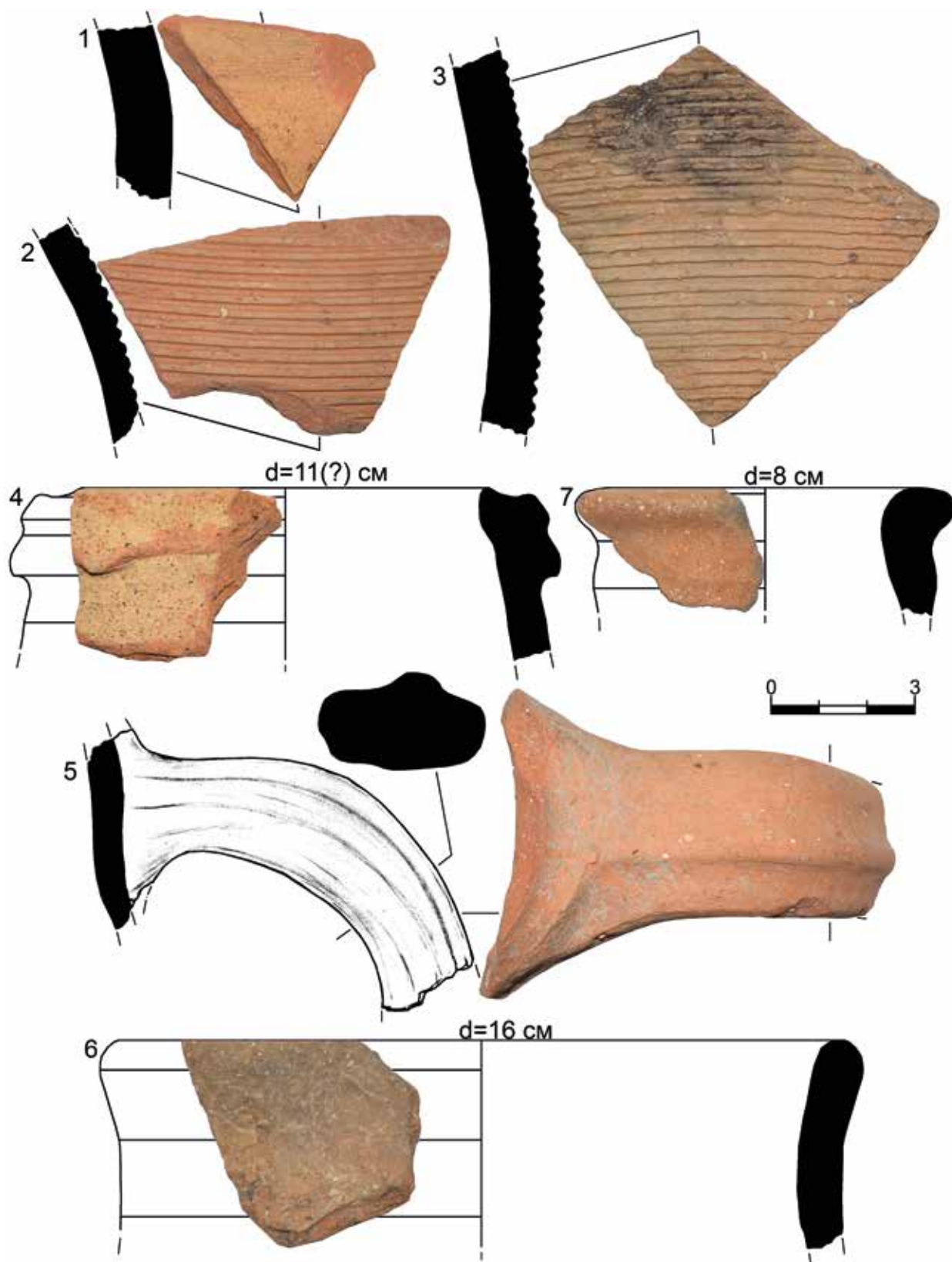

Рис. 121. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадраты №№48 и 49.
 1-й (нижний) горизонт мощения улицы: 1 – к.о.182; 2–3 – к.о.179; 4 – к.о.181; 5 – к.о.183;
 6–7 – к.о.184. Изделия из глины (1–7) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 99-100]

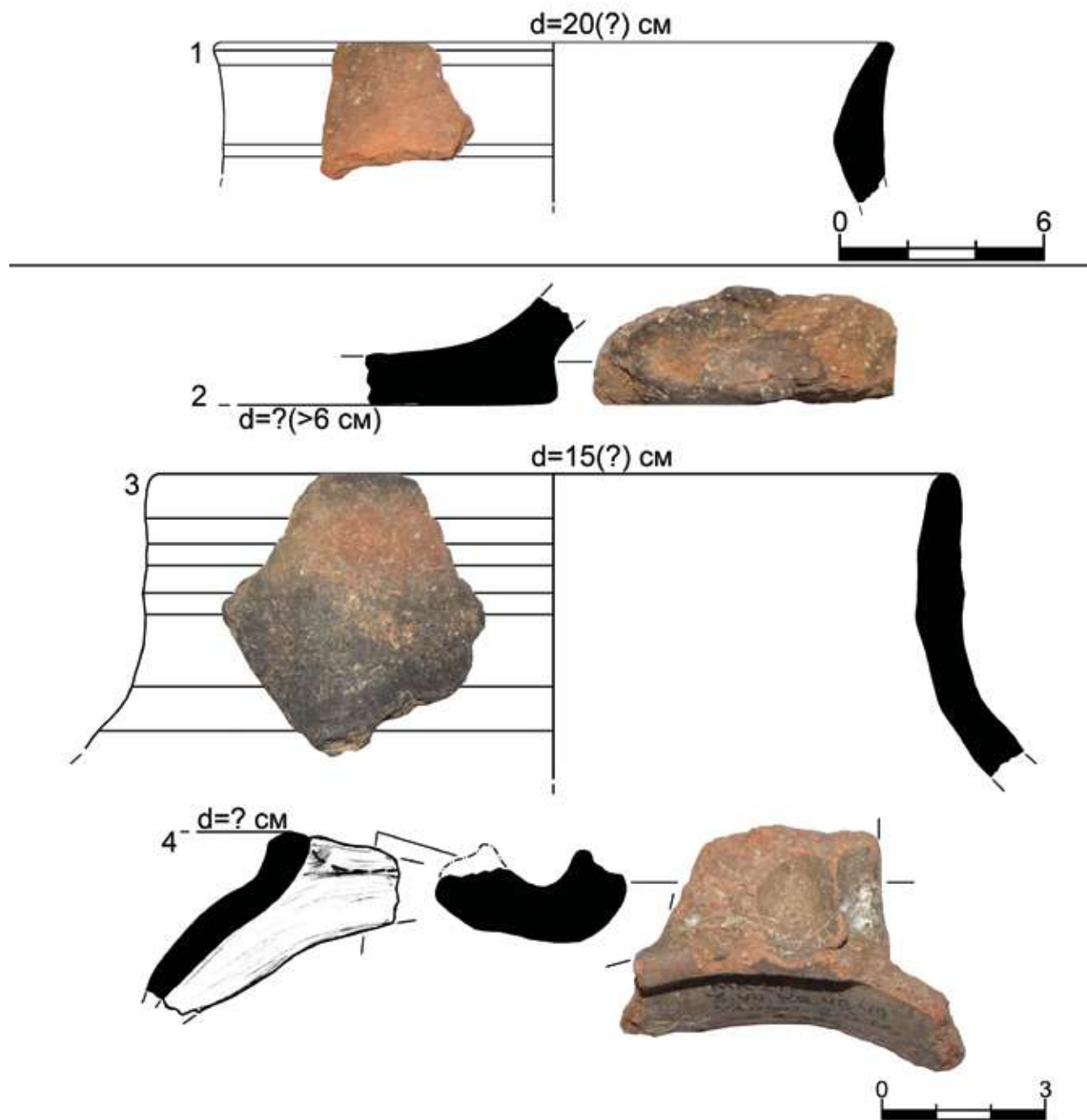

Рис. 122. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадраты №№48 и 49.
1-й (нижний) горизонт мощения улицы: 1–2 – к.о.184; 3 – к.о.185; 4 – к.о.186.
Изделия из глины (1–4) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 101]

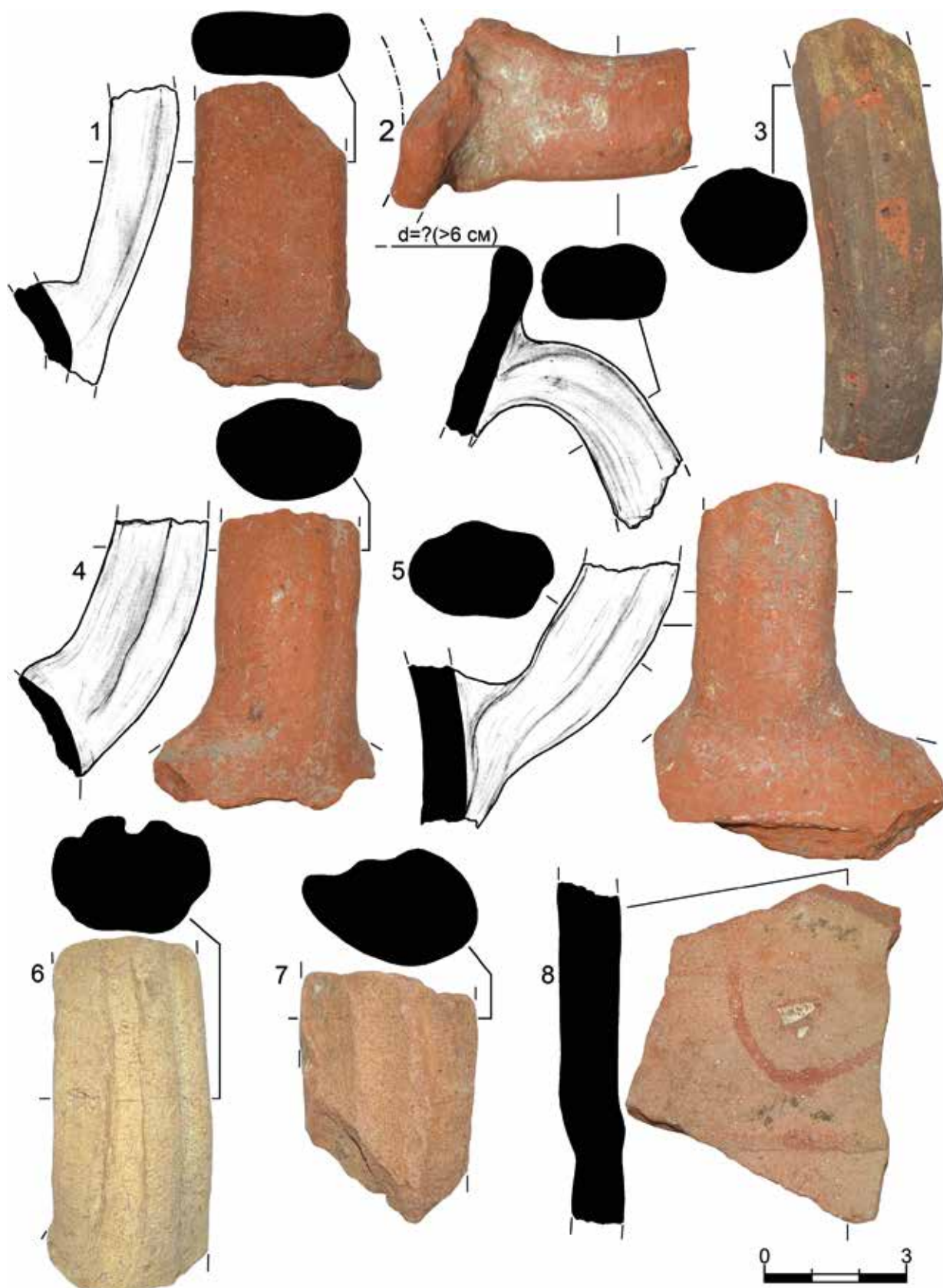

Рис 123. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2021 г. Западный участок.
 Квадраты №№48 и 49. 2-й (средний) горизонт мощения улицы: 1 – к.о.158; 2–5 – к.о.159;
 6–8 – к.о.160. Изделия из глины (1–8) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 85-86]

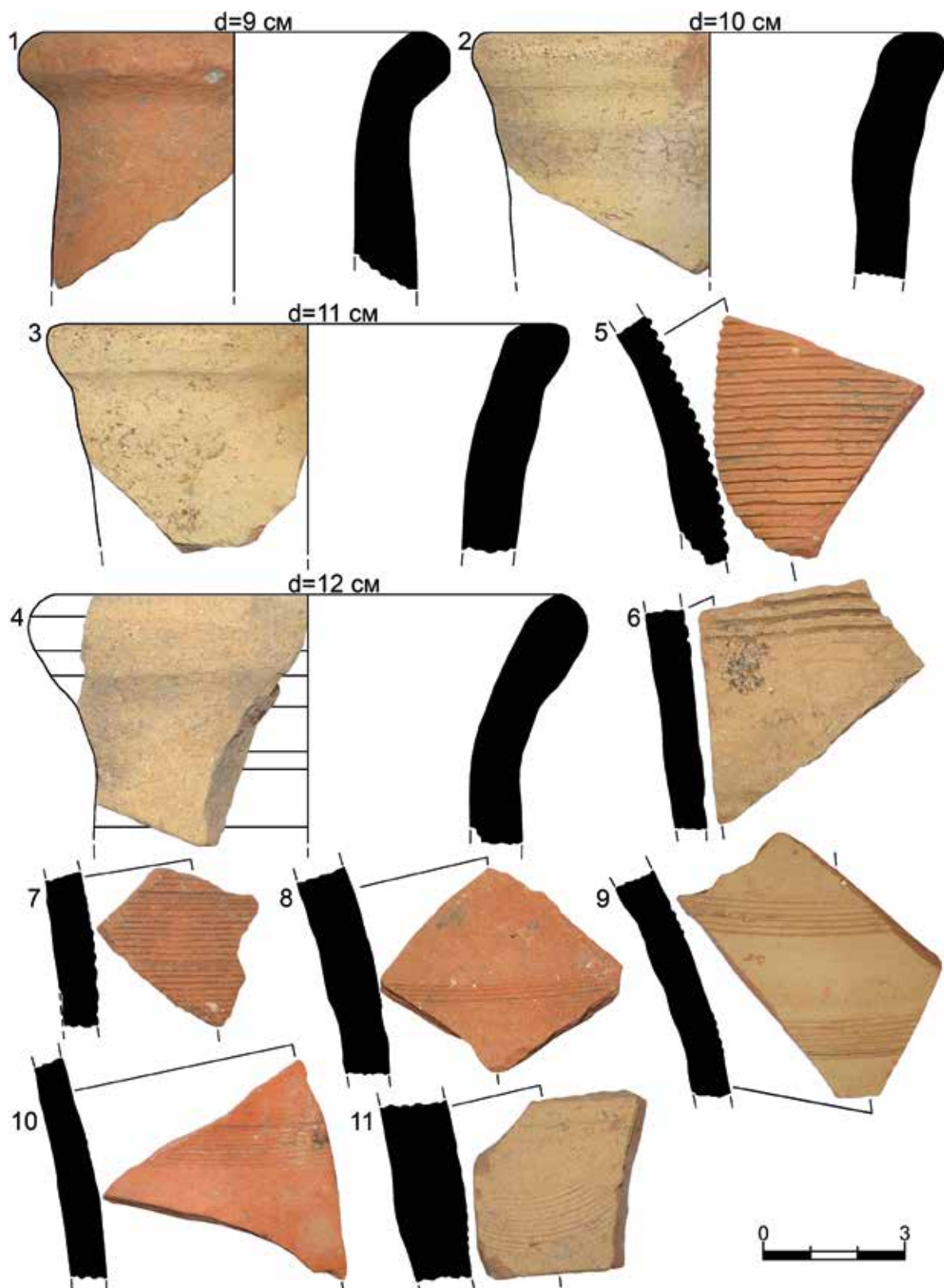

Рис. 124. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
Раскопки 2021 г. Западный участок.
Квадраты №№48 и 49. 2-й (средний) горизонт мощения улицы: 1–4 – к.о.160; 5–7 – к.о.161;
8–11 – к.о.162. Изделия из глины (1–11) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 86-87]

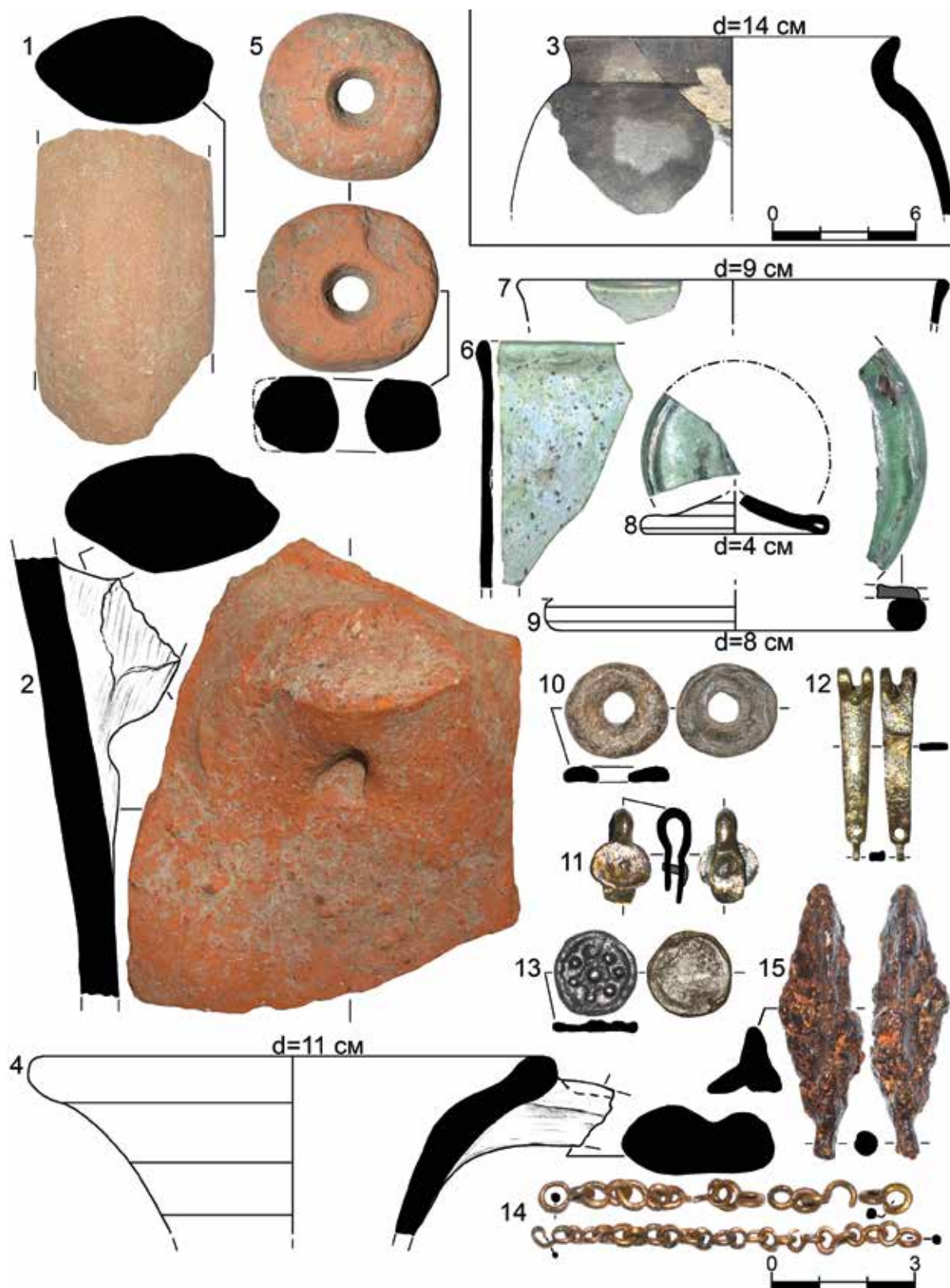

Рис. 125. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадраты №№48 и 49.
 2-й (средний) горизонт мощения улицы: 1 – к.о.162; 2 – к.о.163; 3 – к.о.164; 4 – к.о.165;
 5 – к.о.166; 6 – к.о.167; 7–8 – к.о.168; 9 – к.о.169; 10 – к.о.170; 11 – к.о.171; 12 – к.о.172;
 13 – к.о.173; 14 – к.о.174; 15 – к.о.175. Изделия из глины (1–5), стекла (6–9), свинца (10),
 серебра (11), бронзы (12), меди (13–14), железа (15) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 87-88]

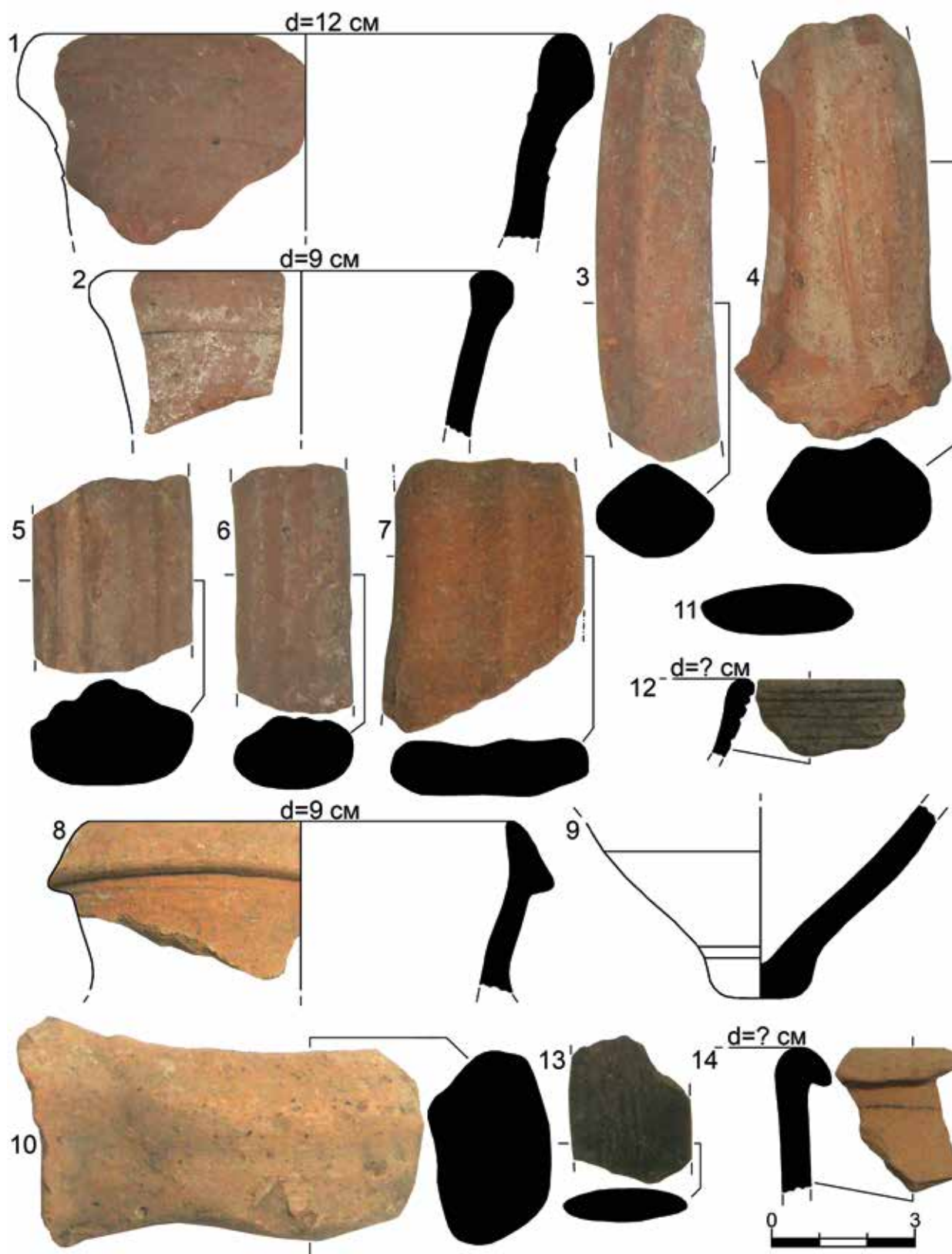

Рис. 126. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
Раскопки 2006 г. Южный участок. Квадрат №1. 3-й слой: 1–6 – к.о.655; 7–9 – к.о.656;
10 – к.о.658; 11 – к.о.659; 12–13 – к.о.665; 14 – к.о.668.
Изделия из глины (1–14) [по: Герцен. Отчет, 2007, рис. 133]

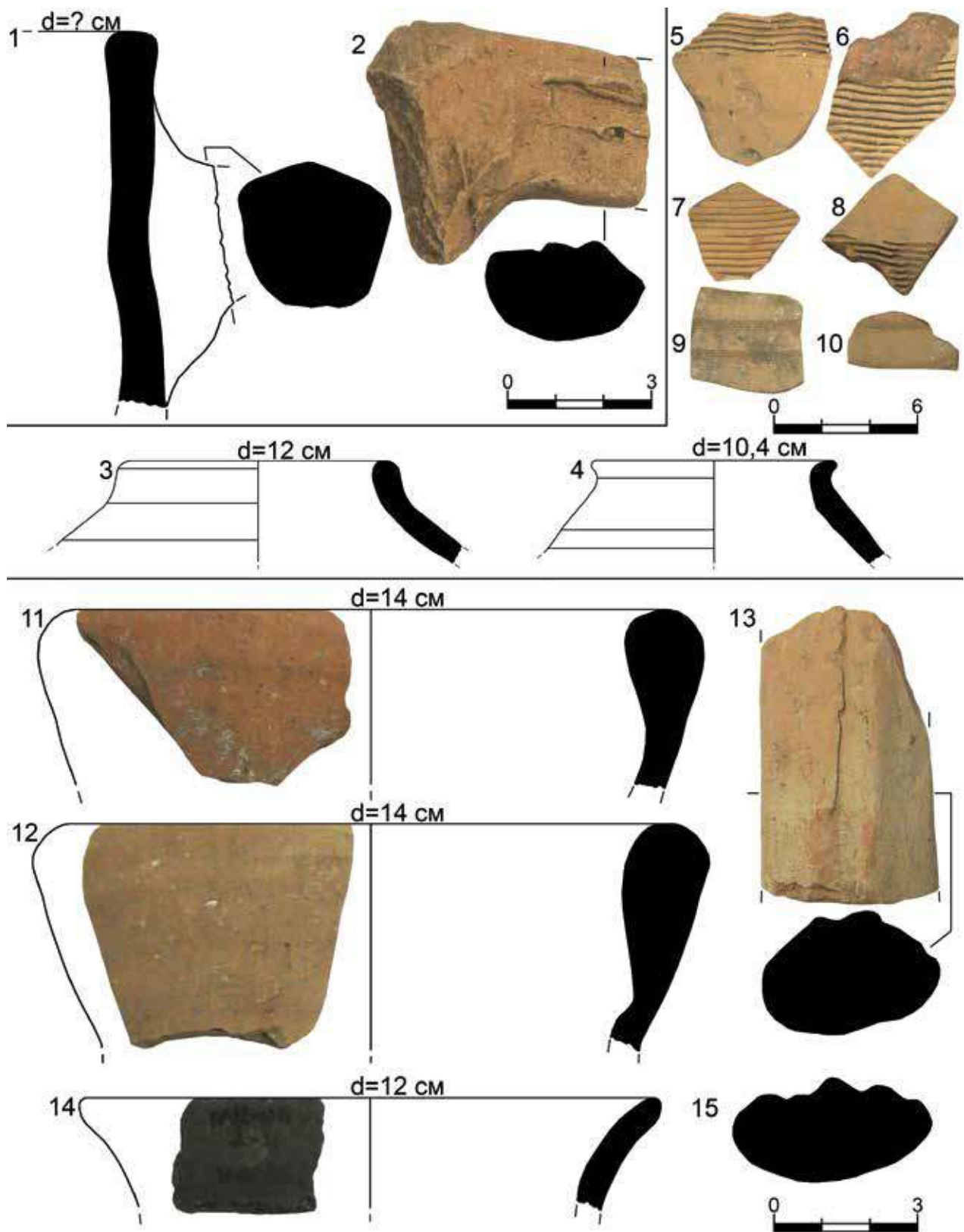

Рис. 127. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2006 г. Южный участок. Квадрат №1. 3-й слой: 1–2 – к.о.657; 3–4 – к.о.660;
 5–13 – 662; 14 – к.о.666; 15 – 661. Изделия из глины (1–15) [по: Герцен. Отчет, 2007, рис. 133]

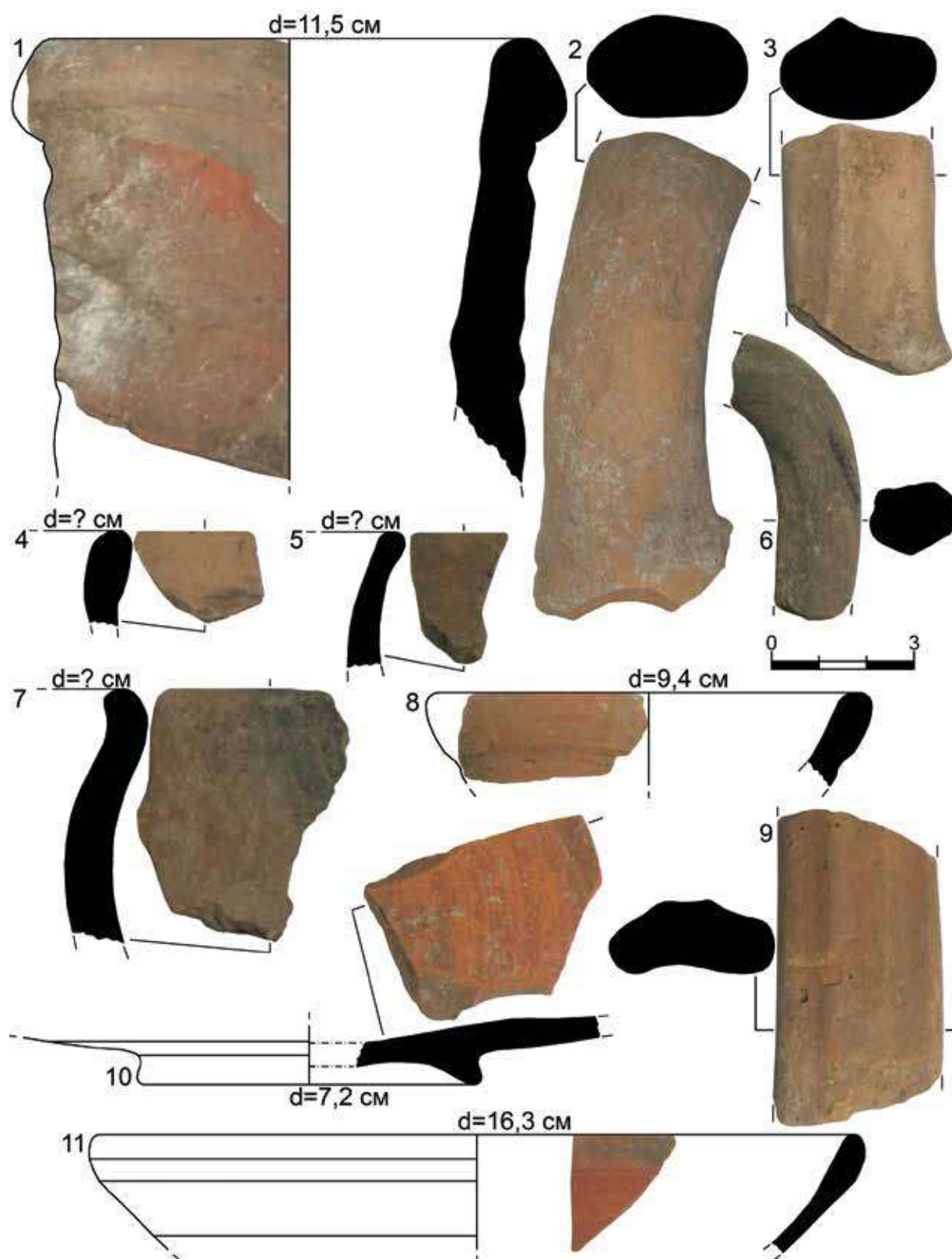

Рис. 128. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода. Раскопки 2006 г. Южный участок. Квадрат №1. 3-й слой: 1 – к.о.661; 2–4 – к.о.663; 5–6 – к.о.664; 7 – к.о.667; 8 – к.о.669; 9 – к.о.670; 10–11 – к.о.671. Изделия из глины (1–11) [по: Герцен. Отчет, 2007, рис. 133]

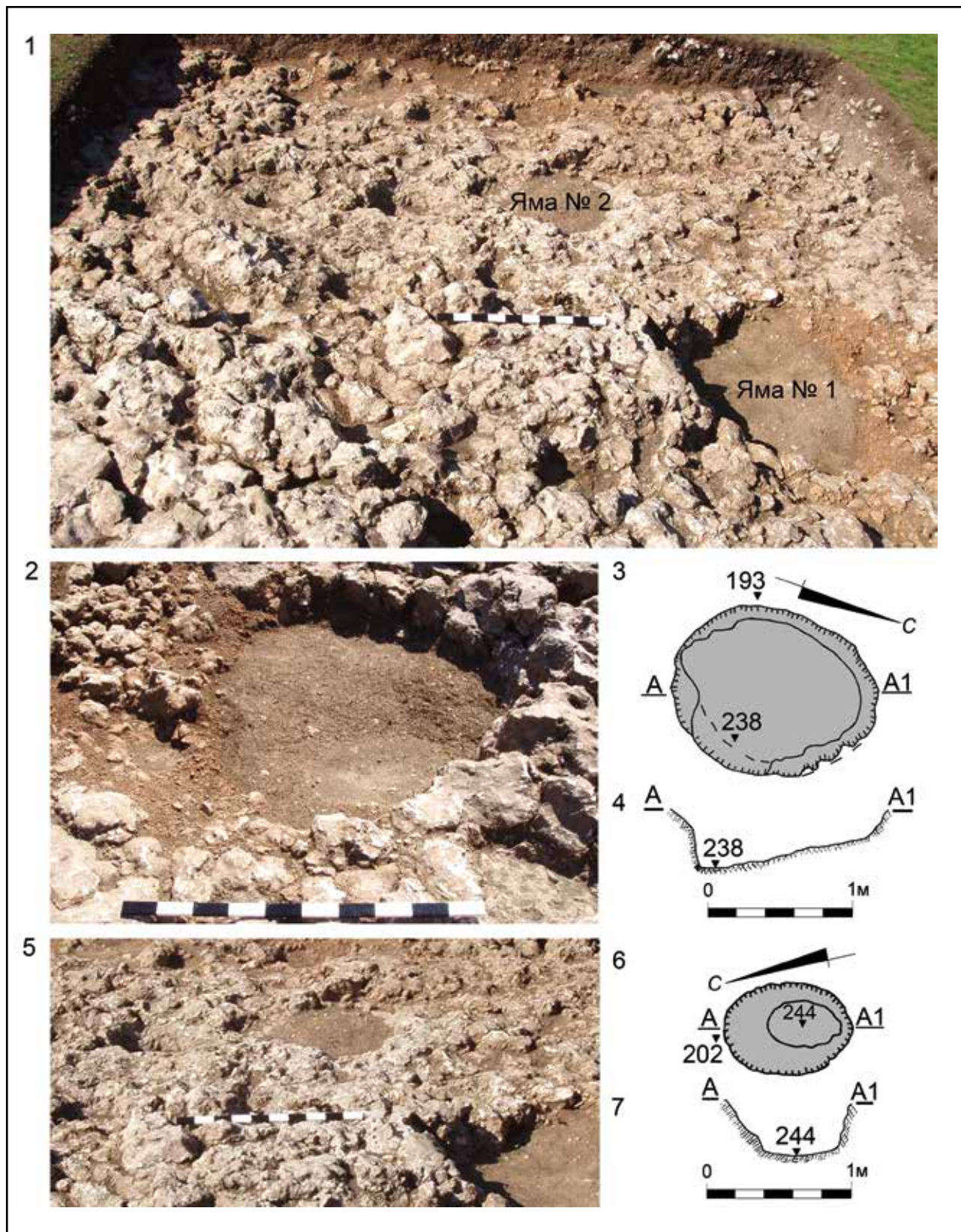

Рис. 129. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2006 г. Южный участок. Квадрат №1. Ямы №№1 и 2:
 1 – общий вид с юга по уровню скальной поверхности и заполнения ям;
 2 – яма №1 по уровню заполнения, вид с северо-востока; 3 – яма №1, план; 4 – яма №1,
 стратиграфический разрез; 5 – яма №2 по уровню заполнения, вид с юга; 6 – яма №2, план;
 7 – яма №2, стратиграфический разрез [по: Герцен. Отчет, 2007, рис. 72; 105]

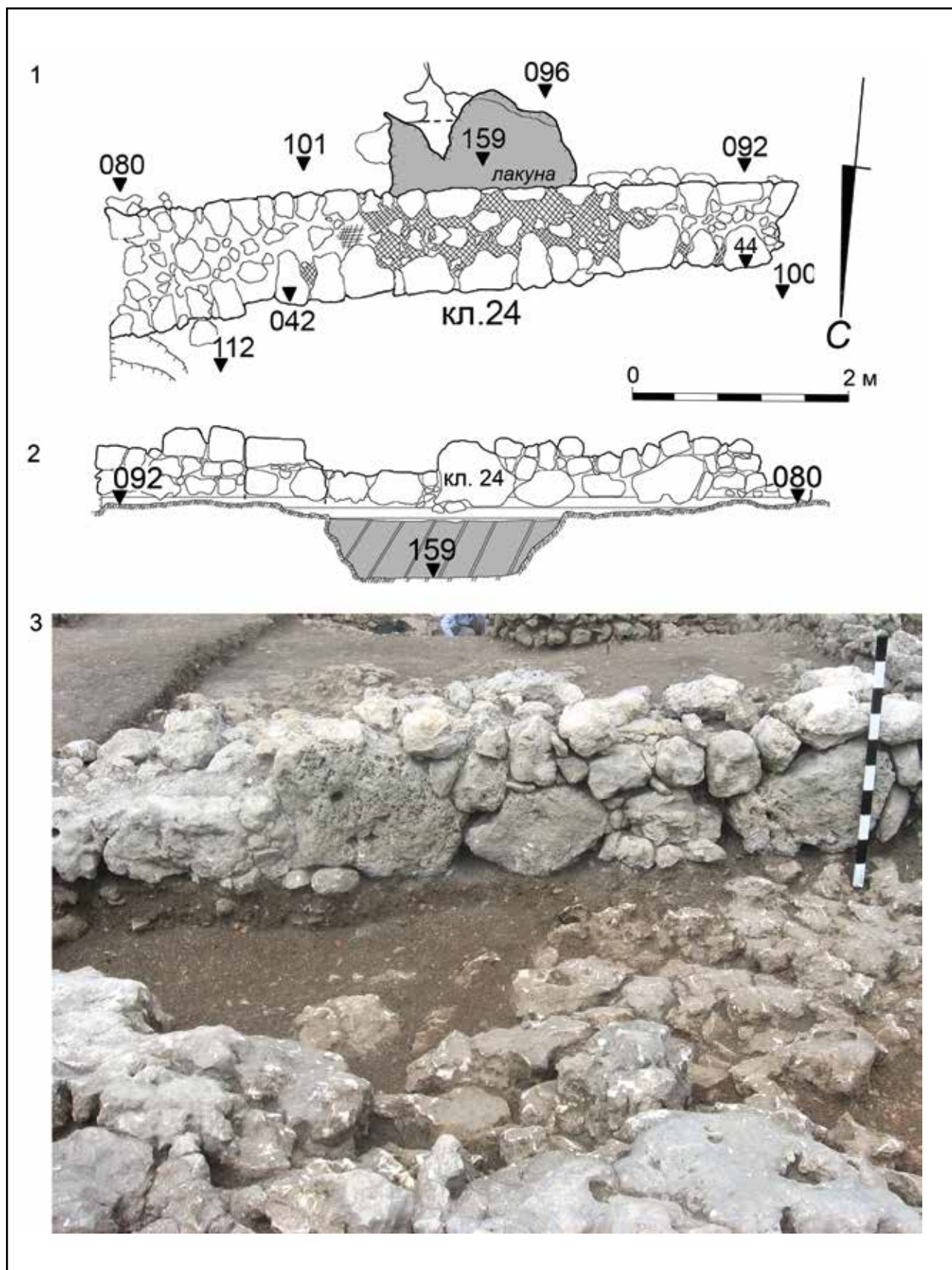

Рис. 130. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
Раскопки 2009 г. Южный участок. Квадрат №8. Скальная лакуна у кладки №24:
1 – план; 2 – стратиграфический разрез; 3 – общий вид с юга по уровню заполнения
[по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 4; 20]

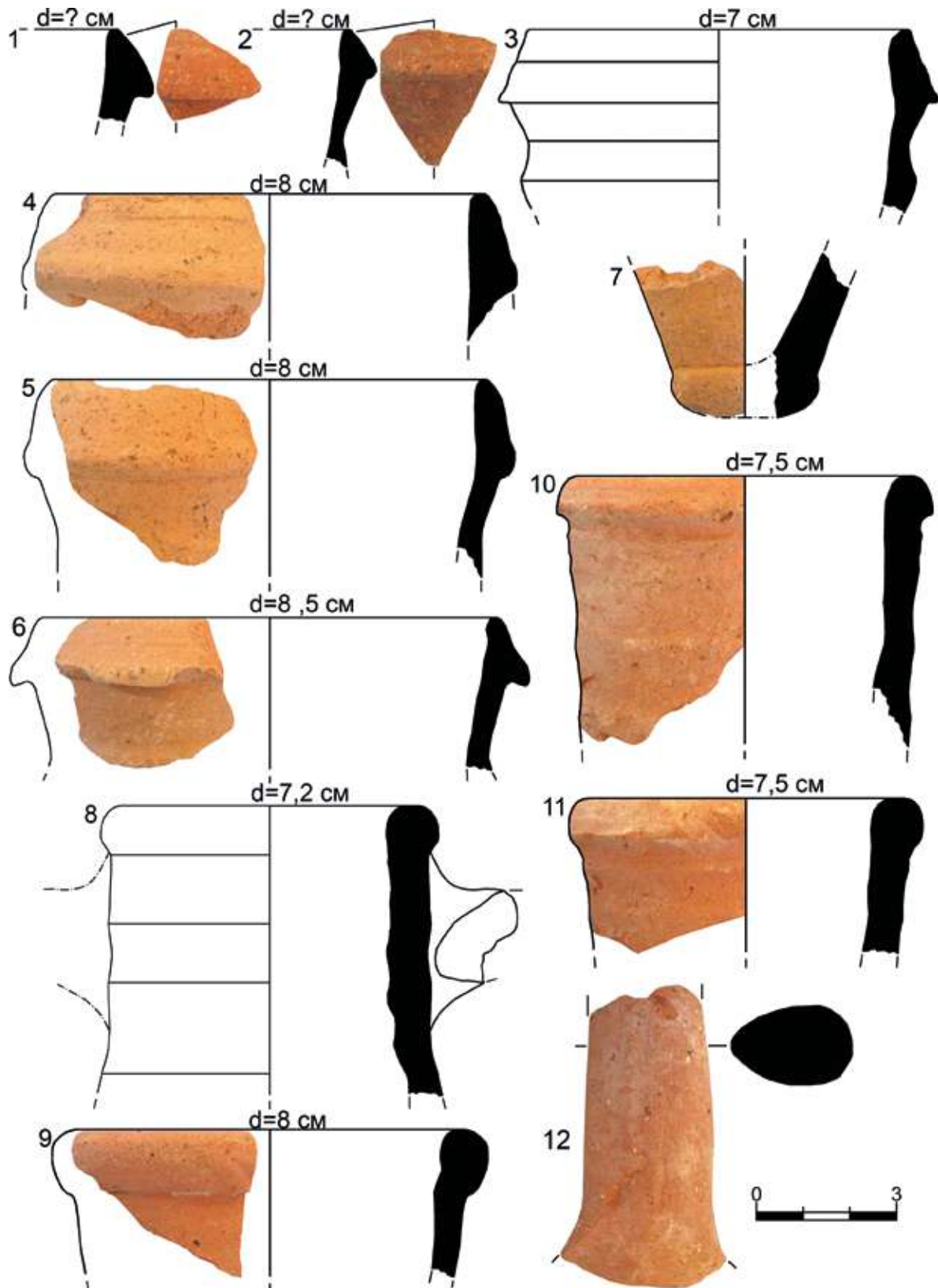

Рис. 131. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода. Раскопки 2009 г. Южный участок. Квадрат №8. Скальная лагуна у кладки №24. Заполнение: 1–7 – к.о.801; 8–12 – к.о.802. Изделия из глины (1–12) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 110; 147]

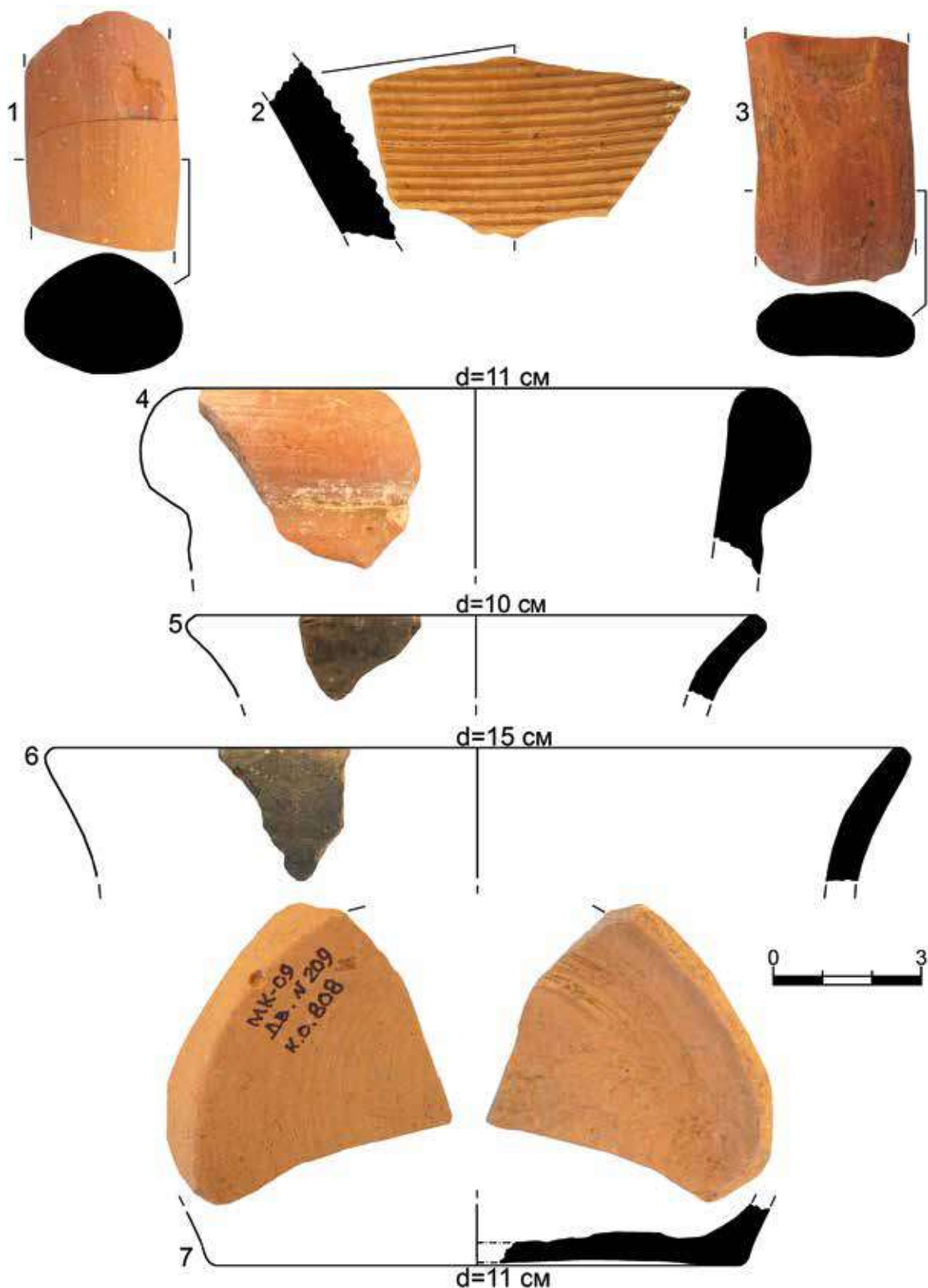

Рис. 132. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода. Раскопки 2009 г. Южный участок. Квадрат №8. Скальная лакуна у кладки №24. Заполнение: 1–2 – к.о.803; 3 – к.о.804; 4 – к.о.805; 5 – к.о.806; 6 – к.о.807; 7 – к.о.808. Изделия из глины (1–7) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 110; 147]

Рис. 133. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода. Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадраты №№16–19, 22–25. Ямы №№47-48:
 1 – ямы №№47 и 48 по уровню заполнения, общий вид с юго-востока;
 2 – яма №47, стратиграфия заполнения, вид с севера; 3 – яма №47 после выборки заполнения, общий вид с северо-запада; 4 – яма №48, стратиграфия заполнения, вид с севера;
 5 – яма №48 после выборки заполнения, вид с запада [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 5; 47-50]

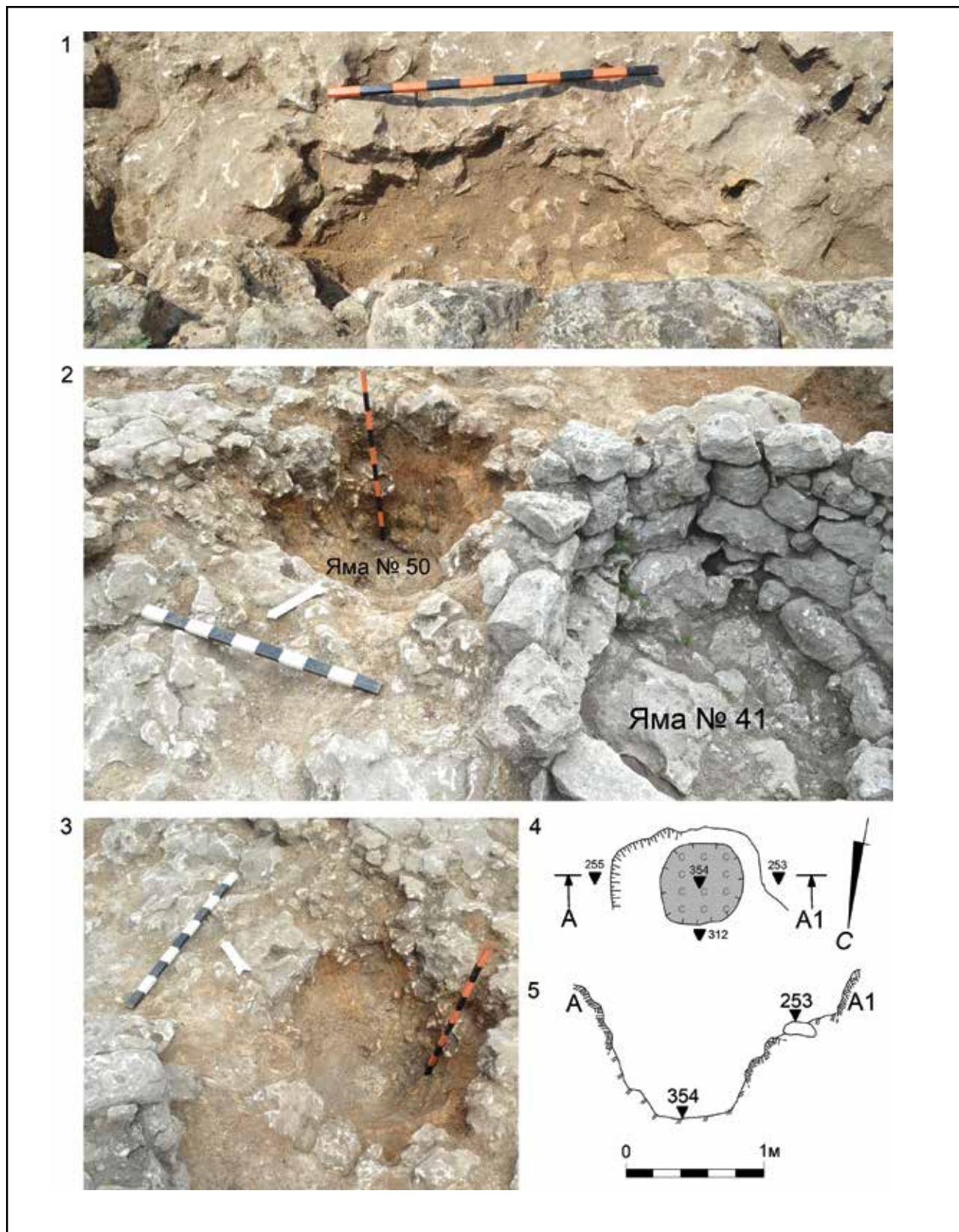

Рис. 134. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода. Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадраты №№16–19, 22–25. Ямы №№49 и 50: 1 – яма №49 у западной стены помещения Н (кладки № 22) по уровню заполнения, вид с северо-востока, сверху; 2 – ямы №№41 и 50 после выборки заполнения, общий вид с северо-запада; 3 – яма №50 после выборки заполнения, вид с юга, сверху; 4-5 – яма №50, план и стратиграфический разрез [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 5; 11; 51-52]

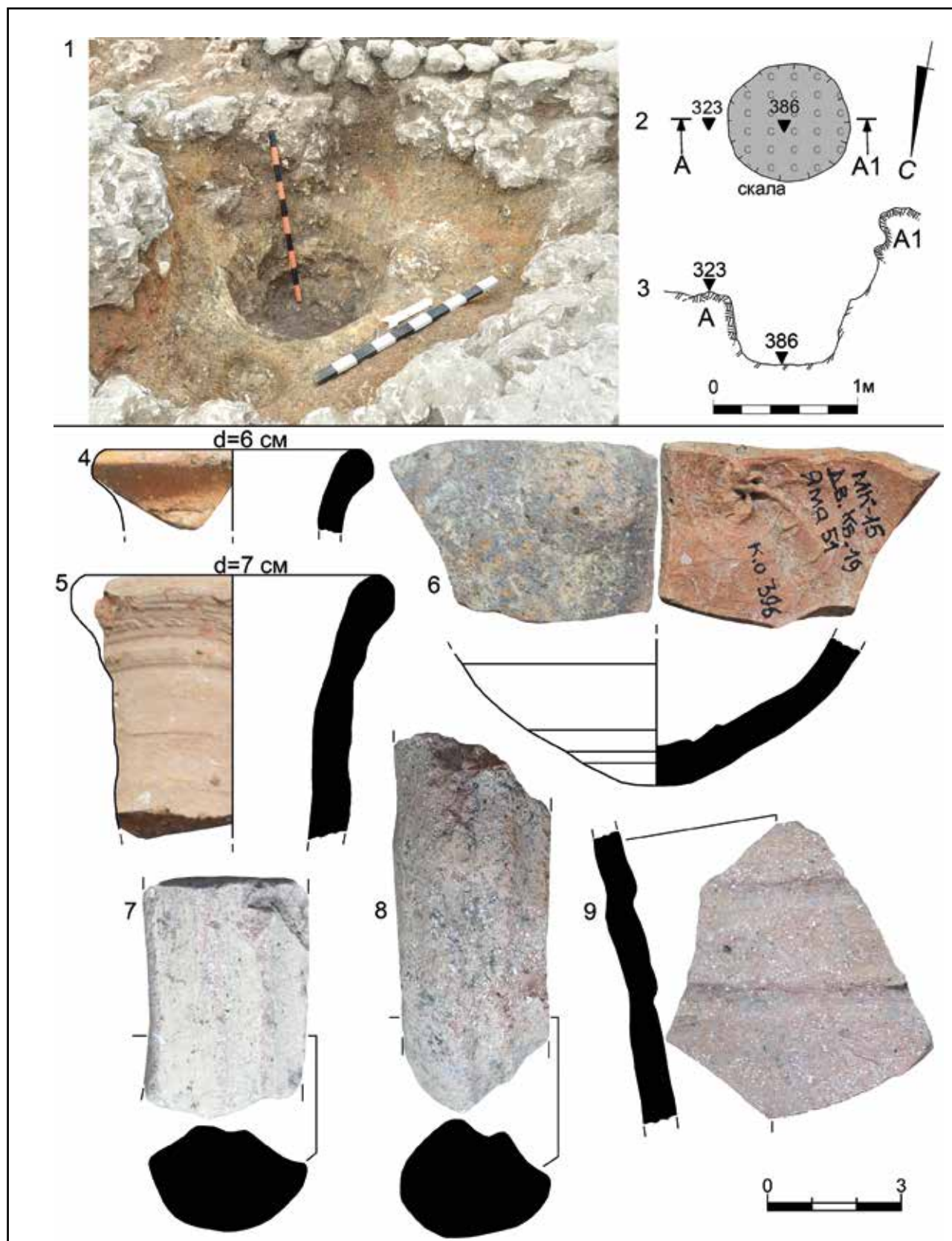

Рис. 135. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода. Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадраты №№16–19, 22–25. Яма №51:
 1 – после выборки заполнения, общий вид с юго-востока; 2 – план;
 3 – стратиграфический разрез; находки из заполнения: 4–6 – к.о.396; 7–9 – к.о.398.
 Изделия из глины (4–9) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 5-6; 10; 53; 143]

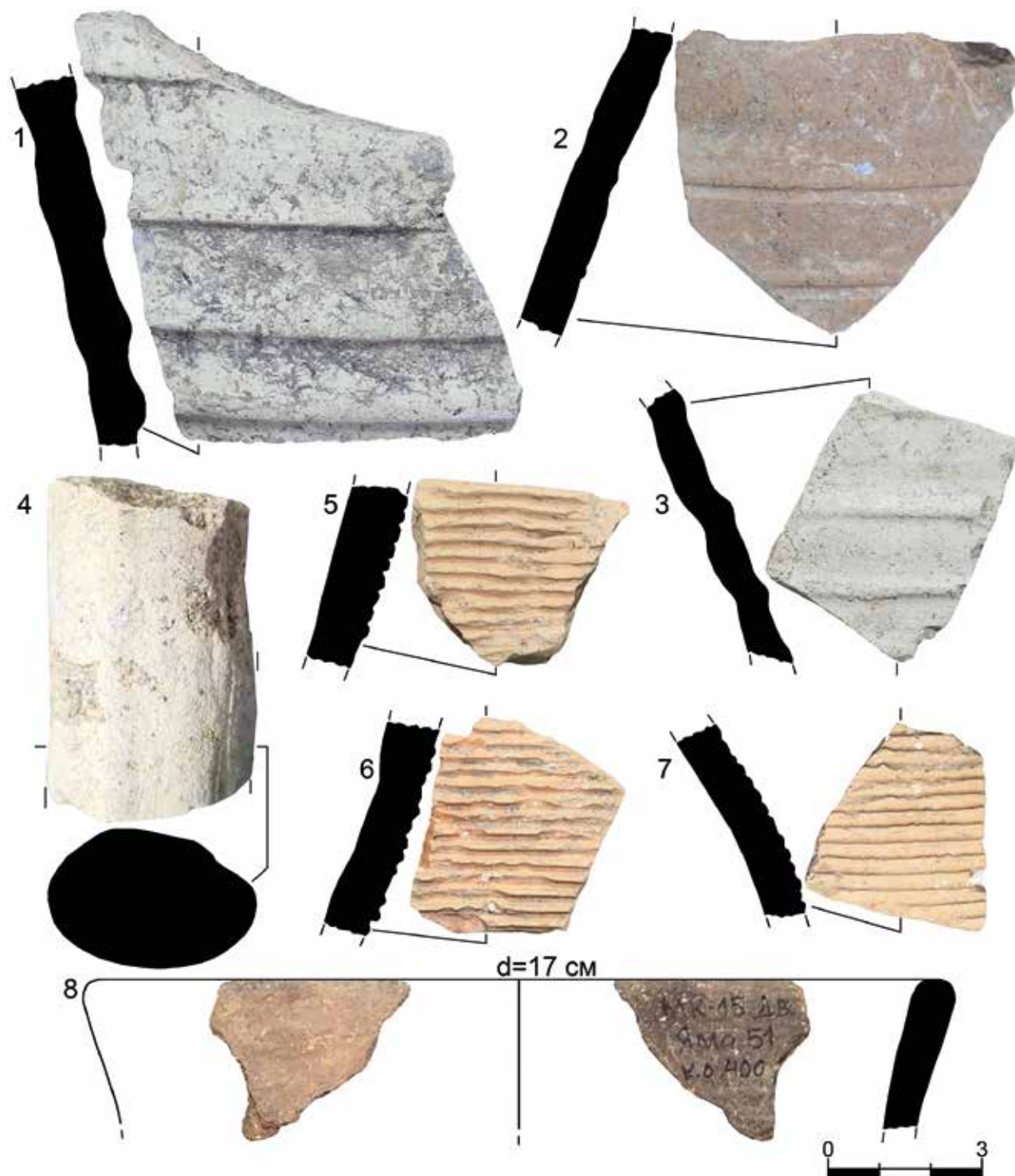

Рис. 136. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода. Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадраты №№16–19, 22–25. Яма №51. Находки из заполнения: 1–3 – к.о.398; 4 – к.о.397; 5–7 – к.о.399; 8 – к.о.400. Изделия из глины (1–8) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 143]

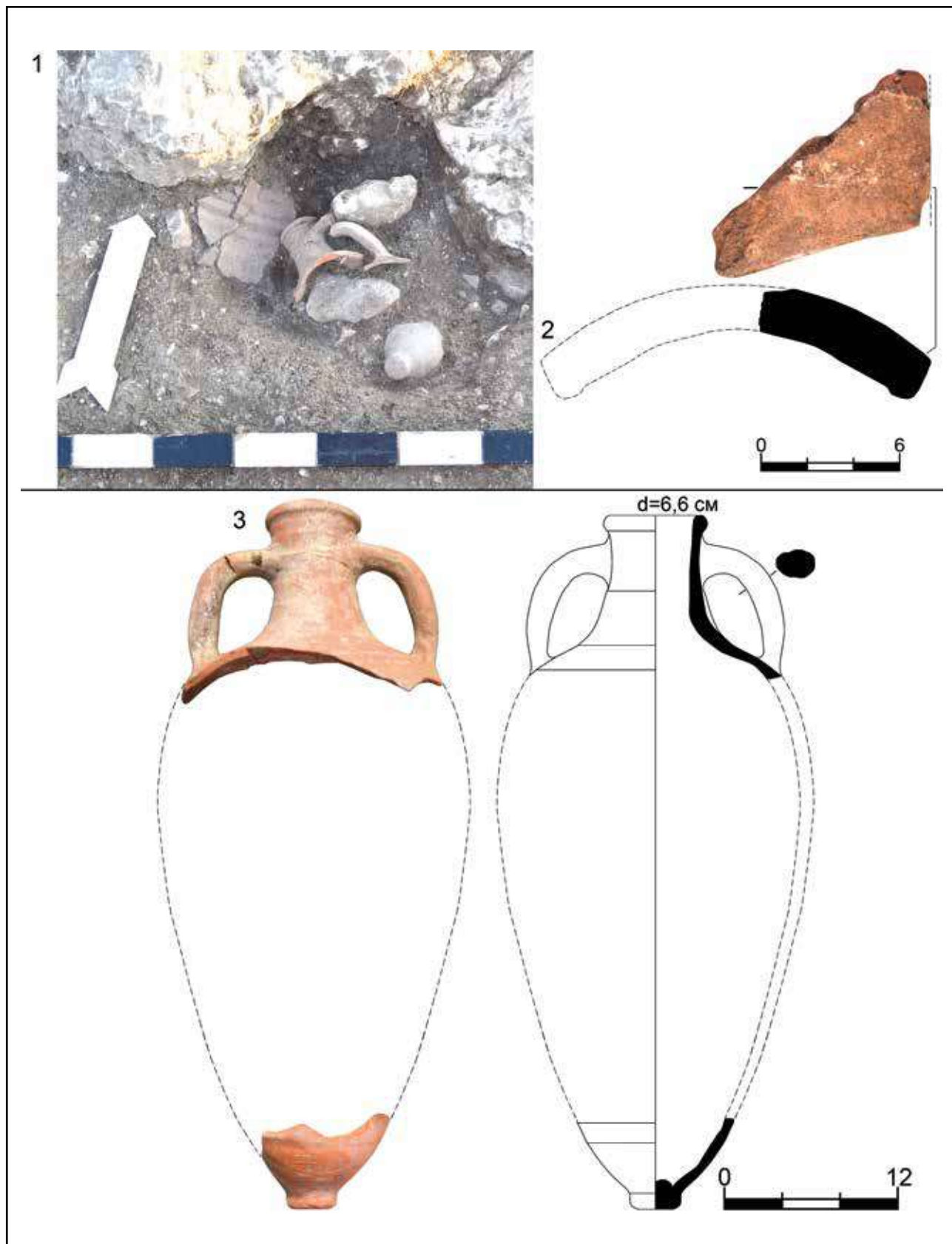

Рис. 137. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадрат №18. Амфорный развал.
 1 – общий вид с юга; 2 – к.о.352; 3 – к.о.353.
 Изделия из глины (2-3) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 54; 133]

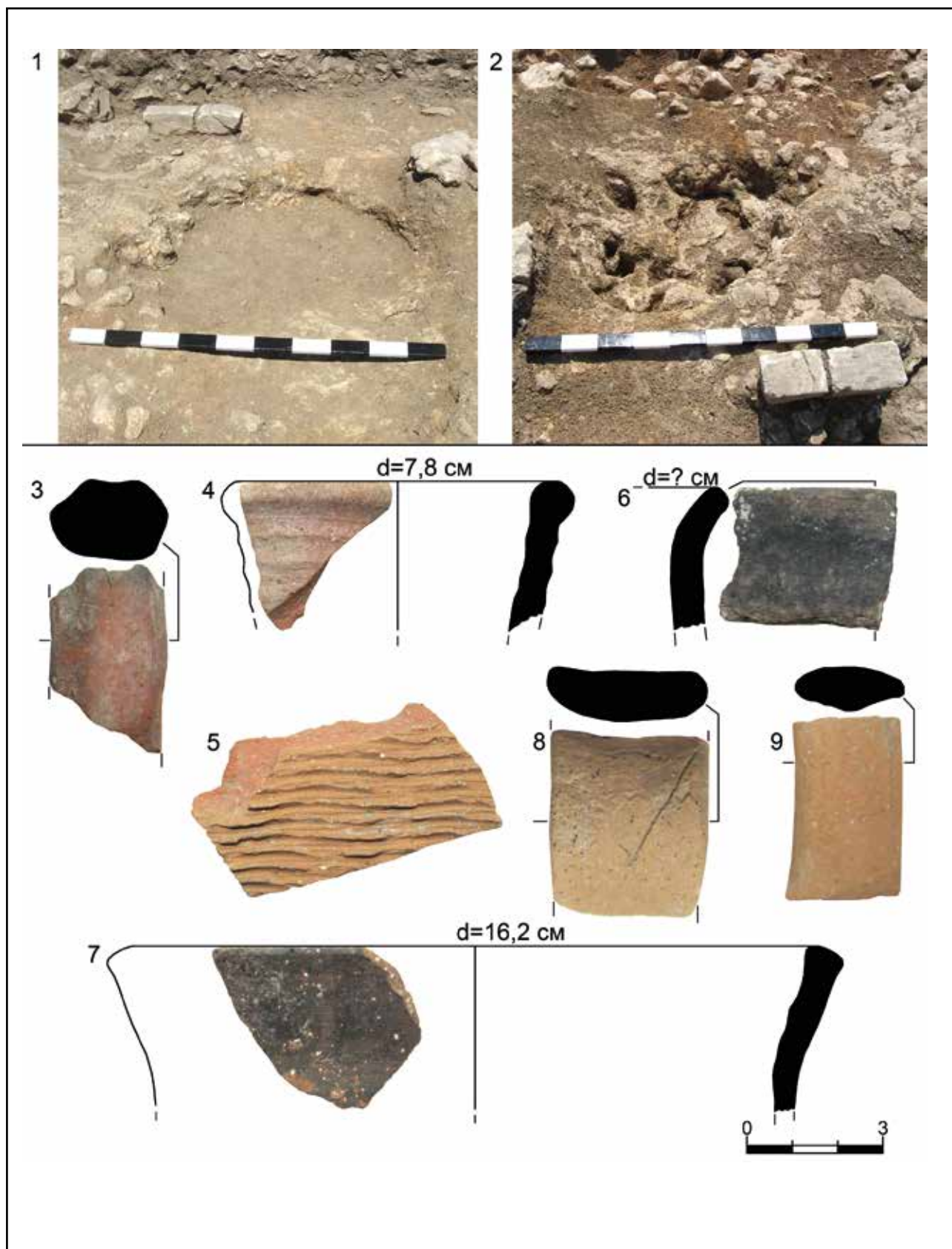

Рис. 138. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
Раскопки 2007 г. Центральный участок. Помещение В и центральный двор. Яма №3:
1 – общий вид с юга по уровню заполнения; 2 – общий вид с севера после выборки заполнения;
находки из заполнения: 3–4 – к.о.484; 5 – к.о.485; 6 – к.о.486; 7 – к.о.487; 8 – к.о.488;
9 – к.о.489. Изделия из глины (3–9) [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 4; 21; 141]

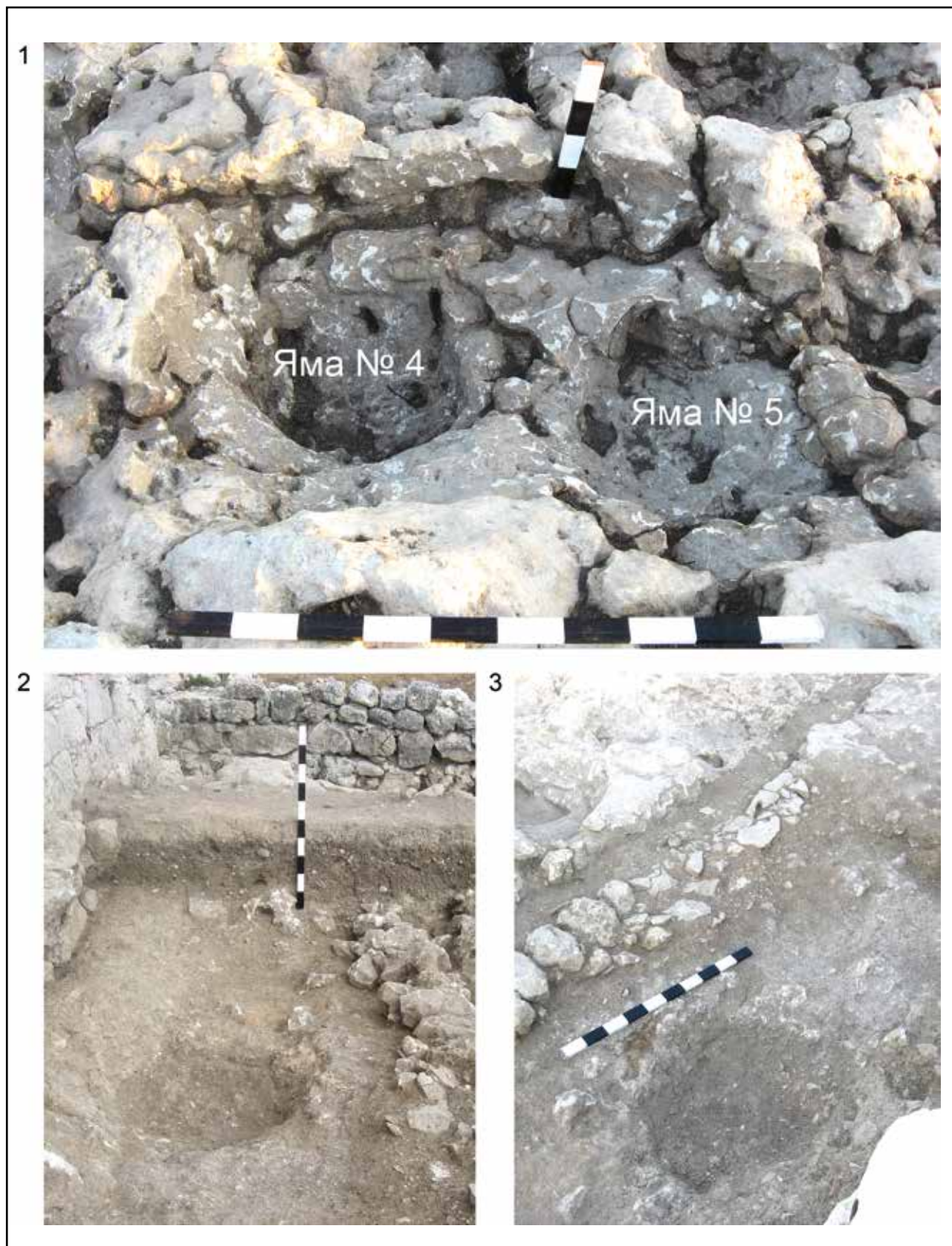

Рис. 139. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2007 г. Центральный участок. Помещение В и центральный двор:
 1 – ямы №№ 4 и 5, общий вид с юга после выборки заполнения;
 2 – яма №6 после выборки заполнения, вид с юга;
 3 – яма № 6 после выборки заполнения, вид с запада [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 5; 30]

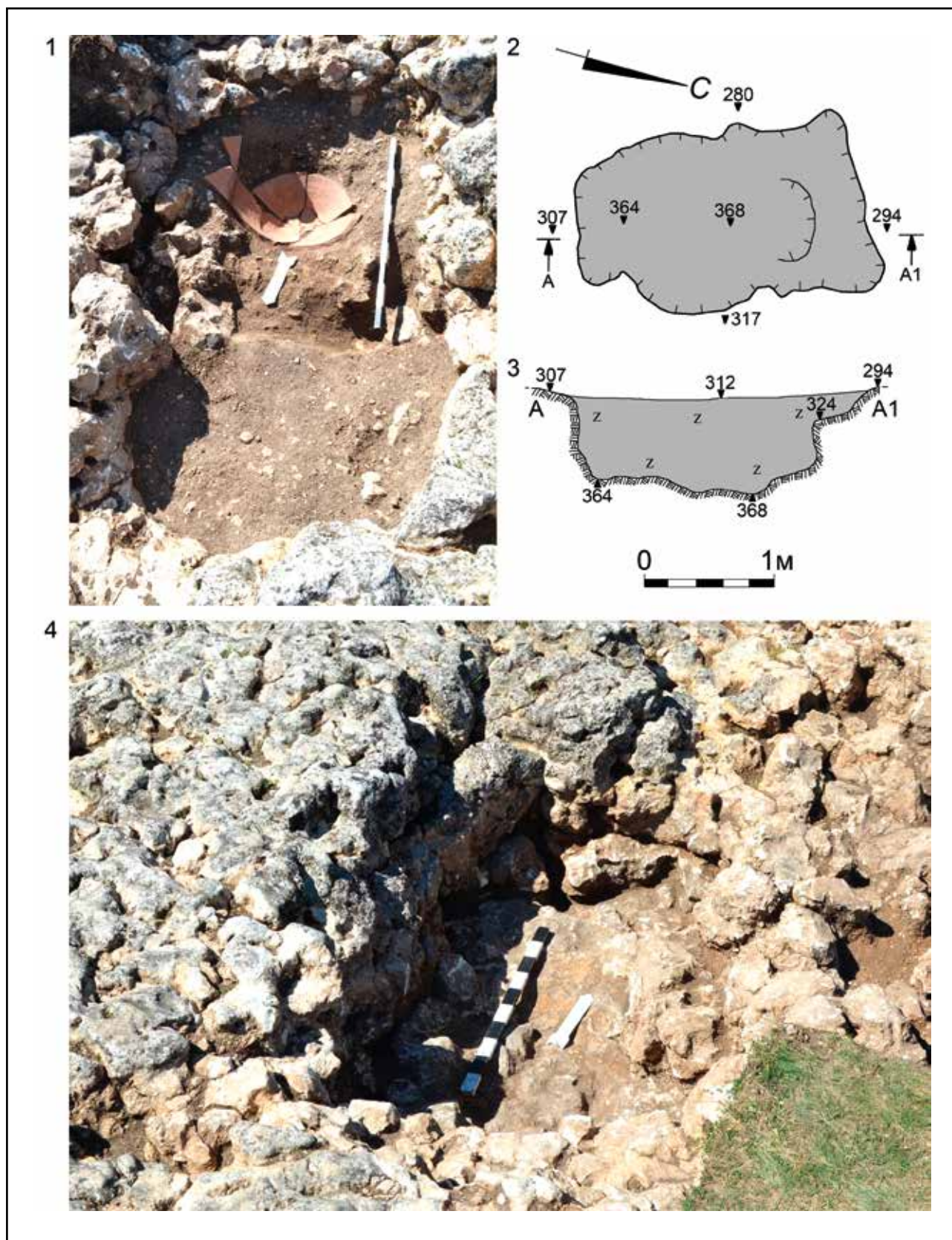

Рис. 140. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2018 г. Центральный участок. Центральный двор. Яма №54:
 1 – нижняя часть пифоса in situ в южном секторе ямы, общий вид с севера;
 2 – план; 3 – стратиграфический разрез; 4 – яма №54 после выборки заполнения,
 общий вид с юго-востока [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 19; 46-47]

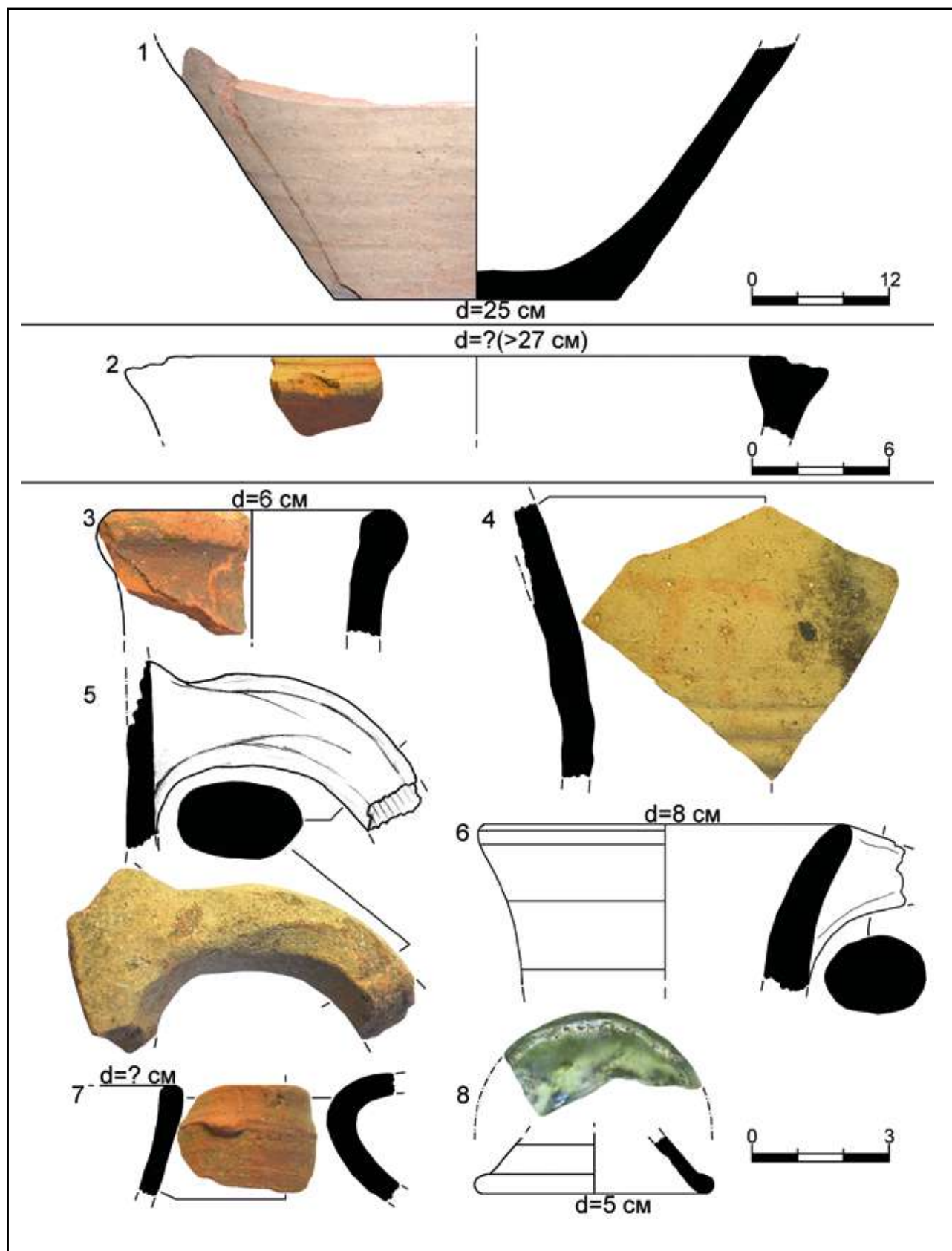

Рис. 141. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2018 г. Центральный участок. Центральный двор. Яма №54.
 Заполнение: 1 – к.о.170; 2 – к.о.171; 3 – к.о.172; 4 – к.о.173; 5 – к.о.175; 6 – к.о.177; 8 – к.о.180.
 Изделия из глины (1–7), стекла (8) [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 83-84]

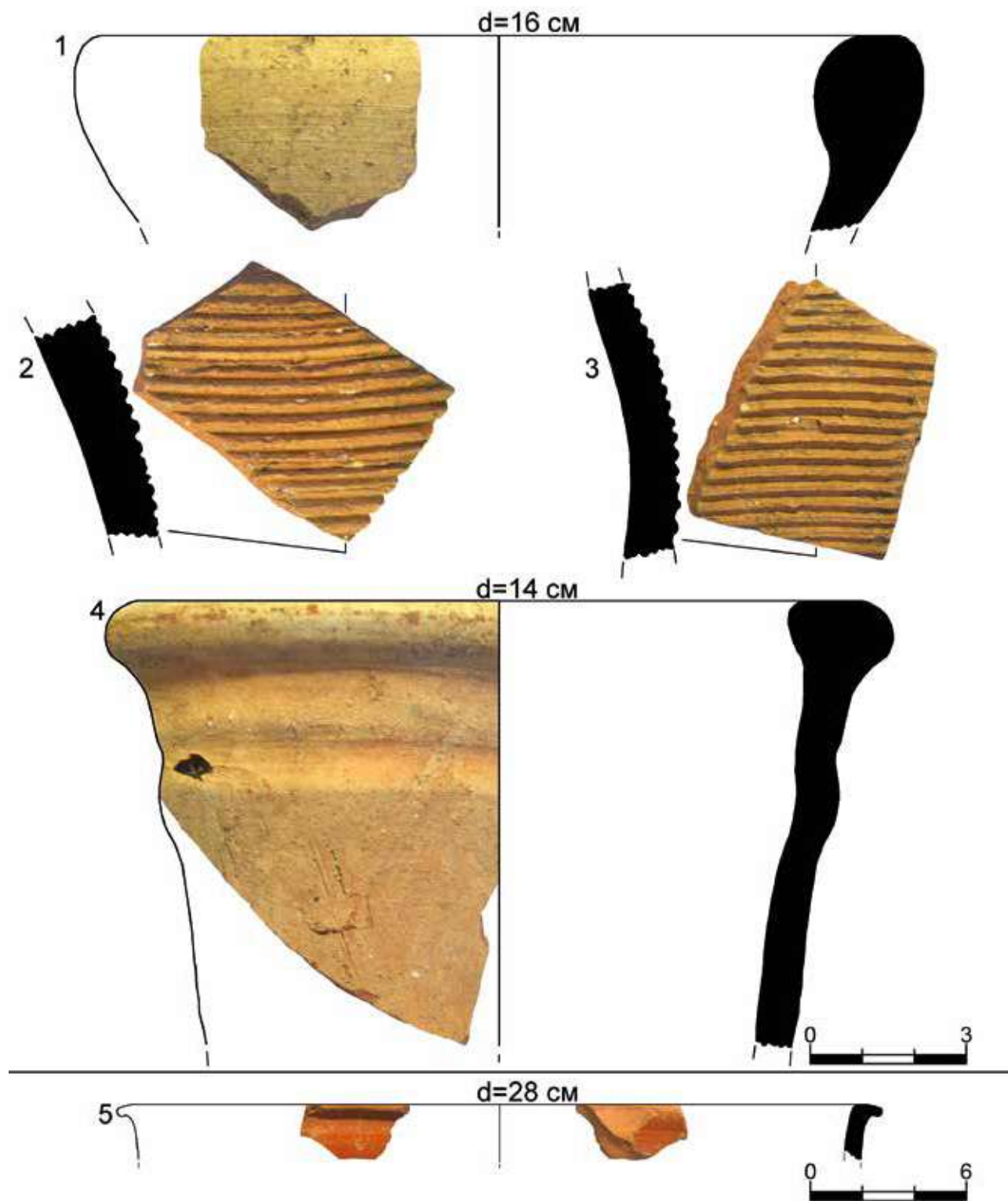

Рис. 142. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
Раскопки 2018 г. Центральный участок. Центральный двор. Яма №54.
Заполнение: 1–3 – к.о.174; 4 – к.о.176; 5 – к.о.179.
Изделия из глины (1–5) [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 83-84]

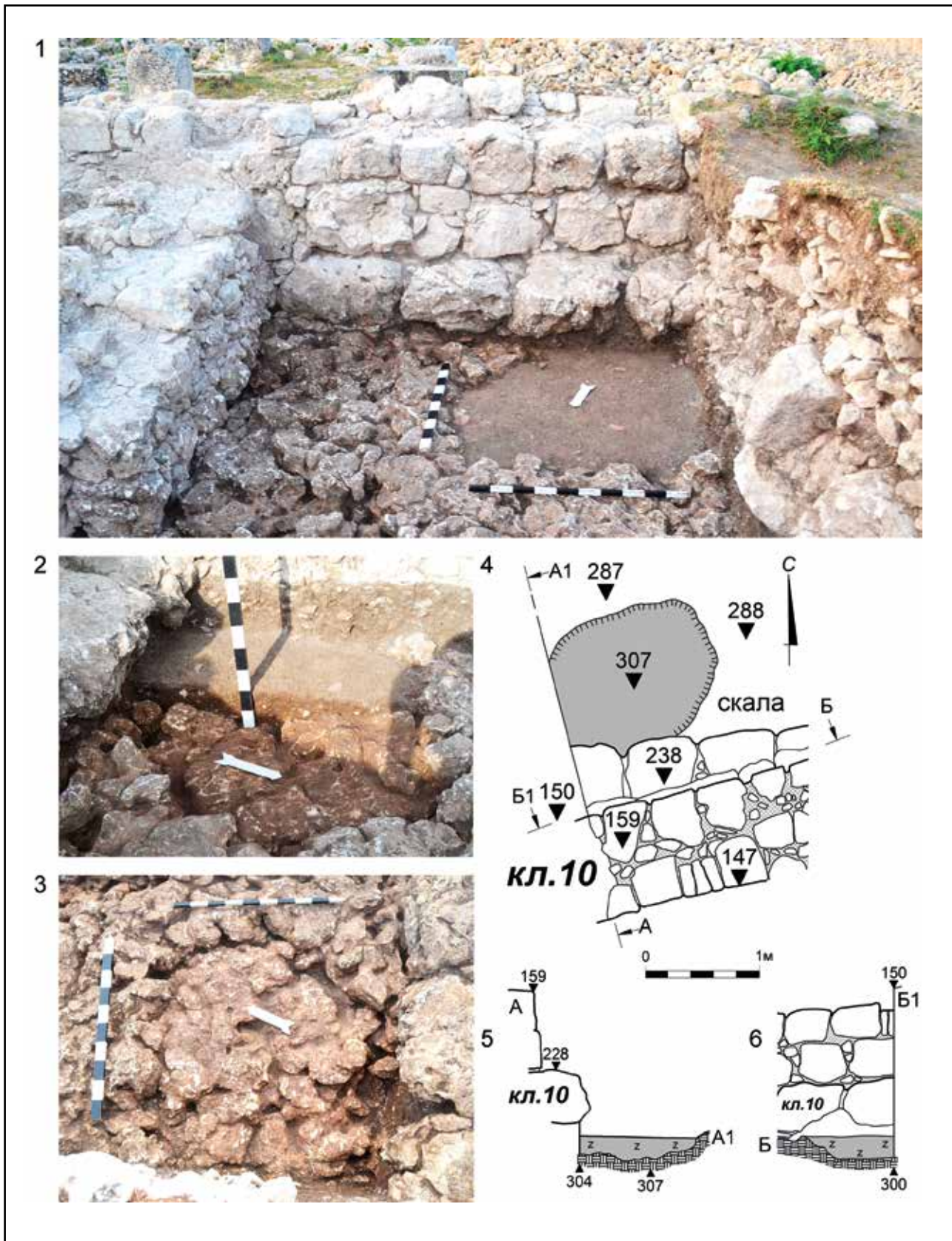

Рис. 143. Дворец. Археологические комплексы ранневизантийского периода.
 Раскопки 2021 г. Северный участок. Квадрат №50. Яма №83:
 1 – по уровню заполнения, общий вид с севера; 2 – стратиграфический разрез,
 общий вид с северо-востока; 3 – после выборки заполнения, вид сверху, с запада; 4 – план;
 5–6 – стратиграфические разрезы [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 141; 143; 199-201]

Рис. 144. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг.
Наиболее показательные типы ранневизантийских монет из культурного слоя
и археологических комплексов этого периода. Изделия из меди (1-12)
[по: Науменко, Якушечкин, 2022, с. 177-178, рис. 1]

Рис. 145. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг. Наиболее показательные типы ранневизантийских монет из культурного слоя и археологических комплексов этого периода. Изделия из меди (1-8) [по: Науменко, Якушечкин, 2022, с. 179-180, рис. 2]

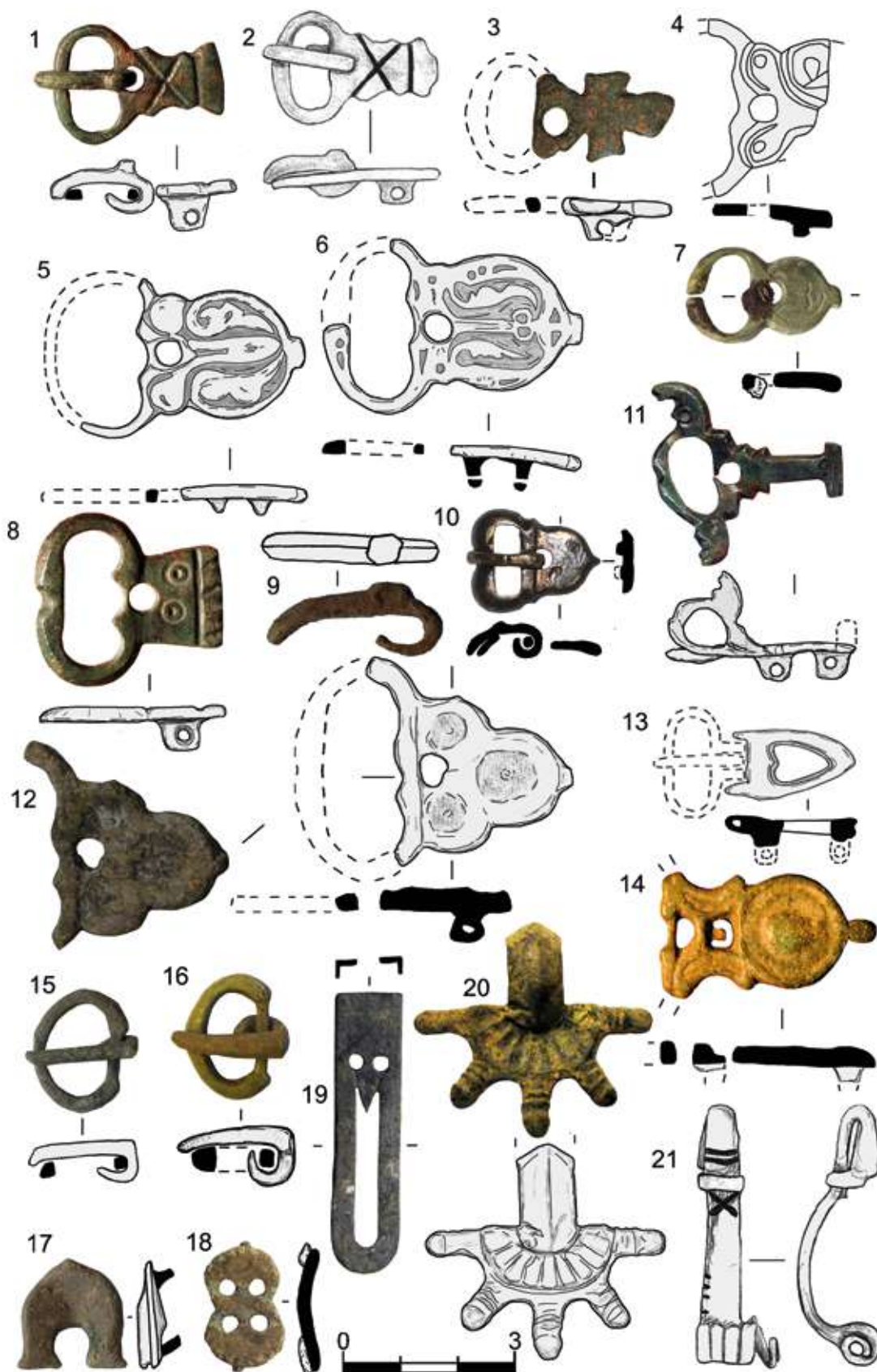

Рис. 146. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг.
 Детали повседневного костюма ранневизантийского времени из культурного слоя
 и археологических комплексов. Изделия из меди и бронзы (1-21)
 [по: Науменко, 2023в, с. 232, рис. 4; с дополнениями автора]

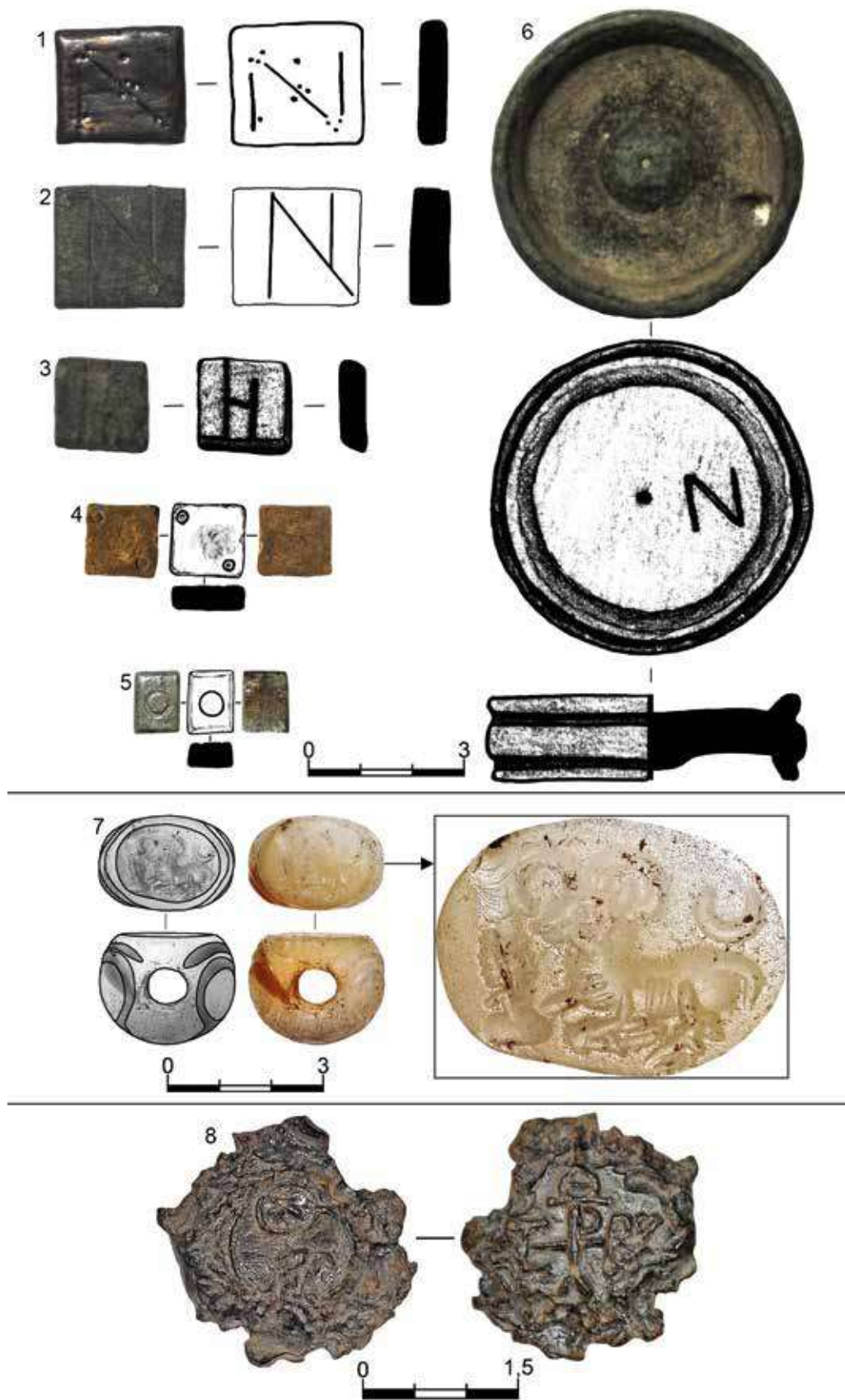

Рис. 147. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг. Ранневизантийские находки статусного круга из культурного слоя и археологических комплексов. Изделия из бронзы (1-6), халцедона (7), свинца (8) [по: Науменко, 2023в, с. 233, рис. 5]

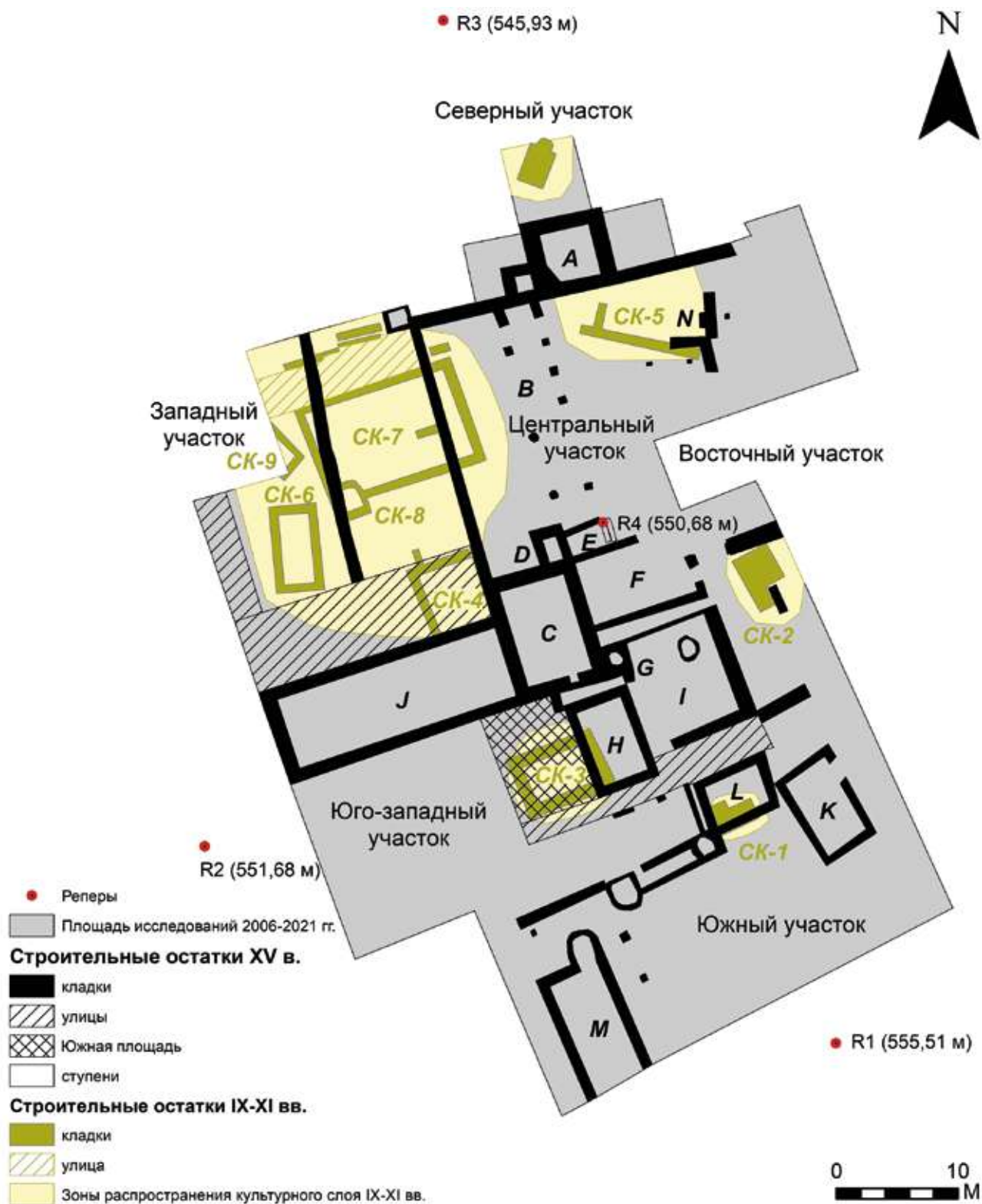

Рис. 148. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг.
Общий план-схема архитектурного комплекса 1425-1475 гг.
и строительного яруса фемного периода

Рис. 149. Дворец. Археологические комплексы фемного периода.
Раскопки 2020 г. Западный участок: 1 – квадрат №34, черепично-каменный завал на 8-м слое к югу от кладки №121; 2 – квадрат №35, черепично-каменный завал на 8-м слое к востоку от кладки № 97 [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 69-70]

**Рис. 150. Дворец. Археологические комплексы фемного периода.
Раскопки 2020 г. Западный участок: 1 – квадрат №46, черепично-каменный завал на 8-м слое;
2 – квадрат №46, развал пифоса [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 71-72]**

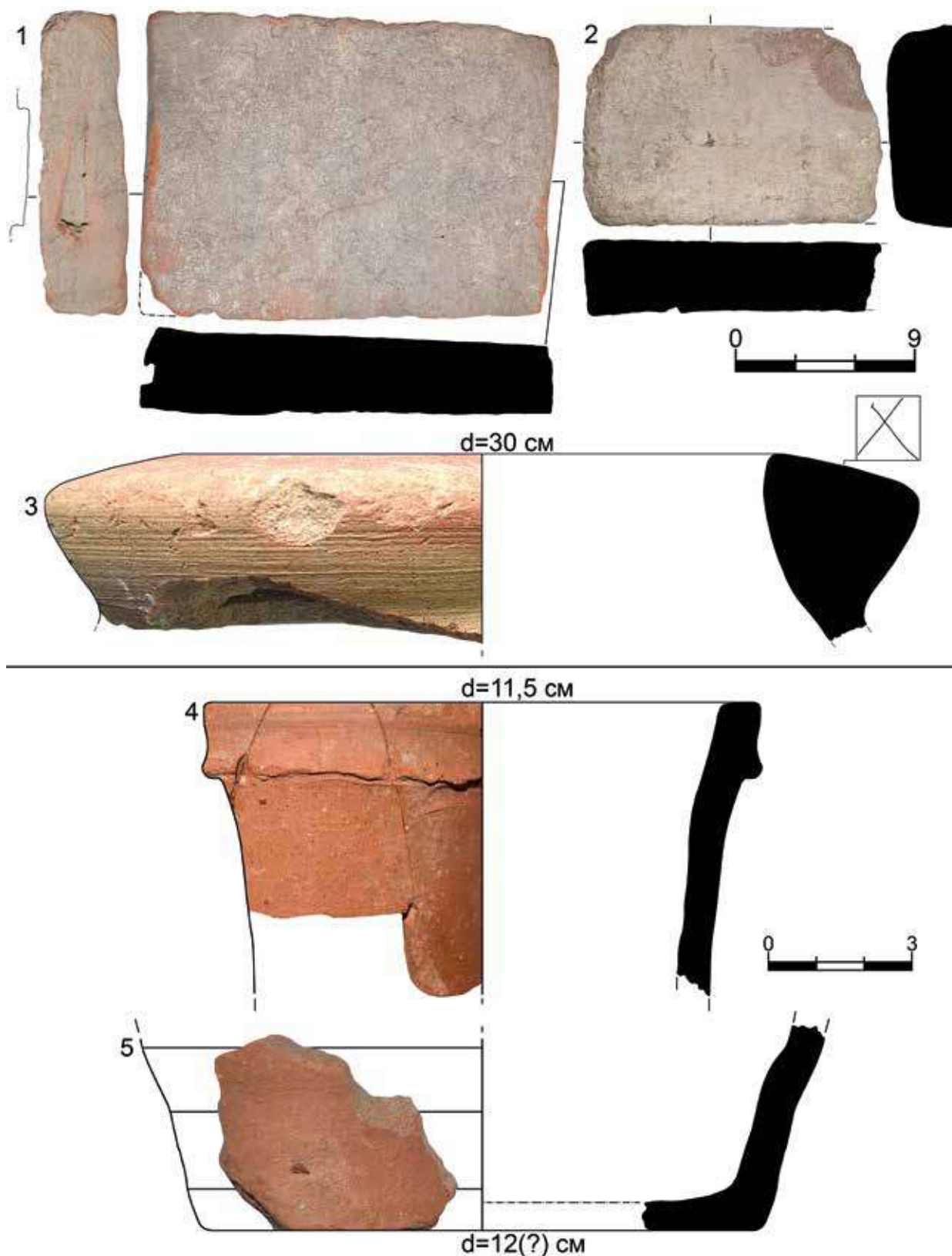

Рис. 151. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадрат №34. Черепично-каменный завал на 8-м слое к югу от кладки №121: 1–2 – к.о.160; 3 – к.о.161; 4–5 – к.о.162. Изделия из глины (1–5) [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 79-81]

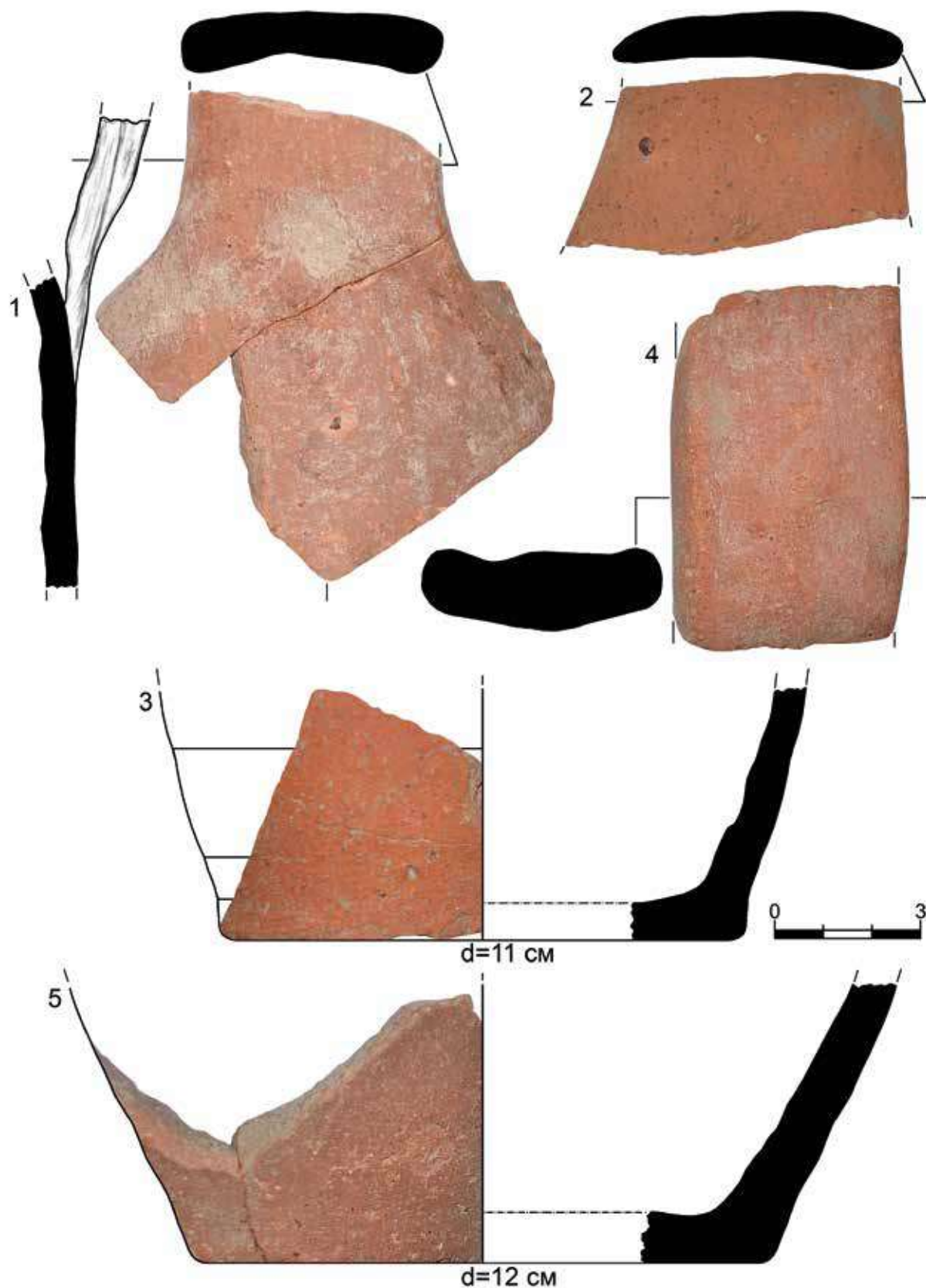

Рис. 152. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадрат №34. Черепично-каменный завал на 8-м слое к югу от кладки №121: 1 – к.о.162; 2–3 – к.о.163; 4–5 – к.о.164. Изделия из глины (1–5) [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 80-81]

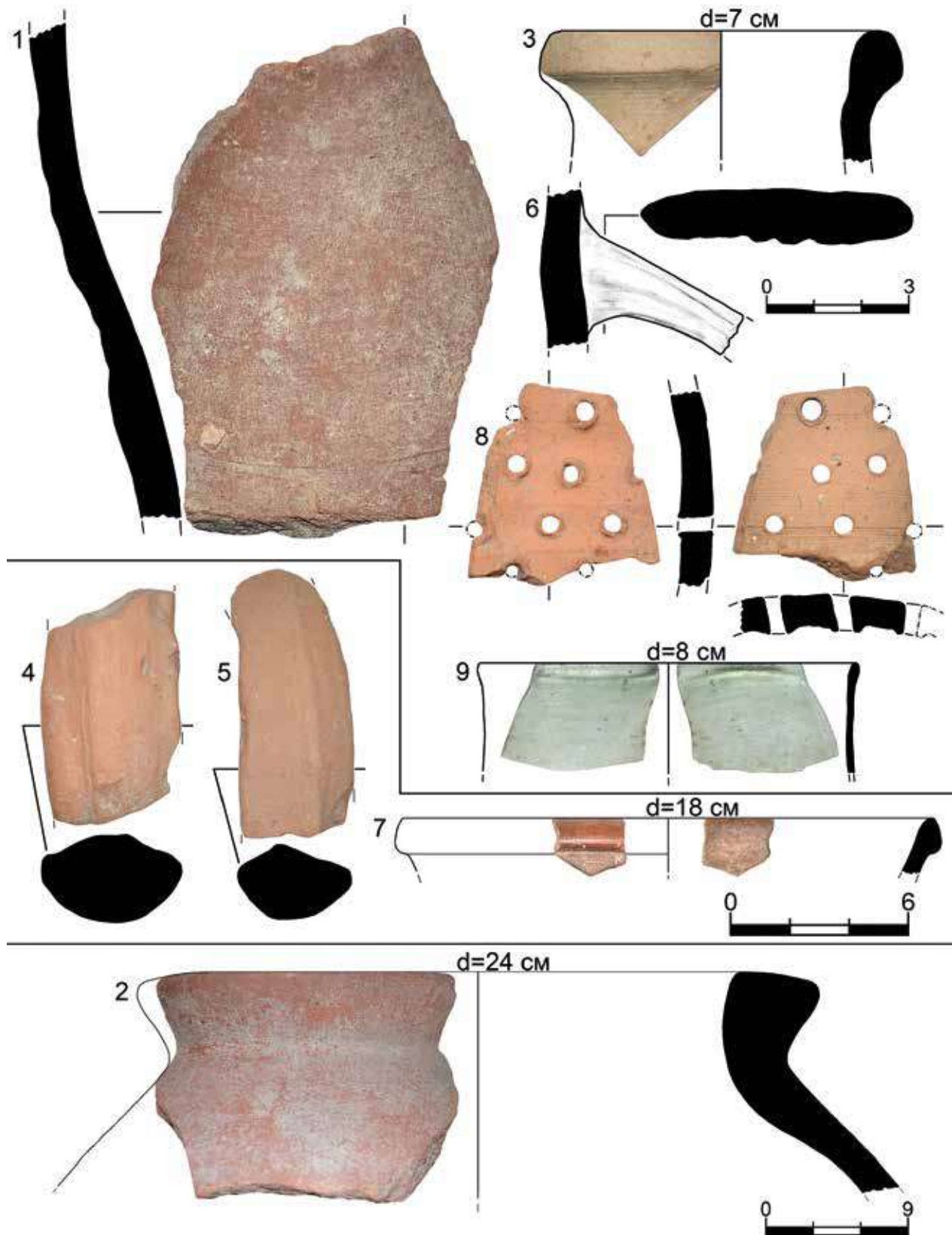

Рис. 153. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадрат №34. Черепично-каменный завал на 8-м слое к югу от кладки № 121: 1 – к.о.164. Квадрат №35. Черепично-каменный завал на 8-м слое к востоку от кладки №97: 2 – к.о.165; 3–5 – к.о.166, 6 – к.о.167; 7 – к.о.168; 8 – к.о.169; 9 – к.о.170. Изделия из глины (1–8), стекла (9) [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 82-83]

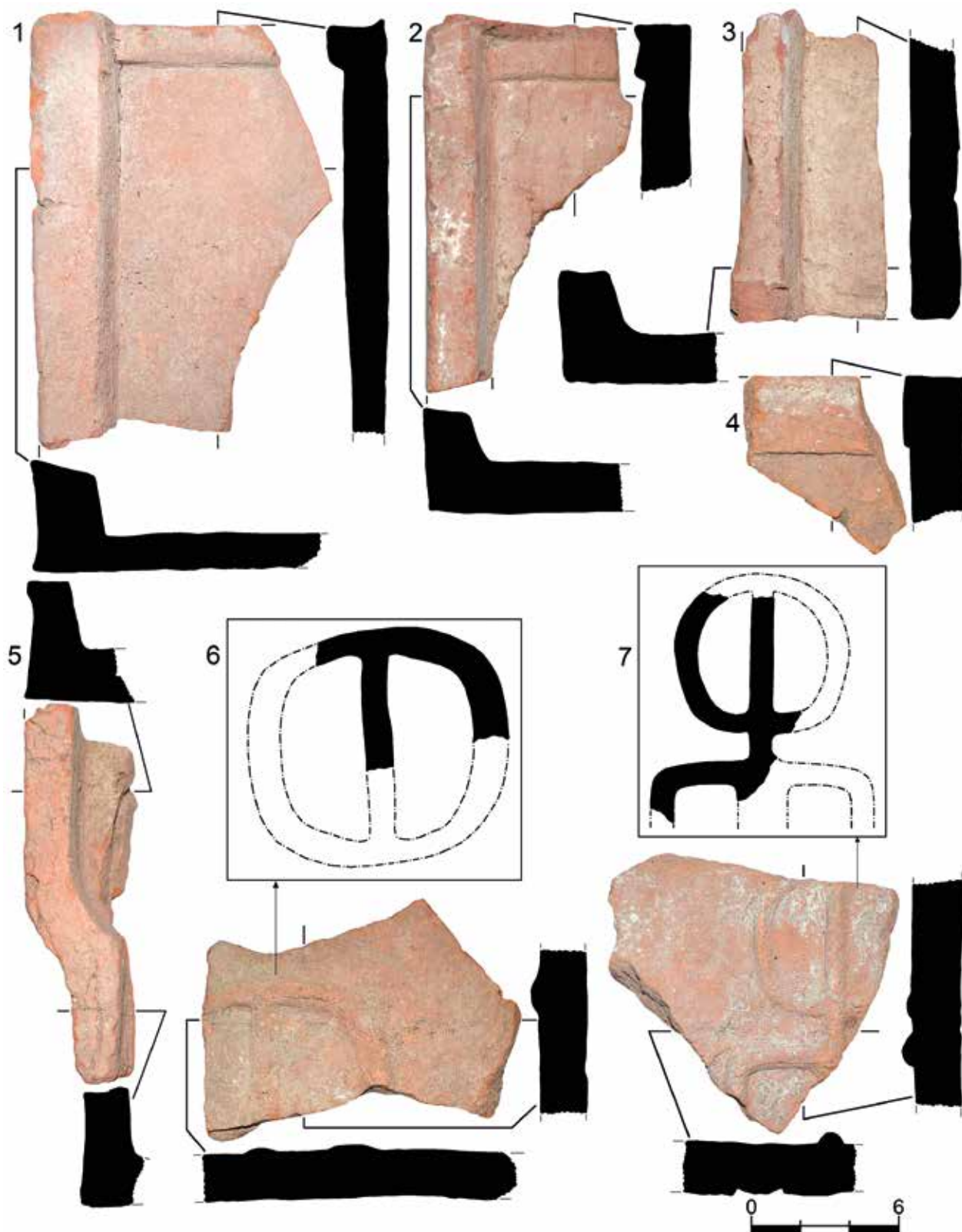

Рис. 154. Дворец. Археологические комплексы фемного периода.
Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадрат №46. Черепично-каменный завал
на 8-м слое в юго-восточной части квадрата: 1–7 – п.о.1121. Изделия из глины (1–7)
[по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 83-84]

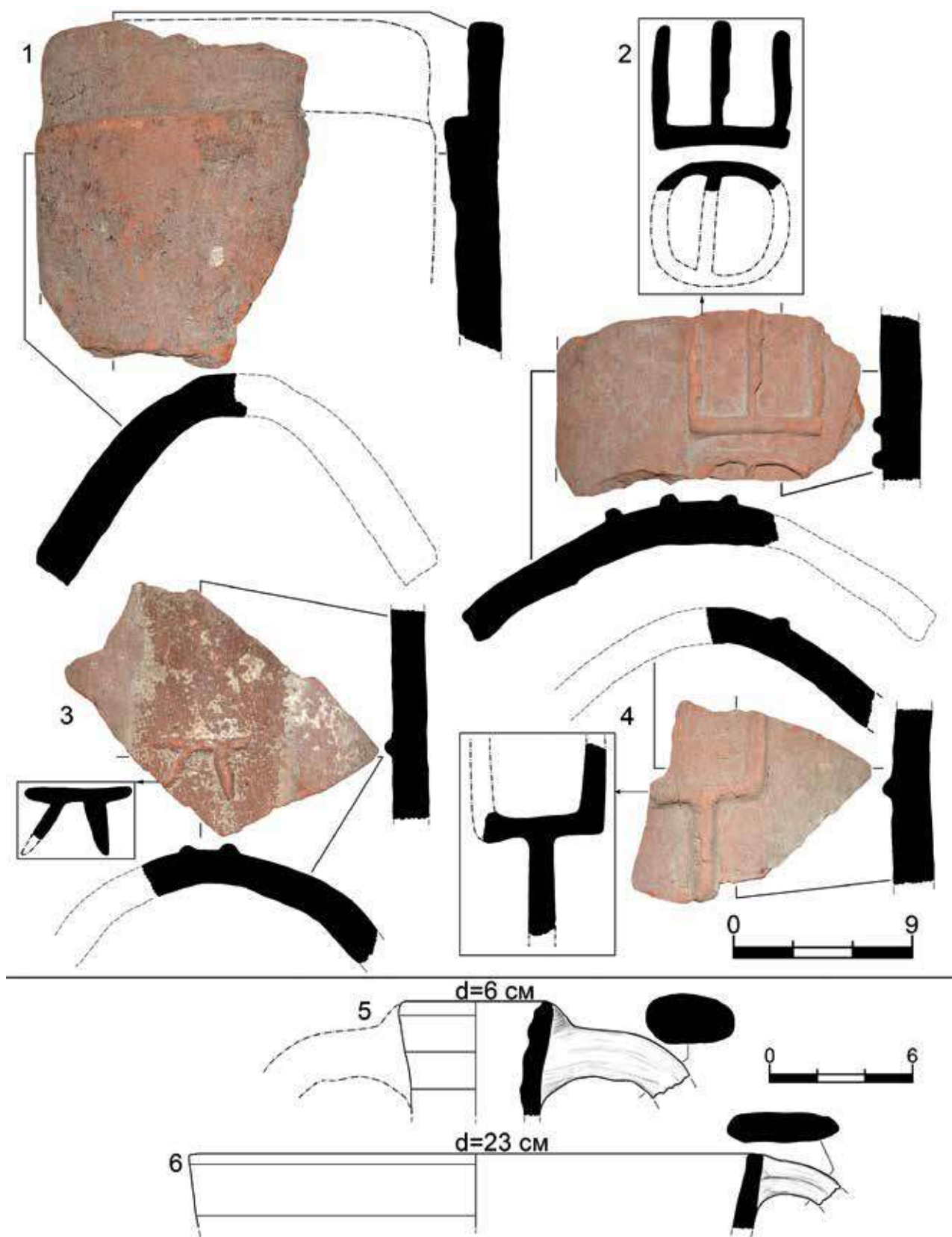

Рис. 155. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадрат №46. Черепично-каменный завал на 8-м слое в юго-восточной части квадрата: 1–4 – п.о.1123; 5 – к.о.172; 6 – к.о.173. Изделия из глины (1–6) [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 83-86]

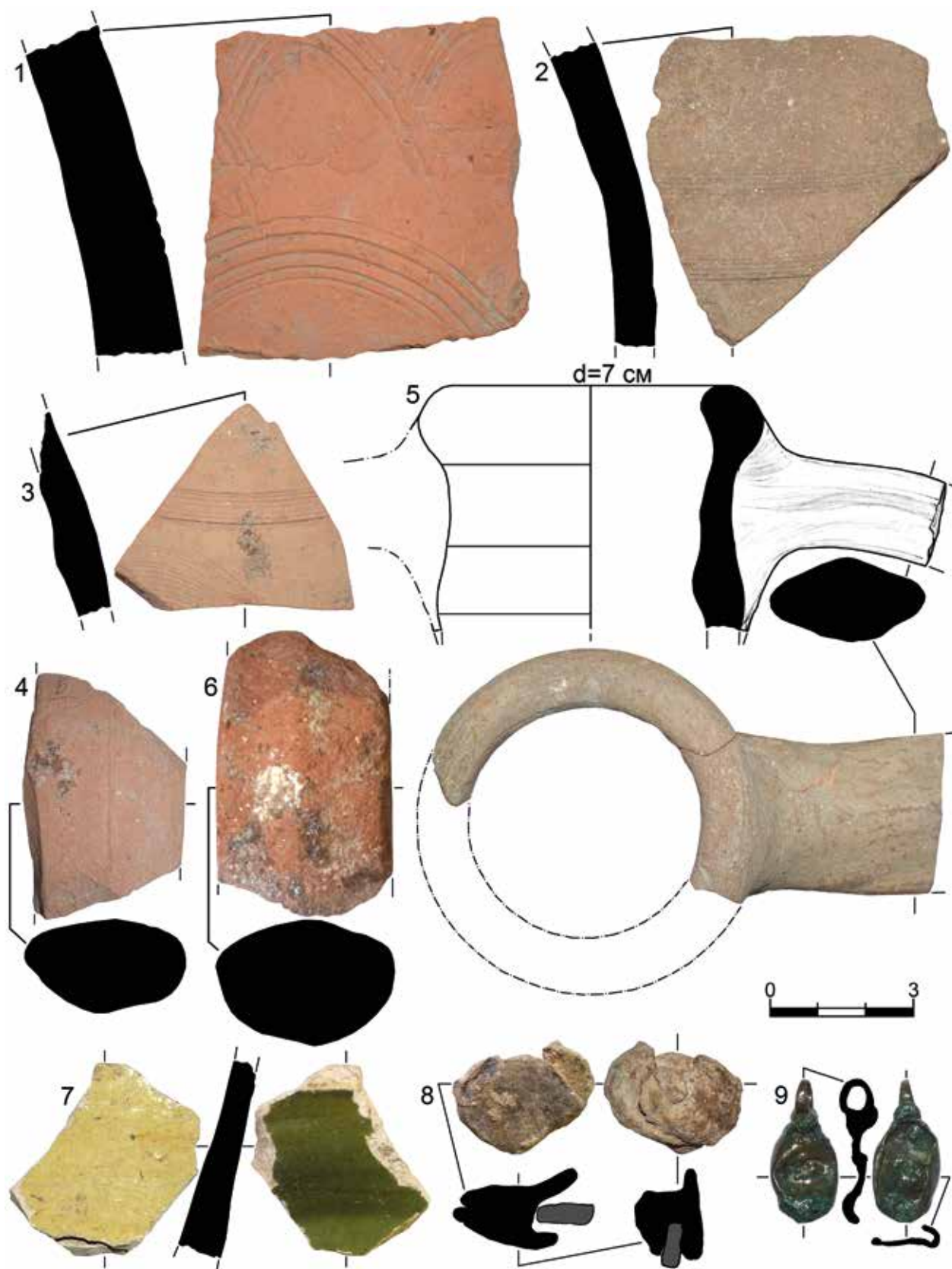

Рис. 156. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадраты №№48 и 49. Раннесредневековая улица. 3-й (верхний) горизонт мощения: 1 – к.о.82; 2–3 – к.о.82; 4 – к.о.83; 5 – к.о.84; 6 – к.о.85; 7 – к.о.86; 8 – к.о.87; 9 – к.о.90. Изделия из глины (1–7), свинца (8), меди (9) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 45-48]

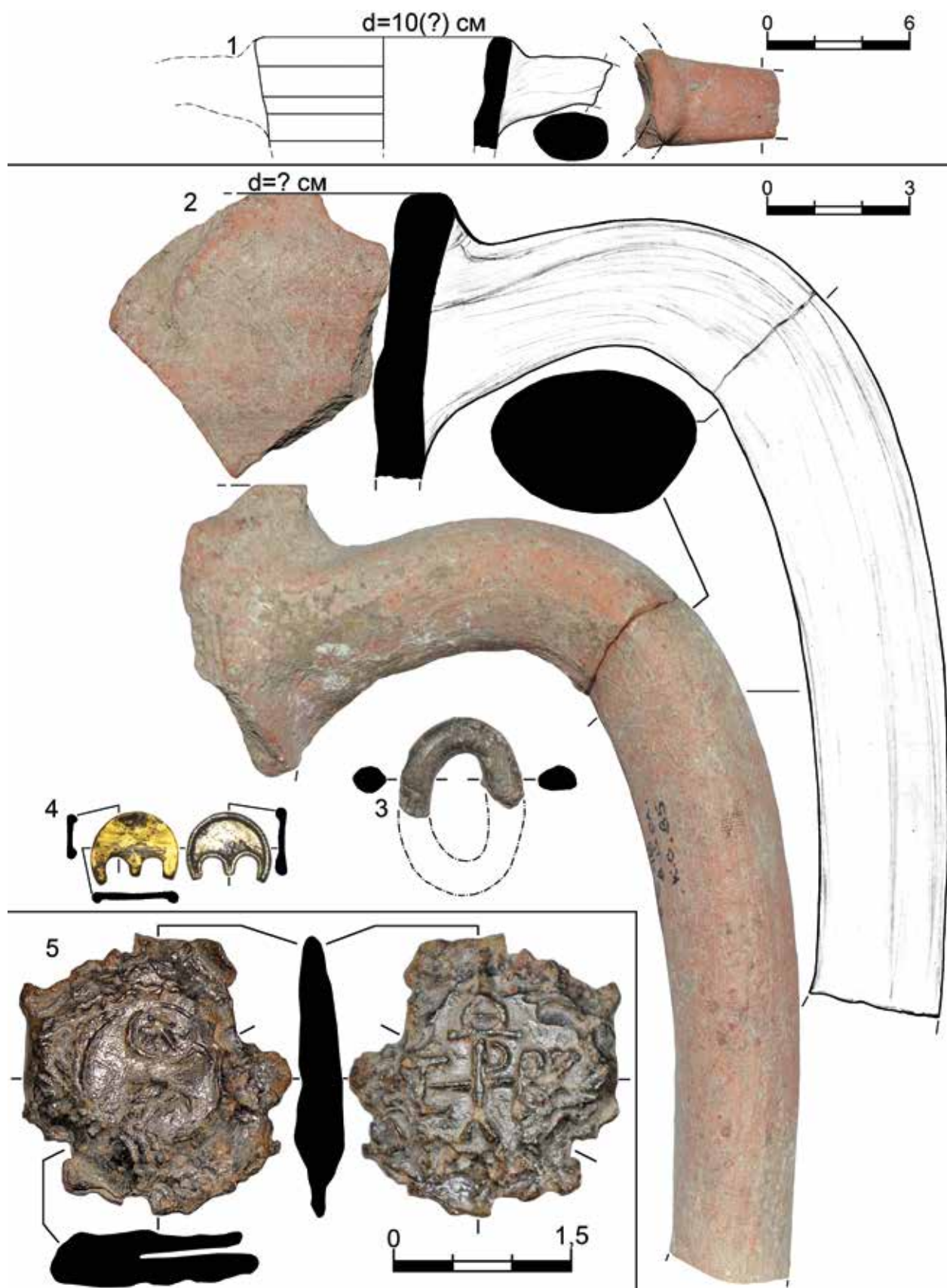

Рис. 157. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадраты №№48 и 49. Раннесредневековая улица. 3-й (верхний) горизонт мощения улицы. 1–2 – к.о.85; 3 – к.о.88; 4 – к.о.89; 5 – к.о.91. Изделия из глины (1–2), свинца (3, 5), меди (4) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 45-48]

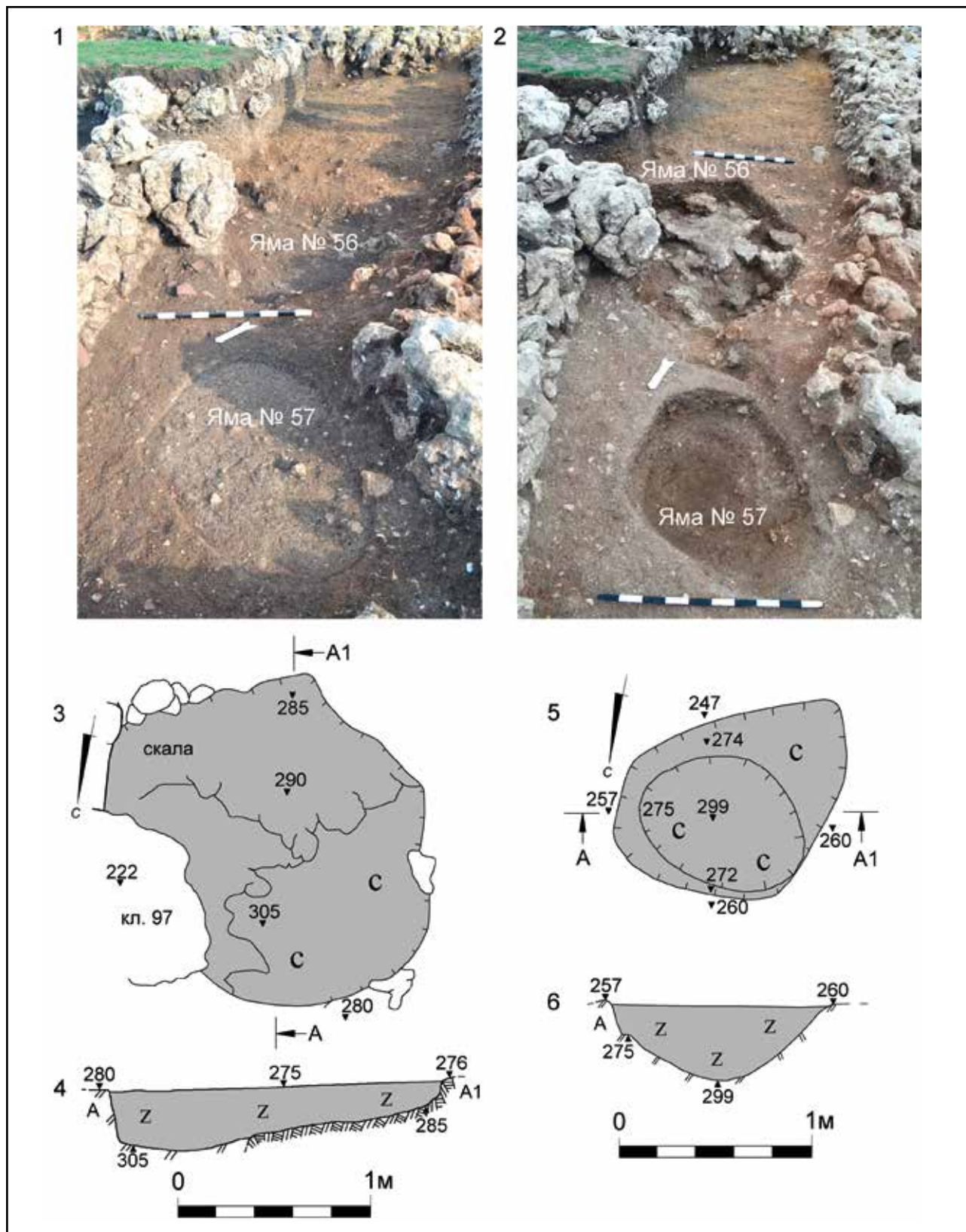

Рис. 158. Дворец. Археологические комплексы фемного периода.
 Раскопки 2018 г. Западный участок. Квадрат №36. Ямы №56 и 57:
 1 – по уровню заполнения, общий вид с северо-запада;
 2 – после выборки заполнения, общий вид с северо-северо-запада;
 3-4 – яма №56, план, стратиграфический разрез; 5-6 – яма №57,
 план, стратиграфический разрез [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 107-109]

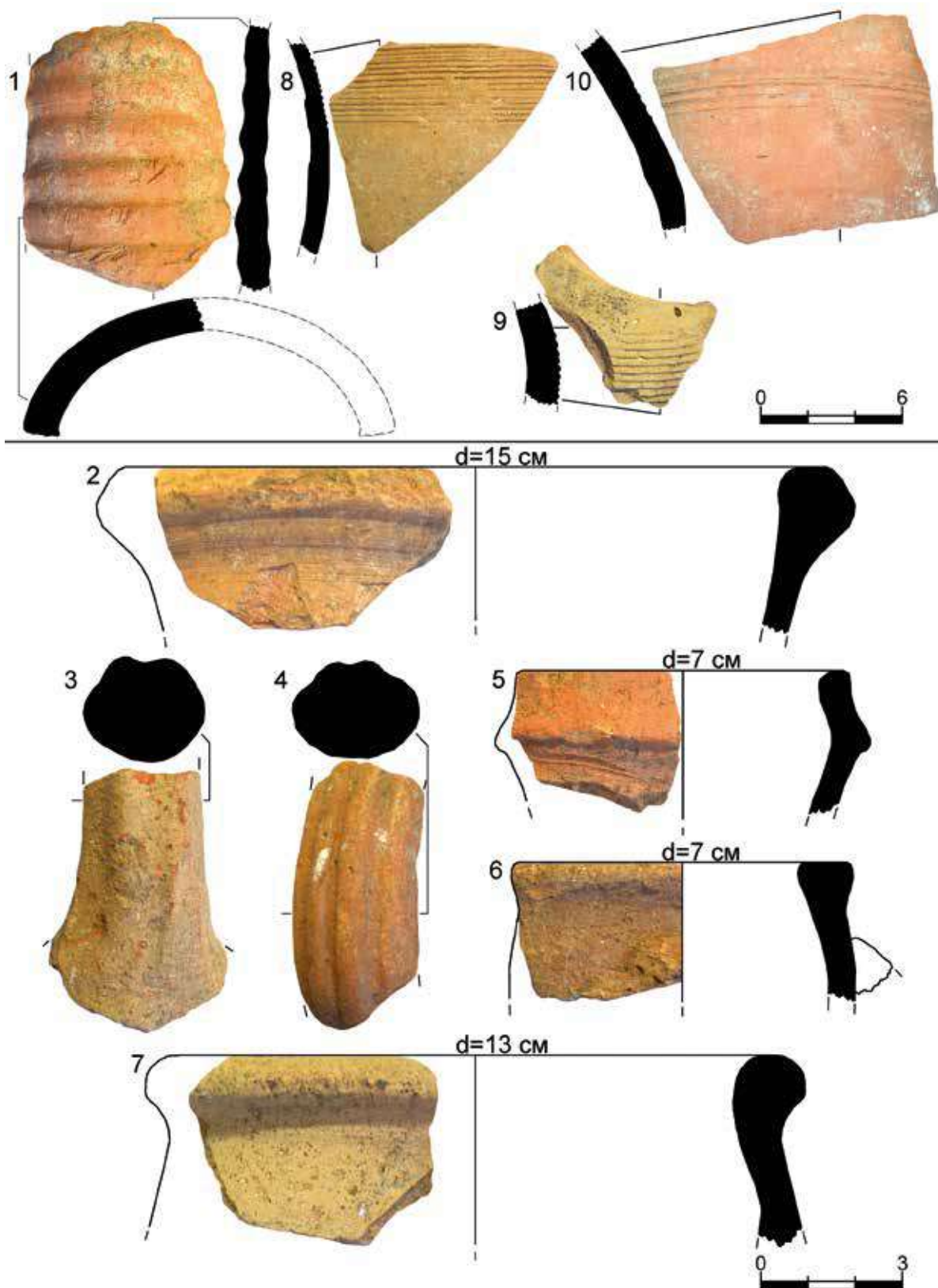

Рис. 159. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г. Западный участок. Квадрат №36. Яма №56. Заполнение: 1 – к.о.154; 2–4 – к.о.155; 5–6 – к.о.156; 7 – к.о.157; 8–9 – к.о.158; 10 – к.о.159. Изделия из глины (1–10) [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 139-140]

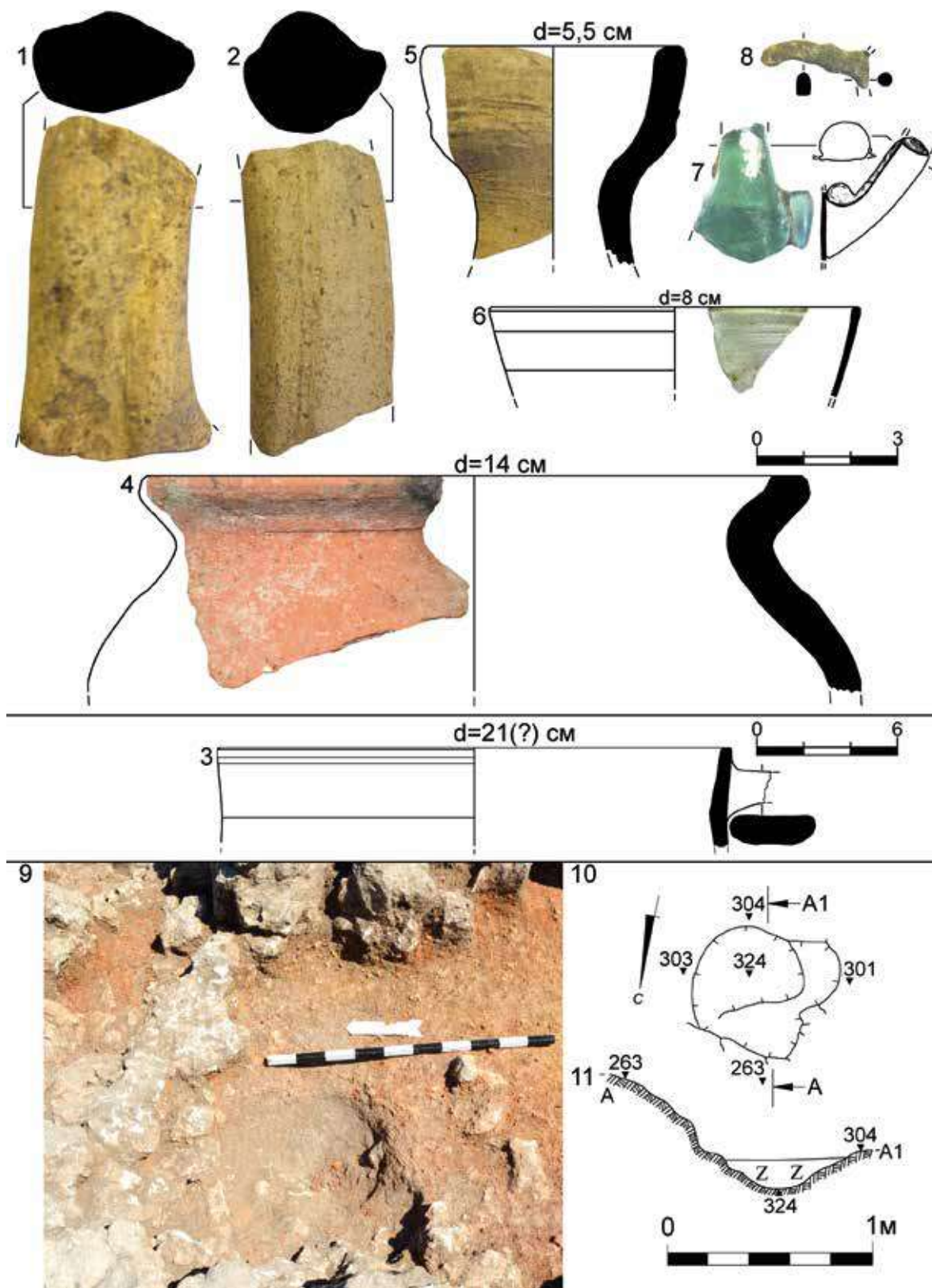

Рис. 160. Дворец. Археологические комплексы фемного периода.
 Раскопки 2018 г. Западный участок. Квадрат №36. Яма №56. Заполнение: 1–2 – к.о.157;
 3 – к.о.160; 4 – к.о.161; 5 – к.о.162; 6 – к.о.163; 7 – к.о.164; 8 – к.о.165. Изделия из глины (1–5),
 стекла (6–7), бронзы (8). Яма №60: 9 – после выборки заполнения, вид запада; 10 – план;
 11 – стратиграфический разрез [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 107; 114; 139-140]

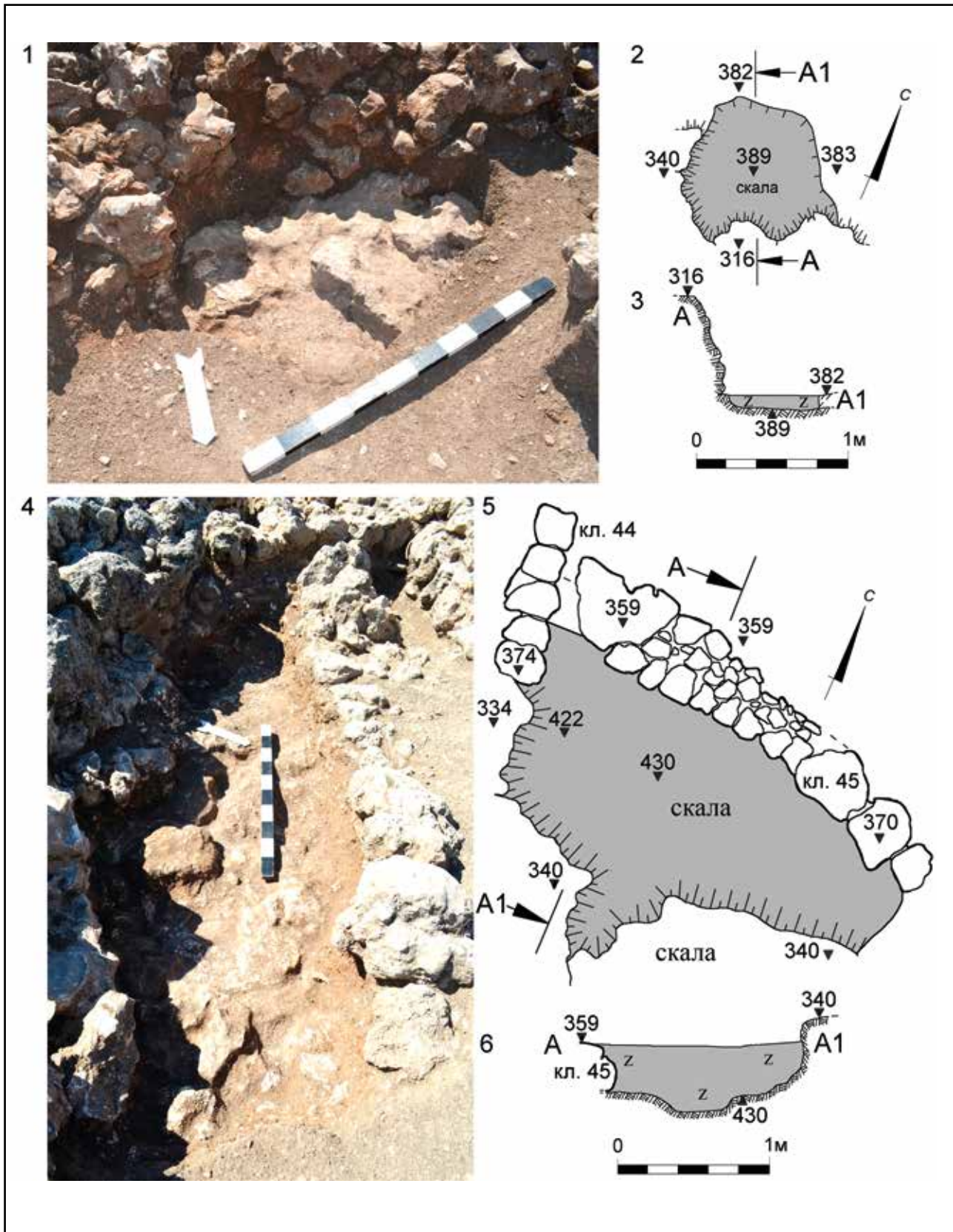

Рис. 161. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. Ямы №№61 и 62: 1 – яма №61 после выборки заполнения, вид с севера; 2-3 – яма №61, план, стратиграфический разрез; 4 – яма № 62 после выборки заполнения, общий вид с северо-востока; 5-6 – яма № 62, план, стратиграфический разрез [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 52-53]

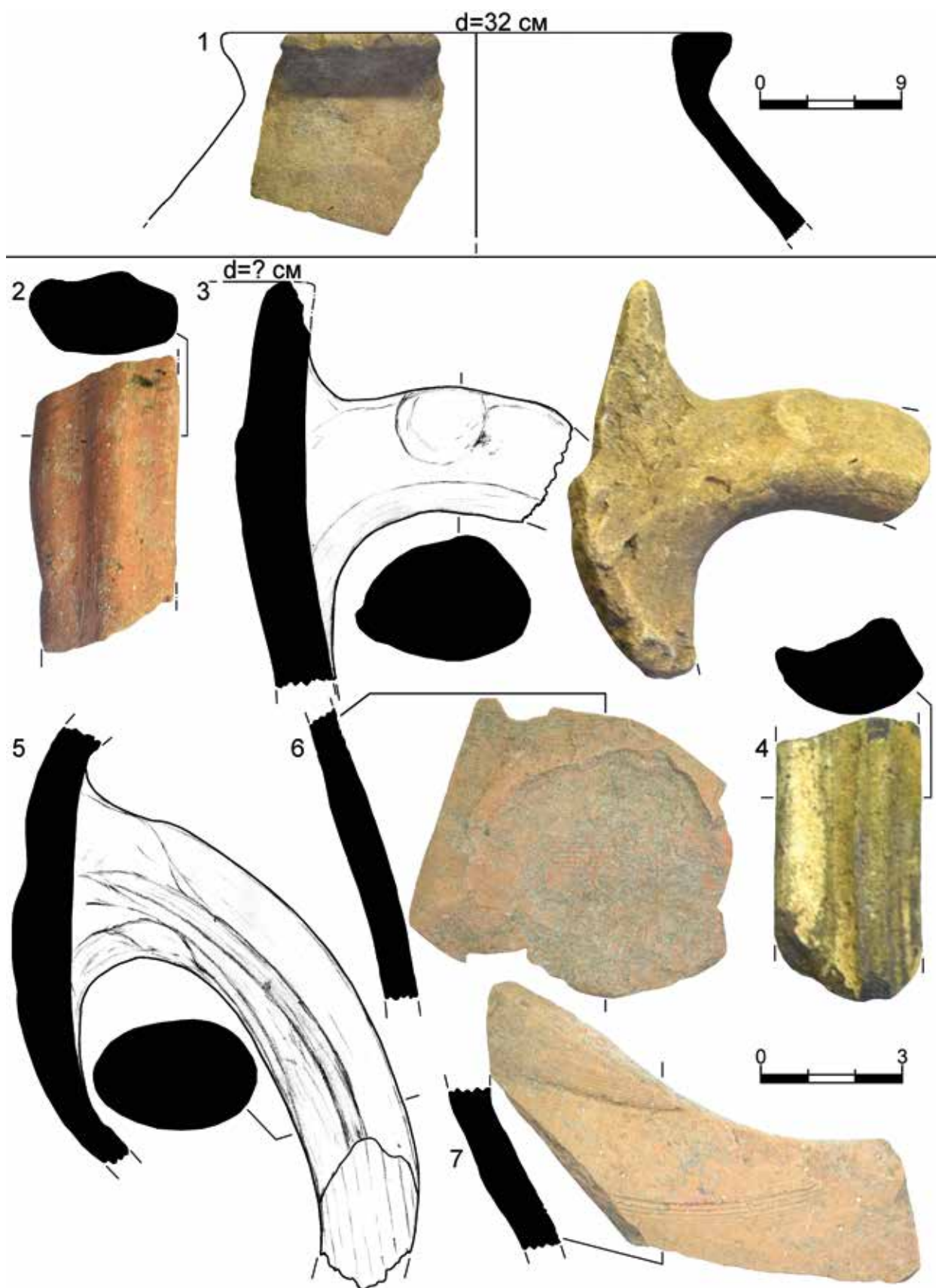

Рис. 162. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. Яма № 62. Заполнение: 1 – к.о.185; 2 – к.о.186; 3–4 – к.о.187; 5 – к.о.188; 6–7 – к.о.189. Изделия из глины (1–7) [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 85-87]

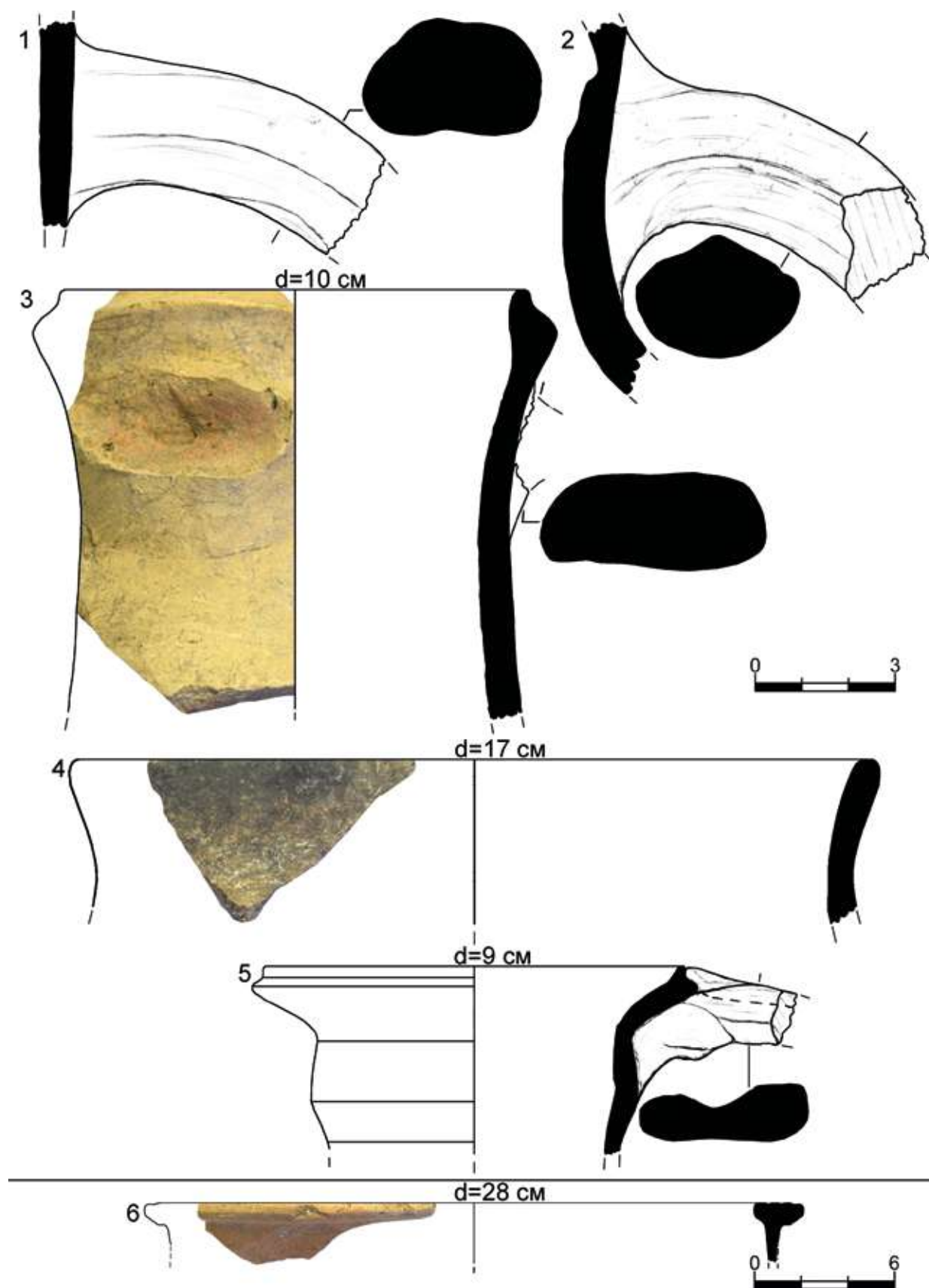

Рис. 163. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. Яма № 62. Заполнение: 1–2 – к.о.189; 3 – к.о.190; 4 – к.о.191; 5 – к.о.192; 6 – к.о.193. Изделия из глины (1–6) [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 85-87]

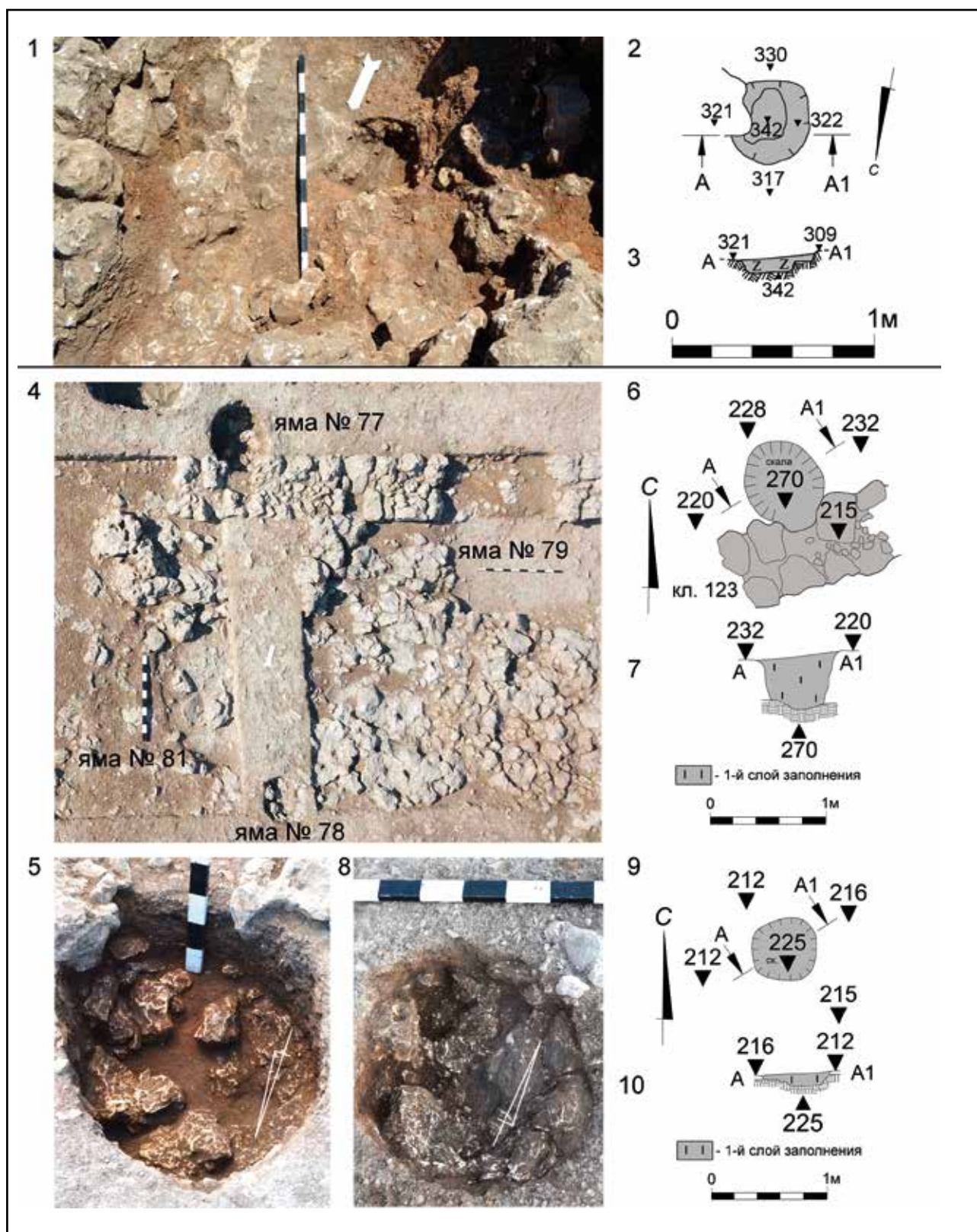

Рис. 164. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 и 2021 гг. Западный участок: 1 – яма №63 после выборки заполнения, вид с северо-северо-запада; 2-3 – яма №63, план, стратиграфический разрез; 4 – ямы №№77 и 78 после выборки заполнения, ямы №№79 и 81 по уровню заполнения, общий вид сверху, с юга; 5 – яма №77 после выборки заполнения, вид с севера; 6-7 – яма №77, план, стратиграфический разрез; 8 – яма №78 после выборки заполнения, вид с юго-востока; 9-10 – яма №78, план, стратиграфический разрез [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 63; 107; Герцен. Отчет, 2022, рис. 71; 128-134]

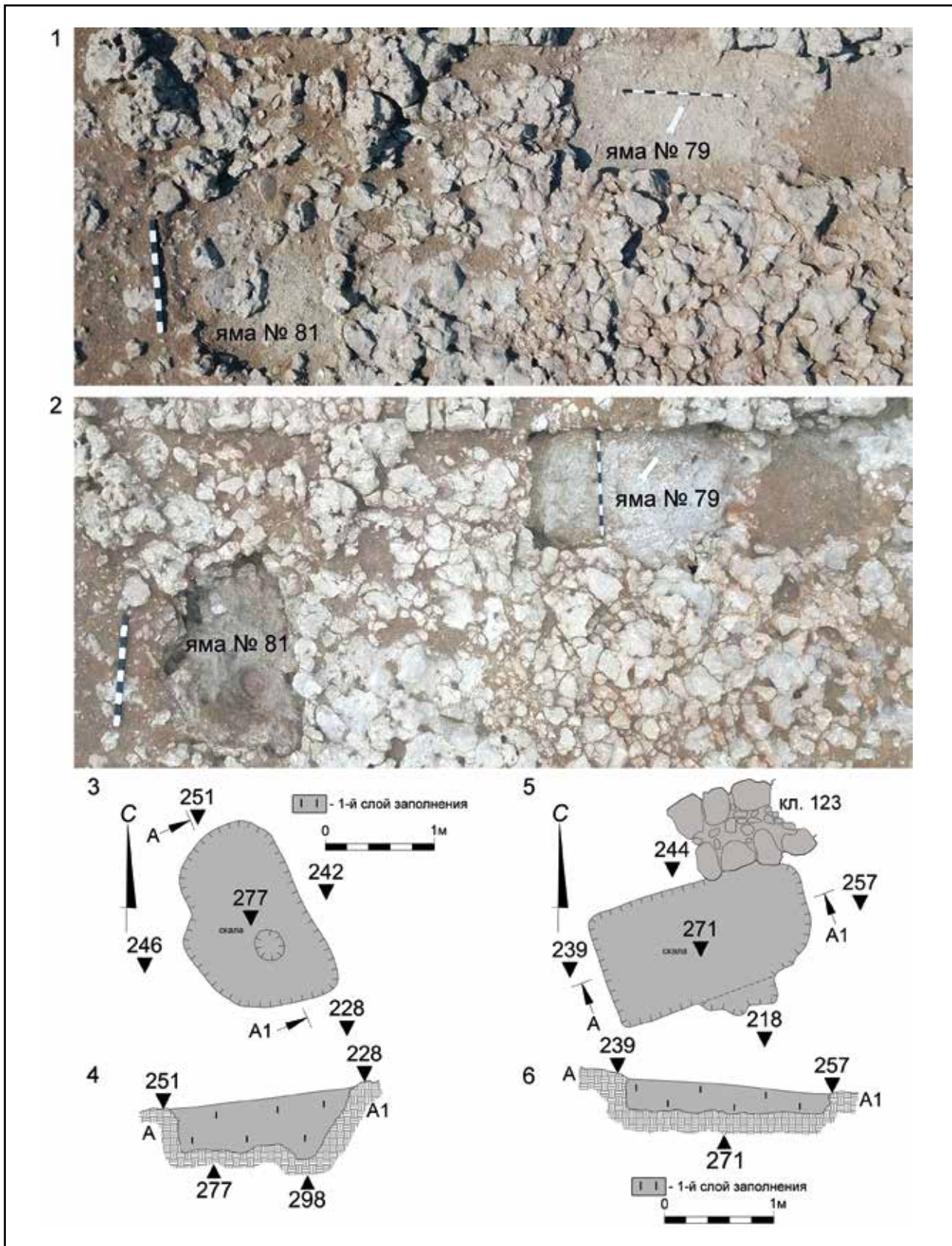

Рис. 165. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадраты №№46-47. Ямы №№79 и 81: 1 – по уровню заполнения, общий вид сверху, с юго-востока; 2 – после выборки заполнения, общий вид сверху, с юго-востока; 3-4 – яма №81, план, стратиграфический разрез; 5-6 – яма №79, план, стратиграфический разрез [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 70-71, 106-111]

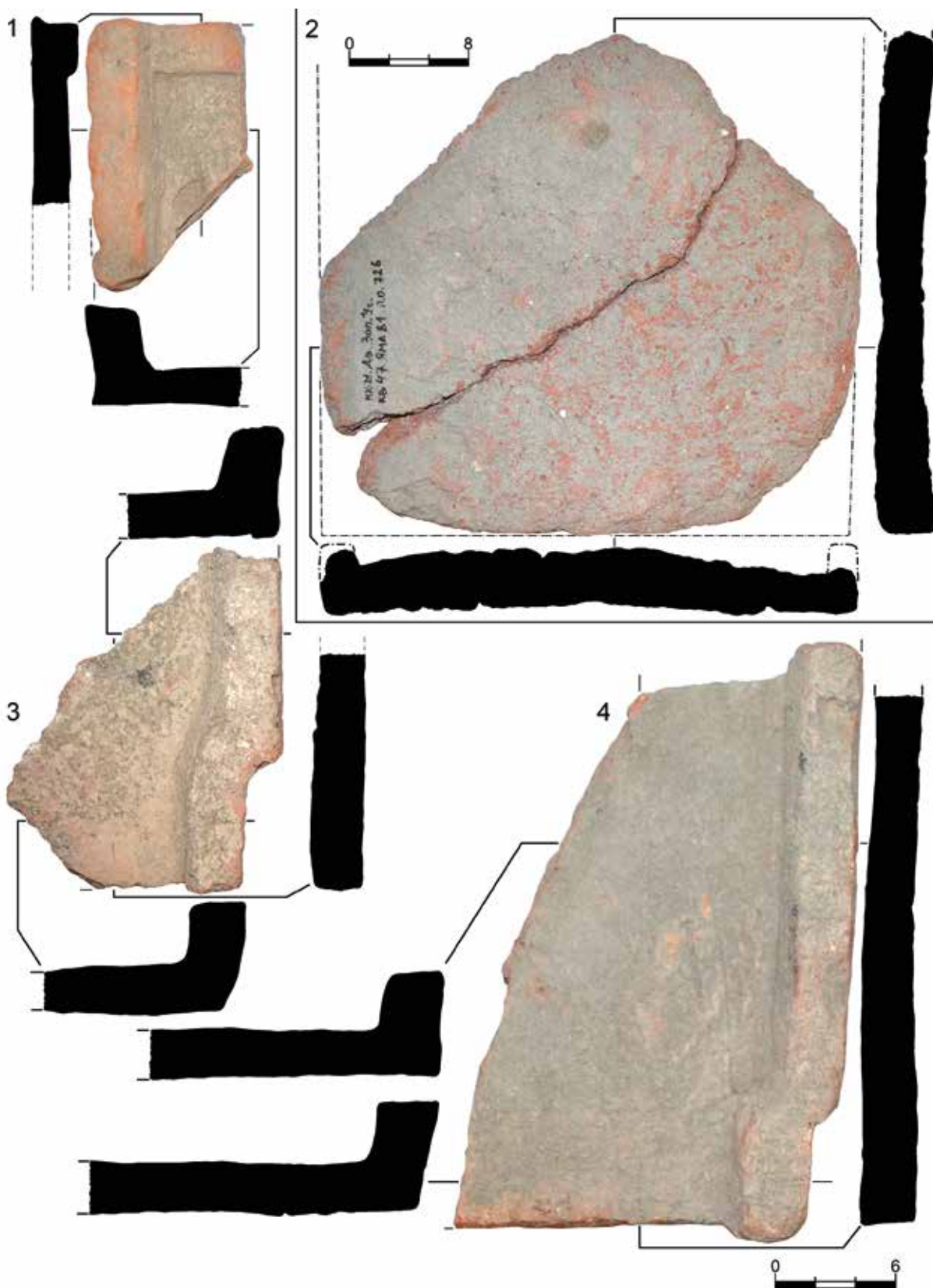

Рис. 166. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2021 г.
 Западный участок. Квадрат №47. Яма №81. Заполнение:
 1 – п.о.725; 2 – п.о.726; 3–4 – п.о.727. Изделия из глины (1–4)
 [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 112-117].

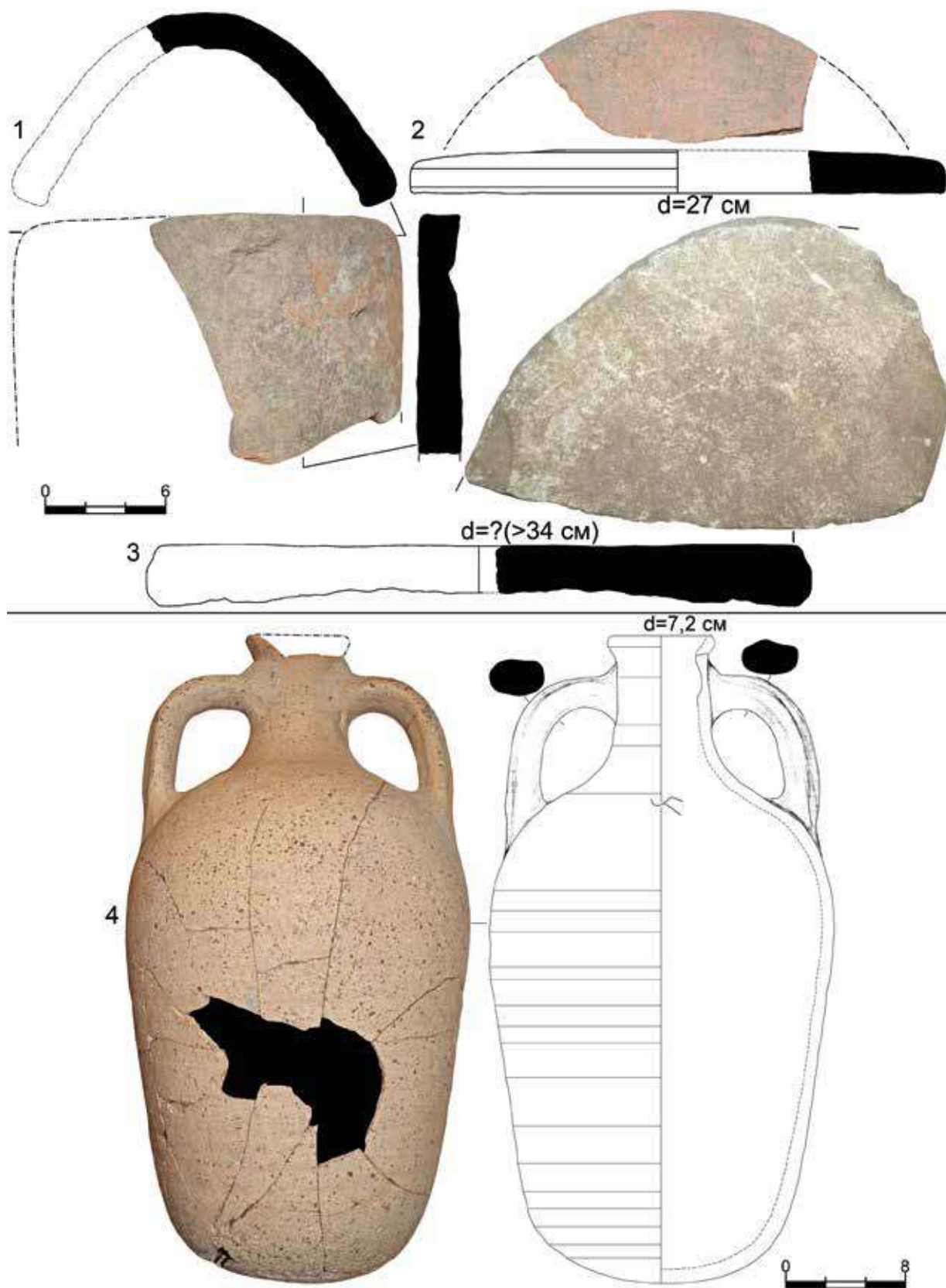

Рис. 167. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадрат №47. Яма №81. Заполнение: 1 – п.о.728; 2 – п.о.737; 3 – п.о.738; 4 – к.о.150. Изделия из глины (1-2, 4), мергеля (3) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 112-117]

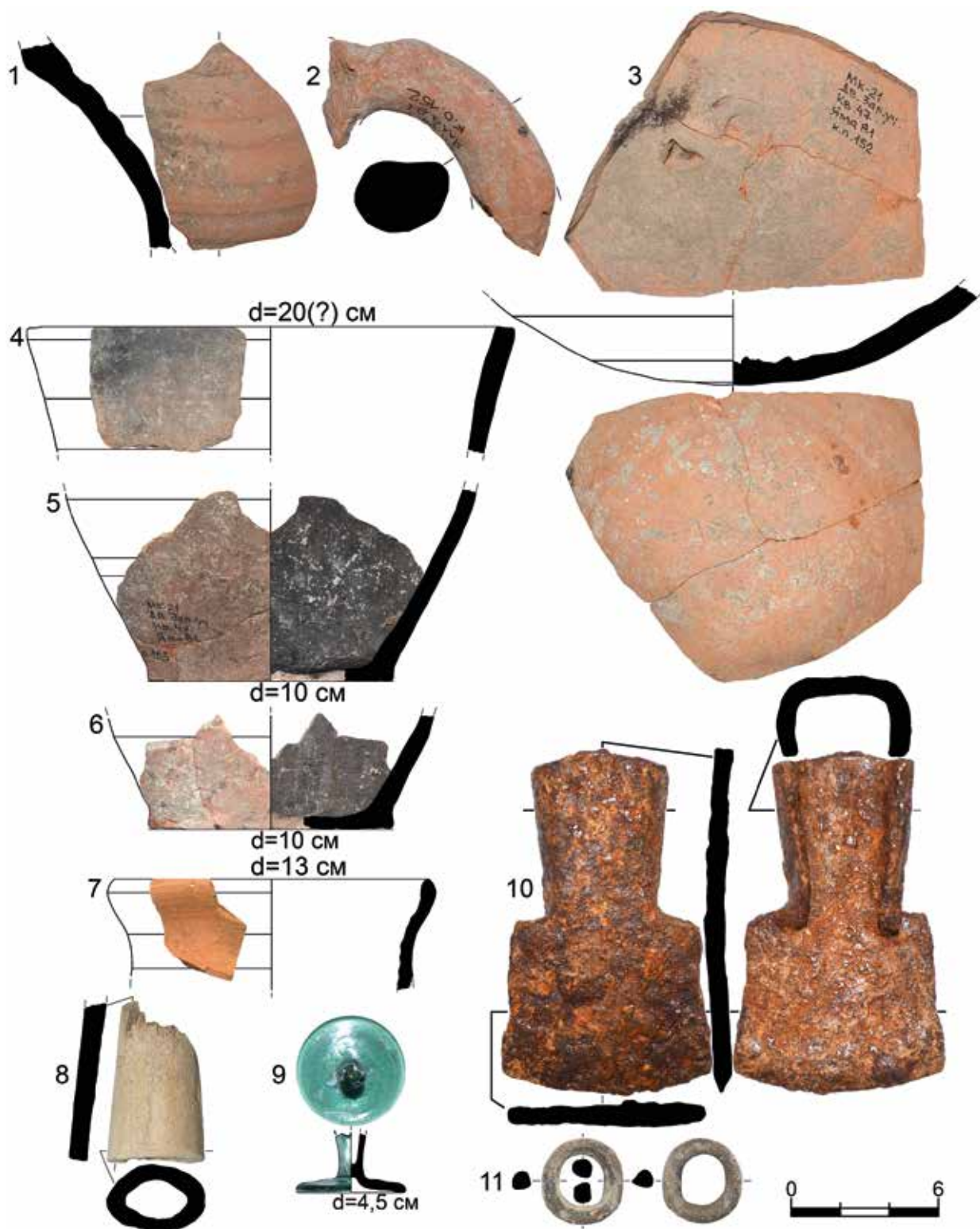

Рис. 168. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадраты №№46 и 47. Яма №81. Заполнение: 1 – к.о.151; 2–3 – к.о.152; 4–6 – к.о.153; 7 – к.о.154; 8 – к.о.155; 9 – к.о.156; 10 – к.о.157. Яма №79. Заполнение: 11 – к.о.141. Изделия из глины (1–7), кости (8), стекла (9), железа (10), свинца (11) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 112-117]

1

2

Рис. 169. Дворец. Археологические комплексы фемного периода.
 Раскопки 2008 г. Южный участок. Строительный комплекс №1 (СК-1),
 перекрытый помещением L дворцового времени: 1 – СК-1 после выборки заполнения,
 общий вид с северо-востока; 2 – стратиграфия заполнения СК-1, общий вид с востока
 [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 4; 11; 26]

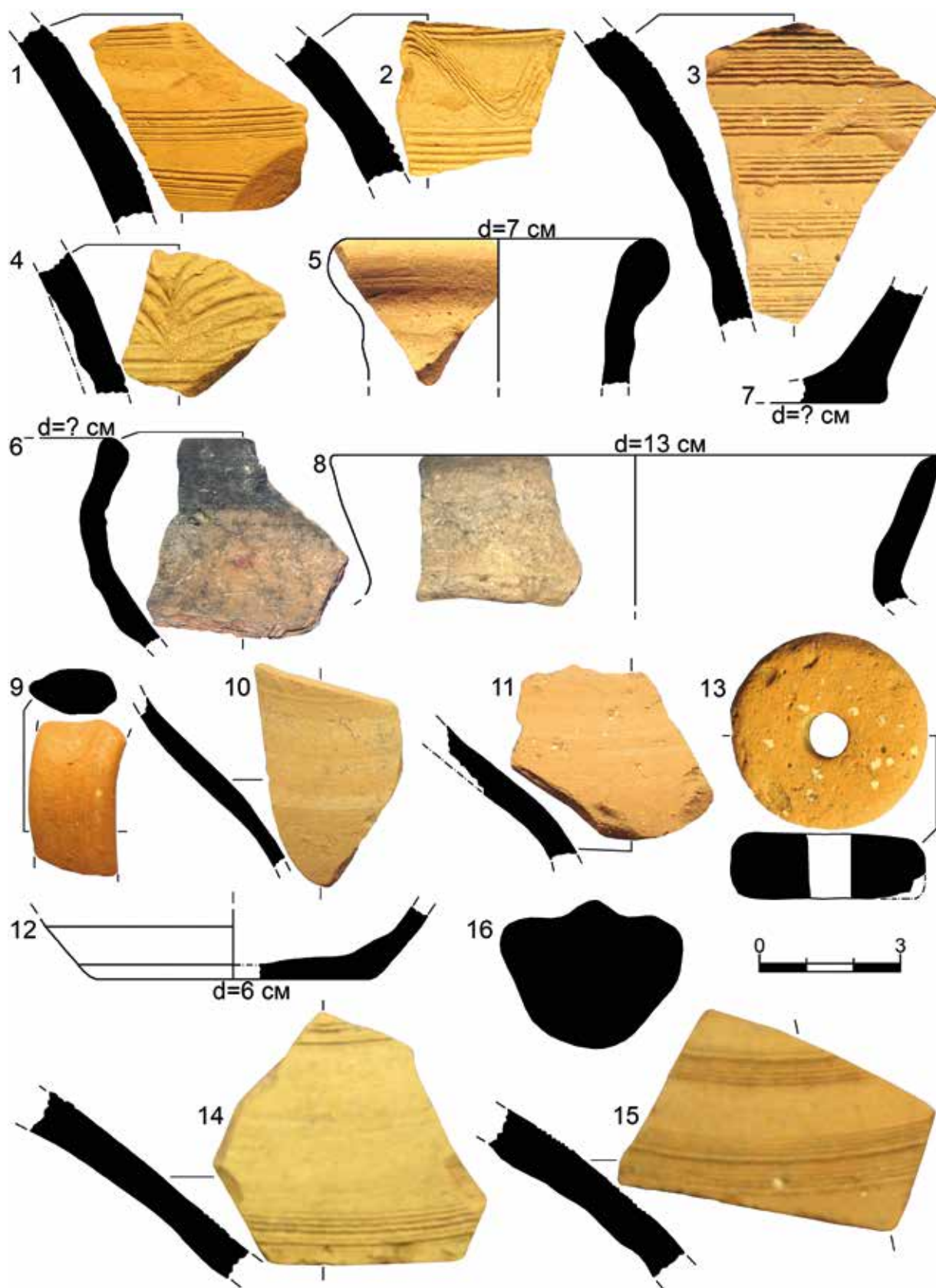

Рис. 170. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2008 г. Южный участок. Строительный комплекс №1 (СК-1). Заполнение (4-й и 5-й слои): 1–5 – к.о.543; 6–7 – к.о.544; 8 – к.о.545; 9–12 – к.о.546; 13 – к.о.547; 14–15 – к.о.549; 16 – к.о.550. Изделия из глины (1–16) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 135; 143]

1

2

Рис. 171. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2009 г.
 Центральный участок. Квадрат №10–14. Строительный комплекс №2 (СК-2):
 1 – общий вид с юго-востока по уровню 9-го слоя, дневной поверхности фемного периода;
 2 – общий вид с северо-запада по завершению работ) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 66-69]

Рис. 172. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2015 г.
Юго-Западный участок. Помещение Н. Строительный комплекс №3 (СК-3):
1 – по уровню заполнения, общий вид с запада; 2 – после выборки заполнения,
общий вид с юго-запада [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 58; 60]

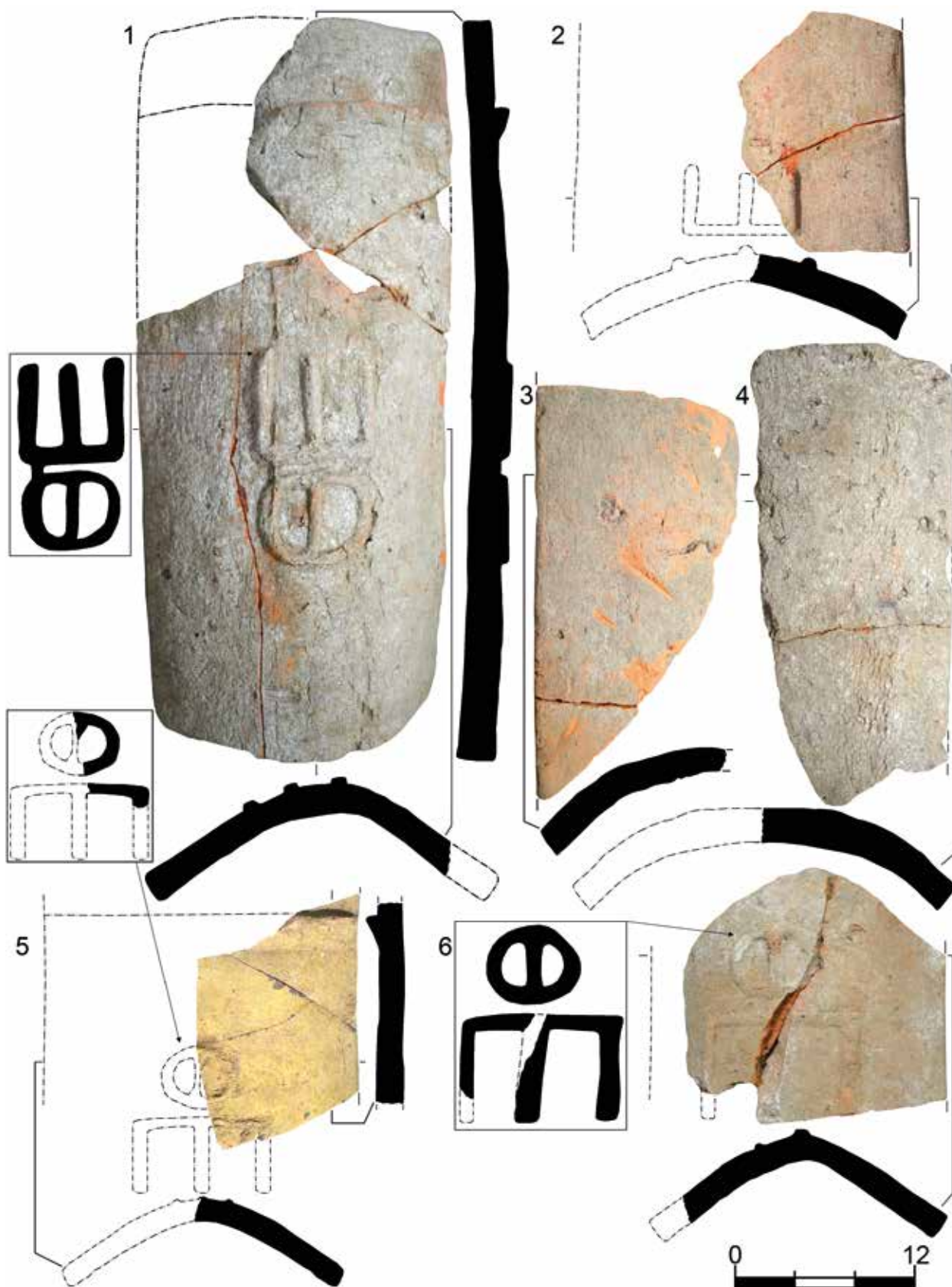

Рис. 173. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Помещение Н. Строительный комплекс №3 (СК-3). 1-й слой заполнения: 1-6 – к.о.278. Изделия из глины (1-6) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 115-119]

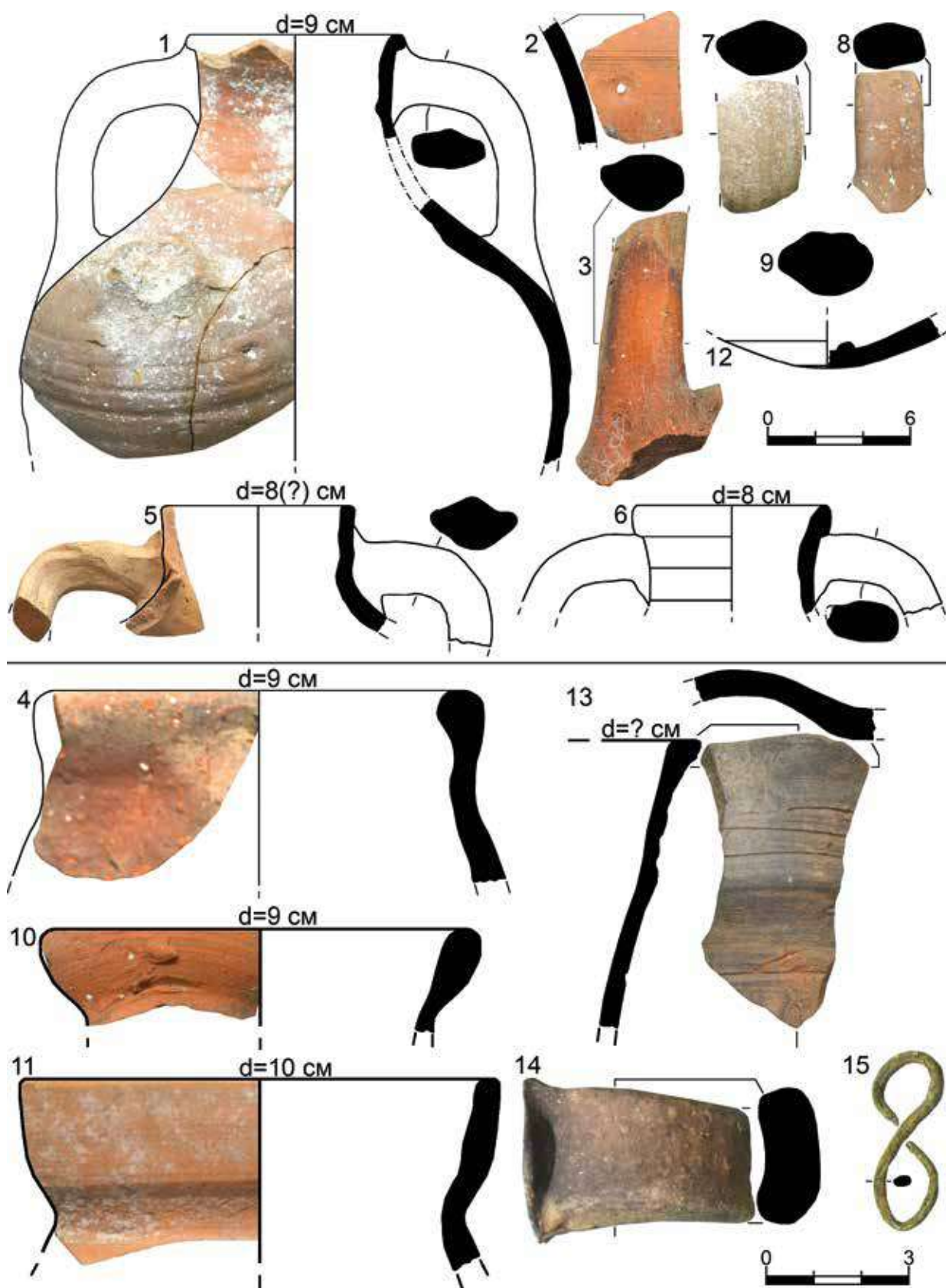

Рис. 174. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Помещение Н. Строительный комплекс №3 (СК-3). 1-й слой заполнения: 1 – к.о.279; 2 – к.о.280; 3–4 – к.о.281; 5–9 – к.о.282; 10–12 – к.о.283; 13 – к.о.285; 14 – к.о.286; 15 – к.о.289. Изделия из глины (1–14), бронзы (15) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 115-119]

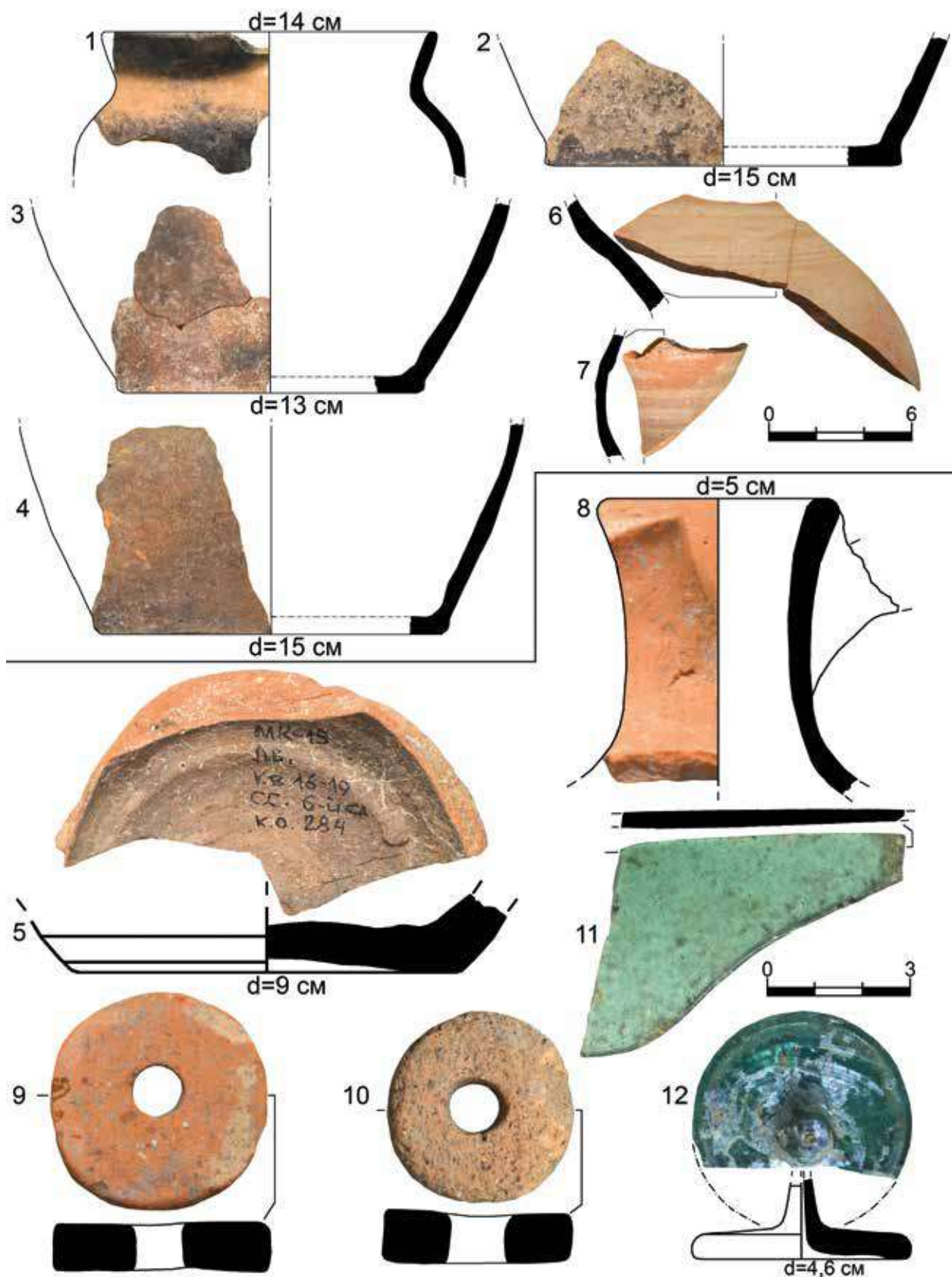

Рис. 175. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Помещение Н. Строительный комплекс №3 (СК-3).
 1-й слой заполнения: 1–4 – к.о.286; 5 – к.о.284; 6–8 – к.о.287; 9–10 – к.о.288; 11 – к.о.290;
 2-й слой заполнения: 12 – к.о.303. Изделия из глины (1–10), стекла (11–12)
 [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 115-119; 125]

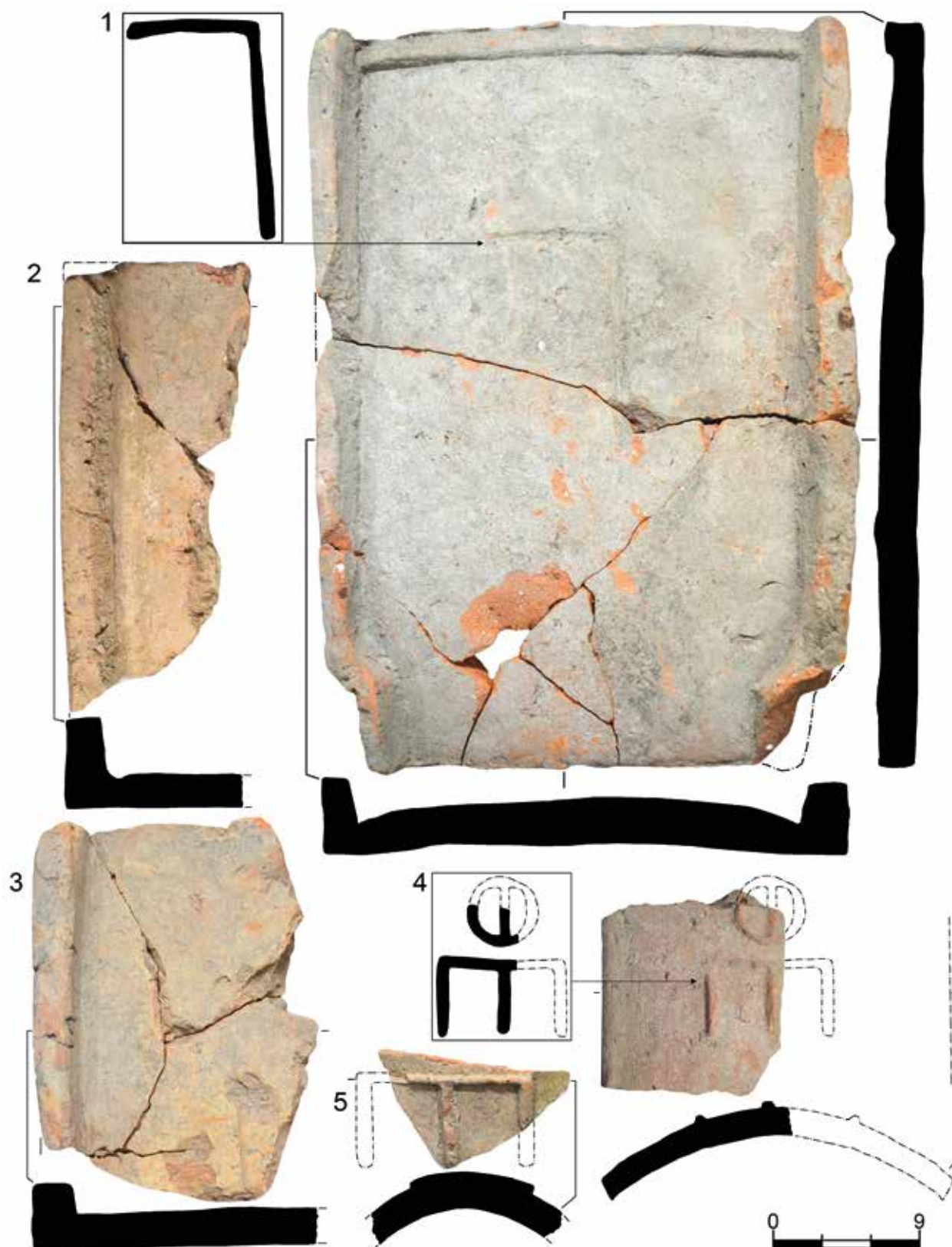

Рис. 176. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2015 г.
Юго-Западный участок. Помещение Н. Строительный комплекс №3 (СК-3).
2-й слой заполнения: 1 – к.о.292; 2–3 – к.о.293; 4–5 – к.о.294. Изделия из глины (1–5)
[по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 120-125]

Рис. 177. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Помещение Н. Строительный комплекс №3 (СК-3). 2-й слой заполнения: 1-4 – к.о.294. Изделия из глины (1-4) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 120-125]

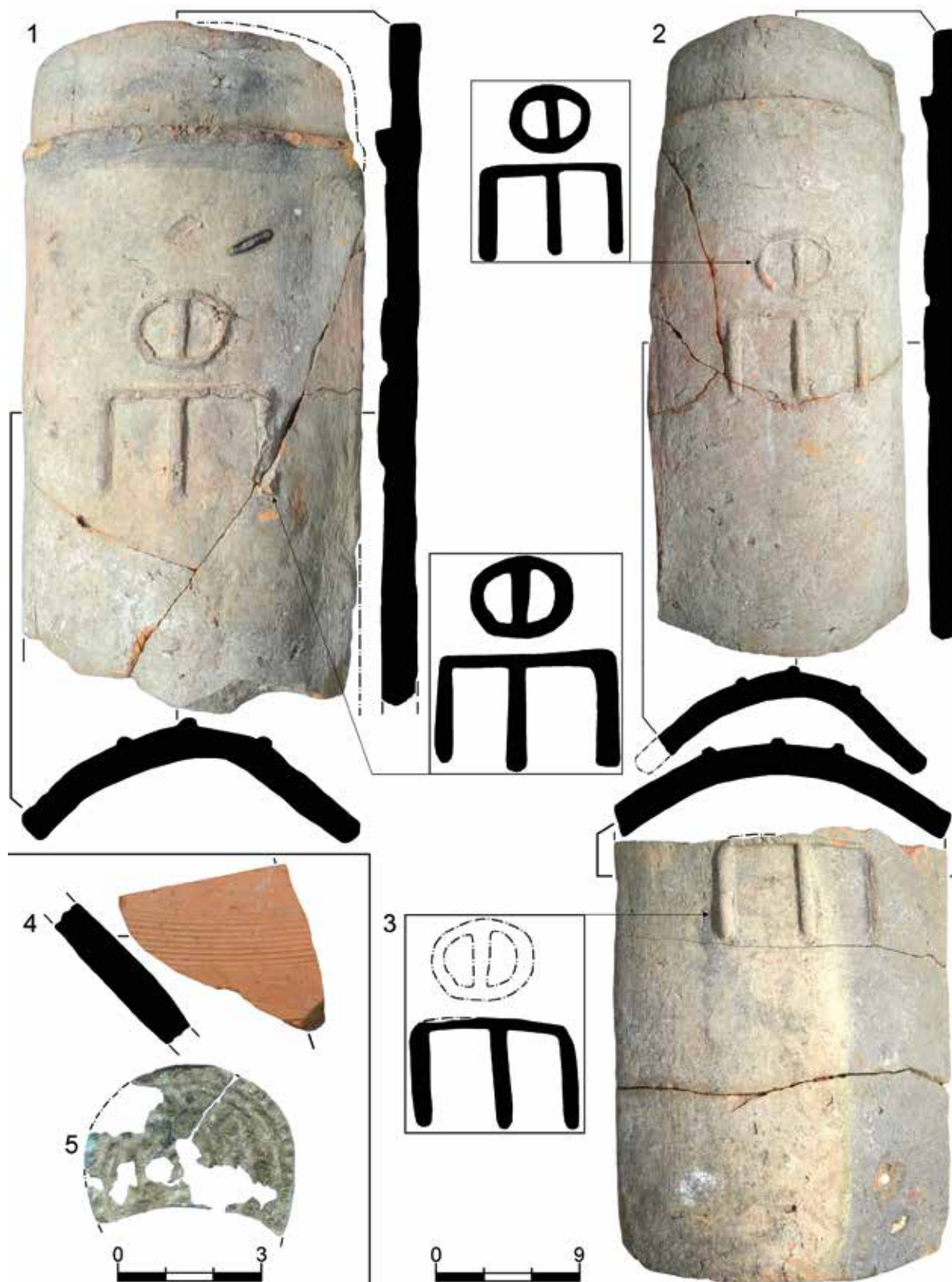

Рис. 178. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Помещение Н. Строительный комплекс №3 (СК-3). 2-й слой заполнения: 1–3 – к.о.294; 4 – к.о.295; 5 – к.о.302. Изделия из глины (1–4), меди (5) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 120-125]

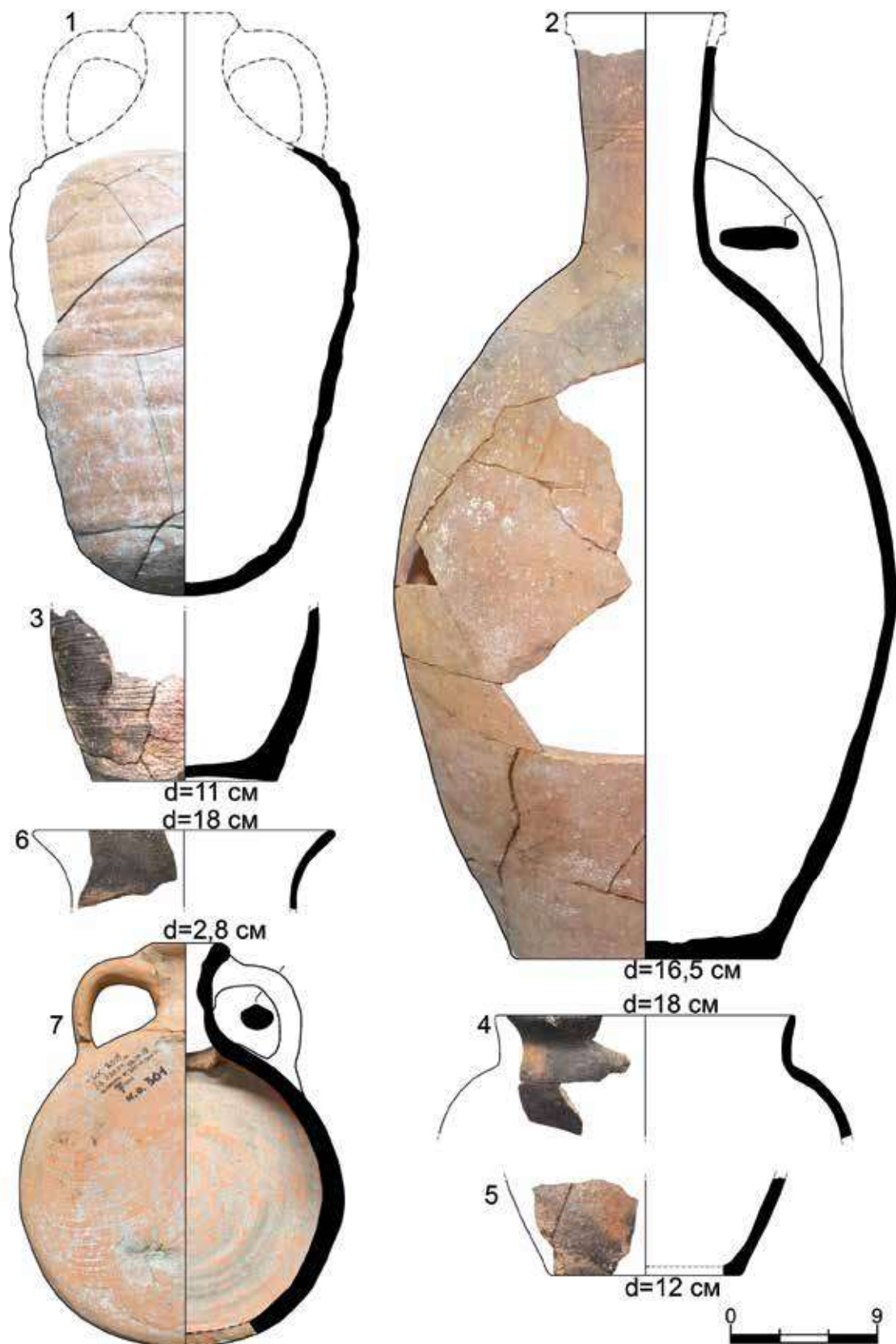

Рис. 179. Дворец. Археологические комплексы фемного периода.
 Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Помещение Н. Строительный комплекс №3 (СК-3).
 2-й слой заполнения: 1 – к.о.296; 2 – к.о.297; 3 – к.о.298; 4–5 – к.о.299; 6 – к.о.300; 7 – к.о.301.
 Изделия из глины (1–7) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 120-125]

Рис. 180. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2017 г.
 Западный участок. Квадрат № 30–31. Строительный комплекс № 4 (СК-4):
 1 – по уровню 8-го слоя, горизонта разрушения постройки, общий вид с севера;
 2 – по уровню 9-го слоя, пола постройки с пятном гари на его поверхности, общий вид с востока [по:
 Герцен. Отчет, 2018, рис. 27; 31]

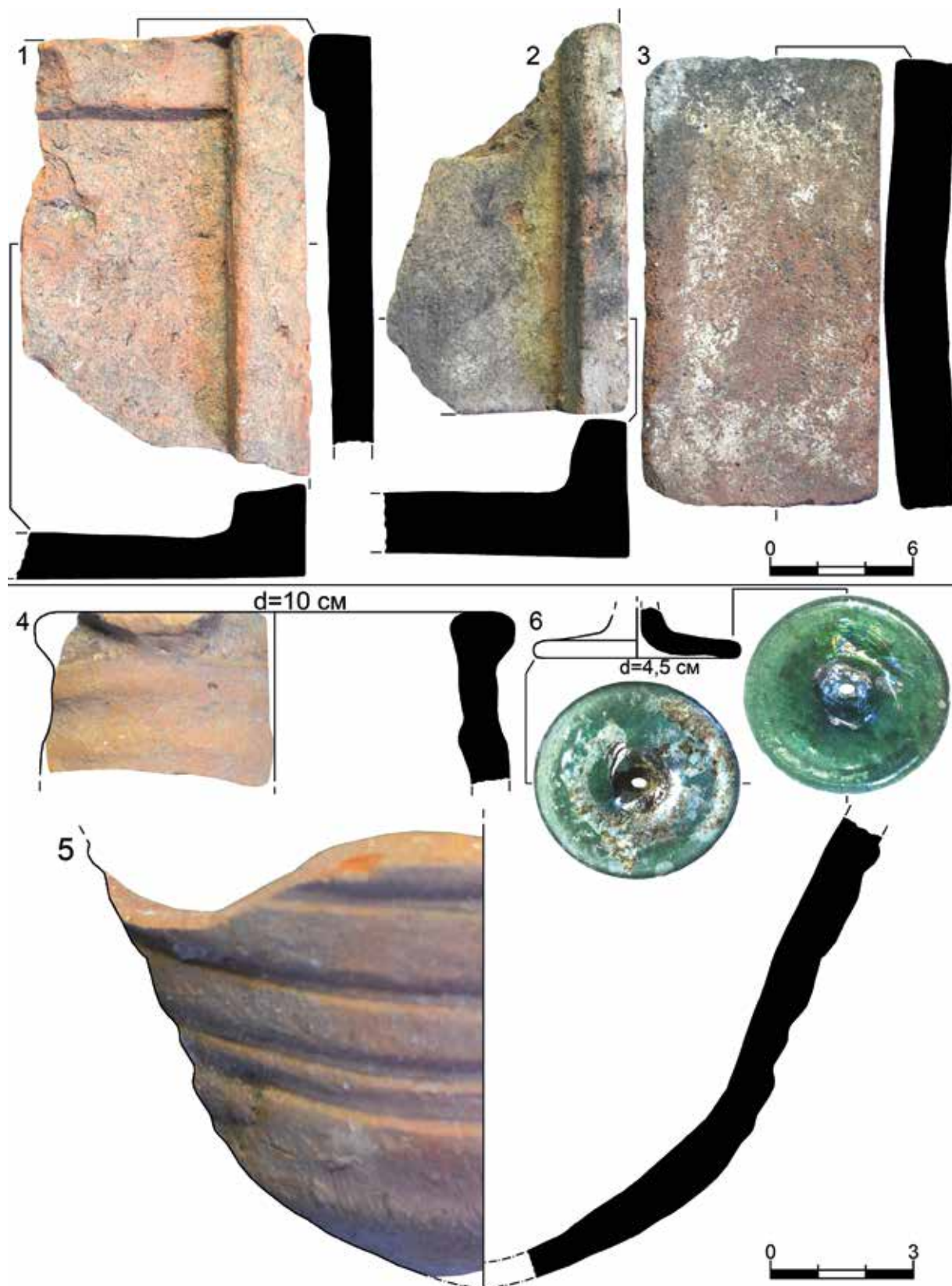

Рис. 181. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2017 г. Западный участок. Квадрат № 30–31. Строительный комплекс № 4 (СК-4). 8-й слой: 1 – к.о.390; 2 – к.о.391; 3 – к.о.392; 4–5 – к.о.394; 6 – к.о.396. Изделия из глины (1–5), стекла (6) [по: Герцен. Отчет, 2018, рис. 121-125]

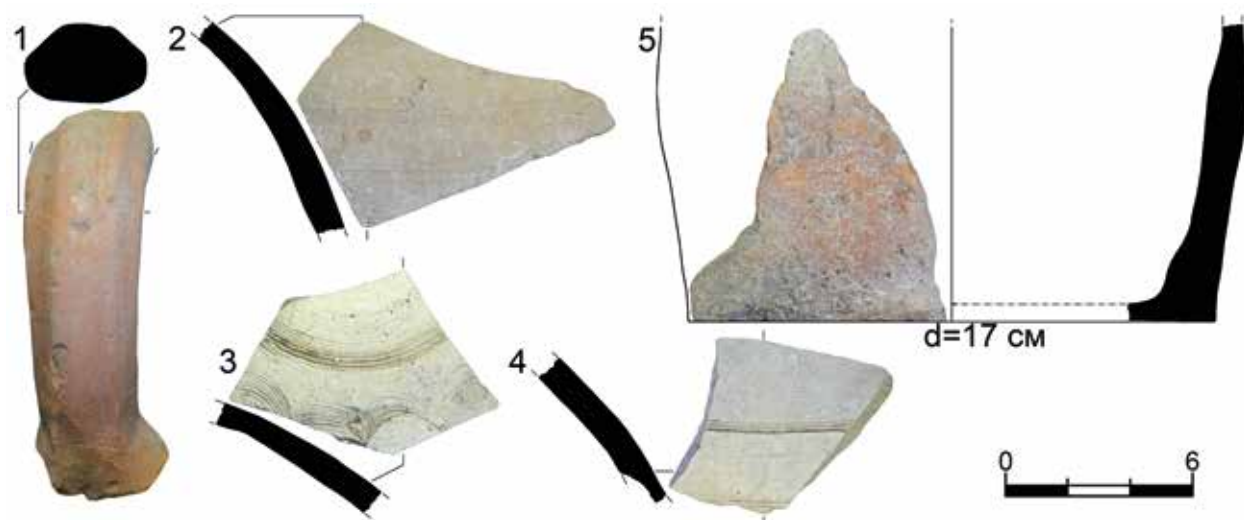

Рис. 182. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2017 г. Западный участок. Квадрат № 30–31. Строительный комплекс № 4 (СК-4). 8-й слой: 1 – к.о.394; 2–4 – к.о.393; 5 – к.о.395; 6–7 – к.о.397. Изделия из глины (1–5), песчаника (6–7) [по: Герцен. Отчет, 2018, рис. 121-125]

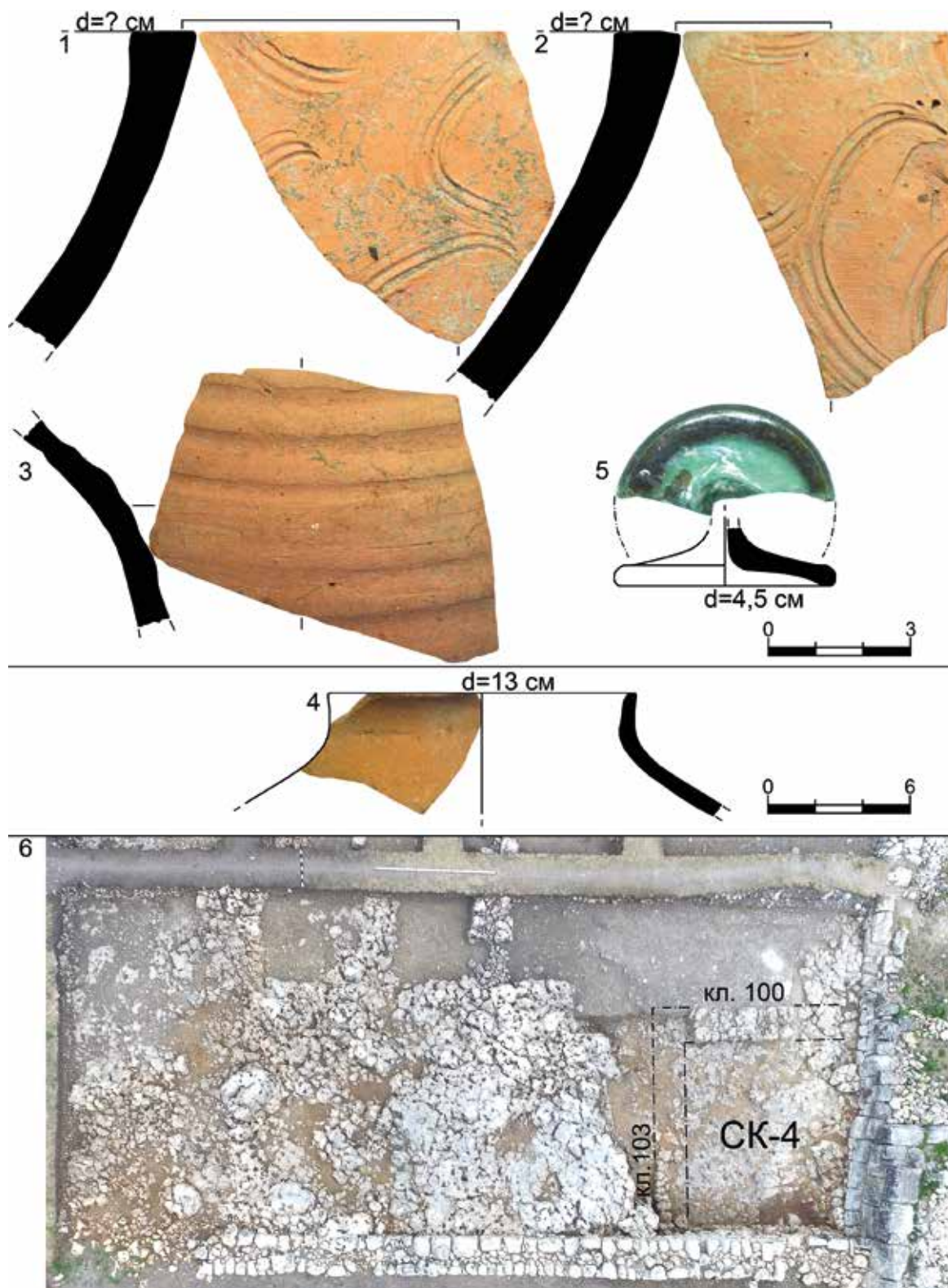

Рис. 183. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2017 г. Западный участок. Квадрат № 30–31. Строительный комплекс № 4 (СК-4). 9-й слой: 1–2 – к.о.398; 3 – к.о.399; 4 – к.о.400; 5 – к.о.401. Изделия из глины (1–4), стекла (5). 6 – СК-4 после выборки заполнения, общий вид сверху, с юга [по: Герцен. Отчет, 2018, рис. 126]

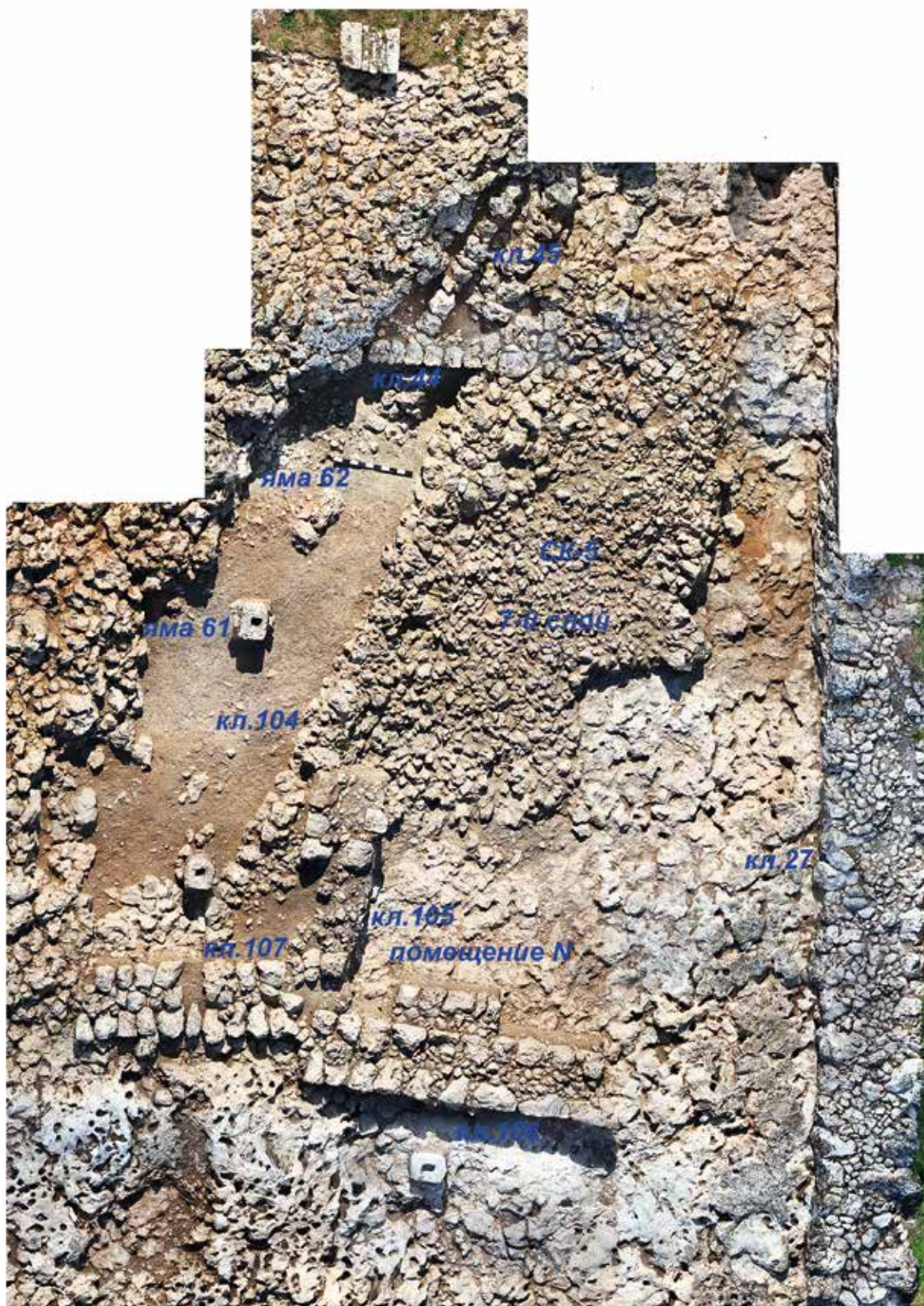

Рис. 184. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. Строительный комплекс №5 (СК-5) по уровню 7-го слоя, горизонта разрушения постройки. Общий вид с востока, ортофотоплан [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 15]

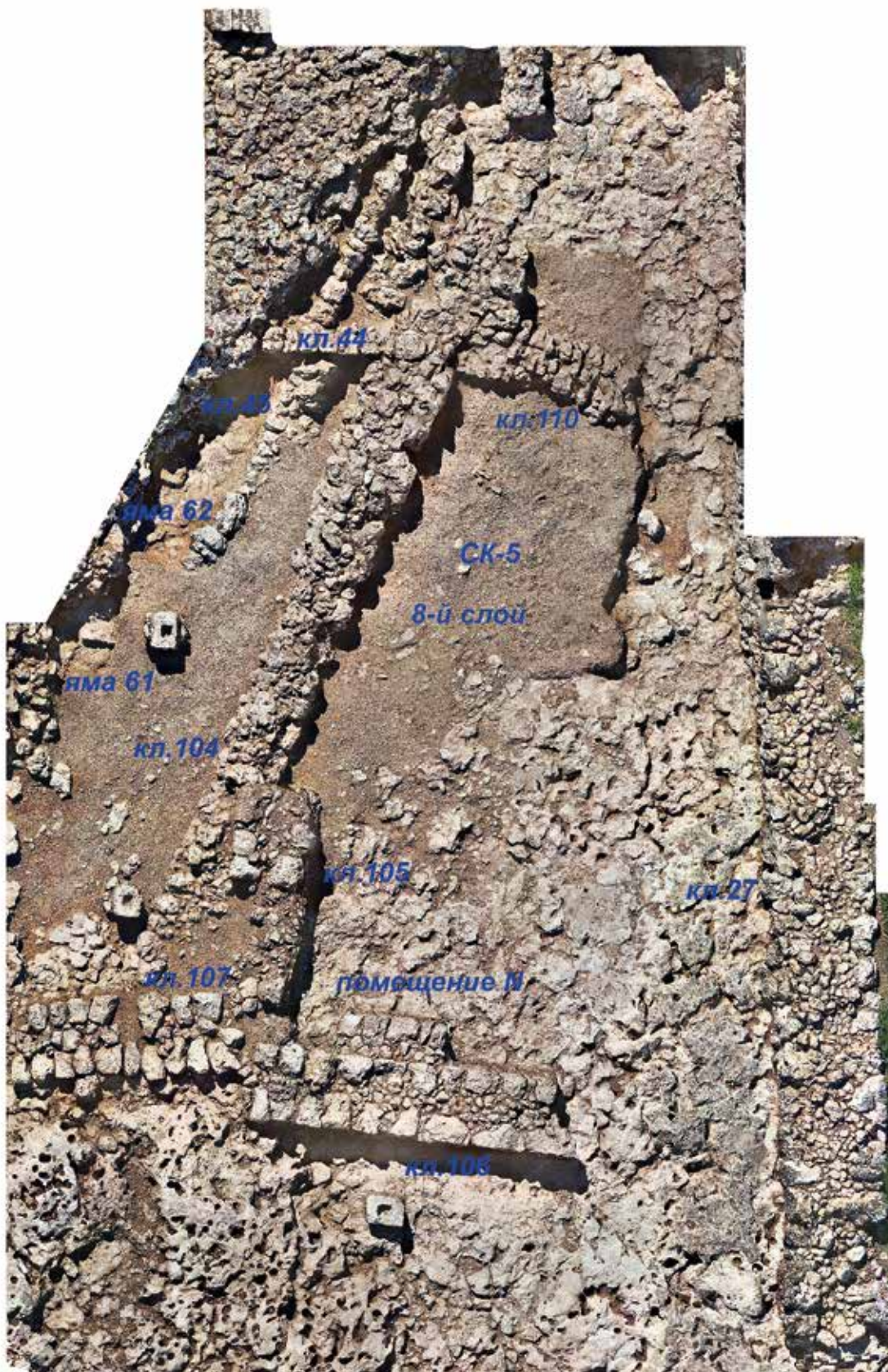

Рис. 185. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. Строительный комплекс №5 (СК-5) по уровню 8-го слоя, пола постройки. Общий вид с востока, ортофотоплан [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 16]

Рис. 186. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г.
Восточный участок. Квадрат №42. Строительный комплекс №5 (СК-5).
7-й слой: 1–5 – к.о.259. Изделия из глины (1–5) [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 73-76

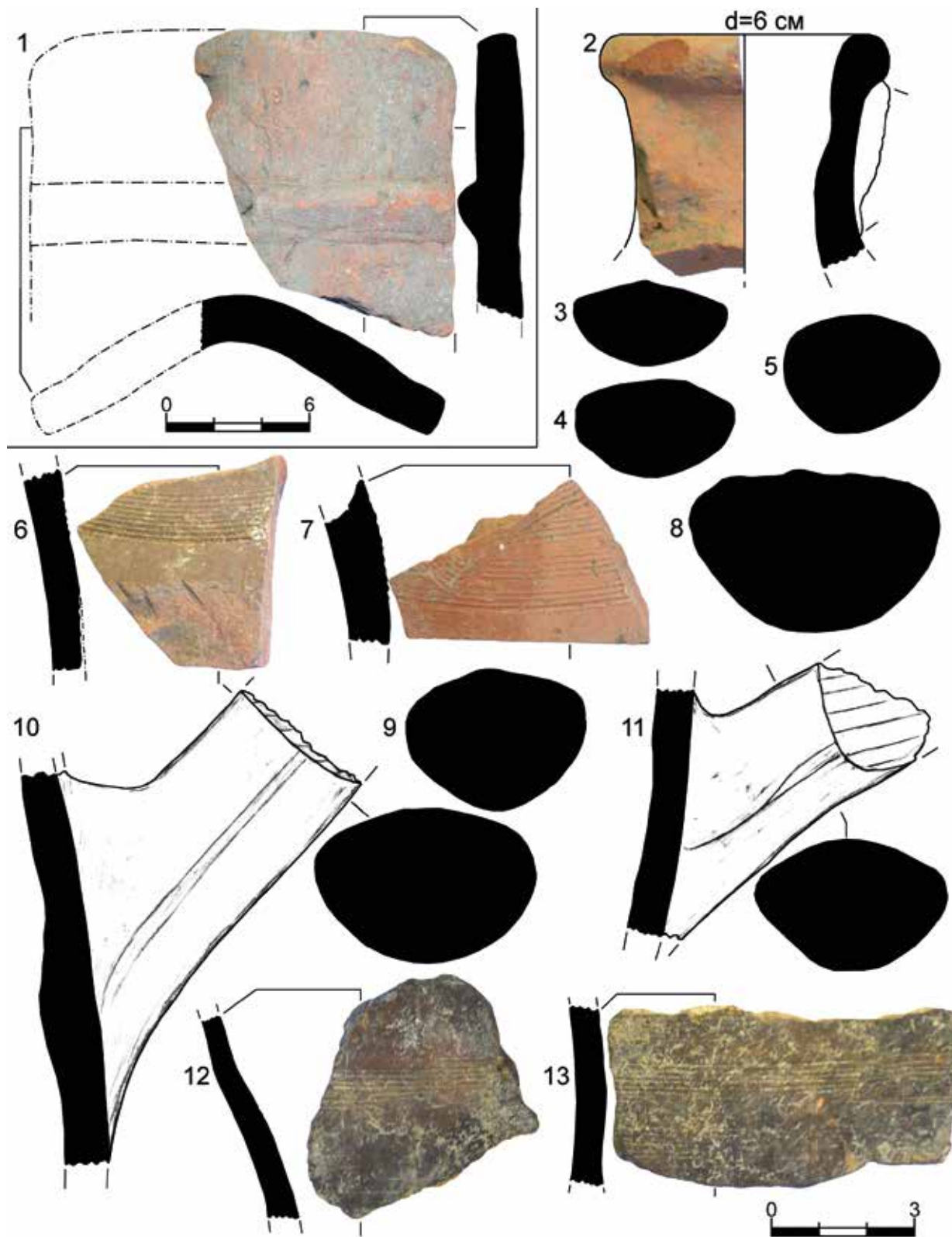

Рис. 187. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. Строительный комплекс №5 (СК-5). 7-й слой: 1 – к.о.260, 2-7 – к.о.261; 7-11 – к.о.262; 12-13 – к.о.263. Изделия из глины (1-13) [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 73-76]

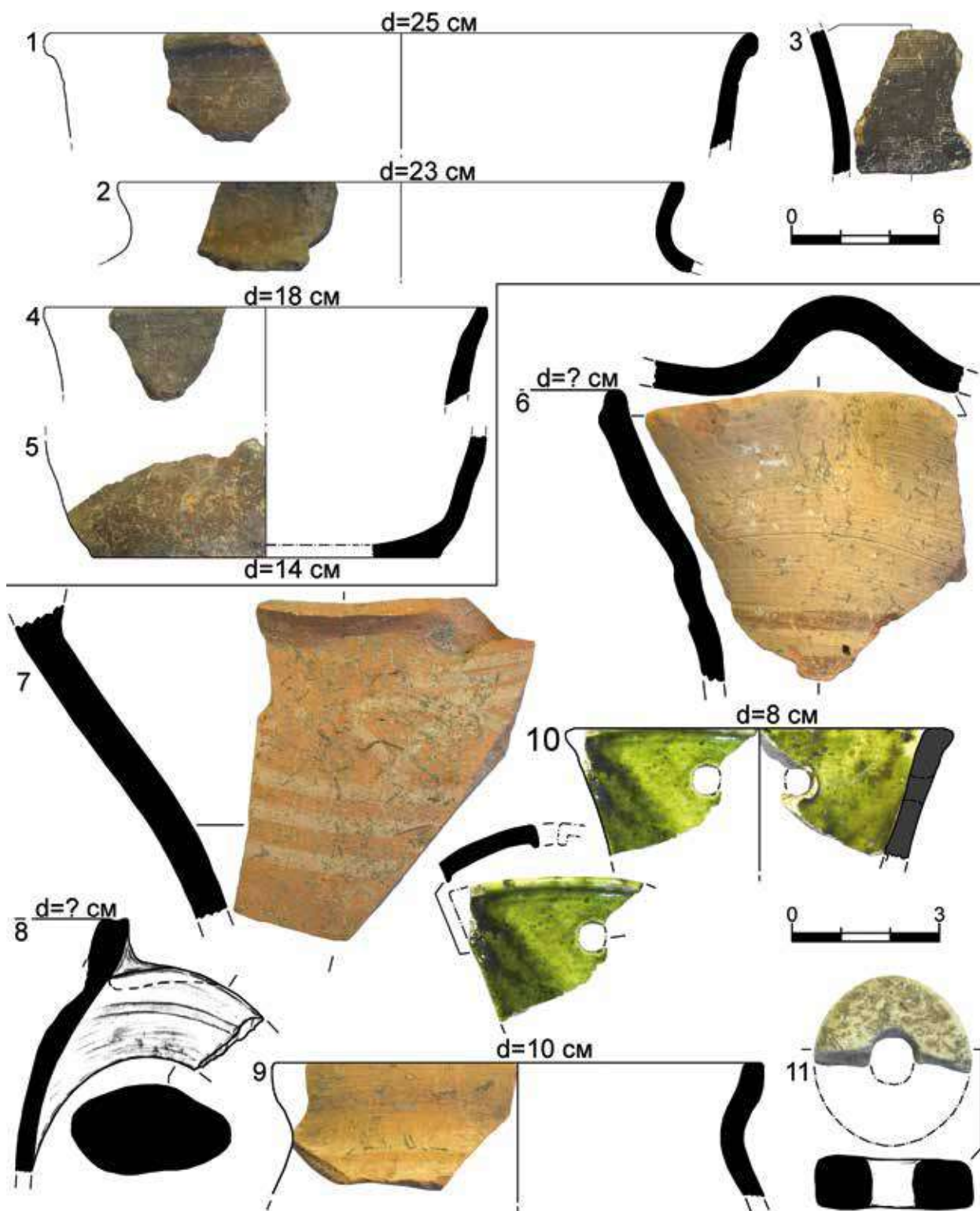

Рис. 188. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. Строительный комплекс №5 (СК-5). 7-й слой: 1-3 – к.о.263, 4-5 – к.о.264; 6-8 – к.о.265; 9 – к.о.266; 10 – к.о.267; 11 – к.о.268. Изделия из глины (1-11) [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 73-76]

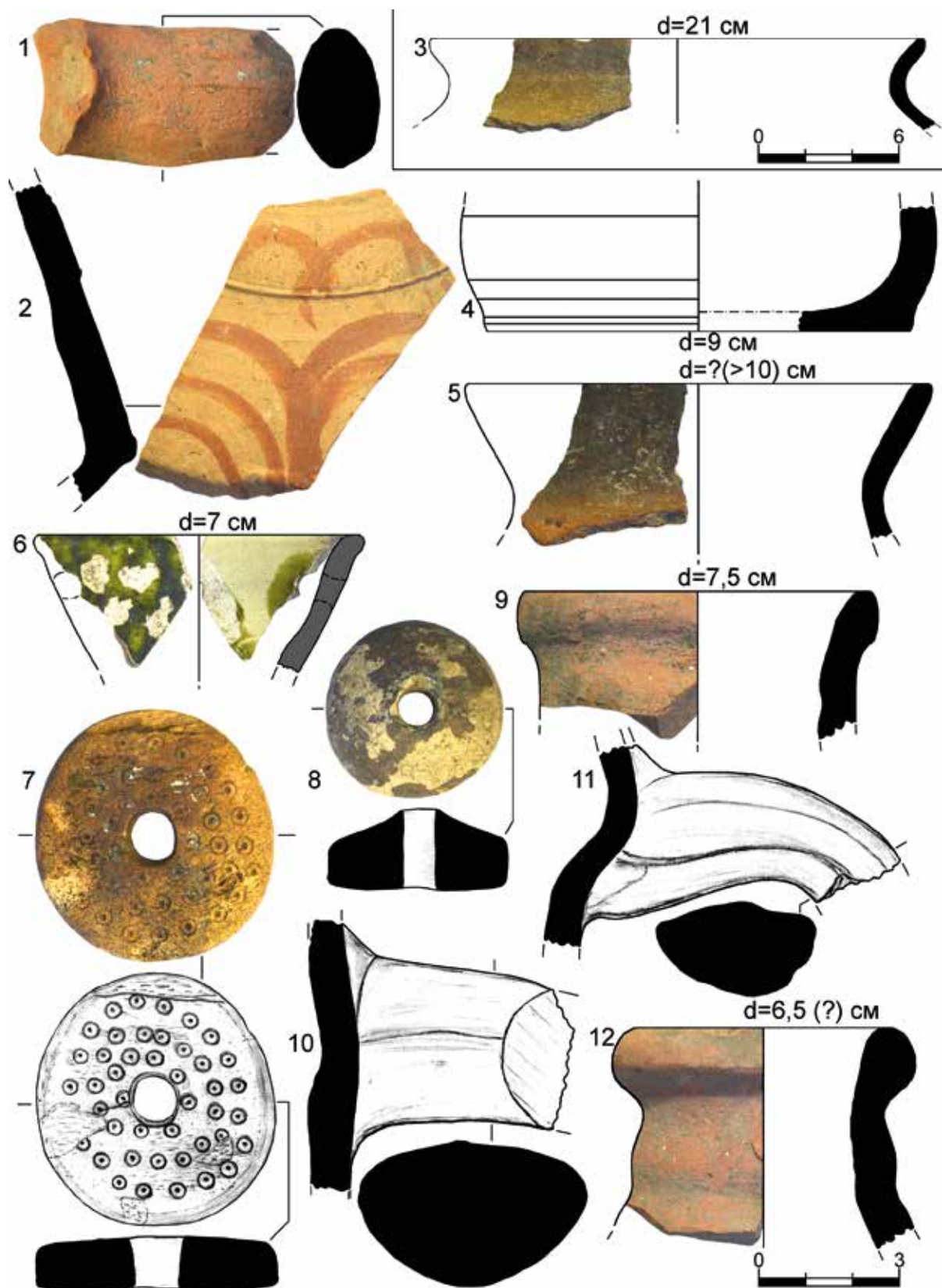

Рис. 189. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. Строительный комплекс №5 (СК-5). Пятно гари на 8-м слое: 1 – к.о.270, 2 – к.о.271; 3–4 – к.о.272; 5 – к.о.273; 6 – к.о.274; 7 – к.о.275; 8 – к.о.276. 8-й слой. 9–11 – к.о.277; 12 – к.о.278. Изделия из глины (1–6, 8–12), кости (7) [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 77]

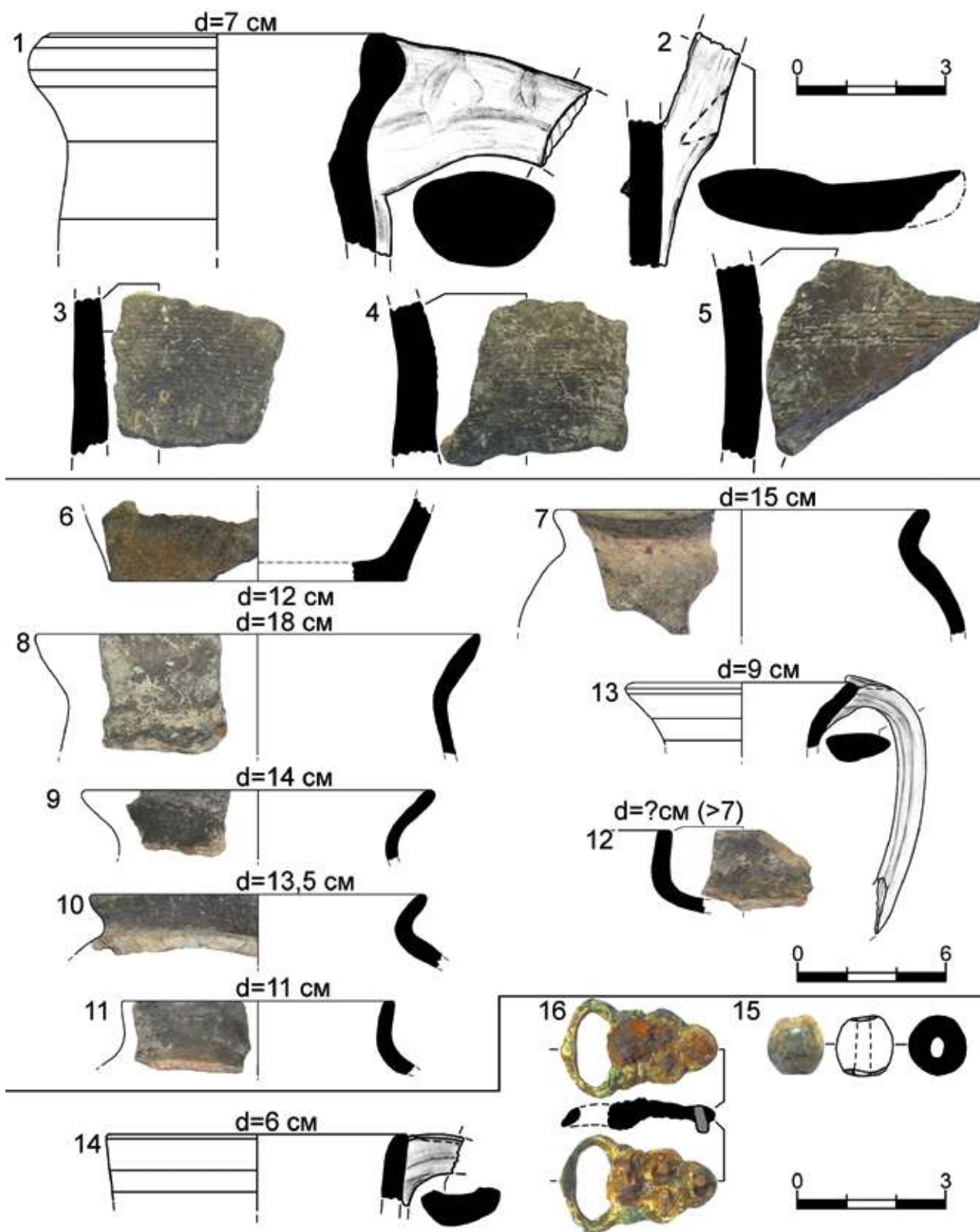

Рис. 190. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. Строительный комплекс №5 (СК-5). 8-й слой: 1 – к.о.278; 2 – к.о.279; 3–12 – к.о.280; 13–14 – к.о.281; 15 – к.о.282; 16 – к.о.283. Изделия из глины (1–14), стекла (15), бронзы (16) [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 78-79]

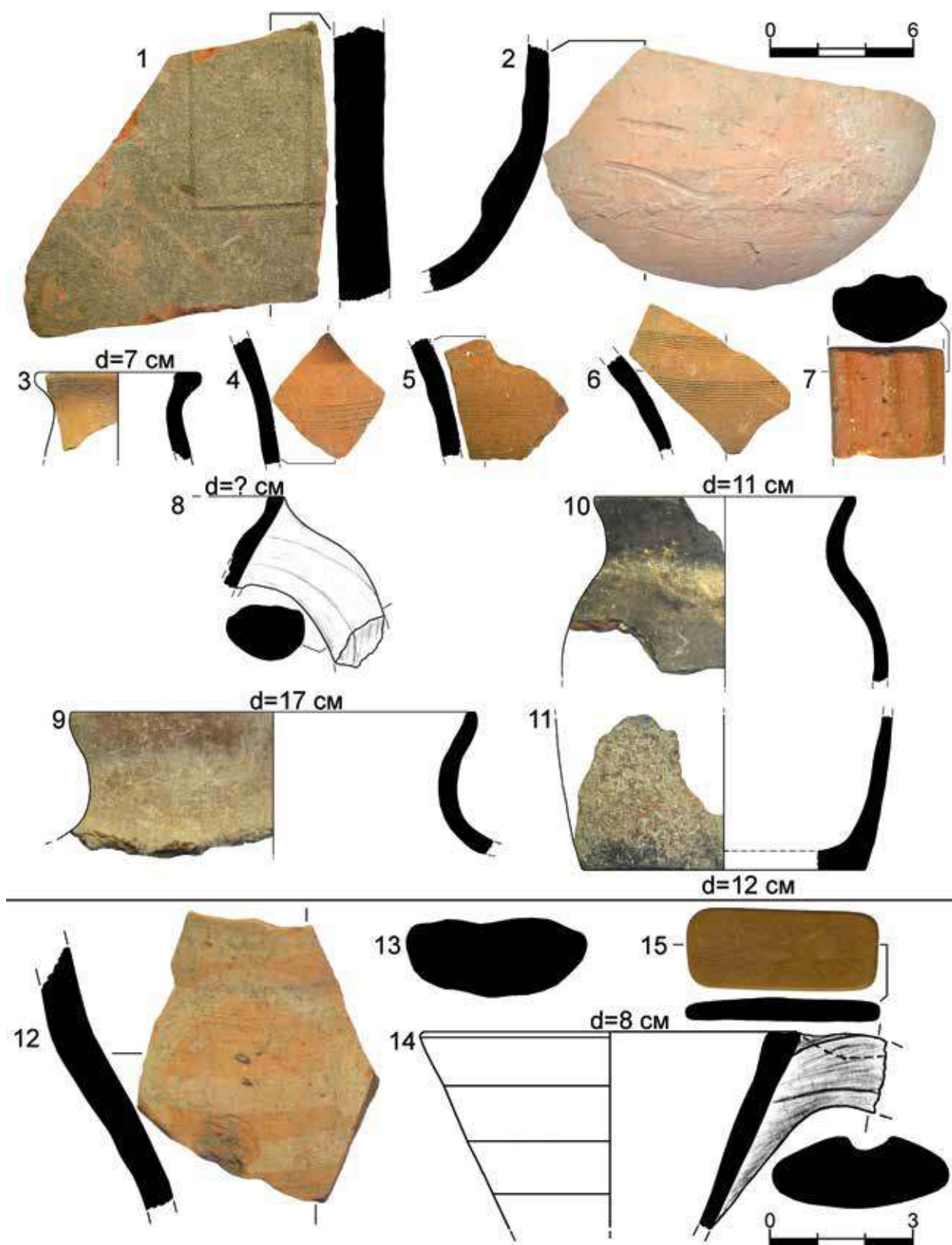

Рис. 191. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Квадрат №42. Строительный комплекс №5 (СК-5). 8-й слой снаружи постройки: 1 – к.о.284; 2–8 – к.о.285; 9–11 – к.о.286; 12–13 – к.о.287; 14 – к.о.288; 15 – к.о.289. Изделия из глины (1–14), полевого шпата (15) [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 80-82]

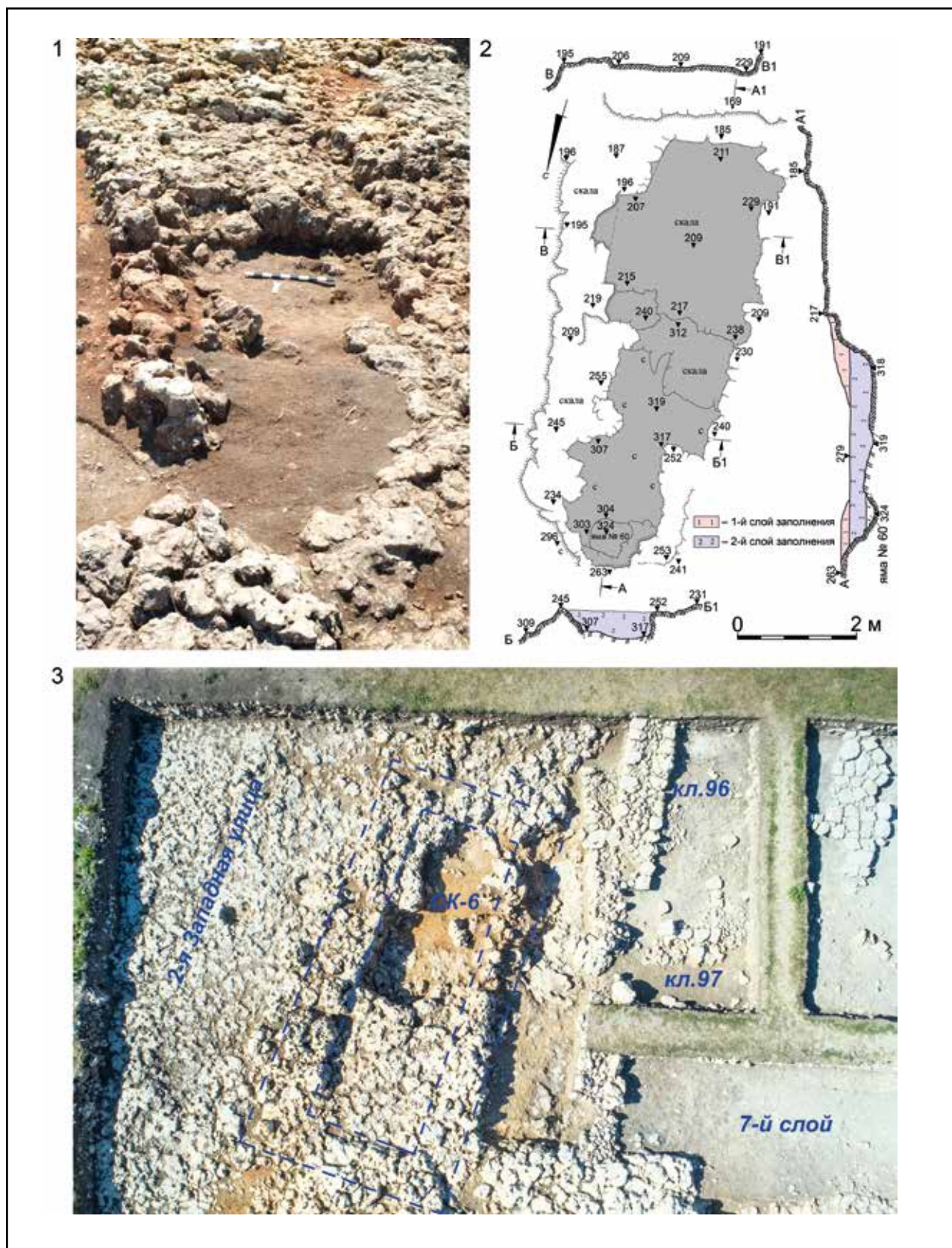

Рис. 192. Дворец. Археологические комплексы фемного периода.
 Раскопки 2018 г. Западный участок. Квадраты №№ 32 и 36. Строительный комплекс №6 (СК-6):
 1 – по уровню заполнения, вид с севера; 2 – план и стратиграфические разрезы;
 3 – после выборки заполнения, общий вид с юго-востока, аэрофото
 [по: Герцен. Отчет, 2019, рис. 102; 105-106]

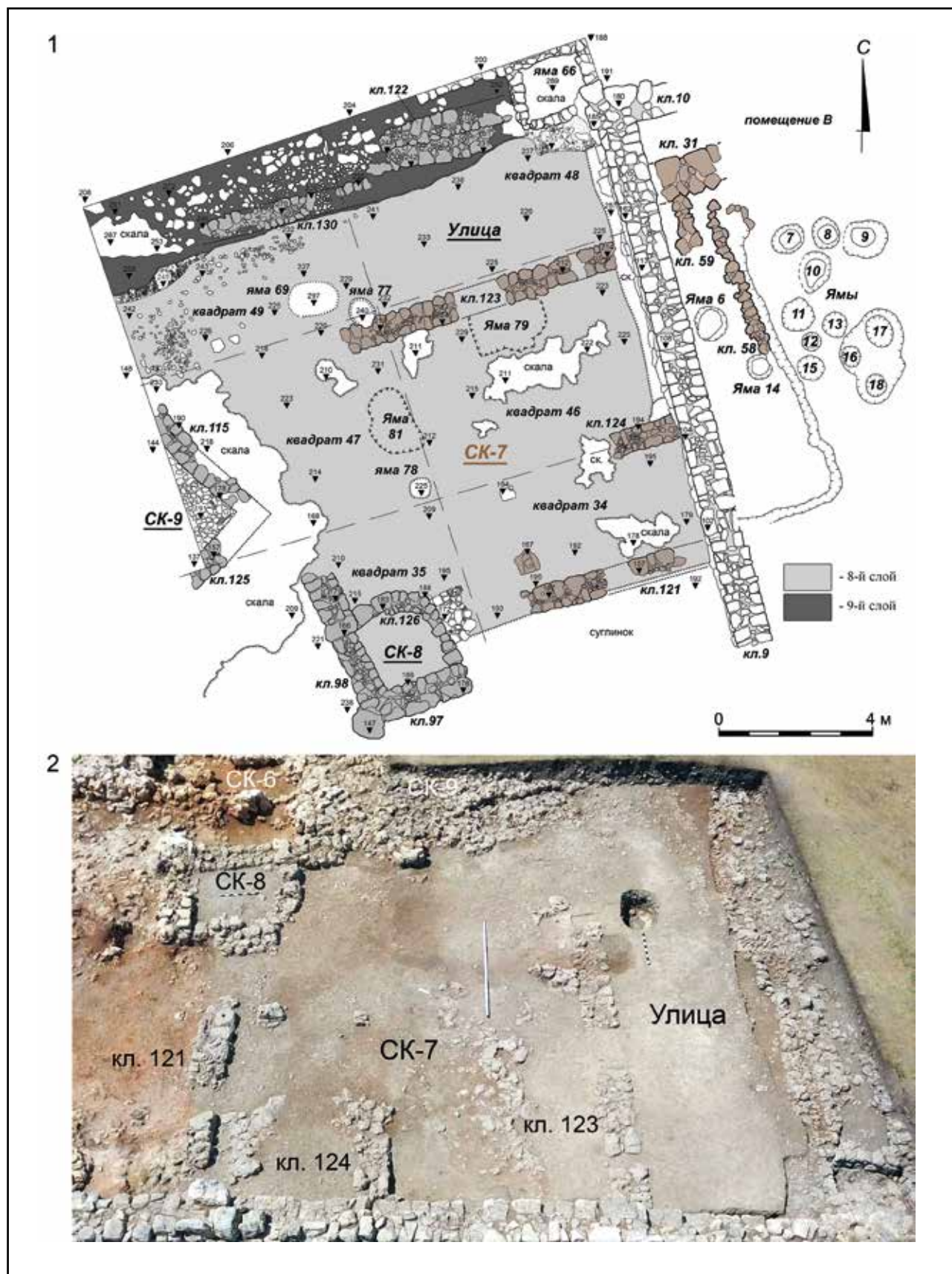

Рис. 193. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2007 и 2021 гг. Центральный и Западный участки. Строительный комплекс №7 (СК-7):
 1 – общий план; 2 – западная часть СК-7 в квадратах №№34 и 46 по уровню 8-го слоя, общий вид с востока, аэрофото [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 34]

Рис. 194. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2007 г. Центральный участок. Строительный комплекс №7 (СК-7): 1 – по уровню 7-го слоя, вид с юго-востока; 2 – по уровню 7-го слоя, вид с севера; 3 – по завершении работ, вид с севера [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 29; 34]

1

2

Рис. 195. Дворец. Археологические комплексы фемного периода.
 Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадрат №35. Строительный комплекс №8 (СК-8):
 1 – по уровню заполнения, общий вид с востока; 2 – после выборки заполнения,
 общий вид с юго-запада, сверху [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 123; 126]

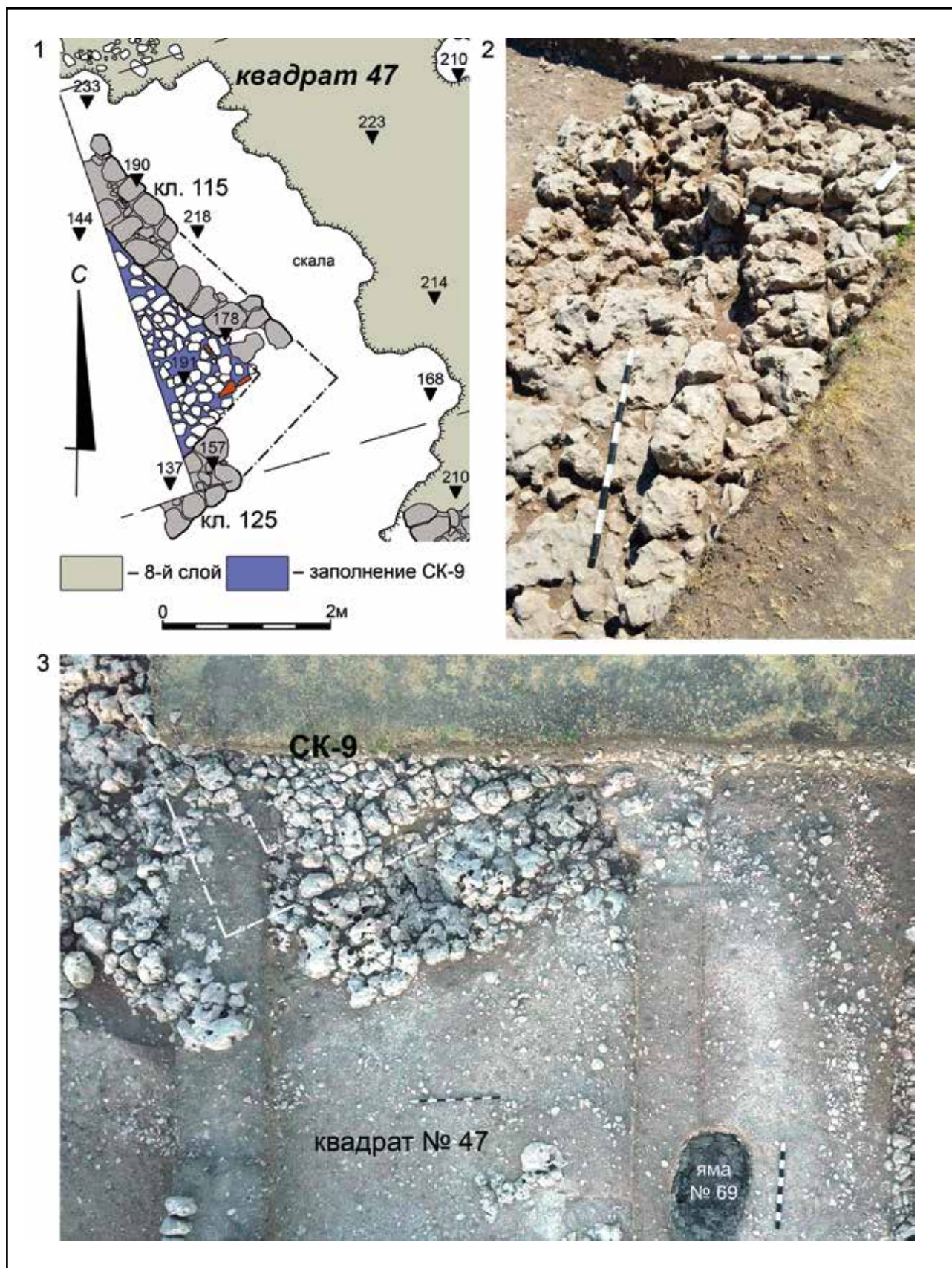

Рис. 196. Дворец. Археологические комплексы фемного периода.
 Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадрат №47. Строительный комплекс №9 (СК-9):
 1 – общий план; 2 – кладка №115, западная стена постройки, вид с северо-запада;
 3 – общий вид с востока, сверху, аэрофото [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 70; 135-136]

1

2

Рис. 197. Дворец. Археологические комплексы фемного периода. Раскопки 2020 г.
Северный участок. Квадрат №38. Скальная виноградодавильня МКВ-15:
1 – общий вид с запада после выборки заполнения; 2 – суслоприемник, вид с севера,
после выборки заполнения [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 172; 176]

Рис. 198. Дворец. Моливдовулы и наиболее показательные типы монет из культурного слоя и археологических комплексов фемного периода:
 1-10 – медные монеты [по: Науменко, Якушечкин, 2022, с. 181-182, рис. 3];
 11 – свинцовая печать Григория, императорского спафария и архонта Херсона (первая половина IX в.) [по: Алексеенко, 2017, с. 256, I.1.20.1; МК-2009, Дворец, Южный участок, подъемный материал, к.о.825];
 12 – византийская свинцовая печать [МК-2006, Дворец, Центральный участок, помещение I, слой отвалов, к.о.394]

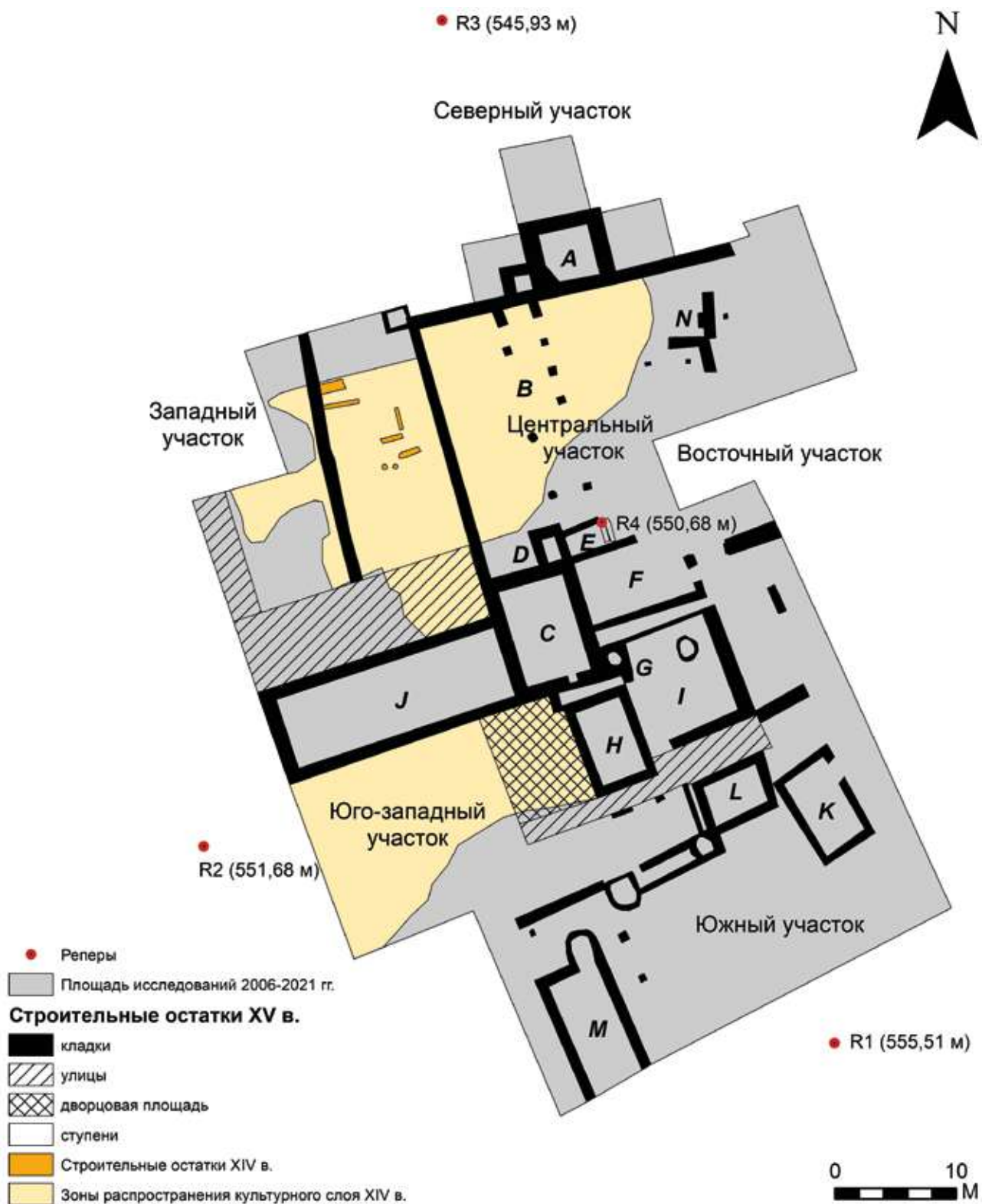

Рис. 199. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг. Общий план-схема архитектурного комплекса 1425-1475 гг. и строительного яруса золотоордынского периода

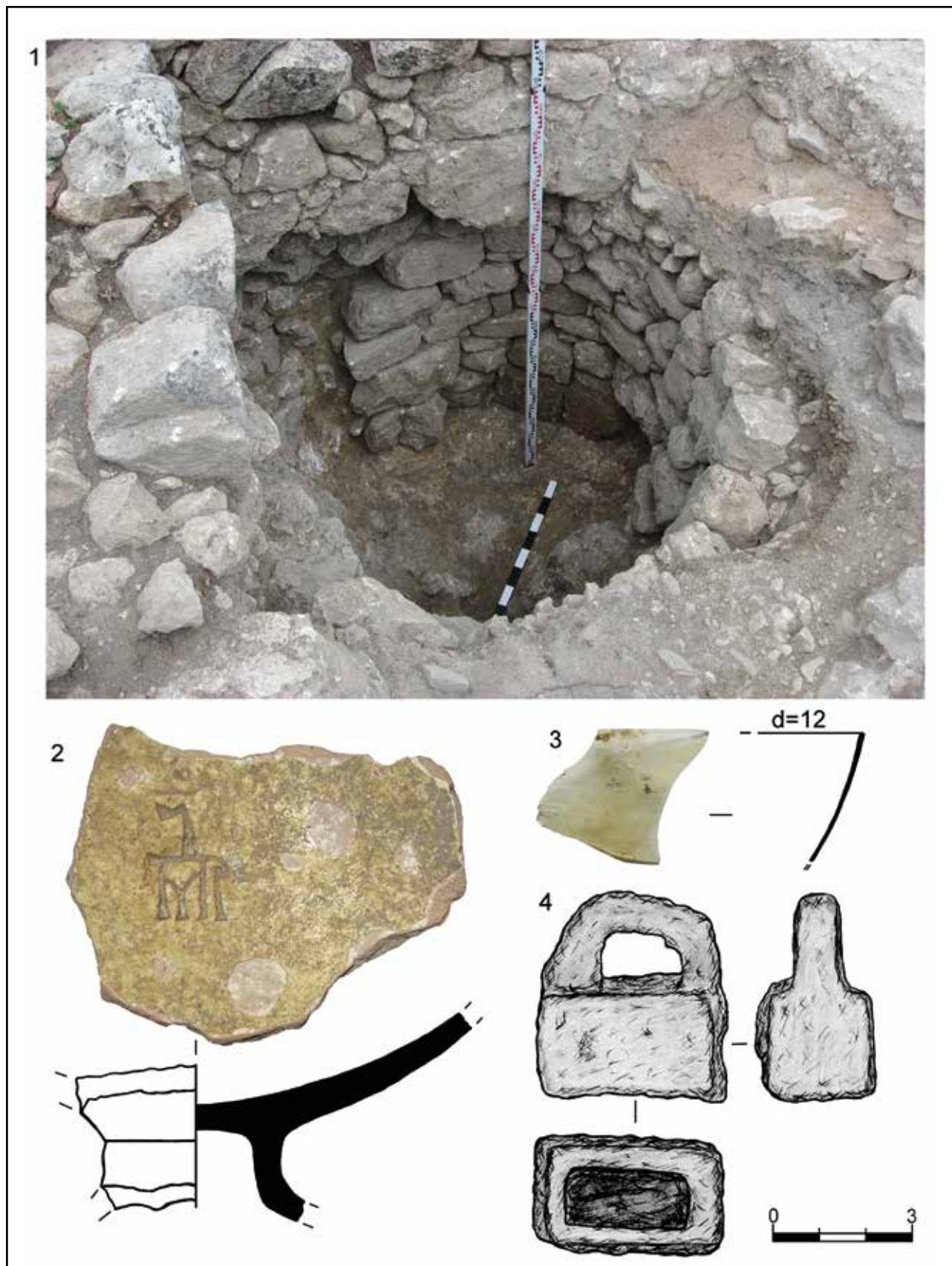

Рис. 200. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №13. Помещение Н. Яма №34. Заполнение. 2-й слой:
1 – общий вид с юго-запада после выборки заполнения; 2 – находки: к.о.511; 3 – к.о.512;
4 – к.о.513. Изделия из керамики (2), стекла (3), железа (4) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 17; 87]

1

2

Рис. 201. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
 Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадрат №16-19. Яма №46:
 1 – общий вид с юга до выборки заполнения; 2 – общий вид с востока
 после выборки заполнения [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 45; 47]

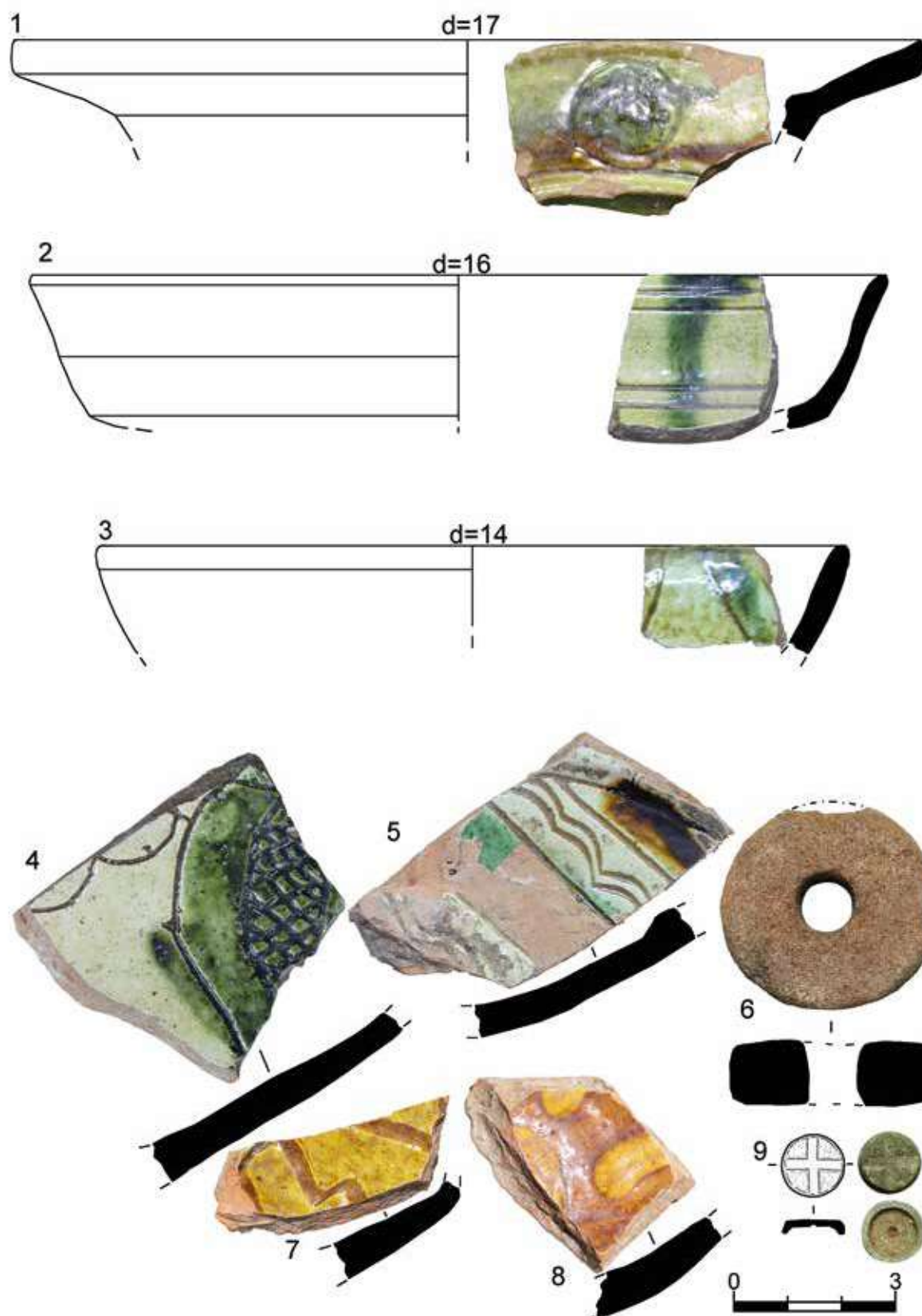

Рис. 202. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
 Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадрат №16-19. Яма №46. Заполнение.
 1-й слой: 1 – к.о.383; 2-5 – к.о.384; 6 – к.о.387; 7 – к.о.385; 8 – к.о.386; 9 – к.о.388.
 Изделия из керамики (1-8) и меди (9) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 140]

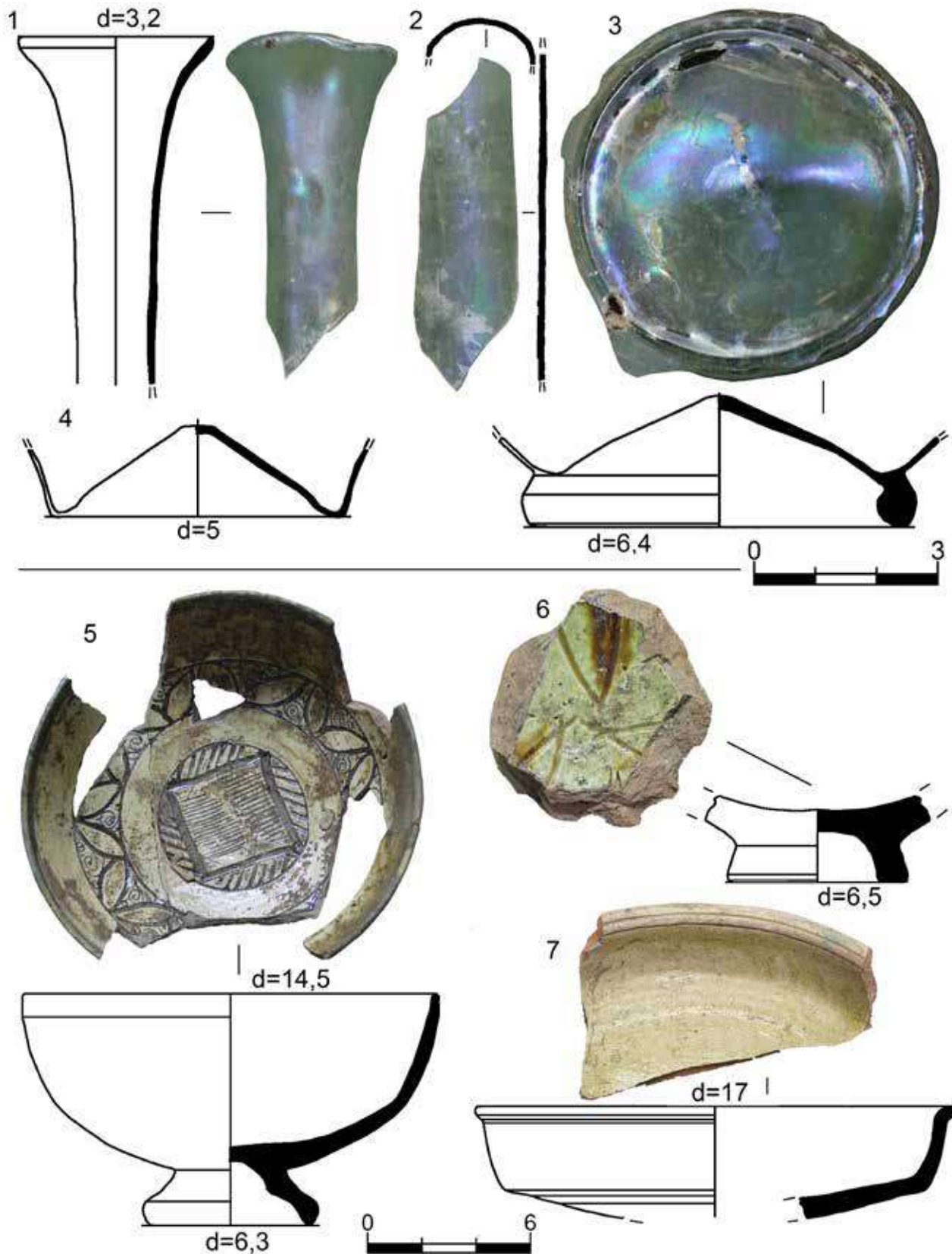

Рис. 203. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадрат №16-19. Яма №46. Заполнение. 2-й слой: 1 – к.о.393; 2-4 – к.о.394; 5 – к.о.392; 6 – к.о.391; 7 – к.о.390. Изделия из стекла (1-4), керамики (5-7) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 141-142]

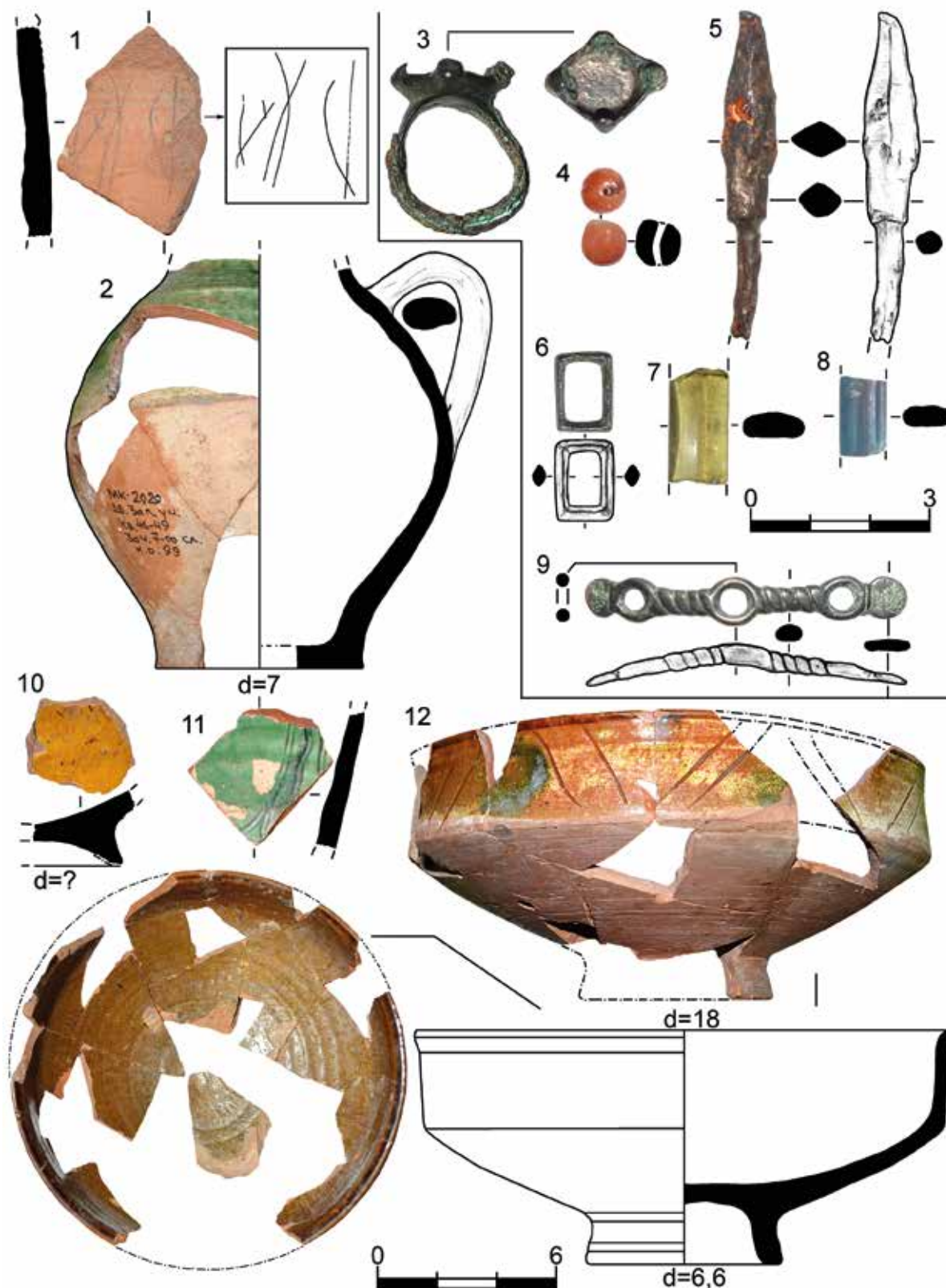

Рис. 204. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадрат №46-49. Зачистка 7-го слоя после снятия контрольных бровок: 1 – к.о.98; 2 – к.о.99; 3 – к.о.100. Квадрат 34. 7-й слой: 5 – к.о.124; 10 – к.о.120; 11 – к.о.122; 12 – к.о.119. Квадрат 35. 7-й слой: 4 – к.о.127; 7 – к.о.125; 8 – к.о.126. Квадрат 46. 7-й слой: 6 – к.о.132; 9 – к.о.131. Изделия из керамики (1-2, 10-12), бронзы (3, 6, 9), железа (5), стекла (7-8), сердолика (4) [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 53-54]

Рис. 205. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадрат №34. 7-й слой: 1 – к.о.121; 3 – к.о.123. Квадрат 46. 7-й слой: 2, 4 – к.о.130; 5 – к.о.133; 9 – к.о.140. Квадрат 47. 7-й слой: 6 – к.о.134; 10 – к.о.135; 11 – к.о.136; 14 – к.о.137; 15 – к.о.138; Бровка между квадратами №№30-31 и 34. 7-й слой: 7 – к.о.143; 8 – к.о.141; 12 – к.о.142; 13 – к.о.144. Изделия из керамики (1-2, 4, 6-8, 10-12, 14), селадона (3), железа (5), бронзы (9, 15), свинца (13) [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 55-56]

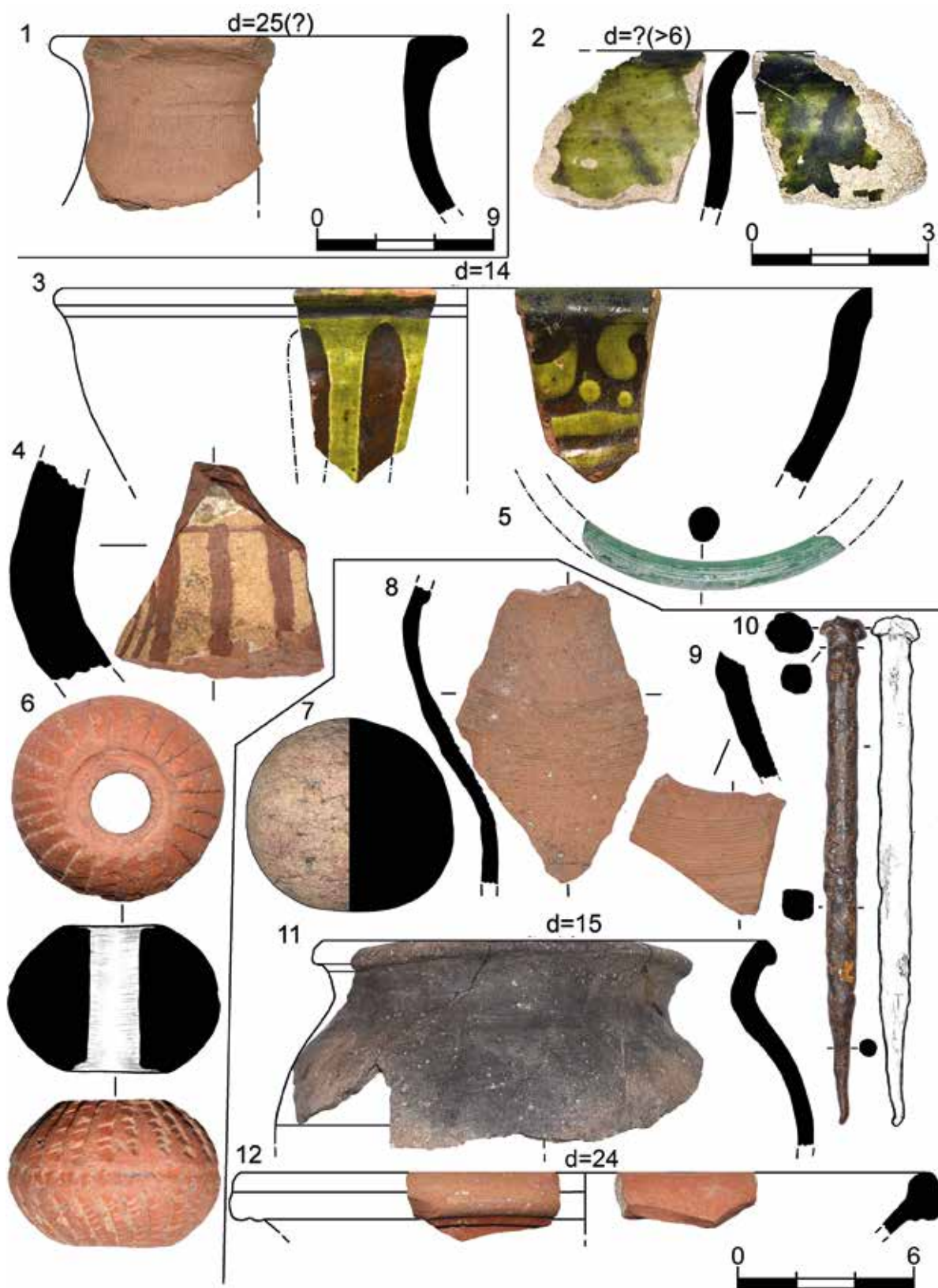

Рис. 206. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
 Раскопки 2020 г. Западный участок. Бровка между квадратами №№30-31 и 34. 7-й слой:
 1 – к.о.142; 2 – к.о.147; 3 – к.о.148; 4 – к.о.146. Бровка между квадратами №№34 и 35. 7-й слой:
 5 – к.о.152; 6 – к.о.151; 7 – к.о.150. Квадрат №35. 7-й слой к югу от квадрата 98: 8-9 – к.о.156.
 Бровка между квадратами №№34 и 46. 7-й слой: 10 – к.о.197; 11 – к.о.147; 12 – к.о.158.
 Изделия из керамики (1-4, 6, 8-9, 11-12), стекла (5), мраморовидного известняка (7), железа (10)
 [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 57-58]

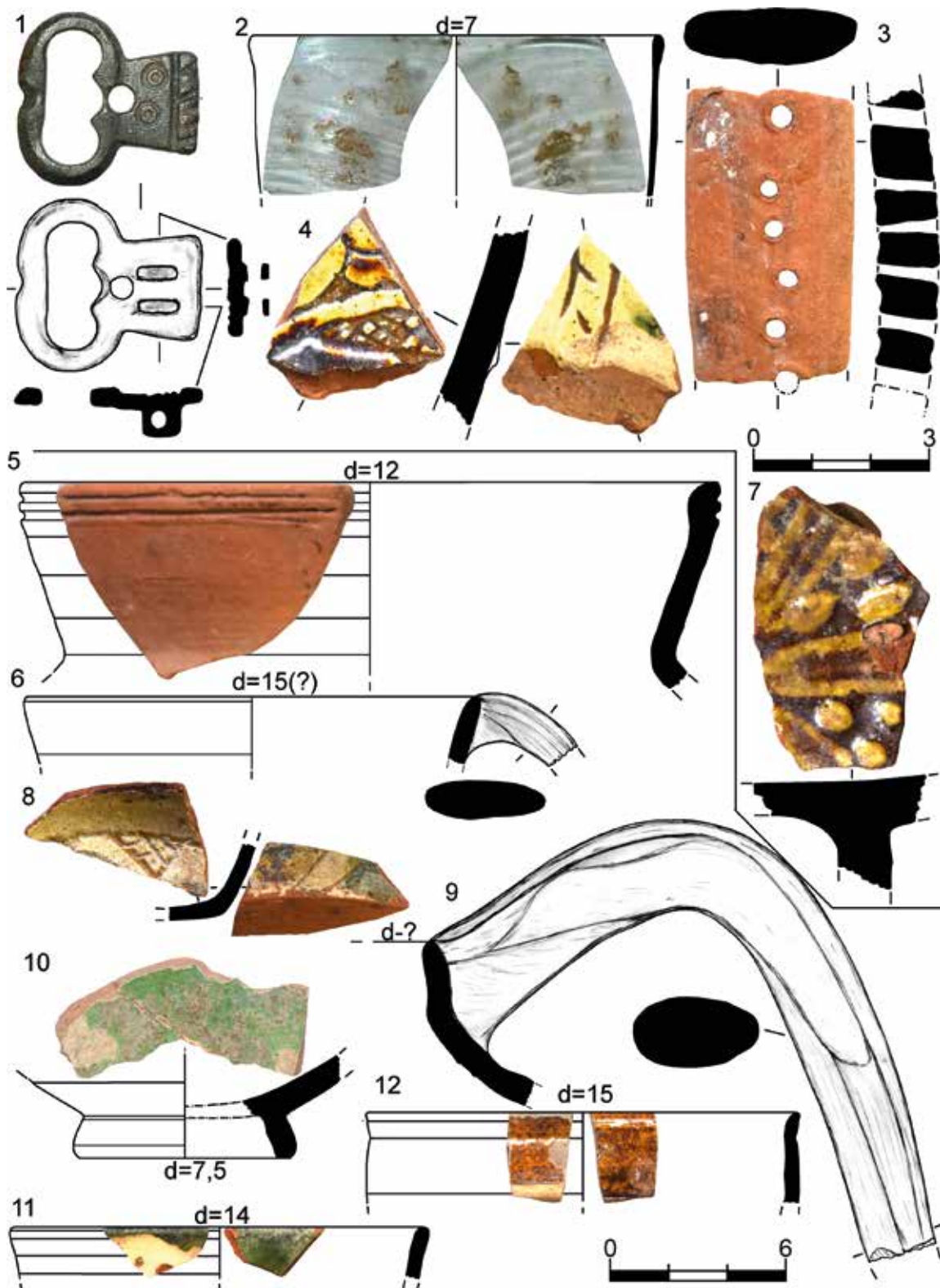

Рис. 207. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2019-2020 гг. Западный участок. Бровка между квадратами №№34 и 35. 7-й слой: 1- к.о.153. Квадрат №35. 7-й слой к югу от кладки №98: 2 – к.о.159. Квадраты №№30-31 и 34-35. Зачистка 7-го слоя: 3 – к.о.96; 4, 8 – к.о.97; 5-6 – к.о.95; 7 – к.о.101; 9 - к.о.94; 10-11 – к.о.99; 12 – к.о.102. Изделия из бронзы (1), стекла (2), керамики (3-12) [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 128-129; 2021, рис. 58]

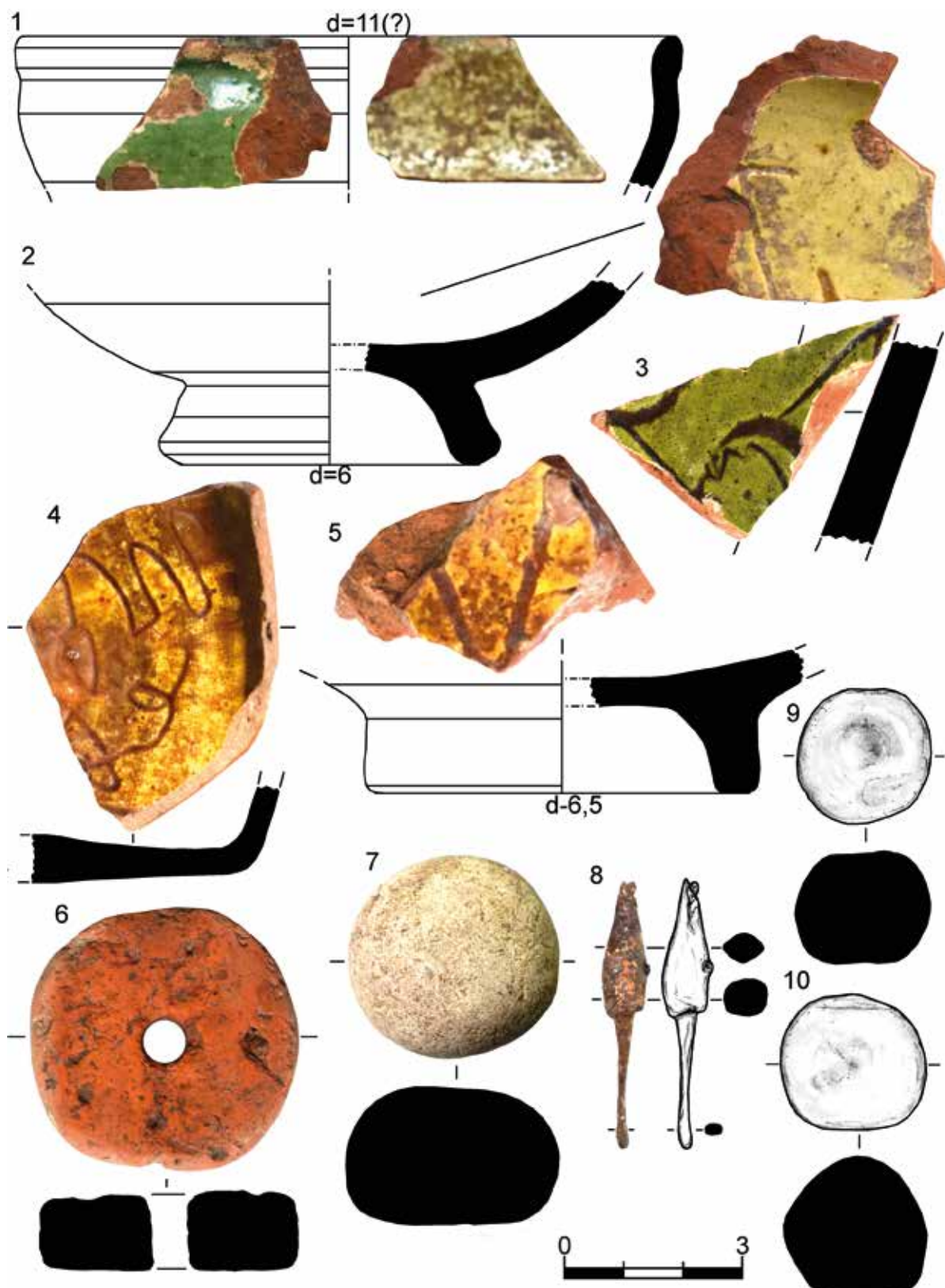

Рис. 208. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадраты №№30-31 и 34-35. Зачистка 7-го слоя:
1-2 – к.о.98; 3 – к.о.100; 4-5 – к.о.102; 6 – к.о.101; 7 – к.о.104; 8 – к.о.106; 9-10 – к.о.105.

Изделия из керамики (1-6), гальки (7), железа (8), известняка (9-10)

[по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 129-130]

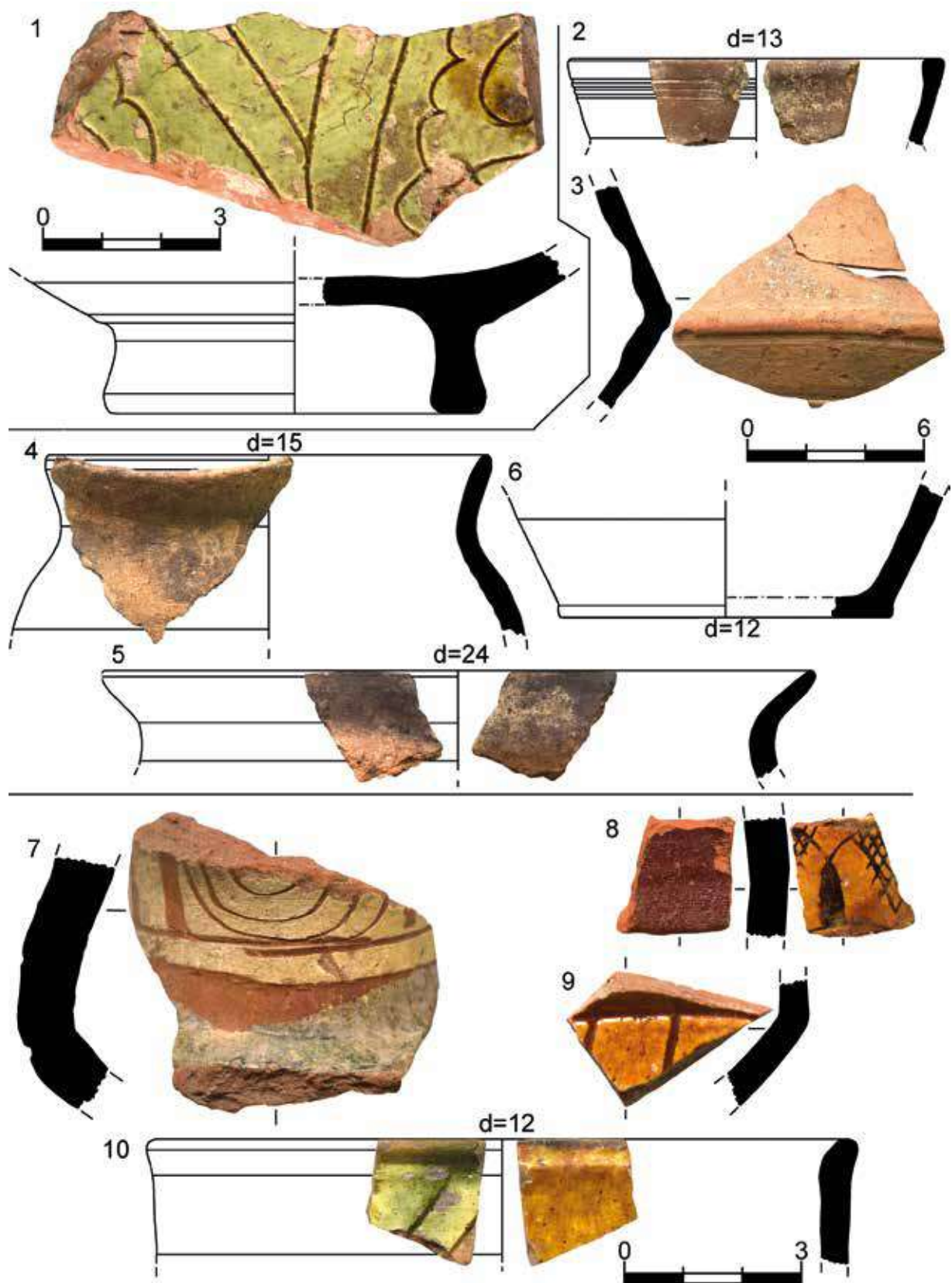

Рис. 209. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадраты №№30-31 и 34-35. Зачистка 7-го слоя: 1 – к.о.417. Квадрат №30-31. 7-й слой: 2, 4 – к.о.399; 3 – к.о.398; 5 – к.о.400; 6 – к.о.401; 7 – к.о.402; 8 – к.о.403; 9 – к.о.405; 10 – к.о.404. Изделия из керамики (1-10) [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 130, 132-133]

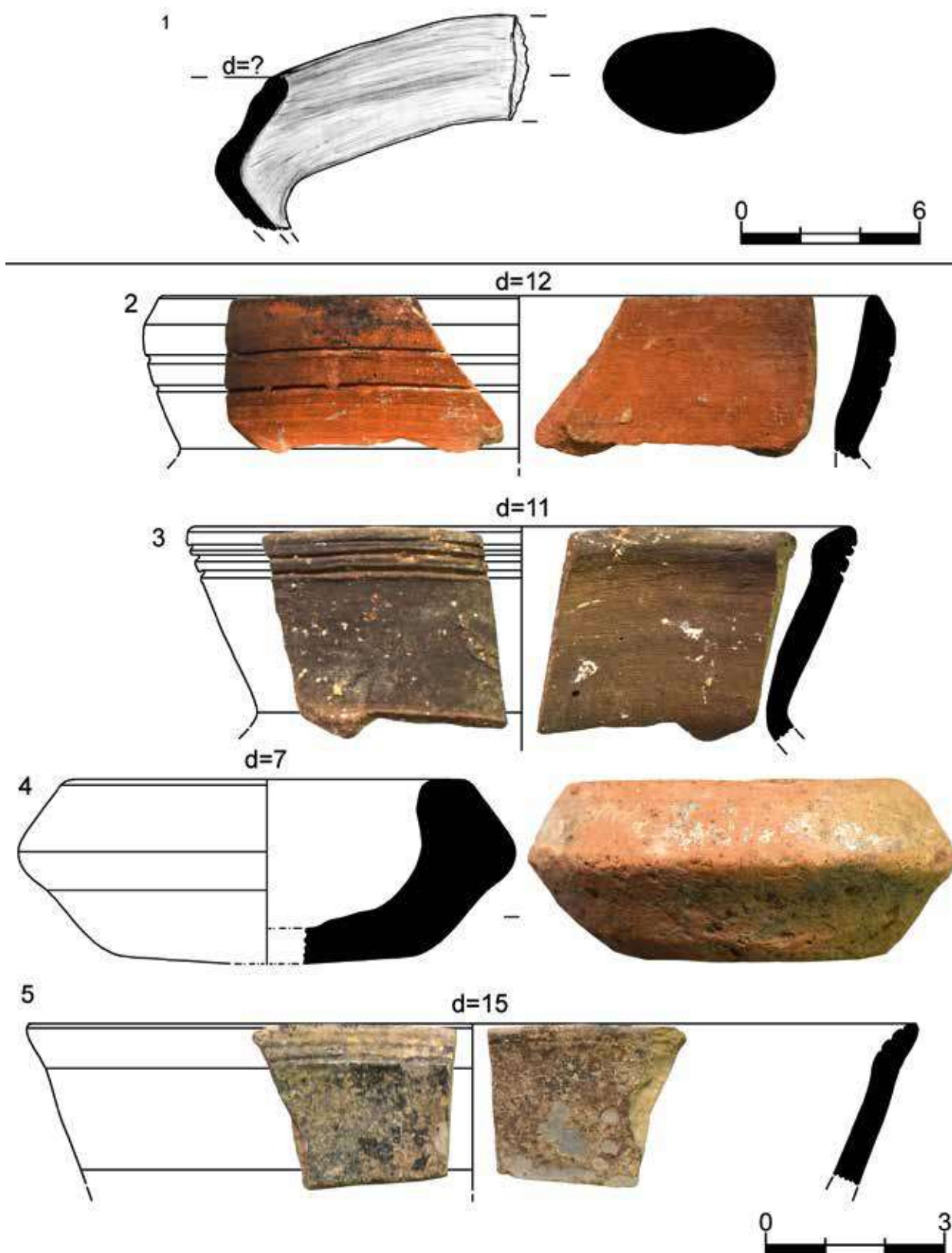

Рис. 210. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
 Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №46. Зачистка 7-го слоя: 1 – к.о.423.
 Квадрат №47. Зачистка 7-го слоя: 2-3 – к.о.357; 4 – к.о.358; 5 – к.о.359.
 Изделия из керамики (1-5) [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 134]

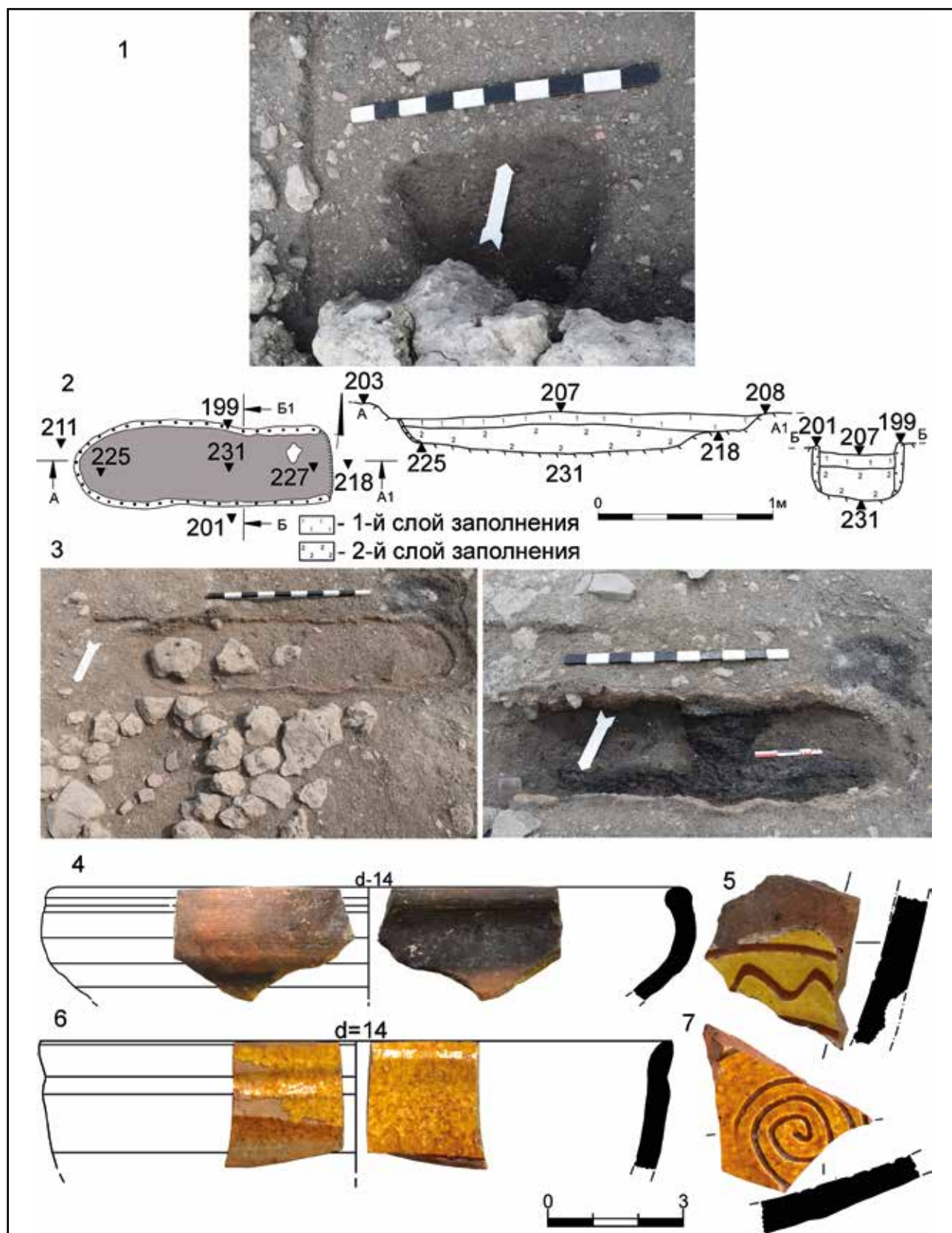

Рис. 211. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
 Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадраты №№31 и 34. Ямы №№64 и 65:
 1 – яма №64, общий вид с юга, сверху; 2-3 – яма №65, план и разрезы,
 вид до и после выборки заполнения с северо-запада, сверху; заполнение ямы №64:
 4 – к.о.349; 5 – к.о.350; заполнение ямы №65: 6-7 – к.о.351. Изделия из керамики (4-7)
 [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 155-157, 160]

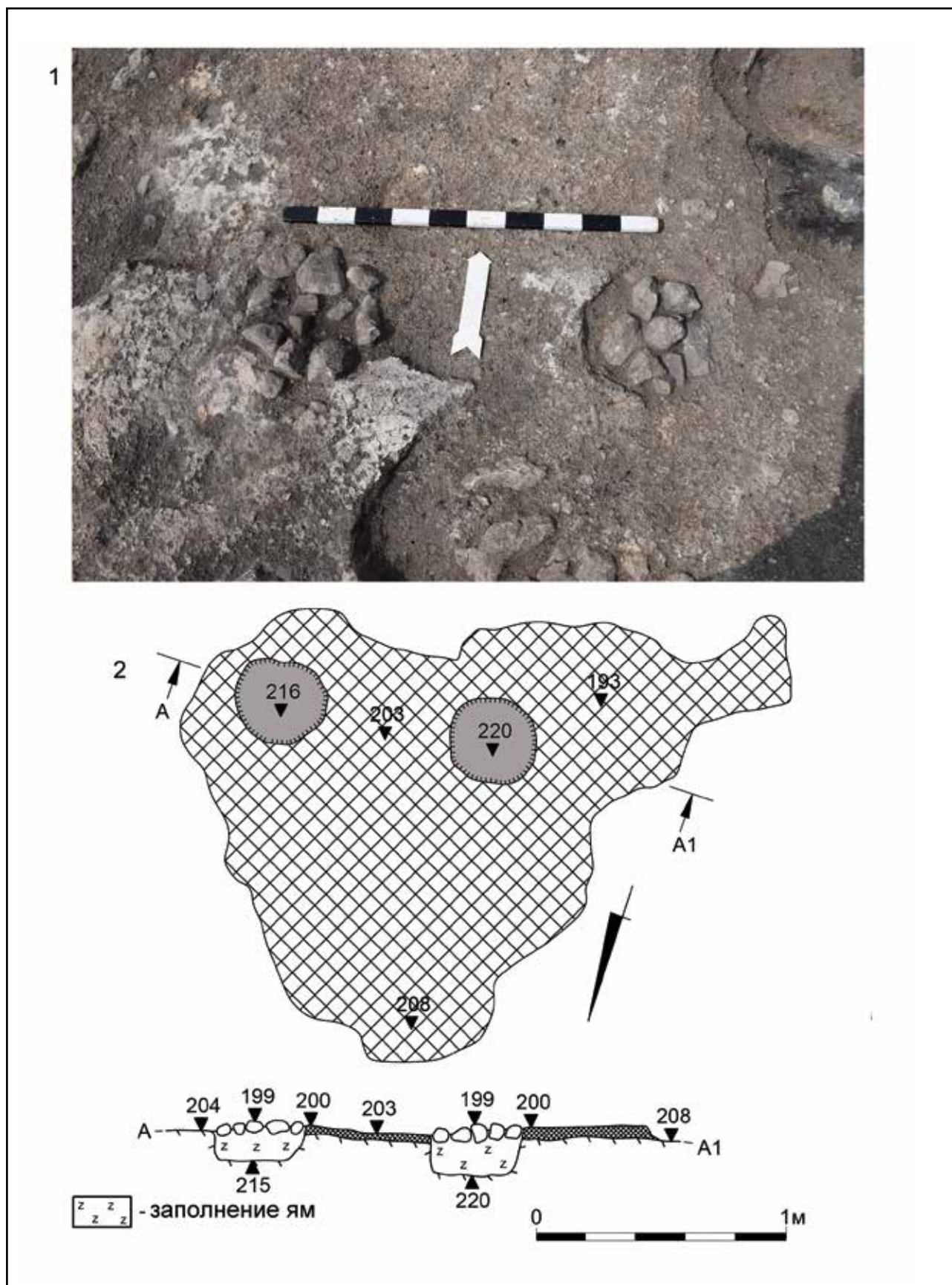

Рис. 212. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №34. Ямы №№67 и 68: 1 – общий вид по уровню заполнения с юга, сверху; 2 – план и стратиграфический разрез [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 178]

Рис. 213. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №34-35. «Слой пожара» на 7-м слое: 1 – общий вид с северо-востока; 2 – локальный участок, вид с юга [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 119-120]

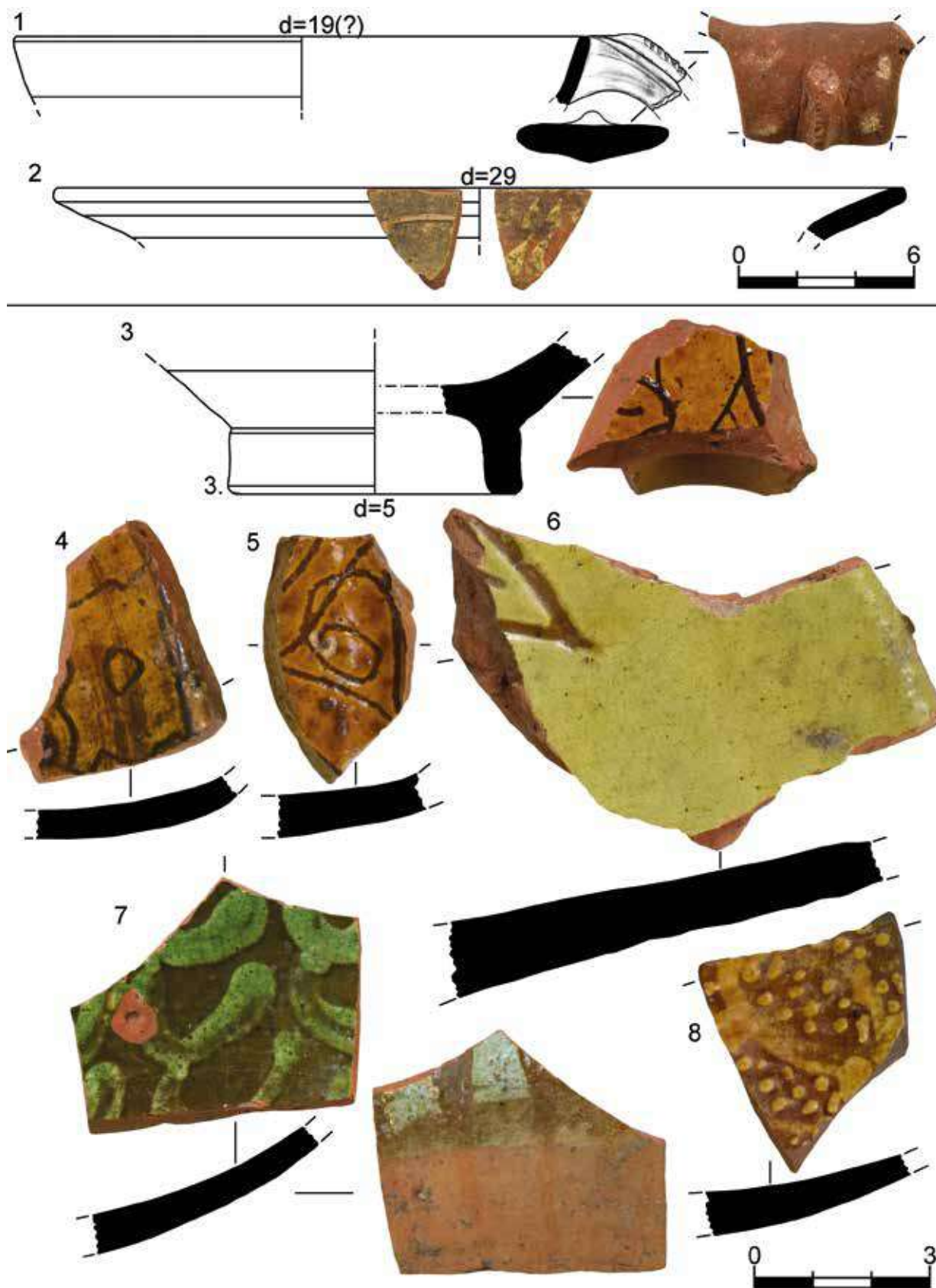

Рис. 214. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
 Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №34-35. «Слой пожара» на 7-м слое:
 1 – к.о.304; 2, 8 – к.о.308; 3-5 – к.о.305; 6 – к.о.306; 7 – к.о.307. Изделия из керамики (1-8)
 [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 127]

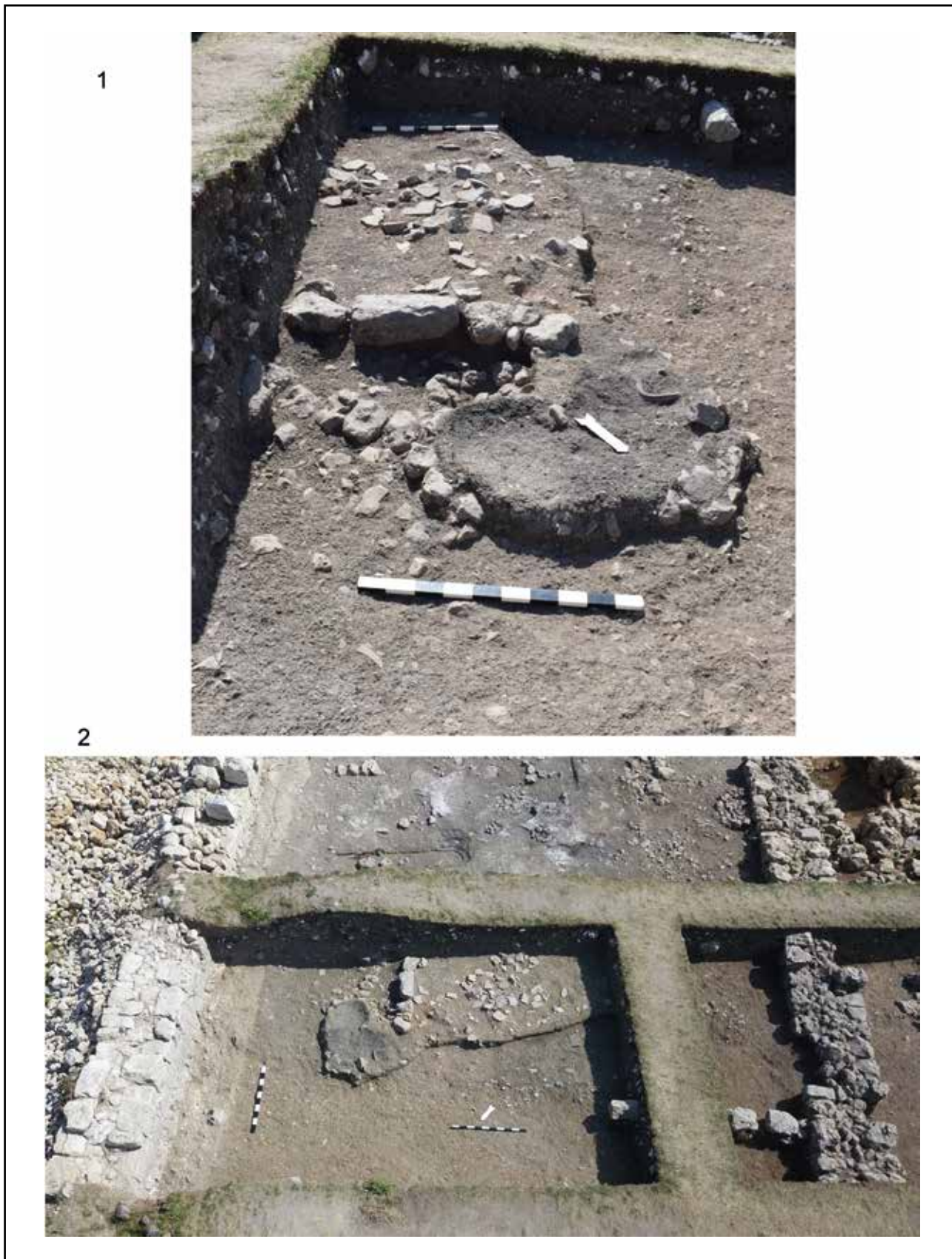

Рис. 215. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №46. Пятно гари и черепичный завал на 7-м слое: 1 – общий вид с северо-востока; 2 – общий вид с севера, аэрофото [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 122-123]

Рис. 216. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2020 г. Западный участок: 1 – бровка между квадратами №№46-47, пятно гари на 7-м слое, вид с юга; 2 – квадрат №34-35, пятна известкового раствора на 7-м слое, общий вид с северо-востока [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 37; 47]

Рис. 217. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадраты №№46 и 47. Постройка (кладки №№118-120). Общий вид с востока, сверху. Аэрофото [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 36]

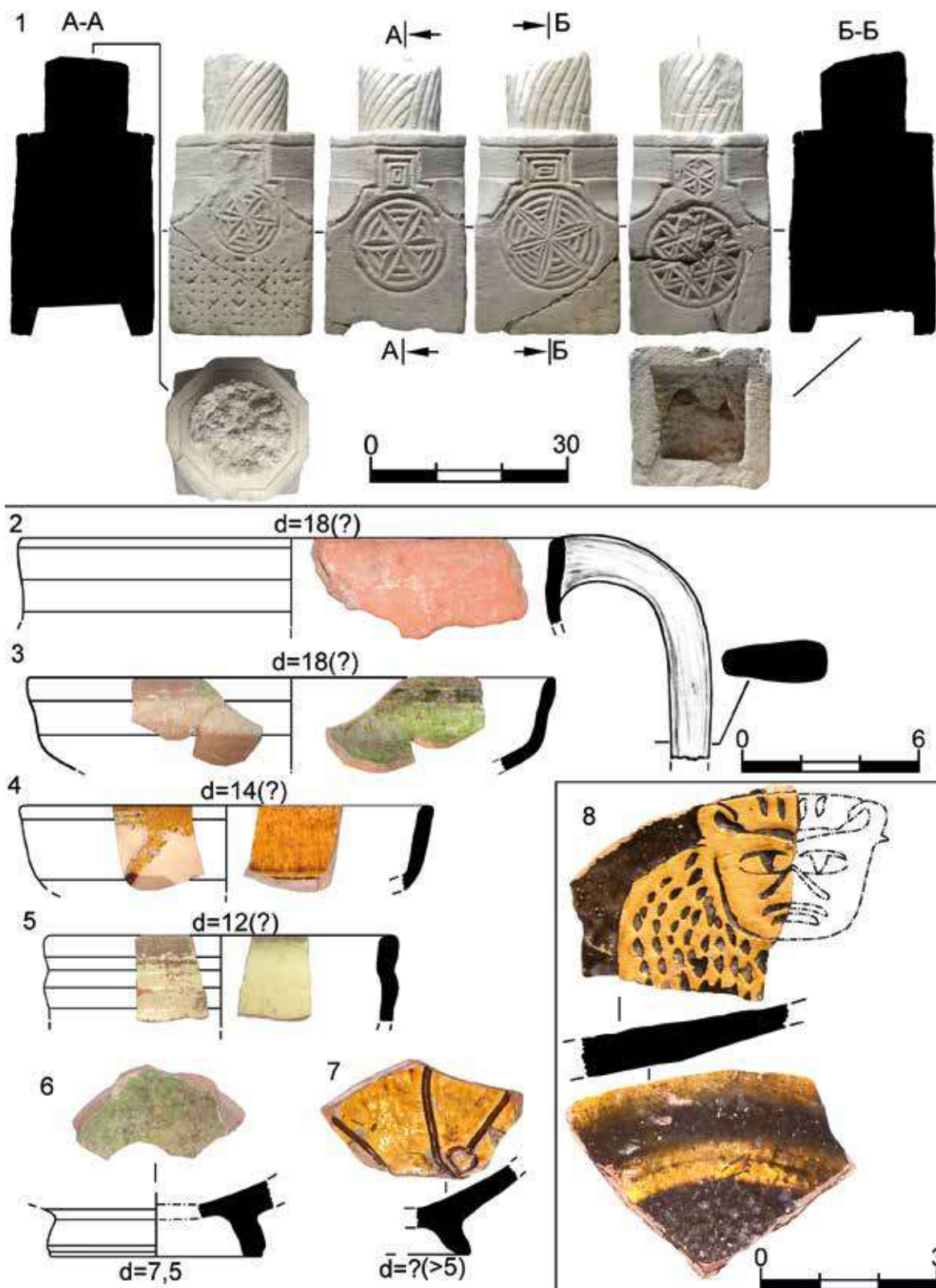

Рис. 218. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
 Раскопки 2020 г. Западный участок. Бровка между квадратами №№46 и 48.
 Материал из кладки №118: 1 – к.о.198 (база колонны (?)). Квадрат №34.
 Материал из пятен известкового раствора на 7-м слое: 2 – к.о.90; 3, 6 – к.о.93; 4, 7 – к.о.91;
 5 – к.о.92. Бровка между квадратами №№34-35 и 46-47. Прослойка гари на 7-м слое:
 8 – к.о.25. Изделия из известняка (1) и керамики (2-8) [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 52; 59]

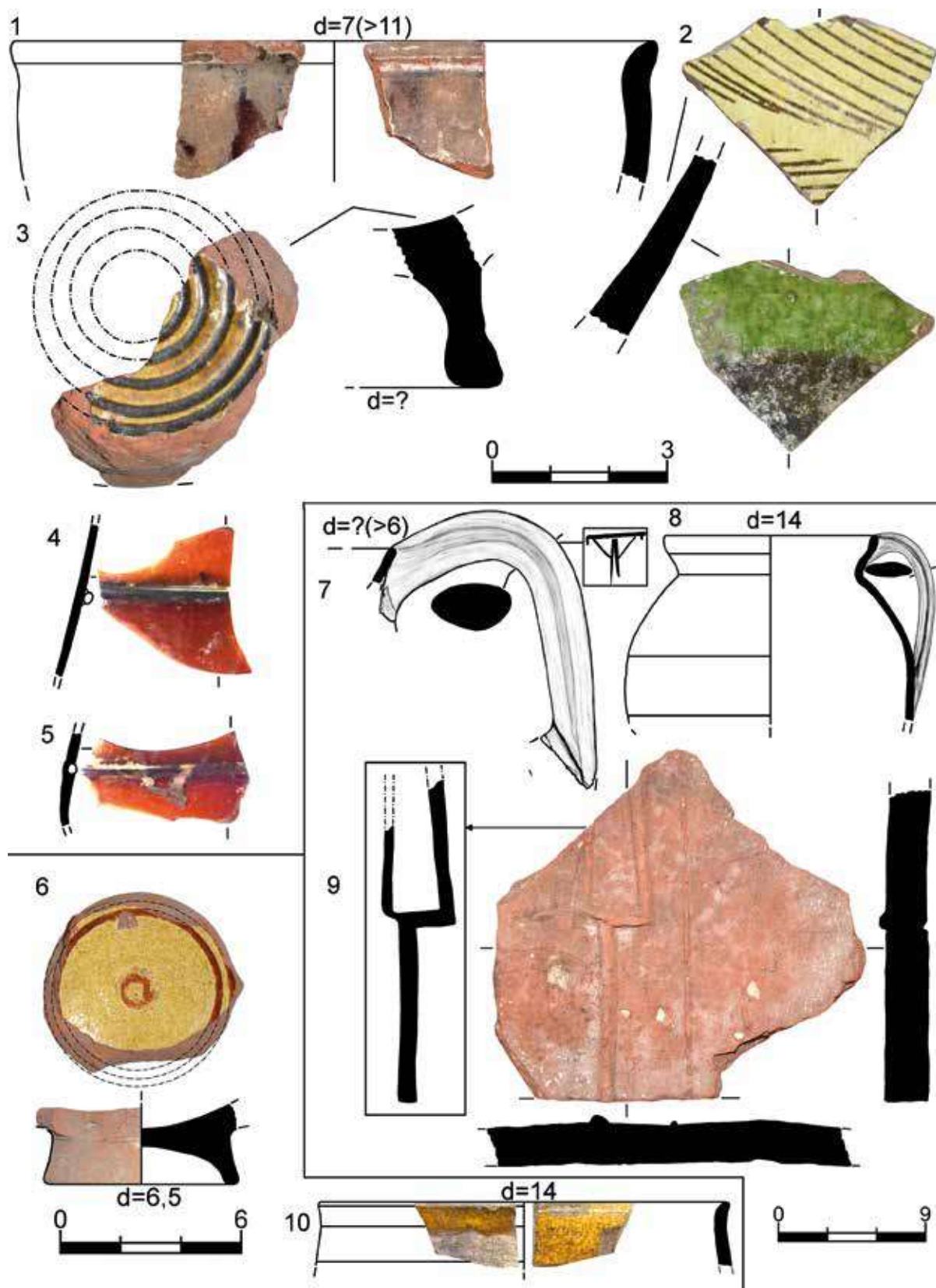

Рис. 219. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №34. Материал из пятен известкового раствора на 7-м слое: 1 – к.о.94; 2 – к.о.95; 3, 6 – к.о.96. Квадрат №46. Пятно гари на 7-м слое: 4-5 – к.о.372; 7 – к.о.364; 8 – к.о.365; 10 – к.о.366. Квадрат №35. Черепично-каменный завал на 7-м слое к востоку от кладки №97: 9 – п.о.1018. Изделия из керамики (1-3, 6-10) и стекла (4-5) [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 60; 135]

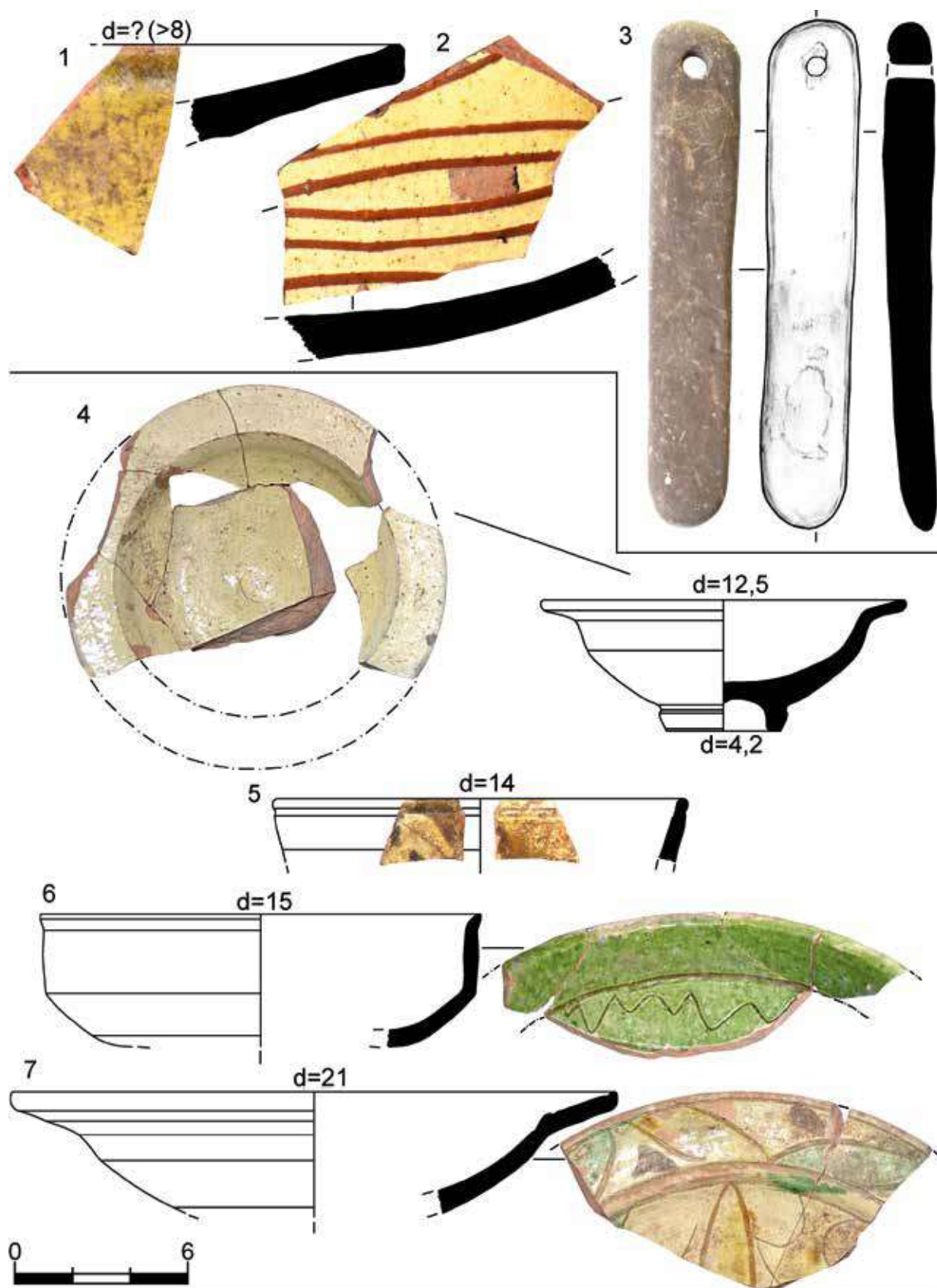

Рис. 220. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
 Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №46. Пятно гари на 7-м слое: 1 – к.о.368;,
 2 – к.о.369; 3 – к.о.371; 4 – к.о.367. Квадрат №46. Черепичный завал на 7-м слое: 5 – к.о.374;
 6 – к.о.370/375; 7 – к.о. 373. Изделия из керамики (1-2, 4-7) и полевого шпата (3)
 [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 135-136]

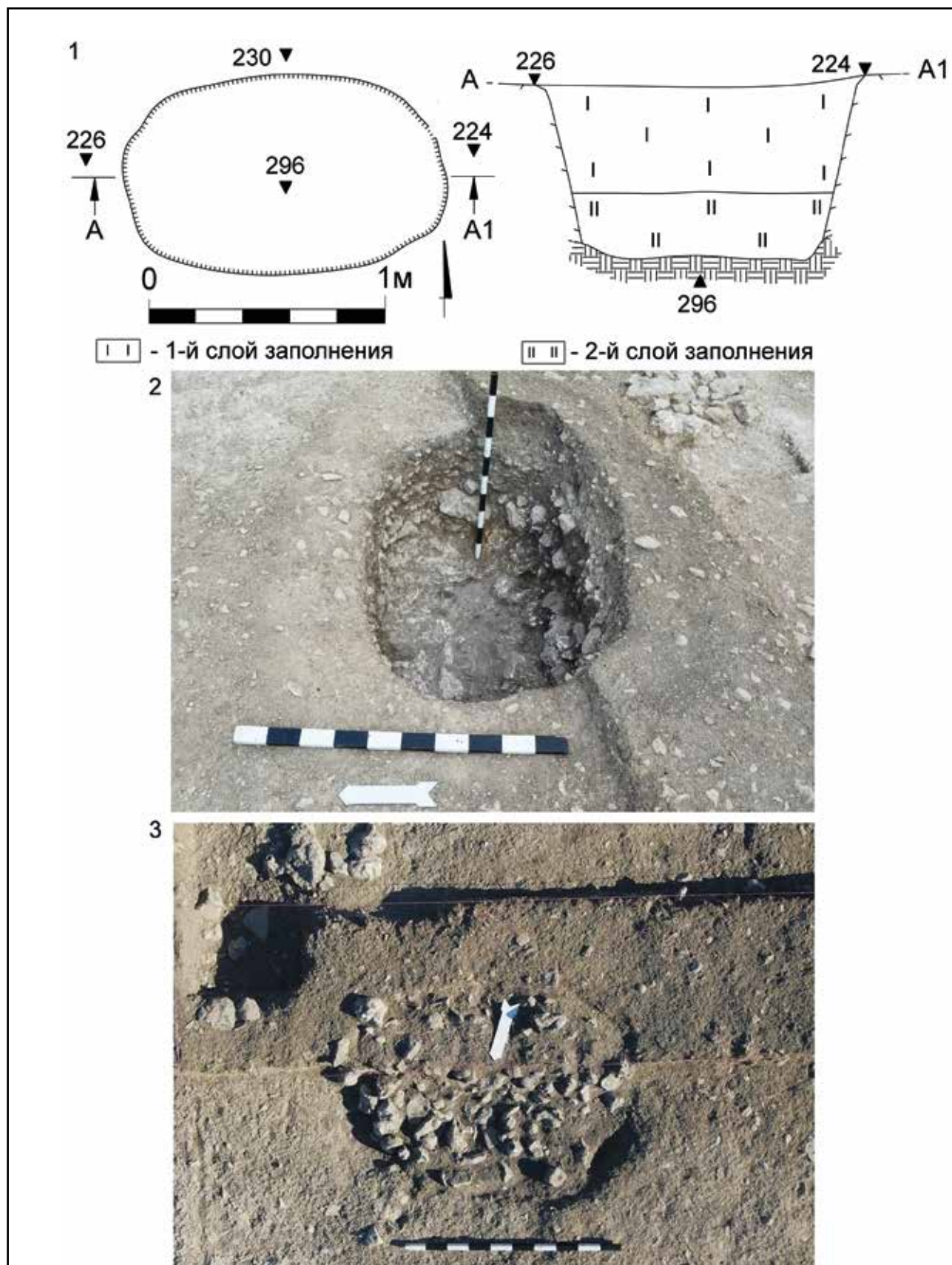

Рис. 221. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2020 г. Западный участок. Бровка между квадратами №№47 и 49. Яма №69:
 1 – план и стратиграфический разрез; 2 – вид с запада после выборки заполнения;
 3 – вид с севера, сверху, по уровню заполнения [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 117-118, 120]

Рис. 222. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2020 г. Западный участок. Квадраты №№34, 46 и 48. Строительная траншея под кладку №9:
1 – по уровню заполнения, вид с севера. 2 – после выборки заполнения, вид с севера
[по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 102-103]

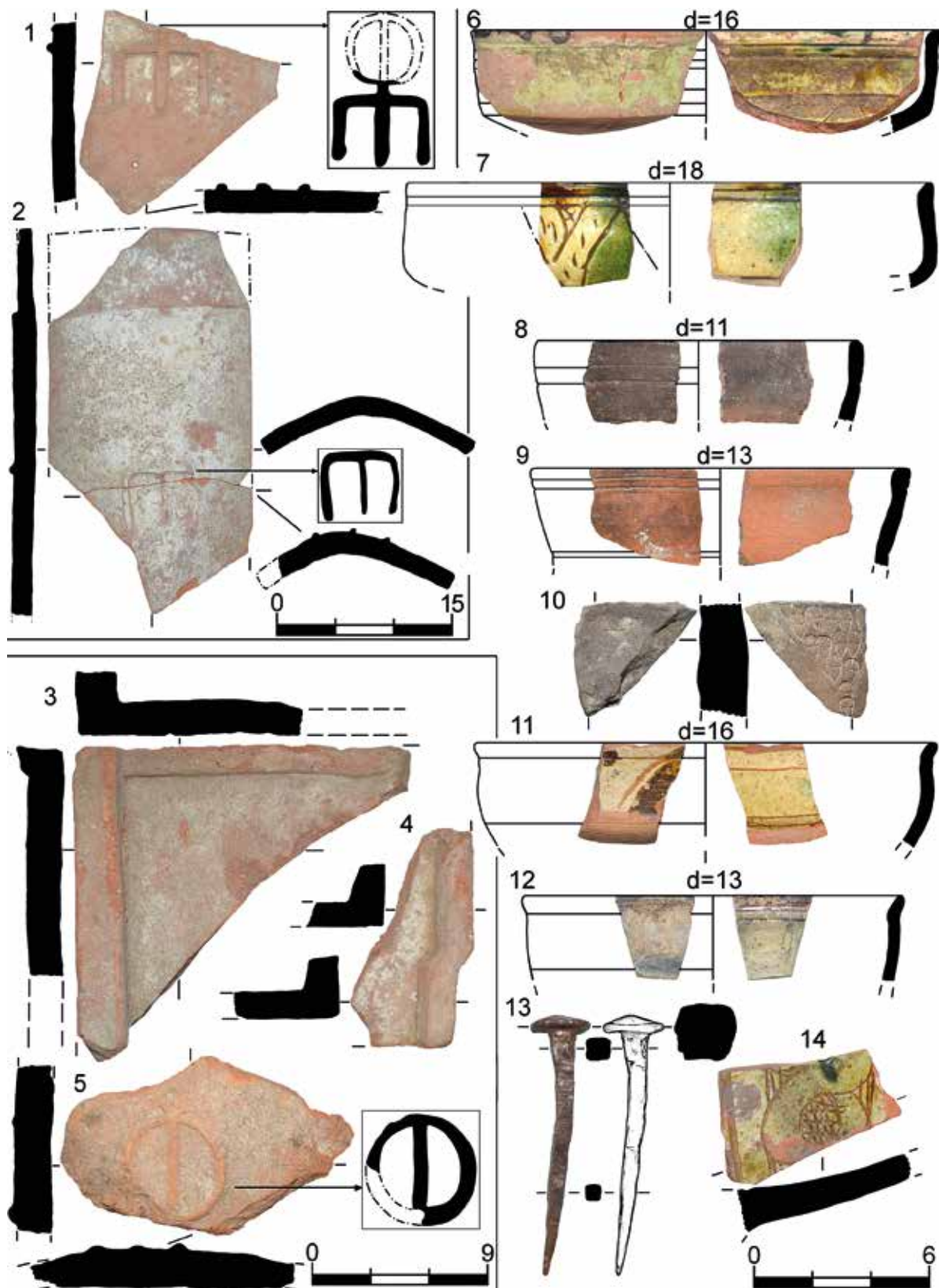

Рис 223. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
 Раскопки 2020-2021 гг. Западный участок. Квадраты №№34, 46 и 48.
 Строительная траншея под кладку №9. Заполнение: 1, 3-5 – к.о.34; 2 – к.о.35; 6 – к.о.36;
 7, 11 – к.о.108; 8-9 – к.о.106; 10 – к.о.107; 12 – к.о.109; 13 – к.о.110; 14 – к.о.111.
 Изделия из керамики (1-12, 14) и железа (13)
 [по: Герцен. Отчет, 2021, рис. 18-19; 2022, рис. 108-109]

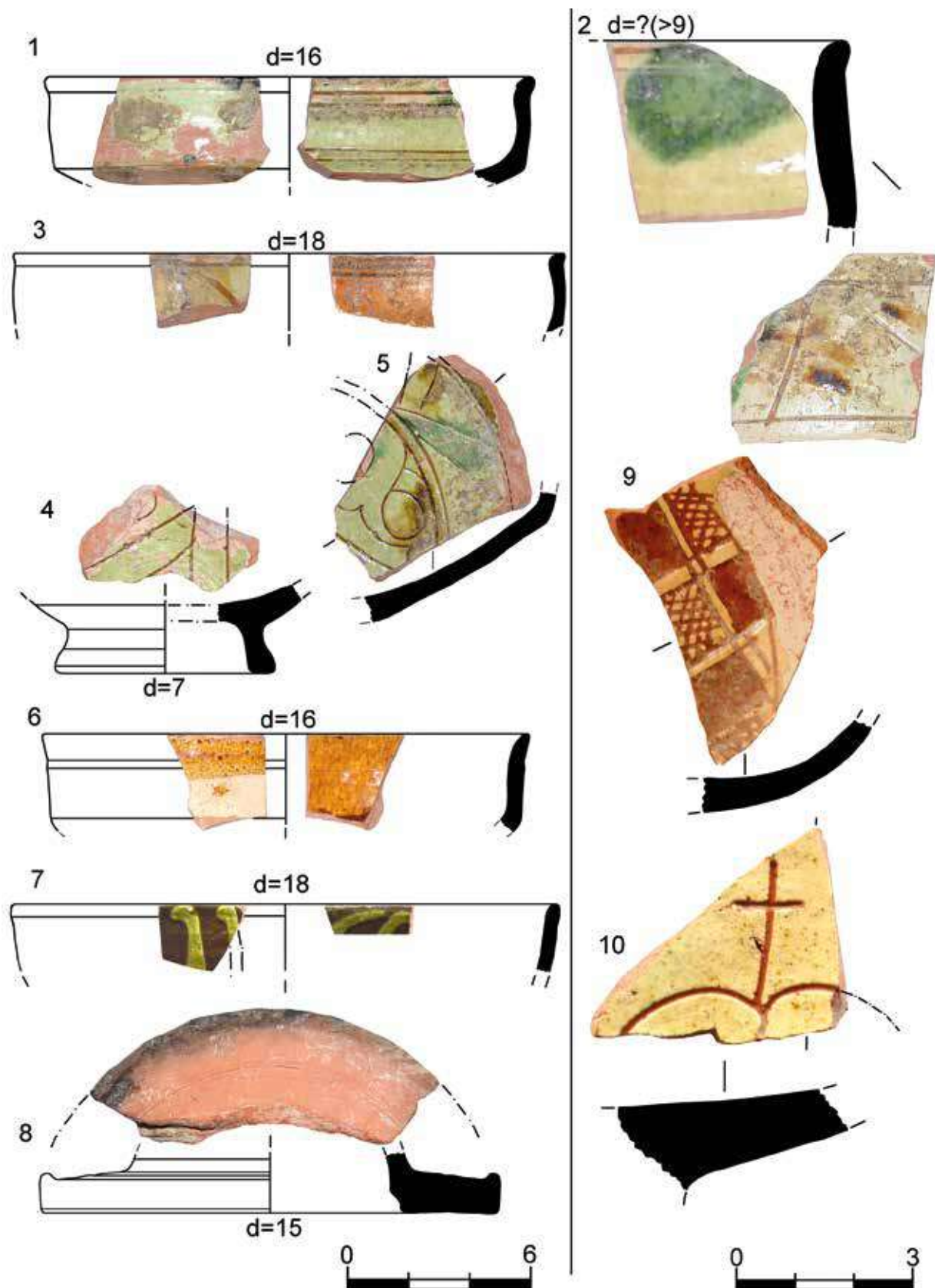

Рис. 224. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
 Раскопки 2021 г. Западный участок. Квадраты №№46 и 48.
 Строительная траншея под кладку №9: 1-5 – к.о.111; 6 – к.о.112; 7 – к.о.114; 8 – к.о.115;
 9 – к.о.113; 10 – к.о.117. Изделия из керамики (1-10) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 109-110]

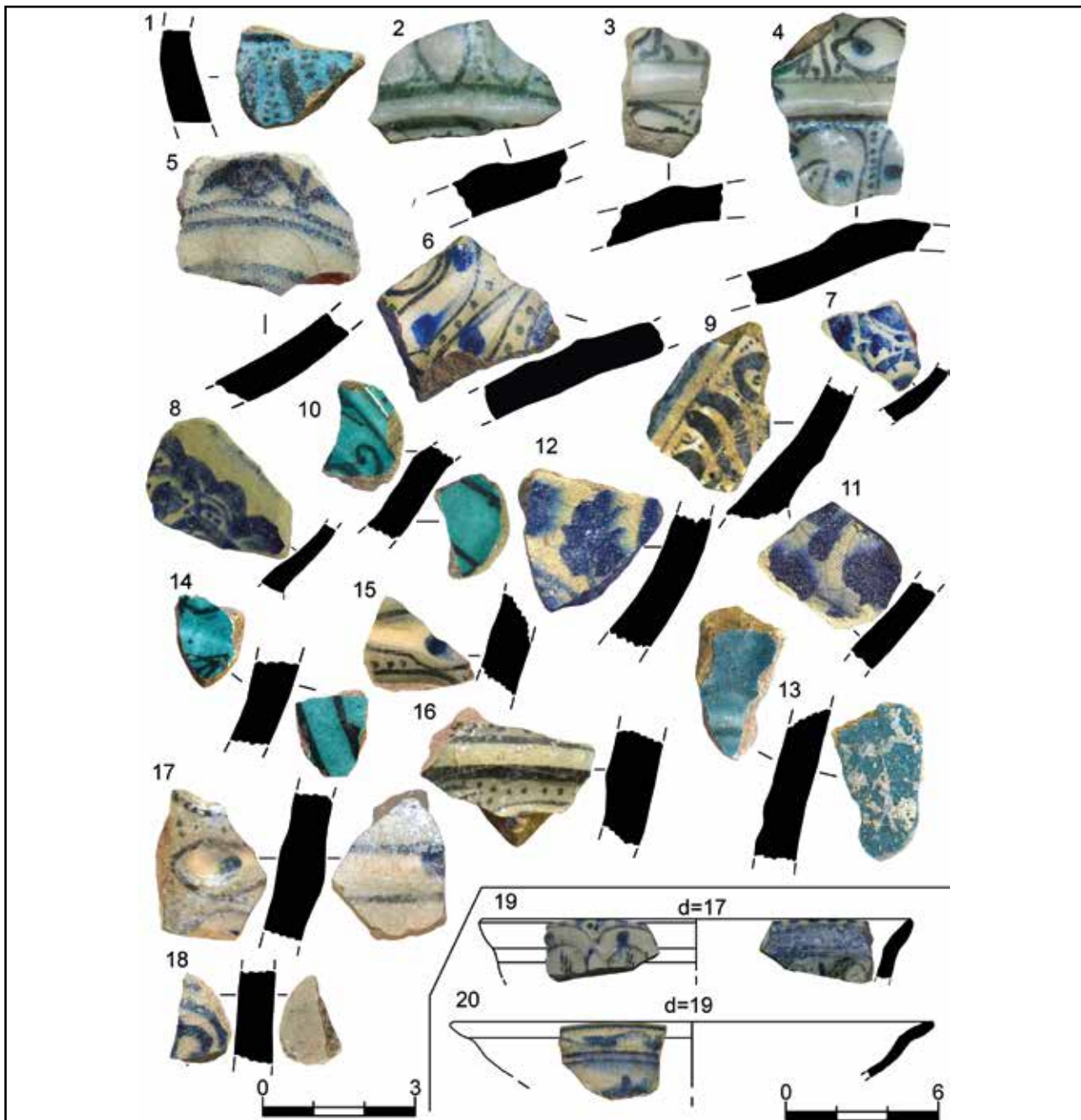

Рис. 225. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг. Фрагменты золотоордынской кашинной глазурованной керамики: 1 – 2007 г., Центральный участок, помещение В и центральный двор, зачистка 5-7-х слоев (к.о.96); 2-4 – 2007 г., Центральный участок, помещение В, 6-й слой (к.о.832); 5 – 2008 г., Южный участок, квадрат №4-6, яма №29, заполнение, 1-й слой (к.о.54); 6 – 2014 г., Западный участок, помещение J-1, дерновый слой (к.о.262); 7-8 – 2014 г., Западный участок, помещение J-3, 3-й слой (к.о.331); 9-10 – 2017 г., Западный участок, квадрат №37, 4-й слой (к.о.253-254); 11 – 2017 г., Западный участок, квадрат №35, 5-й слой (к.о.304); 12 – 2018 г., Восточный участок, квадрат №42, 4-й слой (к.о.121); 13 – 2019 г., Западный участок, квадрат №47, дерновый слой (к.о.27); 14 – 2019 г., бровка между квадратами №№30, 31, 34 и 35, 5-й слой (к.о.72); 15-16 – 2019 г., Западный участок, квадрат №48, каменный завал на 6-м слое (к.о.281); 17 – 2020 г., Западный участок, бровка между квадратами №№46 и 48, 4-й слой (к.о.39); 18 – 2021 г., Северный участок, квадрат №51, 5-й слой (к.о.127); 19 – 2015 г., Юго-Западный участок, квадрат №23, каменный завал в дерне (к.о.107); 20 – 2014 г., Юго-Западный участок, квадрат №23, каменный завал в дерне (к.о.107). Изделия из кашина (1-20) [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 69, 76; 2009, рис. 75; 2015, рис. 42, 49, 70; 2016, рис. 95; 2018, рис. 108, 114; 2019, рис. 60; 2020, рис. 17, 60, 115; 2021, рис. 32; 2022, рис. 170]

Рис. 226. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг. Золотоордынские металлические зеркала: 1 – 2006, Западный участок, случайная находка (к.о.792); 2 – 2009 г., Южный участок, квадрат №11, помещение I, 4-й слой (к.о.639); 3 – 2010 г., Западный участок, квадрат №15, 2-й слой (к.о.378); 4 – 2010 г., Западный участок, квадрат №2, 2-й слой (к.о.326); 5 – 2009 г., Северный участок, «слой отвалов» (к.о.817); 6 – 2016 г., Западный участок, квадрат №31, 5-й слой (к.о.121); 7 – 2009 г., Южный участок, случайная находка (к.о.831); 8 – 2016 г., Западный участок, квадрат №31, каменный раскат в дерне (к.о.47). Изделия из свинцово-оловянистого сплава (1-8) [по: Душенко, Антипенко, 2022, с. 64-65, рис. 2-3]

Рис. 227. Дворец. Археологические комплексы золотоордынского периода.
 Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг. Золотоордынские металлические зеркала:
 1 – 2008 г., Южный участок, квадрат №6, «нижняя терраса», зачистка 3-го слоя (к.о.1178);
 2 – 2017 г., Западный участок, квадрат №36, 4-й слой (к.о.201); 3 – 2017 г., Западный участок,
 квадрат №37, 4-й слой (к.о.263); 4 – 2017 г., Западный участок, квадрат №30-31, 6-й слой (к.о.362).
 Изделия из свинцово-оловянистого сплава (1-4) [по: Душенко, Антипенко, 2022, с. 64-65, рис. 2-3]

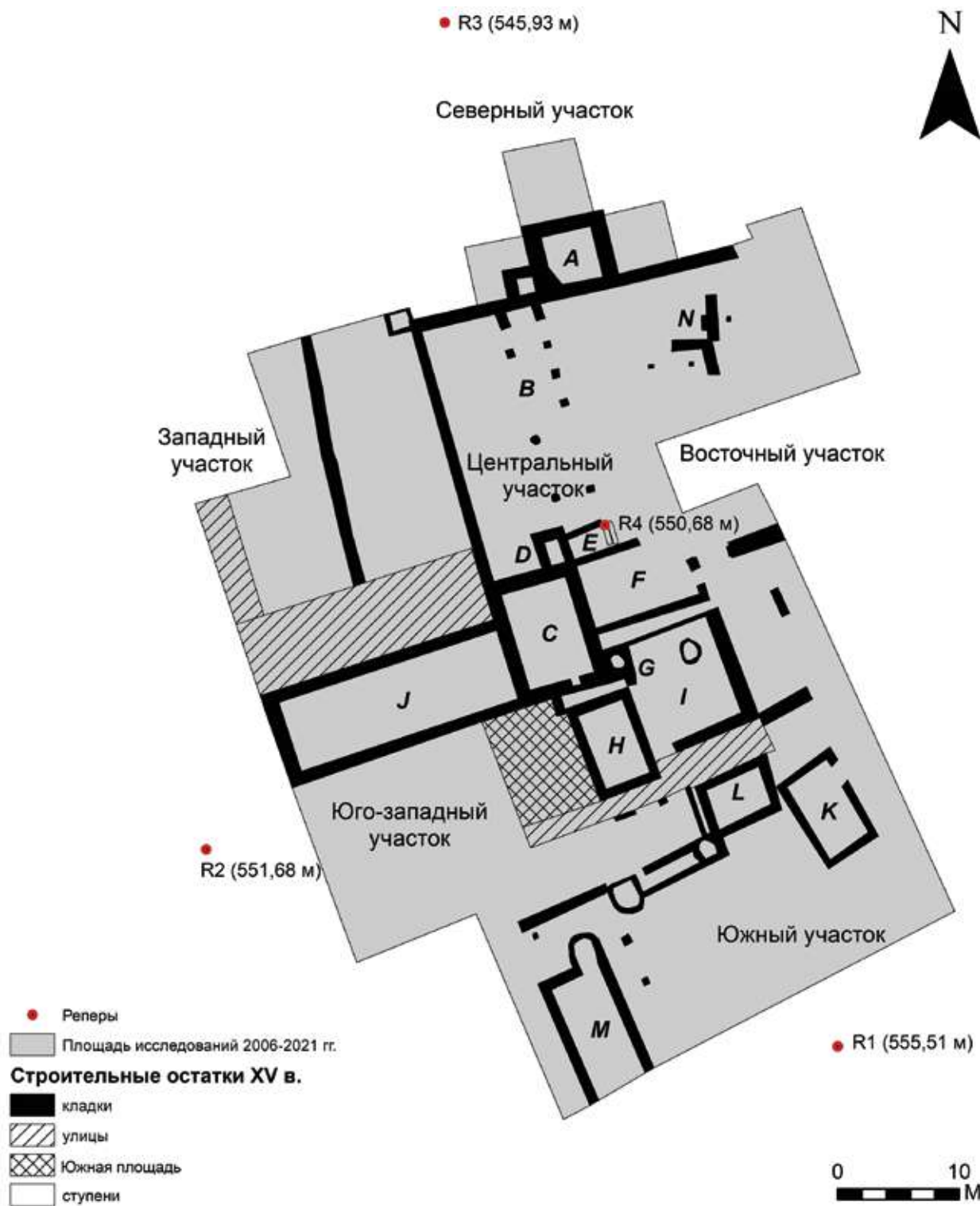

Рис. 228. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг.
Общий план-схема архитектурного комплекса для феодоритского периода
(около 1425-1475 гг.)

Рис. 229. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2007 г. Южный участок. Квадрат №8. «Южная улица» по уровню каменной мостовой:
1 – фрагмент мощения, вид с юга, сверху; 2 – общий вид с востока
[по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 23, 25]

Рис. 230. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2007 г. Южный участок. Квадрат №9. «Южная улица» по уровню каменной мостовой. Участок с двумя уровнями мощения: 1 – вид с юга, сверху; 2 – общий вид с юга [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 24, 26]

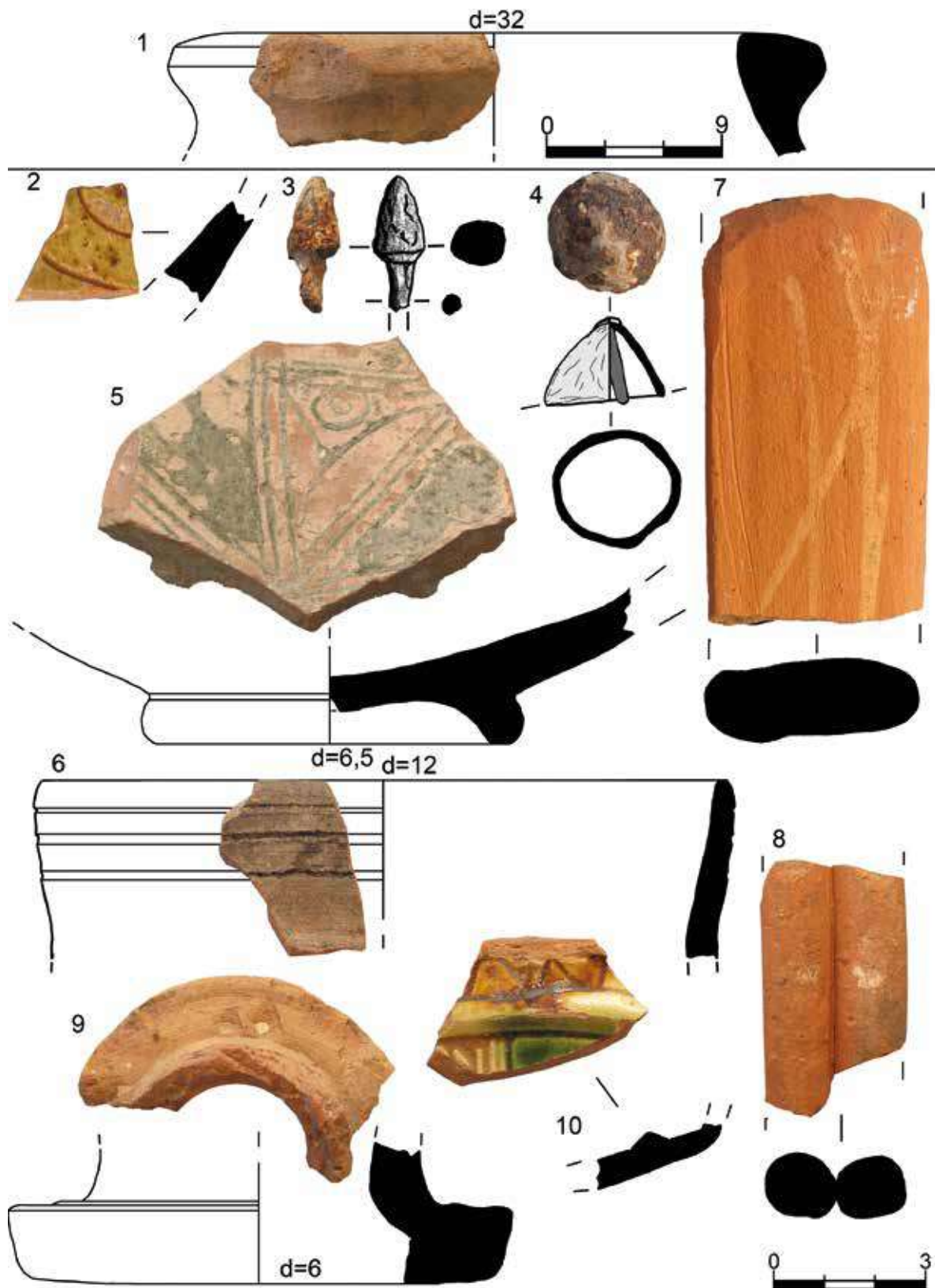

Рис. 231. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2007 г. Южный участок. Квадрат №9. «Южная улица» Участок между помещениями К, Л и кладкой №56. Находки из мостовой: 1 – к.о.39; 2 – к.о.40; 3 – к.о.42; 4 – к.о.41. 2009. Квадрат №8. Находки из мостовой: 5 – к.о.52; 6 – к.о.48; 7 – к.о.49; 8 – к.о.50; 9 – к.о.57; 10 – к.о.52. Изделия из керамики (1-10) [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 82-84]

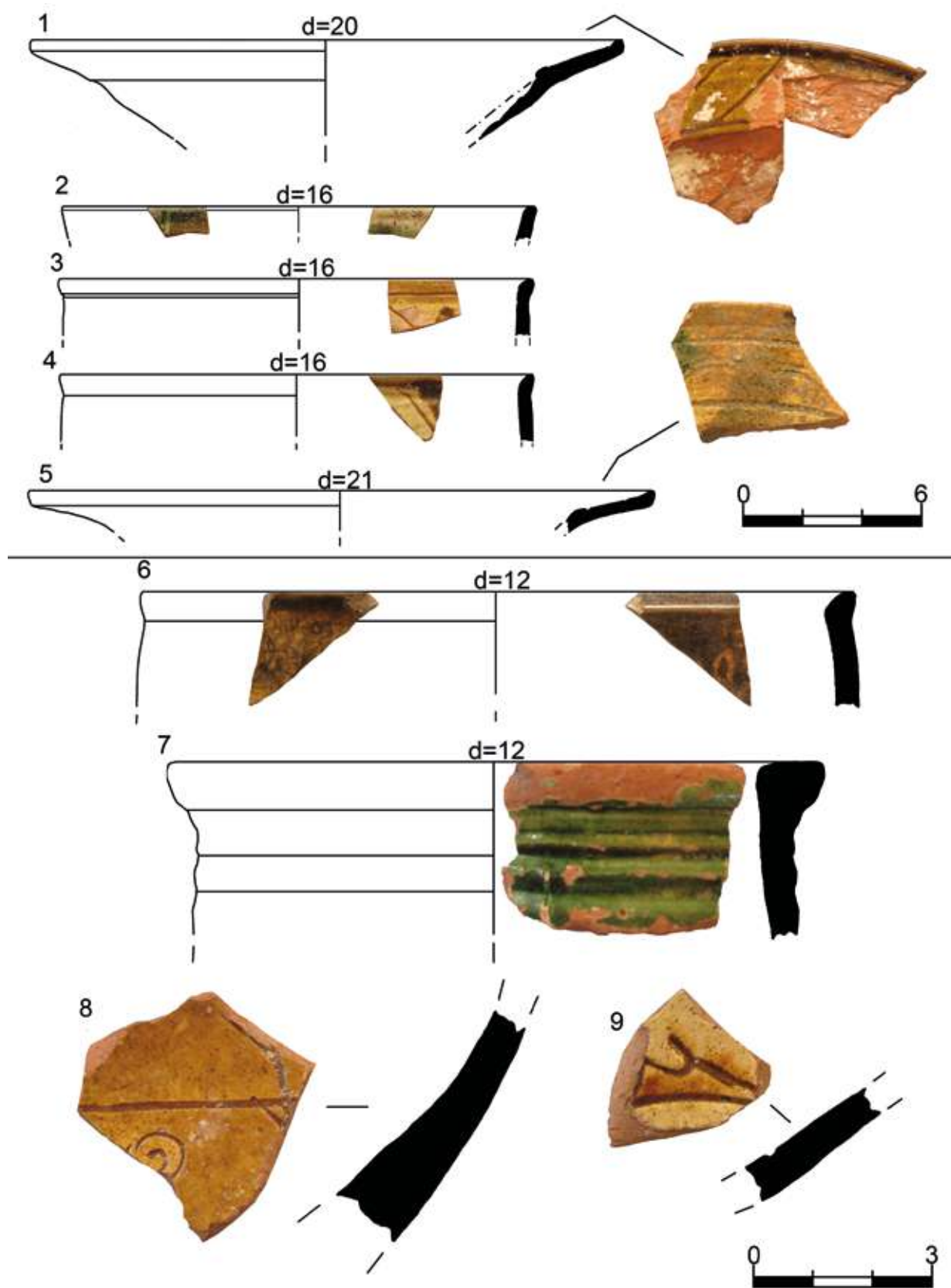

Рис. 232. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2009 г. Южный участок. Квадрат №8. «Южная улица». Находки из мостовой: 1 – к.о.51; 2 – к.о.56; 3 – к.о.53; 4 – к.о.54; 6 – к.о.55. Находки из 2-го уровня мостовой: 5 – к.о.72; 7 – к.о.70; 8, 9 – к.о.71 Изделия из керамики (1-9) [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 82-84]

Рис. 233. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.).
 Раскопки 2017 г. Западный участок. Квадрат №30-31:
 1 – поверхность 6-го слоя, черепично-щебнистого мощения 1-й западной улицы, общий вид с востока; 2 – поверхность подстилающего 7-го слоя, общий вид с юго-востока
 [по: Герцен. Отчет, 2018, рис. 20, 22]

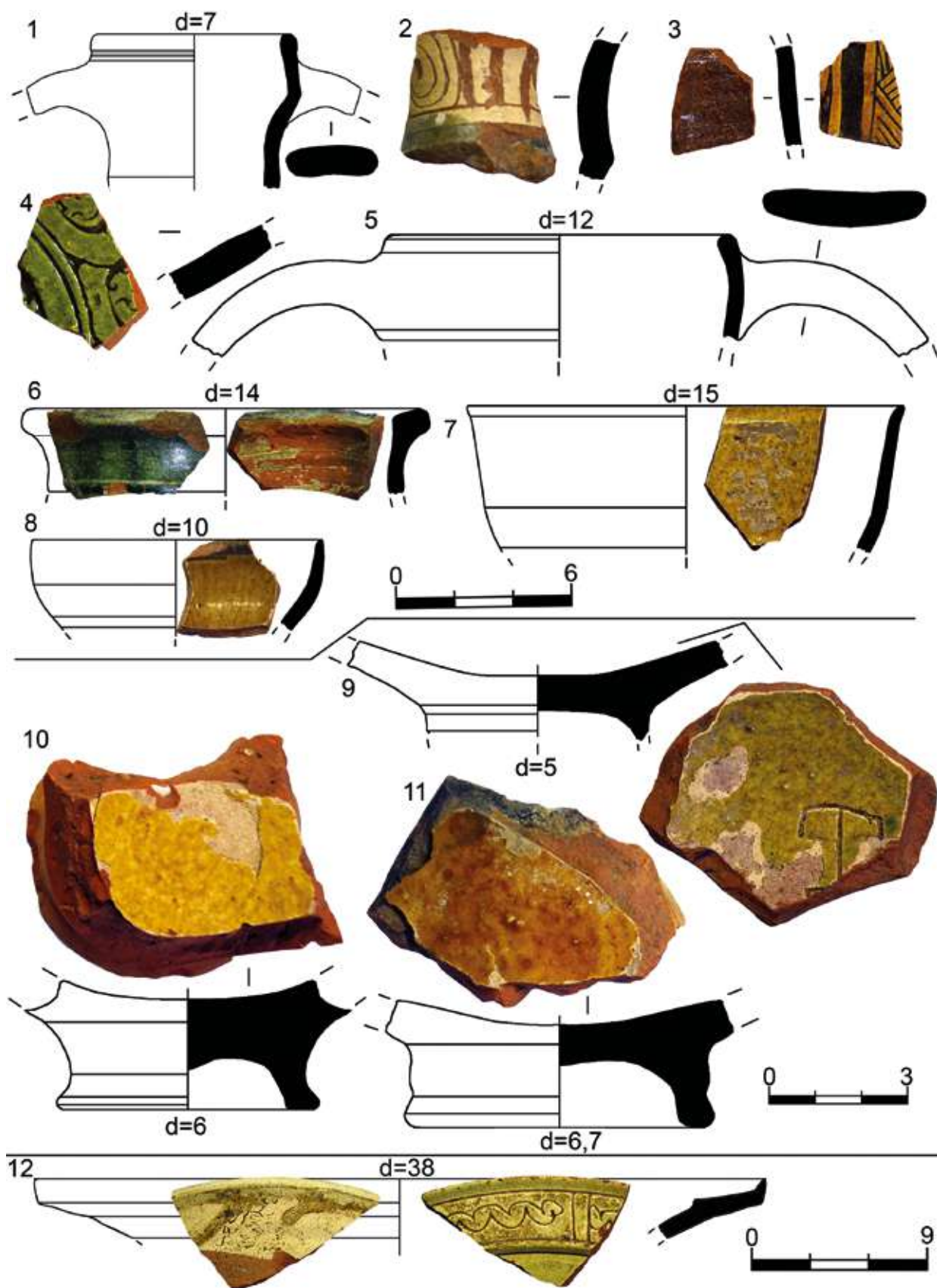

Рис. 234. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2017 г. Западный участок. Квадрат №30-31. 6-й слой: 1 – к.о.338; 2 – к.о.339; 3 – к.о.340; 4 – к.о.343; 5 – к.о.337; 6 – к.о.341; 7-10 – к.о.334; 11 – к.о.342. Изделия из керамики (1-11) [по: Герцен. Отчет, 2018, рис. 116-121]

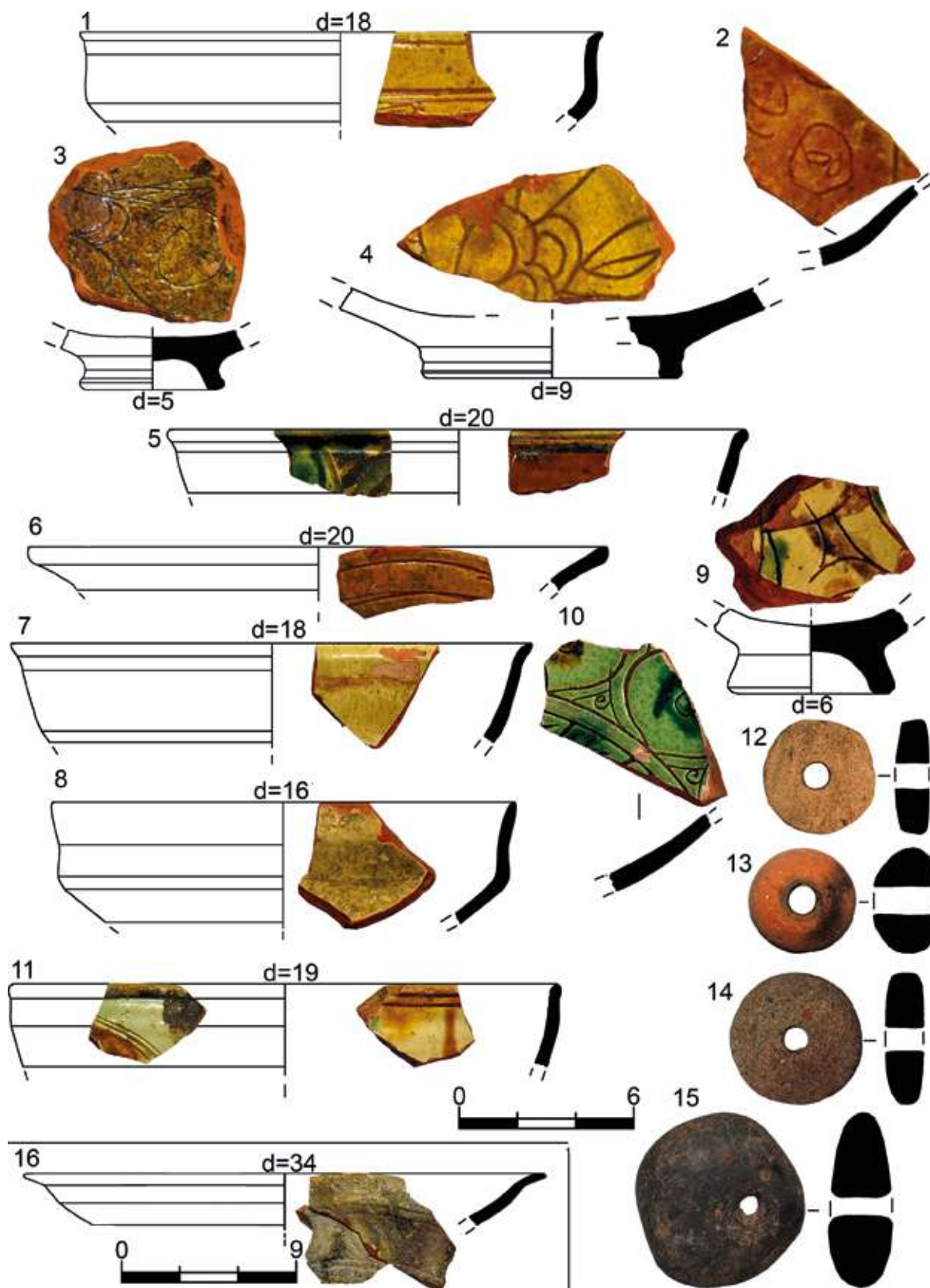

Рис. 235. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2017 г. Западный участок. Квадрат №30-31. 6-й слой: 1-4 – к.о.345; 5 – к.о.347; 6 – к.о.346; 7-8 – к.о.351; 9 – к.о.350; 10-11 – к.о.349; 12 – к.о.352; 13 – к.о.353; 14 – к.о.354; 15 – к.о.355; 16 – к.о.348. Изделия из керамики (1-13, 16), песчаника (14) и гальки (15) [по: Герцен. Отчет, 2018, рис. 116-121]

Рис. 236. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2017 г. Западный участок. Квадрат №30-31. 6-й слой: 1 – к.о.364; 2- к.о.365; 3 – к.о.356; 4 – к.о.360; 5 – к.о.366; 6 – к.о.358; 7 – к.о.357; 8 – к.о.369; 9 – к.о.368; 10 – к.о.359; 11 – к.о.370; 12 – к.о.361; 13 – к.о.363; 14 – к.о.362; 15 – к.о.367; 16 – к.о.386; 17 – к.о.387; 18 – к.о.384; 19 – к.о.385; 20 – к.о.388; 21 – к.о.389. Изделия из бронзы (1-2, 9, 12-15), диорита (3), стекла (4), кости (5-6, 10), мраморовидного известняка (7), свинца (8, 21), железа (11), керамики (16-20) [по: Герцен. Отчет, 2018, рис. 116-121]

Рис. 237. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №34-35. Фрагменты каменной вымостки («брусчатки»; 6-го слоя) «западного двора»: 1 – общий вид с северо-востока; 2 – общий вид с востока [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 83-84]

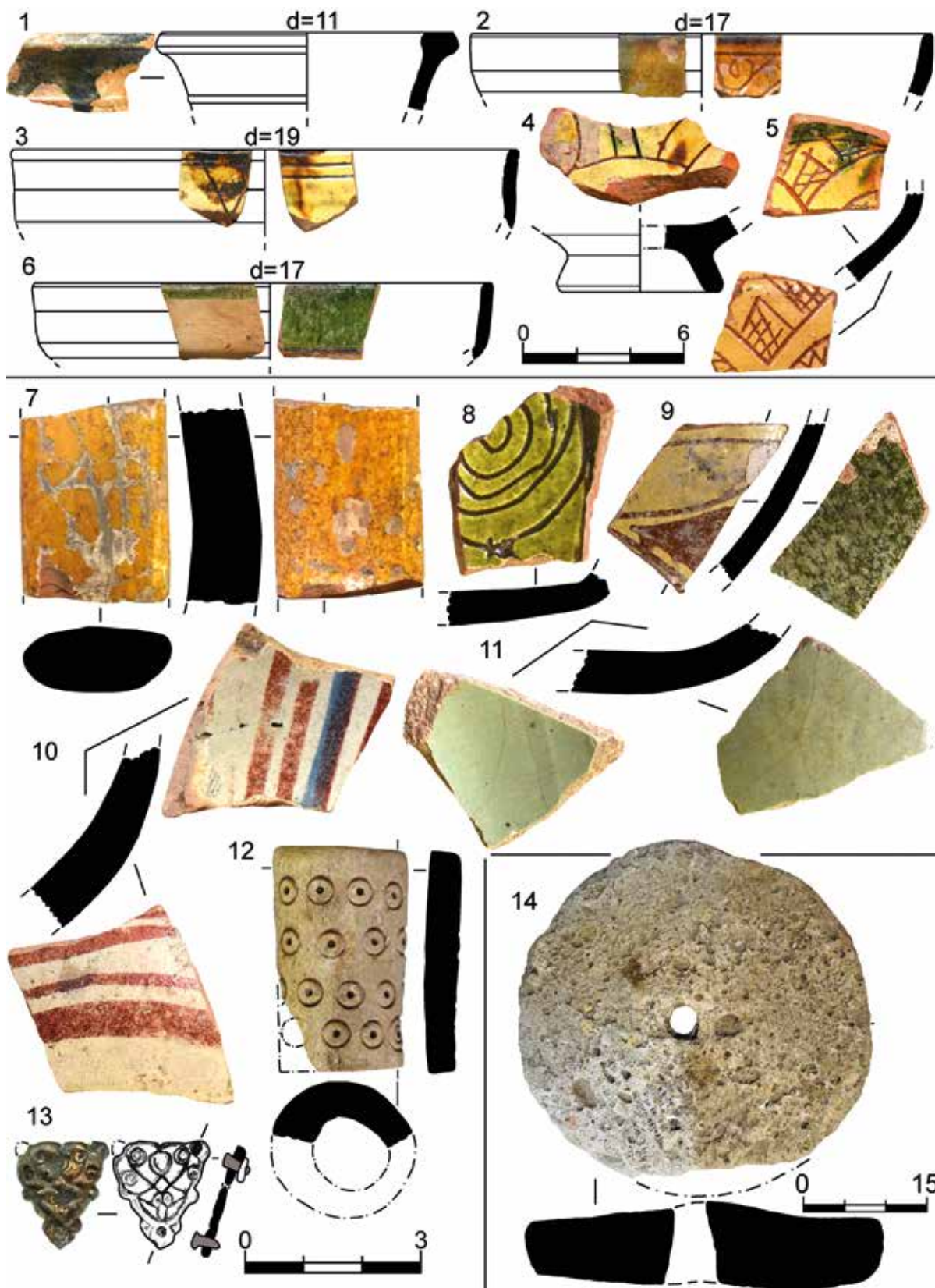

Рис. 238. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №34-35. 6-й слой («брусчатка»): 1 – к.о.238; 2 – к.о.240; 3-5 – к.о.241; 6,8 – к.о.242; 7 – к.о.239; 9 – к.о.243; 10 – к.о.244; 11 – к.о.345; 12 – к.о.346; 13 – к.о.347; 14 – к.о.324. Изделия из керамики (1-10), кашина (11), кости (12), меди (13), песчаника (14) [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 90-92]

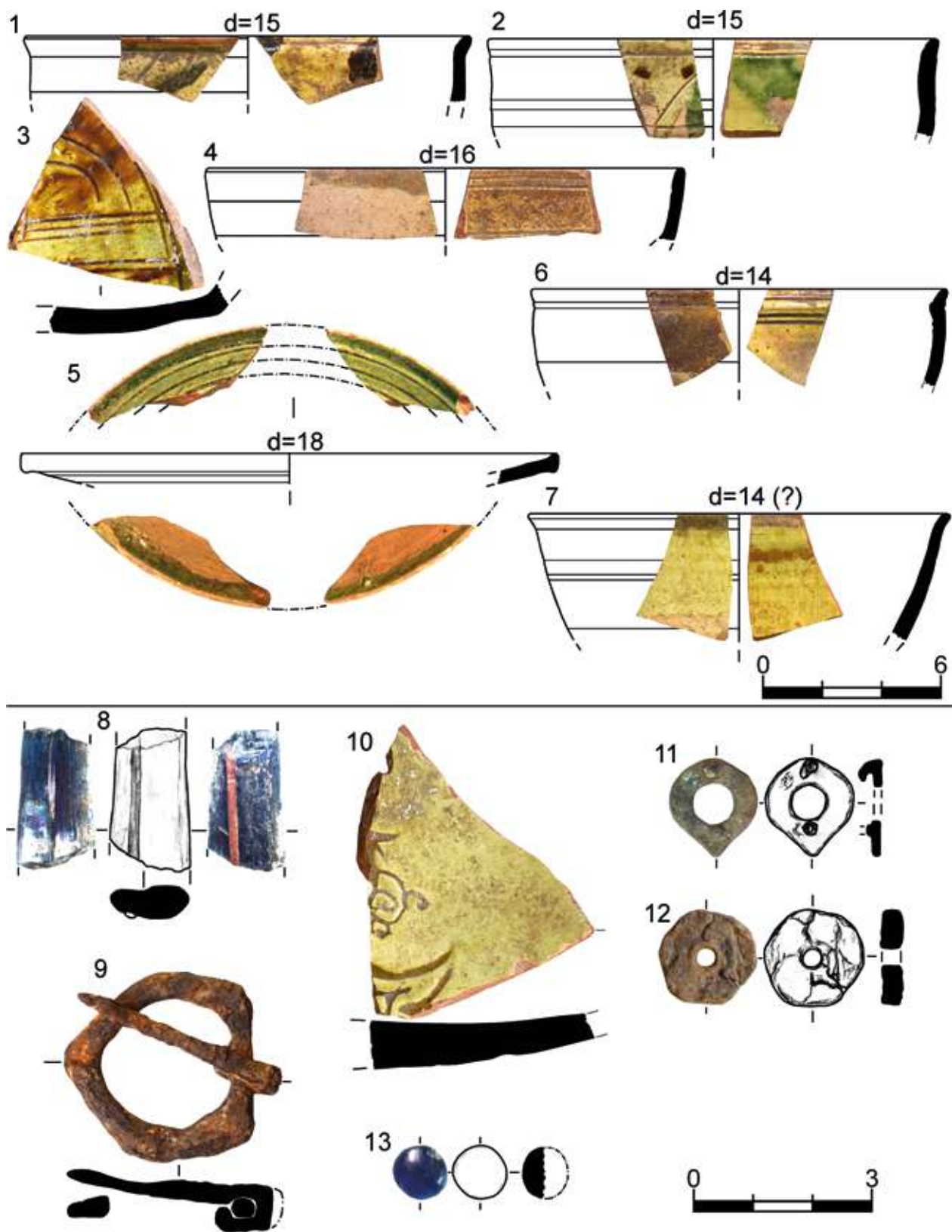

Рис. 239. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №34-35. 6-й слой («брусчатка»): 1-3 – к.о.243; 8 – к.о.254; 9 – к.о.255. Квадрат №47. 6-й слой: 4 – к.о.256; 10 – к.о.257; 11 – к.о.258; 12 – к.о.259. Квадрат №48. Зачистка 6-го слоя: 5 – к.о.354; 6 – к.о.352; 7 – к.о.353; 13 – к.о.355. Изделия из керамики (1-7, 10), стекла (8, 13), железа (9), меди (11), свинца (12) [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 92, 97]

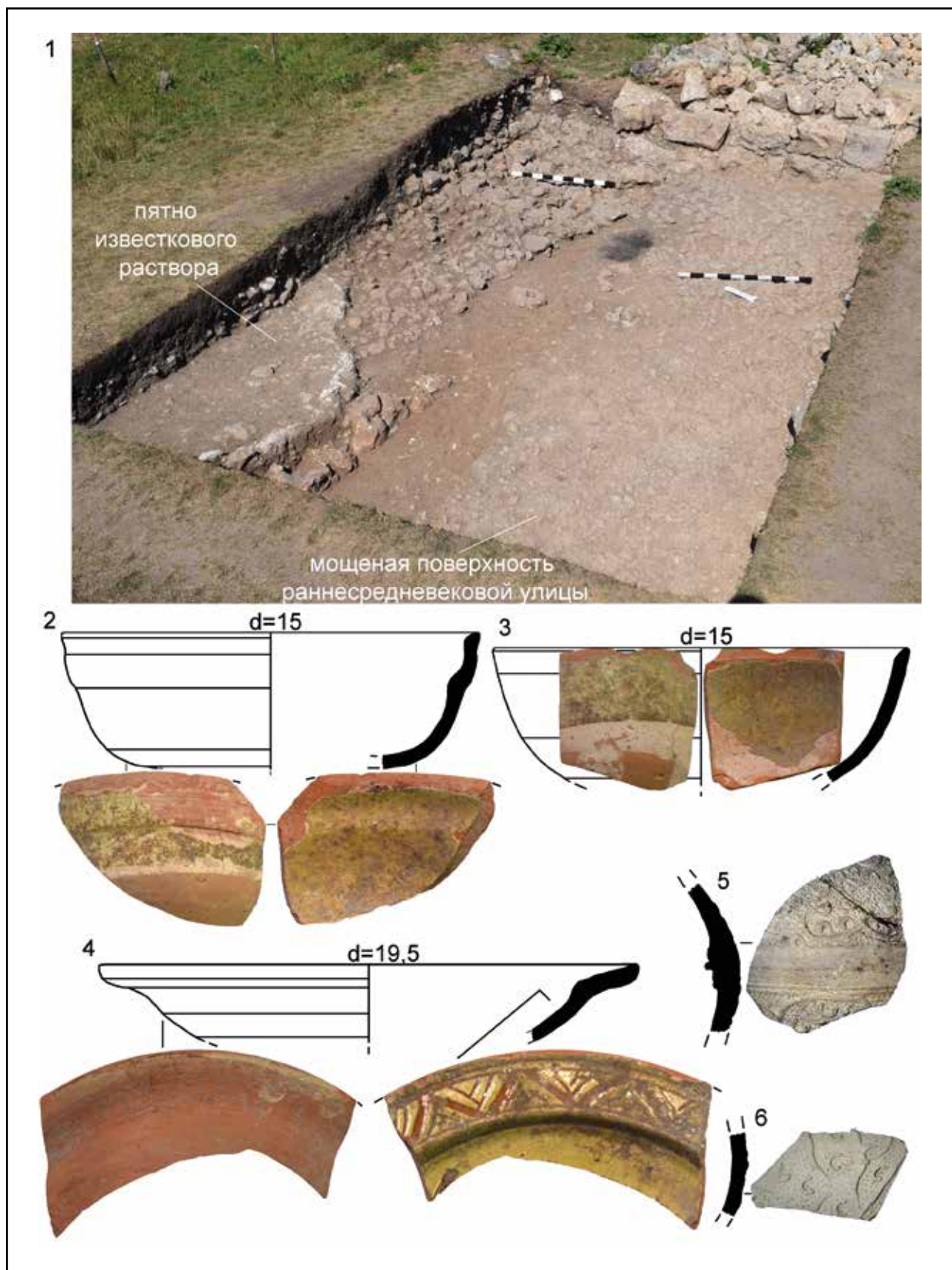

Рис. 240. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №48. Пятно известкового раствора на 7-м слое в северо-западном углу: 1 – общий вид с юго-запада; находки – 2-3 – к.о.362; 4 – к.о.361; 5-6 – к.о.360. Изделия из керамики (2-6) [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 100]

1

2

Рис. 241. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2021 г. Северный участок: 1 – квадрат №50 по уровню 6-го слоя с выбранным заполнением ям №№80 и 82, общий вид с запада, аэрофото; 2 – квадрат №51 по уровню 6-го слоя с выбранным заполнением строительной траншеи под кладку №4, общий вид с севера, аэрофото [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 173-174]

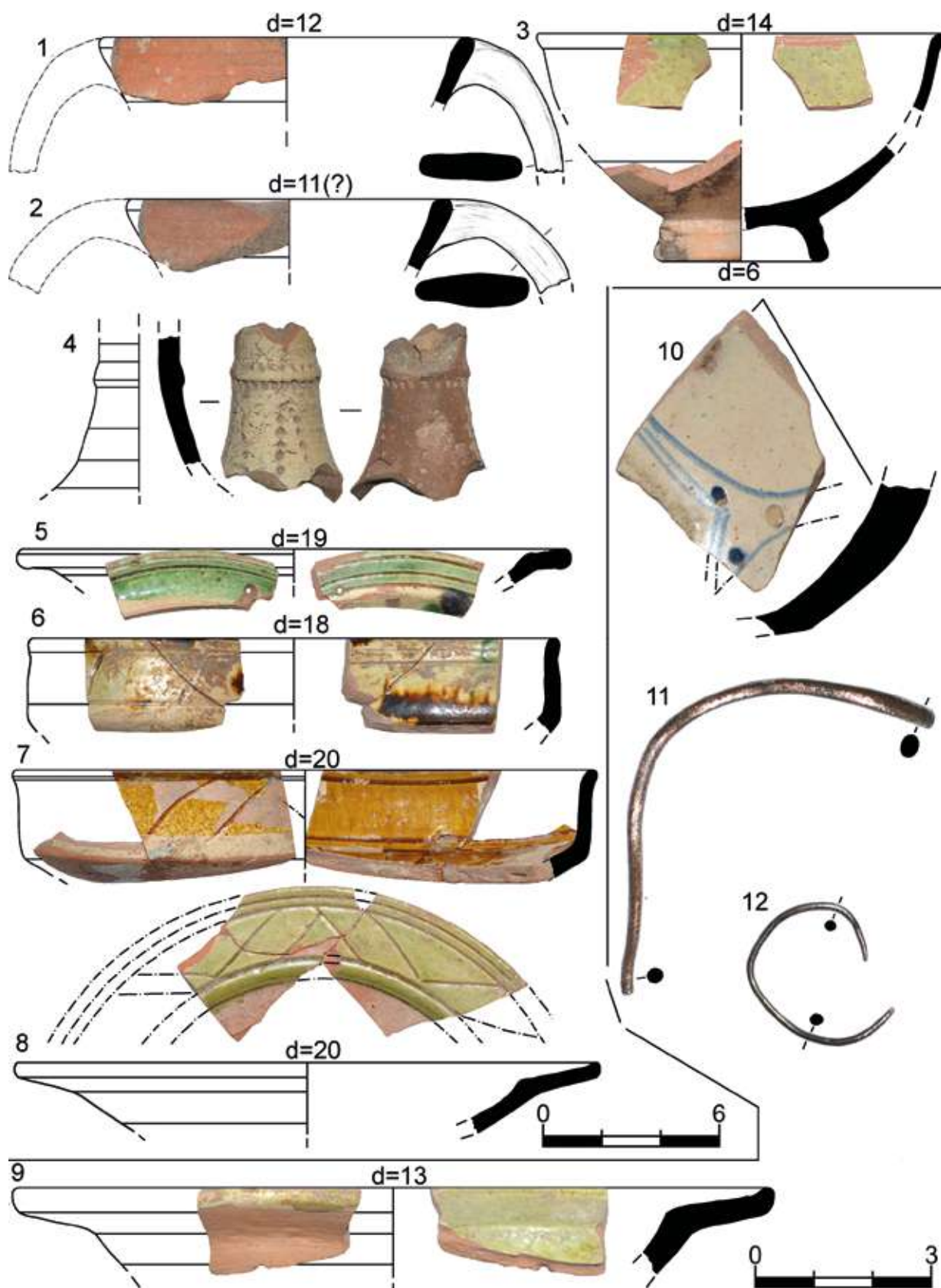

Рис. 242. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2021 г. Северный участок. Квадрат №51. 6-й слой: 1-2 – к.о.188; 3 – к.о.190; 4 – к.о.189; 5 – к.о.192; 6 – к.о.193; 7 – к.о.194; 8 – к.о.195; 9 – к.о.191; 10 – к.о.200; 11 – к.о.203; 12 – к.о.202. Изделия из керамики (1-10), бронзы (11), серебра (12) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 175-178]

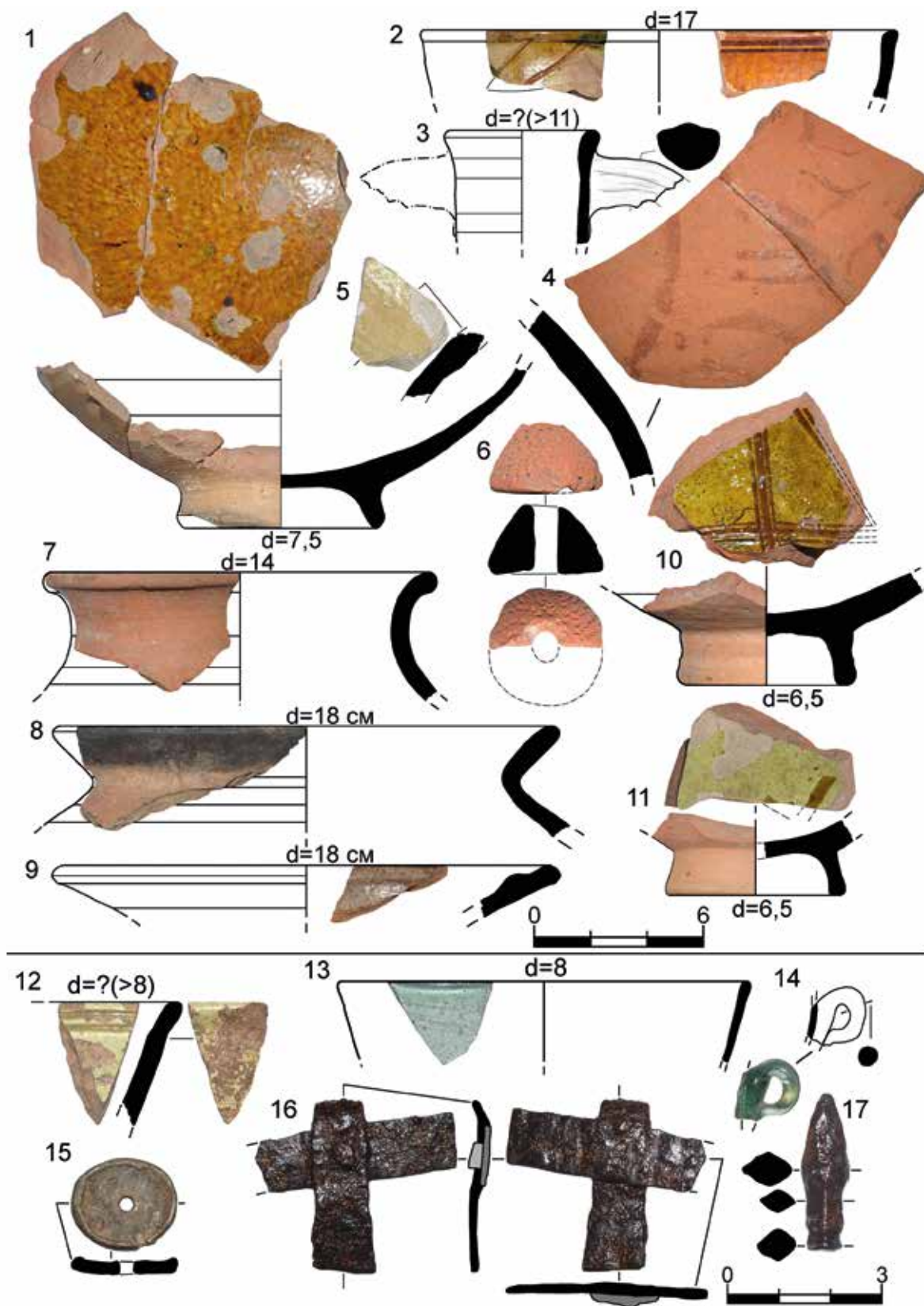

Рис. 243. Дворец. Археологические комплексы периода строительства дворца (около 1425 г.). Раскопки 2021 г. Северный участок. Квадрат №51. 6-й слой: 1 – к.о.195; 2 – к.о.196; 3 – к.о.206; 6 – к.о.201; 10 – к.о.198; 11 – к.о.199. Квадрат №50. 6-й слой: 3 – к.о.206; 4 – к.о.206; 5 – к.о.209; 7 – к.о.208; 8 – к.о.207; 9 – к.о.210; 12 – к.о.211; 13 – к.о.212; 14 – к.о.213; 15 – к.о.214; 16 – к.о.215; 17 – к.о.216. Изделия из керамики (1-12), стекла (13-14), свинца (15), железа (16-17) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 175-178]

Рис. 244. Дворец. Археологические комплексы первого строительного периода (около 1425-1450 гг.). Раскопки 2009 г. Центральной участок. Квадраты №№11-13. Помещение I: 1 – по уровню 3-го слоя, общий вид с северо-востока; 2 – простенок между кладками №№16 и 73 по уровню 4-го слоя, вид с запада [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 44, 46]

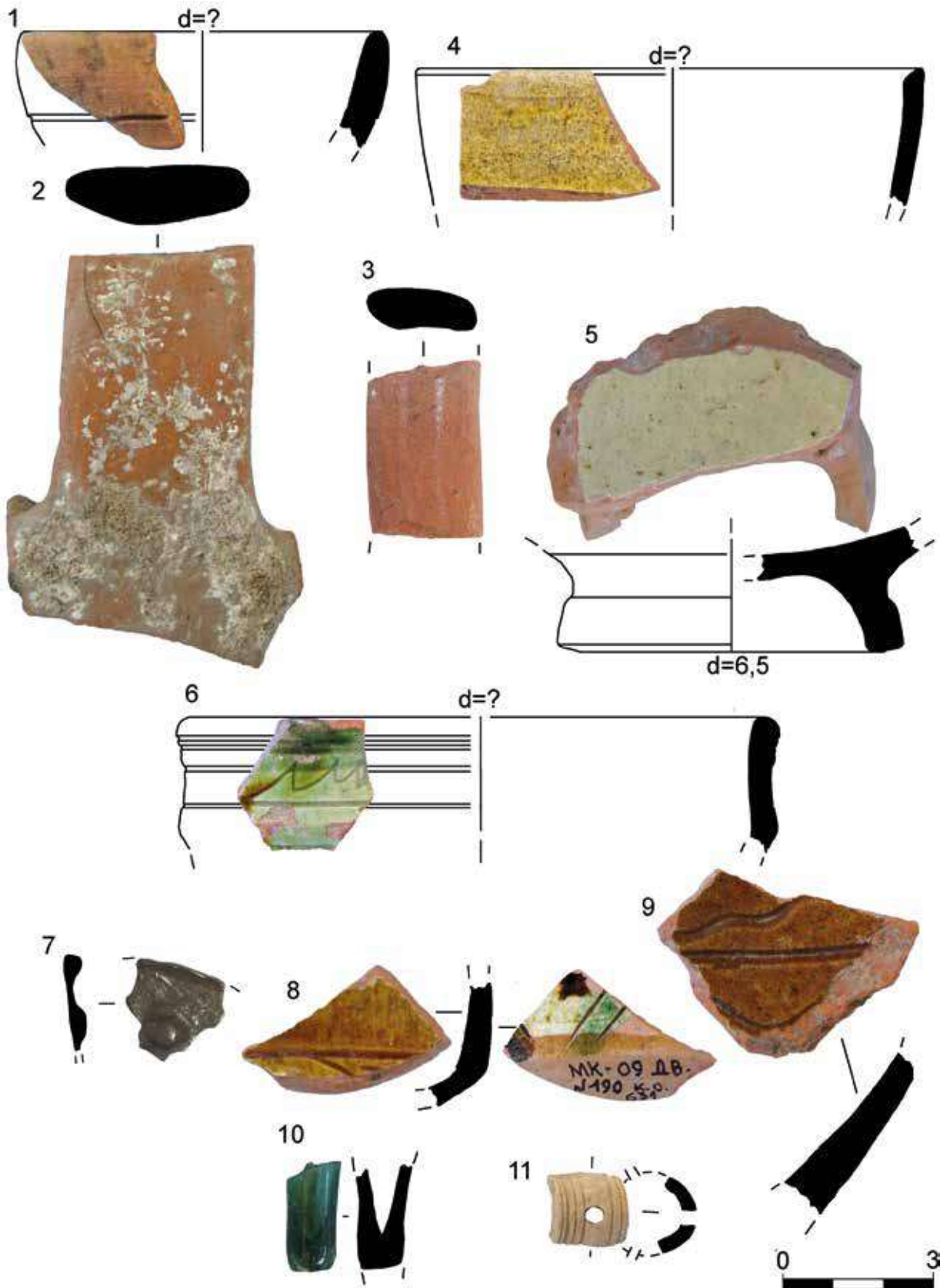

Рис. 245. Дворец. Археологические комплексы первого строительного периода (около 1425-1450 гг.). Раскопки 2009 г. Центральной участок. Квадраты №№11-13. Помещение I. 4-й слой: 1-3 – к.о.627; 4 – к.о.629; 5 – к.о.628; 6 – к.о.634; 7 – к.о.639; 8 – к.о.631; 9 – к.о.630; 10 – к.о.638; 11 – к.о.637. Изделия из керамики (1-6, 8-9), бронзы (7), стекла (10), кости (11) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 128]

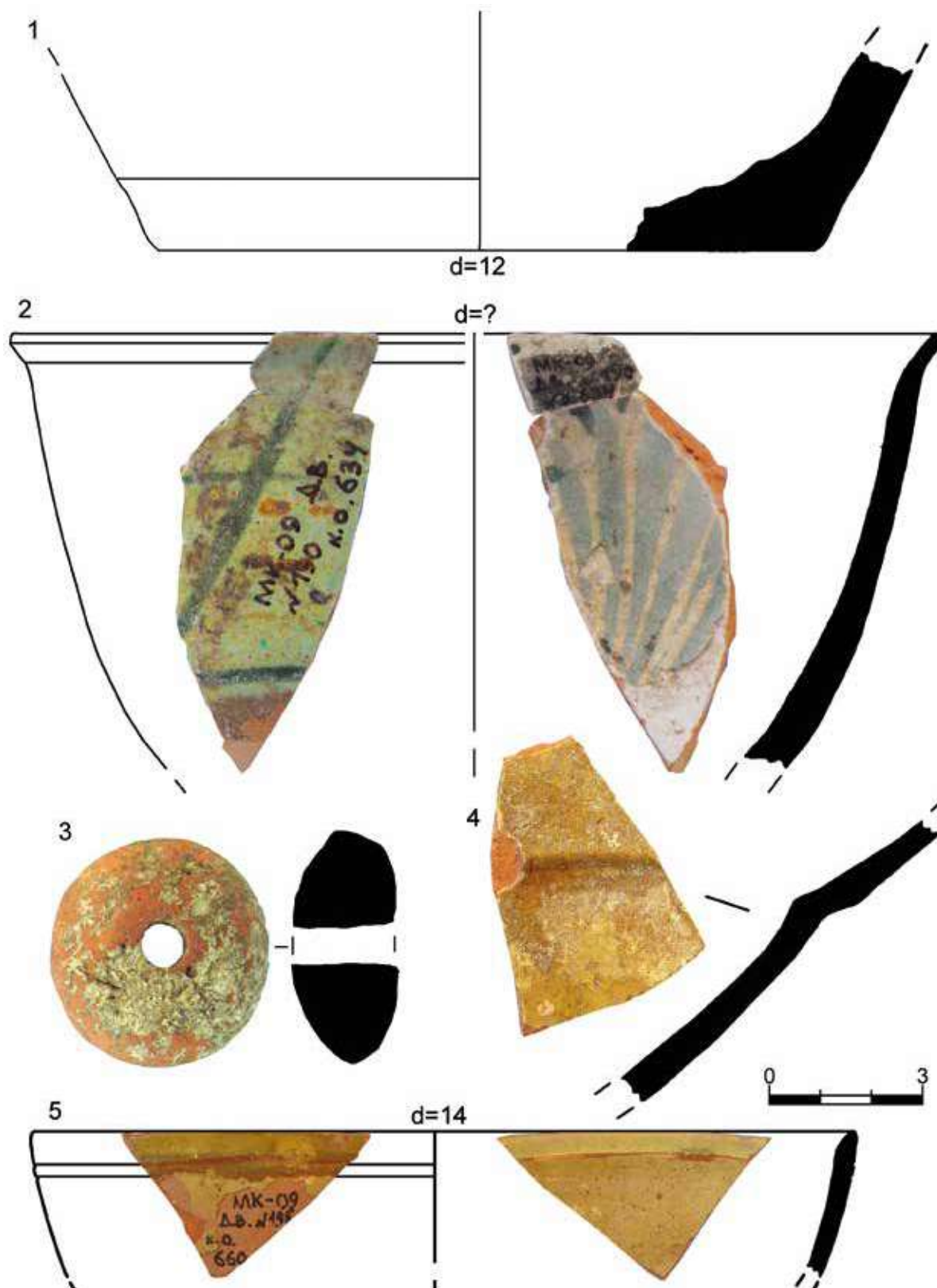

Рис. 246. Дворец. Археологические комплексы первого строительного периода (около 1425-1450 гг.). Раскопки 2009 г. Центральной участок. Квадраты №№11-13. Помещение I. 4-й слой: 1 – к.о.626; 2 – к.о.634; 3 – к.о.636. Простенок между кладками №№16 и 73 по уровню 4-го слоя: 4 – к.о.660; 5 – к.о.659. Изделия из керамики (1-5) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 128, 130]

1

2

Рис. 247. Дворец. Археологические комплексы первого строительного периода (около 1425-1450 гг.). Раскопки 2009 г. Центральной участок. Квадрат №№ 10-14 по уровню 7-го слоя, раннего пола помещения F: 1 – общий вид с востока, сверху; 2 – общий вид с севера на участке между кладкой №74 и помещением F [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 63]

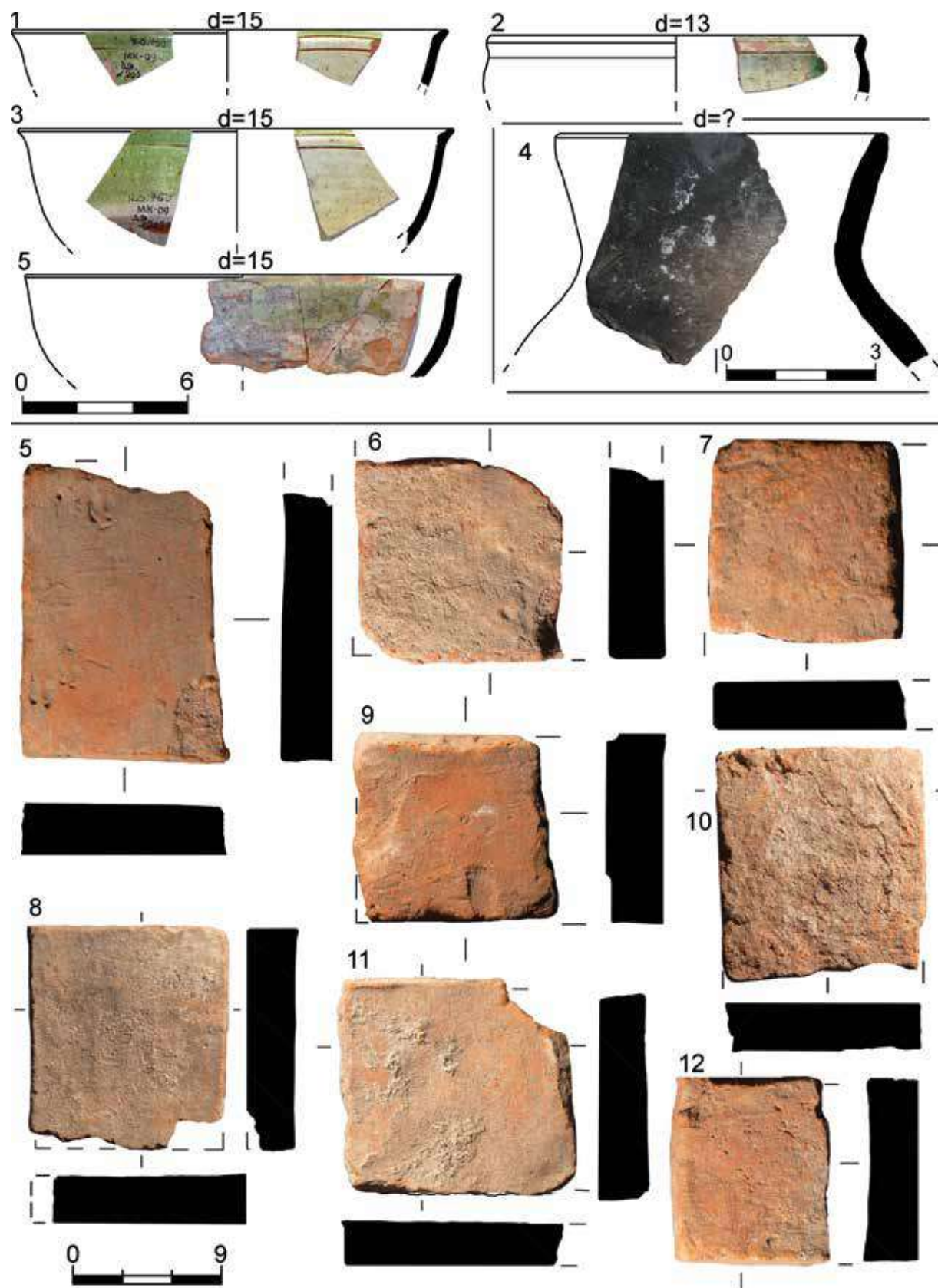

Рис. 248. Дворец. Археологические комплексы первого строительного периода (около 1425-1450 гг.). Раскопки 2009 г. Центральной участок. Квадрат №№ 10-14. 7-й слой: 1-3 – к.о.760; 4 – к.о.758; 5 – к.о.759; 5-12 – к.о.757. Изделия из керамики (1-12) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 143, 152-155]

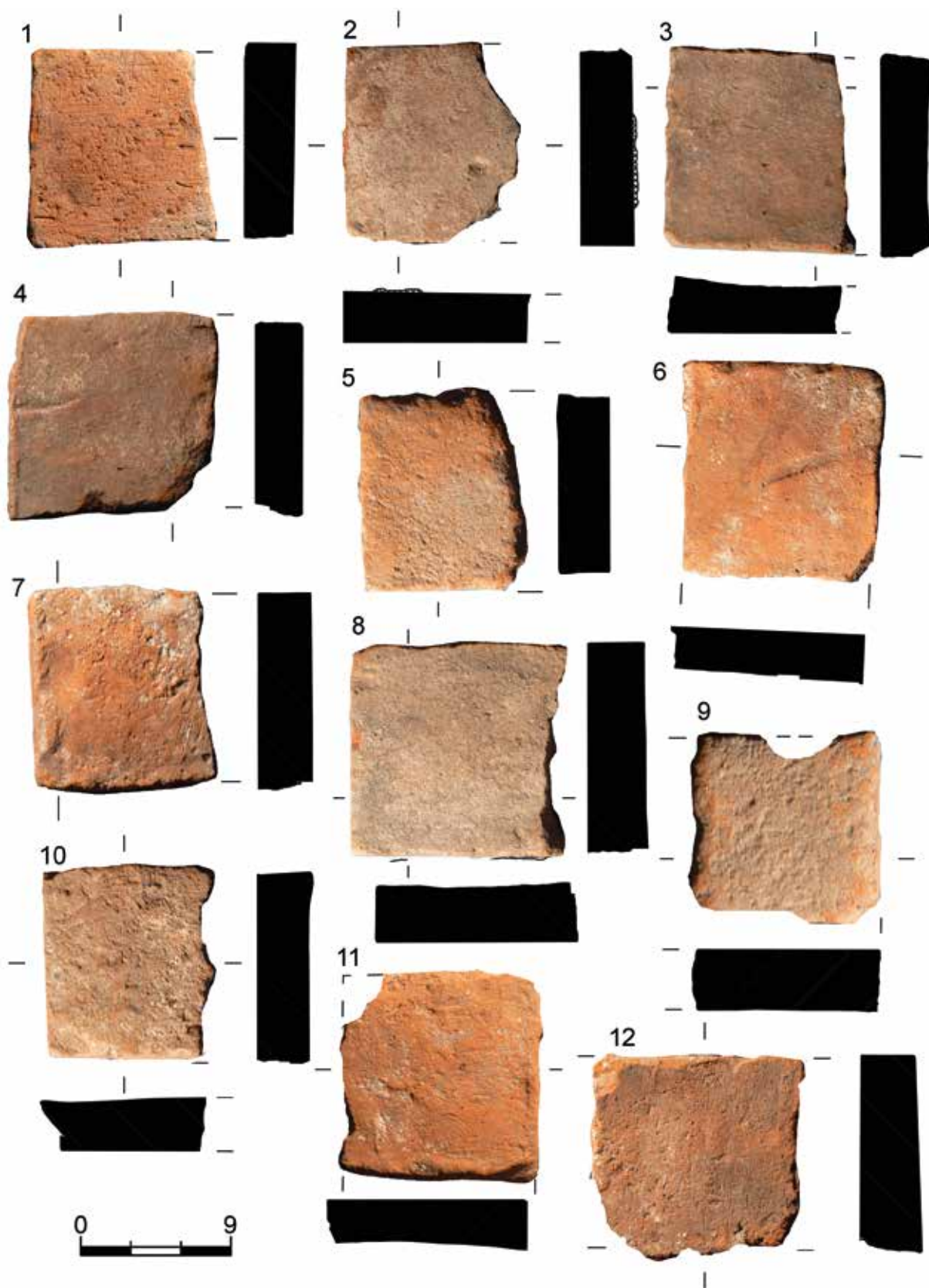

Рис. 249. Дворец. Археологические комплексы первого строительного периода (около 1425-1450 гг.). Раскопки 2009 г. Центральной участок. Квадрат №№ 10-14. 7-й слой: 1-12 – к.о.757. Изделия из керамики (1-12) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 152-155]

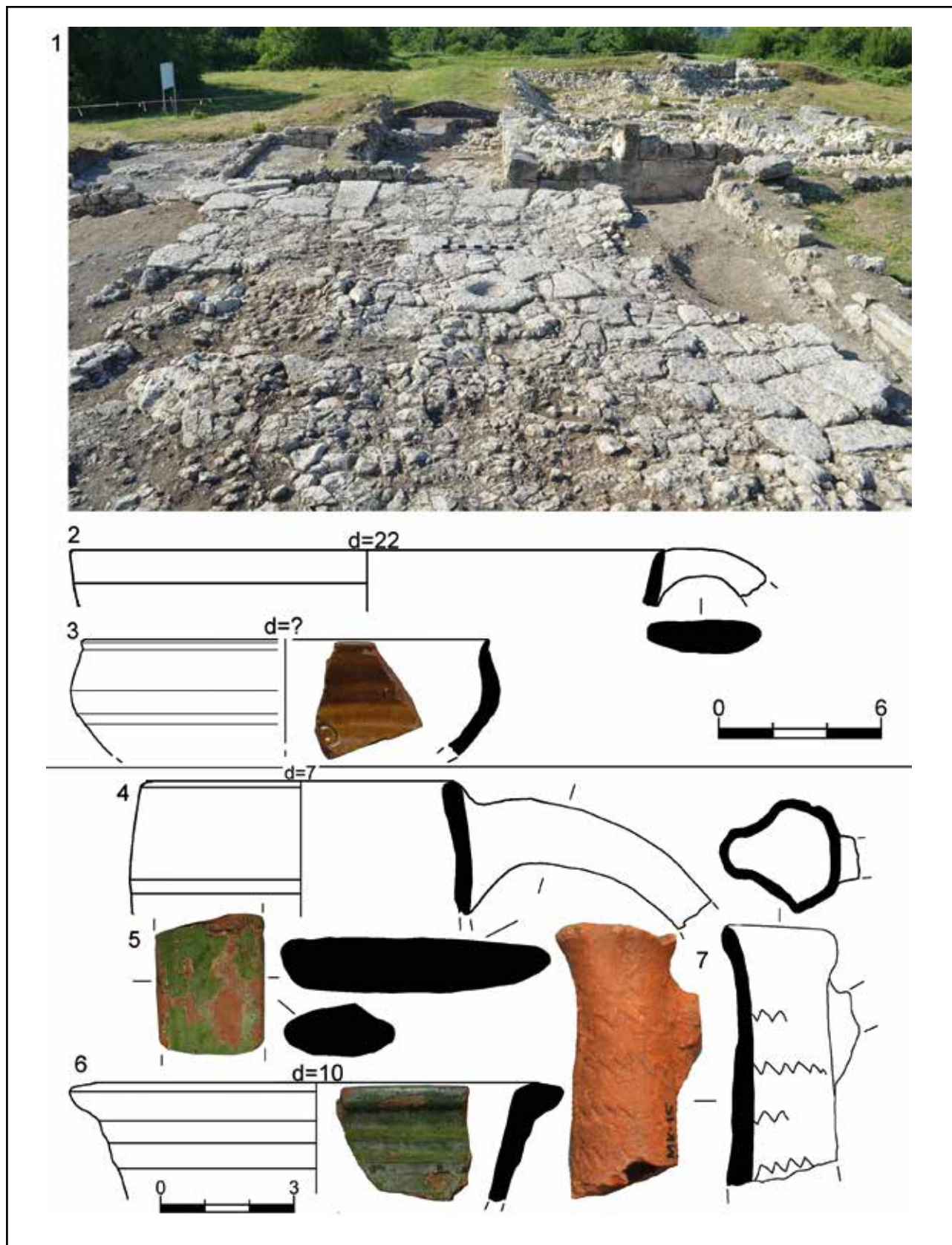

Рис. 250. Дворец. Археологические комплексы первого строительного периода (около 1425-1450 гг.). Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадраты №№16-19. Южная дворцовая площадь на 5-м слое: 1 – общий вид с юга. Находки из вымостки: 2 – к.о.179; 3 – к.о.182; 4 – к.о.178; 5-6 – к.о.181; 7 – к.о.180. Изделия из керамики (2-7) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 21, 103]

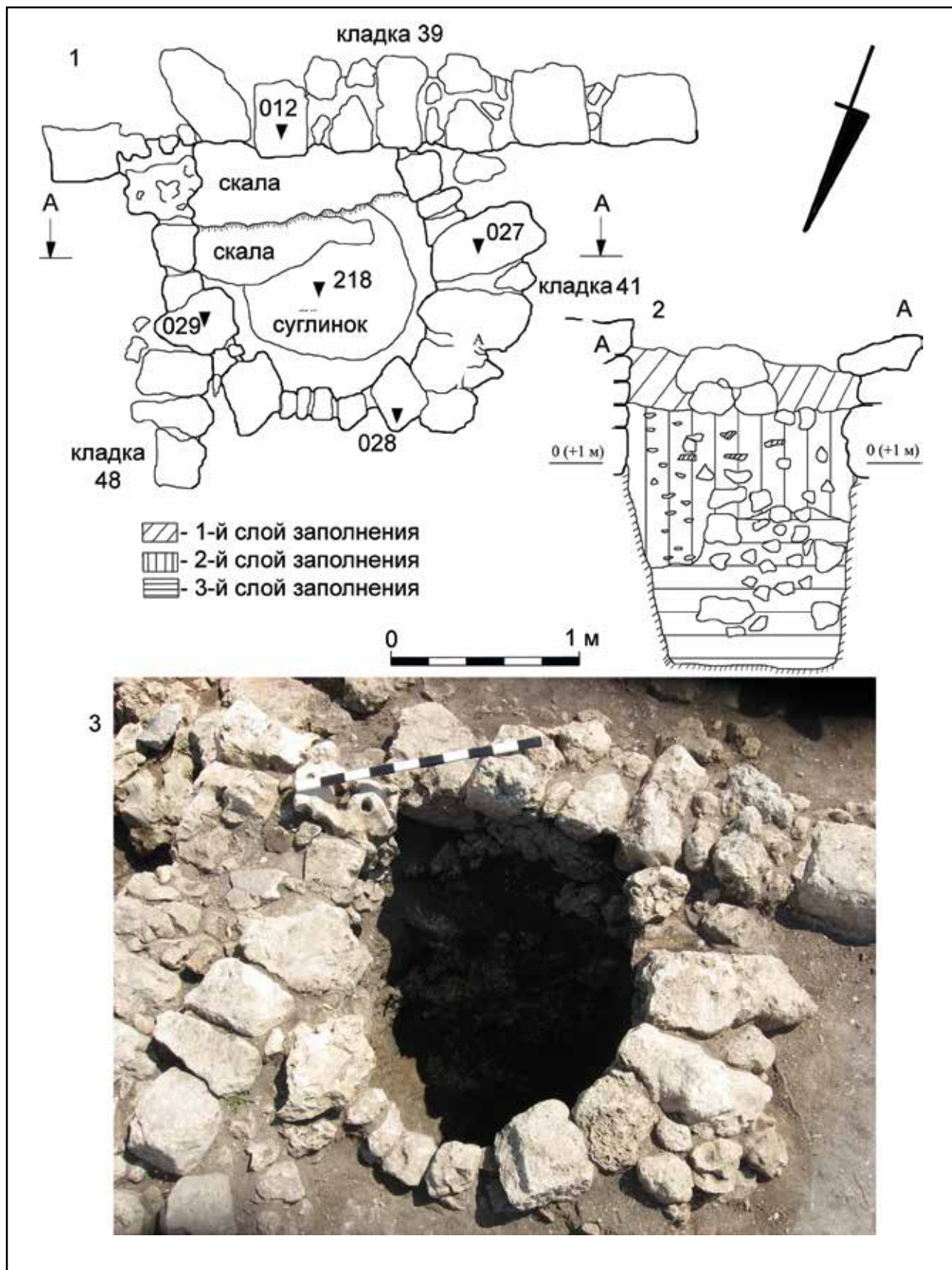

Рис. 251. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №4-6. Яма №29 (кладка №41): 1-2 – план, разрез; 3 – общий вид с севера после выборки заполнения [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 5, 39]

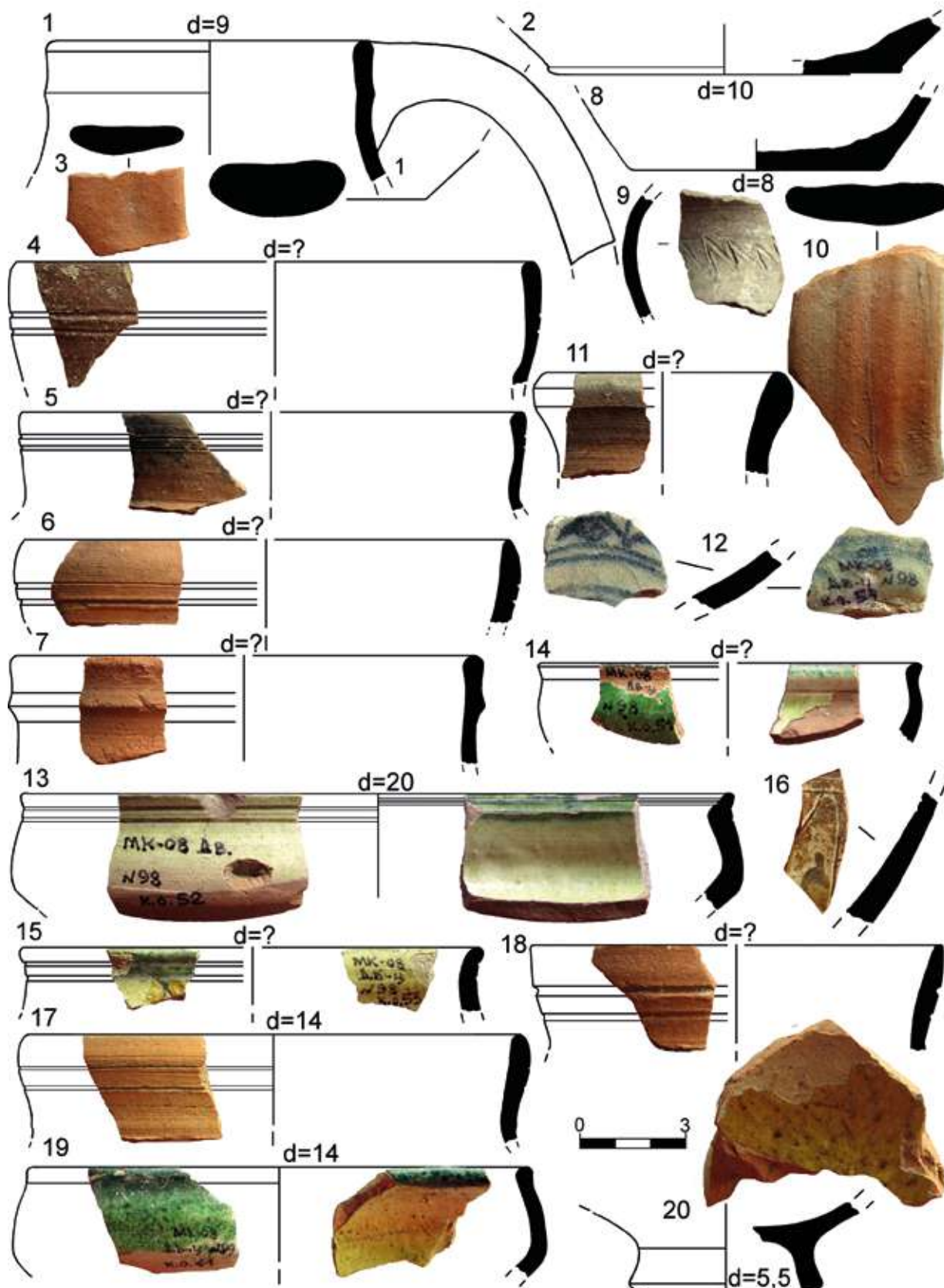

Рис. 252. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №4-6. Яма №29 (кладка №41).
Заполнение. 1-й слой: 1-2 – к.о.48; 3-8 – к.о.49; 9 – к.о.50; 10-11 – к.о.47; 12 – к.о.54; 13 – к.о.52; 14 – к.о.51. 2-й слой: 15 – к.о.53; 16 – к.о.58; 17-18 – к.о.55; 19 – к.о.61; 20 – к.о.57.
Изделия из керамики (1-11, 13-20) и кашина (12) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 74-80]

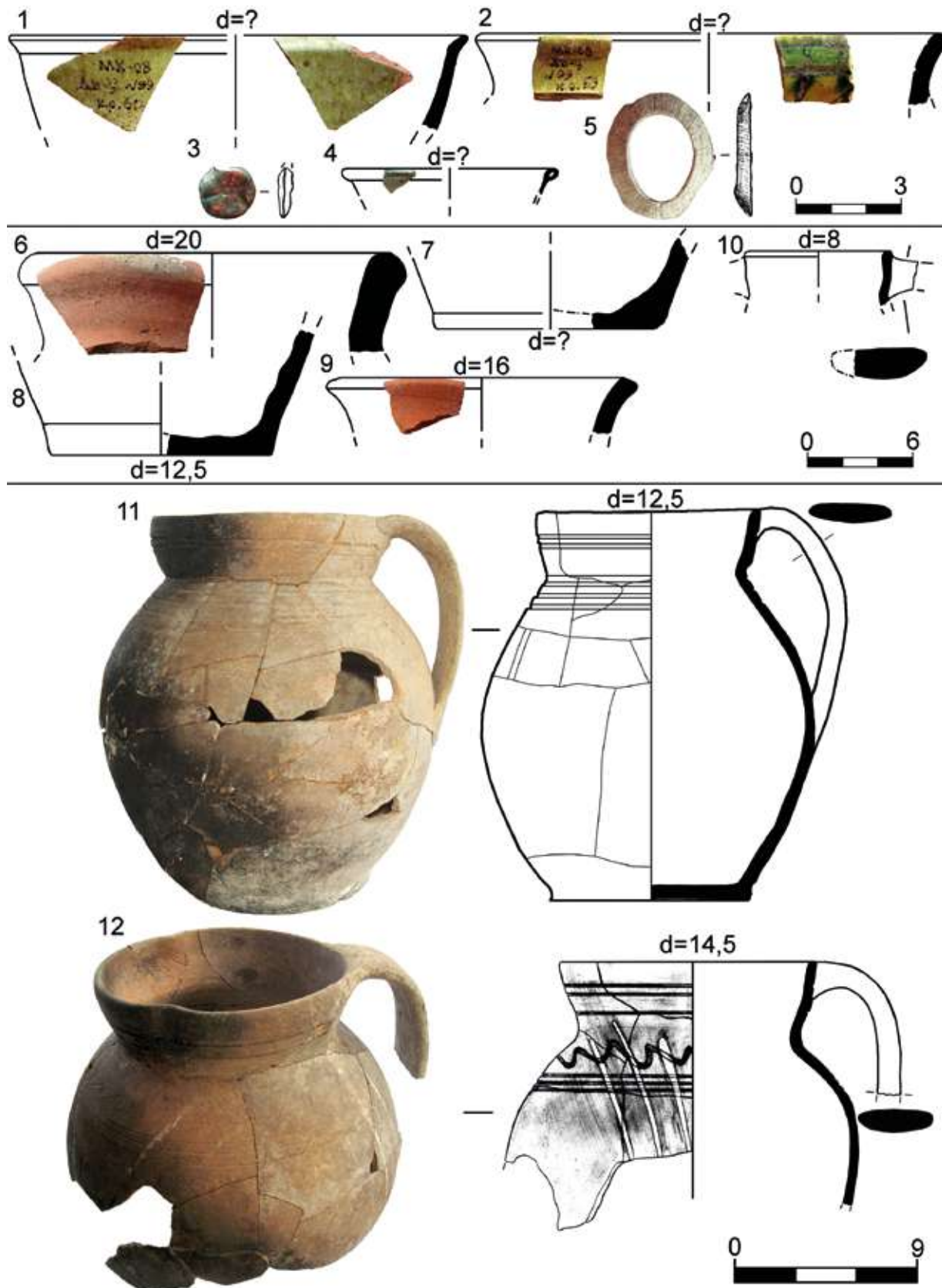

Рис. 253. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №4-6. Яма №29 (кладка №41). Заполнение. 2-й слой: 1 – к.о.60; 2 – к.о.59; 3 – к.о.63; 4 – к.о.64; 5 – к.о.62. 3-й слой. 6 – к.о.66; 7,8 – к.о.67; 9 – к.о.69; 10 – к.о.68; 11 – к.о.70; 12 – к.о.73. Изделия из керамики (1-2, 6-12), меди (3), стекла (4), кости (5) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 74-80]

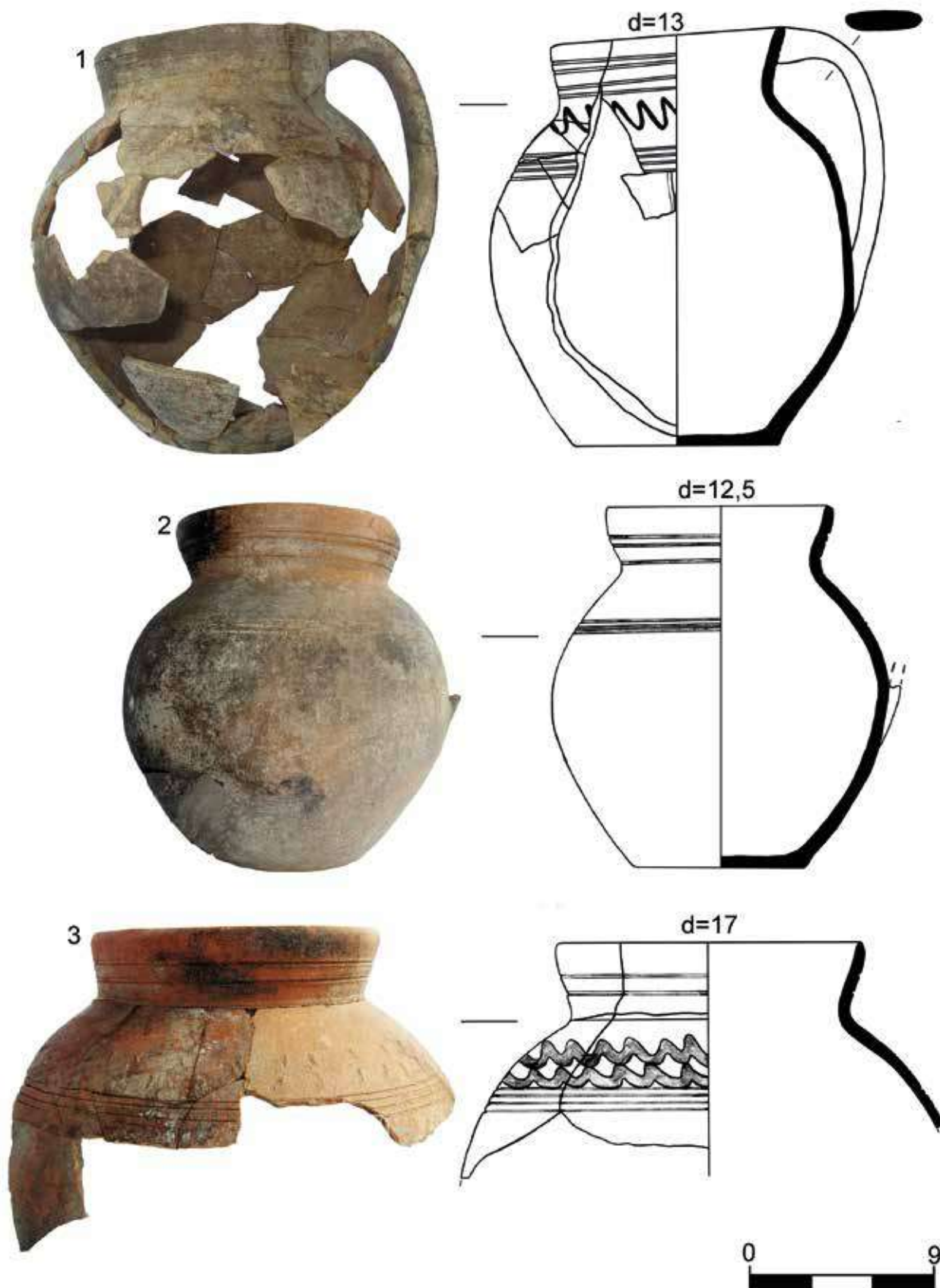

Рис. 254. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №4-6. Яма №29 (кладка №41). Заполнение. 3-й слой: 1 – к.о.72; 2 – к.о.71; 3 – к.о.74. Изделия из керамики (1-3) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 74-80]

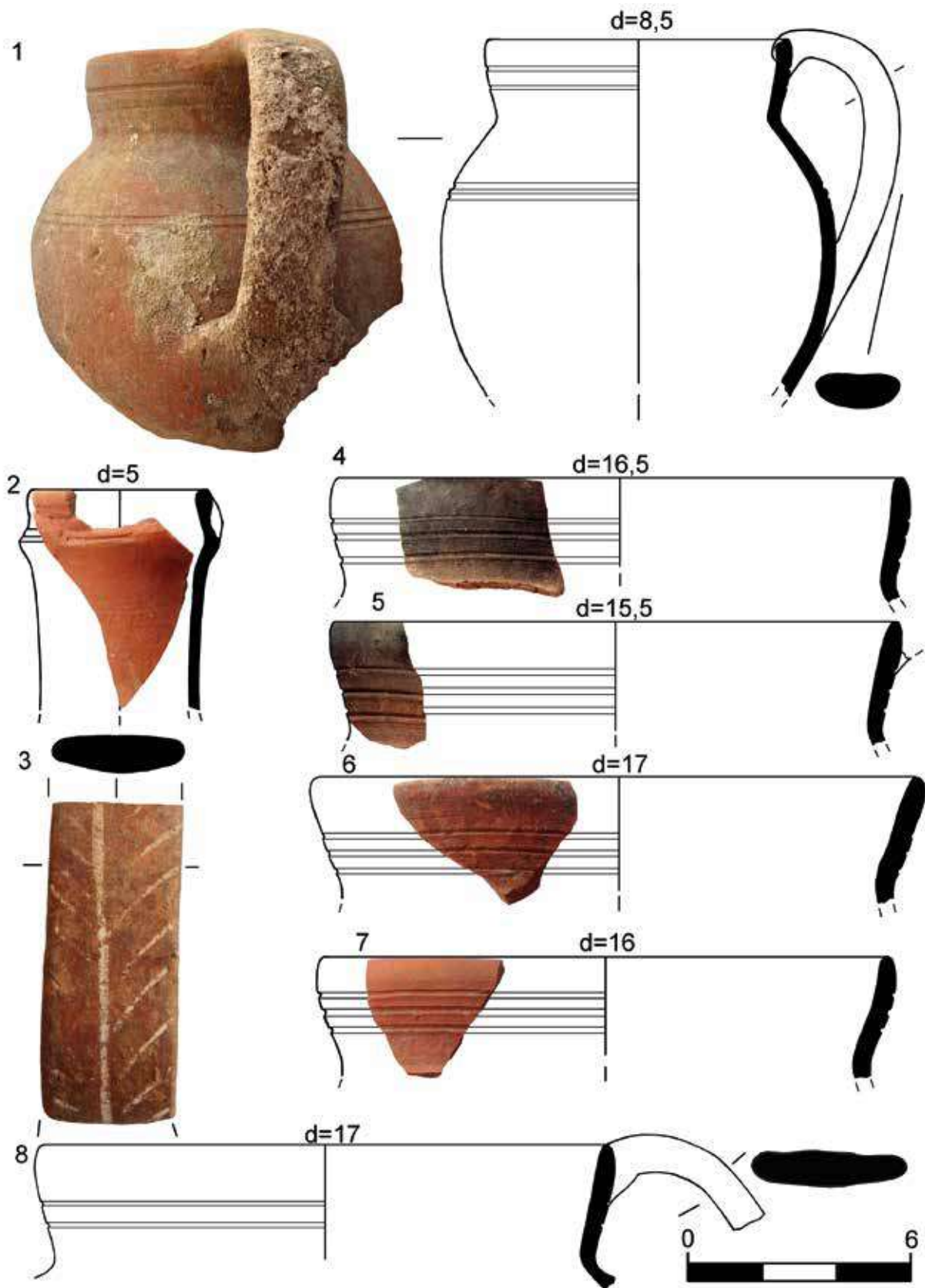

Рис. 255. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №4-6. Яма №29 (кладка №41). Заполнение. 3-й слой: 1 – к.о.75; 2 – к.о.79; 3-5 – к.о.78; 6-8 – к.о.77. Изделия из керамики (1-8) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 74-80]

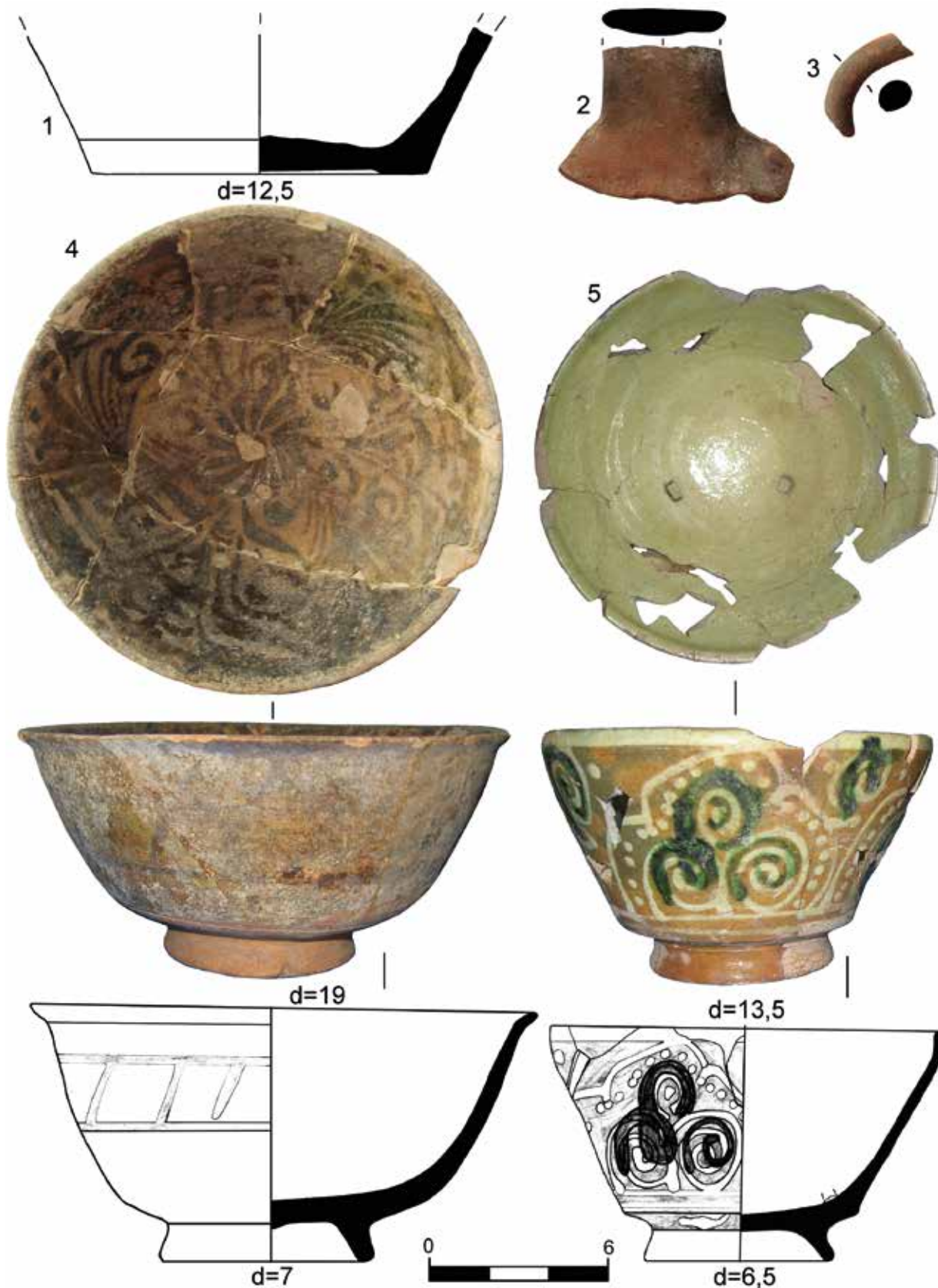

Рис. 256. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №4-6. Яма №29 (кладка №41). Заполнение. 3-й слой: 1 – к.о.77; 2 – к.о.76; 3 – к.о.80; 4 – к.о.86; 5 – к.о.88. Изделия из керамики (1-5) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 74-80]

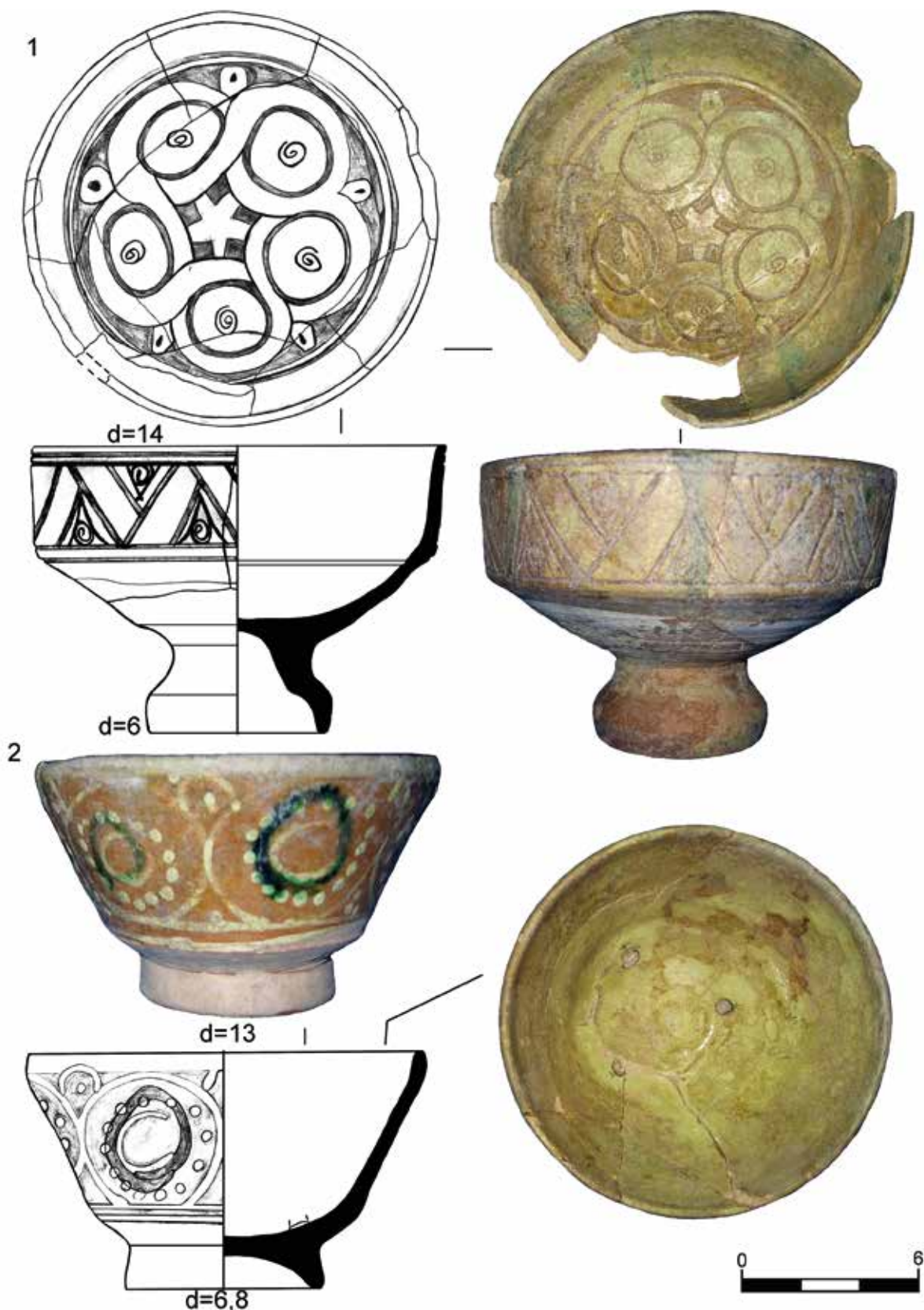

Рис. 257. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №4-6. Яма №29 (кладка №41). Заполнение. 3-й слой: 1 – к.о.87; 2 – к.о.88. Изделия из керамики (1-2) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 74-80]

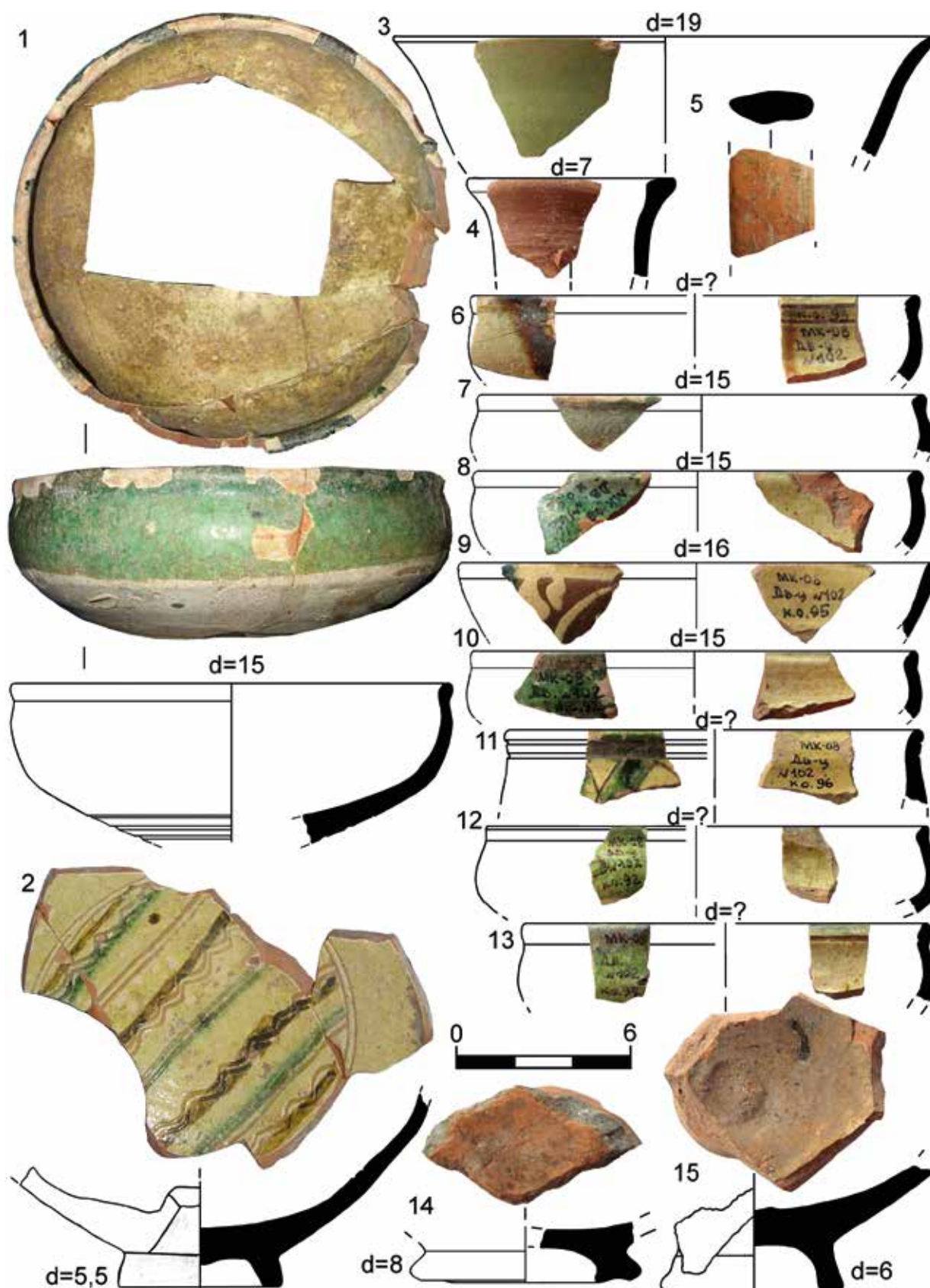

Рис. 258. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №4-6. Яма №29 (кладка №41). Заполнение. 3-й слой: 1 – к.о.89; 2 – к.о.87; 3 – к.о.97; 4 – к.о.82; 5 – к.о.83; 6 – к.о.93; 7,8,10,12 – к.о.92; 9 – к.о.95; 11 – к.о.96; 13 – к.о.94; 14 – к.о.84; 15 – к.о.91. Изделия из керамики (1-2, 4-15) и кашина (3) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 74-80]

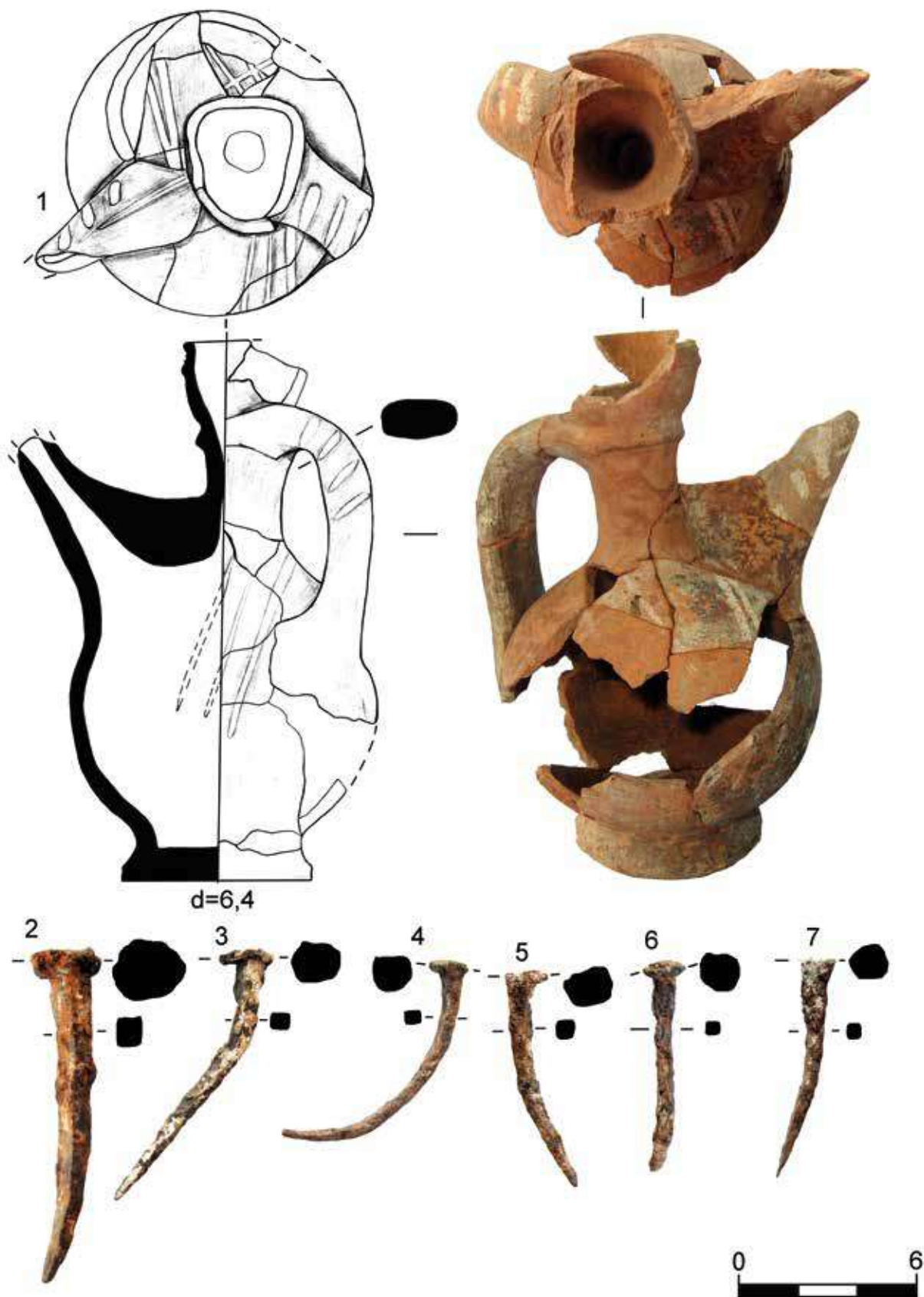

Рис. 259. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №4-6. Яма №29 (кладка №41). Заполнение. 3-й слой: 1 – к.о.81; 2-7 – к.о.104. Изделия из керамики (1), железа (2-7) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 74-80]

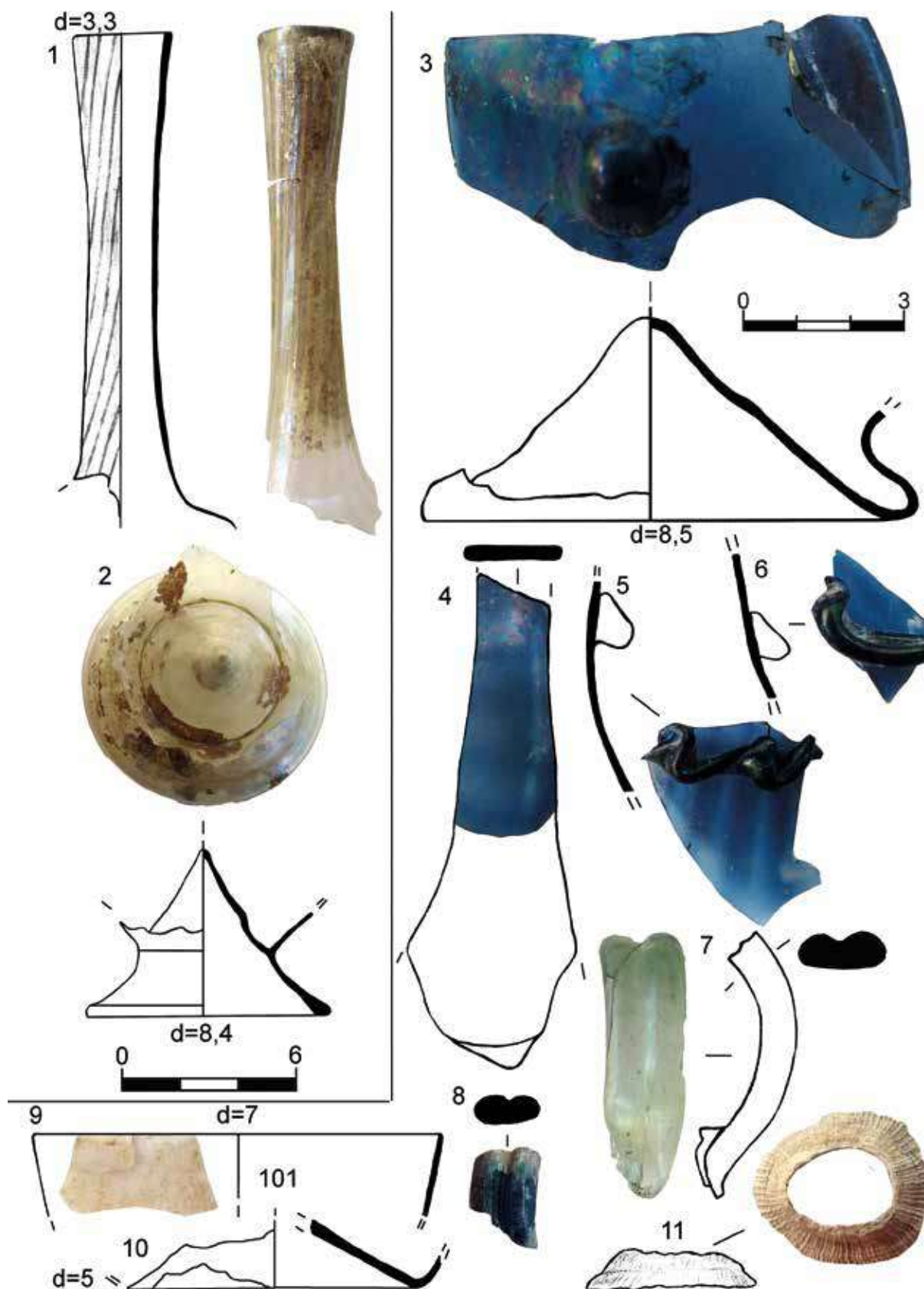

Рис. 260. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №4-6. Яма №29 (кладка №41). Заполнение. 3-й слой: 1-2, 10 – к.о.98; 3-6 – к.о.99; 7 – к.о.100; 8 – к.о.102; 9 – к.о.101; 11 – к.о.103. Изделия из стекла (1-10), раковины (11) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 74-80]

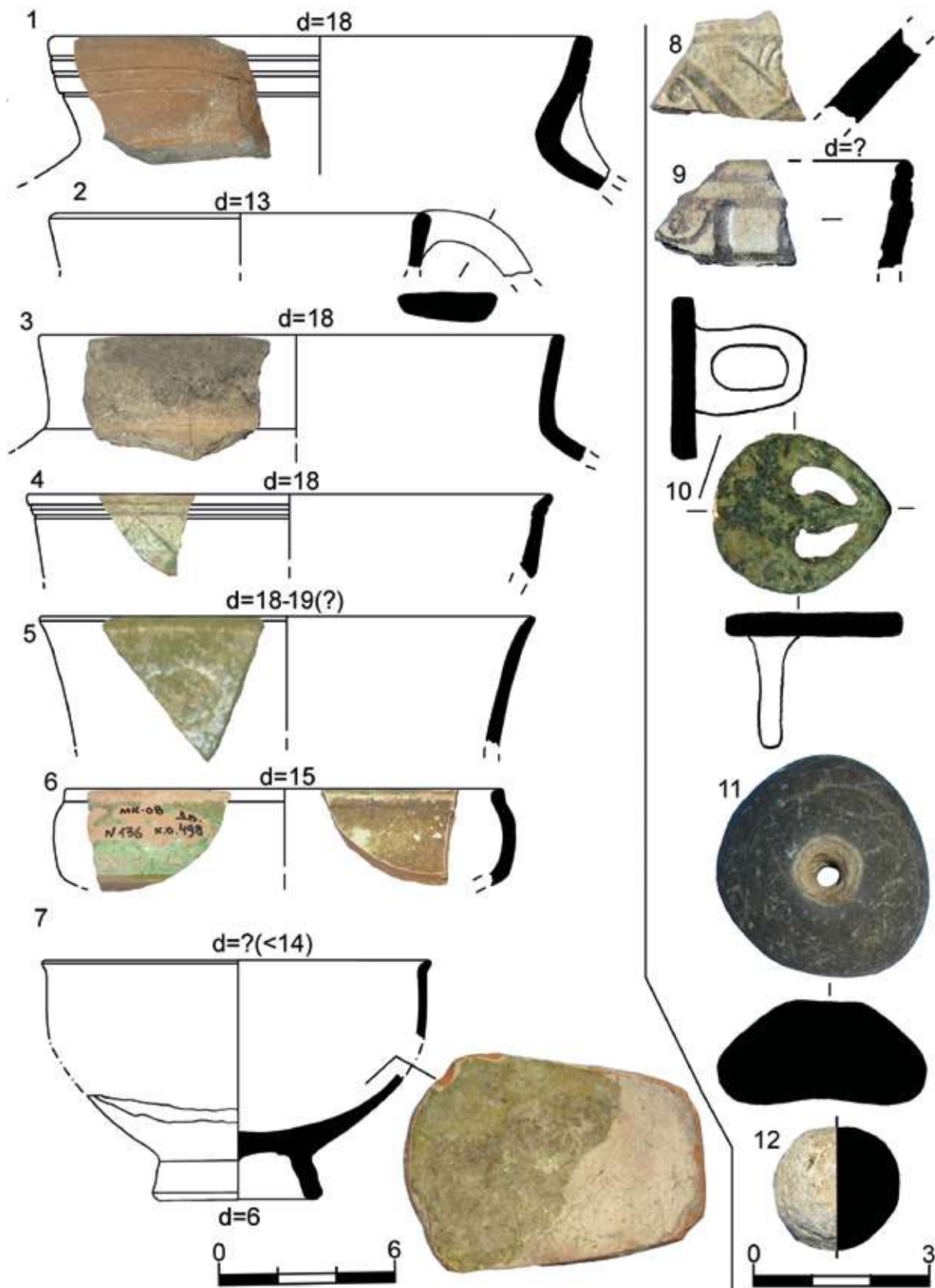

Рис. 261. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №13. Яма №34. Заполнение. «Слой отвалов из раскопок 1912-1913 гг.»: 1-2 – к.о.508; 3 – к.о.509; 4 – к.о.500; 5 – к.о.510; 6 – к.о.498; 7 – к.о.497; 8,9 – к.о.499; 10 – к.о.505; 11 – к.о.503; 12 – к.о.502. Изделия из керамики (1-4, 6-9), кашина (5), бронзы (10), гальки (11) и известняка (12) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 137]

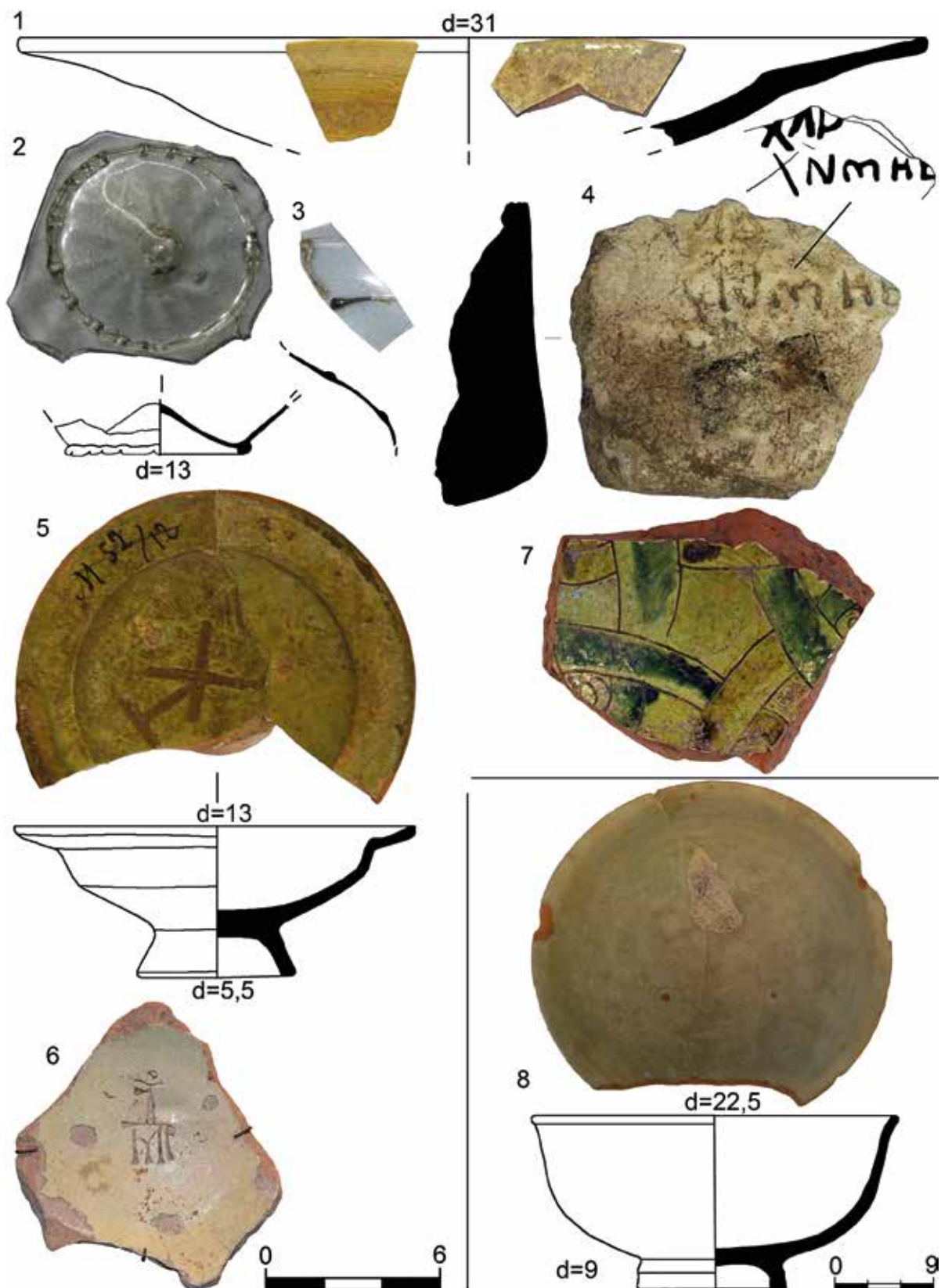

Рис. 262. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №13. Яма №34. Заполнение. «Слой отвалов из раскопок 1912-1913 гг.»: 1 – к.о.496; 2-3 – к.о.504; 4 – к.о.501; 5 – №1808/85; 6 – №1808/89; 7 – №1808/90; 8 – №1808/91. Изделия из керамики (1, 5-8), стекла (2-3), известняка (4) [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 137, 147; Науменко, Душенко, 2017, с. 198-199, 225, рис. 6-7, 35-36]

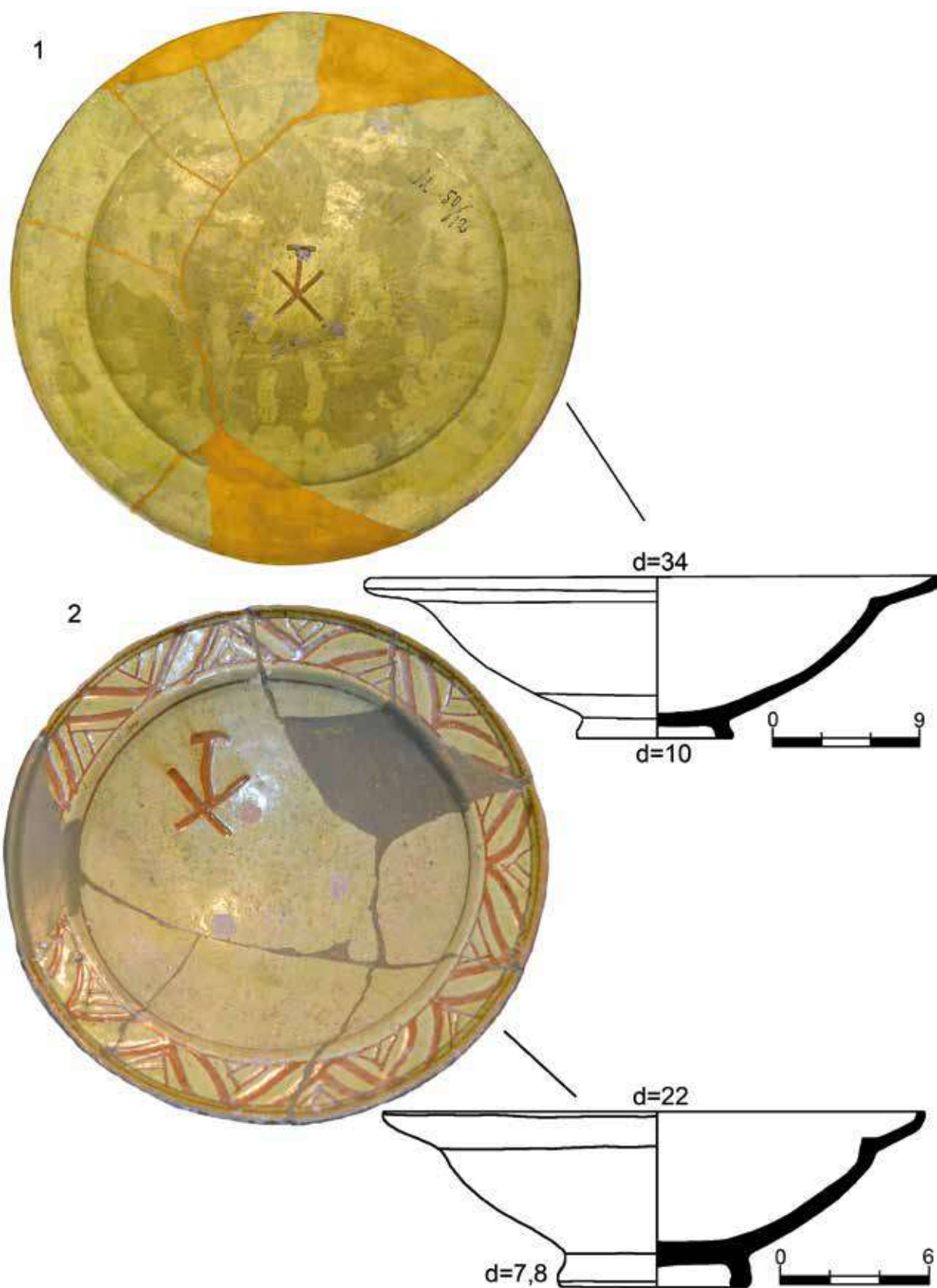

Рис. 263. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №13. Яма №34. Заполнение. «Слой отвалов из раскопок 1912-1913 гг.»:
 1 – №1808/83; 2 – №1808/84. Изделия из керамики (1-2)
 [по: Науменко, Душенко, 2017, с. 197, рис. 5]

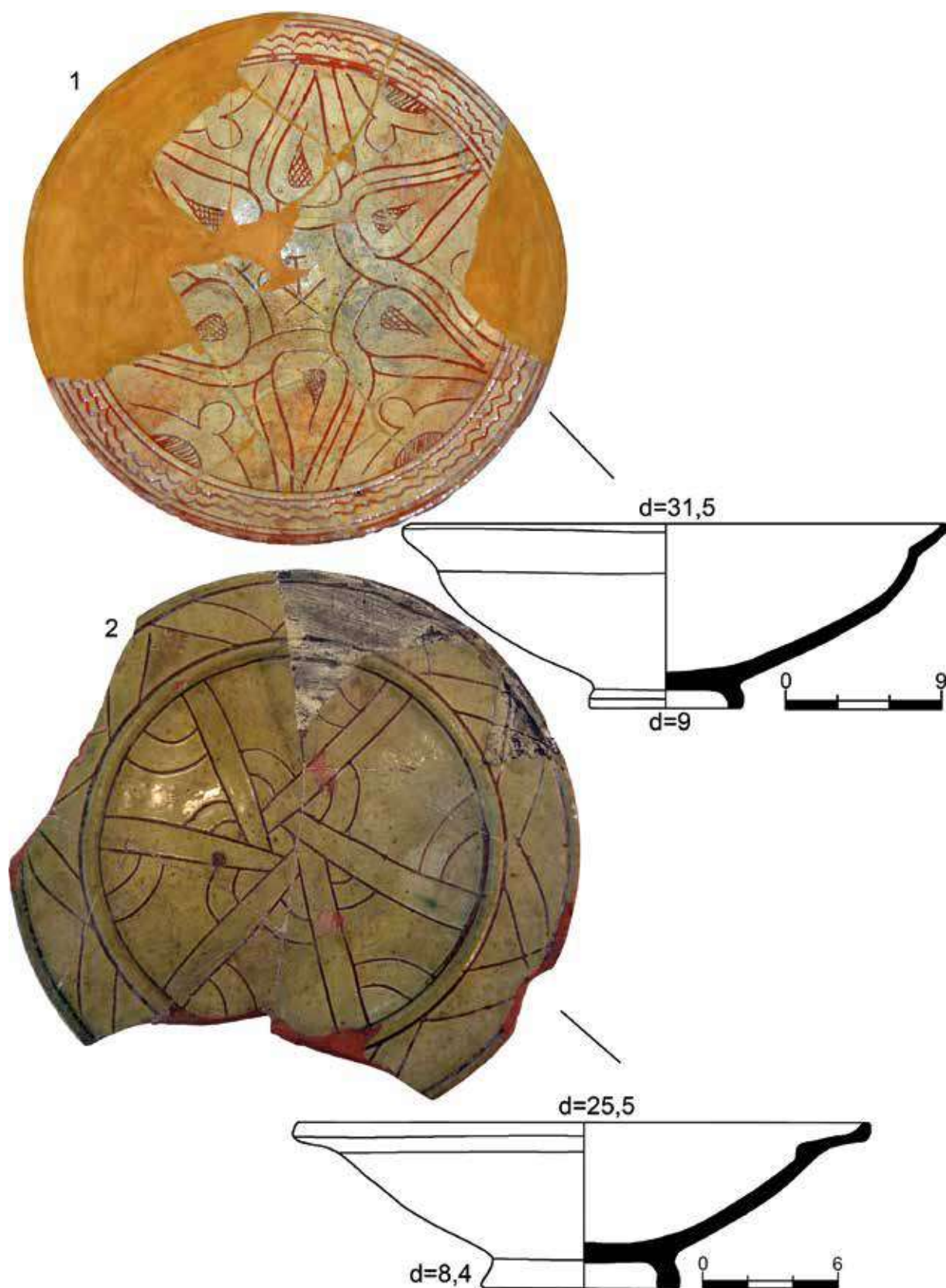

Рис. 264. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №13. Яма №34. Заполнение. «Слой отвалов из раскопок 1912-1913 гг.»: 1 – №1808/93; 2 – №1808/88. Изделия из керамики (1-2) [по: Науменко, Душенко, 2017, с. 197, 199, рис. 5, 7]

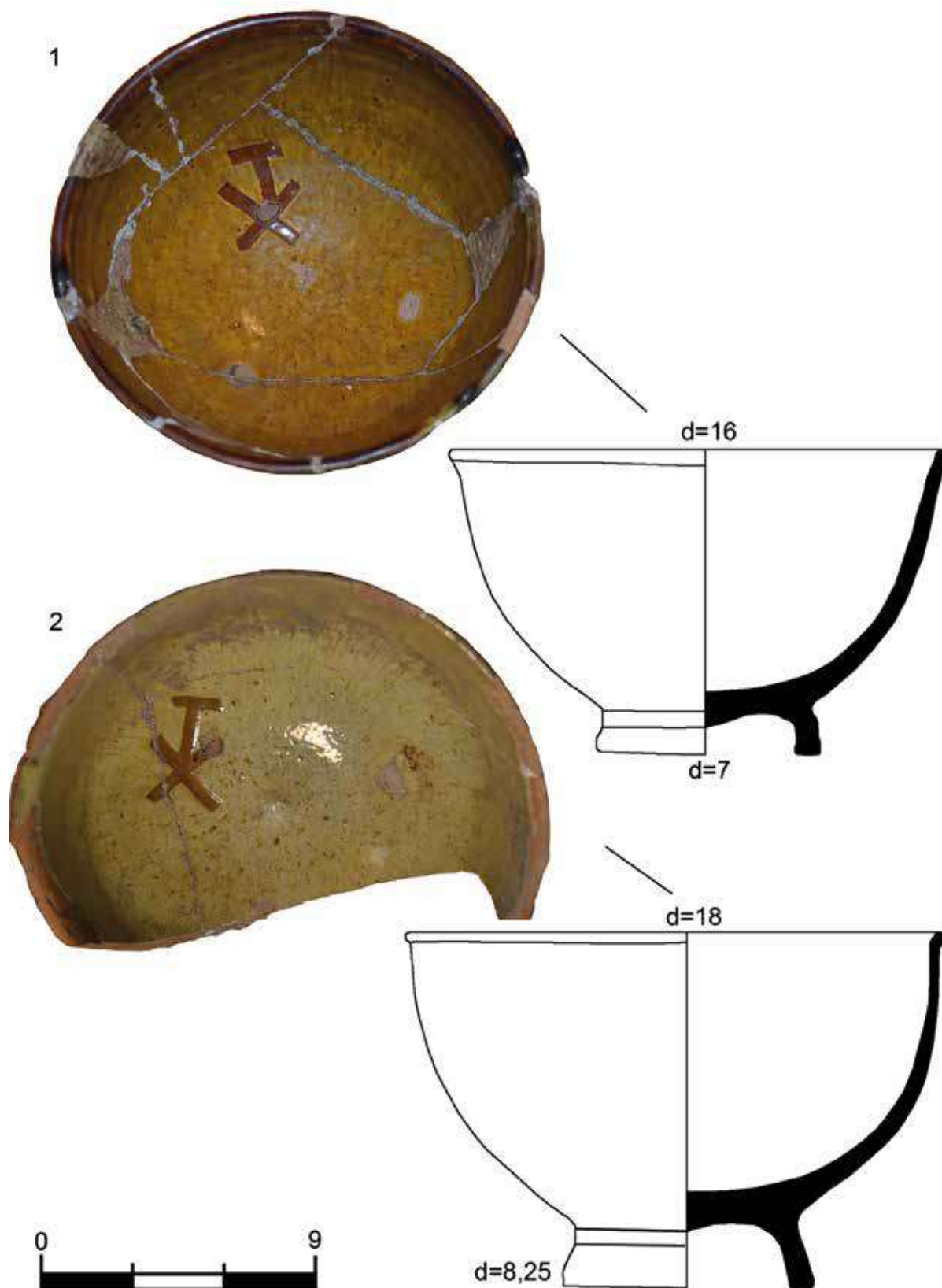

Рис. 265. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №13. Яма №34. Заполнение. «Слой отвалов из раскопок 1912-1913 гг.»: 1– №1808/86; 2 – №1808/87. Изделия из керамики (1-2) [по: Науменко, Душенко, 2017, с. 196, рис. 4]

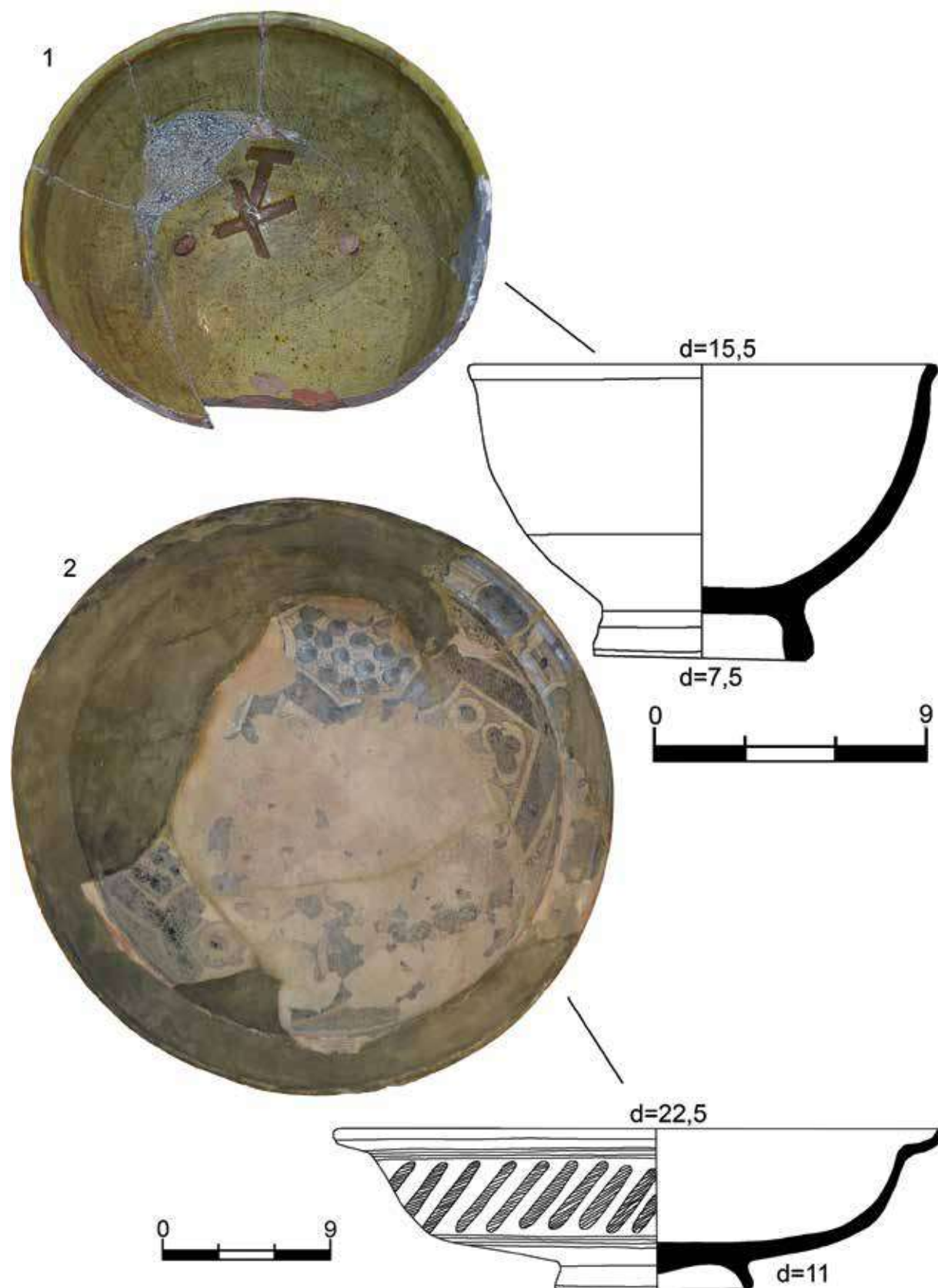

Рис. 266. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №13. Яма №34. Заполнение. «Слой отвалов из раскопок 1912-1913 гг.»: 1– №1808/94; 2 – №1808/92. Изделия из керамики (1-2) [по: Науменко, Душенко, 2017, с. 196, 199, рис. 4, 6]

1

2

Рис. 267. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадраты №№11-13: 1 – яма №35 по 3-му уровню заполнения, вид с севера; 2 – помещение I по завершении работ, общий вид с северо-востока [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 51, 54]

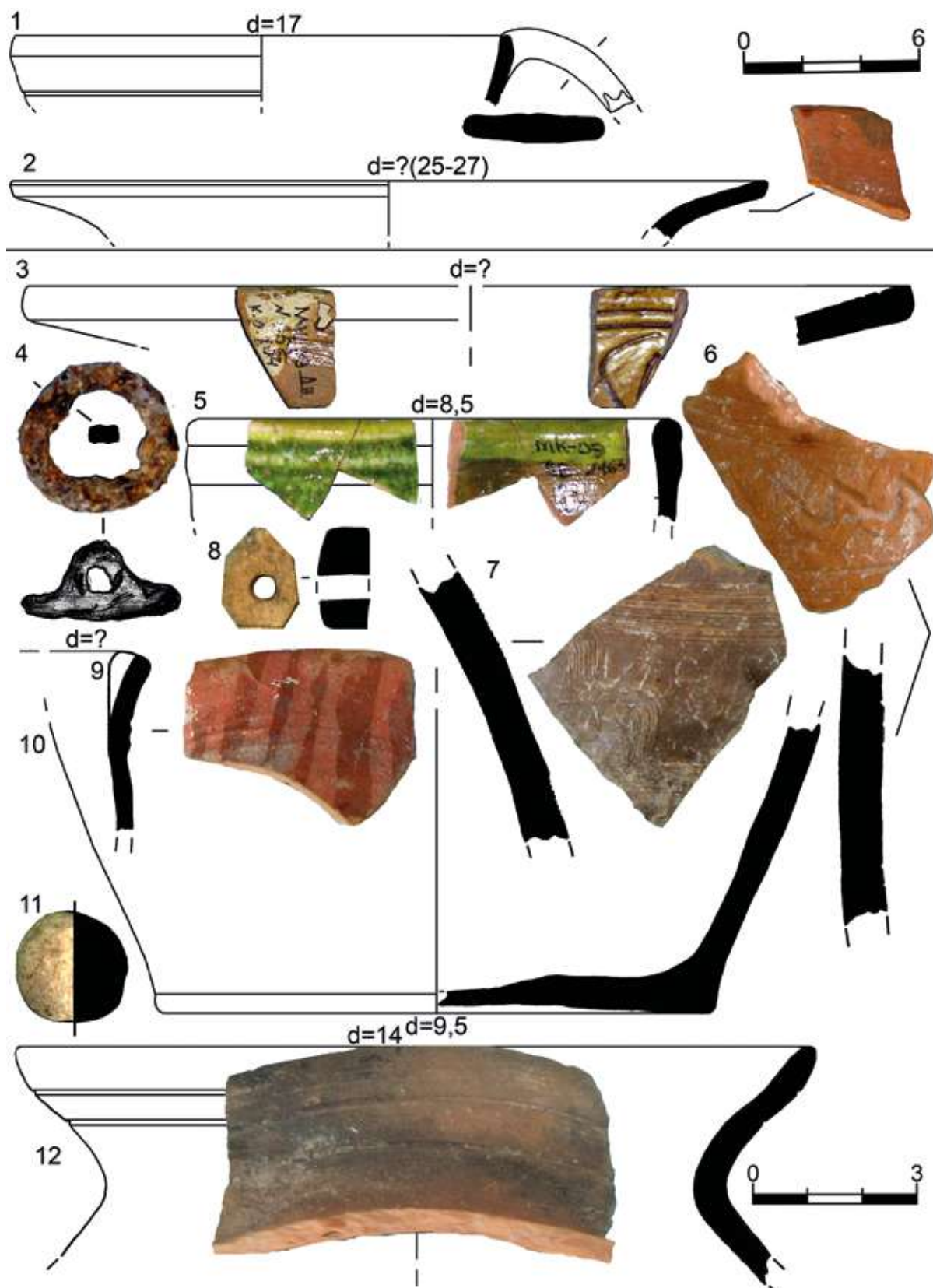

Рис. 268. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадраты №№11-13. Помещение I. Яма №35. Заполнение. 1-й слой: 1 – к.о.103; 3 – к.о.104; 4 – к.о.105. 2-й слой: 2 – к.о.108; 5 – к.о.111; 6 – к.о.107; 7 – к.о.109; 8 – к.о.115; 9-10 – к.о.110; 11 – к.о.114; 12 – к.о.106. Изделия из керамики (1-3, 5-7, 9-10, 12), железа (4), кости (8) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 87-97]

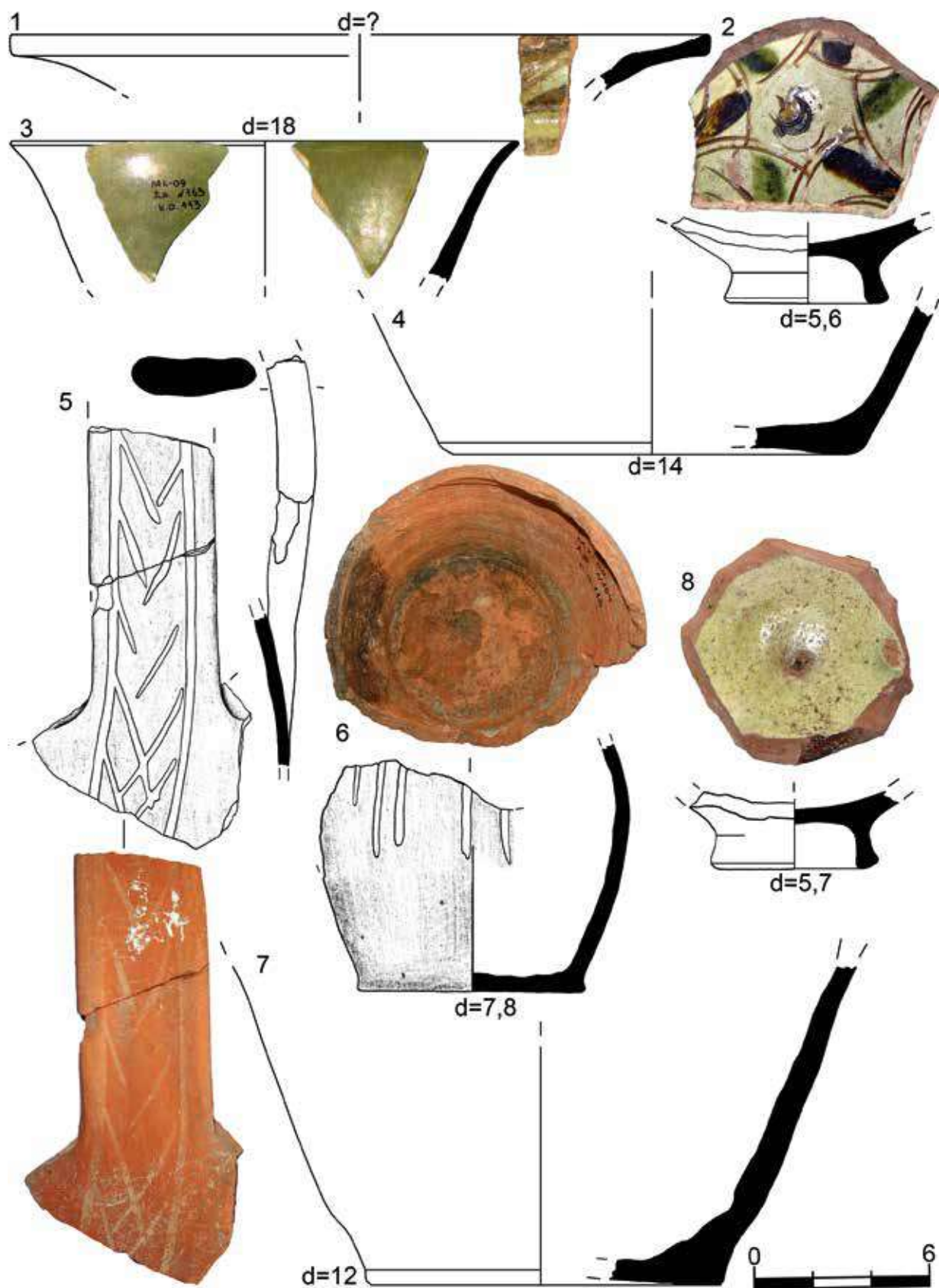

Рис. 269. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадраты №№11-13. Помещение I. Яма №35. Заполнение. 2-й слой: 1-2 – к.о.112; 3 – к.о.113. 3-й слой: 3 – к.о.113; 4-5 – к.о.117; 6 – к.о.118; 7 – к.о.116; 8 – к.о.124. Изделия из керамики (1-2, 4-7), кашина (3) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 87-97]

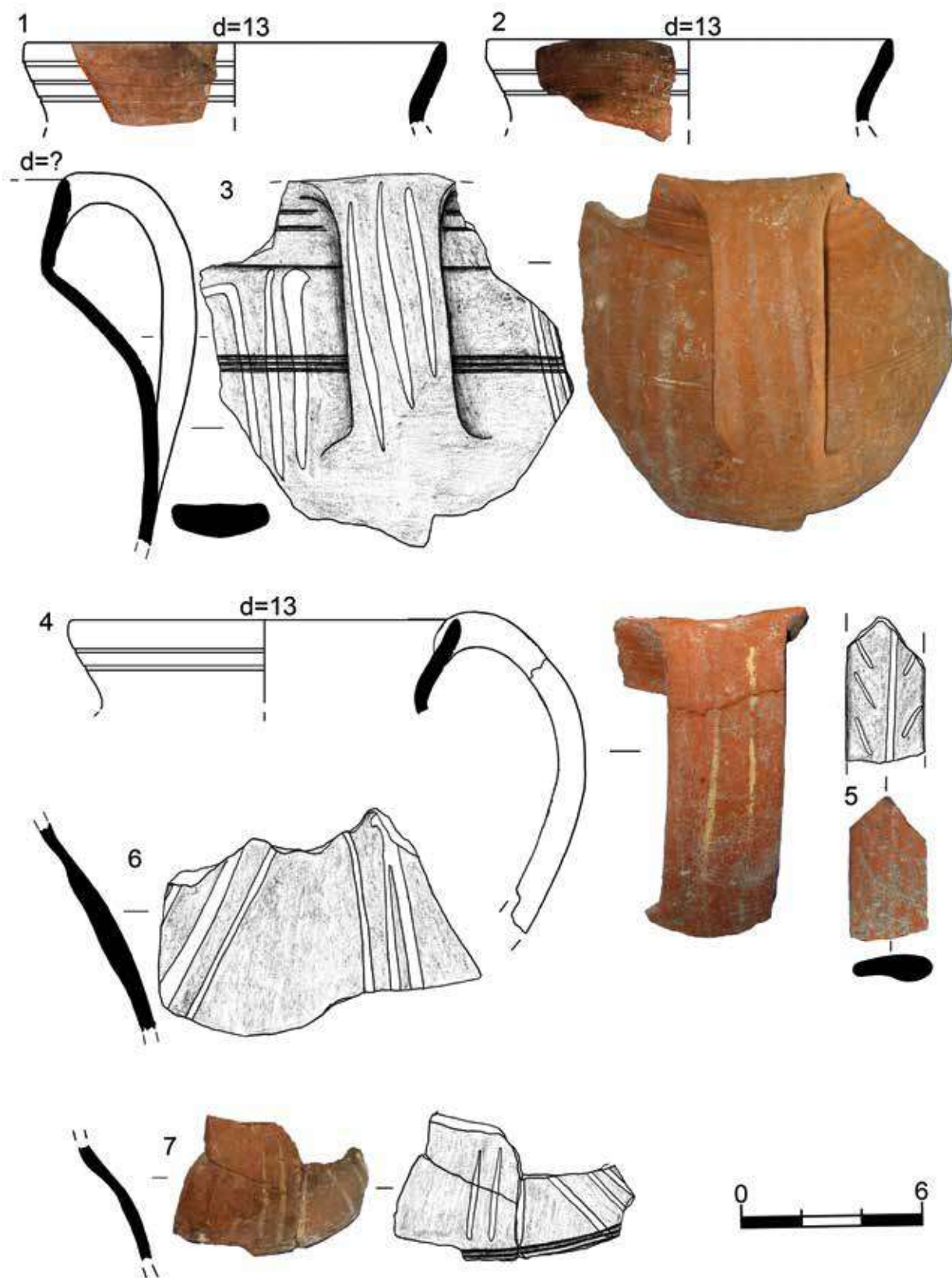

Рис. 270. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадраты №№11-13. Помещение I. Яма №35. Заполнение. 3-й слой: 1-7 – к.о.119. Изделия из керамики (1-7) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 87-97]

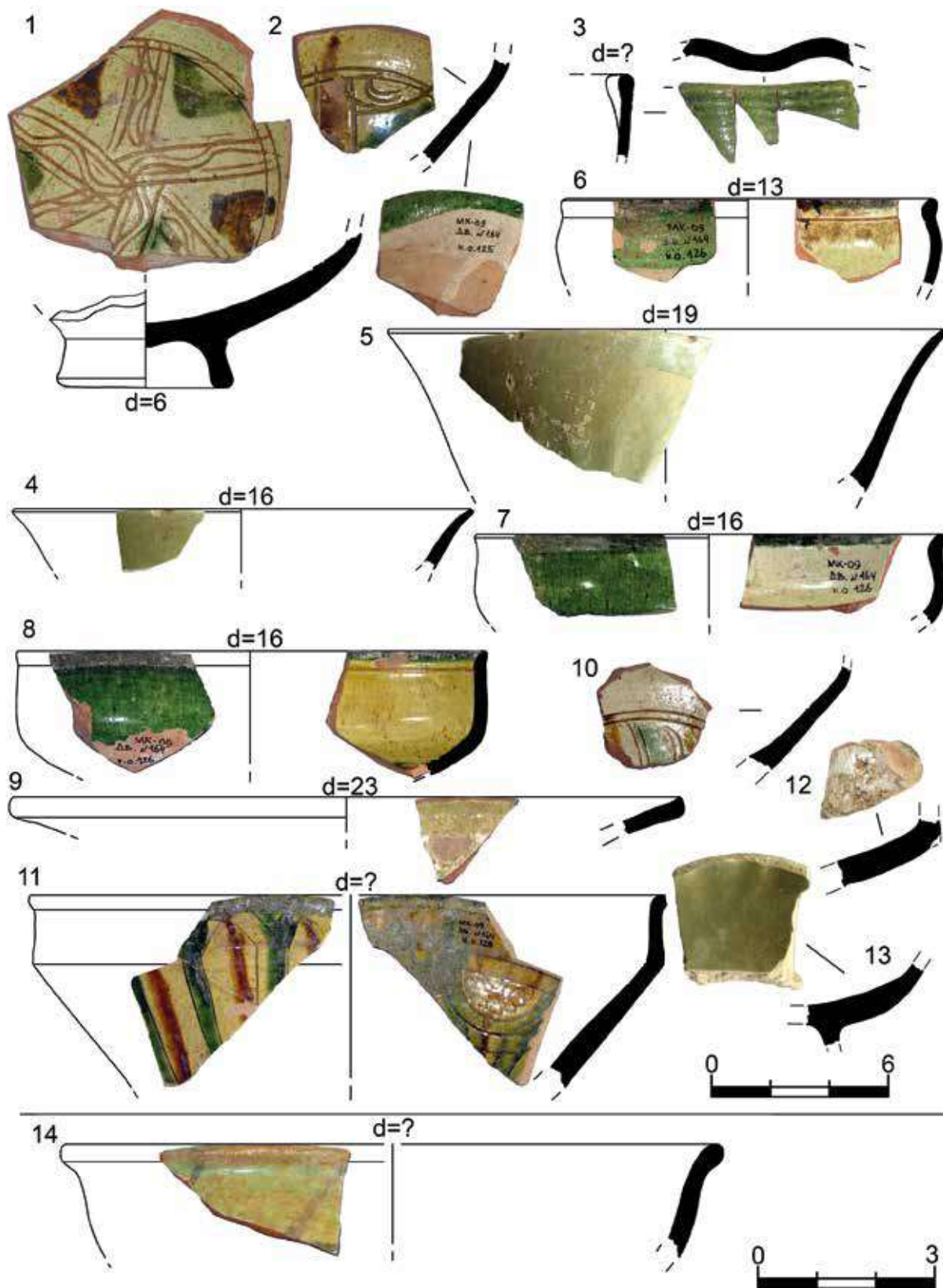

Рис. 271. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадраты №№11-13. Помещение I. Яма №35. Заполнение. 3-й слой: 1-2 – к.о.125; 3 – к.о.123; 4-5 – к.о.131; 6-8 – к.о.126; 9 – к.о.129; 10 – к.о.125; 11 – к.о.128; 12 – к.о.130; 13 – к.о.131; 14 – к.о.127. Изделия из керамики (1-3, 6-12, 14) и кашина (4-5, 12) по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 87-97]

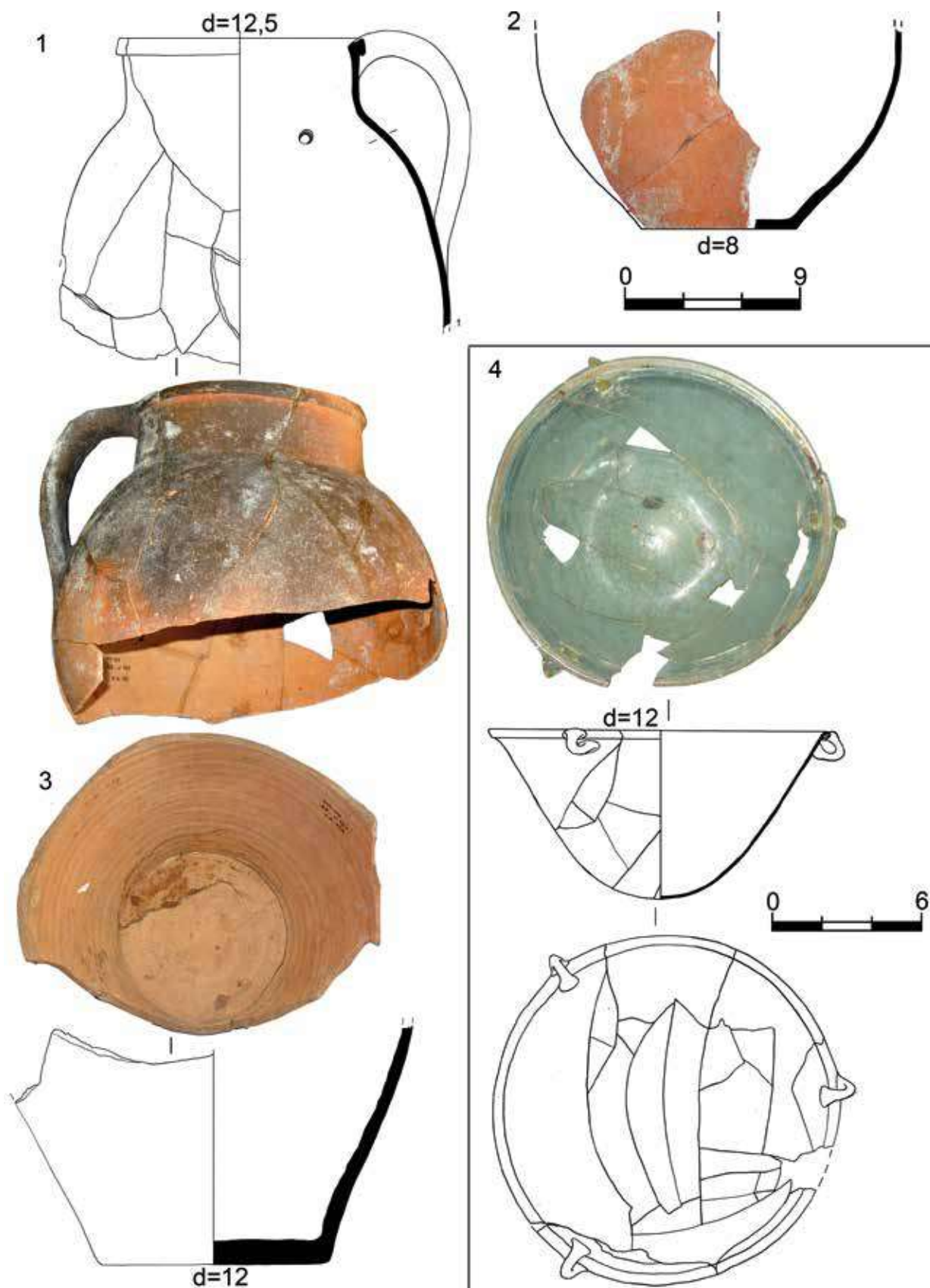

Рис. 272. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадраты №№11-13. Помещение I. Яма №35. Заполнение. 3-й слой: 1-2 – к.о.121; 3 – к.о.120; 4 – к.о.132. Изделия из керамики (1-3), стекла (4) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 87-97]

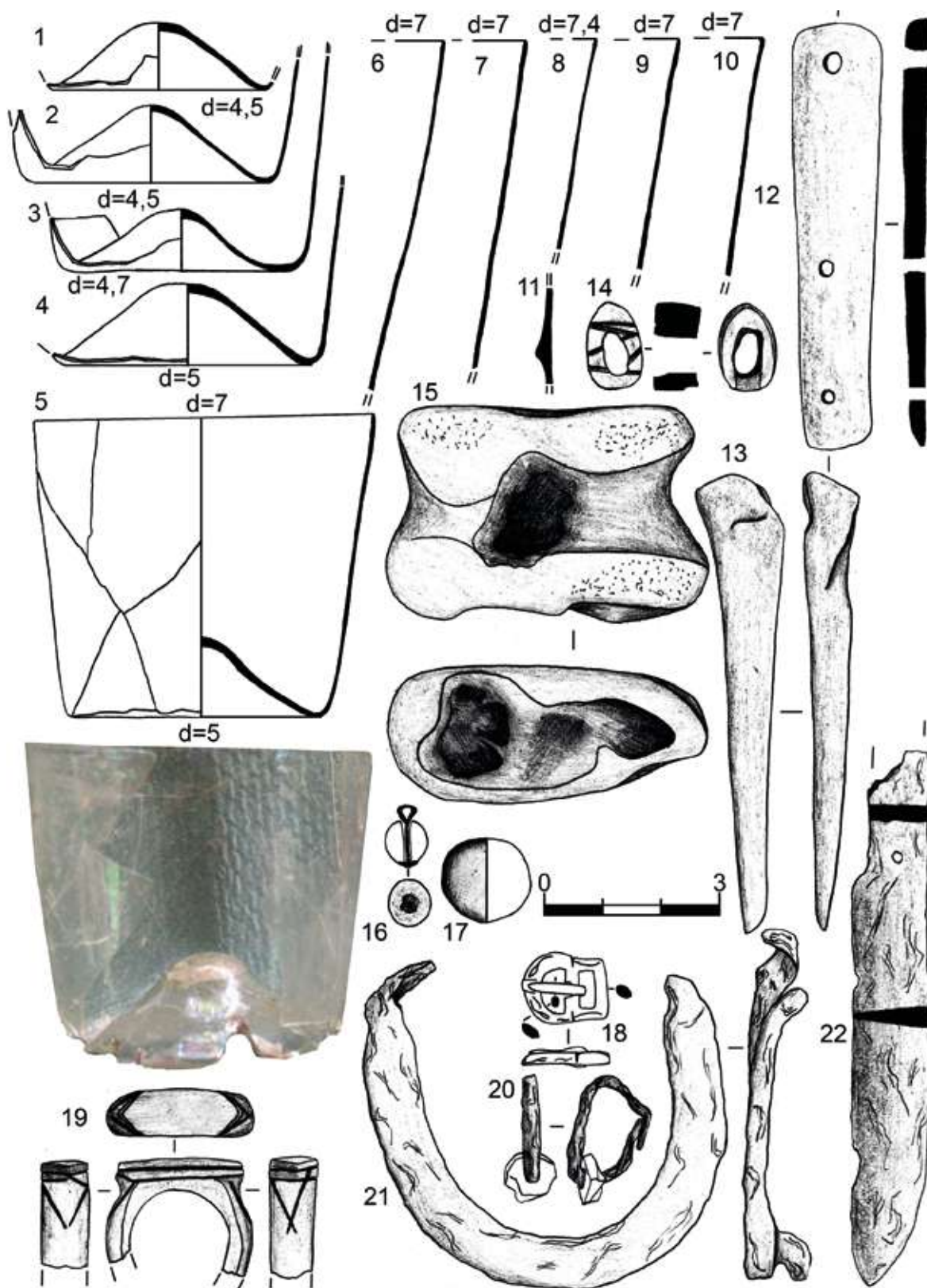

Рис. 273. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадраты №№11-13. Помещение I. Яма №35. Заполнение. 3-й слой: 1-10 – к.о.131; 11 – к.о.134; 12 – к.о.137; 13 – к.о.136; 15 – к.о.135; 16 – к.о.142; 17 – к.о.140; 18 – к.о.143; 19 – к.о.141; 20 – к.о.139; 21 – к.о.145; 22 – к.о.144. Изделия из стекла (1-11), кости (12-15), сердолика (16), известняка (17), бронзы (18), темно-зеленого камня (19), меди (20), железа (21-22) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 87-97]

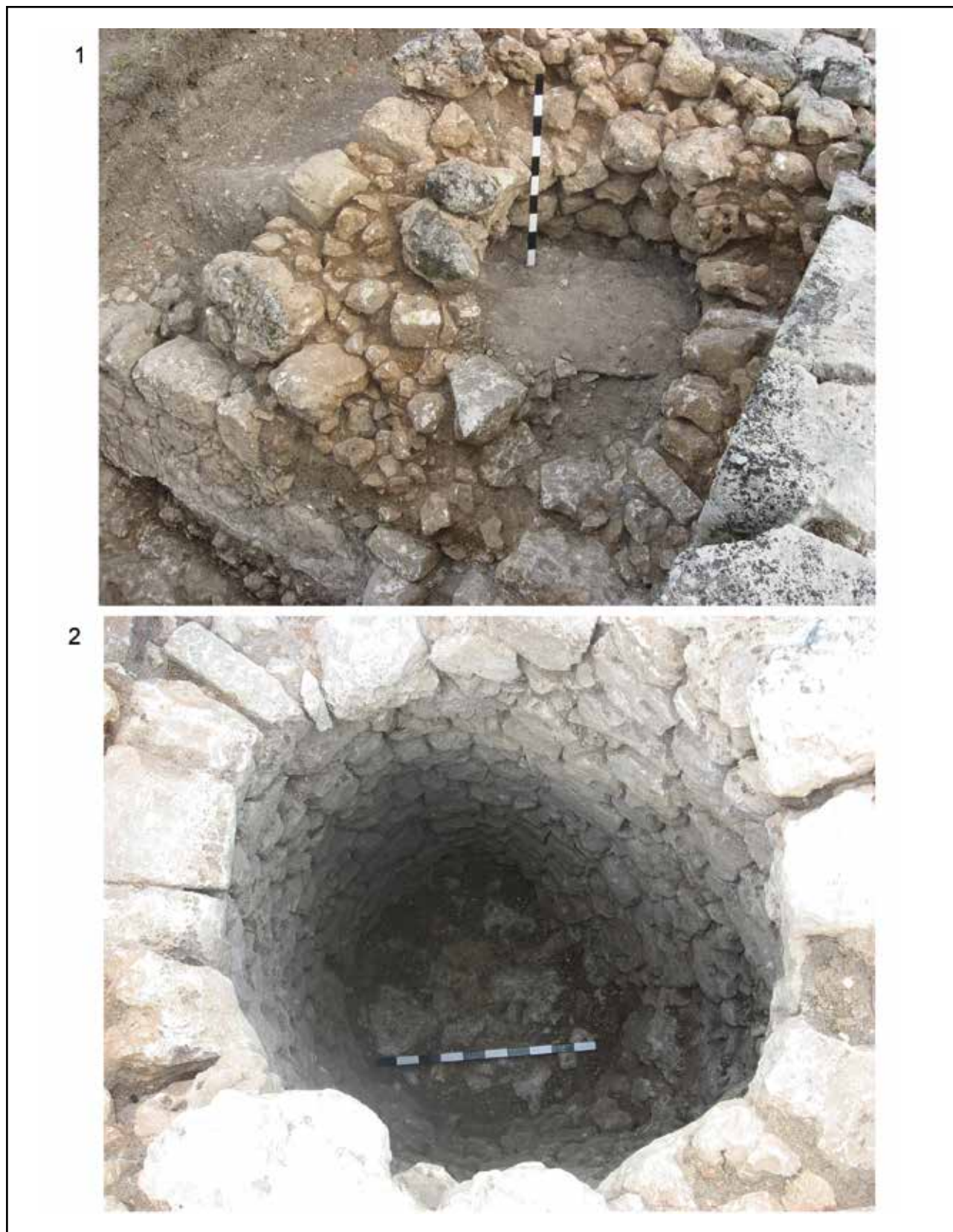

Рис. 274. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №13. Помещение G. Яма №36: 1 – по уровню 1-го (верхнего) горизонта заполнения, общий вид с запада; 2 – после выборки заполнения, вид с запада, сверху [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 52-53]

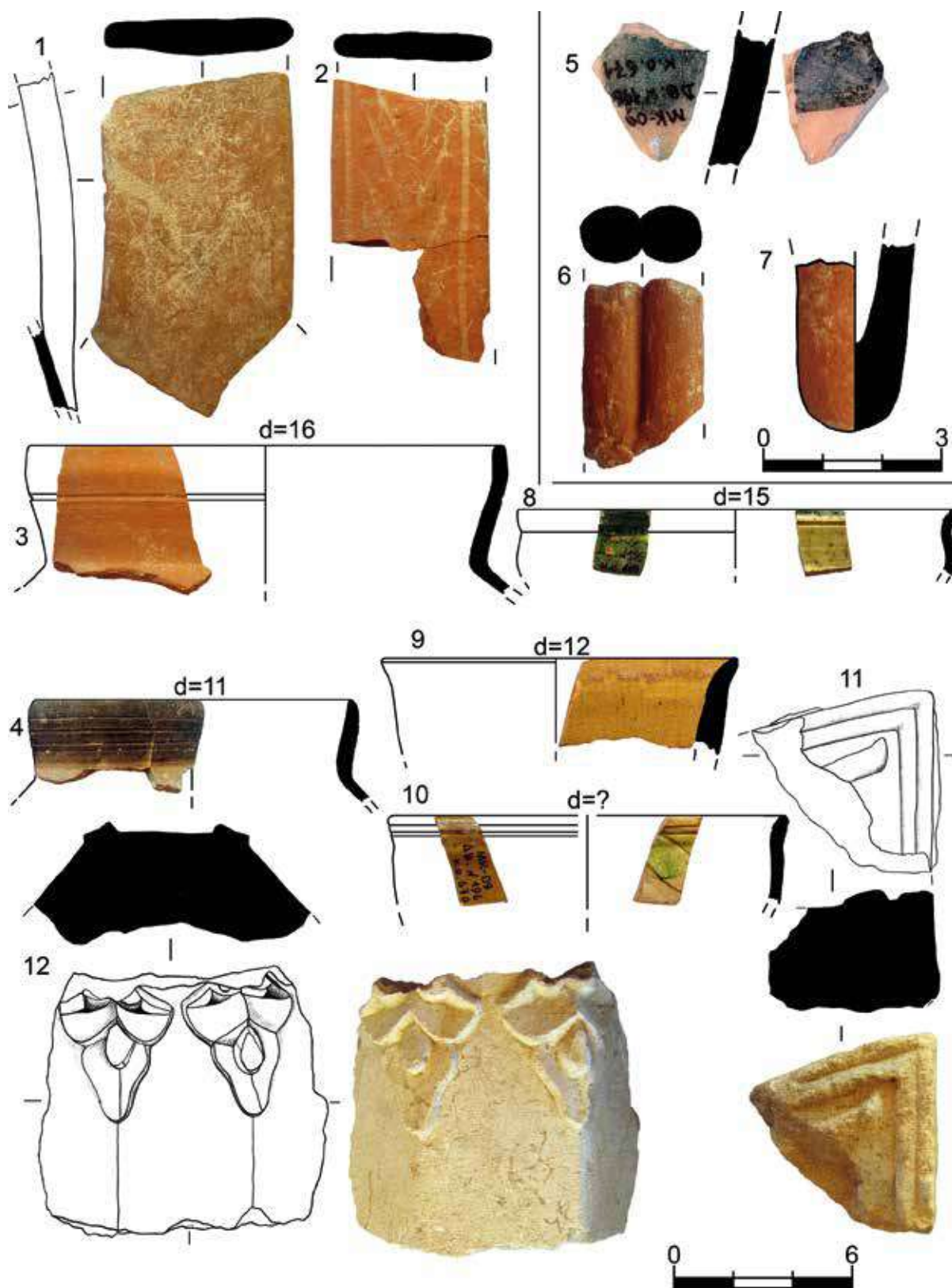

Рис. 275. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №13. Помещение Г. Яма №36. Заполнение.
 1-й слой («слой отвалов из раскопок 1912-1913 гг.): 1-2 – к.о.662; 3-4 – к.о.663; 5 – к.о.671; 6 – к.о.664; 7 – к.о.662; 8 – к.о.669; 9 – к.о.666; 10 – к.о.670; 12 – к.о.674; 13 – к.о.673.
 Изделия из керамики (1-10), известняка (11-12) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 130-137]

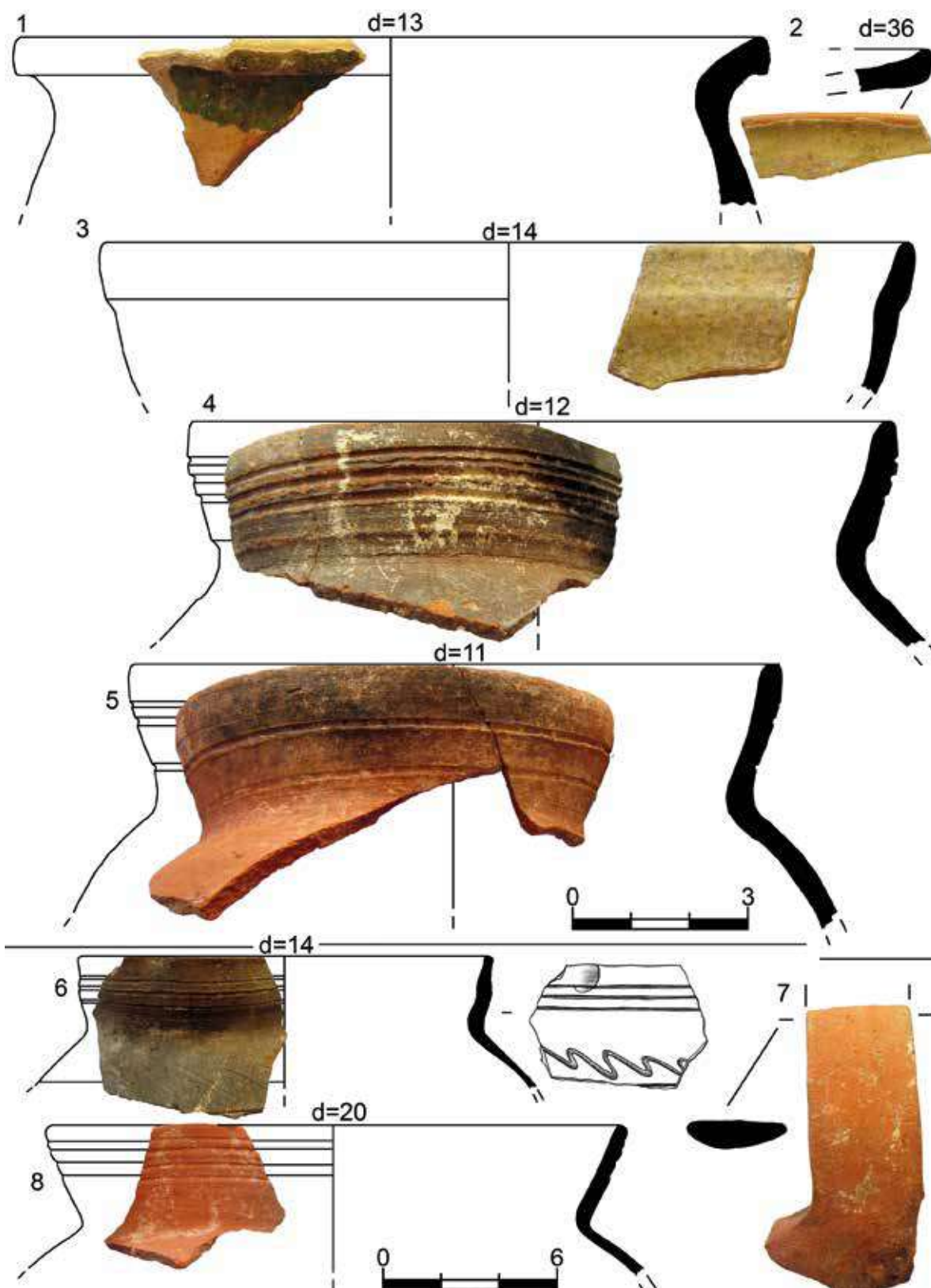

Рис. 276. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №13. Помещение Г. Яма №36. Заполнение. 1-й слой: 1 – к.о.665; 2 – к.о.667; 3 – к.о.668; 7-8 – к.о.663. 2-й слой: 4-6 – к.о.680. Изделия из керамики (1-8) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 130-137]

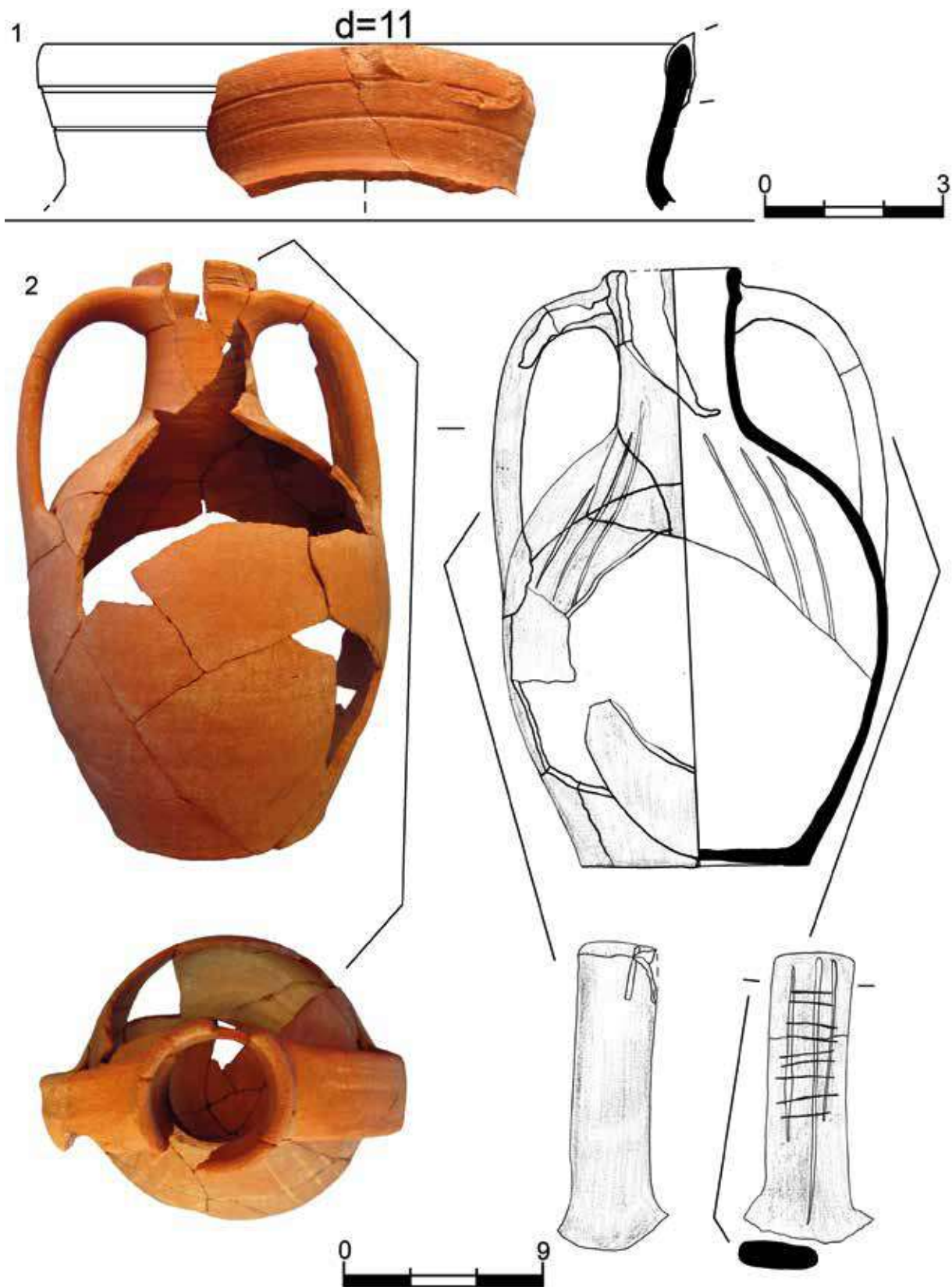

Рис. 277. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №13. Помещение G. Яма №36. Заполнение. 2-й слой: 1 – к.о.680; 2 – к.о.676. Изделия из керамики (1-2) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 130-137]

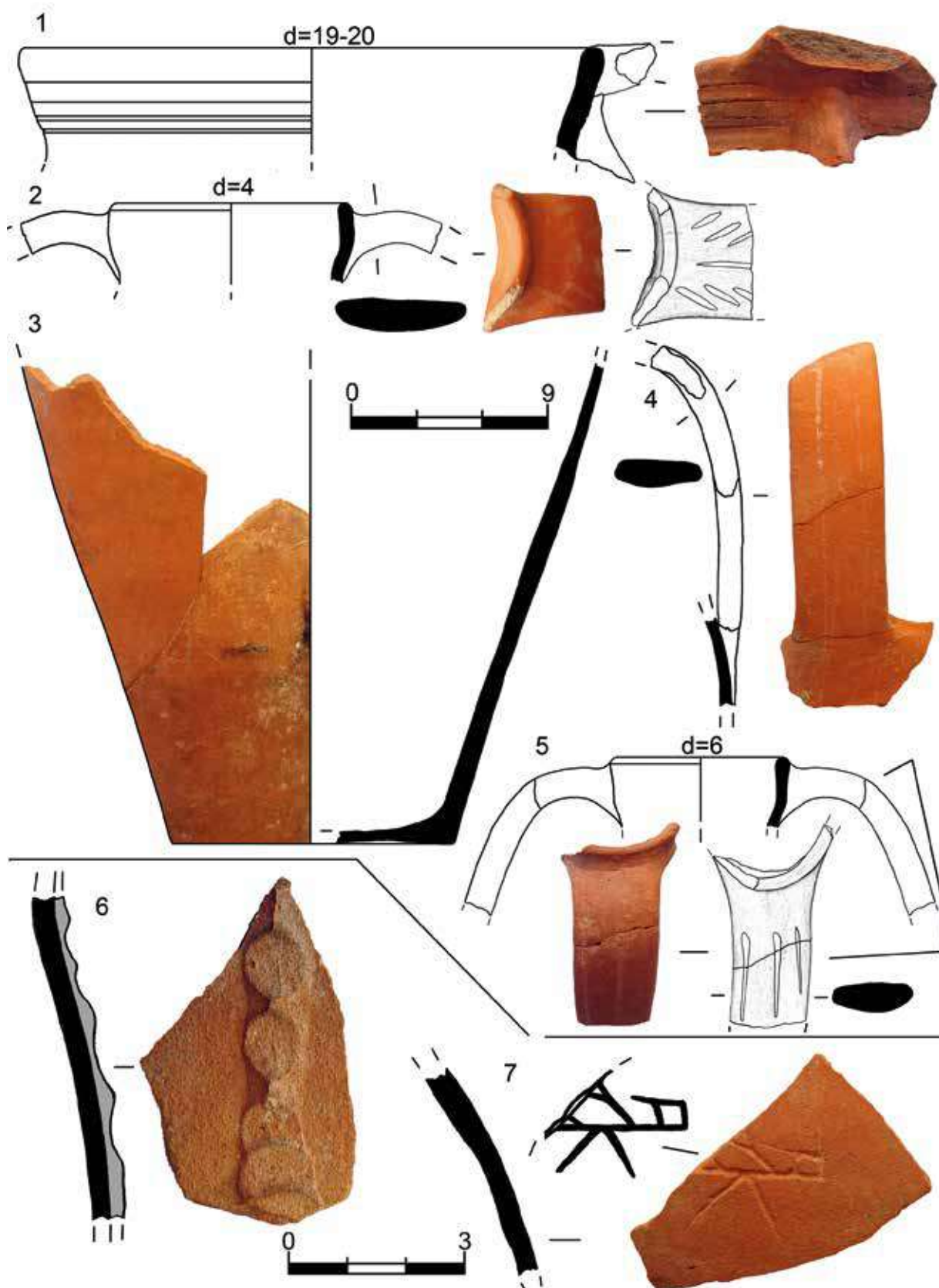

Рис. 278. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №13. Помещение G. Яма №36. Заполнение. 2-й слой: 1-2 – к.о.675; 3 – к.о.677; 4-5, 7 – к.о.678; 6 – к.о.681. Изделия из керамики (1-7) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 130-137]

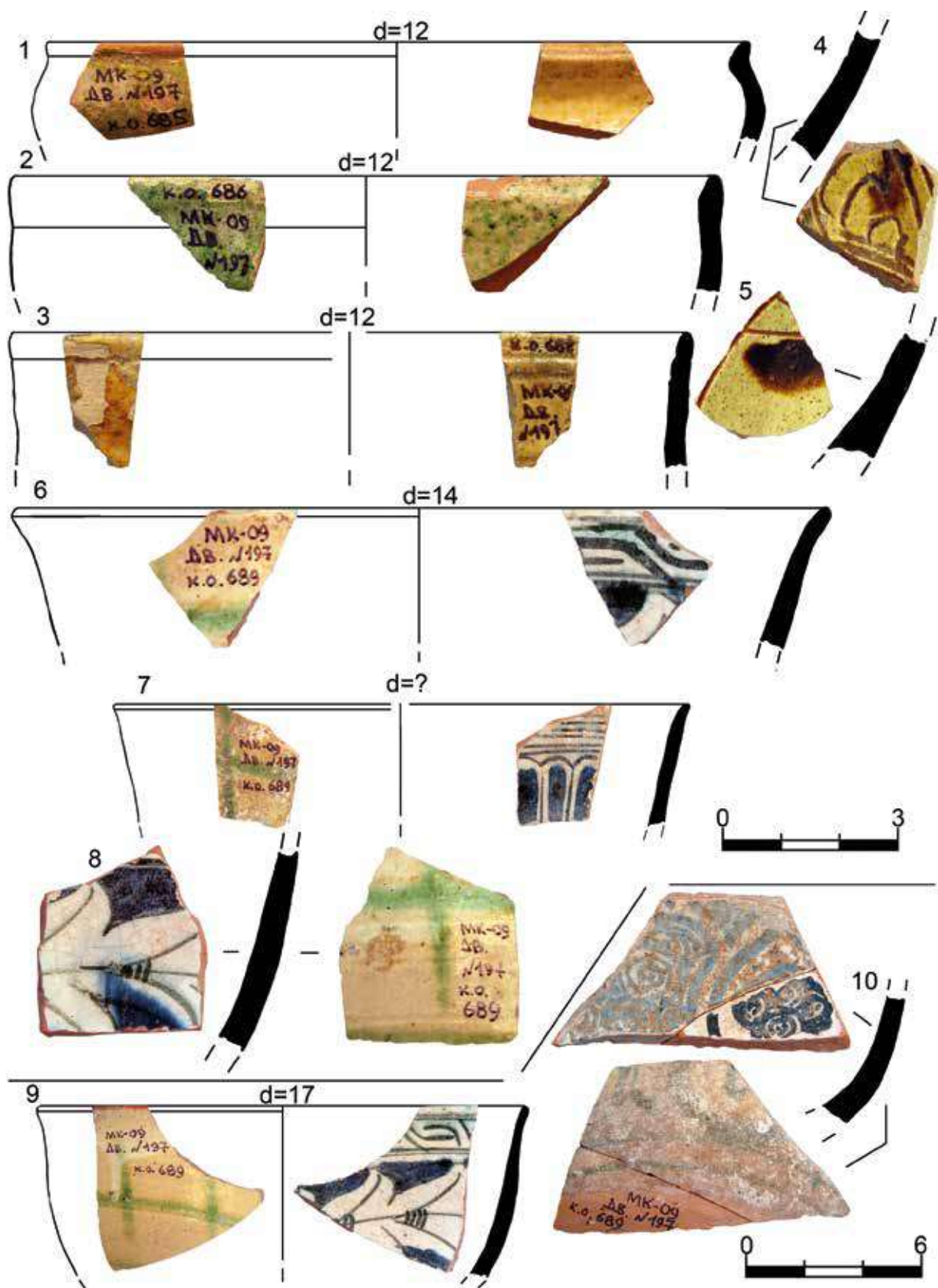

Рис. 279. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №13. Помещение Г. Яма №36. Заполнение. 2-й слой: 1 – к.о.685; 2 – 686; 3 – к.о.688; 4-5 – к.о.687; 6-10 – к.о.689. Изделия из керамики (1-10) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 130-137]

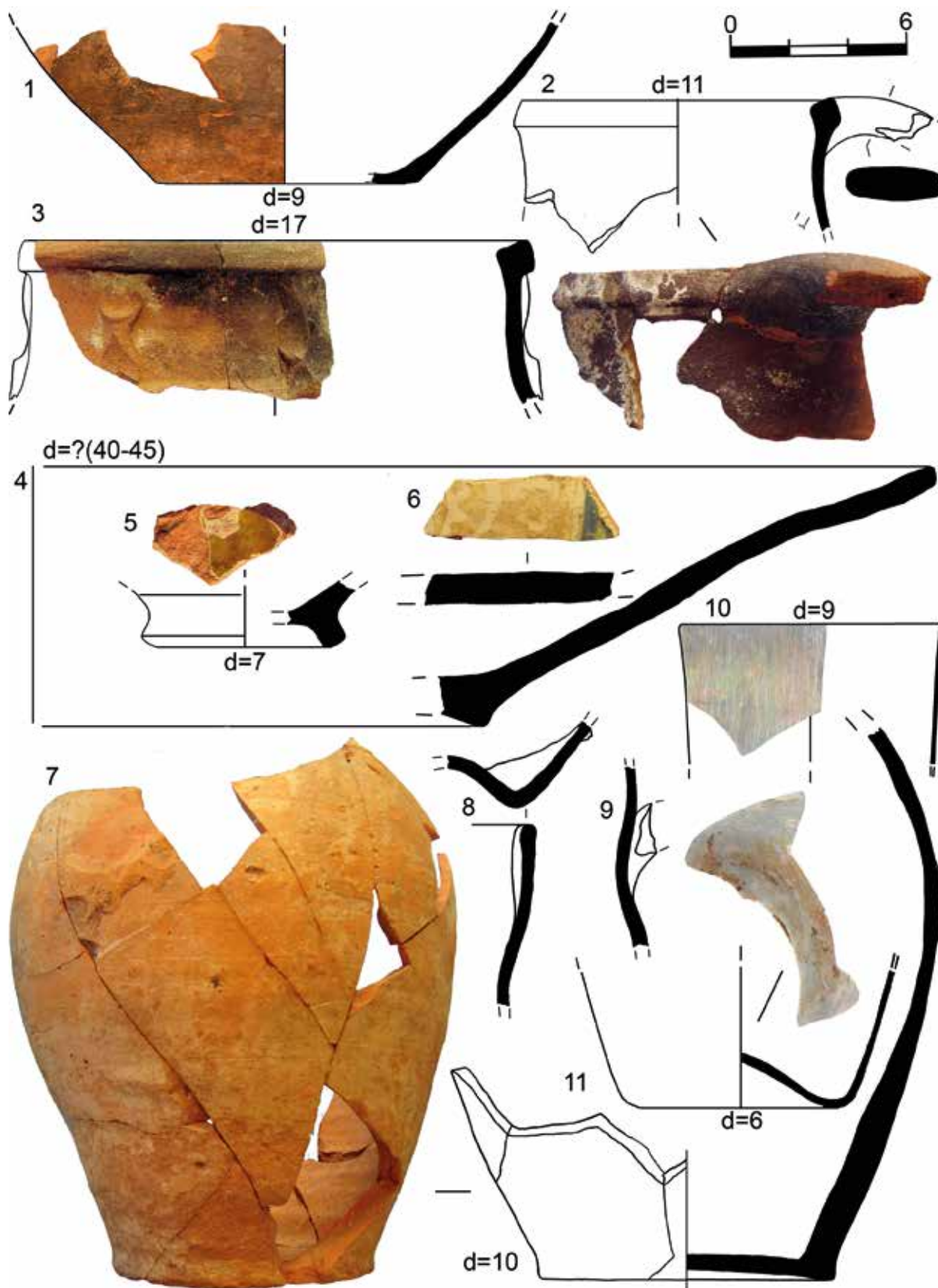

Рис. 280. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №13. Помещение G. Яма №36. Заполнение. 2-й слой: 1-3 – к.о.681; 4 – к.о.683; 5 – к.о.688; 6 – к.о.679; 7 – к.о.682; 8,9 – к.о.684; 8-9 – к.о.684; 10-11 – к.о.699. Изделия из керамики (1-9), стекла (10-11) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 130-137]

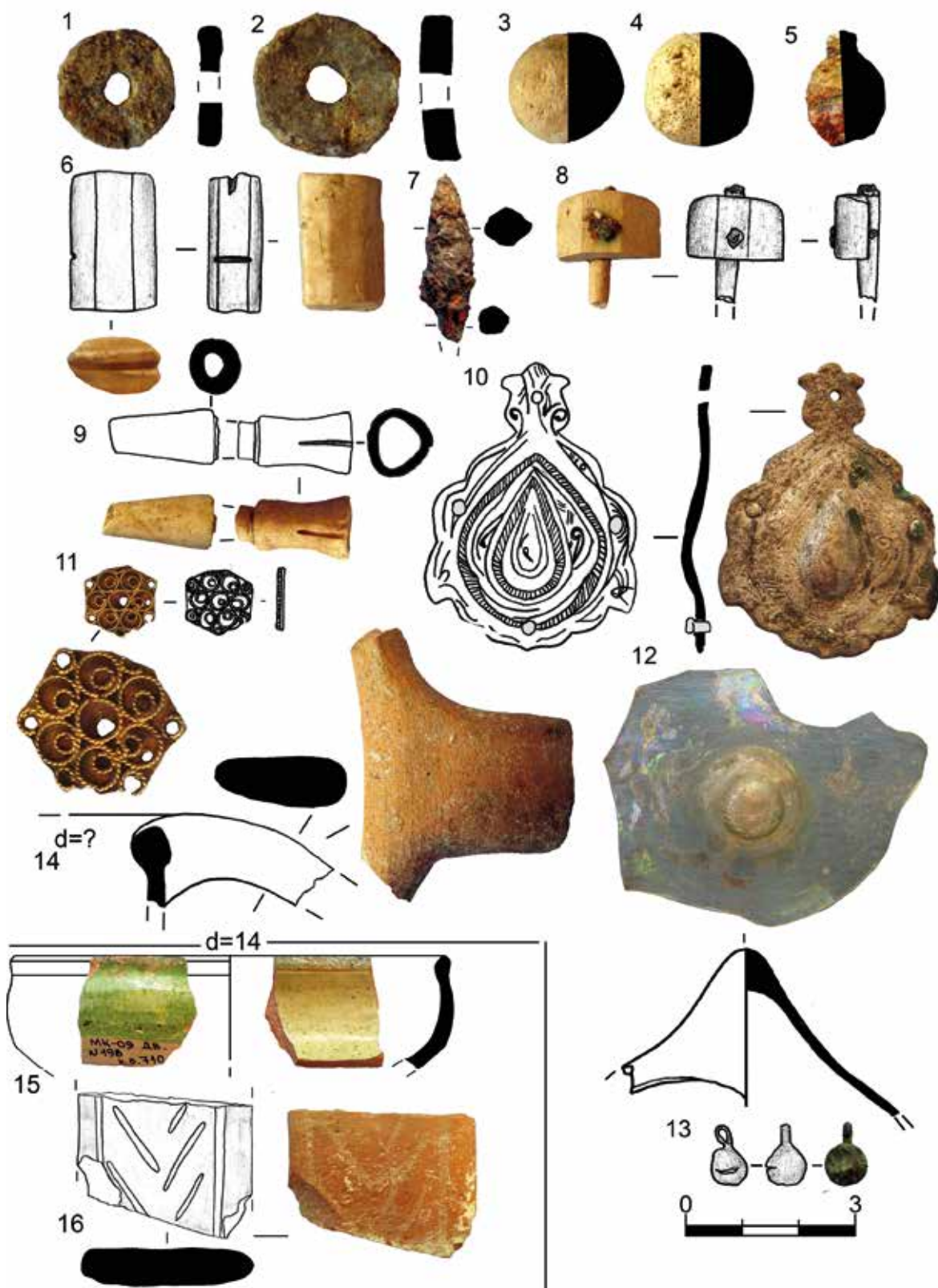

Рис. 281. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №13. Помещение G. Яма №36. Заполнение. 2-й слой: 1-2 – к.о.705; 3 – к.о.693; 4 – к.о.694; 5 – к.о.704; 6 – к.о.678; 7 – к.о.706; 8 – к.о.697; 9 – к.о.695/696; 10 – к.о.703; 11 – к.о.701; 12 – к.о.700; 13 – к.о.702. 3-й слой: 14 – к.о.709; 15 – к.о.710; 16 – к.о.708. Изделия из свинца (1-2, 5), известняка (3-4), кости (6, 8-9), железа (7), бронзы (10), золота (11), стекла (12), меди (13), керамики (14-16) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 130-137]

Рис. 282. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2014 г. Юго-Западный участок. Квадрат №24. Яма №41: 1 – общий вид с севера после выборки заполнения; 2 – общий вид с севера по уровню заполнения [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 19, 22]

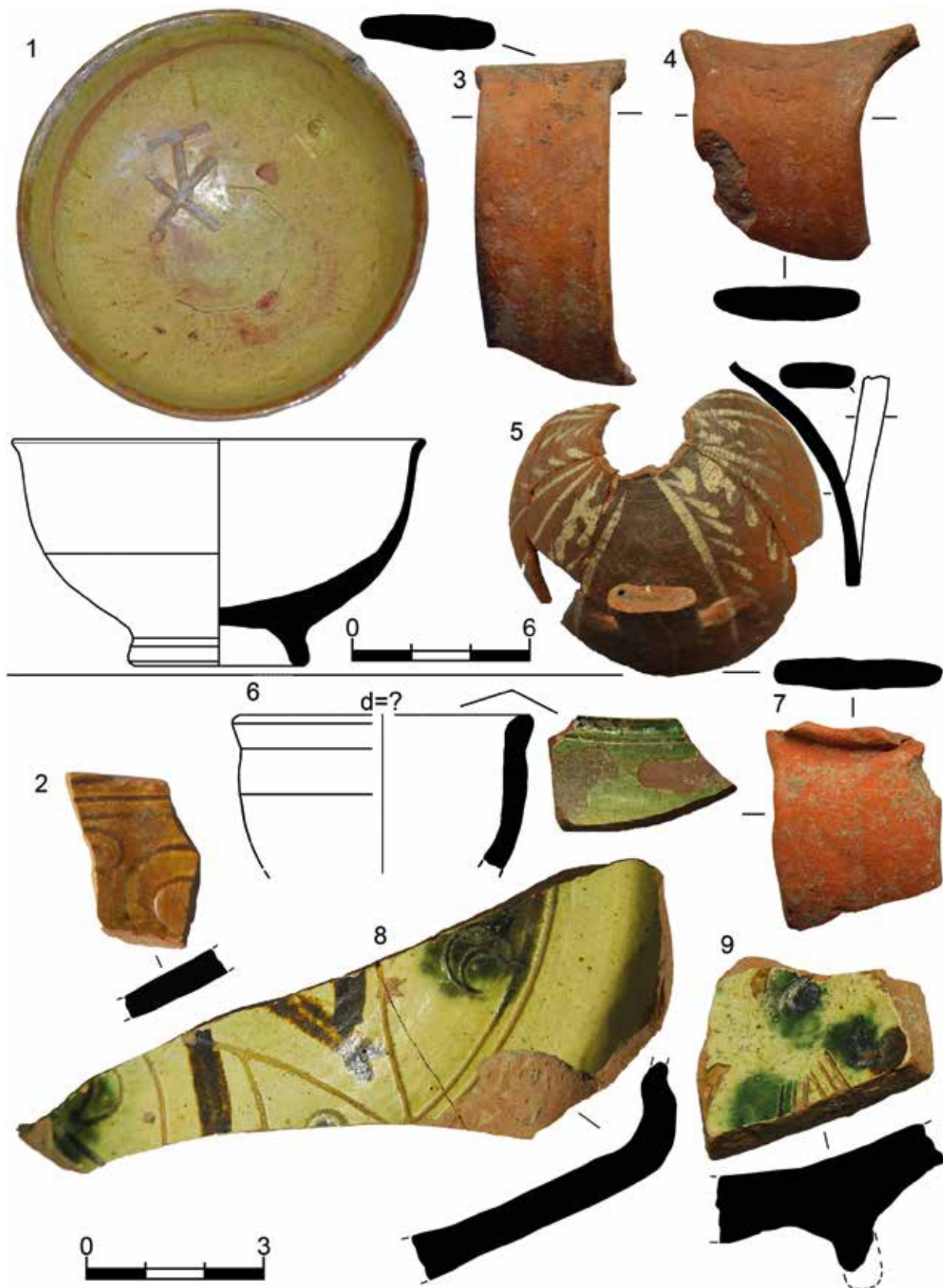

Рис. 283. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2014 г. Юго-Западный участок. Квадрат №24. Яма №41. Заполнение. 1-й слой: 3-4 – к.о.216; 5 – к.о.215; 6, 8-9– к.о.218; 7 – к.о.214; 2-й слой: 1 – к.о.226, 2 – к.о.225. Изделия из керамики (1-9) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 54-56]

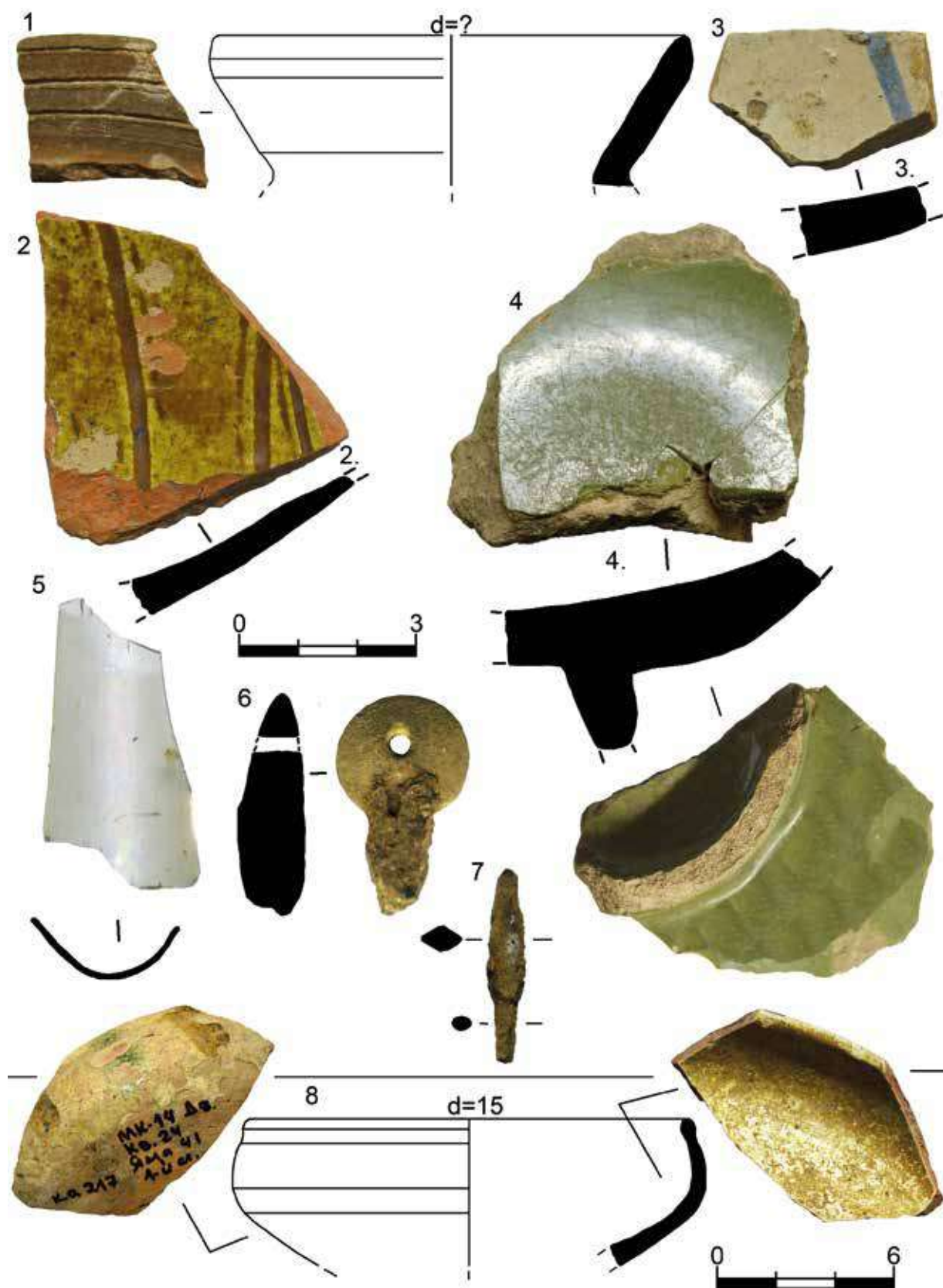

Рис. 284. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2014 г. Юго-Западный участок. Квадрат №24. Яма №41. Заполнение. 1-й слой: 1 – к.о.216; 2 – к.о.219; 3 – к.о.220; 4 – к.о.221; 5 – к.о.222; 6 – к.о.223; 7 – к.о.224; 8 – к.о.217. Изделия из керамики (1-3, 8), кашина (4), стекла (5), железа/бронзы (6), железа (7) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 54-56]

1

2

Рис. 285. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадрат №22. Яма №45: 1 – общий вид с юга до выборки заполнения с внешней обкладкой более позднего времени; 2 – общий вид с северо-запада после выборки заполнения [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 37, 44]

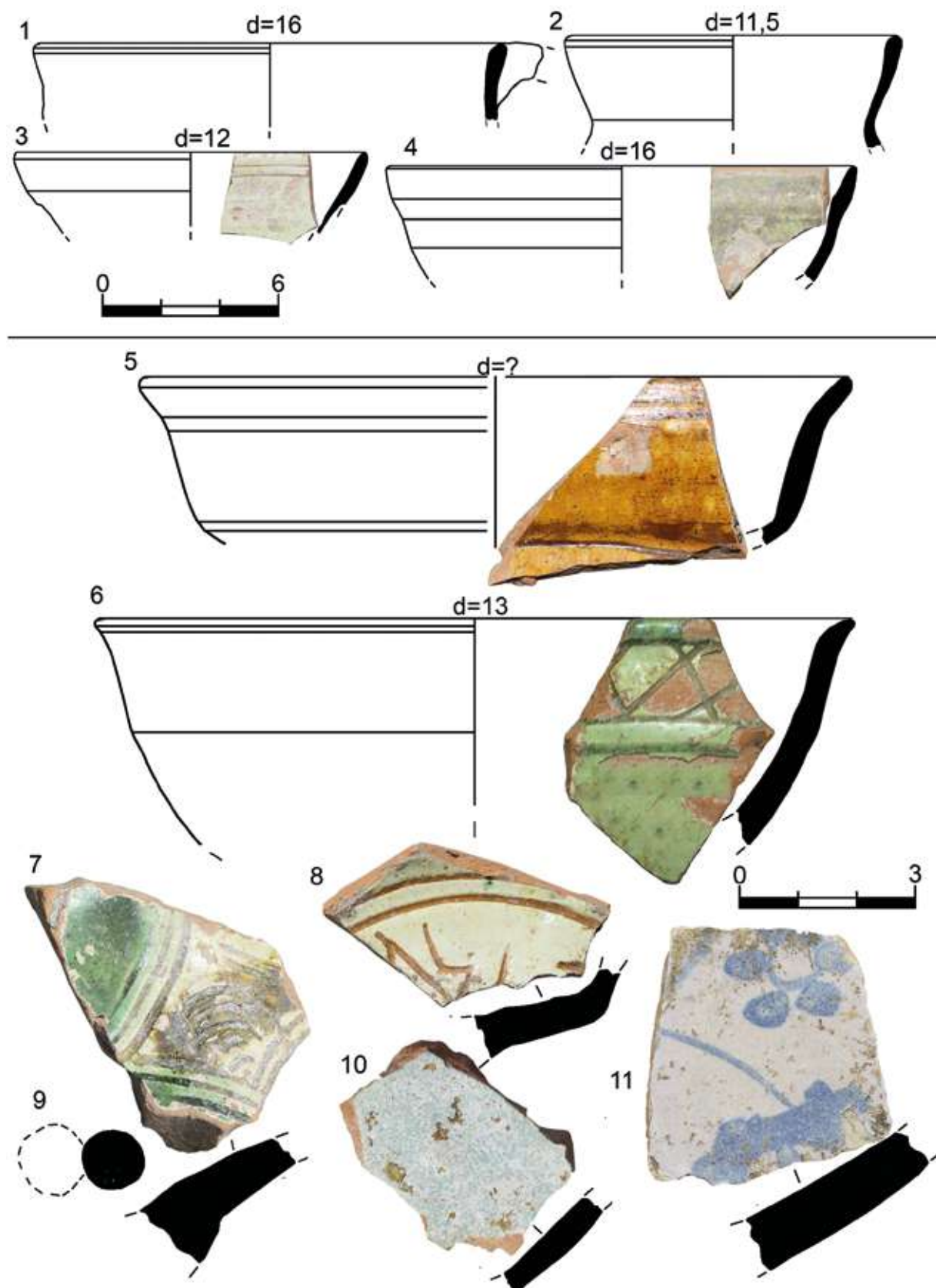

Рис. 286. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). асковки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадрат №22. Яма №45. Заполнение: 1-2 – к.о.370; 3, 8 – к.о.374; 4 – к.о.373; 5 – к.о.375; 6 – к.о.376; 7 – к.о.374; 9 – к.о.371; 10 – к.о.380; 11 – к.о.381. Изделия из керамики (1-11) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 136-140]

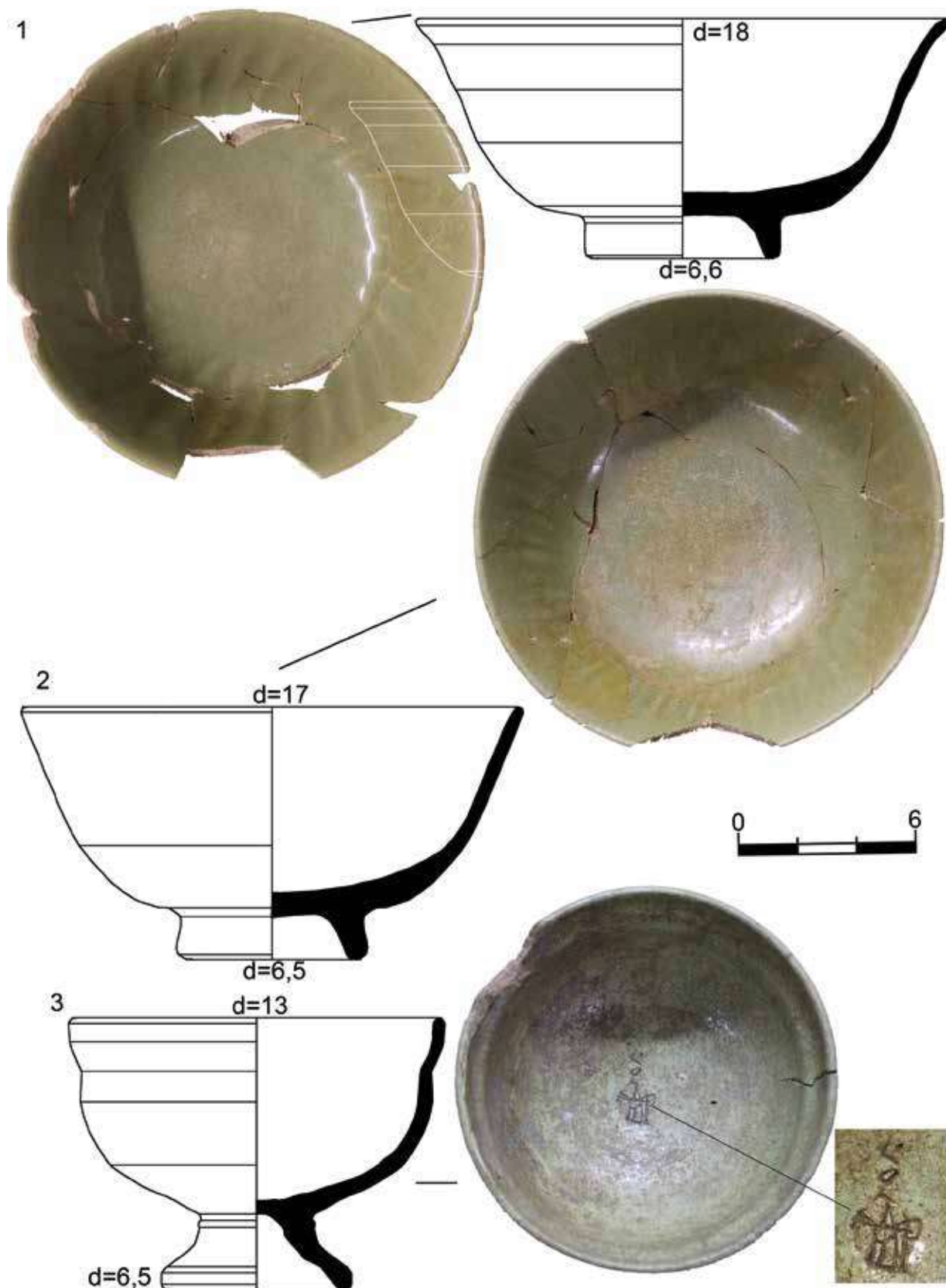

Рис. 287. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2015 г. Юго-Западный участок. Квадрат №22. Яма №45. Заполнение: 1 – к.о.379; 2 – к.о.378; 3 – к.о.377. Изделия из кашина (1-2) керамики (3) [по: Герцен. Отчет, 2016, рис. 136-140]

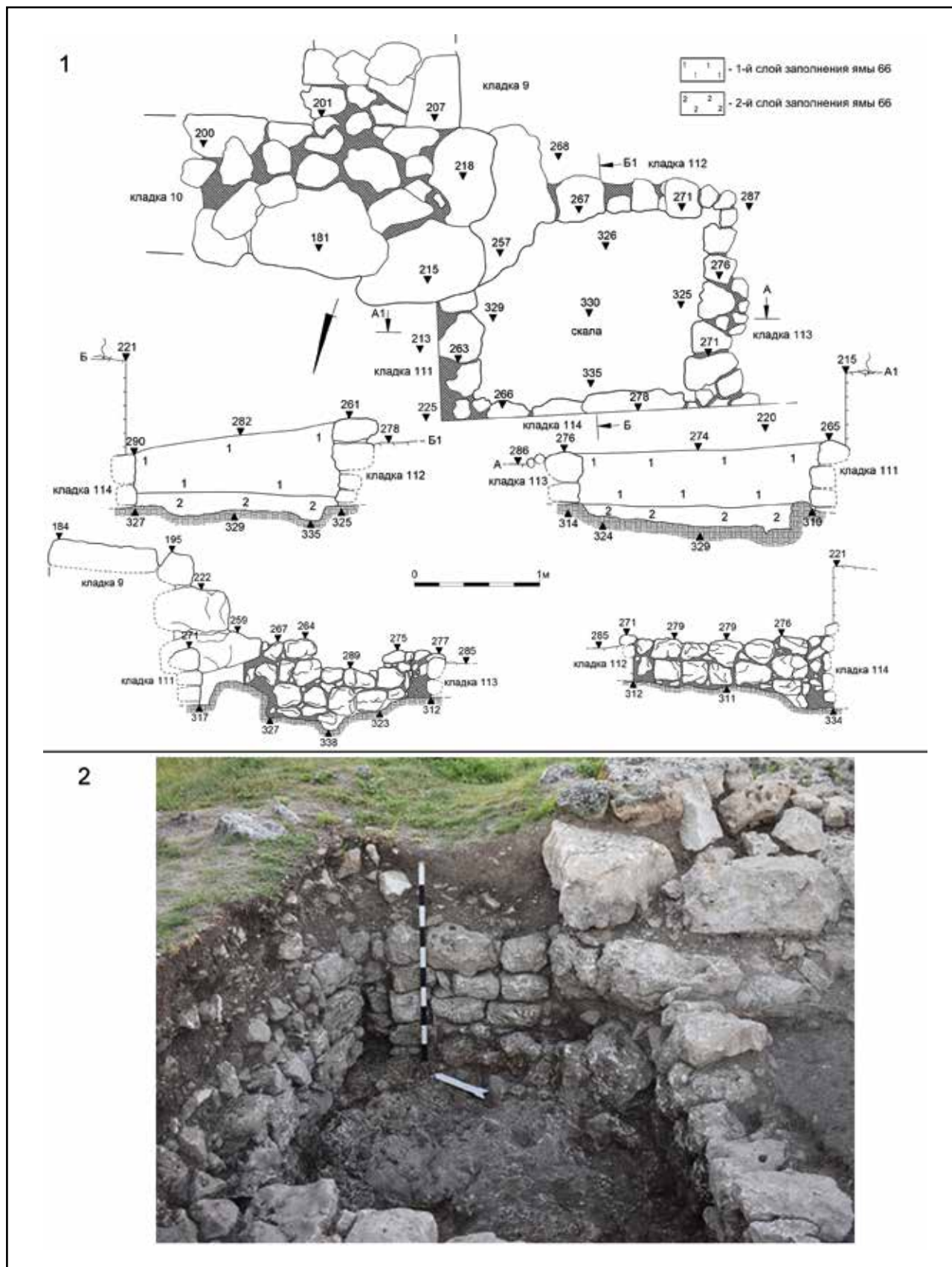

Рис. 288. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №48. Яма №66: 1 – план и разрезы. 2 – после выборки заполнения, вид с запада [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 161-162]

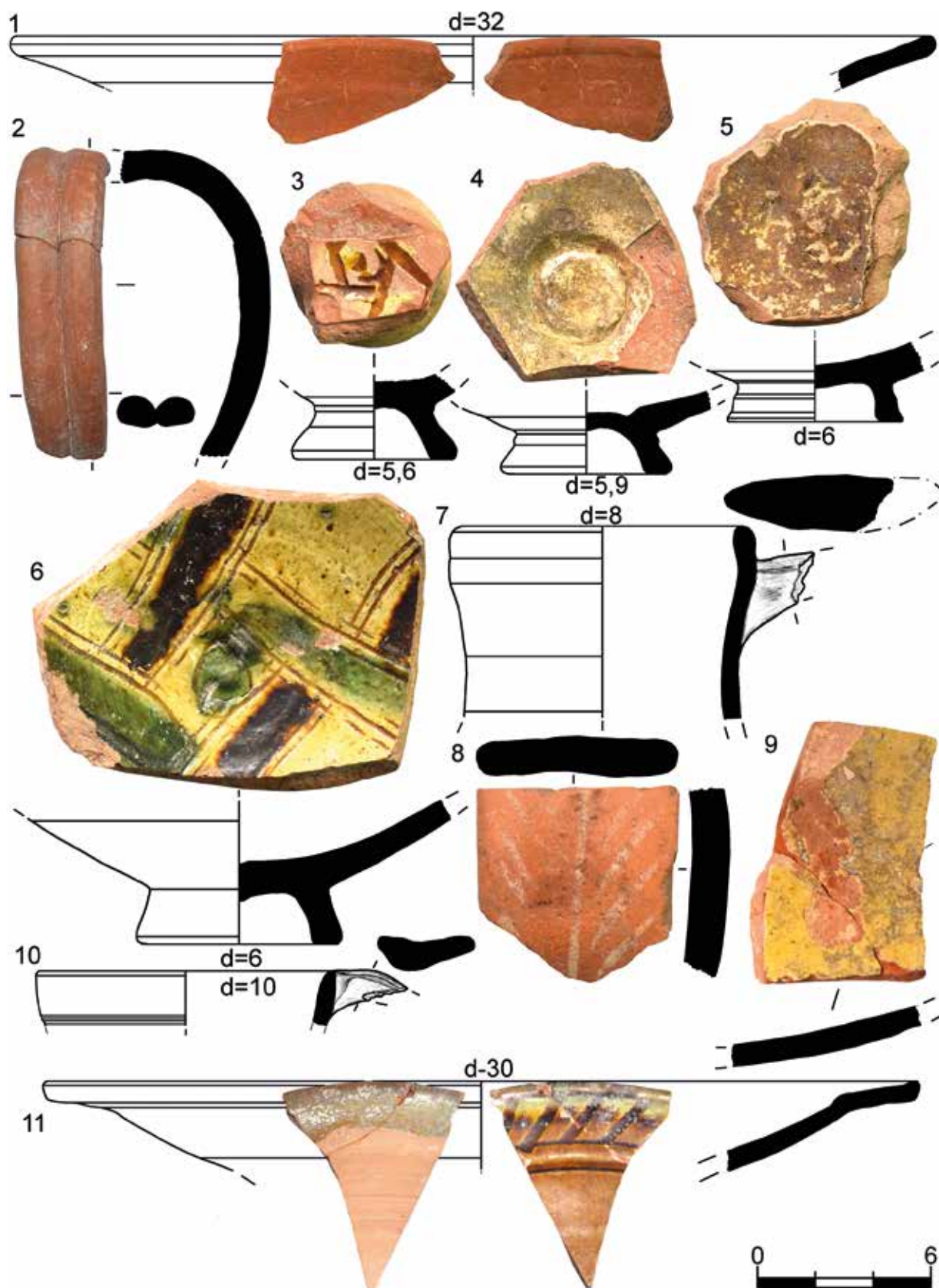

Рис. 289. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №48. Яма №66. Заполнение. 1-й слой: 1 – к.о.379; 2 – к.о.380; 3 – к.о.381; 4 – к.о.382; 5 – к.о.383. 2-й слой: 6 – к.о.384; 7,8 – к.о.386; 9 – к.о.390; 10 – к.о.387; 11 – к.о.395. Изделия из керамики (1-11) [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 171-177]

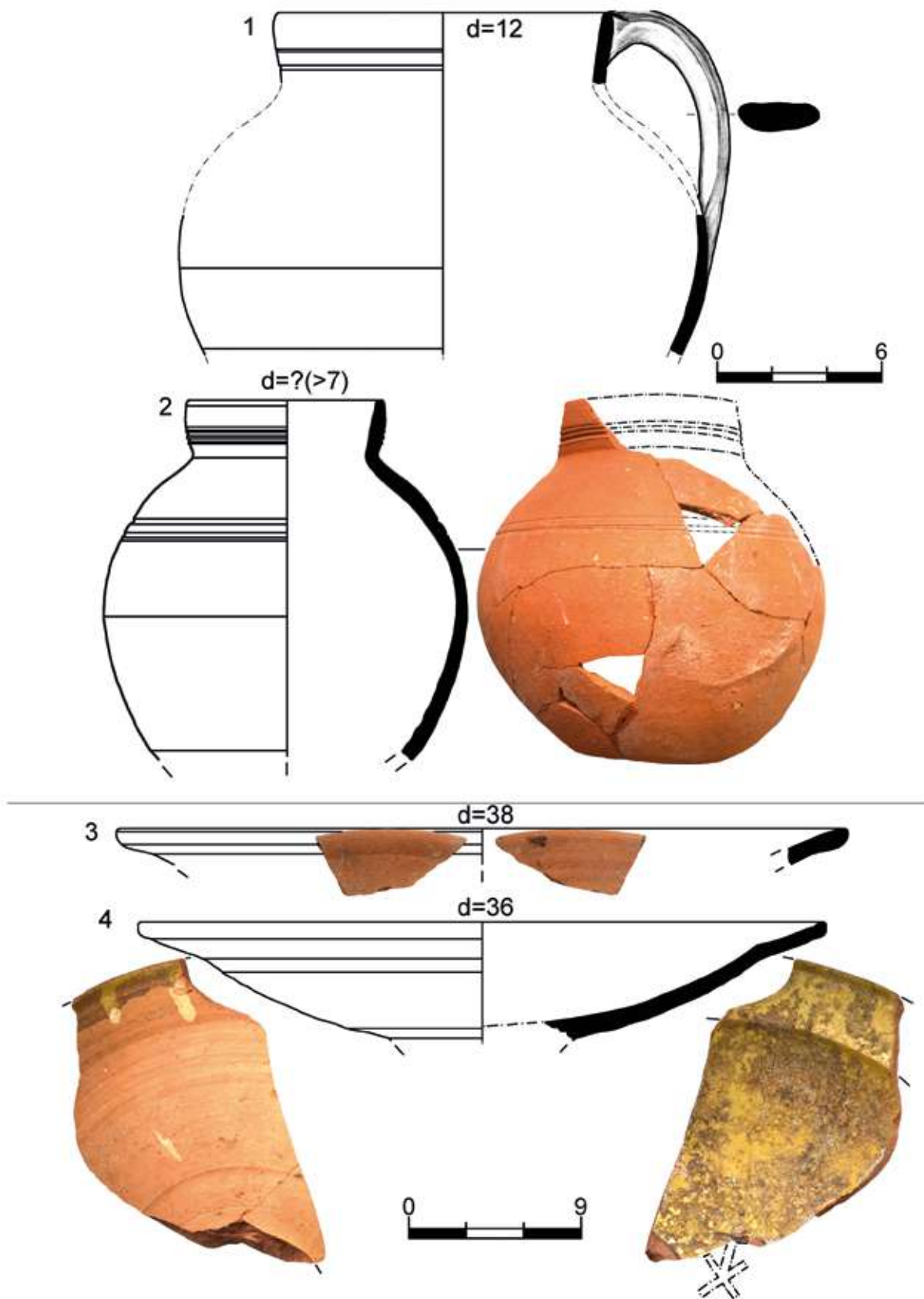

Рис. 290. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №48. Яма №66. Заполнение. 2-й слой: 1 – к.о.387; 2 – к.о.388; 3 – к.о.389; 4 – к.о.390. Изделия из керамики (1-4) [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 171-177]

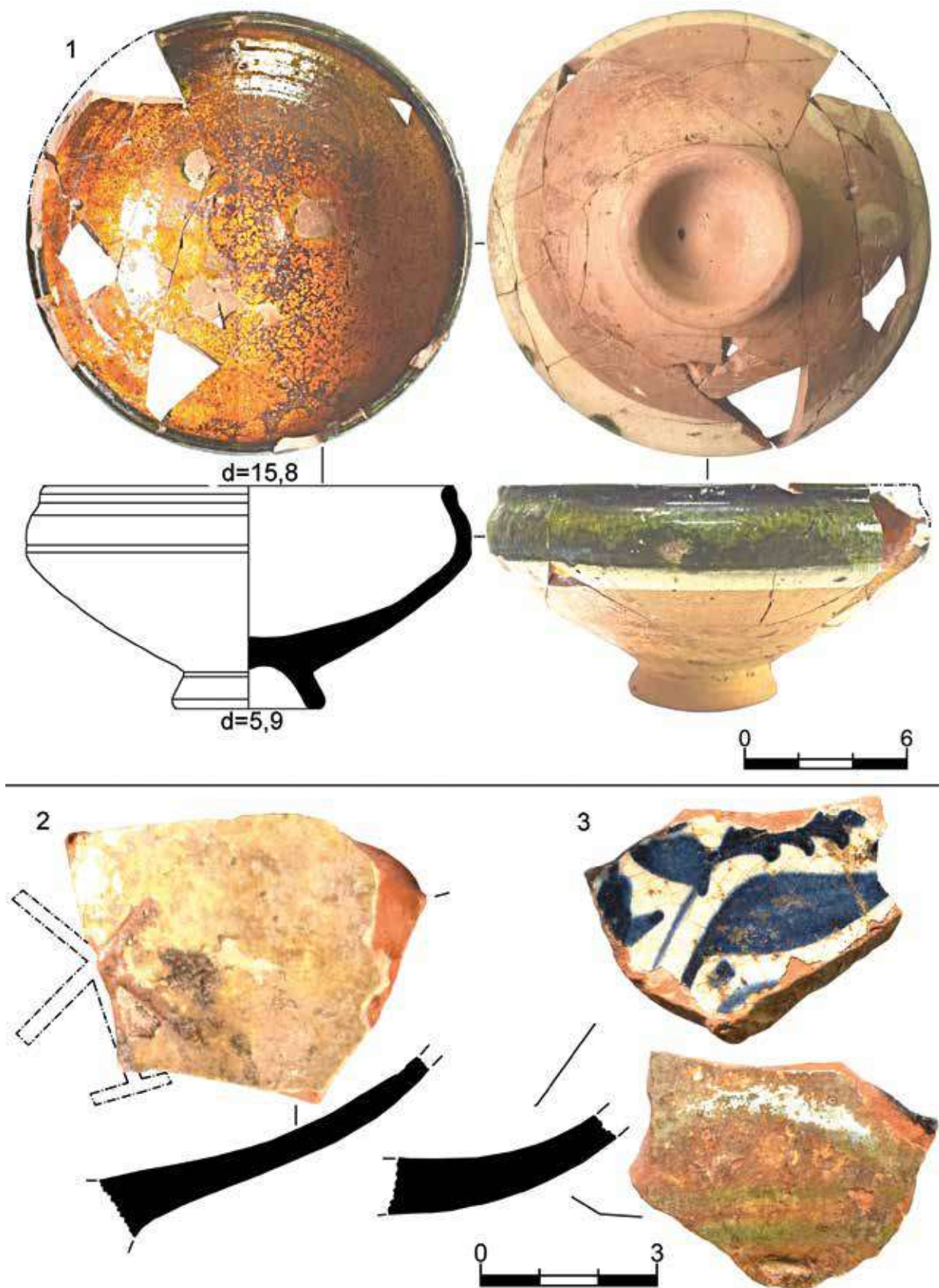

Рис. 291. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №48. Яма №66. Заполнение. 2-й слой: 1 – к.о.391; 2 – к.о.390; 3 – к.о.396. Изделия из керамики (1-3) [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 171-177]

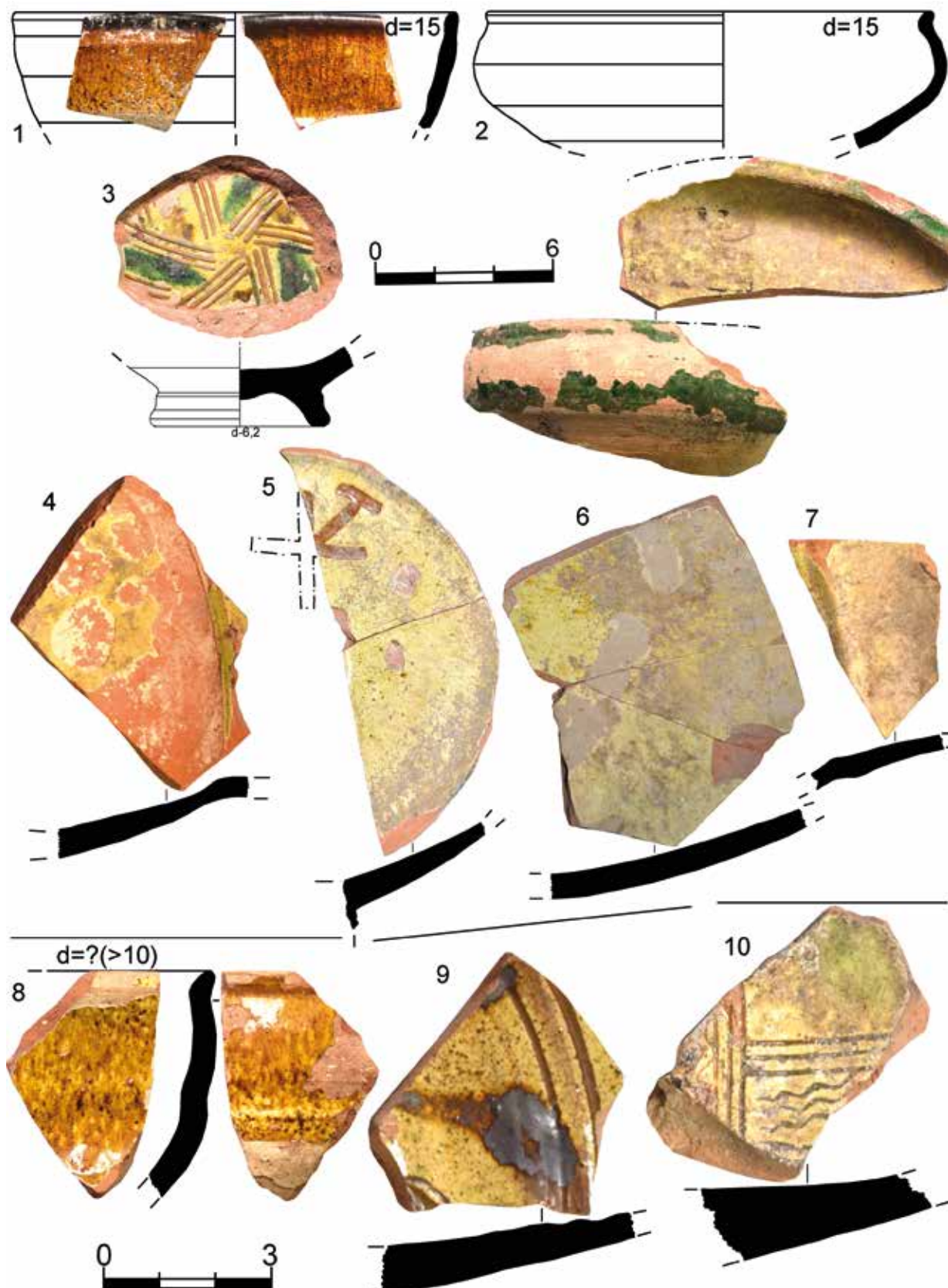

Рис. 292. Дворец. Археологические комплексы второго строительного периода (около 1450-1475 гг.). Раскопки 2019 г. Западный участок. Квадрат №48. Яма №66. Заполнение. 2-й слой: 1, 8 – к.о.394; 2 – к.о.392; 3, 9-10 – к.о.393; 4-5 – к.о.390. Изделия из керамики (1-10) [по: Герцен. Отчет, 2020, рис. 171-177]

1

2

Рис. 293. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2007 г. Центральный участок. Помещение В и центральный двор. 5-й слой: 1 – общий вид с юго-запада по уровню нетронутых раскопками предыдущих лет культурных горизонтов; 2 – колоннада помещения В с останцем 5-го слоя, вид с северо-востока [по: Герцен. Отчет, 2008, фото 12, 124]

Рис. 294. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2006-2007 гг. Центральный участок. Центральный двор. Участок слоя пожара с горелым зерном (5-го слоя) вблизи южной стены помещения А: 1 – вид с востока; 2 – вид с запада [по: Герцен. Отчет, 2007, фото 24; 2008, фото 24]

1

2

Рис. 295. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2007 г. Южный участок. «Южная улица». Квадрат №8. 2-й слой:
1 – общий вид участка пожара; 2 – фрагменты сгоревших деревянных балок
[по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 52, фото 146]

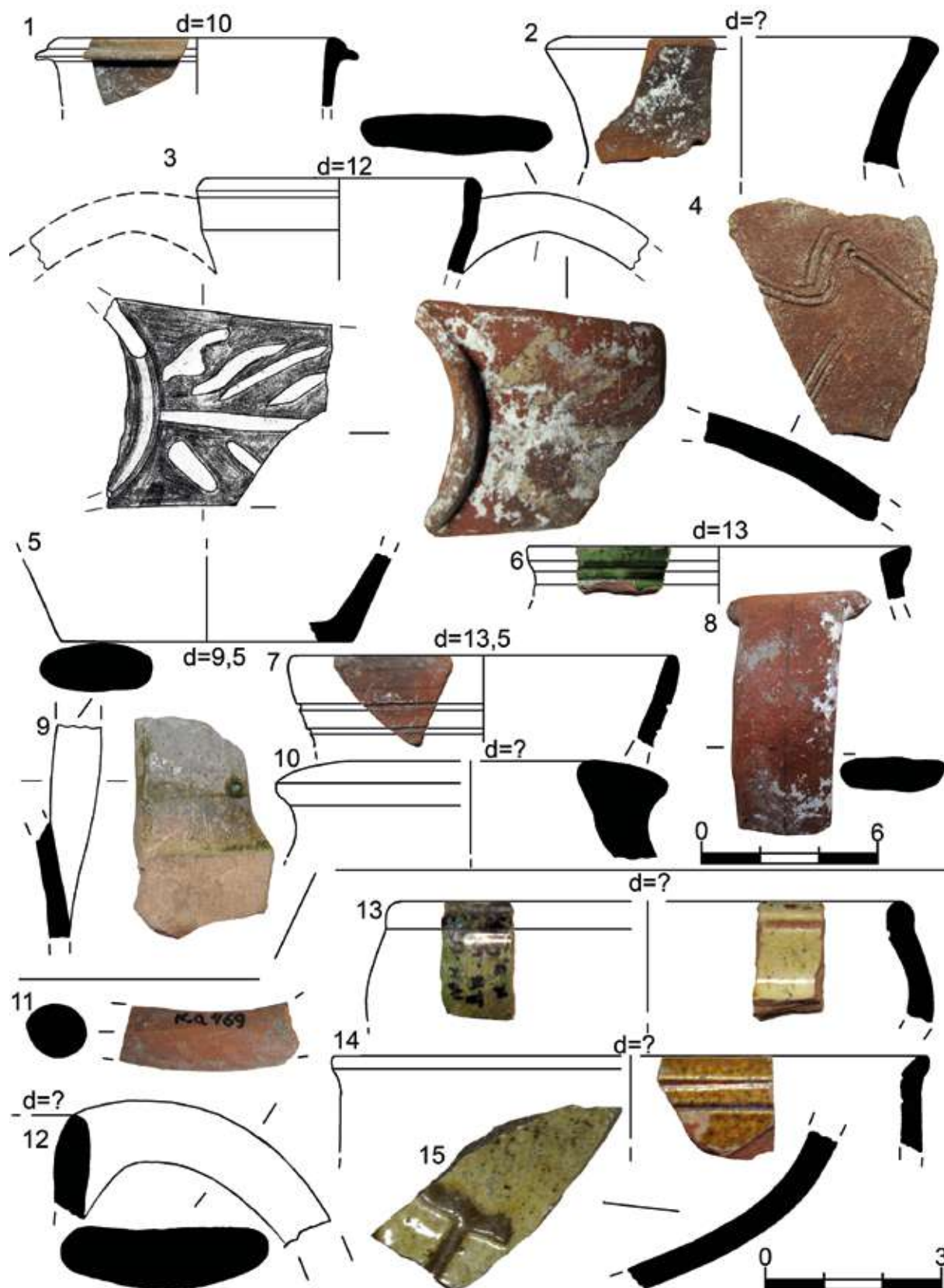

Рис. 296. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г.
Раскопки 2007 г. Южный участок. «Южная улица». Квадрат №8. 2-й слой:
1 – к.о.466; 2 – к.о.465; 3 – к.о.464; 4 – к.о.463; 5, 7, 12 – к.о.466; 8 – к.о.467; 9 – к.о.471;
10 – к.о.482; 11 – к.о.469; 13 – к.о.472; 14 – к.о.475; 15 – к.о.473. Изделия из керамики (1-15)
[по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 103-104]

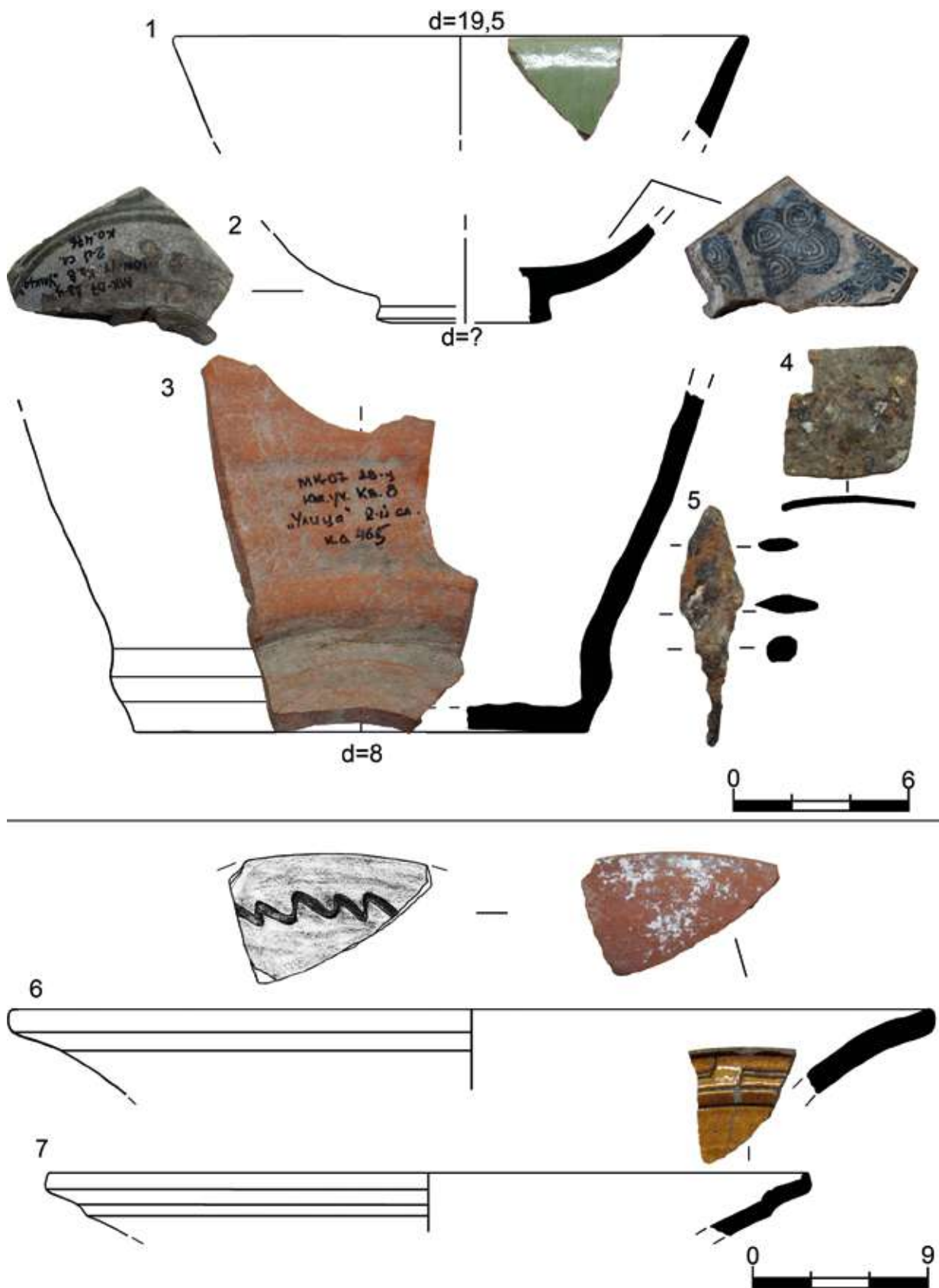

Рис. 297. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г.
 Раскопки 2007 г. Южный участок. «Южная улица». Квадрат №8. 2-й слой:
 1 – к.о.477; 2 – к.о.476; 3 – к.о.466; 4 – к.о.478; 5 – к.о.479; 6 – к.о.478; 7 – к.о.474.
 Изделия из кашина (1), керамики (2-3, 6-7), железа (4-5). [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 103-104]

Рис. 298. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г.
Раскопки 2007 г. Южный участок. Помещение К. Прослойка пожара на полу:
1 – общий вид с северо-востока; 2 – общий вид с севера [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 44-45]

Рис. 299. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2007 г. Южный участок. Помещение К. Прослойка пожара на полу: 1 – к.о.892; 3 – к.о.889; 3 – к.о.891; 4, 6-7 – к.о.888; 5 – к.о.890; 8 – к.о.890; 9-10 – к.о.891; 11 – к.о.895; 12 – к.о.897; 13 – к.о.900; 14 – к.о.893. Изделия из керамики (1-14) [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 138-140]

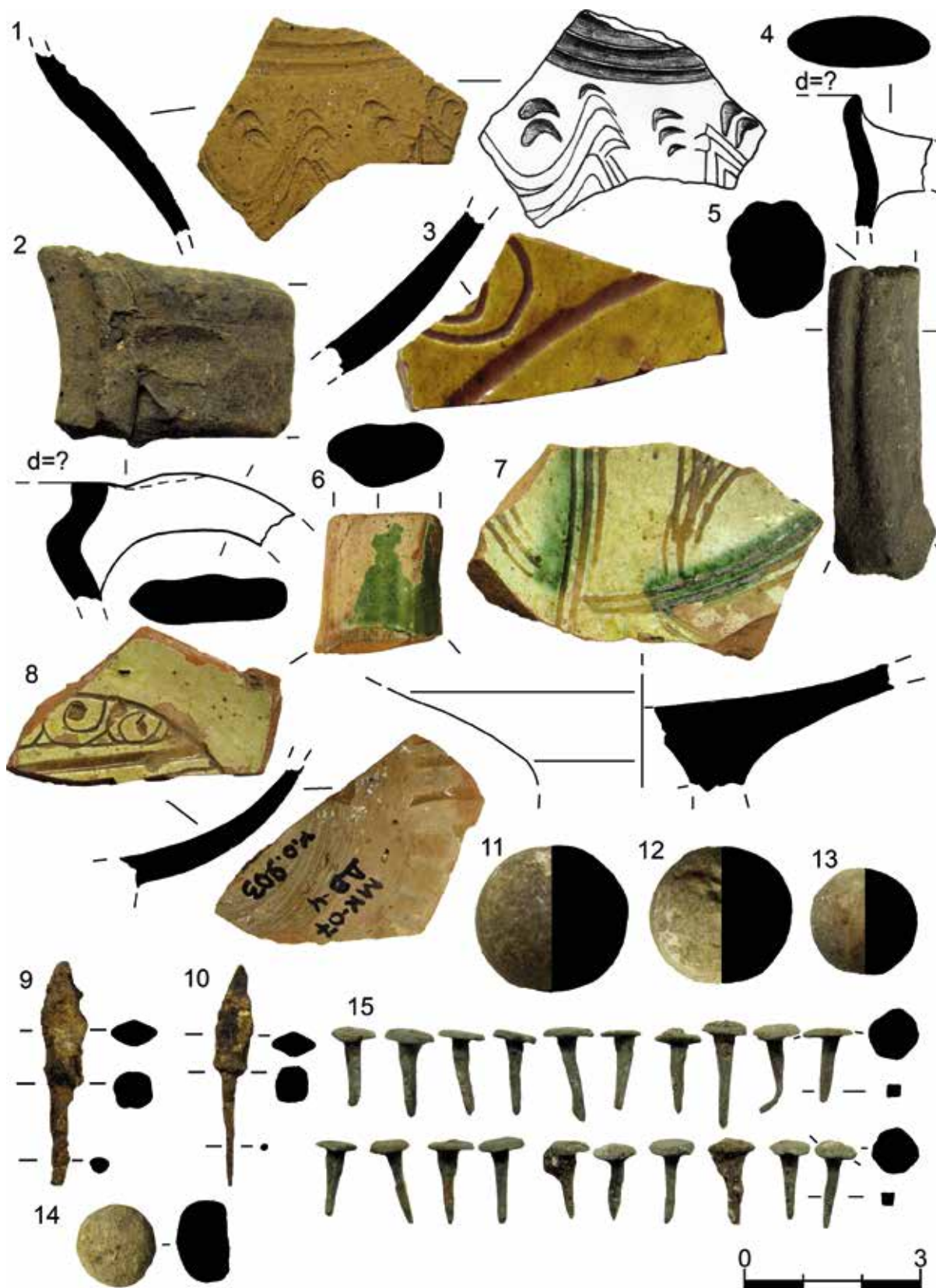

Рис. 300. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г.
Раскопки 2007 г. Южный участок. Помещение К. Прослойка пожара на полу:
1 – к.о.894; 2-3 – к.о.896; 4 – к.о.899; 5 – к.о.898; 6 – к.о.901; 7 – к.о.906; 8 – к.о.903; 9-10 – к.о.914;
11-13 – к.о.912; 14 – к.о.913; 15 – к.о.915. Изделия из керамики (1-8), железа (9-10), известняка (11-14),
меди (15) [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 138-140]

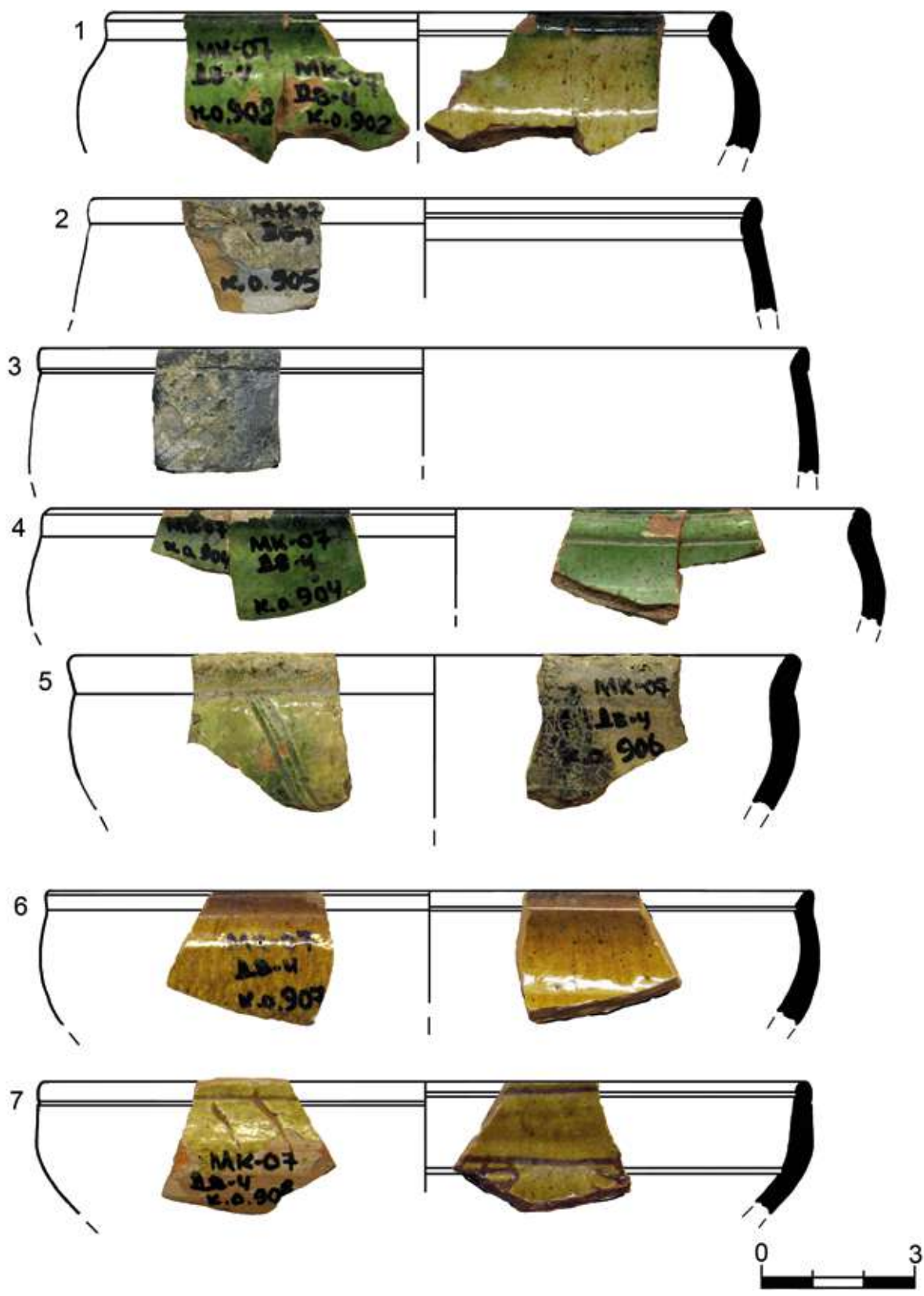

Рис. 301. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2007 г. Южный участок. Помещение К. Прослойка пожара на полу: 1 – к.о.902; 2-3 – к.о.905; 4 – к.о.904; 5 – к.о.906; 6 – к.о.907; 7 – к.о.908. Изделия из керамики (1-7) [по: Герцен. Отчет, 2008, рис. 138-140]

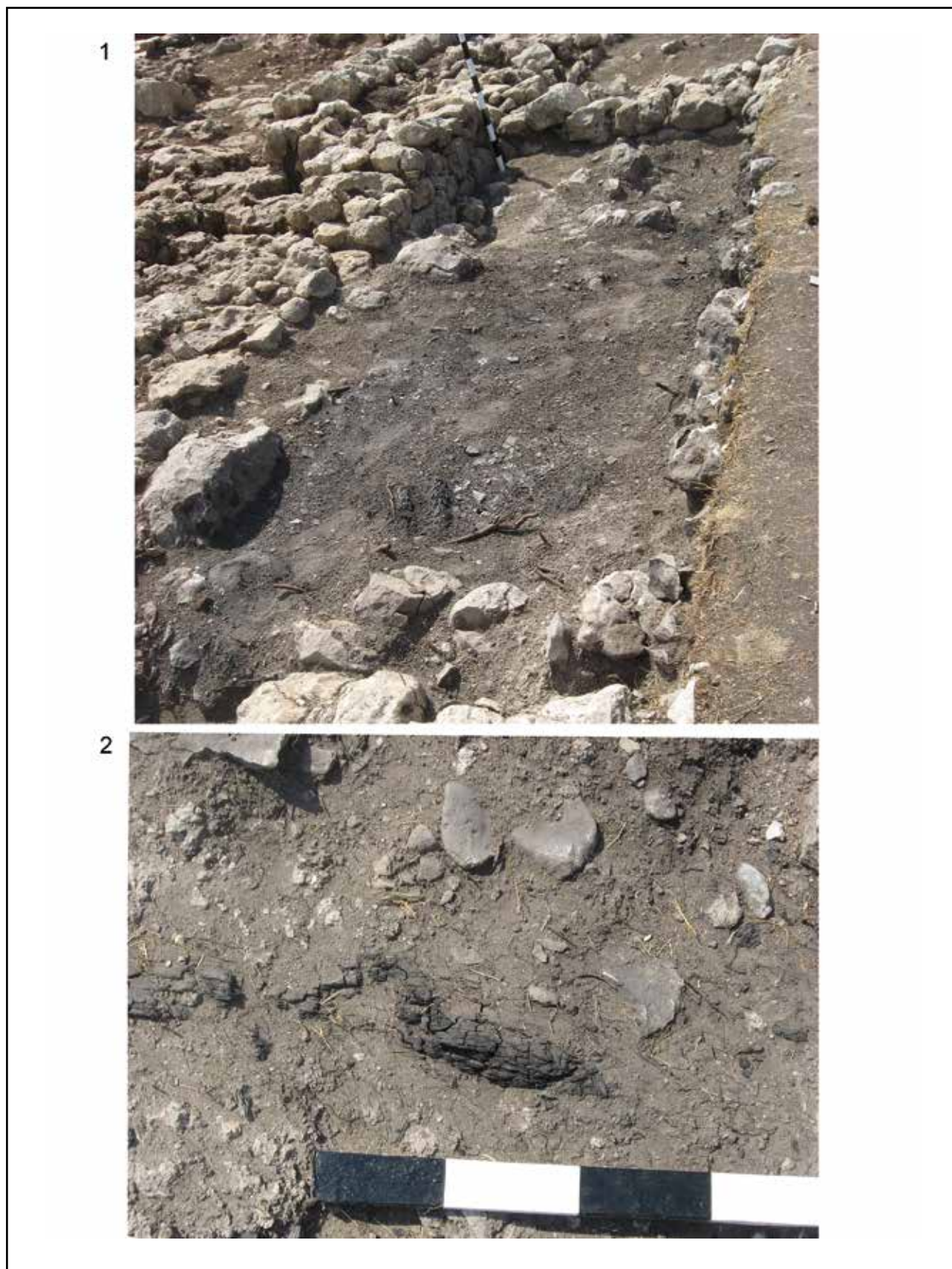

Рис. 302. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2008 г. Южный участок. Помещение L. 2-й слой: 1 – южная часть помещения по слою пожара, общий вид с востока; 2 – фрагмент сгоревшей деревянной балки [по: Герцен. Отчет, 2009, фото 63, 273]

1

2

Рис. 303. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г.
 Раскопки 2008 г. Южный участок. Помещение L. 2-й слой: 1 – общий вид помещения
 по уровню пожара с северо-запада; 2– общий вид помещения по уровню пожара с севера
 [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 18-19]

**Рис. 304. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г.
Раскопки 2009 г. Южный участок. Помещение Н. Квадрат №13.
Стратиграфия южного контрольной бровки по уровню 5-го слоя. Вид с севера
[по: Герцен. Отчет, 2009, фото 83]**

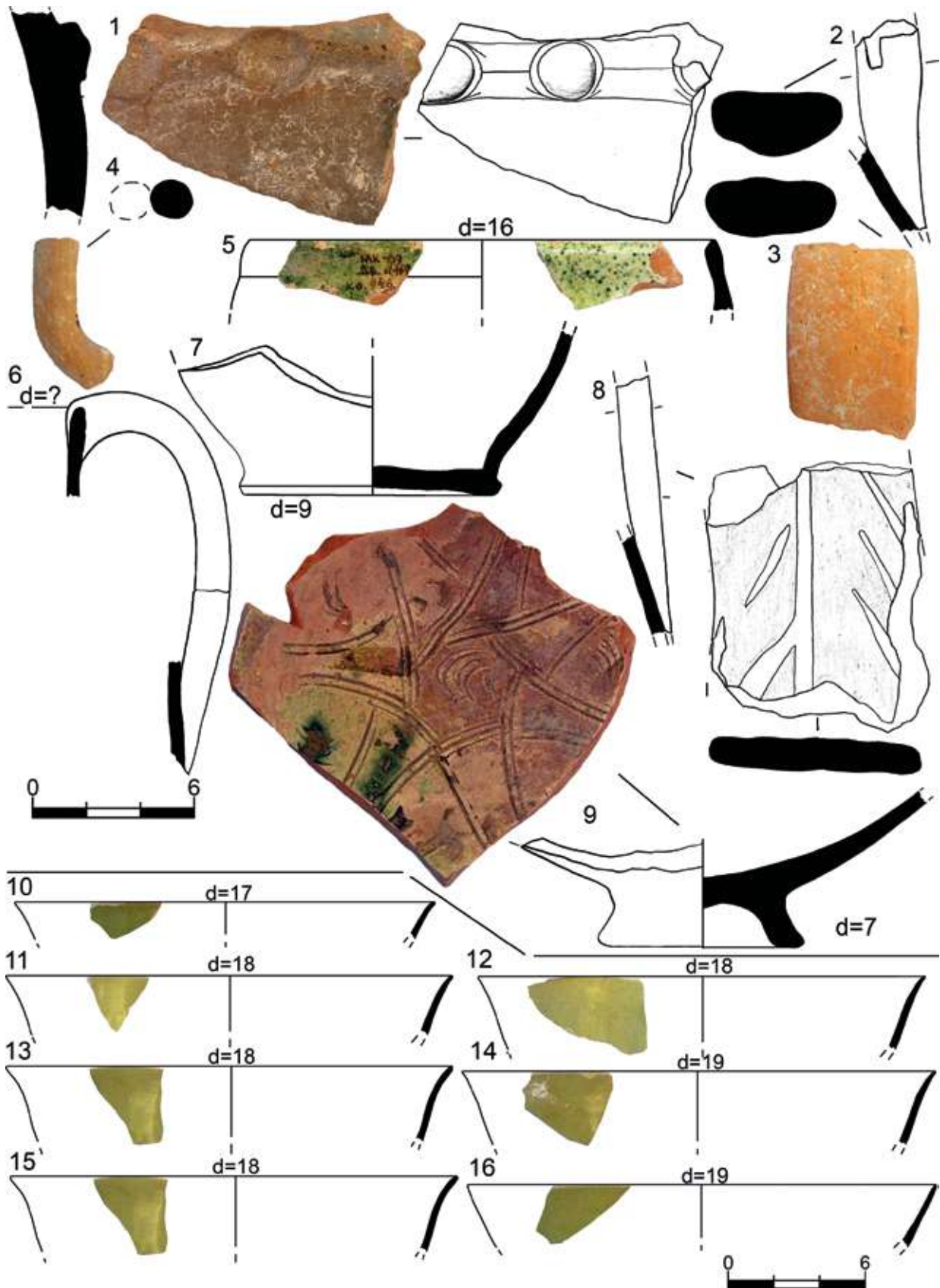

Рис. 305. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2009 г. Южный участок. Помещение Н. 5-й слой: 1 – к.о.441; 2-3 – к.о.442; 5 – к.о.446; 6-7 – к.о.444; 8 – к.о.443; 9 – к.о.447; 10-16 – к.о.448. Изделия из керамики (1-9), кашина (10-16) [по: Науменко, Душенко, 2017, с. 216-219, рис. 27-29]

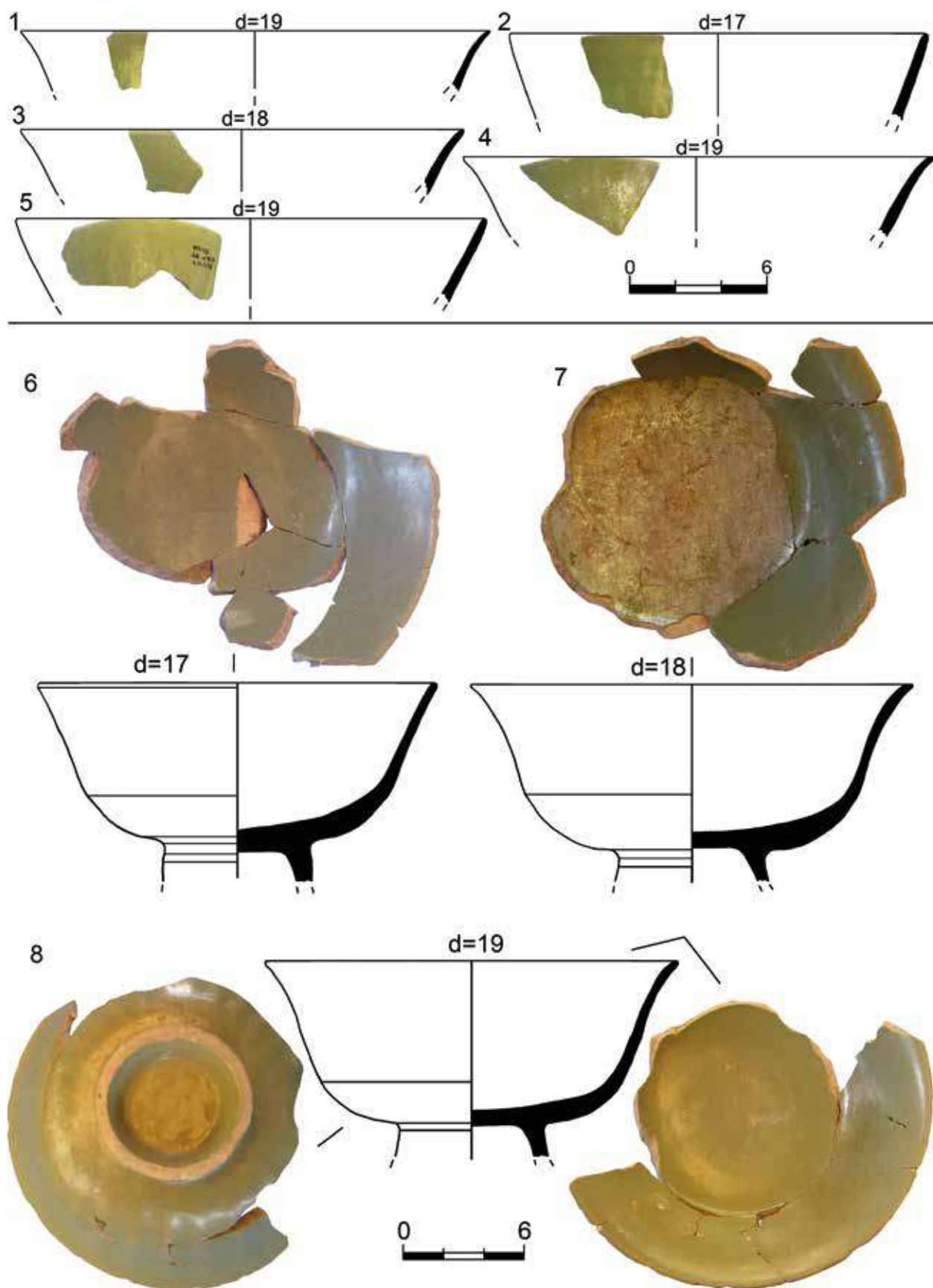

Рис. 306. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г.
 Раскопки 2009 г. Южный участок. Помещение Н. 5-й слой: 1-8 – к.о.448.
 Изделия из кашина (1-8) [по: Науменко, Душенко, 2017, с. 216-219, рис. 27-29]

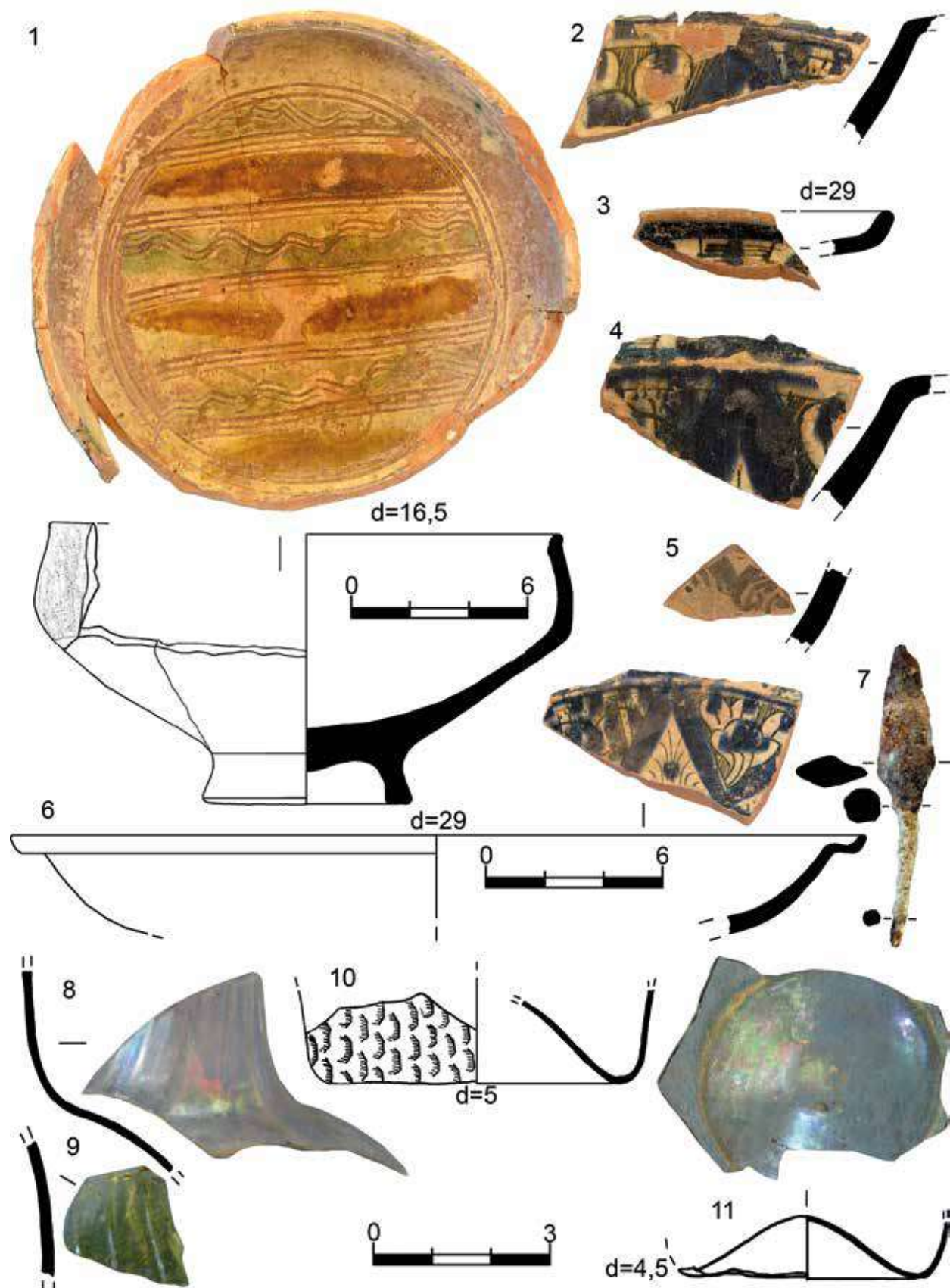

Рис. 307. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г.
 Раскопки 2009 г. Южный участок. Помещение Н. 5-й слой: 1 – к.о.447; 2-6 – к.о.449; 7 – к.о.454;
 8 -к.о.453; 9 – к.о.452; 10 – к.о.450; 11 – к.о.451. Изделия из керамики (1-6), железа (7), стекла (8-11)
 [по: Науменко, Душенко, 2017, с. 216-219, рис. 27-29]

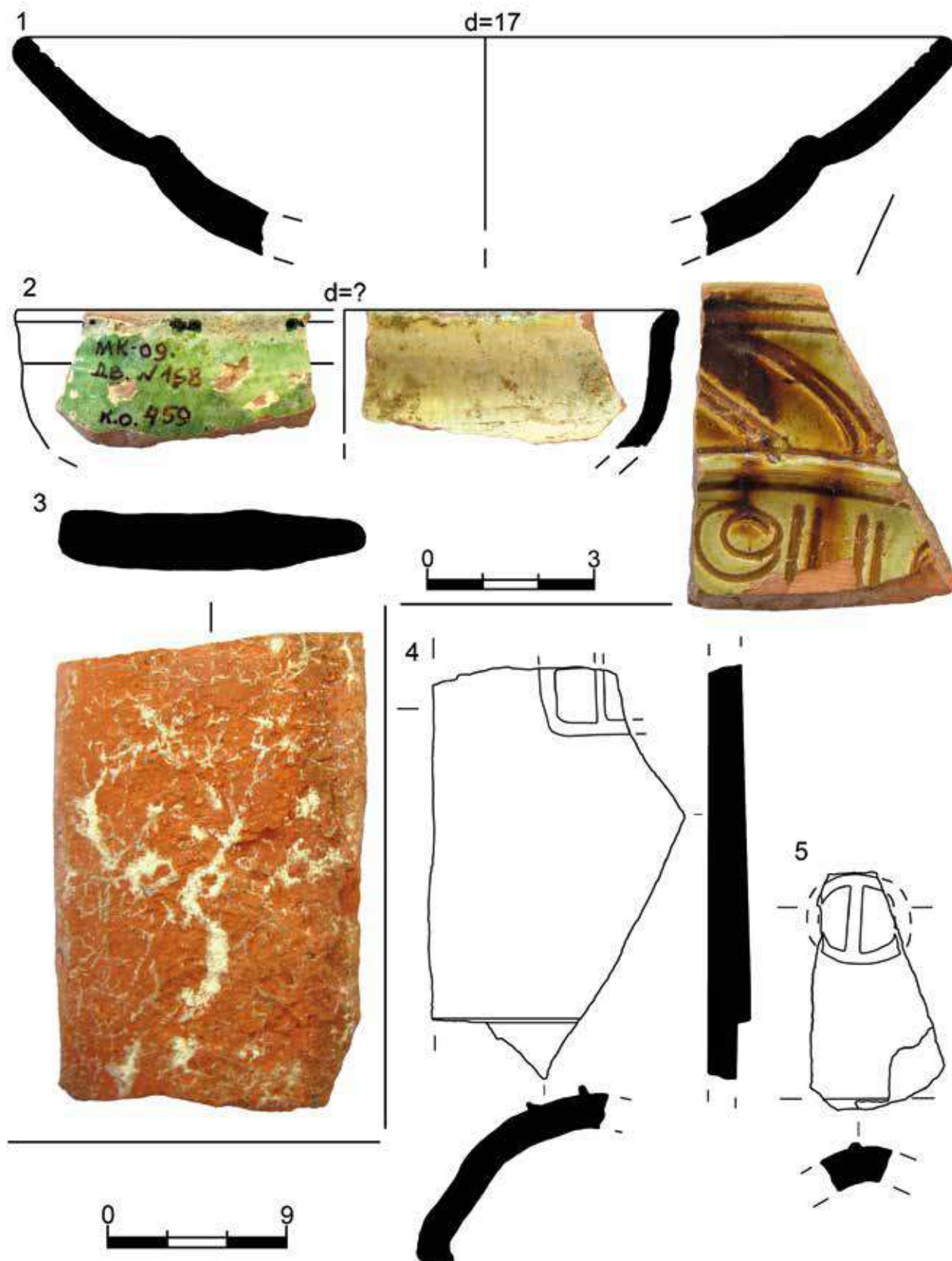

Рис. 308. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2009 г. Южный участок. Помещение Н. 6-й слой: 1 – к.о.460; 2 – к.о.459; 3 – к.о.458; 4-5 – к.о.565. Изделия из керамики (1-5) [по: Науменко, Душенко, 2017, с. 219, рис. 30]

Рис. 309. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №10-14. 5-й слой. Общий вид с востока. На заднем плане – помещение F [по: Герцен. Отчет, 2010, фото 330]

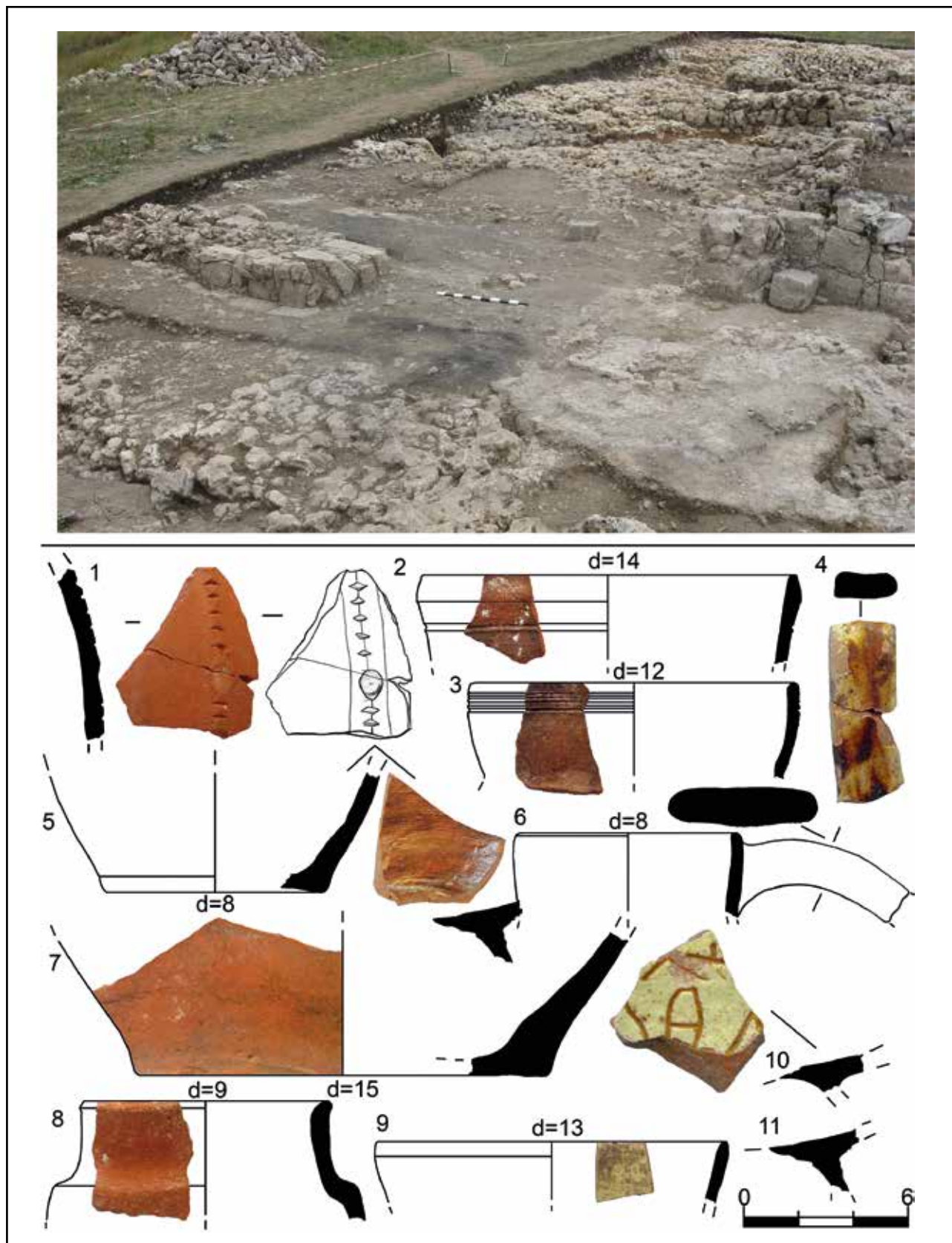

Рис. 310. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №10-14. 5-й слой. Общий вид с северо-запада, справа – восточная часть помещения F по уровню 6-го слоя, позднего пола постройки. Находки из 5-го слоя: 1-3 – к.о.710; 3,5 – к.о.725; 6,7 – к.о.718; 8 – к.о.725; 9 – к.о.727; 10 – к.о.728; 11 – к.о.724. Изделия из керамики (1-11) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 139-142]

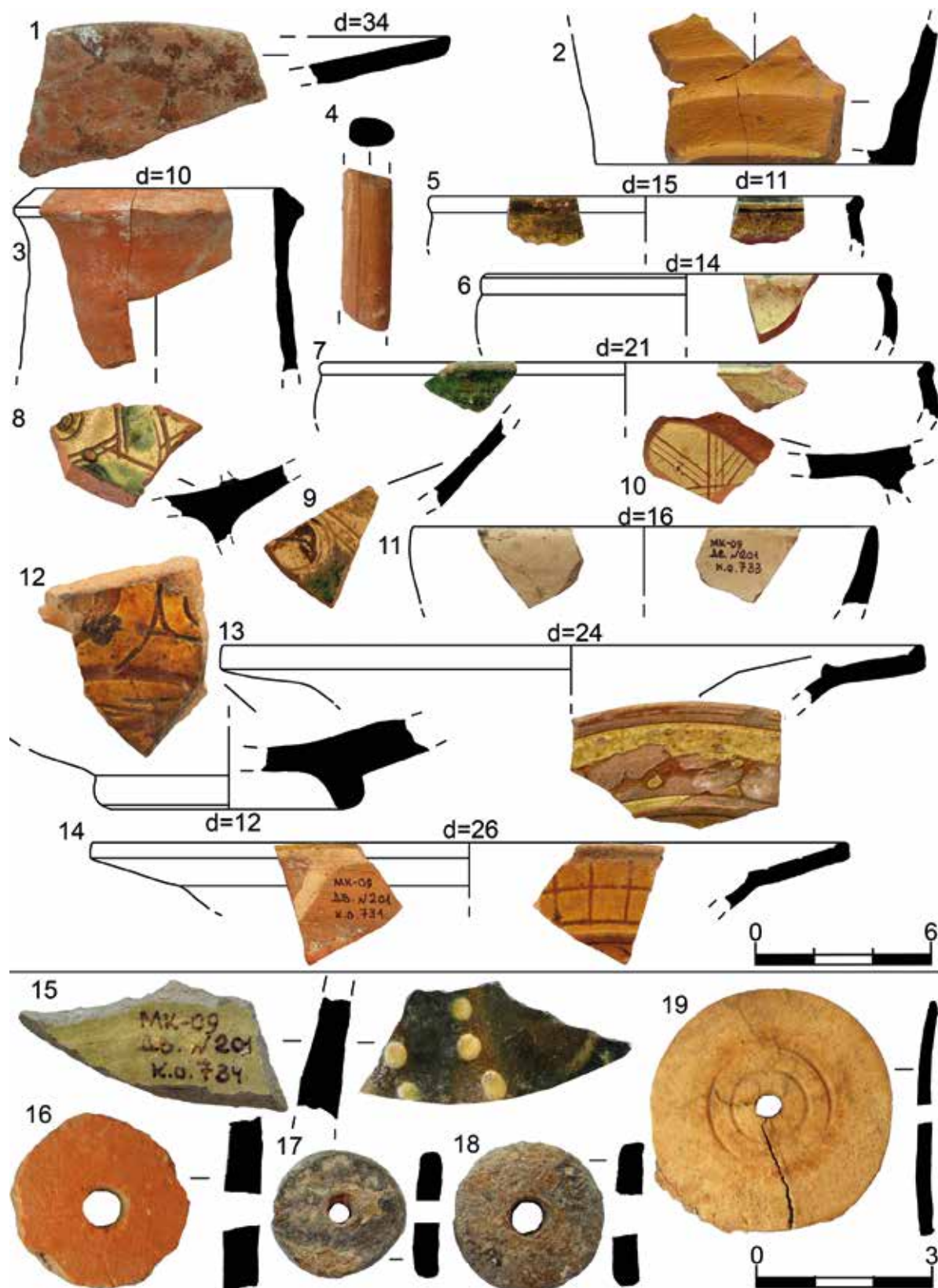

Рис. 311. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №10-14. 5-й слой: 1 – к.о.722; 2 – к.о.726; 3 – к.о.723; 4 – к.о.720; 5-9 – к.о.730; 10 – к.о.729; 11 – к.о.733; 12-14 – к.о.731; 15 – к.о.374; 16 – к.о.735; 17,18 – к.о.743; 19 – к.о.736. Изделия из керамики (1-16), свинца (17-18), кости (19) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 139-142]

Рис. 312. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2009 г. Центральный участок. Квадрат №10-14. 5-й слой: 1 – к.о.738; 2 – к.о.739; 3 – к.о.740; 4 – к.о.742; 5 – к.о.741; 6 – к.о.737; 7 – к.о.744; 8 – к.о.732. Изделия из кости (1, 6), бронзы (2, 5), меди (3), свинца (4), железа (7), керамики (8) [по: Герцен. Отчет, 2010, рис. 139-142]

1

2

Рис. 313. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №№26-27. Помещение J: 1 – помещение J-1 по уровню 2-го слоя, общий вид с севера; 2 – помещения J-1 и J-2 по уровню 3-го слоя, общий вид с северо-востока [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 23, 26]

Рис. 314. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г.
 Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №№26-27. Помещение J:
 1 – помещение J-1 по уровню 3-го слоя, вид с севера; 2 – помещение J-1 по уровню 4-го слоя
 [по: Герцен. Отчет, 2015, фото 350, 373]

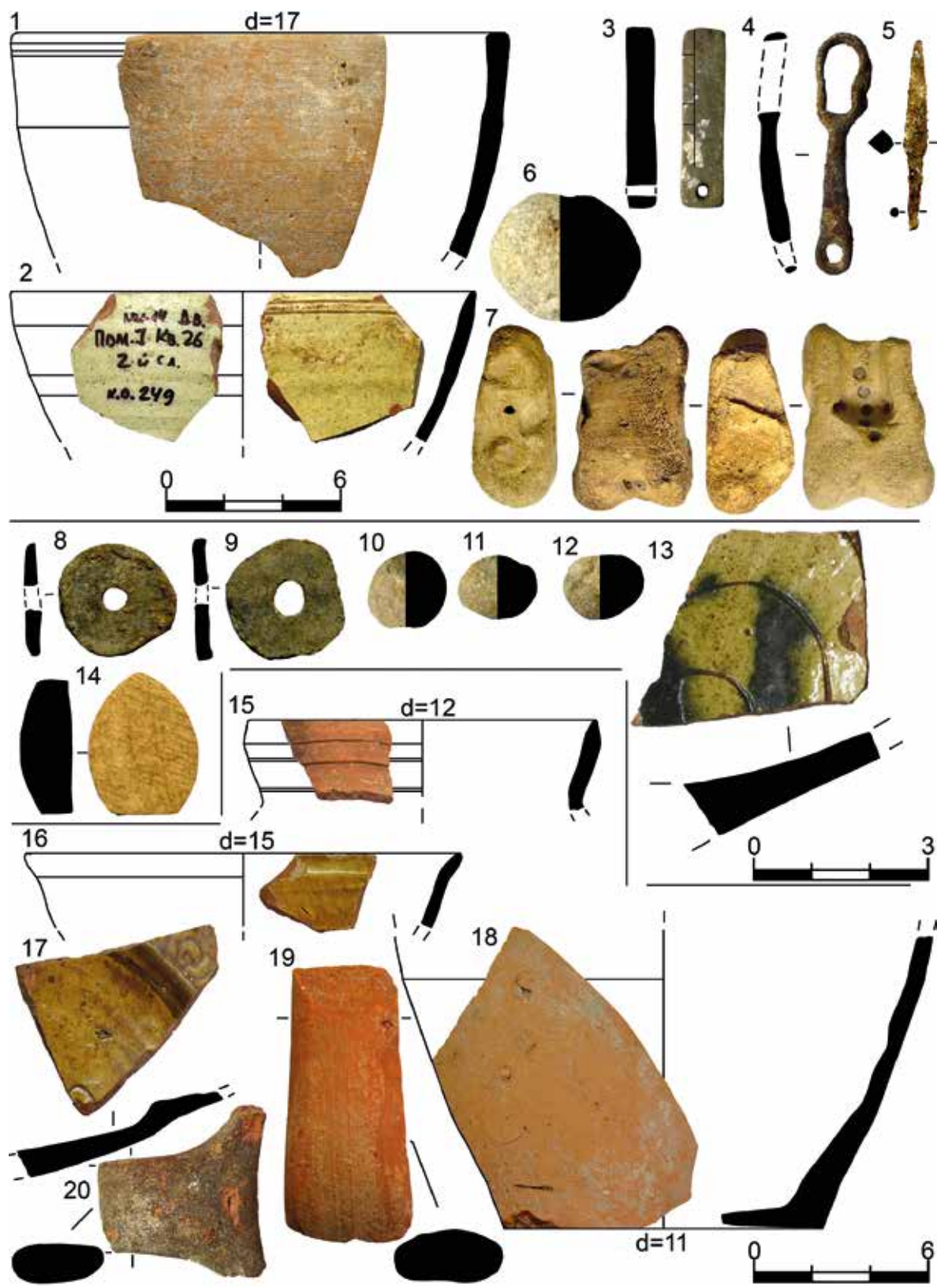

Рис. 315. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №№26-27. Помещение J. 2-й слой: 1 – к.о.248, 2 – к.о.249; 3 – к.о.252; 4 – к.о.258; 5 – к.о.267; 6 – к.о.251; 7 – к.о.253; 8,9 – к.о.256; 10-12 – к.о.255; 13 – к.о.250; 14 – к.о.254; 15 – к.о.277; 16 – к.о.281; 17 – к.о.282; 18 – к.о.275; 19 – к.о.274; 20 – к.о.278. Изделия из керамики (1-2, 13, 15-20), меди (3), железа (4-5), известняка (6, 10-12), кости (7, 14), свинца (8-9) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 61-80]

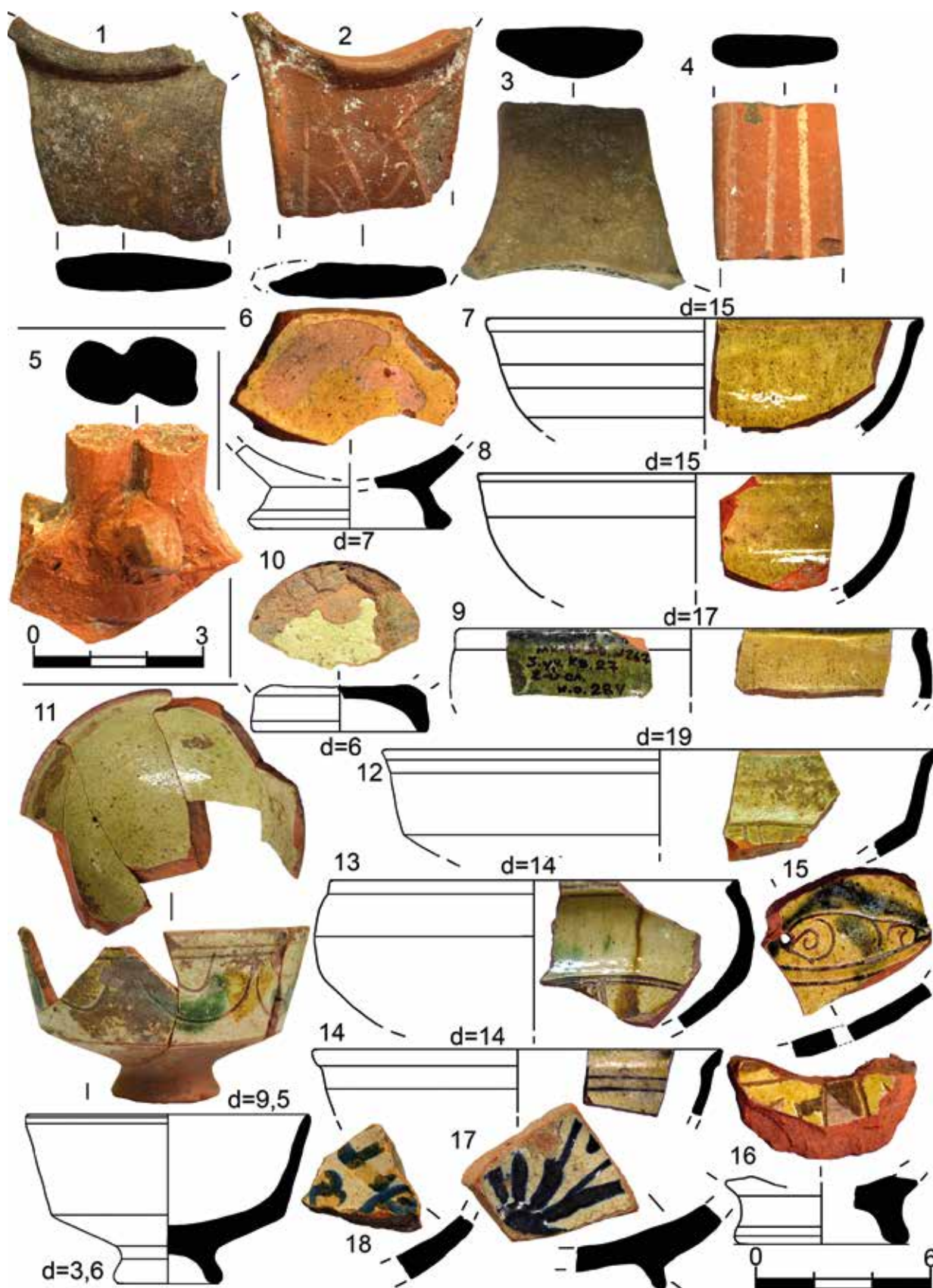

Рис. 316. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №№26-27. Помещение J. 2-й слой: 1-2 – к.о.276; 3-4 – к.о.277; 5 – к.о.279; 6-8 – к.о.283; 9 – к.о.284; 10 – к.о.286; 11 – к.о.280; 12-16 к.о.285; 17 – к.о.289; 18 – к.о.288. Изделия из керамики (1-18) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 61-80]

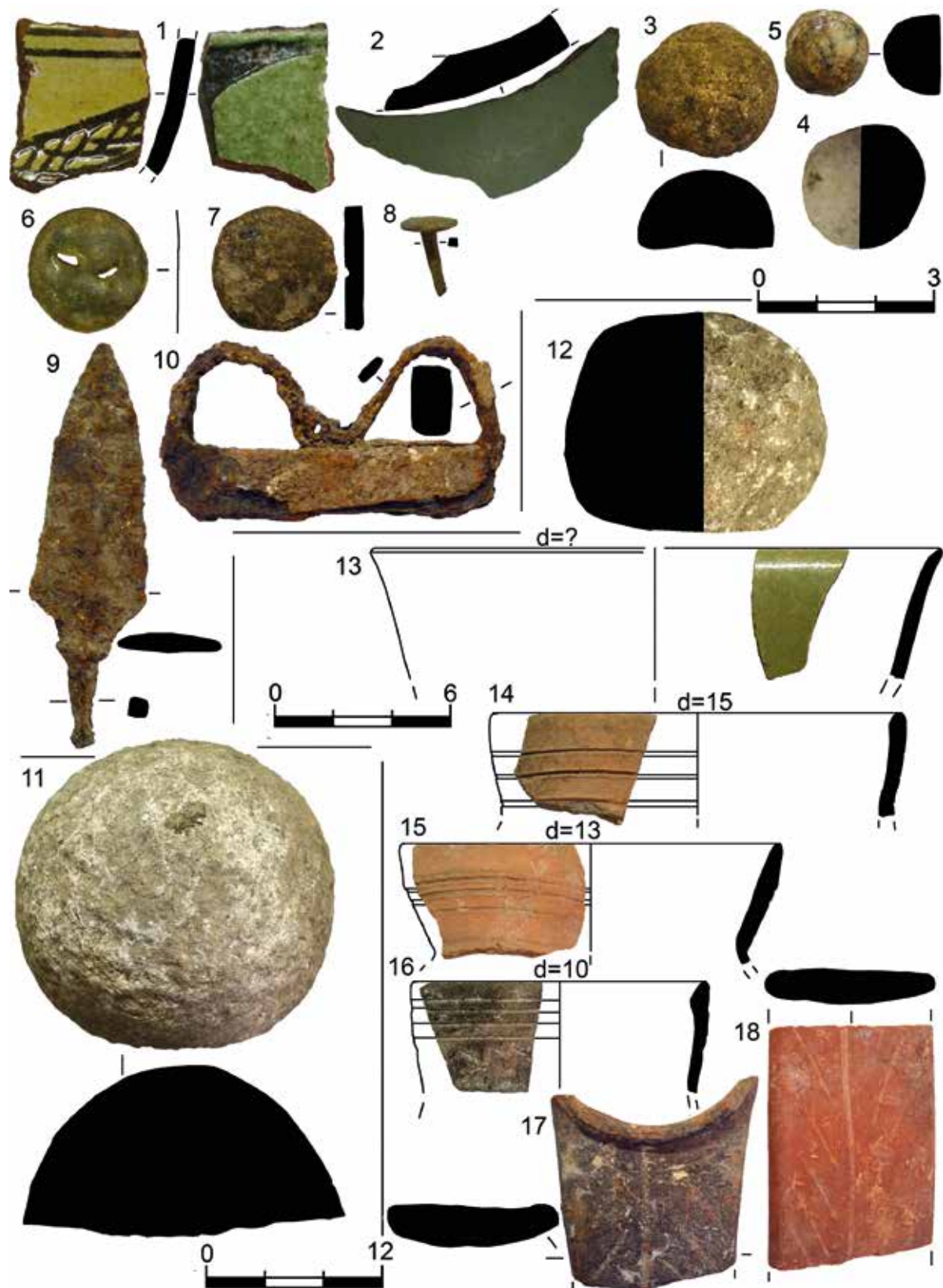

Рис. 317. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №№26-27. Помещение J. 2-й слой: 1 – к.о.287; 2 – к.о.291; 3 – к.о.294; 4 – к.о.295; 5 – к.о.296; 6 – к.о.299; 7 – к.о.297; 8 – к.о.300; 9 – к.о.301; 10 – к.о.302; 11 – к.о.292; 12 – к.о.293; 13 – к.о.290. 3-й слой. 14-16 – к.о.311; 17-18 – к.о.310. Изделия из керамики (1, 14-18), кашина (2, 13), известняка (3-5, 11-12), меди (6, 8), свинца (7), железа (9-10) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 61-80]

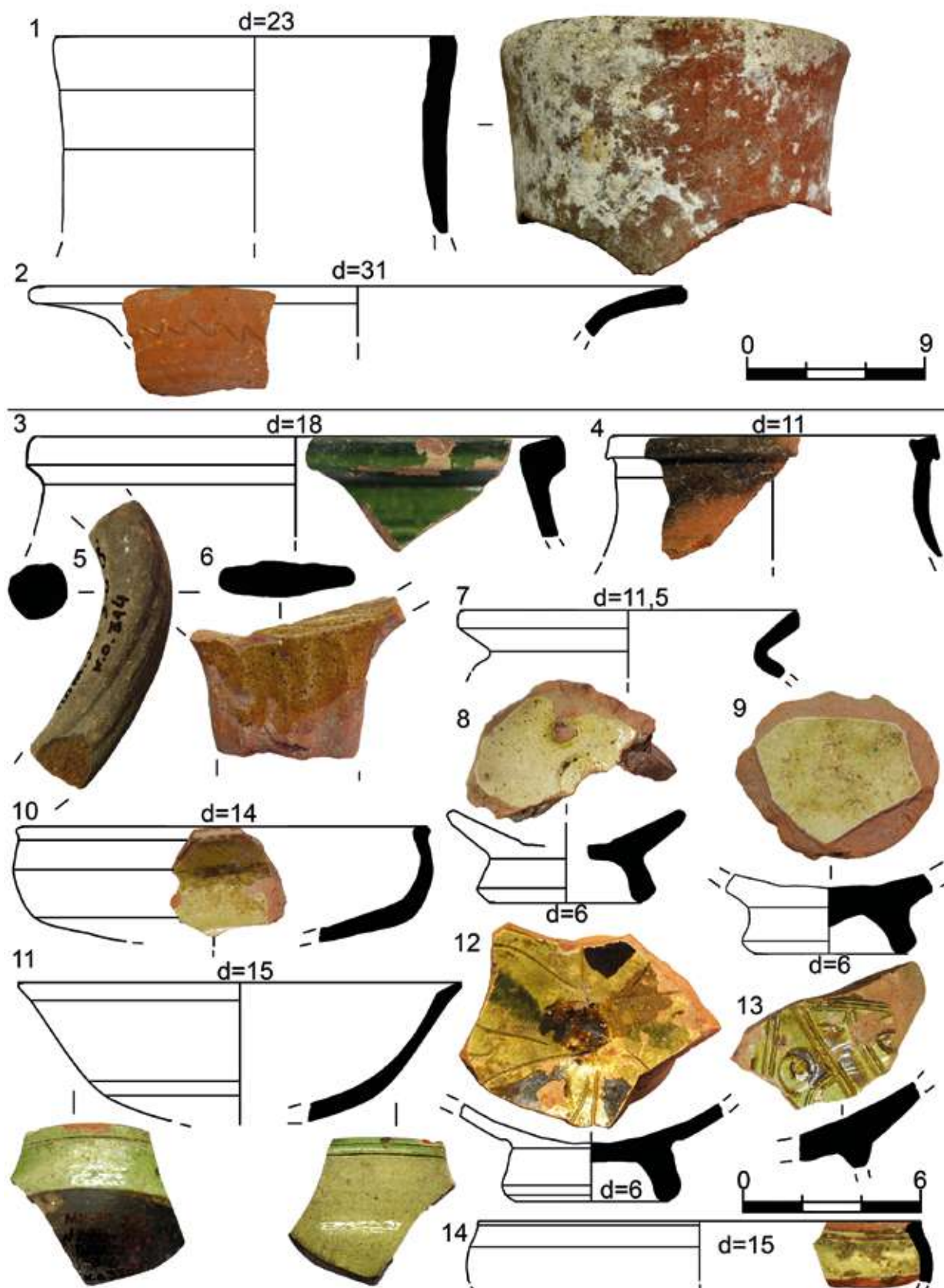

Рис. 318. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №№26-27. Помещение J. 3-й слой: 1 – к.о.309; 2 – к.о.313; 3 – к.о.316; 4 – к.о.312; 5 – к.о.314; 6 – к.о.317; 7 – к.о.315; 8-10 – к.о.318; 11 – к.о.320; 12-14 – к.о.319. Изделия из керамики (1-14) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 61-80]

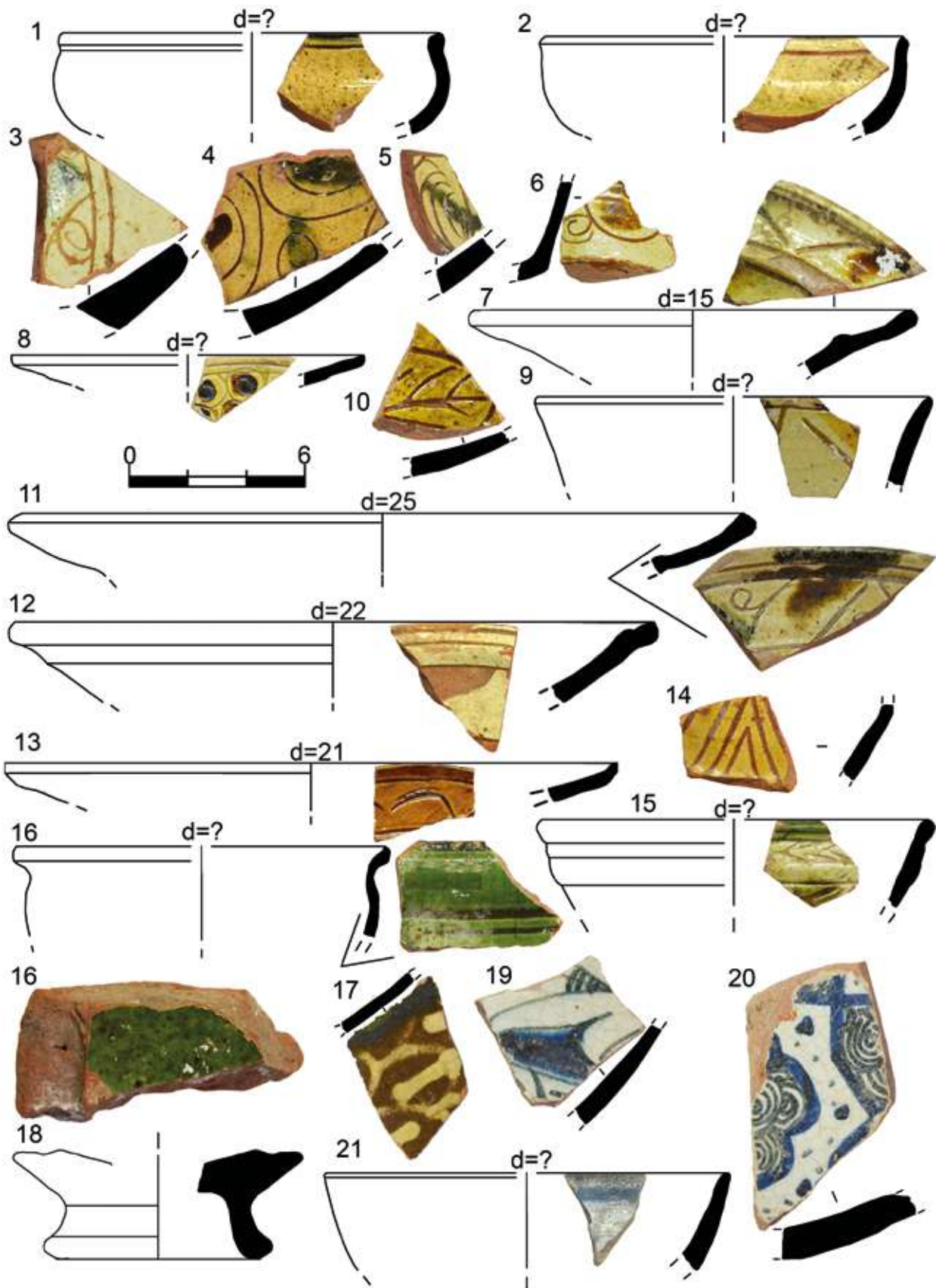

Рис. 319. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №№26-27. Помещение J. 3-й слой: 1-5 – к.о.319; 6, 9 – к.о.321; 7-8, 11 – к.о.322; 10, 13-14 – к.о.324; 12 – к.о.323; 15 – к.о.326; 16 – к.о.325; 17 – к.о.328; 18 – к.о.327; 19-21 – к.о.329. Изделия из керамики (1-21) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 61-80]

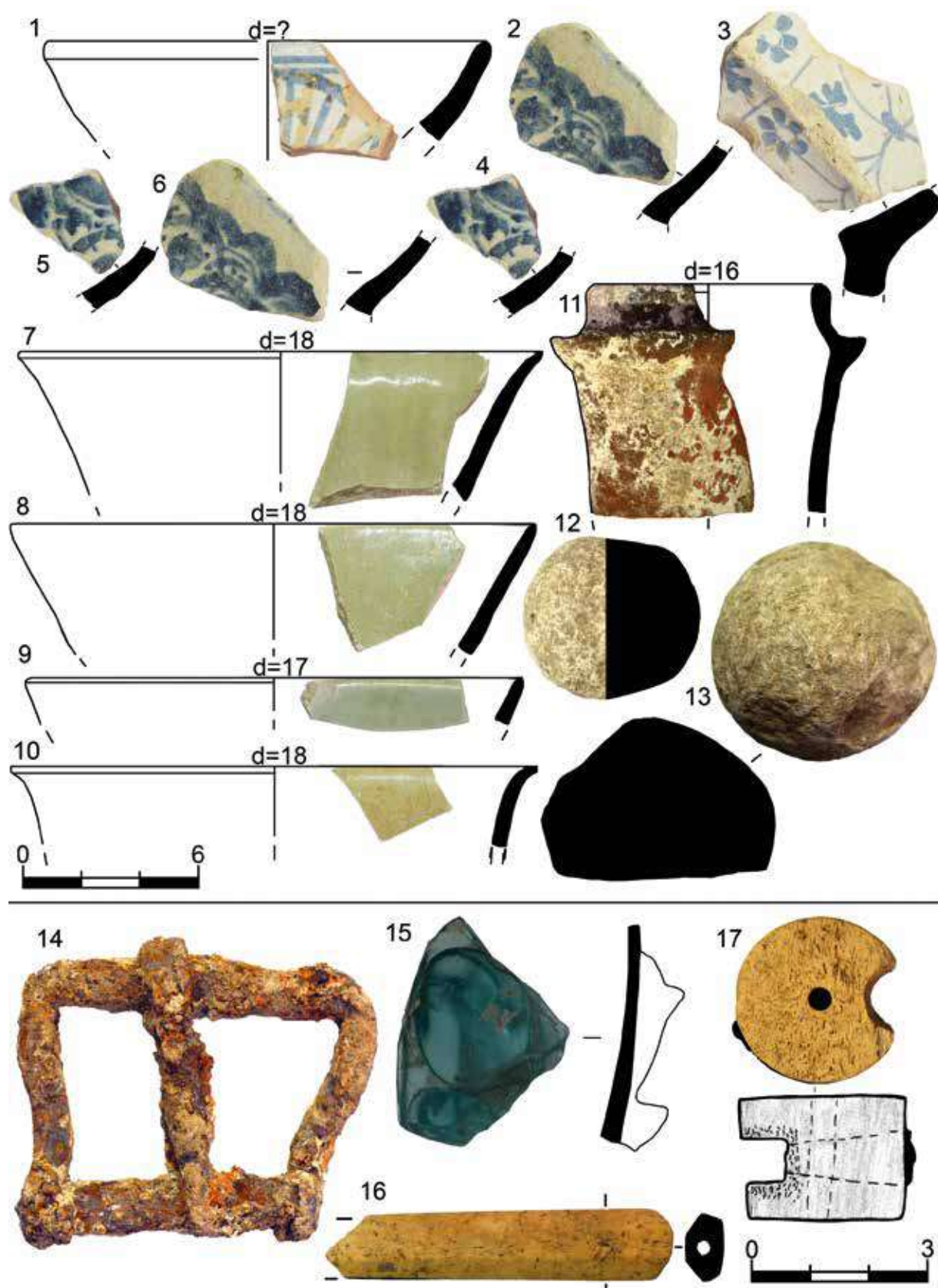

Рис. 320. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №26-27. Помещение J. 3-й слой: 1, 3 – к.о.330; 2, 4 – к.о.329; 5-6 – к.о.331; 7-9 – к.о.332; 10 – к.о.333; 11 – к.о.334; 12 – к.о.336; 13 – к.о.335; 14 – к.о.343; 15 – к.о.339; 16 – к.о.338; 17 – к.о.337. Изделия из керамики (1, 3, 11), кашина (2, 4-10), известняка (12-13), железа (14), стекла (15), кости (16-17) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 61-80]

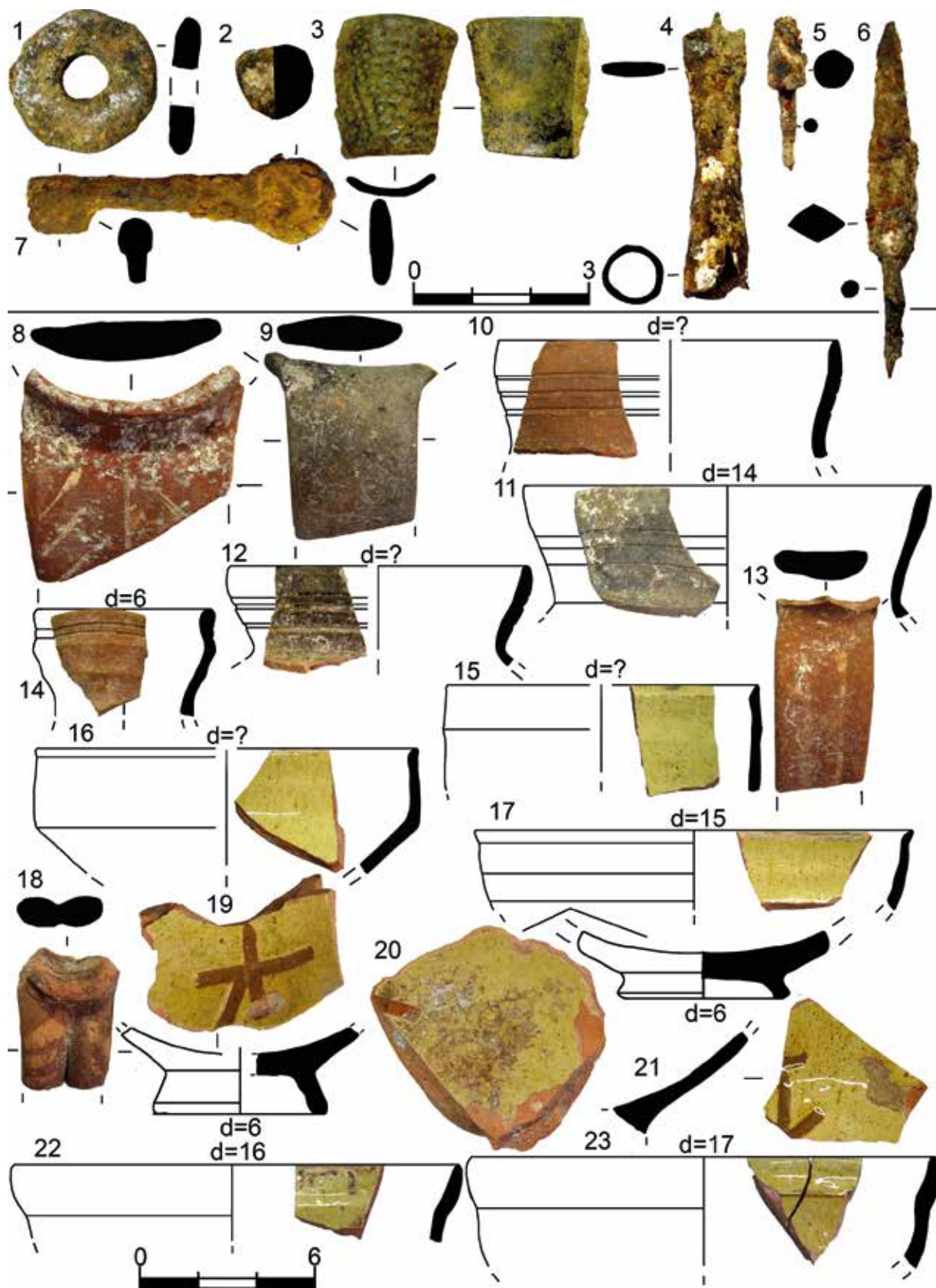

Рис. 321. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №№26-27. Помещение J. 3-й слой: 1 – к.о.340; 2 – к.о.341; 3 – к.о.342; 4 – к.о.344; 5 – к.о.347; 6 – к.о.346; 7 – к.о.345; 8 – к.о.353; 9-12 – к.о.354; 13-14 – к.о.355; 15-17 – к.о.359; 18 – к.о.356; 18-23 – к.о.360. Изделия из свинца (1-2), бронзы (3), железа (4-7), керамики (8-23) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 61-80]

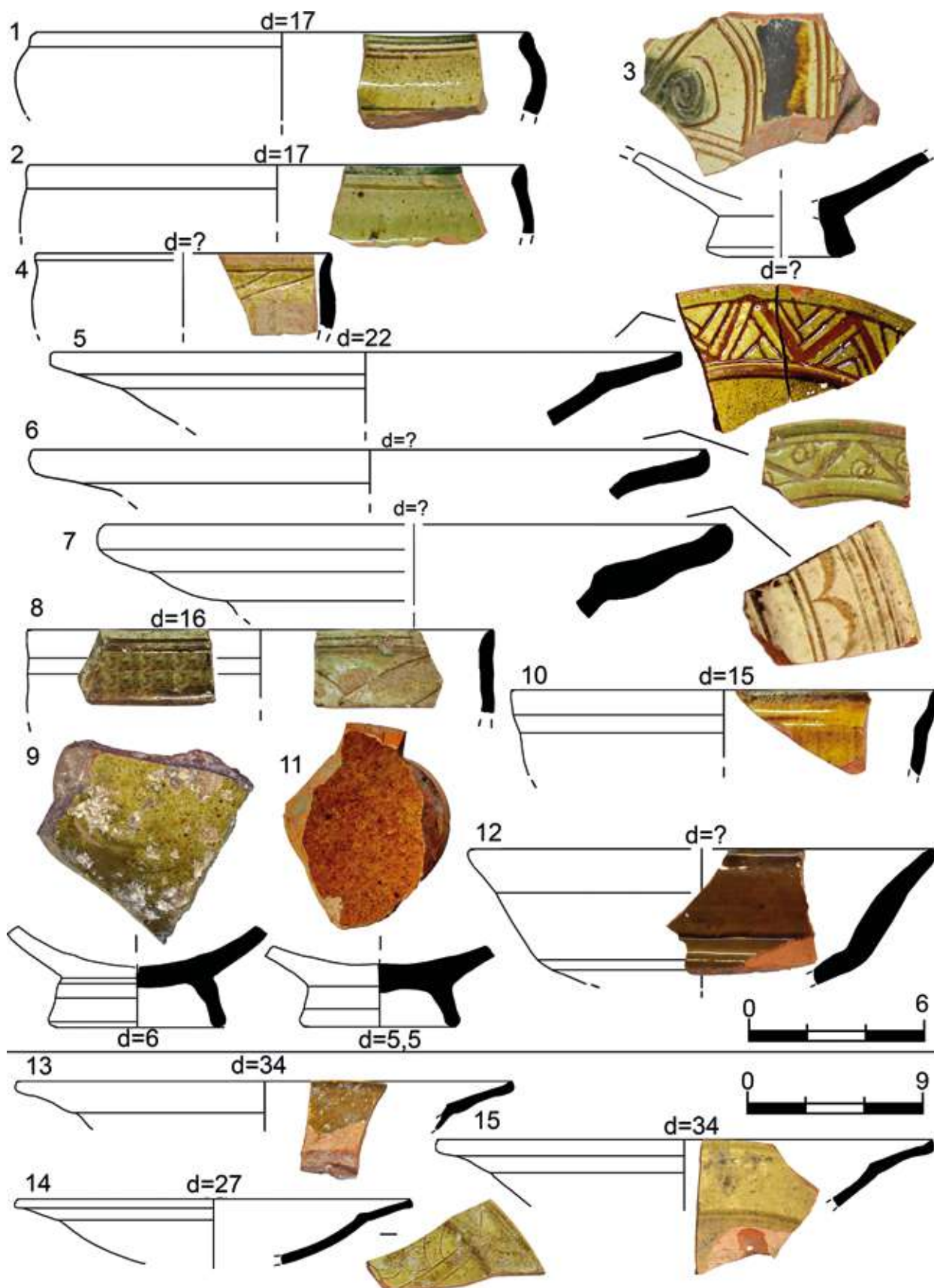

Рис. 322. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г.
 Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №№26-27. Помещение J. 3-й слой: 1-3 – к.о.362;
 4 – к.о.361; 5-7, 14 – к.о.363; 8-9 – к.о.364; 10-11 – к.о.366; 12 – к.о.367; 13, 15 – к.о.364.
 Изделия из керамики (1-15) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 61-80]

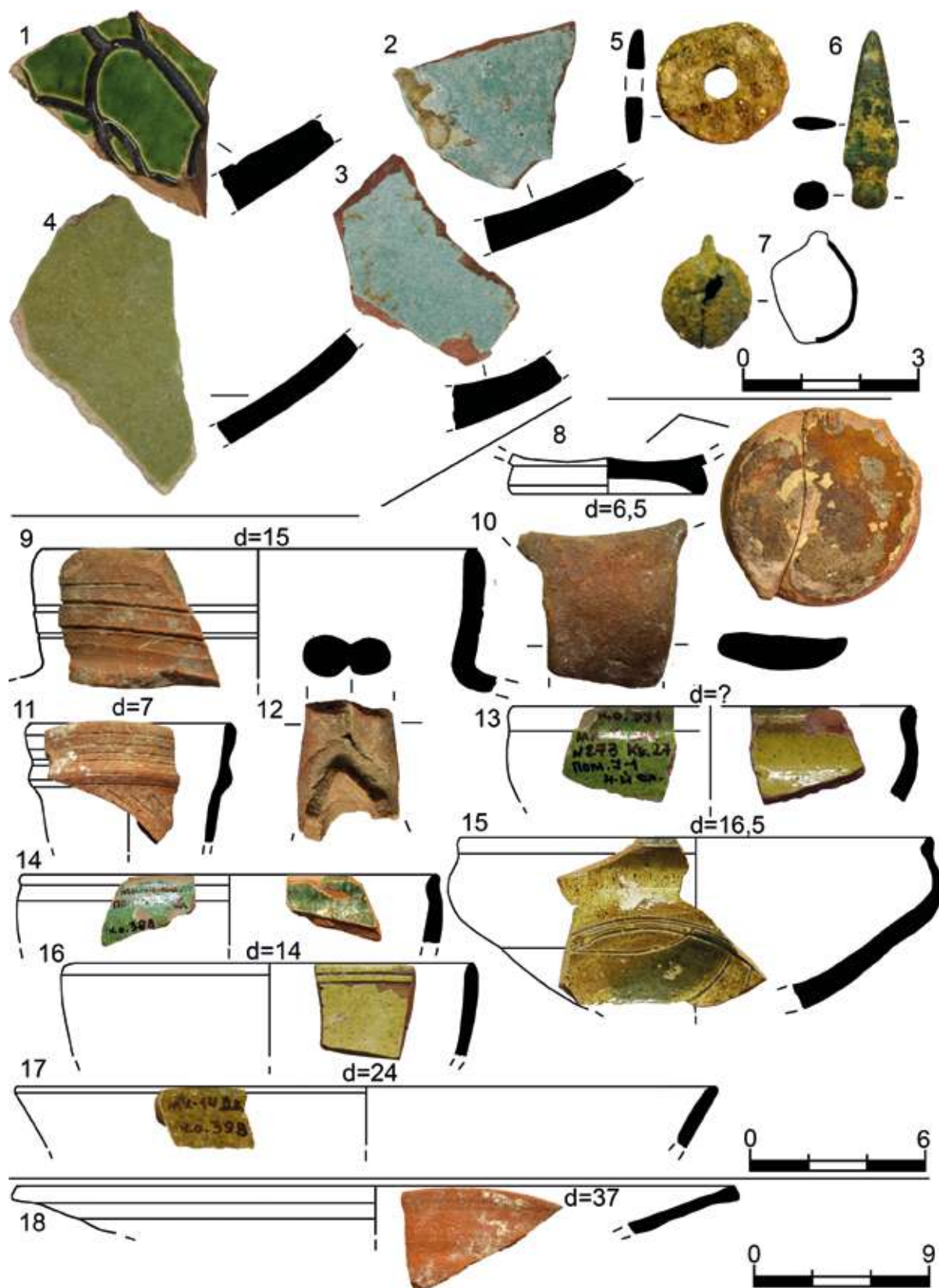

Рис. 323. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №№26-27. Помещение J. 3-й слой: 1 – к.о.368; 2-3 - к.о.369; 4 – к.о.371; 5 – к.о.372; 6 – к.о.373; 7 – к.о.374; 8 – к.о.370. 4-й слой: 9-10 – к.о.385; 11-12 – к.о.386; 13 – к.о.391; 14 – к.о.388; 15 – к.о.389; 16 – к.о.390; 17 – к.о.398; 18 – к.о.387. Изделия из керамики (1-3, 8-18), кашина (4), свинца (5), бронзы (6-7) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 61-80]

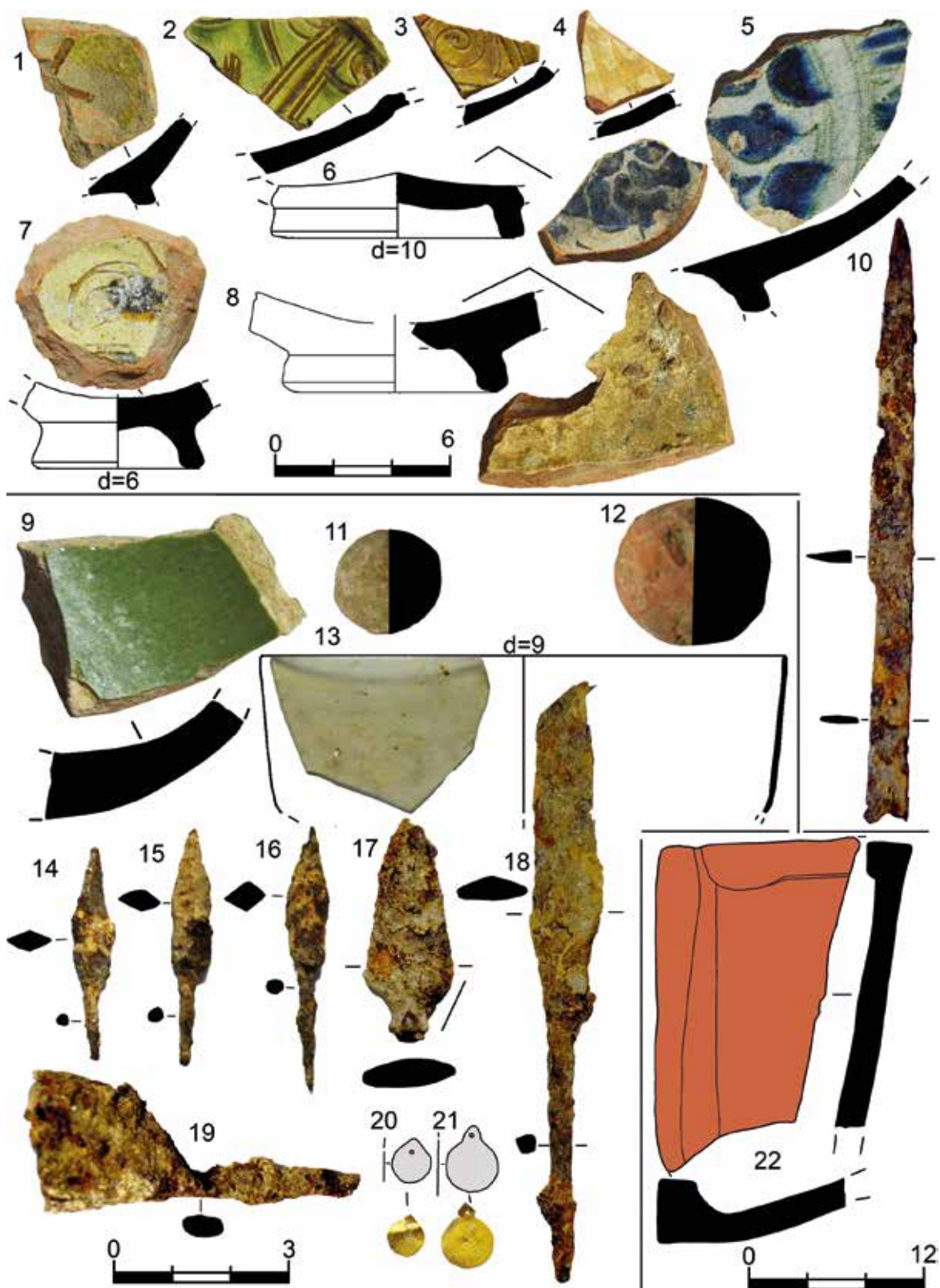

Рис. 324. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2014 г. Западный участок. Квадрат №№26-27. Помещение J. 4-й слой: 1 – к.о.392; 2 – к.о.393; 3 – к.о.395; 4 – к.о.396; 5-6 – к.о.394; 7-8 – к.о.394; 9 – к.о.399; 10 – к.о.406; 11 – к.о.400; 12 – к.о.401; 13 – к.о.402; 14-16 – к.о.403; 17 – к.о.404; 18 – к.о.406; 19 – к.о.405; 20-21 – к.о.409. 3-й слой. 22 – к.о.133а. Изделия из керамики (1-8, 22), кашина (9), железа (10, 14-19), известняка (11-12), стекла (13), золота (20-21) [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 61-80]

1

2

Рис. 325. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Помещение N по уровню 5-го слоя: 1 – общий вид с северо-запада. 2 – общий вид с севера [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 35-36]

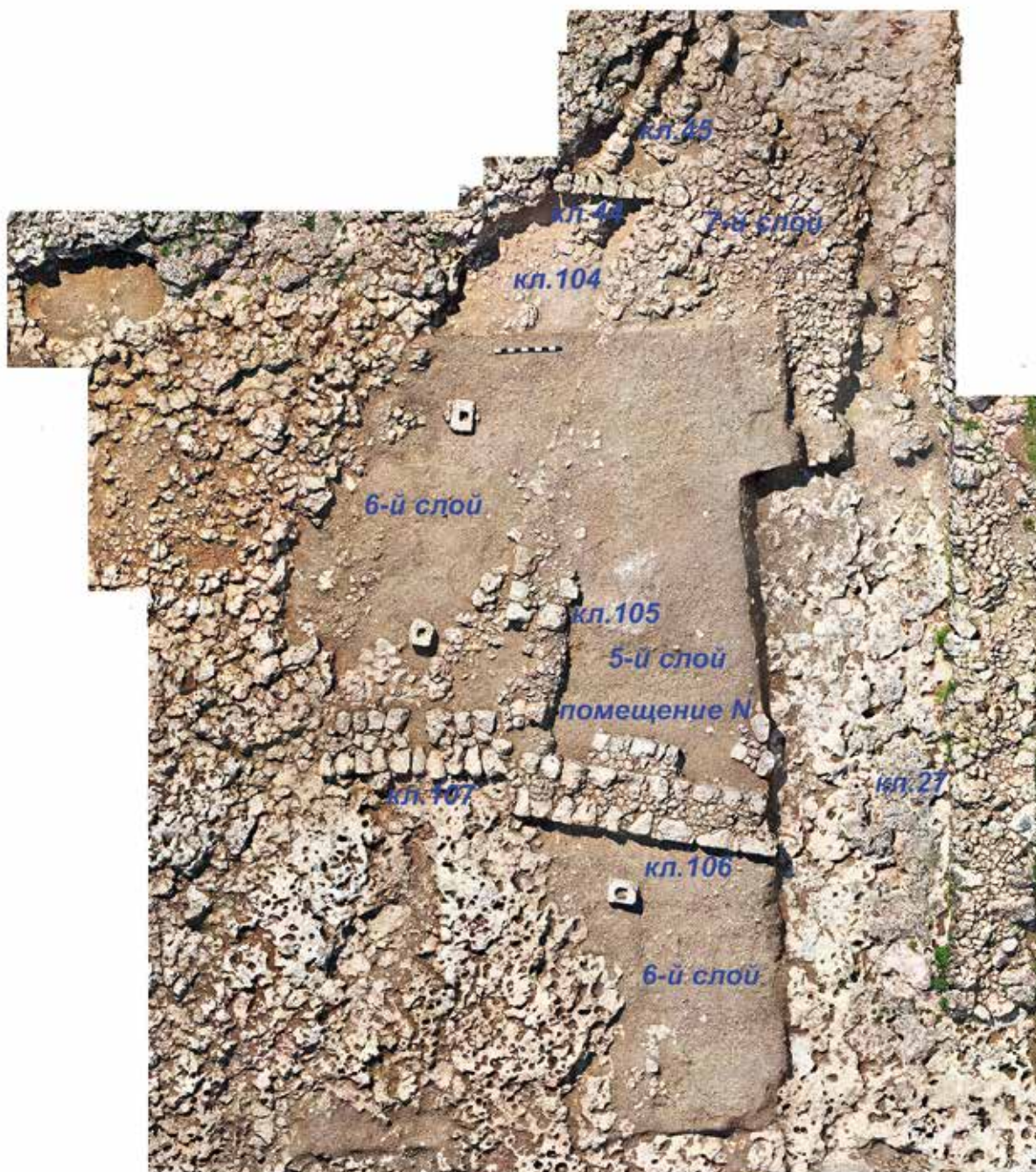

Рис. 326. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2018 г. Восточный участок. Помещение N по уровню 5-го слоя. Ортофотоплан [по: Герцен. Отчет, 2015, рис. 13]

1

2

Рис. 327. Дворец. Археологические комплексы разрушений и пожаров 1475 г. Раскопки 2010 г. Южный участок. Помещение М по уровню 3-го слоя: 1 – общий вид с запада; 2 – общий вид с юга [по: Герцен. Отчет, 2011, рис. 27, фото 372]

Рис. 328. Дворец. Археологические комплексы феодоритского периода (около 1425-1475 гг.). Раскопки 2008 г. Южный участок. Квадрат №№6-12. «Верхняя» и «нижняя» террасы по уровню 3-го слоя: 1-2 – общий вид с запада; 3 – фрагмент поверхности 3-го слоя в пределах «верхней» террасы, вид с запада, сверху [по: Герцен. Отчет, 2009, рис. 28-30]

Рис. 329. Дворец. Археологические комплексы феодоритского периода (около 1425-1475 гг.). Раскопки 2016-2019 гг. Западный участок. Квадраты №№30-31, 34-35, 46-47. 5-й слой, «слоя функционирования дворцового комплекса»: 1 – поверхность 5-го слоя в квадрате №30, общий вид с юго-востока. 2 – поверхность 5-го слоя в квадрате №30, общий вид с севера [по: Герцен. Отчет, 2017, фото 20-21]

Рис. 330. Дворец. Археологические комплексы феодоритского периода (около 1425-1475 гг.). Раскопки 2016-2019 гг. Западный участок. Квадраты №№30-31, 34-35, 46-47. 5-й слой, «слоя функционирования дворцового комплекса»: 1 – зачистка поверхности 6-го слоя в квадрате №30, на заднем плане – останец 5-го слоя, вид с востока; 2 – поверхность 5-го слоя в квадратах №№31-33, общий вид с севера [по: Герцен. Отчет, 2017, фото 115, 123]

Рис. 331. Дворец. Археологические комплексы феодоритского периода (около 1425-1475 гг.). Раскопки 2016-2019 гг. Западный участок. Квадраты №№30-31, 34-35, 46-47. 5-й слой, «слоя функционирования дворцового комплекса»: 1 – поверхность 5-го слоя в квадрате №34, общий вид с севера; 2 – поверхность 5-го слоя в квадрате №46, общий вид с запада [по: Герцен. Отчет, 2018, рис. 43; 2020, рис. 57]

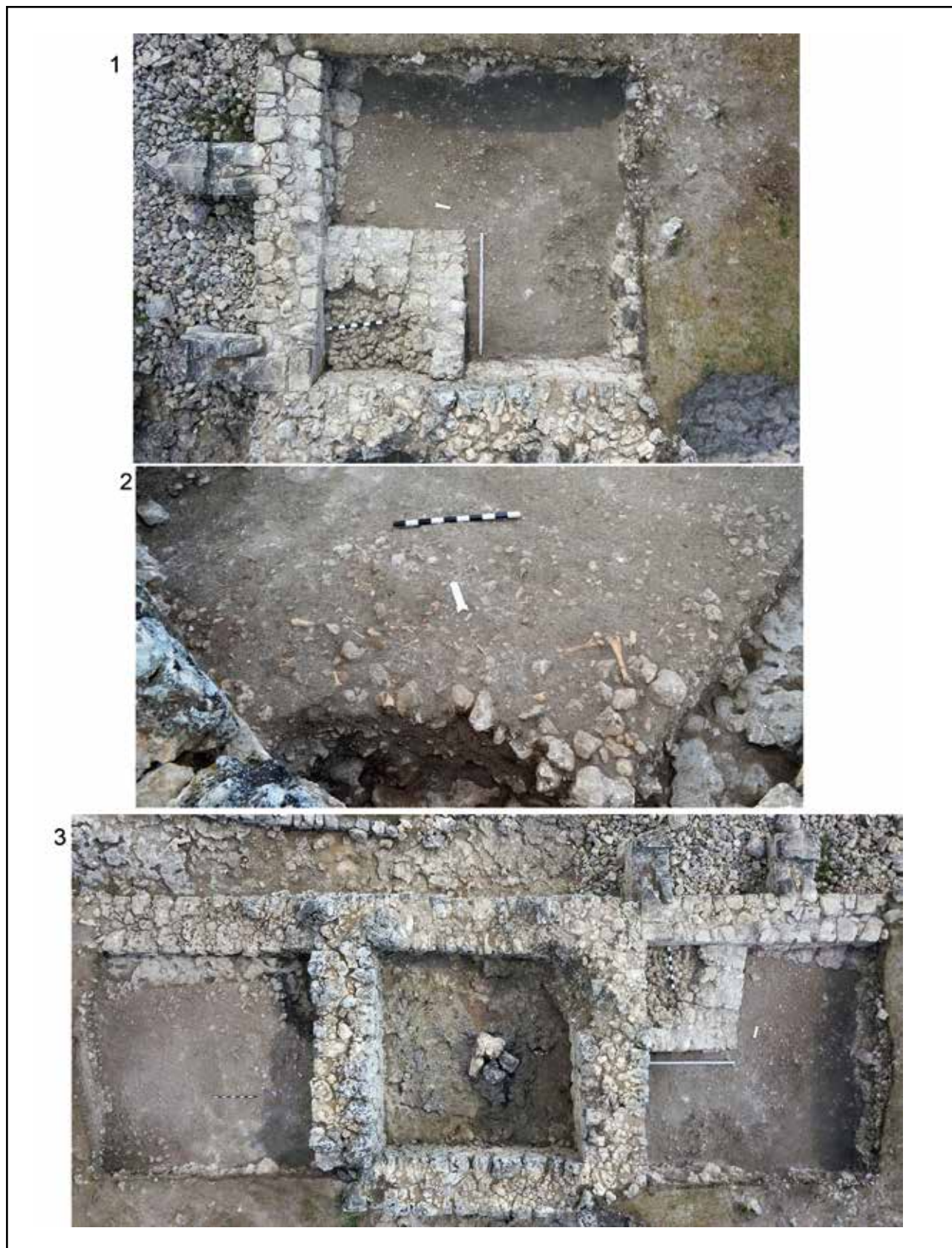

Рис. 332. Дворец. Археологические комплексы феодоритского периода (около 1425-1475 гг.). Раскопки 2021 г. Северный участок. Квадраты №№50-51. 5-й слой: 1 – поверхность 5-го слоя в квадрате №50, общий вид с востока, аэрофото; 2 – поверхность 5-го слоя в квадрате №51, фрагмент, вид с юго-запада; 3 – общий вид с севера по уровню 5-го слоя в квадратах №№50 и 51, аэрофото [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 159-160, 168]

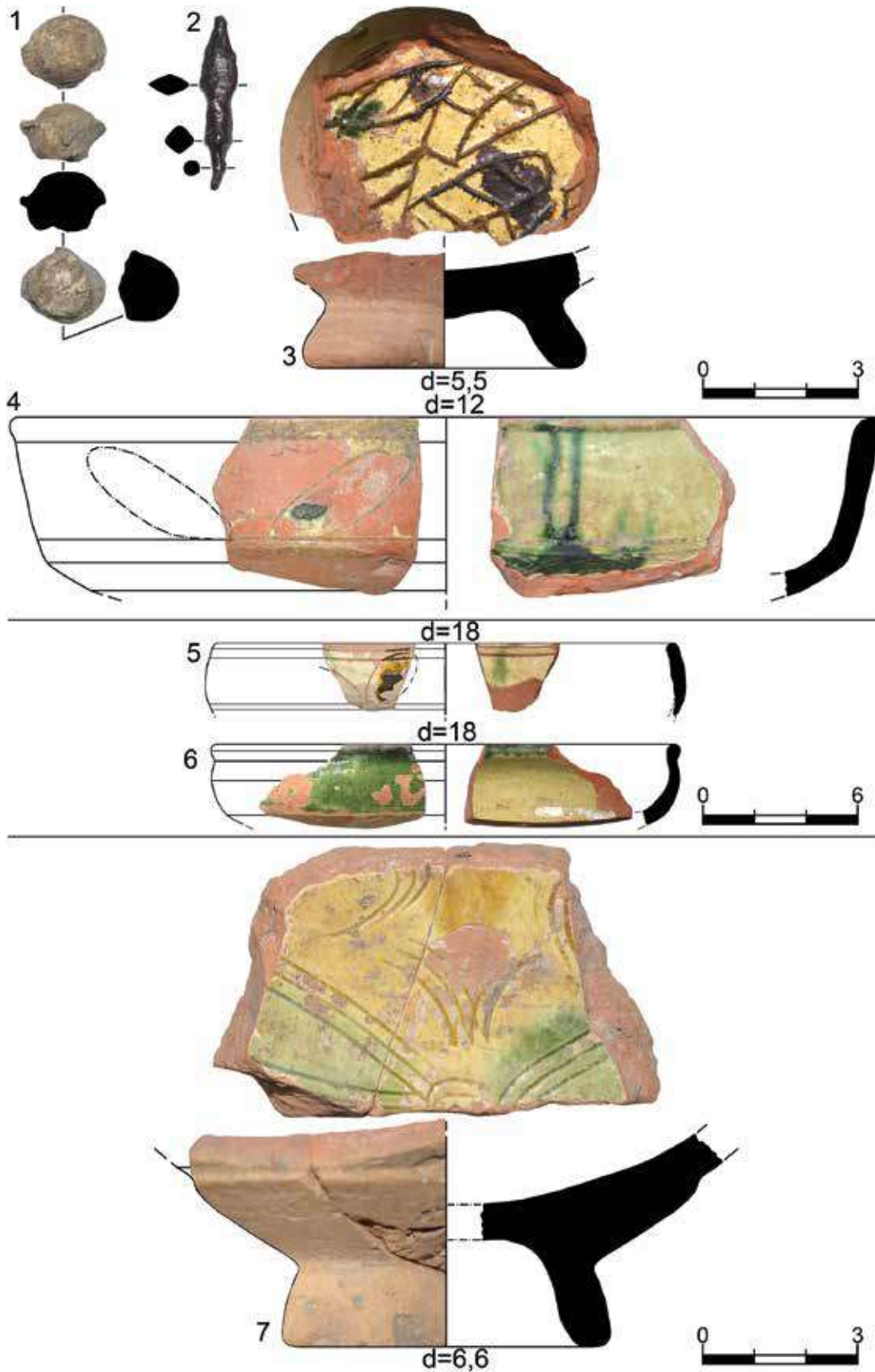

Рис. 333. Дворец. Археологические комплексы феодоритского периода (около 1425-1475 гг.). Раскопки 2021 г. Северный участок. Квадрат 50. 5-й слой: 1 – к.о.114; 2 – к.о.115. Квадрат 51. 5-й слой: 3-5 – к.о.121; 6 -к.о.122; 7 – к.о.123. Изделия из свинца (1), железа (2), керамики (3-7) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 169-171]

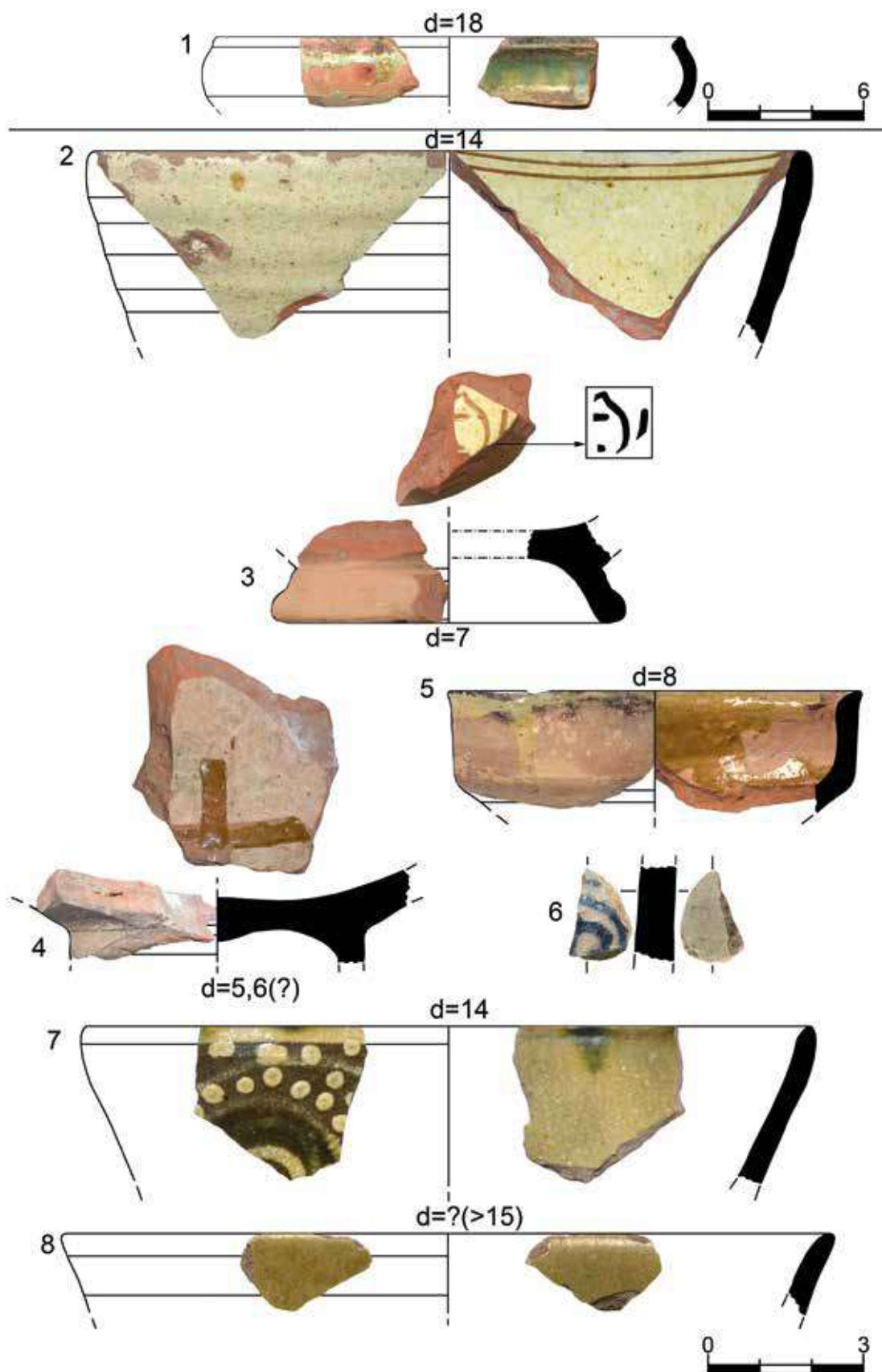

Рис. 334. Дворец. Археологические комплексы феодоритского периода (около 1425-1475 гг.). Раскопки 2021 г. Северный участок. Квадрат 51. 5-й слой: 1 – к.о.123; 2-3 – к.о.124; 4 – к.о.125; 5 – к.о.126; 6 – к.о.127; 8 – к.о.128. Изделия из керамики (1-5), кашина (6-8)
[по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 169-171]

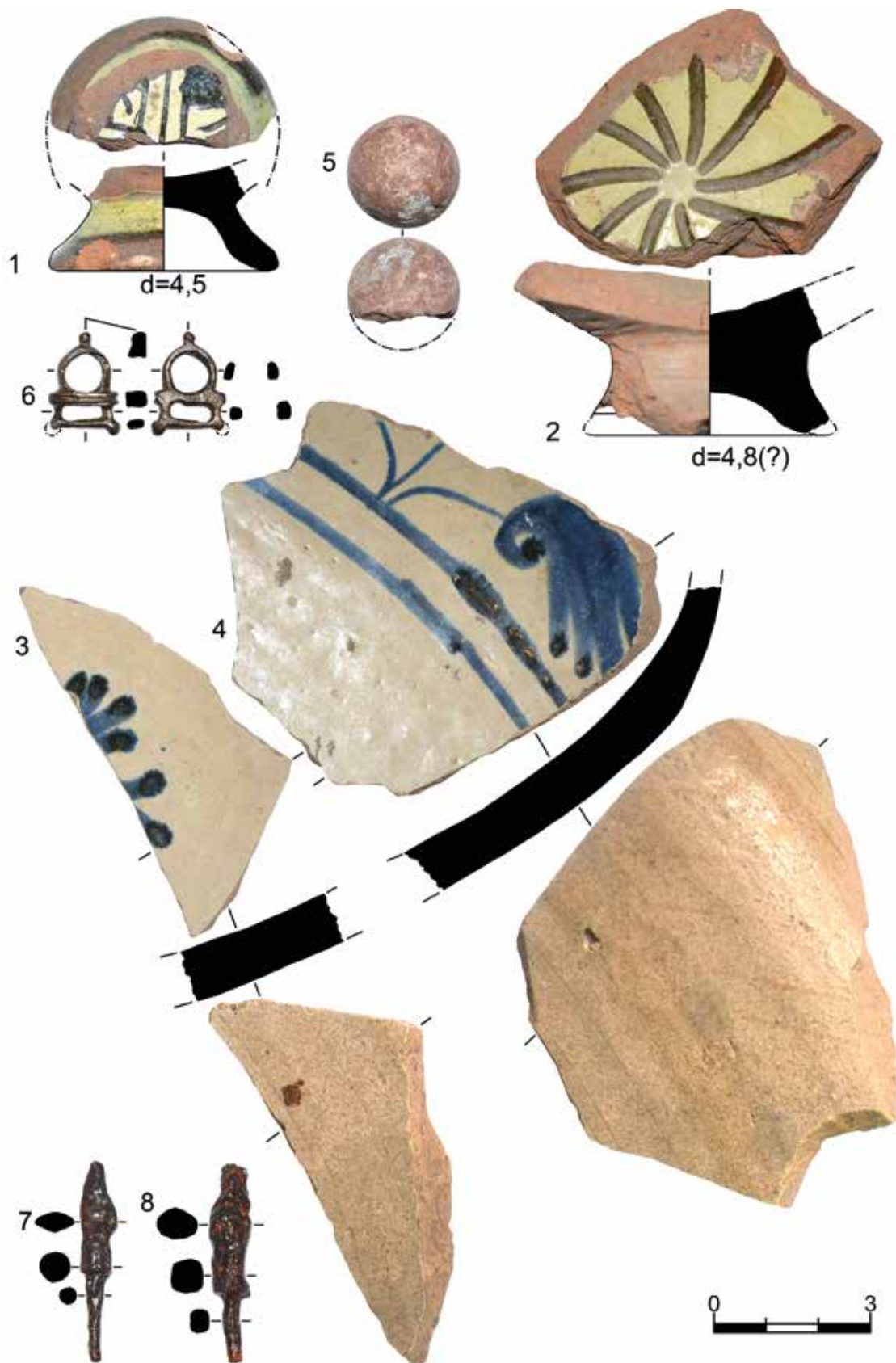

Рис. 335. Дворец. Археологические комплексы феодоритского периода (около 1425-1475 гг.). Раскопки 2021 г. Северный участок. Квадрат 51. 5-й слой: 1 – к.о.130; 2 – к.о.131; 3-4 – к.о.132; 5 – к.о.133; 6 – к.о.134; 7-8 – к.о.135. Изделия из керамики (1-3), мраморовидного известняка (5), бронзы (6), железа (7) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 169-171]

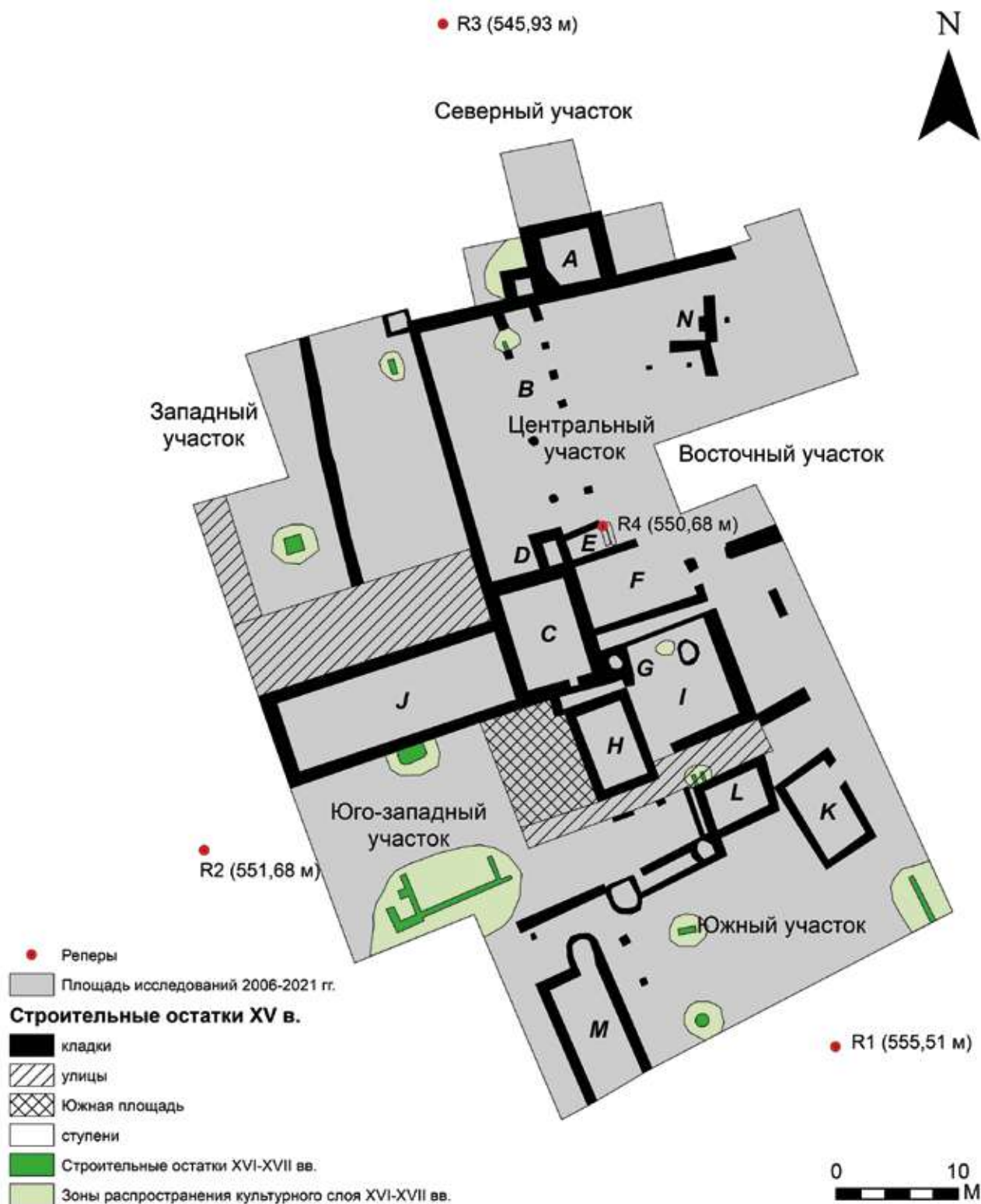

Рис. 336. Дворец. Раскопки 2006-2010, 2014-2021 гг.
Общий план-схема архитектурного комплекса для османского периода (около 1475-1774 гг.)

1

2

Рис. 337. Дворец. Археологические комплексы османского периода (около 1475-1774 гг.).
 Раскопки 2006 г. Южный участок. Квадрат №5. Тандыр:
 1 – общий вид квадрата №5 с юго-запада; 2 – общий вид тандыра с севера
 [по: Герцен. Отчет, 2007, рис. 111-112]

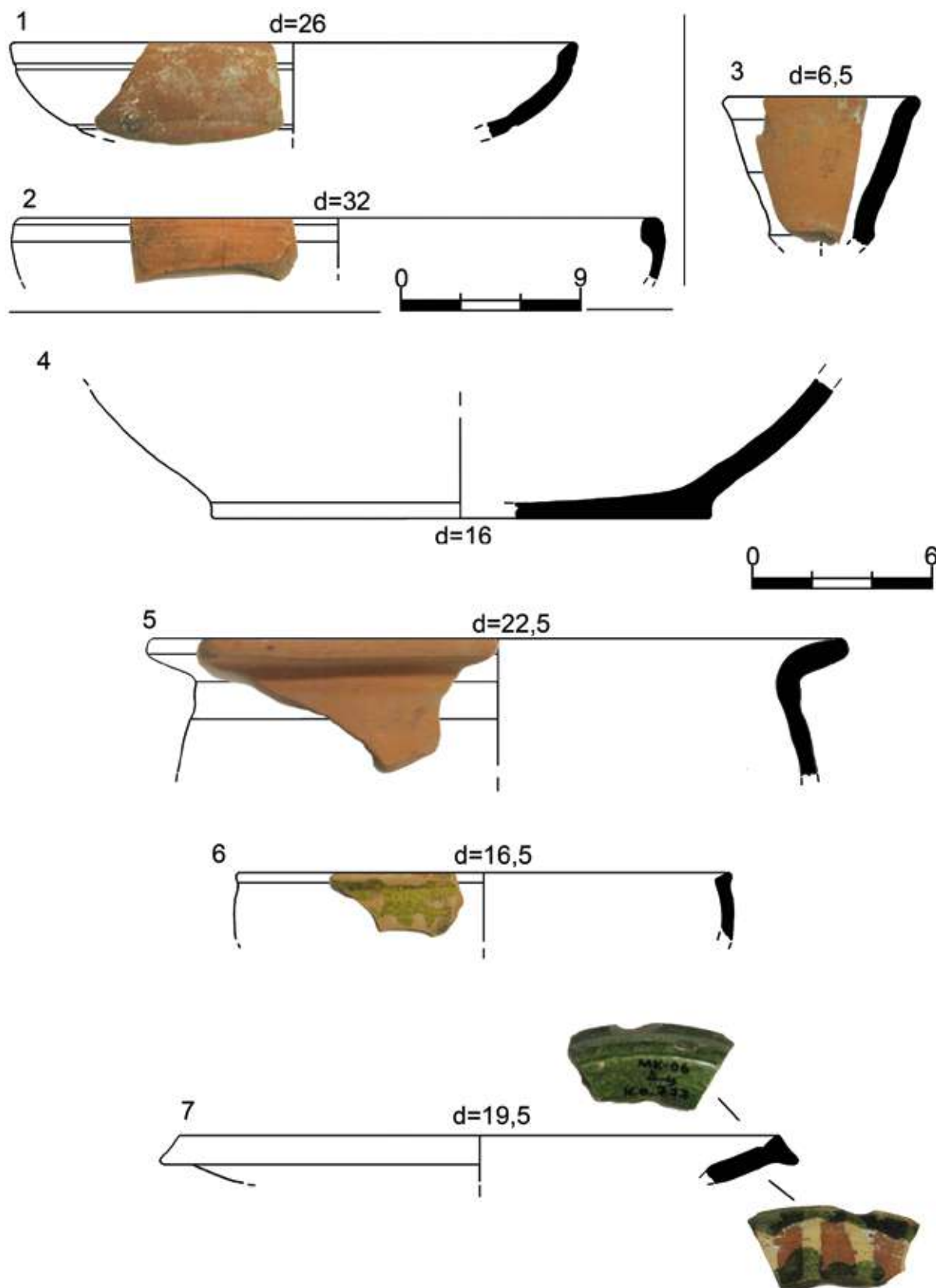

Рис. 338. Дворец. Археологические комплексы османского периода (около 1475-1774 гг.). Раскопки 2006 г. Южный участок. Квадрат №5. Находки из серого рыхлого надскального грунта вокруг тандыра: 1 – к.о.774; 2 – к.о.775; 3-4 – к.о.772; 5 – к.о.773; 6 – к.о.776; 7 – к.о.777. Изделия из керамики (1-7). [по: Герцен. Отчет, 2007, рис. 160]

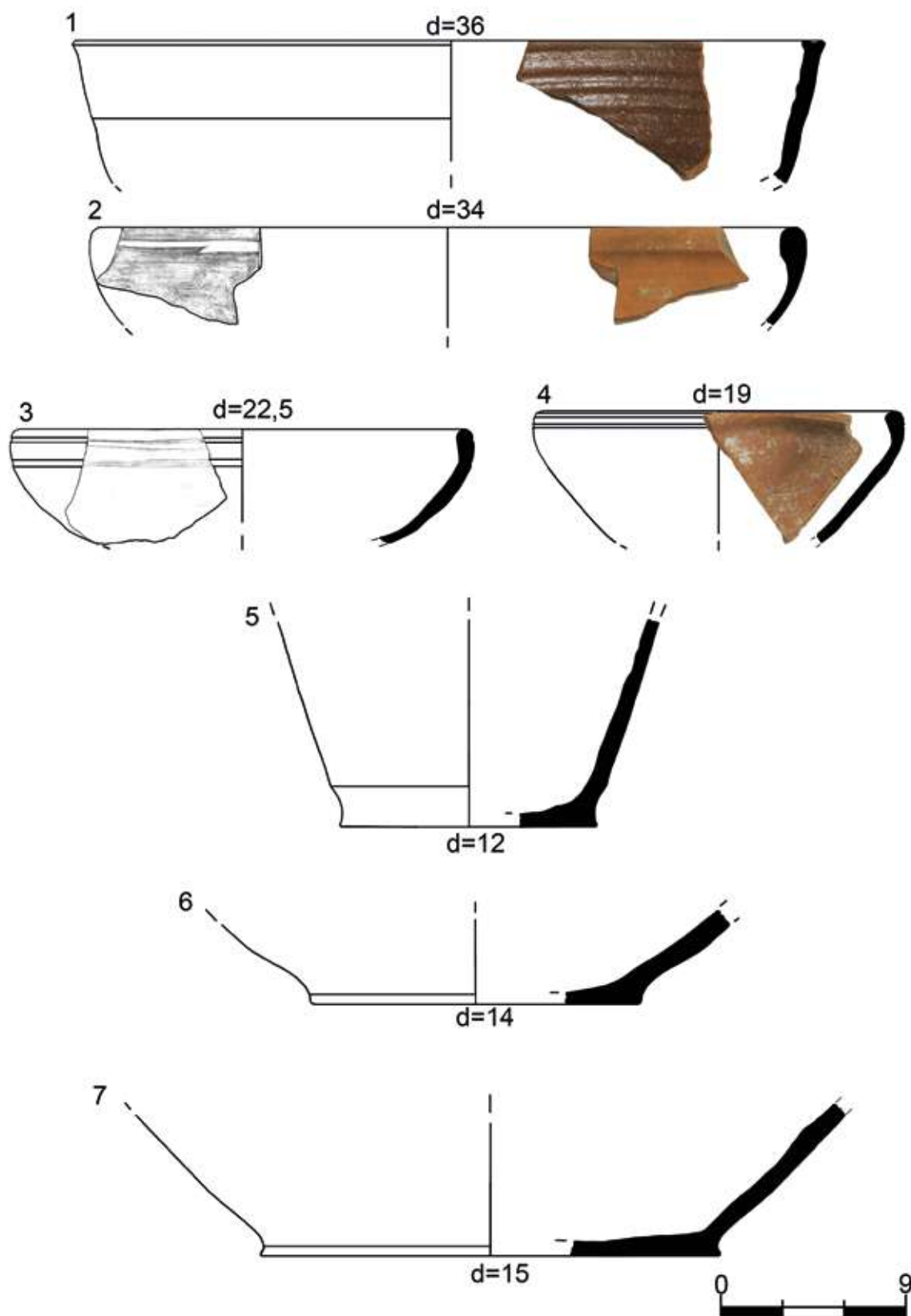

Рис. 339. Дворец. Археологические комплексы османского периода (около 1475-1774 гг.). Раскопки 2006 г. Южный участок. Квадрат №5. Тандыр. Заполнение: 1 – к.о.778; 2 – к.о.781; 3 – к.о.782; 4 – к.о.783; 5, 7 – к.о.779; 6 – к.о.780. Изделия из керамики (1-7) [по: Герцен. Отчет, 2007, рис. 161]

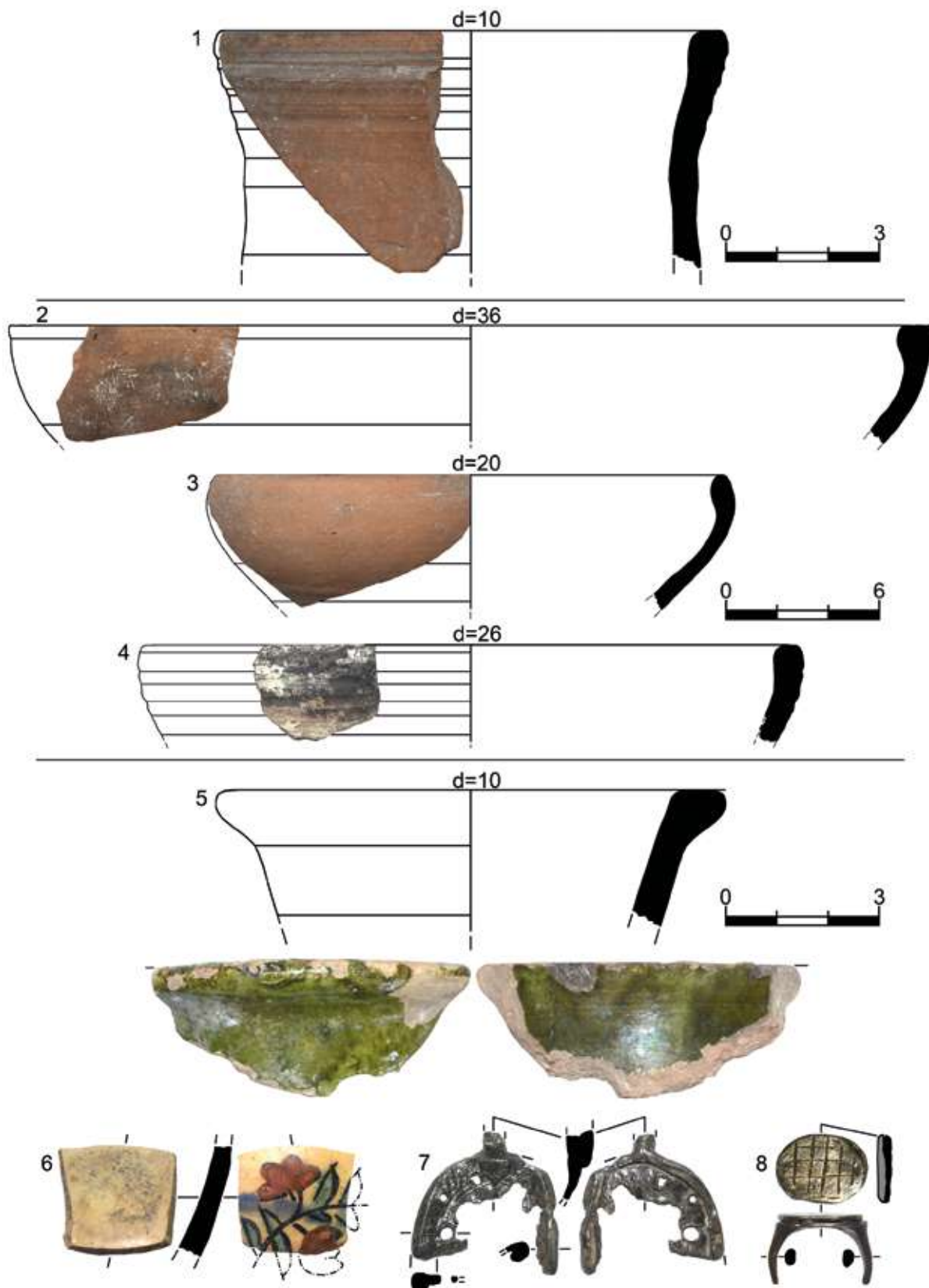

Рис. 340. Дворец. Археологические комплексы османского периода (около 1475-1774 гг.). Раскопки 2021 г. Северный участок. Квадрат №50. «Слой отвалов из раскопок предыдущих лет»: 1 – к.о.7; 2 – к.о.8; 3 – к.о.9; 4 – к.о.10; 5 – к.о.11; 6 – к.о.15; 7 – к.о.17; 8 – к.о.18. Изделия из керамики (1-5), фаянса (6), свинца (7), меди (8) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 144-146]

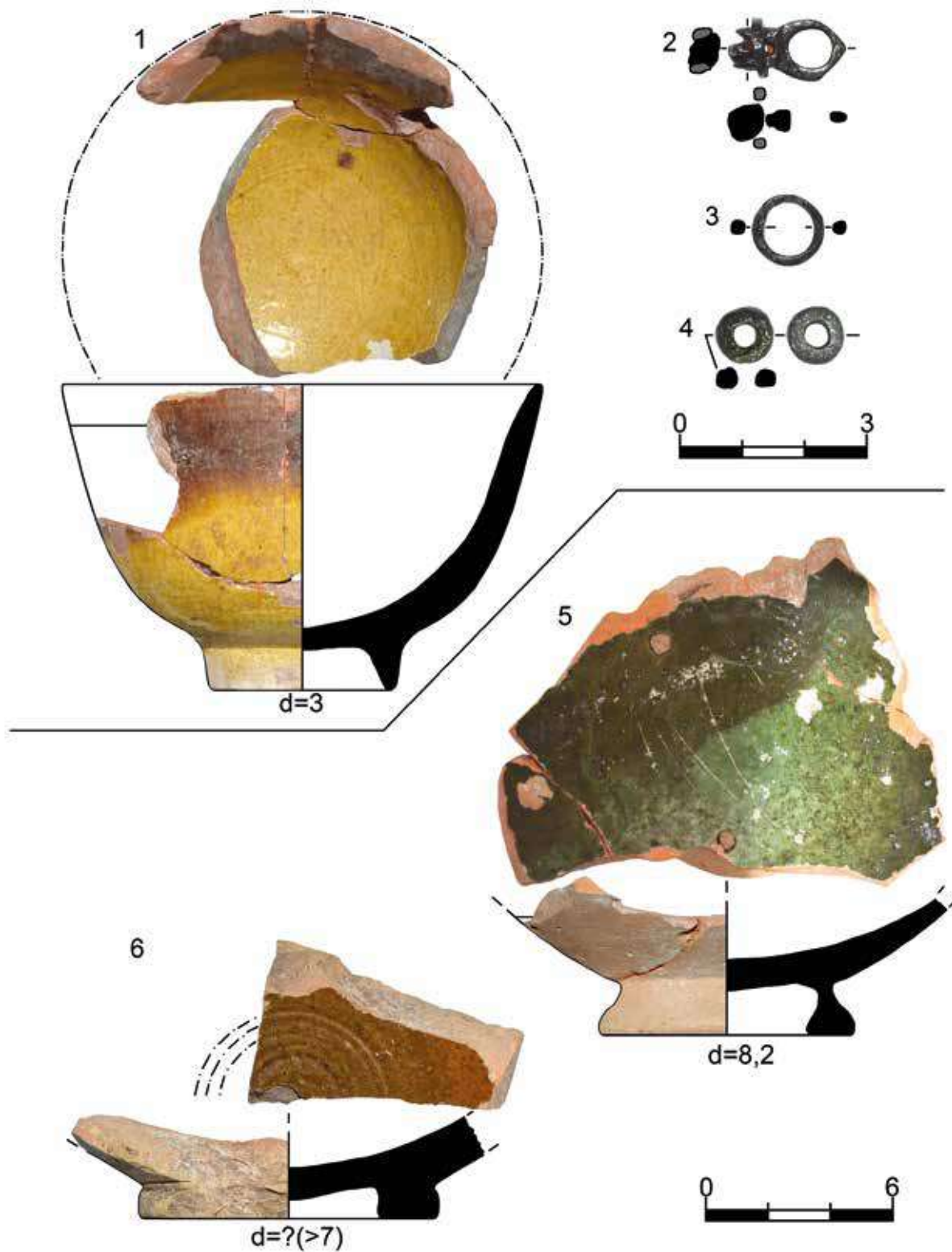

Рис. 341. Дворец. Археологические комплексы османского периода (около 1475-1774 гг.). Раскопки 2021 г. Северный участок. Квадрат №50. «Слой отвалов из раскопок предыдущих лет»: 1 – к.о.14; 2 – к.о.18; 3 – к.о.19; 4 – к.о.20; 5 – к.о.12; 6 – к.о.13. Изделия из керамики (1, 5-6), меди (2-4) [по: Герцен. Отчет, 2022, рис. 144-146]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хронология застройки додворцового, дворцового и постдворцового времени на месте Мангупского княжеского дворца

На площади раскопа выявлены несколько строительных ярусов, соотнесенные с пятью историческими периодами в истории Мангупского городища – ранневизантийским (середины VI – конца VIII вв.), фемным (середины IX – середины XI вв.), золотоордынским (конца XIII-XIV вв.), феодоритским (около 1400-1475 гг.) и османским (1475-1774 гг.) (рис. 108; 148; 199; 228; 336). Особо подчеркнем отсутствие убедительных археологических свидетельств в пользу существования в этой части Мангупа поселения в позднеримский (докрепостной) период (конца III – середины VI вв.). Редкие находки керамики этого времени носят в стратиграфии случайный характер. Найденные в культурном слое монеты III-V вв. связаны с их длительным обращением. Таким образом, поселенческая структура на месте дворца появляется не ранее середины VI в., когда на территории Мангупского плато возводится крупная византийская крепость.

Ранневизантийский строительный ярус. Лучше всего изучен на Западном участке, хотя предполагается, что застройка этого времени распространялась на всю площадь раскопа и за его пределами (рис. 108). На исследованной территории от нее сохранились фрагменты дневной поверхности и хозяйственные ямы, вырубленные в скале либо выкопанные в надскальном материковом суглинке. Всего раскопано 22 таких хозяйственных комплекса. Ямы сооружались на протяжении всего ранневизантийского периода, начиная со второй половины VI – первой половины VII в. (2006 г., Южный участок, ямы №№1-2; 2015 г., Юго-Западный участок, ямы №№47-51; 2018 г., Центральный участок, яма №54; 2020-2021 гг., Западный участок, ямы №№72-76, 84-87; 2021 г., Северный участок, яма №83) и вплоть до второй половины VII – первой половины VIII вв. (2007 г., Центральный участок, ямы №№3-6; 2020 г., Западный участок, ямы №№70-71).

Ранневизантийский строительный горизонт на месте княжеского дворца является примером регулярной жилой застройки. Главным аргументом для такого заключения является открытый в 2019-2021 гг. в северной части Западного участка фрагмент раннесредневековой улицы, исследованный на протяжении 13,00 м и выступавший в качестве основного планировочного элемента жилого квартала, начиная с момента его строительства и вплоть до первой половины XI в. Трудно представить, чтобы такой важный объект внутрикрепостной инфраструктуры, благоустройству которого уделялось большое внимание, существовал изолированно. Скорее всего, его окружали постройки с каменными стенами, черепичной кровлей и хозяйственными зонами, на что указывают результаты изучения структуры керамических комплексов находок из горизонтов их функционирования и разрушения.

Открытый жилой квартал занимал важное место в системе всей ранневизантийской застройки Мангупа-Дороса. Его благоустройство и близость к Большой базилике закономерно предполагает особый статус жителей, что подтверждается анализом коллекции монет и изделий группы «small finds» из раскопок памятника. Из последних особо выделим многочисленные находки деталей повседневного костюма второй половины VI – первой половины VIII вв., обычных для населения Византии и сопредельных территорий, серию типично ранневизантийских экзаги-

ев, предназначенных для контроля чиновниками полновесности золотой монеты и законности проводимых в той или иной части империи торгово-финансовых операций, печать императорского посланника для особых поручений скрибона Элевтерия конца VI – первой половины VII вв. и необычный военный трофей – сасанидский ложный перстень-печатку второй половины VI – первой трети VII вв. с изображением символов правящей династии, принадлежащий византийскому офицеру, принимавшему участие в одной из византийско-сасанидских военных кампаний этого периода и затем продолжившему службу в составе гарнизона Мангупа-Дороса. Таким образом, жителями квартала на месте Мангупского дворца являлись солдаты и офицеры военного гарнизона крепости, члены их семей, а также представители местной имперской администрации.

Общая хронология открытого ранневизантийского строительного яруса устанавливается в пределах середины VI – первой половины IX вв. Квартал возник одновременно со строительством около 550-565 гг. на Мангупском плато византийской крепости и функционировал в таком виде до середины IX в., когда она вошла в состав учрежденной в Крыму византийской фемы. Это заключение обосновывается стратиграфией раннесредневековой улицы, на трассе которой выявлены несколько горизонтов ее последовательного мощения, в том числе, середины VI – первой половины VIII вв. и второй половины VIII – первой половины IX вв., а также анализом нумизматической коллекции из раскопок памятника. Нижний хронологический рубеж в истории поселения маркирует декануммий Юстиниана I (527-565) выпуска после 547 г. из слоя его функционирования (2020 г., Западный участок, 9-й слой), верхний – сиракузские фоллисы Льва V Армянина (813-820) из культурного слоя на площади раскопа.

Фемный строительный ярус. Выявлен на территории Северного, Центрального, Южного, Юго-Западного участков исследований и особенно на Западном участке, где сохранилась дневная поверхность этого времени (слой №8 в общей стратиграфии), жилые и хозяйственные структуры (рис. 148).

Фемная застройка начинает складываться вскоре после включения в середине IX в. Мангупской крепости в состав византийского военно-административного округа в Крыму. Она формируется с учетом трассы существовавшей здесь с ранневизантийского времени улицы, рядом с которой обнаружены наиболее ранние археологического объекта (хозяйственные ямы №№79 и 81), перекрытые впоследствии 8-м слоем. Можно даже предполагать эволюционное развитие раннесредневековой застройки в этой части городища. По крайней мере, никаких следов хронологического разрыва, связанного с военно-политической катастрофой либо сменой населения крепости, между ранневизантийским и фемным строительными ярусами не наблюдается.

К концу IX – началу X вв. квартал приобрел окончательную планировку. К этому времени относится сооружение всех крупных строительных комплексов на площади раскопа (СК №№3-5, СК-7) и расположенных рядом с ними хозяйственных ям №№56-57, 60, 61-63, которые продолжали функционировать на протяжении первой половины X в. и позднее. Самыми поздними археологическими объектами, датируемыми концом X – первой половиной XI вв., являются СК-8 и хозяйственные ямы №№77-78.

В целом строительный ярус фемного периода отличается высокой степенью спланированности территории, градообразующими элементами которой выступают улица и крупные жилые усадьбы, каменным домостроительством и стандартизированным керамическим комплексом, для которого характерны «причерноморские» амфоры, высокогорлые кувшины, кувшины «скалистинского» типа, местные гончарные и лепные сосуды и крайне редкими являются византийская поливная посуда группы Glazed White Ware II и салтово-маяцкая керамика. Исключением в этом смысле является строительный комплекс СК-5, из пола и слоя разрушения которого происходят многочисленные фрагменты типичных салтовских горшков, однако, это вопрос отдельного исследования.

Для установления общей хронологии фемной застройки на месте дворца использованы результаты анализа нумизматической коллекции из ее раскопок. Она

немногочисленна и представлена монетами от херсоно-византийских номиналов с монограммой ПХ («Полис Херсонос») времени императора Михаила III (842-867) до анонимного фоллиса (класса В) Романа III Аргира (1028-1034).

Для социальной характеристики обитателей этого жилого квартала важным является практически полное отсутствие среди находок предметов вооружения и изделий, указывающих на высокий социальный статус их владельцев. По всей видимости, речь идет о рядовом характере открытой на территории дворца застройки IX-XI вв. Занятиями ее жителей являлись товарное виноделие, скотоводство, зерновое хозяйство, а также разнообразные домашние промыслы.

Золотоордынский строительный ярус. В ходе раскопок княжеского дворца впервые за многие годы археологического изучения Мангупского городища исследован строительный ярус конца XIII-XIV вв. на территории памятника. Лучше всего он сохранился на Западном и Юго-Западном участках, где выявлена дневная поверхность (слой №7) и отдельные археологические объекты (рис. 199). Стратиграфически эта застройка не имеет связи с предшествующими строительными горизонтами. Вероятно, в этот период времени в центральной части Мангупского плато функционировала иррегулярная поселенческая структура с отдельными каменными постройками и хозяйственными комплексами. Особой плотности и спланированности в использовании территории не наблюдается.

Важным является распределение археологических комплексов золотоордынского поселения на протяжении всего периода конца XIII-XIV вв. Наиболее ранними являются ямы №№64 и 69 конца XIII – первой половины XIV вв. Основная группа комплексов – постройка с каменными стенами (с кладками №№118-120) и ямы №№34, 46, 65, 67-68, относится ко второй половине XIV в. Концом XIV в. датируется материал из заполнения строительной траншеи под кладку №9, выкопанную при возведении дворцового помещения В.

В процессе археологического изучения остатков строительного яруса на Западном участке в квадрате №34-35 выявлен фрагмент «слоя пожара» на уровне дневной поверхности (7-го слоя) золотоордынского периода. Его интерпретация вызывает большой интерес, но не имеет на данный момент однозначного решения. Связан ли он с военной катастрофой начала 1390-х гг. в истории Мангупа, о которой известно из письменных источников (иеромонах Матфей), или же все-таки относится к категории локальных разрушений конца XIV в., о которых обычно сведения не сохраняются?

Представленные в монографии археологические комплексы не дают полного представления о материальной культуре Мангупского городища в золотоордынскую эпоху. Обращает внимание почти минимальное содержание в них артефактов, которые обычно соотносятся с находками золотоордынского круга на памятниках Крыма. Объяснение этой ситуации связано с масштабами разрушения строительного горизонта XIV в. при возведении дворца правителей Мангупа в начале следующего столетия. Значительный объем материалов, происходящих из культурного слоя золотоордынского периода на площади раскопа, оказался, в итоге, переотложенным. Его систематизация является одной из задач дальнейшего изучения результатов раскопок памятника. Пока же отметим значительную коллекцию золотоордынских монет из культурного слоя, которую невозможно объяснить вне существования здесь синхронного яруса застройки, и многочисленность общепризнанных для археологии Золотой Орды маркерных групп изделий – поливной кашинной керамики и металлических зеркал, изготовленных из оловянистой бронзы в ремесленных центрах Поволжья.

Таким образом, на протяжении конца XIII-XIV вв. на месте княжеского дворца функционировал участок иррегулярной поселенческой структуры, погибшей, скорее всего, в пожаре начала 1390-х гг. Характер застройки и социальная характеристика проживавшего здесь населения окончательно станет понятной после введения в научный оборот основной группы находок этого периода времени, происходящих на участке исследований из более верхних культурных напластований.

Феодоритский строительный ярус. Лучше всего сохранившийся ярус застройки на месте Мангупского дворца, представленный собственно зданиями и объектами резиденции правителей Феодоро периода 1425-1475 гг. Культурный слой этого времени встречается на всей площади раскопа, за исключением периферии Южного и Восточного участков (рис. 228).

Археологические комплексы находок феодоритского периода возможно разделить на пять хронологических групп: времени строительства дворца (около 1425 г.), первого строительного периода (около 1425-1450 гг.), второго строительного периода (около 1450-1475 гг.), участки пожаров 1475 г. и с широкой датой в пределах 1425-1475 гг., то есть сформировавшихся на протяжении всей истории памятника.

Как показывает их анализ, в своей основе резиденция правителей княжества Феодоро на Мангупе была построена в относительно небольшой промежуток времени в начале XV в. К первому строительному периоду в ее истории (около 1425-1450 гг.) относятся помещения А, В, С, D, E, F, G, I, J, K, L, южная и 1-я западная улицы, «западный двор». Таким образом, по итогам раскопок, следует окончательно отказаться от гипотезы А. Л. Якобсона, высказанной им по завершении работ 1938 г., о том, что Мангупский дворец является археологическим объектом двух строительных периодов, второй половины XIV в. и 1425-1475 гг.

Второй строительный период дворца (около 1450-1475 гг.), на самом деле, связан с его перестройкой в конце 50-х – начале 60-х гг. XV в. В это время планировка комплекса была дополнена возведением двух сооружений на юге – помещения Н и, скорее всего, «южной площади», и полной перестройкой помещений F и I на Центральном участке. Тогда же свою современную композицию приобрело помещение J, ставшее трехкамерным жилым зданием. Наиболее поздней постройкой на площади раскопа является помещение N. Трудно определить точную датировку для дворцового помещения M. Вероятнее всего, оно также относится к 1450-1475 гг.

Княжеский дворец стал одним из главных участков сопротивления защитников Мангупской крепости во время ее турецкой осады 1475 г. На площади раскопа выявлены выразительные слои разрушений и пожаров этого времени внутри или вблизи почти всех крупных архитектурных комплексов дворца – помещений А, В, С, F, H, J, K, L, M и N. Это свидетельствует о масштабах военных действий и значении памятника в системе обороны столицы Феодоро.

Османский строительный ярус. Сохранился хуже всего на площади раскопа (рис. 336). Его дневной поверхностью является 4-й слой на Юго-Западном и Западном участках и зафиксированный на юге сплошной раскат из мелкого бутового камня в нижнем горизонте дернового слоя, которые сформировались в результате разбора дворцовых построек на строительный материал жителями квартала османского времени. «Слоя функционирования» XVI-XVIII вв. как такового в стратиграфии участка исследований не выделено.

Картографирование строительных остатков османского периода показывает их распространение в пределах всего раскопа (рис. 336). К ним относится 11 почти полностью разрушенных археологических объектов, сохранность которых не позволяет сделать определенные выводы о планировке и характере строительного горизонта. Тем не менее, их наличие заставляет отказаться от принятой в историографии точки зрения о полной заброшенности территории дворца в османский период истории Мангупа и использование его руин местным населением лишь в качестве каменоломни. Обратим также внимание на значительный объем вещественных находок XVI-XVIII вв. из верхних культурных напластований и особенно на синхронную им обширную коллекцию монет, представленную номиналами Крымского ханства, от Менгли Гирея I (1478-1515) до Шахин Гирея (1777-1783), и Османской империи, главным образом, для периода XVI-XVII вв.

SUMMARY

The monograph is devoted to the results of the latest archaeological research of the prince's palace of Mangup settlement (Southwestern Crimea), carried out in 2006–2010, 2014–2021 by Mangup archaeological expedition (supervisor A. G. Gertsen) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. The book starts the series of scientific publications generally entitled "Proceedings of Mangup Archaeological Expedition". This series is planned to publish the materials of major architectural and archaeological sites excavated by the expedition since 1967. The first volume of the series is devoted to the general research results of the settlement palace complex. Its separate sections examine the research history of the site, the stratigraphic situation in the excavated area and the most representative complexes of finds that characterize the building horizons of the pre-palace, palace and post-palace times discovered here.

The prince's palace is located in the central part of the vast Mangup plateau, approximately 300 m southeast of the three-nave Major Basilica, the cathedral church of the Gothic diocese (since the end of the 13th century – the Gothic metropolis). Being the only surviving example of medieval palace architecture in Crimea emphasizes the uniqueness of this archaeological site. Its scale, narrow date of functioning, and the presence of several periods of construction, including the buildings which immediately precede the construction of the palace, make this site a reference architectural and archaeological object, especially when studying the history of the peninsula in the 14th–15th cc. However, this research is also exceptionally important for Mangup in connection with the usage of this area of the plateau throughout almost the entire history of the settlement, from early Byzantine to Ottoman times.

Unlike other major architectural and topographical dominants of Mangup, the palace was never mentioned by the authors of Medieval and Modern times, and all available information about the site is related to the results of excavations in 1912–1913, 1938, 1968, 1974 and 2006–2010, 2014–2021.

Excavations of the Mangup prince's palace carried out in different periods of the 20th c. are important stages in the archaeological study of the site. R. H. Leper has discovered the central part of the architectural complex in 1912–1913 and has published two building inscriptions from 1403 and 1425, which are fundamental for the further research. Based on the results of 1938 excavation, A. L. Jacobson has formulated a hypothesis about several construction periods in the history of the palace and has proposed an original reconstruction of its general architectural solution. Due to the research by E. G. Surov in 1968, the donjon of the residence of Theodoro rulers was fully investigated and its construction features were restored. Finally, the first attempt to excavate the site completely is E. V. Veimarn's main merit in the research history of the palace. Despite its incompleteness, the attempt showed the exceptional importance of this particular research approach to the one of the crucial archaeological sites of the Mangup settlement.

The conclusion about the relatively narrow chronology (within 1425–1475) of the palace itself and the new concept of its compositional and planning solution are among the most important results of 2006–2010, 2014–2021 excavations. Another fundamentally important result of the newest stage of research was the discovery of several building horizons of pre-palace and post-palace times in its stratigraphy, which indicates the use of this area of the Mangup plateau throughout almost the entire history of the settlement and creates completely new opportunities for studying the evolution of its historical topography. The study of the stratigraphic situation inside the excavation area in 2006–2010, 2014–2021 made it possible to identify the main cultural layers and numerous local stratigraphic con-

texts, correlated with the five most important historical periods in the history of the Mangup settlement – Early Byzantine (mid-6th–8th cc.), Theme (mid-9th–11th cc.), Golden Horde (late 13th–14th cc.), Theodoro (c.1425–1475), Ottoman (1475–1774) (fig. 108; 148; 199; 228; 336). This sequence of cultural strata is best preserved in the Western section, but it is also synchronized with excavation materials at other sections in the palace complex.

The monograph examines in detail the most representative archaeological complexes, which are important for defining the general and detailed chronology of all the listed building horizons in the history of the archaeological site. We especially emphasize the lack of convincing archaeological evidence of the existence of a settlement in this area of Mangup in the late Roman (pre-fortress) period (late 3rd–mid-6th cc.). The settlement structure on the site of the palace appeared no earlier than the middle of the 6th c., when a large Byzantine fortress was built on the territory of the Mangup plateau.

The Early Byzantine building horizon was best studied in the Western section, although it is assumed that the structures of this time had extended to the entire excavation area and beyond (fig. 108). The fragments of the cultural layer related to this horizon and utility pits cut into the rock or dug into the above-rock loam, have been preserved inside the excavated area. A total of 22 such utility complexes have been excavated. The pits were built throughout the Early Byzantine period, starting from the second half of the 6th – first half of the 7th cc. (2006, Southern section, pits No. 1–2; 2015, Southwestern section, pits No. 47–51; 2018, Central section, pit No. 54; 2020–2021, Western section, pits No. 72–76, 84–87; 2021, Northern section, pit No. 83) and up to the second half of the 7th – first half of the 8th cc. (2007, Central section, pits No. 3–6; 2020, Western section, pits No.70–71).

The Early Byzantine building horizon on the prince's palace is an example of regular residential development. The main argument for this conclusion is the fragment of an Early Medieval street discovered in 2019–2021 in the northern part of the Western section, which was explored for the length of 13 m and which had been the main planning element of the residential quarter, starting from the moment of its construction and up to the first half of 11th c. It is difficult to imagine that such an important object of infrastructure within the fortress, which was carefully rebuilt several times, could exist in isolation. As indicated by the results of studying the structure of ceramics complexes from the function and destruction layers, most likely, it was surrounded by buildings with stone walls, tiled roofs and utility areas. The excavated residential quarter played an important role in the system of the entire Early Byzantine residential development of Mangup–Doros. Its layout structure and proximity to the Major Basilica naturally suggests a special status for the inhabitants, confirmed by the analysis of the collection of coins and small finds excavated on the site. Among the latter, we highlight the numerous finds of everyday costume details of the second half of the 6th – first half of the 7th cc., common to the population of Byzantium and neighboring territories; a series of typically Early Byzantine exagia to control the fullness of the gold coin and the legality of trade and financial transactions; the seal of the imperial envoy for special assignments scribon Eleutherius of the end of the 6th – first half of the 7th cc.; an unusual war trophy – a Sasanian false signet ring of the second half of the 6th – first third of the 7th cc., bearing the symbols of the ruling dynasty and belonging to a Byzantine officer who took part in one of the Byzantine-Sasanian military campaigns of this period and then continued his service in the garrison of Mangup–Doros. Thus, the residents of the quarter on the site of the Mangup palace were soldiers and officers of the fortress garrison, their family members, as well as representatives of the local imperial administration.

The general chronology of the excavated Early Byzantine building horizon is established within the middle of the 6th – first half of the 9th cc. The quarter arose simultaneously with the construction of the Byzantine fortress on the Mangup plateau around 550-565 and functioned in this form until the middle of the 9th c., when Doros became part of the Byzantine thema established in the Crimea. This conclusion is substantiated by the stratigraphy of the Early Medieval street, where several horizons of its successive paving have been identified along the route, including the layers of mid-6th – first half of the 8th cc. and second half of the 8th – first half of the 9th cc., as well as the analysis of

the numismatic collection excavated on the site. The lower chronological boundary in the history of the settlement is marked by the decanummium of Justinian I (527-565) issued after 547 from the layer of its functioning (2020, Western section, stratum No. 9), the upper – by the Syracuse follis of Leo V the Armenian (813-820) from the cultural layer in the excavation area.

The Thema building horizon was revealed in the territory of the Northern, Central, Southern, Southwestern research sections and especially in the Western section, where the daytime surface of this time (stratum No. 8 in the general stratigraphy), residential and utility structures had preserved (fig. 148).

The Thema residential development began to form soon after Mangup fortress had become the part of the Byzantine military and administrative district in Crimea in the middle of the 9th c. It was formed taking into account the route of the street that existed here since the Early Byzantine period, next to which the earliest archaeological structures (utility pits No. 79 and 81), subsequently covered with stratum No. 8, were excavated. One can even assume the evolutionary development of the Early Medieval residential development in this part of the settlement. At least, there are no traces of a chronological gap associated with a military-political catastrophe or a change in the population of the fortress between the Early Byzantine and Thema construction horizons.

By the end of the 9th – early 10th cc. the quarter acquired the final layout. All large building complexes on the excavation area (CK 3–5, CK–7) and adjacent utility pits No. 56–57, 60, 61–63, which continued to function during the first half of the 10th c. and later, were constructed in that time. The latest archaeological objects, dating from the end of the 10th – first half of the 11th cc., are CK–8 and utility pits No. 77–78. In general, the building horizon of the Thema period is distinguished by a high degree of territory planning with the street and large residential buildings as main elements, stone house construction and a standardized ceramic complex, which is characterized by “Black Sea region” amphorae, high-necked jugs, jugs of “Skalistoye” type, local pottery and handmade vessels, extremely rare Byzantine vessels of Glazed White Ware II group and Saltovo-Mayatskaya pottery. An exception in this sense is the CK–5 building complex, which floor and destruction layer contained numerous fragments of typical Saltovo pots, however, this is a matter for a separate study.

To establish the general chronology of the Thema building horizon on the site of the palace, the results of the analysis of the numismatic collection from its excavations were used. It is not numerous and is represented by a row of coins starting from Cherson-Byzantine denominations with the monogram ΠΧ (“Polis Chersonos”) from the times of Emperor Michael III (842–867) to the anonymous follis (class B) of Romanus III Argyrus (1028–1034).

Almost complete absence of weapons and items indicating the high social status of their owners among the finds is important for the social characteristics of the inhabitants of this residential area. Apparently, we are talking about the ordinary character of the 9th–11th cc. buildings, excavated on the territory of the palace. Their inhabitants were occupied in commercial winemaking, cattle breeding, grain farming, as well as a variety of household crafts.

The Golden Horde building horizon is best preserved in the Western and Southwestern sections, where the daytime surface (stratum No. 7) and separate archaeological objects have been identified (fig. 199). Stratigraphically, these structures have no connection with the previous construction horizons. Probably, during this period of time, an irregular settlement structure with separate stone buildings and utility complexes functioned in the central part of the Mangup plateau. There is no special density and planning in the use of the territory.

The distribution of the archaeological complexes of the Golden Horde settlement throughout the entire period of the late 13th – 14th cc. is important. The earliest are the pits No. 64 and No. 69, dating back to the end of 13th – first half of 14th cc. The main group of complexes is a stone building (with walls No. 118–120) and pits No. 34, 46, 65, 67–68, which belongs to the second half of the 14th c. The material from the filling of the

construction trench for wall No. 9, made during the construction of the room B of the palace, is dated to the end of the 14th c.

During the archaeological study of the remains of the building horizon on the Western section in quadrants No. 34–35, a fragment of the “burning layer” was revealed at the level of the Golden Horde period day surface (stratum No. 7). Its interpretation is of great interest, but does not have an unambiguous solution at the moment. Is it related to the military disaster of the early 1390s in the history of Mangup, which is known from written sources (Hieromonk Matthew), or does it still belong to the category of local destructions of the end of the 14th c. with no information preserved?

The archaeological complexes presented in the monograph do not give a complete picture of the material culture of Mangup in the Golden Horde period. It's worth to note the minimal content of artifacts, which are usually correlated with the finds of the Golden Horde circle on the archeological sites of Crimea. The explanation of this situation is connected with the scale of destruction of the building horizon of the 14th c. made during the construction of the palace of the Mangup rulers at the beginning of the next century. A significant amount of materials originating from the cultural layer of the Golden Horde period in the excavated area turned out to be redeposited. Its systematization is one of the tasks of further study of the results of the excavation of the site. In the meantime, we should note a significant collection of Golden Horde coins from the cultural layer, which cannot be explained outside the existence of a synchronous building horizon, and the multiplicity of finds generally recognized to be the markers of Golden Horde archeology – glazed kashin pottery and metal mirrors made of tin bronze in the craft centers of the Volga region.

Thus, a section of an irregular settlement structure functioned on the site of the prince's palace during the late 13th – 14th cc. and most likely was destroyed by fire in the early 1390s. The nature of the residential development and the social characteristics of the population living here will finally become clear after introducing the main group of finds from these times occurring from the upper cultural layers into scientific circulation.

The best preserved Theodoro building horizon of the Mangup palace, is represented by the buildings and objects of Theodoro rulers' residence of 1425–1475. The cultural layer of this time is found throughout the entire area of the excavation, with the exception of the periphery of the Southern and Eastern sections (fig. 228).

The archaeological complexes of the finds of Theodoro period can be divided into five chronological groups: the time of the construction of the palace (circa 1425), the first construction period (circa 1425–1450), the second construction period (circa 1450–1475), burning layers of 1475, deposits with a wide date within 1425–1475, which have been forming throughout the history of the site.

As their analysis showed, basically the residence of the rulers of Theodoro principality on Mangup was built in a relatively short period of time at the beginning of the 15th c. Rooms A, B, C, D, E, F, G, I, J, K, L, Southern and 1st Western streets, “Western courtyard” belong to the first construction period in its history (circa 1425–1450). Thus, according to the results of the newest excavations, it is necessary to finally abandon the hypothesis, proposed by A.L. Jacobson after the completion of the fieldworks of 1938, that the palace of Mangup is an archaeological site of two construction periods: the second half of the 14th c. and 1425–1475.

The second construction period of the palace (circa 1450–1475), in fact, is connected with its reconstruction in the late 50s – early 60s of the 15th c. At that time, the layout of the complex was supplemented by the construction of two structures in the south – room H and, most likely, the “Southern square”, and the complete reconstruction of rooms F and I on the Central section. At the same time, room J acquired its modern composition and became a three-chamber residential building. The most recent building on the excavation area is room N. It is difficult to determine the exact dating for the room M of the palace. Most likely, it also dates back to 1450–1475.

The prince's palace became one of the main areas of resistance of the defenders of the Mangup fortress during its Turkish siege in 1475. The excavation area revealed expressive deposits of destruction and fires of this time inside or near almost all major ar-

chitectural complexes of the palace – rooms A, B, C, F, H, J, K, L, M and N. This indicates the scale of military operations and the importance of the palace in the defense system of the capital of Theodoro.

The Ottoman building horizon was the worst preserved in the excavation area (fig. 336). Its daytime surface is the stratum No. 4 in the Southwestern and Western sections and a continuous deposit of small rubble stone in the lower horizon of the sod layer, recorded in the south, which was formed as a result of the dismantling of palace rooms for building material by residents of the Ottoman quarter. The “function layer” of the 16th–18th cc. was not revealed in the stratigraphy of the research area.

Mapping of the construction remains of the Ottoman period shows their distribution throughout the excavation (fig. 336). These include 11 almost completely destroyed archaeological objects, the preservation of which does not allow us to draw certain conclusions about the layout and nature of the building horizon. Nevertheless, their presence makes it necessary to abandon the point of view accepted in historiography about the complete abandonment of the palace territory in the Ottoman period of Mangup’s history and the use of its ruins by the local population only as a quarry. It is also necessary to pay attention to the significant volume of finds from the 16th–18th cc. from the upper cultural layers and especially on the extensive collection of coins synchronous with them, represented by the denominations of the Crimean Khanate, from Mengli Giray I (1478–1515) to Shahin Giray (1777–1783), and the Ottoman Empire, mainly for the period of the 16th–17th cc.

ПАШКЕВИЧ Г. А.

**ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ
ИЗ РАСКОПОК МАНГУПСКОГО ДВОРЦА В 2006 г.⁴**

Анализируемый палеоэтноботанический материал получен при зачистке поверхности «слоя горения» на 6-м слое на участке стратиграфической траншеи вдоль северной стены дворцового комплекса Мангупского городища. После промывки пакетов с грунтом, взятым для изучения, общий объем обугленного зерна составил 3150 мл. Для палеоэтноботанического анализа отобрана средняя проба в 58 мл, представлявшая собой смесь обугленных зерновок, семян, угольков и камней различного размера, а также небольшого количества чешуи рыб. После удаления примесей объем зерновок составил 43 мл. Результаты исследований суммированы в статистической таблице:

**2006 г. Дворец. Центральный участок. Стратиграфическая траншея
вдоль северной стены комплекса. Зачистка «слоя горения» на 6-м слое.
Состав культурных и сорных растений в средней пробе из «слоя горения».**

№ образца	1	2	3	4	5	Всего
1	2	3	4	5	6	7
Объем после промывки	500 мл	600 мл	600 мл	750 мл	700 мл	3150 мл
Объем средней пробы в мл	12	10	12	12	12	58
Объем зерновок в средней пробе в мл	9	8	8	9	9	43
Культурные растения						
Зерновые:						
Пшеница однозернянка	8	4	2	1	7	22
Пшеница двузернянка	62	32	54	60	61	269
Пшеница спельта	4					4
Пшеница мягкая	115	130	69	75	127	516
Ячмень пленчатый		2	7	4	3	16
Ячмень голозерный		4	1	2	7	14
1	2	3	4	6	6	7
Рожь посевная	5	5	2	3	4	19
Просо обыкновенное	423	347	114	374	240	1498
Бобовые:						
Нут обыкновенный	6	2	6	6	18	38
Чечевица пищевая	1					1
Бобы				9		9
Сорные растения:						
Белокудренник черный			1			1
Костер полевой					1	1
Полевица			1		1	2
Петушье просо		20	3	7	9	39
Щетинник сизый		30	11	21	17	79

⁴ Пашкевич Г. А. – доктор биологических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины (г. Киев). В 2006 г. в составе Мангупской археологической экспедиции проводила исследования палеоботанического материала из раскопок дворцового комплекса. Текст приложения воспроизведен по Отчету об археологических исследованиях Мангупского городища [см.: Герцен, 2007, с. 102-112].

1	2	3	4	5	6	7
Щетинник зеленый	2		7	9	7	25
Марь белая		1				1
Подмаренник цепкий					3	3

Наибольшее количество подсчитанных зерновок принадлежит просу обыкновенному *Panicum miliaceum*. Их количество 1498 зерновок. На втором месте зерновки пшеницы мягкой *Triticum aestivum s.l.* – 516 зерновок, на третьем – зерновки пленчатой пшеницы двузернянки (полбы) *Triticum dicoccon* – 269 зерновок. Остальные зерновки и семена бобовых растений составляют небольшую примесь. Это зерновки еще двух видов пленчатых пшениц, пшеницы однозернянки *Triticum monococcum* (22) и пшеницы спелты *Triticum spelta* (4), ячменя пленчатого *Hordeum vulgare* (16) и ячменя голозерного *Triticum vulgare var. coeleste* (14), а также семена бобовых растений. Среди последних наиболее многочисленны семена нута обыкновенного *Cicer arietinum* (38). Представлены также семена бобов конских *Faba vulgaris* (9) и чечевицы *Lens culinaris* (1).

Просо обыкновенное *Panicum miliaceum*. Высококалорийный злак. Имеет короткий вегетационный цикл – 60-90 дней. Культура проса хороша для районов с короткими вегетационным циклом и дождевым сезоном. Сейчас посевы проса встречаются, в основном, в Восточной и Центральной Азии, а также в Индии. Дикие предки культуры до сих пор неизвестны. В то же время сорные формы проса широко распространены в Центральной Азии, от Арало-Каспийского бассейна на западе до территории Монголии на востоке. Эти дикие предки известны как *Panicum miliaceum subsp. ruderale*. В недавние времена такие сорняки распространились из Центральной Азии в Европу и Северную Америку. Возможно, полусасушливая Центральная Азия была родиной не только сорного проса, но и культурного вида проса посевного *Panicum miliaceum*. Ранние находки проса как культурного растения известны вне пределов Малой Азии, откуда происходит большинство культурных растений. Наиболее ранние находки проса известны в Центральной Азии и Западной Европы на поселениях V тыс. до н.э.

Просо – это растение, предпочитающее богатые, достаточно увлажненные почвы, совсем исключаются пески. Используют эту культуру часто для послезимних посевов на зеленый корм. На корм скоту, кроме зеленой массы, идут также отходы от обмолота, прежде всего, мучель и лузга. Просяная солома и солома по своим кормовым характеристикам приближается к луговому селу.

Крупа, получаемая из проса (пшено), обладает высокими пищевыми достоинствами и хорошими вкусовыми качествами. Высокое содержание белка (12%) ставит просо на одно из первых мест среди других круп, а по содержанию жира (3.5%) оно уступает лишь овсяной крупе и чумизе. К тому же, пшено быстро разваривается и легко усваивается.

Легкость и быстрота приготовления пищи из пшена обеспечили этому злаку популярность среди кочевых народов. Первые письменные сведения об использовании проса приводит Плиний, который сообщал, что сарматы готовили из пшена кашу и вкусный хлеб: «Просо особенно любят в Кампании, где из него делают особенную белую кашу и очень вкусный хлеб. Сарматские племена, главным образом, едят эту кашу, а также сырую муку с добавлением кобыльего молока или крови, пущенной из жил на бедре у коня. Эфиопы не знают никаких злаков, кроме проса и ячменя». По Колумелле, «из проса готовят хлеб, который можно не без удовольствия есть, пока он не остыл. Из могоара, если его обтолочь и отсеять, а также из пшена выходит каша в каком угодно количестве, она даже вкусная, особенно с молоком». Во II-I вв. до н.э., как свидетельствуют древние авторы, просо и могоар были в числе основных зерновых культур. Страбон называл просо одной из главных культур типичного кампанского севооборота после пшеницы двузернянки (полбы). О надежности проса он писал: «... Самый могучий способ против голода, потому что просо устоит против всякой погоды и в нем никогда не бывает недостатка, хотя бы другой хлеб и плохо уродился» [Кузицин, 1966, с. 111, 113].

Вдобавок просо, как быстро созревающее растение, могло использоваться в качестве «страховой» культуры, то есть такой, которую можно было высевать вместо тех, что погибли от ранних заморозков. Для посевов проса требуется хорошо очищенная почва, так как оно очень плохо растет на засоренных местах.

В составе анализируемого материала отмечено большое разнообразие зерновок пшеницы. Обнаружены зерновки как пленчатых, так и голозерной пшеницы. Преобладают зерновки **голозерной мягкой пшеницы *Triticum aestivum s.l.*** Зерновки небольшие, по форме ближе к округлым и лишь слегка удлинённые, с широкими верхушкой и основой, с глубокой брюшной бороздкой. Средние размеры 5,0 x 3,3 x 2,4 мм. Среди найденных зерновок можно выделить более короткие и более округлые, что, как будто, дает основание отнести их к **голозерной пшенице карликовой *Triticum compactum***. Однако, в связи с тем, что в обугленном состоянии определить точную принадлежность зерновок голозерных пшениц к определенному виду практически невозможно, палеоэтноботаники Европы договорились о том, что все найденные обугленные зерновки голозерной пшеницы относить к сборному виду – **пшенице мягкой *Triticum aestivum s.l. (sensu lato)***.

Во время греческой колонизации в Северном Причерноморье голозерные пшеницы были (возможно, вместе с ячменем пленчатым) в числе основных выращиваемых зерновых культур. Есть все основания полагать, что этот ассортимент греки принесли с собою как хорошо известный им и, попав на новые территории, использовали его в посевах. До их прихода, на протяжении нескольких тысячелетий, начиная с эпохи неолита, то есть со времени появления на территории Украины первых земледельческих племен, и вплоть до периода средневековья, в посевах преобладали пленчатые пшеницы. Однако, со временем их сменили пшеницы голозерные.

Голозерные пшеницы имели ряд важных преимуществ перед пленчатыми. Они заключаются в том, что зерновки голозерных пшениц имеют меньшие размеры и более округлую форму, чем зерновки пшениц пленчатых, благодаря чему из таких зерновок получается больше муки и меньший выход отрубей. Для них нужен меньший объем тары при хранении и транспортировке. К тому же, агробиологические особенности голозерной пшеницы более благоприятны для земледелия. Они устойчивы к полеганию, имеют зерновки, которые легко вымолачиваются и не требуют при обработке таких больших усилий, как при обмолоте пленчатых пшениц, у которых зерновки заключены в плотно прилегающих к их телу пленки (отсюда их название). Голозерные пшеницы могут выращиваться как яровыми, так и озимыми, что обеспечивает им явное преимущество перед яровыми пленчатыми пшеницами.

Голозерные пшеницы являются наиболее распространенными пшеницами в мире (около 90% от общего числа мировых посевов). Наиболее важное экономическое значение имеет пшеница мягкая *Triticum aestivum* subsp. *vulgare* (Vill.) MacKey (с синонимами *Triticum aestivum* L., *T. sativum* L. или *T. vulgare* Host.). К другим разновидностям голозерных пшениц относятся карликовая пшеница *Triticum aestivum* subsp. *compactum* (Host) MacKey (синоним *T. compactum* Host), с плотным колосом, растущая в Афганистане и в северо-западной части Северной Америки, и круглозерная индийская пшеница *T. aestivum* subsp. *sphaerococcum* (Pers.) MacKey (синоним *T. sphaerococcum* Pers.), с небольшими зерновками, распространенная на территории Индии и Пакистана [Zohary, Hopf, 2000, p. 52].

Гексаплоидная мягкая пшеница *Triticum aestivum* возникла в результате гибридизации уже доместичированной тетраплоидной пшеницы *Triticum turgidum* и диплоидного дикорастущего *Aegilops squarrosa* и не имеет гексаплоидного дикорастущего предка. Это произошло в западной части ареала *Aegilops squarrosa*, на юге Каспийского бассейна, после того, как культура пшеницы была введена в земледелие на севере Ирана в период между VI и V тыс. до н.э. Замена голозерными пшеницами пленчатых на Ближнем Востоке и в Средиземноморье произошла довольно рано, и уже в эпоху поздней бронзы эти пшеницы имели преимущество перед пленчатыми [Zohary, Hopf, 2000, p. 50]. На юге Восточной Европы этот процесс относится к более позднему времени. Несмотря на то, что голозерные пшеницы появились в Северном

Причерноморье вместе с приходом в эти края греков-колонистов и были здесь их основной зерновой культурой, замена пленчатых пшениц на голозерные в регионе произошла гораздо позже. Массовое появление их отмечается только в материалах эпохи Древней Руси.

Зерновки *пленчатых пшениц*, пшеницы однозернянки *Triticum monococcum*, пшеницы двузернянки *Triticum dicoccon*, пшеницы спельты *Triticum spelta*, представленные в промывках, имеют типичные морфологические признаки – удлиненную форму, более узкое, чем у зерновок голозерных пшениц, тело. У зерновок пшеницы однозернянки *Triticum monococcum* брюшная сторона выпуклая или прямая, у пшеницы двузернянки *Triticum dicoccon* – прямая или немного углубленная; спинная сторона у первой значительно приподнята, благодаря чему высота зерновки больше, чем ее ширина, и зерновка сплюснута с боков, что придает ей своеобразный вид. У пшеницы двузернянки спинная сторона более пологая.

Среди находок преобладают зерновки пшеницы двузернянки, то есть полбы (в некоторых публикациях это название стоит, как бы, отдельно от пшеницы, что выглядит недоразумением). Полба – это тоже пшеница, относящаяся к пшеницам пленчатым, то есть пшеница двузернянка или эммер *Triticum dicoccon*. Е. Столетова приводит 80 названий пшеницы двузернянки в разных языках, что указывает, безусловно, на древность этого злака. Именно пленчатая пшеница двузернянка длительное время, начиная с эпохи неолита, выращивалась на территории Украины различными земледельческими племенами [Янушевич, 1976; Гаврилюк, Пашкевич, 1991; Пашкевич, 1991, 2000, 2005].

Пленчатые пшеницы – однозернянка *Triticum monococcum* и двузернянка *Triticum dicoccon*, вместе с *Hordeum vulgare* являются наиболее древними выращиваемыми растениями, введенными в культуру первыми земледельческими племенами на территории Малой Азии в VIII-VII тыс. до н.э., а затем, с VI тыс. до н.э., они появились на территории Европы, куда были принесены первыми земледельцами эпохи неолита. Многочисленные находки этих пшениц, прежде всего, пшеницы двузернянки *Triticum dicoccon* (в современной литературе *Triticum turgidum L. subsp. dicoccon (Shrank) Thell*), иногда в смеси с однозернянкой, свидетельствуют о большом значении пленчатых пшениц в неолите и бронзовом веке в древнем земледелии Европы. Пшеница двузернянка была главным злаком в неолитической культуре линейно-ленточной керамики в V тыс. до н.э. в Европе. Находки ее многочисленны и, во многих случаях, известны в смеси с однозернянкой. Такое положение двузернянки остается и в позднем неолите, и в бронзовом веке, и замена ее голозерными пшеницами не происходила так быстро, как это отмечено для Средиземноморья и Ближнего Востока. П.М. Жуковский в своей фундаментальной работе пшеницу двузернянку называет *полбой обыкновенной, эммер* [Жуковский, 1964, с. 110]. Еще в прошлом веке каши из полбяных пшениц были обычной едой.

В настоящее время пленчатые пшеницы встречаются в небольших посевах и считаются реликтовыми. Сегодня они выращиваются на западе Турции, Балканском полуострове, в горных районах Германии, Швейцарии, Испании. Только в Эфиопии пшеница двузернянка является обычным злаком, которому отдано предпочтение [Perrino, Laghetti, D'Antuonu, Ajlouni, Kanbertay, Szabo, Hammer, 1996, p. 106-109]. По данным В. В. Туганаева, пшеница двузернянка *Triticum dicoccon* еще в начале XX в. высевалась в Прикамье, на Среднем и Нижнем Поволжье чувашами, татарами и мордвой, и ее значение было достаточно весомым. Из 210,8 тысяч десятин, которые использовались в это время по всей Европейской России, на долю Средневолжского района приходилось 159 тысяч [Туганаев, 1984, с. 67].

П.С. Паллас в XVIII в. находил двузернянку на Керченском полуострове, в районе Феодосии. Есть сведения о ней в Перекопском уезде. В 20-х гг. XX в. полбу выращивали в татарских селах Байдарской долины и около Бахчисарая, в с. Биюк-Яшлау, под названием «каплибагдай», как в чистых посевах в виде белоколосой разновидности *var. volgense*, так и в виде примеси в посевах однозернянки.

В 30-х гг. XX в. полба двузернянка утратила свое значение при переходе хозяйств на многополье. Другая причина – углубление горизонта пахоты с 10-13 см до 20 см и более, при котором стало невозможным высевание пшеницы колосками (сеют эту

пшеницу не зерновками, как обычно, а колосками). При использовании железного плуга колоски во время пахоты цеплялись за борону, выходили на поверхность, и их сложно было удержать в земле. Есть еще один фактор, по которому полба была вытеснена из посевов. Обмолот собранного ее урожая – трудоемкий процесс, так как зерновки пленчатых пшениц плотно держатся в пленках, и перед обмолотом их приходилось предварительно прогревать. Затем производилось обрушивание, для чего использовались деревянные или каменные ступы.

Длительное, на протяжении тысячелетий, существование пленчатых пшениц в посевах объясняется их агробиологическими особенностями. Эти пшеницы считались «надежным» хлебом, так как они хорошо переносят климатические колебания, устойчивы к засухе, нетребовательны к качеству обработки и плодородию почвы, устойчивы к болезням. Эти свойства привлекали древних земледельцев, так как они соответствовали примитивному способу ведения хозяйства. «В ущельях гор, где климат отличается резкими сменами температур и почвы очень бедные, где другие хлебные злаки, как голозерные пшеницы, расти не могут, там полба великолепно произрастает, мирясь с неблагоприятными условиями почвы и климата» [Столетова, 1924–1925, с. 34]. Может расти эта пшеница на черноземах, на подзолах и глинах, и даже на торфяниках [Столетова, 1924–1925, с. 51]. Такая неприхотливость к грунтам связана с тем, что полба имеет хорошо развитую корневую систему.

Зерновки пшеницы-двузернянки использовали в пищу для приготовления каш, изготовления пива и в качестве корма для скота. Иногда делали муку, однако, качество ее низкое. Хлеб из такой муки быстро черствеет и имеет сладкий привкус.

Пшеница однозернянка *Triticum monococcum*. Это сравнительно небольшое растение, редко превышающее высоту в 70 см. Дает низкие урожаи, выживает на бедных почвах, где другие пшеницы не растут. Хорошая желтого цвета мука питательна, но плохо поддается сбраживанию, поэтому употребляются зерновки этой пшеницы, в основном, для приготовления каш, а не для выпечки хлеба.

В последние десятилетия отношение к полбе изменилось. Эта давняя пшеница привлекла к себе внимание как источник «экологической пищи» из-за ее уникальных вкусовых и диетических качеств. Она становится популярной, увеличиваются ее посевы в Армении, Дагестане, Поволжье и особенно в странах Европы – в Италии, Швейцарии, Австрии и Испании. Сейчас полба уже не «пища для бедных», как это было в прошлом. Она привлекательна для земледельцев, так как имеет меньшую цену, чем основная, выращиваемая во всем мире мягкая пшеница.

Ячмень пленчатый *Hordeum vulgare* и ячмень голозерный *Hordeum vulgare var. coeleste* представлены в пробах в незначительном количестве. По агробиологическим особенностям, ячмень – это культура, которая хорошо растет в районах с засушливым климатом. В таких районах его урожайность выше, чем у пшеницы [Растениеводство, 1986, с. 87]. Ячмень – культура быстро созревающая. Период вегетации проходит за 60-110 дней. Поэтому в южных районах, где благоприятный для вегетации период длится долго, с одной площади можно получать по два урожая в год. Наиболее благоприятны для ячменя богатые, хорошо дренированные почвы, на песках его урожайность значительно падает. Хорошо растет ячмень на засоленных почвах. Из него готовят каши, о чем известно с давних времен. Плиний в «Естественной истории» (NH, XVIII, 74) сообщает, как греки готовили из ячменя кашу, предварительно замачивая, а потом высушивая зерна и измельчая их с семенами льна, кориандра и солью. Ячмень также считается хорошей фуражной культурой, так как используется для откорма свиней и лошадей, в особенности в тех районах, где не выращивают овес. В средневековье ячмень называли даже «лошадиным» кормом, так как он «кормит скотину лучше, чем пшеница, и людям здоровее, чем плохая пшеница» [Добиа-ш-Рождественская, 1936, с. 18].

В хозяйстве используют также отходы от обмолота ячменя. Солома и полова имеют высокие пищевые качества, которые приближают их к среднему селу [Растениеводство, 1986, с. 124]. По наблюдениям Н.И. Вавилова, на Памире шестирядный голозерный ячмень выращивают специально для корма скота и лишь небольшое ко-

личество зерна идет для приготовления лепешек, которые готовят из смеси зерновок ячменя, проса, пшеницы, ржи и гороха, чечевицы и бобов [Вавилов, 1987, с. 22]. Мука из ячменя может использоваться для выпечки хлеба, правда, качество такого хлеба намного ниже, чем приготовленного из пшеничных зерен.

Рожь обыкновенная *Secale cereale*. Находки зерновок в пробах незначительны.

Среди бобовых растений наиболее многочисленны семена **нута обыкновенного *Cicer arietinum***. Это кормовое и пищевое растение родом из Юго-Западной Азии. Традиционное бобовое растение для Средиземноморского бассейна, Западной Азии и Индии, Эфиопии. В Восточной Европе его посевы встречаются только на юге Украины. Семена нута находили в составе ансамбля, типичного для неолита и эпохи бронзы на Ближнем Востоке. Нут хорошо растет в субтропиках и средиземноморском климате, на влажных почвах. Основные поставки в настоящее время (80% мировой продукции) поступают из Индии. Семена нута, как и гороха с чечевицей, содержат до 20% белка, благодаря чему являются важным продуктом в диете сельского населения. Сегодня нут является третьим в мире продуктом из числа бобовых растений. По мере его окультуривания, происходило увеличение и размеров семян, от 3,5 до 6,0 мм и более.

Нут – многолетнее травянистое растений или кустарник, иногда однолетнее. Культурные формы показывают тесное морфологическое сходство и почти одинаковый состав протеинов с двумя дикими видами нута *C.echinospermum* Davis *C.reticulatum* Ladis. Оба этих вида известны только в Юго-Восточной Турции. Введение нута в культуру произошло, предположительно, в центральной части Ближнего Востока. Как и горох с чечевицей, нут тесно связан с началом окультуривания растений на Ближнем Востоке. Однако в неолитических материалах он встречается реже [Zohary, Hopf, 2000, p. 108–111].

Среди Мангупского материала найдены также семена **чечевицы пищевой *Lens culinaris*** и **бобов *Faba vulgaris (Vicia faba) Moench***. Вместе с горохом, чечевицей и нутом это бобовое растение, известное также под названием конские бобы, принадлежит к растениям Старого Света. Обычно растет в теплом климате Средиземноморья с сухим летом, однако, встречается и в более северных районах Европы и Азии. Семена крупные, с высоким содержанием белка (около 20-25%). В некоторых странах Средиземноморья и Азии, в частности, в Египте, высушенные семена бобов являются источником белка для бедного населения. Используются в пищу и их зеленые створки. В Европе и Азии семена используют для корма животных, отсюда их название – конские бобы.

Большое количество бобов выращивается сейчас в странах Средиземноморья – в Египте, Марокко, Испании, Италии, Турции, в Эфиопии, умеренных областях Европы, в Западной Азии и Китае, который является основным производителем бобов. Размеры семян (длина 15-29 мм, ширина 12-15 мм) относят их к бобам var.minor. Крупносемянные бобы возникли в процессе доместикации. Археологические находки, от неолита до римского времени, показывают, что все семена бобов были var.minor.

Дикие предки бобов неизвестны. Они появились в Средиземноморье и продвинулись в умеренную Европу сравнительно поздно, в III тыс. до н.э. Многочисленные находки бобов на памятниках раннего железного века в Европе и в классическое время на западе Азии говорят о том, что они широко использовались в пищу.

В изученных пробах из раскопок Мангупа найдено несколько семян эфиромасличного растения **кориандра *Coriandrum sativum***. В Европе оно известно по находкам на памятниках римской эпохи. Способ выращивания кориандра описан Колумеллой еще в I в. н.э. Он сообщал, что кориандр можно выращивать дважды в год, высевая весной и осенью. Во время роста требуется хорошее увлажнение и внесение удобрений. Кориандр упоминается в Ветхом Завете. Библейская манна, ниспосланная с небес Господом во время сорокалетнего исхода израильтян из Египта, была «white as coriander seeds». Письменные источники указывают на использование кориандра, прежде всего, в медицинских целях. В Древней Греции и Древнем Риме он применялся для похмелья. В XVI в. его рекомендовали при купании и стирке. Этнографические

данные указывают, что кориандр мог быть присыпкой на хлебе. Есть указания на использование засахаренных и подкрашенных семян кориандра во время карнавалов вместо бумажного конфетти. И даже имя «конфетти» происходит от засахаренных плодов кориандра.

Семян сорных растений в выборке немного, и все они являются типичными засорителями посевов или рудералами.

Полевица *Agrostis sp* L. Травянистое растение из семейства Poaceae (злаки). Установить принадлежность до вида сохранившейся зерновки невозможно. Полевица встречается на лугах, степных склонах, в пойменных лесах, у дорог.

Белокудренник черный *Ballota nigra* L. Растение из семейства Lamiales (губоцветные). Многолетнее травянистое растение высотой 25–125 см, цветет в июне –августе. Встречается на сорных местах, у дорог по всему Крыму. Медонос.

Костер полевой *Bromus arvensis* L. Из семейства Poaceae (злаки). Травянистое растение высотой 30–95 см. Произрастает в посевах, на окраинах полей, у дорог, на лугах. Встречается в степных и лесостепных районах Крыма, а также в горной части полуострова.

Марь белая *Chenopodium album* L. из семейства Chenopodiaceae (маревые). Травянистое растение от 10 до 100 см высотой. Встречается повсеместно. Растет на сорных местах, в посевах, на огородах, у дорог.

Петушее просо *Echinochloa crus-galli* (L.) Beauv. Из семейства Poaceae (злаки). Травянистое растение от 10 до 100 см высотой. Встречается повсеместно. Растет на сорных местах, в посевах, на огородах, у дорог, на бахчах, часто в посевах проса. Известен как пожнивный сорняк.

Подмаренник цепкий *Galium aparine* L. Из семейства Rubiaceae (мареновые). Травянистое растений высотой 50-200 см. Встречается повсеместно, как сорняк в посевах, на мусорных местах, огородах.

Щетинник сизый *Setaria glauca* (L.) P.B. Из семейства Poaceae (злаки). Травянистое растение высотой 15–50 см. Встречается повсеместно. Одно растение дает до 6000 зерновок, которые быстро осыпаются при созревании, поэтому сильно засоряют почву. Это послезнивный сорняк. На стерне образует сплошную щетку. Очень истощает грунт, портит его структуру. Особенно вреден для посевов проса.

Щетинник зеленый *Setaria viridis* (L.) Beauv. Более ксерофитное растение, чем щетинник сизый. Растение однолетнее. Одно растение дает до 7000 зерновок. Чаще встречается на юге Восточной Европы. Злостный послезнивный сорняк озимых и раннеяровых культур. Встречается на сорных местах, на обочинах дорог.

ГАНЦЕВ В. К.

СКАЛЬНАЯ ВИНОГРАДОДАВИЛЬНЯ МКВ-15

Во второй половине IX – первой половине X в. виноградарство и виноделие были одними из ведущих отраслей сельского хозяйства для населения Мангупской крепости [Науменко, 2022, с. 183–184]. Об этом свидетельствуют открытые на Мангупе специальные устройства, используемые для первичной переработки винограда – скальные виноградодавильни. 14 тарапанов локализуется в границах крепостных стен (МКВ-1⁶ – МКВ-5, МКВ-7 – МКВ-15) и одна винодельня, вырублена в скальной глыбе в естественном гроте под южным обрывом плато (МКВ-6). Эти винодельческие комплексы становились объектом отдельного исследования [Науменко, Ганцев, 2023, с. 67, 70–93, рис. 1], что избавляет нас от повторений. Кратко напомним историю их исследований.

Впервые о скальных виноградодавильнях на Мангупе бегло упоминает А. И. Маркевич. В 1912 г. Р. Х. Лепер, вероятно, произвел расчистку одной винодельни, вблизи южного склона Мангупа (МКВ-1), не оставив при этом никаких сведений об этих раскопках в полевой документации. Атрибуция памятника принадлежит Е. В. Веймарну, который в 1954 г. открыл еще три скальные винодельни на городище – МКВ-4, МКВ-5 и МКВ-6. После организации Мангупской археологической экспедиции в 1967 г. изучение винодельческих комплексов городища было продолжено. В 1968–1973 гг. исследованы не только все известные прежде винодельни, но и открыты еще пять виноградодавилен – МКВ-2, МКВ-3, МКВ-7, МКВ-11 и МКВ-14. Шесть виноделен в границах городища изучены в период с 1993 по 2020 гг. (МКВ-8, МКВ-9, МКВ-10, МКВ-12, МКВ-13 и МКВ-15) [подробнее см.: Науменко, Ганцев, 2023, с. 67, 70–73, рис. 1].

Скальные виноградодавильни являются неотъемлемой частью исторической топографии Мангупского городища для фемного периода его истории. Практически все они находятся в пределах крепости, в границах обжитой территории этого времени, образуя три локальных группы. Первая из них расположена в верховьях мыса Тешкли-бурун, вблизи его западного склона, обращенного в сторону подъездной дороги и Главных ворот крепости (группа 1: МКВ-4, МКВ-5, МКВ-9, МКВ-10 и МКВ-12). Вторая группа объединяет винодельни, вырубленные вдоль юго-восточного склона плато, рядом с ущельем Демир-Капу (укрепление А.ХІХ), по которому проходит тропа в расположенную к югу Адым-Чокракскую долину (группа 2: МКВ-1, МКВ-2, МКВ-3, МКВ-7, МКВ-8, МКВ-11, МКВ-13, МКВ-14). Открытая на месте дворца МКВ-15 (группа 3) также тяготеет к одной из традиционных дорог в крепость, проходившей по тальвегу балки Гамам-дере. Такое местоположение виноградодавилен представляется не случайным. Оно обусловлено близостью дорожных коммуникаций, что обеспечивало быструю доставку винограда к месту его переработки [Геопоники, 1960, с. 125; Ганцев, 2022а, с. 147]. В связи с этим, вполне оправданным является предположение о выращивании винограда на южном склоне Мангупа и в балке Гамам-дере, защищенных от холодного северного ветра.

Виноградодавильня МКВ-15, которая является объектом нашего исследования, открыта в ходе раскопок на эспланаде Мангупского княжеского дворца 1425-1475 гг. (рис. 342, 1) [Герцен, Науменко, Душенко, Ганцев, Иожица, 2021, с. 29, рис. 8]. Она расположена в квадрате №38, в 2,30 м к северу от башни-донжона (помещения А)

⁵ Ганцев В. К. – старший преподаватель кафедры истории России исторического факультета и младший научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» КФУ им. В.И. Вернадского. Постоянный (с 2014 г.) научный сотрудник Мангупской археологической экспедиции университета.

⁶ МКВ-1 («Мангуп-Кале, виноградодавильня №1») – современная аббревиатура, используемая при картографировании памятников виноделия на территории Мангупского городища.

дворцового комплекса (рис. 342, II). В 2017 г. была исследована ее давальная площадка, в 2020 г. – суслоприемник. Сохранность тарапана оставляет желать лучшего ввиду его использования в XIV в. в качестве пониженного скального пола расположенной здесь наземной постройки. Еще позднее, в начале XV в., это здание было полностью разобрано при строительстве оборонительной башни дворца. Все это привело к значительной срубленности винодельческого комплекса: не сохранились его северный борт и канал для слива виноградного сусла; сильно пострадали, вероятно, и остальные борта давальтной площадки. К тому же вдоль последних фиксируются позднейшие скальные подрубки, не имеющие отношения к истории памятника и затрудняющие реконструкцию его общих размеров и композиции.

Рельеф скалы на эспланаде дворца имеет естественный уклон в северном направлении. Это обстоятельство обусловило ориентацию виноградодавильни по оси юг-север (рис. 342, II; 343, I). Средневековые строители учитывали естественный рельеф местности с целью минимизировать трудозатраты при сооружении виноделен. Во всех известных крымских скальных винодельнях дно давильни имеет уклон в сторону суслоотводного канала, по которому сок стекал в суслоприемник. Известняковая скала на месте давальной площадки МКВ-15, монолитная и выровненная, в районе суслоприемника подвержена растрескиванию и отслойке (рис. 344).

Давильная площадка МКВ-15 предположительно имела прямоугольную форму размерами 2,30 x 2,70 м (рис. 343, I). Высота восточного и западного бортов составляет 0,30–0,40 м. От южного борта осталась небольшая ступень высотой 0,07–0,10 м. Рабочая поверхность давальной площадки заглажена, дно имеет общий уклон в сторону суслоприемника с перепадом высот до 0,11 м. Суслоприемник вырублен в северной части виноградодавильни, имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами. Его размеры 1,10 x 0,75 м, глубина 0,45–0,50 м. Борта практически вертикальные, дно выровнено, в центре фиксируется вырубка размерами 0,30 x 0,30 м и глубиной 0,04 м. Это небольшое углубление предназначалось для сбора виноградных косточек, которые могли попасть в суслоприемник при давке винограда [Ганцев, 2022а, с. 148].

МКВ-15 относится к типу 1 класса I по классификации скальных виноградодавильн Юго-Западной Таврики [Ганцев, 2022б, с. 213, рис. 2]. Этот тип виноградодавильн не содержит признаков установки механического прессового устройства. Отжим винограда на давальной площадке производился только ногами. Перед началом работы виноградодавильню мыли соленой водой, протирали и обкуривали [Геопоники, 1960, с. 129]. Виноград на давальную площадку засыпался ровным слоем, в это же время давальщики просматривали его, убирая незрелые или сухие ягоды, которые могли испортить сусло. Затем виноград начинали равномерно давить ногами, при этом выжимки дополнительно «подбрасывали вверх», чтобы сок быстрее стекал в суслоприемник [Геопоники, 1960, с. 130]. Данный этап переработки винограда запечатлен на многих мозаиках античного времени (рис. 343, II-III). Из сока, получаемого после первичного отжима винограда ногами, делали вино наилучшего качества.

Сказать что-то определенного о количестве перерабатываемого на винодельне №15 винограда затруднительно, по причине ее сильной перепланировки на позднейшем этапе функционирования поселения на сете дворца. Можно лишь установить, что для заполнения суслоприемника МКВ-15 всего требовалось 572 кг винограда, из которого получалось 343–372 л сусла⁷. Учитывая длительность сезона сбора урожая винограда (около месяца) и многократное использование давильни (как минимум, один раз в день), гипотетически на МКВ-15 могли выдавливать примерно 10 290–11 160 л сока. Этого объема произведенного вина, при норме потребления одним человеком от 100 до 317 л в год [Ганцев, 2021б, с. 61], было достаточно, соответственно, для 33 или 112 человек. Напомним, что в данном случае речь идет исключительно о производительности мангупской винодельни №15. Но даже эти показатели позволяют уверенно говорить о том, что объем получаемого виноградного сусла на одной скальной виноградодавильни для дальнейшего из-

⁷ Из 100 кг винограда получается 60–65 л сока [Домашнее виноделие, 1991, с. 20].

готовления вина, мог вполне удовлетворять потребности в этом напитке членов нескольких семей.

Виноградодавильни Мангупа, в том числе и МКВ-15, хорошо вписаны в существующую концепцию исторической периодизации городища. Сейчас они рассматриваются как неотъемлемые элементы топографии памятника фемного периода и материальные свидетельства ориентированного на экспорт товарного виноделия этого времени, находившегося под управлением византийской администрации крепости. Датируются скальные винодельни Мангупа в целом второй половиной IX – первой половиной X в. [Науменко, 2022, с. 178]. Типологически схожие скальные виноградодавильни широко распространены в гористой местности на территории Византии, особенно в Анатолии [Ганцев, 2022а, с. 51].

Установить более точную датировку МКВ-15 не представляется возможным. Несмотря на то, что в процессе раскопок выявлен ряд археологических комплексов, относящихся, по крайней мере, к финальному этапу функционирования МКВ-15 (3-й (нижний) слой заполнения давяльной площадки) или ко времени ее засыпи (заполнение суслоприемника), из-за невыразительности археологического материала получить точную дату сооружения и использования памятника не удалось. Отметим лишь, что от 40 до 60 % находок в комплексах надежно соотносится с фемным периодом в истории городища. Среди них преобладают «причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95. Отсутствие высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 не является показательным, так как их фрагменты встречались в более верхних горизонтах заполнения тарапана.

Таким образом, открытие на эспланаде дворца скальной виноградодавильни, которые до 2017 г. были известны только лишь в восточной части Мангупского плато, расширяет наши представления о топографии таких винодельческих комплексов на территории городища. МКВ-15 входит в комплекс застройки фемного времени, открытой на месте дворца [Науменко, 2022, с. 174–175]. Связана ли она с какой-то конкретной постройкой этого времени, на данный момент сказать затруднительно. Гипотетически, можно говорить лишь о том, что в квартале, расположенном в центральной части плато, проживали виноградари-виноделы. Косвенным доказательством этого, может служить уникальный и довольно дискуссионный источник – так называемые готские граффити второй половины IX-X в., обнаруженные и прочтенные А. Ю. Виноградовым на известняковом карнизе из раскопок крещальни Мангупской базилики (раскопки М. А. Тихановой, 1938 г.), которая находится всего в 300 м к северо-западу от МКВ-15 [Виноградов, 2015]. Одна из надписей (№14) содержит прошение о помощи *«Дамиана из виноградарей (?)»* [Виноградов, 2017, с. 286, 298]. Жил ли Дамиан в квартале на месте дворца или нет, нам неизвестно, но указание на его специализацию говорит о занятии местным населением этим видом сельскохозяйственных работ.

Следует полагать, что в случае дальнейших раскопок в этой части Мангупского плато могут быть открыты новые скальные виноградодавильни, которые расширят источниковую базу наших исследований.

Рис. 342. Приложение Б. I. Мангупский княжеский дворец, раскопки 2020 г. Общий вид с востока, аэрофото, с указанием месторасположения скальной виноградодавильни МКВ-15. II. Дворец, Северный участок, квадрат №38 со скальной виноградодавильней МКВ-15. Общий вид с севера, аэрофото

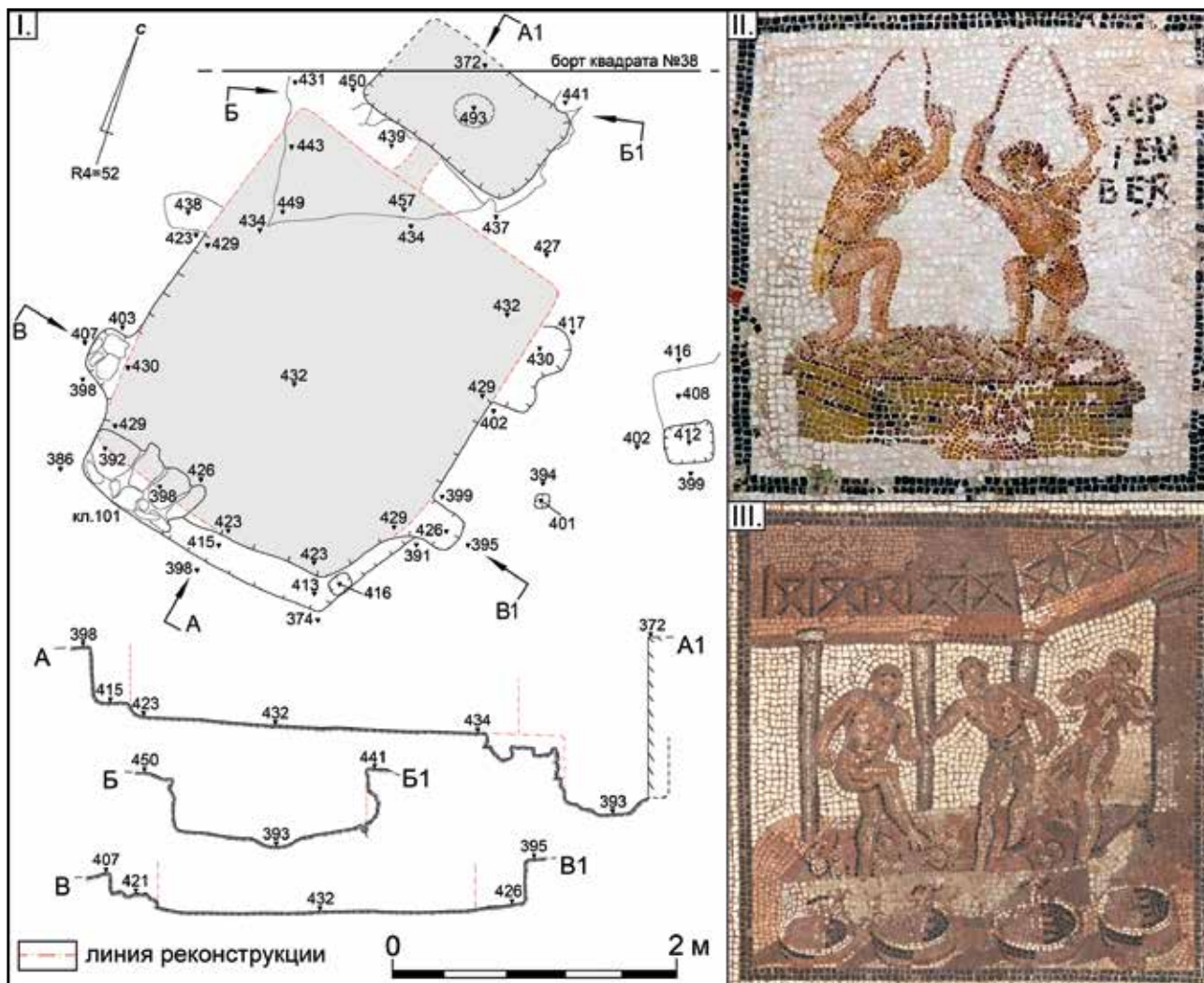

Рис. 343. Приложение Б. I. МКВ-15: план, архитектурные разрезы А–А1, Б–Б1 и В–В1. II-III. Изображения процесса давки винограда ногами и сбора сусла в сосуд, расположенный под сливом: II – Археологический музей в г. Сус, Тунис; III – Музей Сен-Ромен-ан-Гал, Франция) [по: Jashemski, 2017, p. 136, fig. 4.14A, 4.14D]

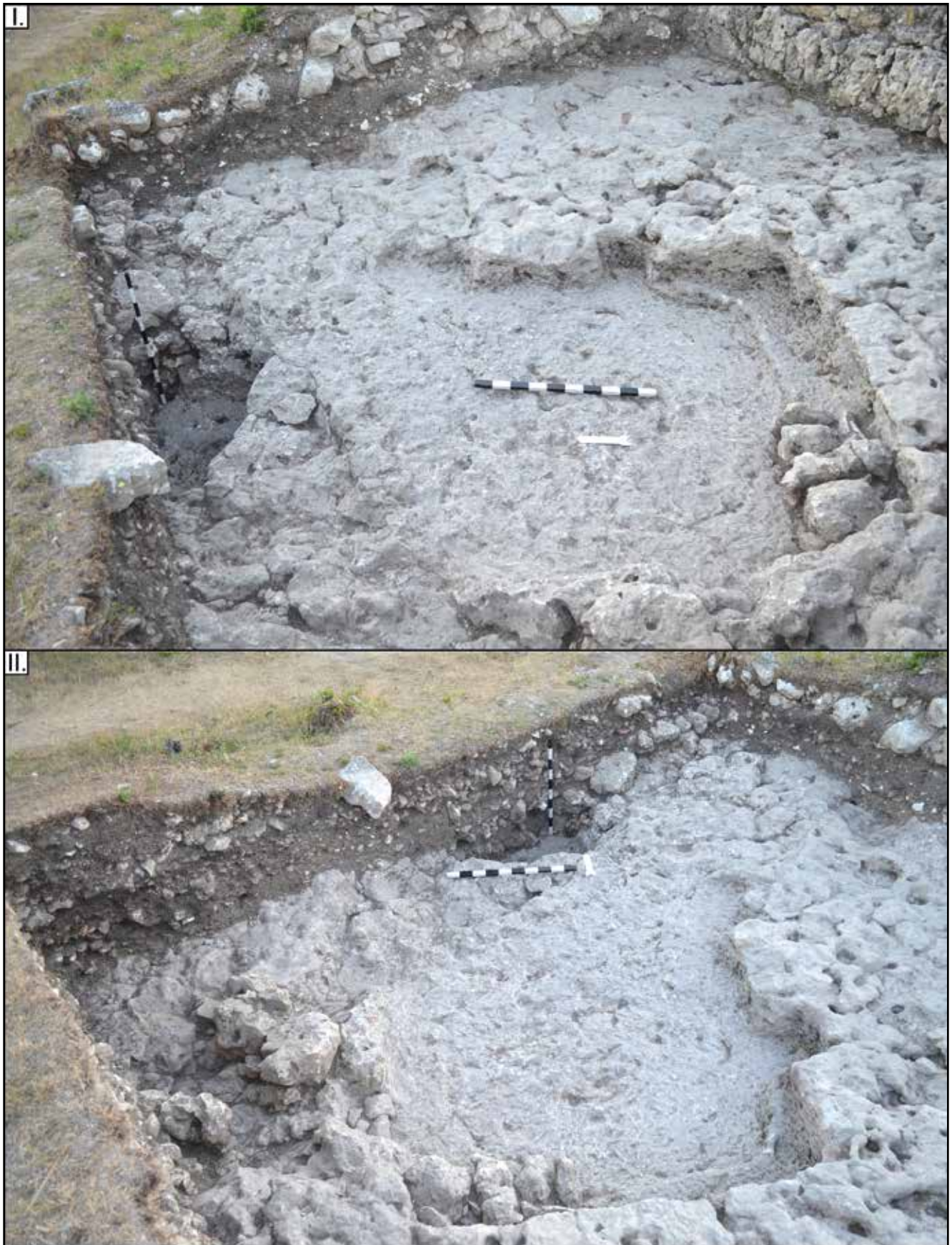

Рис. 344. Приложение Б. Дворец. Северный участок.
Раскопки 2017-2020 гг. Скальная виноградодавильня МКВ-15 по завершении работ:
I – общий вид с запада; II – общий вид с юга

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

[БИКАМЗ]. Коллекционная опись предметов археологии из коллекции Мангуп 1912-1914 гг. // Научные фонды БИКАМЗ. Рукопись.

[БИКАМЗ]. Коллекционная опись предметов, найденных при археологических раскопках дворца на Мангупе в 1974 г. // Научные фонды БИКАМЗ. Рукопись.

[БИКАМЗ]. Список вещей из раскопок на Мангуп-Кале в августе-сентябре 1938 г. экспедиции Севастопольского Музейного Объединения // Научный архив БИКАМЗ. «Архив Е. В. Веймарна». Д. 4. Машинопись. 105 с.

Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Отчет о работе Мангупского отряда Крымской комплексной экспедиции Института археологии АН УССР в 1974 г. Раскопки дворца 1425 г. на Мангупе // НА ИАКр РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. 52 с. Машинопись.

Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2006 г. Симферополь, 2007. 292 с., ил. // Научный архив Института археологии НАН Украины.

Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2007 г. Симферополь, 2008. 236 с., ил. // Научный архив Института археологии НАН Украины.

Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2008 г. Симферополь, 2009. 221 с., ил. // Научный архив Института археологии НАН Украины.

Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2009 г. Симферополь, 2010. 197 с., ил. // Научный архив Института археологии НАН Украины.

Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2010 г. Симферополь, 2011. 173 с., ил. // Научный архив Института археологии НАН Украины.

Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2014 г. Симферополь, 2015. 214 с., ил. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. № 42-55.

Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2015 г. Симферополь, 2016. 354 с., ил. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. № 46311-46312.

Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2016 г. Симферополь, 2017. 282 с., ил. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. № 52146-52147.

Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2017 г. Симферополь, 2018. 327 с., ил. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. № 57561-57562.

Герцен А. Г. Отчет об археологических раскопках Мангупского городища в 2018 г. Симферополь, 2019. 297 с., ил. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. № 61290-61291.

Герцен А. Г. Отчет об археологических раскопках 2019 г. на территории Мангупского городища. Симферополь, 2020. 327 с., ил. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. № 65091-65092.

Герцен А. Г. Отчет об археологических раскопках 2020 г. на территории Мангупского городища. Симферополь, 2021. 334 с., ил. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. № 68283.

Герцен А. Г. Отчет об археологических раскопках 2021 г. на территории Мангупского городища. Симферополь, 2022. 296 с., ил. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. № 72161.

[Государственный Эрмитаж]. Коллекция № 1808. Крым. Мангуп 1909, 1910, 1912,

1913 г. Раскопки Р. Х. Лепера // ГЭ. Научные фонды Отдела археологии Восточной Европы и Средней Азии. Инвентарные описи. 32 с.

[Лепер Л. Х.]. Дневник раскопок на Мангуп-Кале. 1913 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 90. 26 л.

[Лепер Л. Х.]. Опись древностей из Мангуп-Кале. 1912-1913 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 107-108. 24 л.

[Лепер Л. Х.]. [Переписка] // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 143. 133 л.

[Лепер Л. Х.]. Список предметов из Мангуп-Кале 1912-1913 гг., отправленных в Петроград // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 123. 8 л.

Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 10. Д. 10. 1939-1940. Машинопись. 387 с.

Суров Е. Г. Отчет об археологических разведках на плато Мангуп Горнокрымской экспедиции Уральского Государственного университета им. А. М. Горького в июле-августе 1968 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. №1968/71. 19 с., илл.

Якобсон А. Л. Мангуп-Кале. Дневник раскопок дворца. 1938 г. // Научный архив БИКАМЗ. «Архив Е. В. Веймарна». Д. 3. Машинопись. 30 с.

[Якобсон А. Л.]. Мангупская экспедиция // Научный архив ИИМК РАН. Рукописный отдел. Ф. 35. Оп. 1 (1938 г.). Д. 247-249. 161 л.

[Якобсон А. Л.]. Раскопки 1938 г. Дворец // Научный архив ИИМК РАН. Фотоотдел. О-1492. 1-56; О-1833. 1-24, 58-66, 68; О.2061.25-39.

ЛИТЕРАТУРА

Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. 184 с.

Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3-86.

Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966. 111 с. (САИ, вып. Д 1-30).

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.

Антипенко А. В., Науменко В. Е., Наухацкий И. А., Максимова Е. М., Смекалова Т. Н. Анализ химического состава монет Золотой Орды и Крымского ханства (по материалам раскопок Мангупского городища в 2018 г.) // Геоархеология и археологическая минералогия: материалы VI Всероссийской молодежной научной школы с международным участием имени В. В. Зайкова. Миасс; Екатеринбург, 2019. С. 134-139.

Антипенко А. В., Науменко В. Е., Наухацкий И.А., Максимова Е. М., Смекалова Т. Н. Сопоставление результатов изучения состава сплава монет херсонесской чеканки римского и византийского времени // Геоархеология и археологическая минералогия: материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием имени В. В. Зайкова. Миасс; Челябинск: Издательство ЮУрГГПУ, 2020. С. 198-202.

Антипенко А. В., Наухацкий И. А., Максимова Е. М., Смекалова Т. Н., Науменко В.Е. Исследования элементного состава сплава монет из раскопок Мангупского городища методом рентгенофлуоресцентного анализа // Минералы: строение, свойства, методы исследования: материалы X Всероссийской молодежной научной конференции. Екатеринбург, 2019. С. 26-27.

Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Т. 7. С. 81-107.

Алексеев Н. А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСБ. 1996. Вып. VII. С. 187-191.

Алексеев Н. А. Новый клад монет V-VI вв. из округа византийского Херсона // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 350-363.

Алексеев Н. А. Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 121-135.

Алексеев Н. А. Византийский Херсон VI-XIII столетий в памятниках сфрагистики. I. Чиновники Херсона VIII-XI вв. Севастополь: ООО «Колорит», 2017. 474 с.

Асеев Ю. С. Архитектура Северного Причерноморья // ВИА. Л.; М.: Издательство литературы по строительству, 1966. Т. 3: Архитектура Восточной Европы. Средние века. С. 502-515.

Байер Х. -Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. 500 с.

Башкиров А. С. Историко-археологический очерк Крыма. Мангуп // Крым: путеводитель / под ред. К. Ю. Бумбера, Л. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова. Симферополь: Типография губернского земства, 1914. С. 257-271.

Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. №55. С. 1-44.

Бочаров С. Г. Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.: сборник научных статей / под ред. С. Г. Бочарова и В. Л. Мыца. Киев: ИД «Стилос», 2005. С. 306-323.

Бочаров С. Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 3 / ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: АнтикВА, 2008. С. 191-211.

Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // ПА. 2012. №1. С. 20-36.

Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые торговли в Восточной Европе в XIV в. // ПА. 2015. №4(14). С. 189-200.

Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда) // Материалы Первого Маджарского археологического форума / ред.-сост. Ю. Д. Обухов. Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2016. С. 20-38.

Вавилов Н. И. Происхождение и география культурных растений. Л.: Наука, 1987. 438 с.

Веймарн Е. В. Пам'ятки південно-західного Криму // Археологія Української РСР. Київ: Наукова думка, 1975. Т.3. Ранньослов'янський та давньоруський періоди. С. 454-467.

Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангупе // АО. 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 263-264.

Виноградов А. Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 278-298.

Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Готские граффити из Мангупской базилики // СВ. 2015. Т. 76, № 3-4. С. 57-75.

Внуков С. Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 2012. №4. С. 5-15.

Гаерилук Н. А., Пашкевич Г. А. Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V-IV вв. до н.э. // СА. 1991. №2. С. 51-64.

Ганцев В. К. Ротационные жернова IX-XI вв. из раскопок Мангупского княжеского дворца // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020а. Т. 25, № 6. С. 131-141.

Ганцев В. К. Трехручная стеклянная лампада XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // XXI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ООО «Прондо», 2020б. С. 84-89.

Ганцев В. К. Средневековые пряслица из раскопок Мангупского княжеского дворца (предварительное сообщение) // XXII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и вар-

варский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ООО «Прондо», 2021а. С. 86-95.

Ганцев В. К. Производственные мощности средневековых скальных виноградодавлений Юго-Западного Крыма // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2021б. Т. 7 (73), № 2. С. 53–65.

Ганцев В. К. Технология производства вина в византийской Таврике // БИ. 2022а. Вып. XLV. С. 144–162.

Ганцев В. К. Классификация средневековых виноградодавлений Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2022б. Вып. XXVII. С. 209–221.

Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / пер. и ком. Е. Э. Липшиц. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. 374 с.

Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87-166.

Герцен А. Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 257-282.

Герцен А. Г. Дорос – Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003а. Вып. 34. С. 94-112.

Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003б. Вып. X. С. 562-589.

Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX вв.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 3 / ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: АнтикВА, 2008а. С. 212-256.

Герцен А. Г. Археологические исследования Мангупа в 1967-1977 гг. // Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В. Н. Даниленко / под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: СОНАТ, 2008б. С. 305-326.

Герцен А. Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата: материалы Международной научно-практической конференции / науч. ред. А. Г. Герцен. Симферополь, 2010. С. 96-105.

Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371-494.

Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240-295.

Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI-XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233-298.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1996. 128 с.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.: сборник научных статей / под ред. С. Г. Бочарова и В. Л. Мыца. Киев: ИД «Стилос», 2005. С. 257-287.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 389-431.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ: Т. 51: Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти А. В. Банк (1906-1984). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. С. 387-419.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный

и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2015. С. 88-100.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016а. №9. С. 247-258.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. «Между Золотой Ордой и Романией...». Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины – второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016б. С. 36-49.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Сакральная топография Мангупа: история изучения, каталог и периодизация культовых памятников городища // Миры Византии. ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 2. Сборник научных трудов / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2019. С. 115-176.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006-2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь: ООО «Колорит», 2018. С. 53-58.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А. Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП «Кифниди Георгий Иванович», 2019. С. 139-148.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К. Археологические исследования Мангупского княжеского дворца в 2021 году // ИАКр. 2022. Вып. XVII. С. 111-120.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В. Археологические исследования Мангупского княжеского дворца в 2020 году // ИАКр. 2021. Вып. XV. С. 27-37.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1967 г.», могильник Южный II // ИАКр. 2019. Вып. XI. С. 79-90.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник // ИАКр. 2020. Вып. XIII. С. 111-128.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Набоков А. И. Археологические исследования Мангупского городища // ИАКр. 2018. Вып. VIII. С. 37-40.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Иожица Д. В. Княжеский дворец Мангупского городища. Проблемы архитектурно-археологической реконструкции памятника // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (г. Евпатория, 30-31 мая 2019 г.) / гл. ред. В. Е. Науменко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 60-70.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Новые материалы к изучению исторической топографии Мангупского городища и его окружи (по результатам междисциплинарных исследований 2015 г.) // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2015. Т.1(67), №2. С. 3-28.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Результаты комплексных исследований

Мангупского городища в 2015 г. // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 127-147.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Лавров В. В. Археологические раскопки Мангупского городища // Историческое наследие Крыма: сборник статей. Симферополь: ООО «Антиква», 2014. С. 203-209.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): коллективная монография / отв. ред. А. И. Айбабин. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.

Герцен А. Г., Руев В. Л. Свинцовые пули из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 385-416.

Гинькут Н. В. Итальянская поливная керамика генуэзского и османского времени с территории консульства и крепости Чембало // АДСВ. 2019. Т. 47. С. 170-194.

Гинькут Н. В. Византийские поливные сосуды XIV в. с монограммами из раскопок Херсона и крепости Чембало // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 225-253.

Гинькут Н. В. Испанская парадная поливная керамика XIV-XV вв. из раскопок генуэзской крепости Чембало // АДСВ. 2023. Т. 51. С. 478-505.

Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363-411.

Громенко С. В. Тимур, Токтамыш и Идегей в Крыму: историографическая традиция и историческая реальность // ЗО. 2015. №3. С. 43-53.

Гурулева В. В. Византийские весовые знаки: каталог коллекции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2018а. 136 с.

Гурулева В. В. Основные проблемы нумизматики Крыма византийской эпохи // ТГЭ: Т. 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: по материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2018б. С. 61-82.

Даниленко В. Н., Романчук А. И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. 1969. Вып. 6. С. 116-138.

Добиаш-Рождественская О. А. Агрικультура в памятниках Западного средневековья: переводы и комментарии. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. 364 с.

Домашнее виноделие: библиотека садовода. Белгород, 1991. 64 с.

Домбровский О. И., Махнева О. А. Столица феодоритов. Симферополь: Таврия, 1973. 104 с.

Душенко А. А. Детали вооружения из кости и рога из раскопок Мангупа (по материалам 1990-2010 гг.) // Древности-2013. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: ХИАО, ООО «НТМТ», 2013а. Вып. 12. С. 292-302.

Душенко А. А. Костяные дисковидные пуговицы с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2013б. Вып. XVIII. С. 333-352.

Душенко А. А. Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро (Мангуп) // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 233-262.

Душенко А. А. Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 222-247.

Душенко А. А. Византийские разновесы из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 255-268.

Душенко А. А. Металлические зеркала из раскопок Мангупского княжеского дворца // XXI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь: ООО «Прондо», 2020а. С. 101-109.

Душенко А. А. Нумизматический комплекс Мангупского княжеского дворца (раскоп-

ки 2006-2018 г.): статистический обзор // XII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеев. Симферополь: ООО «Колорит», 2020б. С. 91-98.

Душенко А. А. Сабатон из раскопок Мангупского городища // АДСВ. 2021. Т. 49. С. 219-239.

Душенко А. А. Свинцовые пломбы поствизантийского Мангупа // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 428-449.

Душенко А. А., Антипенко А. В. Результаты анализа химического состава металлических зеркал золотоордынского времени из раскопок Мангупа // ПА. 2022. №4(42). С. 61-73.

Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. Л., 1964. 744 с.

Залеская В. Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав. София, 1993. Сборник 4. С. 368-376.

Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV вв.: каталог коллекции / Государственный Эрмитаж. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2011. 256 с.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. №83. 180 с.

Иожица Д. В. Входной комплекс Главных крепостных ворот Мангупа. Новые данные // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2022. Т. 8(74), №3. С. 19-62.

Кирилло В. П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // Stratum plus. 1999. №6. С. 137-141.

Кузищин И. М. Очерки по истории земледелия Италии II в. до н.э. – I в. н.э. М.: Издательство МГУ, 1966. 312 с.

Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России. 2. Мангупские надписи // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 17-21.

Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году (предварительное сообщение) // ИАК. 1913а. Вып. 47. С. 73-79.

Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году (второе предварительное сообщение) // ИАК. 1913б. Вып. 47. С. 146-154.

[Лепер Р. Х.] Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. (сообщение Р. Х. Лепера о раскопках на Мангупе в 1912 г.) // ИТУАК. 1913в. №49. С. 266-269.

Лепер Р.Х., Моисеев Л. А. Раскопки на Мангупе // ОАК за 1913-1915 гг. Пг.: Девятая Государственная типография, 1918. С. 72-84.

Майко В. В. Керамика с монограммами средневековой Солдайи. Типология, хронология и место производства // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 288-311.

Майко В. В. Сугдея в конце VII – первой половине X в. Симферополь: Колорит, 2020а. 312 с.

Майко В. В. Византийские импортные подглазурные монограммы средневековой Сугдеи // АДСВ. 2020б. Т. 48. С. 212-224.

Майко В. В. Штампованная керамика средневековой Сугдеи // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 420-440.

Мартин Броневский. Описание Крыма / републикация текста М. Мачинской и А. Г. Герцена, предисл. и комм. А. Г. Герцена // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. №10. С. 156-200.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // ИАИАИАНД в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21. С. 308-473.

Моисеев Д. А. Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной балке (Мангуп) // Древности-2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: ХИАО, ООО «НТМТ», 2011. Вып. 10. С. 172-190.

Моисеев Д. А. Средневековая плинфа Мангупского городища // Древности-2013. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: ХИАО, ООО «НТМТ», 2013. Вып. 12. С. 179-192.

Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. 278 с.

Мыц В. Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев: Наукова думка, 1991а. 164 с.

Мыц В. Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV-XV вв. // Византийская Таврика. Киев: Наукова думка, 1991б. С. 179-193.

Мыц В. Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV-XV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.: сборник научных трудов. Том I / под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. Киев: ИД «Стилос», 2005. С. 288-305.

Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

Мыц В. Л. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции // Генуэзская Газария и Золотая Орда / под ред. С. Г. Бочарова, А. Г. Ситдикова. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 99-123.

Мыц В. Л. Правитель княжества Феодоро Исаак (1465-1475 гг.): штрихи к историческому портрету // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48, № 3. С. 614–626.

Мыц В. Л. Крым в XIII-XV вв.: историко-археологическое исследование. Диссертация на соискание ученой степени д.и.н.: специальность 5.6.3 – археология. Казань, 2023. 937 с.

Науменко В.Е. Пифосы, амфоры, высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками, фляги, столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I: Археологические комплексы второй половины VIII-X вв. Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 2009. С. 32-64 (Bosporos Studies. Supplementum 5).

Науменко В.Е. Об исторической топографии и политико-административном статусе Мангупа в золотоордынский период // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии: материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Рах Татарica: генезис и наследие государственности Золотой Орды» / отв. ред. И. М. Миргалеев. М.; Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020а. С. 232-249.

Науменко В. Е. «Латиняне» на Мангупе. Уникальный западноевропейский крест-энколпион из раскопок княжеского дворца Мангупского городища: проблемы атрибуции и датировки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020б. Т. 25, № 6. С. 100-115.

Науменко В. Е. Иконка-привеска с изображением святого воина-всадника из раскопок Мангупского дворца. Древняя Русь или Византия? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 6. С. 83-95.

Науменко В. Е. Мангуп-Дорос в фемный период истории // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 166-208

Науменко В. Е. Письменные и археологические источники о времени строительства византийской крепости на Мангупе // XXIV Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В. Н. Зинько, А. В. Зинько. Симферополь; Керчь: Соло Рич, 2023а. С. 224-233.

Науменко В. Е. Новые материалы по истории и археологии византийского Мангупа. Раскопки улицы VI-XI вв. в центральной части жилой застройки крепости // БИ. 2023б. Вып. XLVI. С. 185-227.

Науменко В. Е. Застройка ранневизантийского времени в центральной части Мангупа-Дороса. Новые материалы исследований // *Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского* / отв. ред. А. И. Айбабина, Э.А. Хайрединовой. Симферополь: ООО «Антиква», 2023в. С. 223-233.

Науменко В. Е. О печати византийского сcribeона из раскопок Мангупа-Дороса. Историко-археологический комментарий // МАИЭТ. 2023г. Вып. XXVIII. С. 510-518.

Науменко В. Е., Алексеенко Н. А. Новая ранневизантийская печать из раскопок Мангупа-Дороса // XV Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 215-226.

Науменко В. Е., Ганцев В. К. Скальные виноградодавильни Мангупа-Дороса // ΕΤΟΣ ΙΕ ΙΝΔΙΚΤΙΩΝΟΣ Α. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ ΡΩΜΑΙΩΝ. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 3. Сборник научных трудов / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 65-116

Науменко В. Е., Герцен А. Г. Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца. Проблемы атрибуции и интерпретации // АДСВ. 2021. Т. 49. С. 97-114.

Науменко В. Е., Герцен А. Г. О времени строительства византийской крепости на Мангупе. Существуют ли основания для возобновления дискуссии? // Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus... тез докл. XXIII-й Всероссийской сессии византинистов РФ / отв. ред. С. П. Карпов, ред. кол. М. В. Грацианский, В. В. Майко. Симферополь: АРИАЛ, 2022а. С. 126-130.

Науменко В. Е., Герцен А. Г. Основные итоги археологического изучения Мангупского княжеского дворца // I Солхатские чтения «Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма»: сборник научных трудов конференции / ред.-сост. Э. И. Сейдалиев, Р. Р. Кадыров. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022б. С. 45-53.

Науменко В. Е., Герцен А. Г., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища. Основные результаты исследований 2006-2019 гг. // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: Издательство СГСПУ, 2020. Т. II. С. 257-259.

Науменко В. Е., Герцен А. Г., Иожица Д. В. Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы истории // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 255-281.

Науменко В. Е., Душенко А. А. К истории археологического изучения Мангупа. Раскопки Р. Х. Лепера в 1912-1914 гг. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа) // XVII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь: ООО «Солорич», 2016. С. 313-324.

Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н Южного участка комплекса (по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современные археологические исследования) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187-238.

Науменко В. Е., Душенко А. А. Предметы вооружения из раскопок княжеского дворца Мангупского городища (предварительный обзор коллекции) // XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: ООО «Колорит», 2019. С. 159-168.

Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К. Историческая топография Мангупа феминого периода. Новые материалы археологических исследований // XIV Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 165-178.

Науменко В. Е., Максимова Н. М., Наухацкий И. А. Исследования нового энколпиона из раскопок Мангупского городища археологическими и естественнонаучными методами // Геоархеология и археологическая минералогия: материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием имени В. В. Зайкова. Миасс: Челябинск: Издательство ЮУрГГПУ, 2020. С. 202-206.

Науменко В. Е., Набоков А. И. Детали костюма ранневизантийского времени из раскопок Мангупского дворца // XIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 201-210.

Науменко В. Е., Набоков А. И., Якушечкин А. В. Неопубликованные нумизматические материалы из раскопок раннесредневековых некрополей Мангупа: могильники Южный I, Южный II и Адым-Чокрак // «ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка. VIII Международный Нумизматический Симпозиум: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 163-172.

Науменко В. Е., Якушечкин А. В. О новом типе серебряной монеты генуэзской колонии Каффы. По материалам раскопок Мангупского княжеского дворца // «ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка. VII Международный Нумизматический Симпозиум: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 153-158.

Науменко В. Е., Якушечкин А. В. Византийские монеты из раскопок Мангупского дворца. Общий обзор коллекции // «ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка. IX Международный Нумизматический Симпозиум: материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 167-182.

Пашкевич Г. А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины: *каталог*. Киев: ИА НАНУ, 1991. Ч. 1-4.

Пашкевич Г. А. Земледелие в Степи и Лесостепи Восточной Европы в неолите – бронзовом веке (палеоэтноботанические свидетельства) // *Stratum plus*. 2000. №2. С. 404-418.

Пашкевич Г. А. Палеоэтноботанические исследования Ольвии и ее окружи // *Stratum plus*. 2005. №3. С. 13-76.

Растениеводство: учебное пособие / под ред. П.П. Вавилова. М.: Агропромиздат, 1986. 512 с.

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 1995. 169 с.

Румянцева О. С., Мاستыкова А. В., Науменко В. Е. Оконное стекло Мангупа и Горзувит: данные о химическом составе, происхождении и хронологии в историко-культурном контексте // *Stratum plus*. 2023. №5. С. 383-402

Румянцева О. С., Хайрединова Э. А., Исмагулов А. М., Сайфутяров Р. Р., Волков П. А., Науменко В. Е., Терещенко Е. Ю. Оконное стекло из средневековых памятников Юго-Западного Крыма: состав, происхождение, этапы распространения // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 259-291.

Сейдалиева Д. Э. Импортная глазурованная керамика золотоордынского периода из раскопок Солхатского городища и памятников его ближайшей окружи (по материалам исследований 1978-2019 гг.) // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 359-390.

Сейдалиева Д. Э. Производство глазурованной посуды на городище Солхат и его округе в золотоордынский период (по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа) // БИ. 2021. Вып. LXII. С. 150-205.

Сейдалиева Д. Э. Сфероконические сосуды золотоордынского времени из раскопок Солхата и ближайшей окружи // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 397-419.

Смокотина А. В. Амфоры позднееримского и ранневизантийского времени // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. III: Археологические комплексы второй половины III-VII вв. Симферополь; Керчь, 2020. С. 509-618 (*Bosporos Studies. Supplementum*).

Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л.: Наука, 1983. 176 с.

Соколова И. В. О некоторых критериях датировки орлов на византийских печатях VI – первой половины VIII вв. // Нумизматический сборник: к 80-летию В. М. Потина. СПб., 1998. С. 301–310.

Степанова Е. В. Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистических и нумизматических памятников // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 76-84.

Столетова Е. А. Полба – эммер. *Triticum dicoccum* Shrank // Труды по прикладной ботанике и селекции. М., 1924–1925. Т. 14. Вып. 1.

Суров Е. Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 96-99.

Тесленко И. Б. Поливная керамика Крыма XV в. (местное производство до турецкого времени). Часть I. Типология, распространение, происхождение // Древности-2010. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: ХИАО, ООО «НТМТ», 2010. Вып. 9. С. 216-234.

Тесленко И. Б. Поливная керамика Крыма XV в. (местное производство до турецкого времени). Часть II. Хронология // Древности-2012. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: ХИАО, ООО «НТМТ», 2012. Вып. 11. С. 223-236.

Тесленко И. Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV-XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // ИАКр. 2014. Вып. I. С. 495-511, 542-560.

Тесленко И. Б. Одна из групп неполивной керамики Крыма XV в.: хронология и эволюция // ИАКр. 2015. Вып. II. С. 428-436.

Тесленко И. Б. Керамика Фуны «золотоордынского времени» (анализ материалов из комплексов, предшествующих строительству феодоритской крепости) // ИАКр. 2016а. Вып. IV. С. 132-157.

Тесленко И. Б. Поливная керамика Крыма от эпохи Золотой Орды и генуэзской колонизации до османских завоеваний: 120 лет исследований (историографический очерк) // МАИАСК. 2016б. Вып. 8. С. 192-260.

Тесленко И. Б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште // МАИЭТ. 2018а. Вып. XXIII. С. 459-498.

Тесленко И. Б. Виробництво полив'яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. Київ, 2018б. Вип. 4(29). С. 7-83.

Тесленко И. Б. Керамічні комплекси третьої чверті XV ст. замку Фуна: начиння «гарнізонної кухні» // Археологія і давня історія України. Київ, 2020а. Вип. 1(34). С. 31-67.

Тесленко И. Б. Візантійський полив'яний посуд XIII ст. в Криму (короткий огляд) // Археологія і давня історія України. Київ, 2020б. Вип. 2(35). С. 395-404.

Тесленко И. Б. Керамика Крыма XV в. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2021. 308 с.

Тесленко И. Б., Майко В. В. Испанская керамика с росписью кобальтом и люстром из раскопок в Судак // ИАКр. 2019. Вып. X в. С. 279-310.

Тесленко И. Б., Майко В. В. Керамический комплекс позднесредневековых усадеб в портовой части Судака (по материалам раскопа VI, 2006-2010 гг.) // ИАКр. 2020. Вып. XII. С. 291-332.

Тесленко И. Б., Паршина Е. А., Александрова И. А. Крымская поливная керамика XIV-XV вв. из раскопок в Партените (1985-1988 гг.) // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 312-334.

Тесленко И. Б., Сейдалиева Д. Э. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII – начала XV вв. // Материалы по истории и археологии средневекового Крыма. Крымский юрт Золотой Орды. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 85-105.

Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА №34: Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. С. 319-333.

Туганаев В. В. Агрофитоценозы современного земледелия и их история. М.: Наука, 1984. 86 с.

Ушаков С. В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох. Опыт реконструкции. Донецк, 2010. 180 с. (Археологический альманах, №23).

Хайдаров Т. Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах

(конец XIII – первая половина XV вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 304 с.

Хайрединова Э. А. Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. 2008. Вып XIV. С. 161-183.

Чореф М. М. О «новом типе серебряной монеты» чекана генуэзской Каффы с изображением всадника на аверсе // Материалы и исследования по истории России: сборник статей. Нижневартовск: Киммерия, 2021. Вып. 15. С. 56-59.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / перевод и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2008. 272 с.

Якобсон А. Л. Дворец // МИА №34: Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. С. 390-418.

Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.

Янушевич З. В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев: Штиинца, 1976. 215 с.

Antipenko A. V., Nauhatsky I. A., Maksimova E. M., Smekalova T. N., Naumenko V. E. XRF Analysis of Elemental Composition of Archaeological Coins from Mangup, Crimea // Minerals: Structure, Properties, Methods of Investigation / eds. Votyakov S., Kiseleva D., Grokhovsky V., Shchapova Y. Miass: Springer, 2020. P. 19-25.

Bermann J., Schneider K., Gercen A., Černýš S., Maćzynska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmittelalterlichen gräberfelder von Adym-Cokrak, Juznyj I und Juznyj II am fusse des Mangup. Mainz: Verlag des RGZM, 2013. 98 s. (Monografien des RGZM, Bd. 108).

Gelichi S., Negrelli C. Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age. 2008. T. 120/2. P. 307-326.

Hayes J. W. Excavations at Saraçhane in İstanbul. Vol. 2: The Pottery. Princeton, 1992. 455 p.

Kassab Tezgör D. Typologie des amphores Sinopeennes entre le II-III et le VI s. ap. J.-C. // Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope / ed. D. Kassab Tezgör. Paris, 2009. P. 121-140.

Keay S. J. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. A Typology and Economic Study: the Catalan Evidence. Oxford, 1984 (BAR International Series, Vol. 196, i).

Maćzynska M., Gercen A., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bermann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuße des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM, 2016. 205 s. (Monografien des RGZM, Bd. 115).

Haldon J. F. Byzantine Praetorians. An administrative, institutional and social survey of the Opsikion and Tagmata, c. 580–900. Bonn, 1984. 669 p.

Jashemski W. Produce Gardens // Gardens of the Roman Empire / Eds. Jashemski W., Gleason K., Hartswick K., Malek A.-A. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 121-151.

Jones A.H.M. The Later Roman Empire. 284–602. Baltimore, 1986. Vol. I. 766 p.

Mercati S. Διήγεσις τῆς πόλεως Θεοδώρου. Versi di Matteo Ieromonaco // Mercati S. G. Collectanea Byzantina. Roma: Dedalo Libri, 1970. Vol. I. P. 385-396.

Perrino P., Laghetti G., D'Antuono L.F., Ajlouni M.Al., Kanbertay M., Szabo A.T., Hammer K. Ecogeographical distribution of hulled wheat species // Hulled Wheats. Proceedings of the First International Workshop on Hulled wheats / Eds. Padulosi S., Hammer K., Heller J. Rome, 1996. P. 102-120.

Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (V-VII siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005. 329 p.

Poulou N. Transport Amphoras and Trade in the Aegean from the 7th to the 9th Century AD: Containers for Wine or Olive Oil? // *Byzantina*. 2018. T. 35. P. 195-216.

Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport vessels and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th C. AD. Preliminary results of the EU Funded «Pythagoras II» Project: the Cretan case study // *Late Roman Coarse Wares 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Vol. I* / Eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford, 2014. P. 873-883.

Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice // *Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Economic Life at Berenice*. Tripoli, 1979. Vol. II. P. 91-465.

Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz, 2009. Teil I: Die Schnallen ohne mit laschenbechläg und mit festem beschläg des 5. bis 7. Scharnierbeschläg und die Schnallen mit angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. 268 s.; Teil II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. 408 s.

Sear D. R. *Byzantine Coins and Their Values*. London, 1987. 526 p.

Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

Vnukov S. Yu. «Colchean» Amphorae from Abkhazia // *PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes of the International Round Table held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26-30, 2007* / ed. by Ch. Tzochev, T. Stoyanov and A. Bozkova. Sofia, 2011. P. 271-278.

Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide*. Bijleveld: Parnassus Press, 2005. 223 p.

Vroom J. *Ceramics // The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks* / ed. by Ph. Niewöhner. Oxford, 2017a. P. 176–193.

Vroom J. *The Byzantine Web. Pottery and Connectivity between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean // Adriatico altomedievale (VI-XI secolo). Scambi, porti, produzioni* / eds. S. Gelichi, C. Negrelli. Venice, 20176. P. 285-310.

Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972. Vol. I. Part 1–3. 1965 p.

Zohary D., Hopf M. *Domestication of plants in the Old World. The origin and spread of cultivated plants in the West Asia, Europe and the Nile Valley*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2000. 316 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ** – Античная древность и средние века
- АО** – Археологические открытия
- БИ** – Боспорские исследования
- БИКАМЗ** – Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
- ВДИ** – Вопросы древней истории
- ВИА** – Всеобщая история архитектуры
- ГЭ** – Государственный Эрмитаж
- Зеест-60** – Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. №83. 180 с.
- ЗО** – Золотоордынское обозрение
- ИАК** – Известия Императорской Археологической Комиссии
- ИАКр.** – История и археология Крыма
- ИИМК** – Институт истории материальной культуры
- ИТУАК** – Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии
- К.о.** – коллекционная опись
- КСИА** – Краткие сообщения Института археологии
- МАИАСК** – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
- МАИЭТ** – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР
- МК** – Мангуп-Кале
- НА ИАКр РАН** – Научный архив Института археологии Крыма РАН
- НАО ГМЗ ХТ** – Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»
- НОА ИА РАН** – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
- ОАК** – Отчеты Императорской Археологической Комиссии
- ПА** – Поволжская археология
- П.о.** – полевая опись
- РА** – Российская археология
- СА** – Советская археология
- САИ** – Свод археологических источников
- СВ** – Средние века
- ТГЭ** – Труды Государственного Эрмитажа
- ХК-71** - Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Т. 7. С. 81-107.
- ХК-95** – Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 1995. 169 с.
- ХСб.** – Херсонесский сборник
- IOSPE V** – Виноградов А. Ю. Византийские надписи Северного Причерноморья // *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. London, 2015. Vol. V (Режим доступа: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>).
- Kassab Tezgör, 2009** – Kassab Tezgör D. Typologie des amphores Sinopeennes entre le II-III et le VI s. ap. J.-C. // *Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope* / ed. D. Kassab Tezgör. Paris, 2009. P. 121-140.
- LRA** – Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice // *Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice)*. Economic Life at Berenice. Tripoli, 1979. Vol. II. P. 91-465.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

НАУМЕНКО Валерий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, и.о. декана исторического факультета, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия», ведущий научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» Научно-исследовательского центра истории и археологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

E-mail: byzance@rambler.ru; Researcher ID: W-7627-2018; Scopus ID: 57214230180.

ГЕРЦЕН Александр Германович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедры археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

E-mail: gertsenag@yandex.ru; Resercher ID: AAU-9228-2020; Scopus ID: 57206729509.

ДУШЕНКО Антон Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

E-mail: tnu.dushenko@mail.ru; Researcher ID: N-6345-2019.

Научное издание

ТРУДЫ МАНГУПСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ **ТОМ I**

Науменко Валерий Евгеньевич
Герцен Александр Германович
Душенко Антон Анатольевич

**ДВОРЦОВЫЙ КОМПЛЕКС
МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА:
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ,
СТРАТИГРАФИЯ,
ХРОНОЛОГИЯ**

Художественный и технический
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. Н. Гладкая*

Подписано в печать 07.11.2023
Выход в свет 30.11.23
Формат 60×84 1/8
Усл. печ. л. 58,13
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-6050389-7-9

9 785605 038979 >

Типография ООО «Типография Мандарин»
295001, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Коммунальная, д. 33, помещ. 1
Тел.: +7 978 758-28-31, e-mail: mandarin.print@mail.ru

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушка, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru